

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт лингвистических исследований
Костромской государственной университет
РОО «Костромское землячество в Москве»

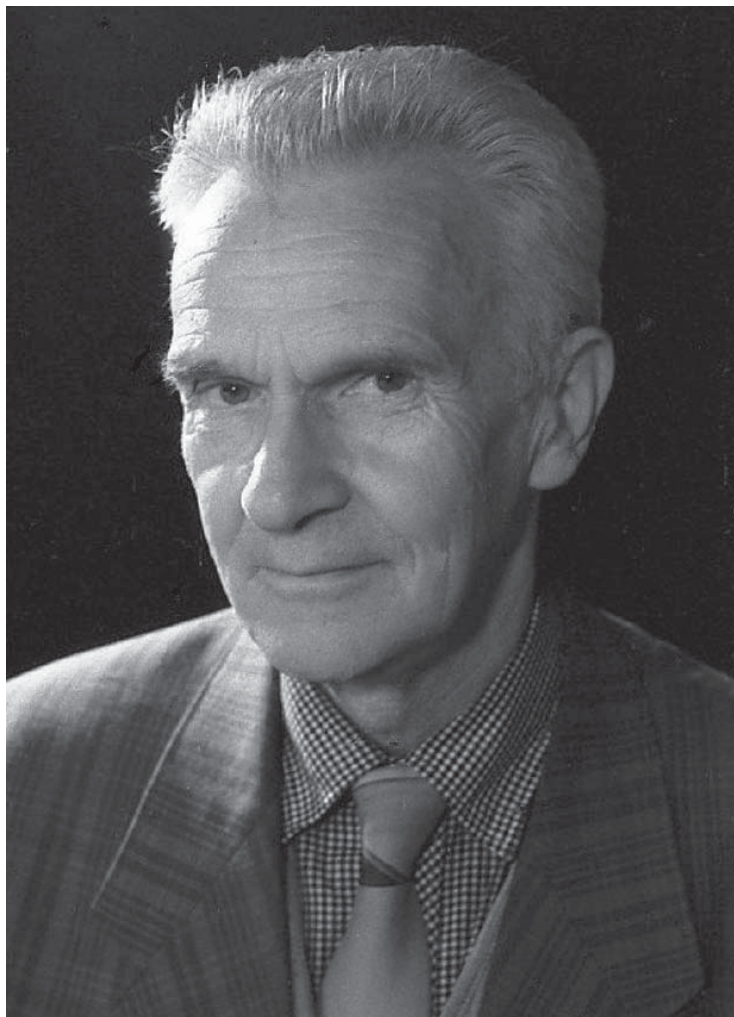
ГРОМОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Выпуск 3

ЖИВОЕ НАРОДНОЕ СЛОВО И КОСТРОМСКОЙ КРАЙ

Сборник материалов и исследований
международной научной конференции
Кострома, 7–9 ноября 2016 года

Кострома
КГУ
2016

А. С. Терд (1936–2016)

НА ЯЛИКЕ

На лодке крохотной, на ялике,
С одним поломанным веслом
Мы с другом Борькой, двое маленьких,
Ушли на озеро тайком.

Мечта заветная, завидна –
Уплыть туда, где рыбаки,
В село, едва отсюда видимое,
С чудным названием Быки.

И ветер лодочку покачивал,
И зайчик на воде блестел,
А вёрткий ялик поворачивал
Куда хотел, куда хотел...

Был долгий день. И только к вечеру
В тумане зачернел баркас
И рыбаки широкоплечие
Измокших подобрали нас.

Я всё ещё от солнца шурился,
Хоть было тихо и темно.
И вдалеке, на нашей улице,
Светилось мамино окно.

Яков Аким

*Книга издана при поддержке
ФОО «Костромское землячество в Москве»
и личном участии
Сергея Николаевича Самойлова*

ОТ РЕДАКТОРА

В данном сборнике представлены статьи, материалы и исследования авторов, принявших участие в Третьих Громовских чтениях. «Громовские» сборники традиционно носят мемориальный характер, в них имеют место статьи-посвящения выдающимся учёным избранного нами профиля исследования, а также любителям живого народного слова, краеведам и стихийным историкам языка и собственно сами краеведческие материалы.

Первые Громовские чтения состоялись вскоре после ухода из жизни А.В. Громова (1922–2012), учителя, полевика-диалектолога, имеющего заслуги перед отечественной наукой в области общего языкознания, региональной лексикологии и лексикографии, фольклористики, этнографии и др., жившего в Макарьевском и Мантуровском районах Костромской области.

В сборнике по итогам Вторых Громовских чтений воздаётся должное другому выдающемуся костромскому деятелю в области диалектологии и истории русского и других, славянских и неславянских, языков – Г.З. Шкляру. Эвакуированный из Минска Г.З. Шкляр, по сути дела, стал родоначальником систематического изучения костромских говоров, руководил собиранием материалов для создания Диалектологического атласа русского языка, заложил основы картотеки Костромского областного словаря, много сделал для грамотной работы в сфере регионального образования Костромской области в вузе и школе.

В период подготовки Третьих Громовских чтений произошла безвозвратная утрата для всего русского и мирового филологического сообщества: 2 мая 2016 г. не стало Александра Сергеевича Герда, известного советского и российского учёного, доктора филологических наук, почётного профессора СПбГУ. Он знал всех костромских диалектологов, и мы все знали его труды, работали под его руководством над созданием Лексического атласа русских народных говоров, и любили его. Нам казалось, как и всем людям, с ним соприкасавшимся, взаимно. Поэтому этот сборник, без изменения его традиционной громовской направленности, мы посвящаем также и памяти А.С. Герда. Он не нуждается в нашем представлении, его знают все. Просто хочется посвятить ему трогательное стихотворение нашего замечательного детского поэта из г. Галича Якова Акима «Ялик», послужившее эпиграфом

к нашему сборнику. Это как бы напоминание о части многогранной деятельности А.С. Герда в качестве главного редактора научно-информационного бюллетеня ЯЛИК («Язык. Литература. История. Культура») Санкт-Петербургского государственного университета. Номера этого журнала, нередко с его бесценными авторскими статьями-размышлениями о судьбах лингвистики в наше время, он с написанным собственной рукою моим адресом посылал костромским диалектологам. И этот ЯЛИК с программными статьями А.С. Герда был для нас путеводной звездой в нашем противоречивом мире, как лодочка-ялик для мальчика из стихотворения Я. Акима.

Хочется привести размышления А.С. Герда о форме представления лингвистического материала и о жанрах научного творчества, высказанные им по поводу особенностей оформления научного материала Борисом Леонидовичем Богородским: «Современная российская гуманитарная наука, и в особенности история и филология, больны тяжёлой и трудноизлечимой болезнью – гипотетикой, проявляющейся в бесконечных и бездоказательных домыслах и фантазиях на ту или иную тему и, прежде всего, в размышлениях о том, что думали, как поступали и что делали наши далёкие предки.

Каждое же слово, каждое значение стоят у Бориса Леонидовича неколебимо на твёрдом фундаменте языковых и исторических фактов. <...> Каждый очерк Бориса Леонидовича – это небольшое художественное научное произведение. Да, сегодня в эпоху формализации и всеобщей компьютеризации взаимодействия такой жанр научно-художественных эссе уже уходит в прошлое и современный научный текст эволюционирует другими путями...»*.

В настоящем сборнике мы уделили особое внимание презентации региональных фактов русского языка, которые содержатся в текстовых записях краеведов, их архивных и иных находках, а также специально сконструированных произведениях типа сказов знатоков народного слова, концентрированно представляющих диалектно-этнографические приметы той или иной местности, создав специальный раздел «Материалы и исследования краеведов и о краеведах. Народные рассказы, экспедиционные

* Герд А.С. Несколько слов благодарной памяти // Богородский Б.Л. Очерки по истории слов и словосочетаний русского языка. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. – С. 5, 7.

дневники». Методика работы с ареальными данными разного формата с диалектоносителями в поле (в том числе и в экспедициях) и иных условиях, использование разных источников этого материала, фольклорно-обрядовых и этнографических, историко-архивных, художественной литературы и др., также нашли место в этом разделе. Всё это делается нами, чтобы поднять престиж диалектов и привлечь внимание общественности к диалектологии – важному общественному феномену, экологически значимой составляющей русской культуры.

В связи с этим считаем нужным привести слова одного из авторов нашего сборника – С.Н. Богобоязова, давшего справедливую оценку феномена диалектов в нашем современном мире: «Культурное наследие народа составляют материальные и духовные достижения различной давности, переходящие к новым поколениям в новые эпохи. К ним, бесспорно, относится язык и его различные разновидности. В нашей стране практически во всех сферах жизни культивируется только литературный русский язык. Хотя в Российской Федерации диалекты по закону тоже являются культурной ценностью, жизнь показывает, что носители диалекта часто становятся объектами насмешек, а поэтому стараются избегать говорить на диалекте. Проектов, направленных на воспитание уважительного отношения к диалектам и на их сохранение, практически нет. Статус диалектной лексики в российских городах и деревнях довольно низкий, поэтому диалекты русского языка быстро исчезают, оставляя за собой лишь незначительные элементы, не позволяющие судить о говоре как диалекте».

В сборнике представлены статьи 95 авторов из академических учреждений России и столичных университетов – Москвы, Санкт-Петербурга, вузов запада и юга России – Вологограда, Махачкалы, Орла, Петрозаводска, Пскова, Смоленска, Ставрополя, Твери, центра, севера и востока РФ – Вологды, Екатеринбурга, Ижевска, Иванова, Кирова, Костромы, Оренбурга, Пензы, Перми, Самары, Саранска, Сыктывкара, Ульяновска, Уфы, Шуи, Ярославля и статьи зарубежных лингвистов – из Белоруссии, Украины, Приднестровья, Польши, Израиля. Наибольшее количество статей сборника принадлежит костромичам и тем авторам центра и севера России, с которыми на протяжении многих лет в силу территориальной близости и иных причин сотрудничают костромские диалектологи: Вологды, Иванова, Петрозаводска,

Шуи, Ярославля. Надо отметить активное участие в этом и предыдущих сборниках московских и петербургских, екатеринбургских, тверских и смоленских исследователей.

Традиционными направлениями Громовских чтений остаются связь общих проблем языкознания и ареалогии; типологические качества диалектов в разных языках, родственных и неродственных; изучение социальных и территориальных диалектов, оппозиция диалектов и литературного языка; изучение диалектов на разных уровнях их функционирования; связь диалектов и народной духовной культуры, фольклора, в том числе и музыкального; проблемы изучения ремесленной и профессиональной лексики; вопросы дериватологии, интерференция русского и иных языков в диалектной сфере; ономастикон русского и иных языков в разных аспектах и проявлениях; проблемы диалектной лексикографии и лингвогеографии и др.

Искренне благодарим коллектив Словарного отдела ИЛИ РАН за постоянную поддержку этого мероприятия, за совместное участие в нём в качестве авторов, редакторов и рецензентов. Особую признательность выражаем инициировавшему Громовские чтения и выпуск сборников конференций заведующему Словарным отделом ИЛИ РАН, доктору филологических наук, профессору Сергею Алексеевичу Мызникову, связанному с костромскими диалектологами многолетним профессиональным сотрудничеством и дружескими отношениями, лично знавшему и ценившему А.В. Громова.

Особые слова благодарности хочется высказать РОО «Костромское землячество в Москве», и прежде всего Александру Сергеевичу Шмагельскому, Сергею Николаевичу Самойлову, Марине Сергеевне Шibaевой, поддерживающим наши проекты и уже не первый раз оказывающим содействие в издании книг, столь нужных для всех почитателей живого народного слова.

*Н.С. Ганцовская,
доктор филологических наук, профессор*

*ОБЩИЕ ВОПРОСЫ
ДИАЛЕКТОЛОГИИ*

ОБРАЗНАЯ ОСНОВА СОСТАВНЫХ НАИМЕНОВАНИЙ В РЕЖСКОМ ГОВОРЕ*

Статья посвящена составным наименованиям в говоре одного сельского поселения Вологодской области. Обсуждается лингвистический статус расчленённых номинаций, описываются особенности функционирования составных наименований в народной речи, демонстрируется значимость их исследования в культурологическом аспекте. Анализ внутренней формы этих языковых единиц позволяет показать специфику восприятия окружающего мира диалектным социумом.

Ключевые слова: диалектная лексика; составные наименования; мотивированность; внутренняя форма языковой единицы.

Предметом описания в статье является образный план устойчивых наименований в говоре жителей Режи. Некогда топоним Режа служил для обозначения целого ряда деревень Сямженского района Вологодской области. В состав Режского поселения входило двенадцать населенных пунктов: деревни Бурниха, Вороново, Гридино, Колтыриха, Копылово, Коробицыно, Лукинская, Марково, Монастырская, Погорелец, Рассохино, Слободка. Ныне большинство из них опустело. Но благодаря диалектологическим экспедициям, бессменным руководителем и вдохновителем которых в течение нескольких десятилетий является проф. Л.Ю. Зорина, сохранились записи речи жителей Режи. В настоящее время картотека Словаря режского говора (далее КСРГ) является своеобразным хранилищем знаний об укладе жизни, традициях, нравственных устоях, правилах поведения режаков, что позволяет достаточно полно представить не только окружающий их предметный мир, но и духовную составляющую. Л.Ю. Зорина справедливо указывает на то, что «в быстро меняющемся современном мире северная русская деревня представляет собой уже “уходящую натуру”, стремительно осовременивается, необратимо трансформируется. Требуется в максимально короткие сроки осуществить всестороннее изучение и описание специфических черт жизни традиционной деревни в данной местности» [Зорина, 2015: 73].

Составные наименования (далее СН) широко используются в народной речи. Между тем статус этих языковых единиц пони-

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного гуманитарного фонда. Проект № 15-04-00205/15 «Режа и режаки: этнолингвистическое описание севернорусского идиома».

© Андреева Е.П., 2016

мается неоднозначно, границы между свободными словосочетаниями, СН и фразеологическими оборотами нередко оказываются размытыми. А.И. Фёдоров отмечает: «...не во всех случаях можно с уверенностью отграничивать устойчивые терминологические сочетания от собственно фразеологических. Вместе с тем такого рода диалектные словосочетания могут представить интерес не только для лингвистов, но и этнографов, краеведов, историков и т. д.» [Фёдоров, 1983: 3].

В данной статье рассматриваются расчлененные наименования предметов, явлений внеязыковой действительности, такие сочетания слов обозначают одно понятие и обладают определённой устойчивостью. Большая часть диалектных СН входит в состав сочетаний терминологического характера, что предполагает отсутствие у них коннотативных сем, яркого образа в структуре лексического значения. Тем не менее диахронический аспект свидетельствует о том, что в момент образования этих единиц большую роль играла образность. С.Н. Генералова считает: «Номинативная функция не исключает наличие образа, положенного в основу при создании сочетания (особенно хорошо это видно на историческом материале: см., напр., *дикое мясо* ‘нарост на долго не заживающих ранах’, *дорогое каменьё* ‘драгоценные камни’)» [Генералова, 2014: 110]. Данное утверждение справедливо и по отношению к диалектным СН: *мышья сósенка* ‘хвощ летний’, *травяная кобылка* ‘кузнечик’, *летячий огонь* ‘кожное заболевание (крапивница, экзема)’. Наряду с образными СН в статье приводятся устойчивые сочетания, возникшие в результате прямой номинации (*вёшняя вода*), исследуется мотивировочный признак, используемый при их образовании. Следует подчеркнуть, что анализ внутренней формы СН даёт возможность, с одной стороны, показать своеобразное отражение «вещного мира» в лексической системе говора, тем самым выявить особенности мировосприятия диалектоносителя. С другой стороны, такой подход обнаруживает продуктивные ономаσιологические модели, распространённые мотивационные признаки, лежащие в основе номинации, что способствует системному описанию языка диалекта.

Опираясь на материалы картотеки словаря режского говора, выделим отдельные ТГ и ЛСГ, в составе которых продуктивным является синтаксический способ номинации.

Названия растений. В качестве общего наименования для обозначения сорняков используется гипероним *дiкая трава*: Ой, *штё*

опять дикой травы́ наросло́, дак бедá! О продуктивности двучленных названий растений с определением *дикий* свидетельствуют данные СРНГ (СРНГ, 8: 57–62).

Другие СН с опорным компонентом *травá* являются гипонимами. В качестве мотивировочного признака может быть использована наиболее яркая с точки зрения диалектоносителя черта денотата, например запах: *душная травá* ‘растение с белым зонтичным пахучим соцветием, растущее в низинах, на влажных местах’: *В болóте-то я заболéла, от душной травы́-то. Её зову́т ду́шная травá. Её кладу́т в ямы́ от крото́в, от насеко́мых.* Продуктивным в процессе номинации растений является функциональный признак: *порéзная травá* ‘тысячелистник’, *споло́шная (споло́шисная) травá*, *золоту́шная травá* ‘лекарственная трава, которой лечат от различных болезней, в том числе от золотухи – сполохов’, *занóзная травá* ‘подорожник’. Диалектоносители подчеркивают наличие прозрачной внутренней формы таких фитонимов: *Когда порéжут, так порéзной травы́ нажуют и приклады́вают. Вот кровь и останóвится. Корбóсты бывáли у дете́й. Их зва́ли споло́хи. Да́к лечи́ли золоту́шную травой́ или споло́шной травой́ ещё зва́ли. Если занóза попаде́т да загниёт, да́к привя́зывают занóжную траву́ – подоро́жник.*

В составе анализируемой группы, как видим, наблюдаются варианты и синонимы-дублиеты. Приведем ещё один пример: для обозначения подорожника в режском говоре помимо СН *занозная травá* употребляется составной гипоним *вы́топошный лист (листо́к)*. В качестве определяемого компонента используется название части растения, прилагательное его конкретизирует, ведущим при этом является акциональный признак. Заметим, что в общенародном языке при наименовании данного растения используется локативный мотивировочный признак ‘место произрастания’, при образовании диалектного названия наблюдаются сходные ассоциации: близость к дороге предполагает опасность быть вытоптаным: *Травá-то по доро́гам – вы́топтошной листо́к у нас зва́ли.*

Метафорическую основу имеют такие фитонимы, как *конёвые дудки* ‘растение семейства зонтичных’, *кисья ла́пка, коша́чьи ла́пки* ‘цветок бессмертник’, *мыший горо́х* ‘растение семейства мотыльковых, горошек мышиный’, *мышья со́сенка* ‘хвощ летний’, *зая́чья кисли́ца* ‘растение кислица обыкновенная, заячья капуста’, *деви́чья красота́* ‘цветок полевая гвоздика’.

СН *собачьи губы* в большинстве вологодских говоров имеет значение ‘несъедобные грибы, поганки’. Анализируемое СН вступает в оппозицию с сочетанием *чистые губы*: *Уж наши-то, деревенские, никогда не спутают чистую губу с собачьей*. В-У. Мяк. *Чистые губы, дак рви да в корзину клади*. В-У. [СВГ, 1: 133]. Заметим, что слово *губа* в значении ‘гриб’ известно старорусскому языку [СлРЯ XI–XVII, 4: 151]. Значения компонентов *чистый* ‘съедобный’ и *собачий* ‘несъедобный, ядовитый’ развиваются в ходе семантической деривации, первоначально содержат коннотативные семы ‘образность’, ‘оценочность’, которые со временем затухают, о чём свидетельствуют материалы КСРГ: *Ещё мало грибов, одни собачьи губы, поганки*.

Наименование *маслѹха борováя* обозначает ‘разновидность маслят, растущих в хвойном лесу’. Диалектоносители характеризуют этот гриб таким образом: *Маслѹта двѳе сорт расту́т. Одѳн склѳзкий, а другѳой не склѳзкий, дак и зовѳут борováя маслѹха. Те и другѳие берѳут, онѳ обѳи съедѳбные*. Мотивация лексического значения у этого СН прямая, возникает за счет словообразовательных связей, что приводит к отсутствию образности.

Названия животных. Образную основу в режском говоре имеют названия мелких животных класса насекомых, паукообразных. Так, в результате метафорического переосмысления возникает СН *травяной кобылка* в значении ‘кузнечик’; заметим, что в процессе номинации насекомых используются знакомые образы: *Конѳек – ну, кузнѳчик по-ва́шему, у нас еишѳ травяной кобылкой зовут*. В результате ассоциаций возникает и наименование *кукушья вошь* в значении ‘клещ’: *Егѳ кукушья вошь укуси́ла, вѳвремя не успѳли ничѳго сде́лать, дак заболѳл, егѳ всегѳ стянѳло. Кукушья вошь в лесѳ попаде́тся, она́ вопьѳтся за ухом, дак настѳлько бо́льно, а потѳм уколѳ де́лают*.

Лексика неживой природы. Обратим внимание на отдельные СН с общим компонентом *вода*. При образовании СН *вѳшняя вода* ‘вода, разлившаяся после вскрытия реки весной’ был использован темпоральный признак: *Вѳшна вода-то весной быва́ет, когда река большѳя. Вѳшна-то вода стоѳит, дак стра́шно к реке подходи́ть. Вот до чегѳ розли́лась!* Образное восприятие мира отражается в СН *спѳрная вода* ‘вода в месте слияния двух рек (считалось, что эта вода обладает целебными свойствами, в ней мыли детей)’. Внутренняя форма наименования актуализируется в контексте: *Спѳрная вода, когда река́ с рекой спѳрѳят, котѳрая перебо́жет*.

В основе наименования *верховья вода* ‘вода в верхних слоях грунта’ лежит локативный мотивировочный признак.

В составе наименования *ключевое место* ‘место, где бьет родник, ключ’ определение уточняет грамматически опорный компонент с общим пространственным значением: *Если из земли вода бьет, это ключевое место, не замерзает.*

Интерес представляет внутренняя форма словосочетания с аппозитивными отношениями *песок-жорун* ‘крупный желтый песок’; почва, содержащая такой песок, была неплодородной, он «пожирал» удобрения: *Посажена картошка тут, а земля-то худая, один песок-жорун.* В XIX в. П.А. Загорский, характеризуя подобные вологодские земли, писал: «Подпочву их составляют пески, перемытые, кварцевые – “жоруны”, как их называют крестьяне, характеризуя этим словом способность этих песков чрезвычайно быстро уничтожать положенный в них навоз» [Загорский, 1885: 29].

Метеорологическая лексика представлена прежде всего номинациями дождя. *Грибовный дождь* ‘дождь при солнце, не закрытом облаками; грибной дождь’ строится по общерусской ономаσιологической модели. Мотивационное значение этого наименования обусловлено наблюдением крестьян, что после мелкого, теплого дождика, идущего при свете солнца, хорошо растут грибы. Прозрачна внутренняя форма метафорического характера у СН *дождь с горы* ‘о непрерывном обильном дожде’: *Нынче, видно, всё лето будет дождь с горы и сена не накопит хорбшего.* Значение устойчивого сочетания *перевальный дождь* ‘кратковременный проливной дождь’ мотивировано семантикой диалектного слова *перевала* ‘большая дождевая туча; грозовая туча’: *Это морозга идёт. Пошла морозга, дак как сито – уж весь день морозит. А вот пошёл перевальный дождж – пошёл, прогремело, вылило за пять минут. Временный дак перевальный.*

В составе семантической сферы «Человек» выделяется лексика, характеризующая общественный статус людей. Ряд СН обозначает немолодых людей, не вступавших в брачные отношения. Применительно к женщине используется наименование *застарелая девка*, по отношению к мужчине – *старый отрок (парень)*: *А не вышла взамуж, дак скажут: эта девка застарелая, дак не берёт никто. А про парня скажут: старой парень. Борис-то тоже старой парень, не жанивался.* Факты режского говора подтверждают вывод М.А. Агаповой, И.В. Толкачёвой: «Самым распространённым

(в том числе и территориально) признаком, положенным в основу наименования старой девы, оказывается временной признак, т. е. маркируется отклонения от возраста, благоприятного для выхода замуж» [Агапова, Толкачёва, 2015: 10]. Это утверждение справедливо и по отношению к мужчине. Контекст так же, как и мотивационные связи, подчеркивает скрытое отрицательное отношение к незамужним или холостым людям определённого возраста, усиливает коннотацию и оксюморонный характер приведённых СН (см. *старый отрок*). Наименование *жило́й челове́к* относится к старому, но ещё энергичному человеку: *Она́ жило́й челове́к-от. Во́семьдесят пя́той год, а идёт, дак бадо́г у неё аж сви́щет.*

С характеристикой физического состояния человека связаны названия болезней. Приведём СН *летя́чий ого́нь* ‘кожное заболевание (крапивница, экзема)’. Яркий метафорический образ, положенный в основу номинации, в обычном употреблении оказывается стёртым, образность погашая: *Быва́л и летя́чий ого́нь. Ко́жное это.*

Интерес представляют и устойчивые обороты терминологического характера, номинирующие «вещный» мир человека, предметы, созданные им.

Лексика строительства. СН с компонентом *дом, изба* характеризуют само строение. Определение в таких сочетаниях обозначает его отличительный признак. Так, СН *верше́ный дом* ‘дом с крышей на два ската’ обозначает распространённый для Севера тип крестьянской избы. Ему противопоставлено наименование *комо́лый дом* ‘дом не с двускатной, а с четырёхскатной (вальмовой) или односкатной крышей’: *Какой дом комо́лый построен, некрасивый, на все стороны скаты.* Как видим, в режском говоре у прилагательного *комо́лый* происходит развитие значения явно оценочного характера. СРНГ отмечает в говорах Поволжья и Урала близкое значение: ‘имеющий незаконченный вид; недостроенный (о здании)’ [СРНГ, 14: 235].

Употребление в речи режаков СН *изба́ по-чёрному, чёрная изба́* ‘изба с печью без дымохода’ свидетельствуют о том, что ещё в XX в. в вологодских деревнях сохранялись образцы древнего северного дома, курной избы: *А вот гляди́те: эта-то изба́ чёрная, она́ изнутри-то вся как есть в са́же, тру́бы нет, дым-от и идёт со всех щеле́й. Да ра́ньше в таки́х чёрных изба́х и жи́ли. А что? Тепло́, то́лько ча́дно. Ча́д в изба́у шёл, дак двéри откря́ют, чтоб он в сéни выходи́л.* Внутренняя форма зафиксированных наименований прозрачна. А.В. Ополовников так описывает этот тип избы:

«... выше человеческого роста – чернота. Это закопчённые верхние венцы сруба и потолка, отливающие синевой как вороново крыло. Дым, расстилаясь по потолку, опускался до определённого уровня, и граница между чистой и закопчённой стеной оставалась в пределах лишь одного-двух венцов» [Ополовников, 1989: 39].

Ряд СН с компонентом *угол* обозначает внутреннее устройство крестьянского дома, его зонирование. Значение СН *сѹтний* (*сѹтний, сѹточный*) *ѹгол* мотивировано существительным *сутки* ‘передний угол в избе, в котором находились иконы и стол, куда сажали почетных гостей’: *Сѹтний ѹгол – дак там божѹнка былѹ, у когѹ икѹны стояли, у когѹ что. Женихѹ и невестѹ сѹдят в сѹтний ѹгол. Покѹйник умрѹт, дак не в какѹй ѹгол не вѹлят, тѹлько в сѹтошный*. В основе наименования *подпорѹжный ѹгол* ‘пространство в доме, находящееся у его порога’ также лежит локативный признак: *А рѹдам с порѹгом подпорѹжной ѹгол*.

Метафорическую основу имеет СН *вольная рама* ‘внешняя, наружная оконная рама’: *Двѹи рѹмы: однѹ зѹмная, другѹя вѹльная рѹма*.

Выделяются гипонимы с компонентом *бревнѹ*. Важную информацию культурологического характера несут такие устойчивые наименования, как *закладнѹе бревнѹ* ‘первое бревно, которое кладѹтся на фундамент и под которое по обычаю кладут заклад – монеты, железную вещь и т. п.’, *черепѹвѹе бревнѹ* ‘бревно в верхнем венце сруба, на которое укладывали потолочные балки’, *княчкѹвое бревнѹ* (*слѹга*) ‘продольное бревно, к которому прикрепляются верхние концы досок крыши’. Значение этих СН мотивировано семантикой производящих существительных: общерусского *заклѹд*, диалектных *череп* ‘перекрытие в верхней части здания, потолок’ и *княчѹк* ‘гребень двускатной крыши’. Иллюстративный материал свидетельствует о существующей традиции отмечать самые важные этапы в строительстве дома: *Закладнѹе бревнѹ полѹжат – закладнѹе пѹют, кнечкѹвое – кнечкѹвую прѹзднѹют, и мѹтѹцу дак пѹют*.

Используются устойчивые наименования и при обозначении частей русской печи. Так, СН *прямѹе гнездѹ* имеет значение ‘сплошное деревянное основание русской печи без отверстия под шестком’. Первоначально в процессе номинации была использована метафора, со временем образность затухает: *В подиѹсток цѹгѹнѹ мѹжно пехнѹть, а бывѹет и прямѹе гнездѹ, без подиѹстка*.

Компонент СН *вѹрѹта* конкретизируется при помощи определений: *двѹрнѹе вѹрѹта* ‘ворота, ведущие в нежилую часть крестьянского дома, где содержится скот’, *повѹтные вѹрѹта*

‘ворота, ведущие на повесть’: *В повѣстные ворѣта сѣно-то и подаѣют, а через дворнѣе попадаѣют к скотѣ*. В свою очередь словообразовательные варианты СН *конѣвья* (*конѣвья, конѣвня*) *дирá* имеют значение ‘четырёхугольное отверстие в полу повести для подачи сена лошадям’: *Конѣвьи дыры закрывáются ставкáми, в них опускаѣют сѣно в ясли, через неѣ конѣм сѣно заклáдывают. Это конѣвья дирá: внизу ясли, через неѣ конѣм сѣно заклáдывали. У меня тут две конѣвние дыры, под ними в хлеву́ как раз корму́шки для скотá бы́ли*.

О том, что синтаксический способ номинации позволяет точно описать реалию, свидетельствует и такое обозначение, как *седа-ло куричье* ‘насед для куриц’: *Вон, в подклѣте и седало кúричье есть. Там и кúрицы, и пету́х*.

Примыкают к лексике строительства СН, обозначающие различные виды изгороди. Основное значение лексемы *огорбд* в вологодских говорах – ‘изгородь, ограда’; жители Режи отмечают: «*Огорбды рáзные бывáют*» [СВГ, 7: 23]. Данные словарей свидетельствуют о том, что разновидности изгородей в севернорусских деревнях нередко обозначались при помощи определений. Например, в вологодских говорах фиксируется СН *косбй* (*косовбй*) *огорбд* ‘изгородь из жердей, расположенных наклонно’ [СВГ, 4: 110], в соликамских говорах соответственно употребляется сочетание *прямбй огорбд* ‘изгородь из горизонтально положенных жердей’ [СРНГ, 22: 345]. В режском же говоре используется СН *чистовбй огорбд* ‘изгородь, в которой горизонтальные жерди прочно закрепляются между кольями с помощью гибких прутьев’: *К осекáм ходили, осекá городя́ще не настоя́шим огорбдом: ста́вят перетьки крестом, мно́го перетьк. Это уж ёсли чистовбй огорбд, дак там уж переви́чка бы́ла. За переви́цу кладу́т жердь, о́пять сно́ва запереви́чивают и о́пять же́рди ло́жат*. В литературном языке слово *чистой* имеет производное значение ‘тщательный, аккуратный, хорошо сделанный, с хорошей отделкой’ [Ожегов: 723]. В говоре Режи у этого прилагательного актуализируются семы ‘сделанный’, ‘прочно’, ‘надежно’.

Как видим, для лексики строительного дела характерна высокая детализация понятий. СН, как правило, имеют мотивированное значение, прозрачную внутреннюю форму.

Названия орудий труда. Приведём двучленные наименования орудий труда. Синтаксический способ номинации представляется продуктивным, когда необходимо описать разновидности одной

реалии. В словарных дефинициях общерусского слова *вилы* указывается различное назначение этого орудия труда: для подъема и разбрасывания *сена*, соломы и т. п. [БАС, 2: 572], для подъема и переноса *сена*, соломы, навоза и т. п. [Ушаков, 1: 294]. В режском говоре функции реалии отражаются в двусловных наименованиях *сенные вилы* ‘деревянные вилы с тремя зубьями, предназначенные для уборки сена’, *навозные вилы* ‘железные вилы с четырьмя зубьями, предназначенные для подъема, переноса и разбрасывания навоза’: *Сенные вилы – сено метают. Бывают сенные вилы о три сука, а навозные о четыре.*

В основе наименований прялок, приспособлений для прядения ниток, использовался такой мотивировочный признак, как способ изготовления. *Пряслица целиковая* изготавливалась из целого куска дерева, взятого вместе с корнем, *пряслица-долбленка* состояла из двух скрепленных под прямым углом деревянных частей; в горизонтальной части её (*копыле*), выдалбливалось отверстие, в него под прямым углом вставлялась вертикальная часть (*перо*), к которой прикреплялась шерсть, кудель (*борода*): *Пряслицы разные бывали – целиковые и долбленки. Целиковая – дак уж выбирали дерево, чтобы из ствола и из корня делать. А долбленка-то – этой напарьей дёрку делают и ствол вставят.*

В составе ТГ названия домашней утвари отметим СН, обозначающие разновидности корзин: *корешковая корзина* ‘большая плетённая из корешков сосны корзина с крышкой, предназначенная для хранения одежды, белья’, *гумённый кузов* ‘большая заплечная корзина для переноски сена, травы, соломы и др.’. Внутренняя форма этих названий прозрачна.

На назначение реалии указывают двусловные наименования *квашённая лопатка* ‘деревянная лопатка для выкладывания густого теста из квашни’, *колбательная (колодельная) палка* ‘валёк для выколачивания белья при полоскании’, *кринка пирожная* ‘кринка для приготовления теста’.

СН *палка-рубцеватка* ‘приспособление для глажения белья – деревянный зубчатый брусок с ручкой’ характеризует внешний вид предмета: *Колодельная палка – бельё толочь, а рубцеватка гладит. Палкой-рубцеваткой всё раньше гладили, утюг не у всех был.*

Названия одежды. Немногочисленны СН в составе ТГ названия тканей и названия одежды. Интерес представляет СН *ситец аглицкий* в значении ‘кумач’, определение *аглицкий* в русских говорах развивает производное значение: ‘о предметах обихода:

заграничный или добротный русский' [СРНГ, 1: 201]. В анализируемом сочетании в значении прилагательного развиваются семы 'не домотканый', 'фабричного' 'производства': *Рукава́ из сѹтца а́глецко́го, а стано́вина-то из холста́.*

При образовании диалектного наименования *со́нная руба́ха* 'ночная рубашка' используется общерусская ономаσιологическая модель, мотивировочный признак – назначение. Прозрачной является внутренняя форма наименования *отяжелённая шу́ба* 'шуба, покрытая сверху материей', в основе номинации акциональный признак: *У невесты́-то отяжелённая шу́ба. Э́то уж бо́льшие у бога́тых.*

Названия продуктов питания и кушаний. Большое количество двусловных наименований находим в составе ТГ названия продуктов питания, кушаний. Рассмотрим гипонимы с основным компонентом *мука*. Устойчивый характер имеет наименование *сорная мука* 'смолотая из зёрен различных злаков': *Ячме́нь, пше́ница, ржи ма́ло, овёс – о́чень ма́ло, каки́ми-то частя́ми смеша́ют, дак э́то называ́ли со́рная мука́. Пока́тыши из э́той со́рной му́ки пекли́. Со́рная му́ка са́мая хоро́шая: всё там есть.* О семантической целостности этой номинации свидетельствует наличие однословного синонима *со́ра*: *Смесь ячме́ня, пше́ницы, овса́, пото́м не опиха́ют ёго́, из зёрнышков-то э́тих ме́лят муку́. Пирогі́ пекли́, де́лали всего́ бо́льшие пока́тыши, мучники́. Из со́ры в го́лод-от хоро́ші́ пиро́ги.* СН с компонентом *мука́* содержит ценную информацию о разных способах изготовления муки из овса: *мочёная му́ка* 'овсяная мука определённой технологии изготовления (овёс вымачивают, сушат, а затем мелют)', *опиханная му́ка* 'мука из овса, который перед помолом очищали от оболочки в ступах мельницы-толчеи с помощью песта, затем провеивали и мололи'. Иллюстративный материал позволяет достаточно полно судить о всех этапах изготовления муки: *Овёс помочат, кладу́т в печь, чтоб запрева́ло, и э́то до вы́сушки де́ржат и ме́лют, вот э́то и есть мочёная му́ка. Овёс опихали на ме́льнице, сту́пы там бы́ли, в них пест бо́льшой, им и опихивали овёс, пропиха́ют его́, просе́ют на ветру́, изве́ют э́тот овёс, ме́лют – вот и получа́ется опиханная му́ка.*

О том, что в названиях продуктов основным мотивировочным признаком служит способ их обработки, свидетельствуют и такие СН, как *запа́рная крупа́* 'овсяная крупа' – *Овёс замочат в во́ду, три дня́ мочат, пото́м в па́ханую печь ста́вят томиться. Оно́*

там день запеваёт, кожурá отстанет, потóм сúшат. Только с овса́ запáрная крупá, она́ блéдна; жа́ренное молоко́ ‘топленое молоко’ – Жа́ренное молоко́ в печи́ сто́ит; заве́шанное мя́со ‘мясо, приготовленное вялением’ – Заре́жут, чтобы́ лéтом без мя́са не быть. Такие́ крючки́ из берёста, прутья́ и вёшали. И вот как вяленое мя́со из магази́на продаю́т. Назывáется заве́шанное мя́со. Завёшаеця, дак уж дух ко́рмит, конéчно.

Отдельные СН этой группы имеют в своём составе компонент *ка́ша*. Как известно, каша является одним из самых древних блюд русской национальной кухни. При помощи определений образуются гипонимы. Так, *бéлая ка́ша (ка́шка)* в режском говоре имеет значение ‘пшённая каша’; информаторы отмечают, что раньше это блюдо в будние дни не готовили: *По пра́здникам ка́шу бéлую ёли*. К традиционным кушаньем можно отнести *то́лстую ка́шу*, данное СН имеет значение ‘густая каша из ржаной муки, заваренной кипятком, использовалась для приготовления тетеречек, кушанья типа клецек’: *То́встая ка́ша из ржа́ной му́ки, гу́стая, чтобы́ такие́ тетёречки дéлать, как котлётки. Налáдят э́дакие тетёречки, помáчут в ма́сло, потóм в толокно́, потóм сно́ва в ма́сло. Боя́т э́ту то́встую ка́шу, а потóм растопля́ют ма́сло, из то́встой ка́ши дéлают тетёрьки и ма́чут. Говоря́т: «Язы́чик почи́стить ештё, с масли́цём»*. Т. В. Парменова отмечает, что в говоре Режи «по внешнему сходству картофельного пюре с кашей его называют *яблочная (яблочковая) ка́ша*» [Парменова, 2015: 67]. *Яблочная ка́ша* использовалась в качестве самостоятельного блюда или начинки для пирогов: *Ковды́ пироги́-то соберёшья печь, дак дéлаешь из карто́шки ка́шу, вот тебе́ и начинка. Да и яйцо́ ещё разобьёшь, вот и яблочная ка́ша*. Семантика СН мотивирована как значением диалектного существительного *яблоко* ‘отдельный клубень картофеля’, так и семантикой синонимичного устойчивого оборота *земляно́е яблоко*: *Вон лони́сь дак у нас земляны́е-то яблоки́ мелкова́тыё бы́ли, а сево́годы покрупнёе. Бывáло, с кула́к карто́шины*.

Наименования выпечных изделий в говоре Режи подробно описаны Т.В. Парменной [Парменова, 2015: 55–74]. Обратимся к СН в составе этой ЛСГ. Сочетания с компонентом *пирог* обладают прозрачной внутренней формой: *я́чный пиро́г (пирожо́к)* ‘пирог, тесто для которого изготовлено из ячменной муки’, *скороспéлый пиро́г* ‘пирог, приготовленный из безопарного теста’, *пиро́г от хлéба* ‘пирог, выпеченный из хлебного теста’. В качестве мотивировочного

признака используется указание на вид муки или способ приготовления теста, это отмечают и сами носители говора: *Яшны́е пиро́ги из ячме́нной му́ки пе́кли. Яшны́е-ти пиро́жки то́лько бога́тыё е́ли ра́ньше. Пиро́ги у нас се́годня скоро́спелые: как твори́ла, так срáзу месила́. Ква́шениками́ у нас не зову́т. Зову́т пиро́ги от хлѐба. Ишь, ону́ у меня́, как хлеб, то́лько с начи́нкой.*

Мотивировочный признак начинка объединяет близкие по значению СН *я́блочная налива́ха* ‘открытый пирог из ржаного теста с начинкой из толчёного варёного картофеля’, *карто́фельная ватру́шка* ‘лепешка с загнутыми краями, ватрушка, с начинкой из картофеля’: *Пиро́ги польо́т карто́шкой – это́ и зва́ли налива́хой и́ли ишо́ говори́ли, что это́ я́блочная налива́ха. Ма́м, давай, чем пресну́шок-то, да́к карто́фельных ватру́шек напе́ки. Для карто́фельных ватру́шек ве́дь скать не на́до.*

В русской народной кухне наряду с кашей и пирогами важное место занимал кисель. О старинном способе его приготовления говорит устойчивое наименование *кисе́ль на каме́нях* ‘кисель из овсяной муки или из ячменных высевок, который варили обычно в больших количествах к праздникам, опуская в процессе варки в сосуд нагретые камни’: *Туда́ опу́скали каме́нья, к нему́ ве́дь пригори́т, пѐну-то робя́тишки обчи́щали, её ве́дь люби́ли. Это́ и е́сть кисе́ль на каме́нях. Его́ вари́ли к большо́им пра́здникам, к Нико́лину дню́.*

Обрядовая лексика. Интерес представляет обрядовая лексика, отражающая духовную культуру режаков. Отметим СН *пиру́ющий пра́здник* ‘праздник, сопровождаемый застольем и обильной выпивкой’, *гуля́щий пра́здник* ‘праздник без застолья, но с широким народным гуляньем’: *Топѐре пиру́щие пра́здники ста́ли Пе́рвое ма́я да Но́вый год. Ра́ньше-то вся́кие пра́здники бы́ли – пиру́щие да гуля́щие. Петро́в день да́к это́ гуля́щий пра́здник, а, поди́, всё равно́ напьо́тся мужи́ки.* В основе образования этих устойчивых оборотов лежит акциональный признак. Своеобразную оппозицию образуют и СН *ма́лый (ма́ленький) стол* ‘праздничный обед для небольшого количества людей в первый день свадьбы’ и *большо́й стол* ‘в свадебном обряде – обед во второй день свадьбы, отличающийся обильным угощением’, используется количественный мотивировочный признак: *Снача́ла ма́ленькие сто́лы бы́ли, сидѐли небо́лго. На второ́й день большо́е сто́лы бы́ли. Побо́ле сидѐли и нагото́влено побо́ле вся́кого.*

Народные обряды сопровождали самые важные этапы жизни русского крестьянина: свадьбу, сбор урожая, строительство дома и

т. д. В говоре Режи зафиксированы СН, отражающие традиции северных крестьян: *дожинальный сноп* ‘сноп, который жнецы ставили в передний угол дома в знак окончания жатвы’ (*А когда кончали жать, дожинальный сноп домой носили – в сутки поставят под икону*); *матица-саламатица* ‘веселое собрание с угощением по поводу укладки матицы, основной балки, поддерживающей потолочный настил в деревянных строениях, которое сопровождалось приготовлением обрядовой каши – саламата’ (*Как матицуют в дому положат, дак саламат и делают. Вот и называют: матица-саламатица*).

Народные традиции сопровождали и церковные праздники, о чём свидетельствуют такие СН, как *христовская скатерть* ‘нарядная, красивая скатерть с кружевами, которой накрывали стол в Пасху, когда ходили по домам с иконой Божьей Матери’ (*Ходят в Пасху с иконой Божьей Матери по домам, то на стол христовскую скатерть стлали. Она по краям с кружевами и посередке самодельные кружева. А уж в другие дни и праздники и не стелют*), *летячий огонь* ‘огонь, высекаемый трением в Чистый четверг в обрядовых целях’ (*Её спросишь: «Чего секешь?» – «Литечьей огонь». А когда высекёт, дак и скажет*).

Сами православные праздники нередко получали народной название, например, *Оспожин день* ‘церковный праздник Успения Богородицы (28 августа)’: *Родился я за два дня до Оспожина дни*.

О народных суевериях позволяет судить ЛСГ «Названия мифических персонажей». Отметим гипоним *нечисть банная* ‘по суеверным представлениям – нечистая сила, злой дух, который живет в бане’, в его составе общерусский компонент *нечисть* конкретизируется при помощи определения *банная*, мотивировочный признак – место обитания: *Вот руки-то неглядкие бывают из бани, так это нечисть банная навела*. В сложной системе народной демонологии своё место занимают СН *батьюшко-доброхотушко*, *матица-доброхотица*, обозначающие мифических персонажей, обитающих в крестьянском дворе: *Корба родит теленчика, надо его водворить. Водворют скотину, дак уж обязательно кланеются в три уголка подклети, приговаривают: «Батьюшко-доброхотушко, матушка-доброхотница, примите мою животинку в честь и радость»*. Эти устойчивые сочетания включают в качестве основного компонента народные термины родства *батьюшко* ‘отец’ и *матица* ‘мать’ и оценочные слова *доброхотушко*, *доброхотица*, которые должны «задобрить» нечистую силу, установить

с ней контакт. Следующий контекст свидетельствует ещё об одном народном обычае – приглашать с собой домовых при переезде в другой дом: *Матица-доброхотица, батюшко-доброхотушко! Пойдём со мной домой. Так говорят, когда невеста переезжает в дом мужа. Или семья – в другой дом.*

Названия детских игр. В ЛСГ «Названия детских игр» преобладают однословные наименования. Отметим одно СН метафорического характера с *кривого петуха* ‘игра в жмурки’: *Одному человеку завяжут глаза да повертят, чтоб искать. Дальше скажут: «У чего стоишь?» «У столба», – скажут. «Чего ешь?» – «Щи да ягоды». – «Ишишь нас два годы!» А потом он ишишет. Вот так играли с кривого петуха.*

Привлечённый к анализу материал свидетельствует о продуктивности синтаксического способа номинации и роли двучленных наименований в лексической системе говора. На фоне СН, образованных путем прямой номинации, выделяются образные наименования. Внимание к внутренней форме диалектных двучленных наименований позволяет описать продуктивные мотивировочные признаки в составе отдельных ТГ и ЛСГ.

Рассмотренные примеры показывают значимость для диалектоносителей живой внутренней формы слова, свидетельствуют об образном восприятии окружающего мира. СН содержат важную культурологическую информацию, вследствие чего их исследование представляет интерес не только для лингвистов, но и для историков, этнографов, краеведов.

Наличие продуктивных ономаσιологических моделей, использование типичных для каждой лексической группы мотивировочных признаков свидетельствуют о системном характере анализируемой лексики. Следует отметить широко распространённую вариативность СН, что в целом свойственно живой народной речи. Анализ говора одного поселения показывает, что двучленные наименования редко вступают в синонимические отношения. Отчасти это объясняется тем, что синтаксический способ номинации наиболее широко используется в народной терминологии. Между тем можно говорить о существовании синонимов-дублетов в ЛСГ «Название растений» (*порёзная трава – вытопошный лист; сполышная трава – золотушная трава*), о наличии однословных синонимов у некоторых СН (напр., *сорная мука – сора*). Наблюдаются единичные случаи омонимии: 1) *летячий огонь* ‘огонь, высекаемый трением в Чистый четверг в обрядовых целях’ и 2) *летячий*

огóнь ‘кожное заболевание (крапивница, экзема)’. Первый омоним, по-видимому, возникает в говоре раньше, его употребление находим и в одном из жанров детского фольклора, закличке: *Летячий огóнь, дéрево-огонь, палку тронь, а меня не тронь* (записано в Сямженском районе). Возможно, возникают эти омонимичные наименования в результате распада полисемии, благодаря ассоциативной метафоре.

Дальнейшее изучение КСРГ поможет расширить круг СН, описать их как целостную систему.

Библиографический список

Агапова М.А. Языковая репрезентация понятия «старая дева» в нижегородских народных говорах / *М.А. Агапова, И.В. Толкачёва* // Вторые Громовские чтения. Русские народные говоры: прошлое и настоящее: сб. материалов и исслед. всерос. науч.-практ. конф. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2015. – С. 9–14.

БАС – Большой академический словарь русского языка. – Т. 1 – / гл. ред. К.С. Горбачевич. – М.; СПб.: Наука, 2004. – 734 с.

Генералова Е.В. Составные наименования в истории русского языка // Вестник СПбГУ. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. – 2014. – № 3. – С. 110–121.

Загорский П.А. Первый шаг в деле улучшения полевой культуры у крестьян Тотемского уезда Вологодской губернии. – М.: Тип. А.А. Левенсон, 1885. – 104 с.

Зорина Л.Ю. Вопросы этнолингвистического описания одного северорусского идиома // Актуальные проблемы русской диалектологии: к 100-летию издания Диалектологической карты русского языка в Европе: тез. докл. Междунар. конф. 30 окт. – 1 нояб. 2015 г. – М.: Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН, 2015. – С. 72–73.

Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. – 20-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1989. – 750 с.

Ополовников А.В. Сокровища Русского Севера. – М.: Стройиздат, 1989. – 367 с.

Парменова Т.В. Лексика, связанная с приготовлением выпечных изделий, в режском говоре // Народная речь Вологодского края: между прошлым и будущим / науч. ред. Ю.Н. Драчева, Л.Ю. Зорина, Е. Н. Ильина. – Вологда: Легиа, 2015. – С. 55–74.

СВГ – Словарь вологодских говоров: в 12 вып. / под ред. Т.Г. Паникаровской, Л.Ю. Зориной. – Вологда: ВГПИ: ВГПУ, 1983–2007.

СлРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. – Т. 1–/ гл. сред. С.Г. Бархударов. – М.: Наука, 1975–.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. – Вып. 1–/ под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова. – Л.; СПб.: Наука, 1965–.

Ушаков – Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935–1940.

Фёдоров А.И. Фразеологический словарь русских говоров Сибири. – Новосибирск: Наука, 1983. – 232 с.

Баженова Т.Е. (Самара)

К ВОПРОСУ О РЕГИОНАЛЬНОЙ СПЕЦИФИКЕ ЛЕКСИКИ САМАРСКИХ ГОВОРОВ*

Рассматривается вопрос о региональных особенностях лексико-семантических систем самарского Поволжья. Особое внимание уделяется диалектным наименованиям природных объектов. Выявлено, что народные наименования природных объектов отличаются семантической ёмкостью, широким диапазоном варьирования. Указывается, что лексика, зафиксированная на лингвистических картах, расширяет представление о типологии самарских говоров и обладает диагностическими возможностями, которые наряду с фактами других уровней языка могут быть использованы в комплексной характеристике вторичных говоров. Выполнен обзор карт по отдельным диалектным явлениям, на которых можно провести границу между полярными диалектными группировками.

Ключевые слова: русский язык; диалект; диалектология; лингвистический ландшафт; системные отношения; диалектная лексика; природа; Поволжье.

В последнее время проблема уточнения внутрдиалектного членения отдельных территорий с учетом вновь открывающихся языковых данных приобретает особую актуальность [Мызников, 2005: 43]. Особенно популярным становится сравнительный подход к изучению отдельных фрагментов диалектного словаря, который позволяет углубить представление об общих закономерностях функционирования и развития диалектной лексики и о междиалектных лексических связях [Герд, 2002: 88]. Максимально полный и глубокий анализ отдельных фрагментов диалектного словаря позволит накопить ещё больший научный материал, полезный не только для характеристики лексического уровня диалектов, но и для решения определённых лингвистических и этнографических задач: «Чем полнее будет изучена речь отдельных регионов, тем

* Исследование выполнено при поддержке РГНФ и Правительства Самарской области. Проект №16-14-63001 «Лексика самарских говоров: типологическое и лексикографическое описание».

© Баженова Т.Е., 2016

точнее будет наше представление об устройстве и функционировании диалектного языка» [Дьякова, 1994: 42]. Привлечение лексических сведений позволяет уточнить ранее очерченные границы говоров и существенно расширить представление о специфике говоров территорий, освоенных носителями русского языка сравнительно недавно (так называемых территорий позднего заселения). Ценный материал для сопоставления диалектного ландшафта территорий позднего заселения дают вышедшие в свет во второй половине XX – начале XXI в. работы С.А. Мызникова, А.С. Герда, А.В. Громова, Н.С. Ганцовой, Р.И. Кудряшовой, М.В. Флягиной, О.Г. Борисовой и др.

Самарские говоры изначально характеризовались как говоры неоднородные. В традиционной классификации, согласно диалектологической карте Московской диалектологической комиссии (МДК) 1915 г., самарские говоры определялись как говоры северновеликорусские владимирско-поволжского типа, включающие на северо-востоке от изгиба р. Волги в районе Самары достаточно большой массив южновеликорусских говоров.

Впоследствии было установлено, что в самарском Поволжье преобладают не окающие (владимирско-поволжские) говоры, а разнотипные акающие (среднерусские и южнорусские говоры), причём южнорусские говоры чаще фиксируются в южных районах, далеко за пределами обозначенного на карте «острова». Различные экстралингвистические и лингвистические факторы (неодновременность заселения территории, поздний характер процессов формирования говоров, закономерности междиалектного и межъязыкового контактирования и др.) привели к формированию уникального лингвистического ландшафта, который составляют говоры вторичного образования, имеющие в основе диалекты всех трёх традиционно выделяемых типов – севернорусских, южнорусских и среднерусских. Среднерусские акающие говоры имеют устойчивые признаки как севернорусской, так и южнорусской основы.

Внутридиалектное членение самарских говоров на уровне предупредного вокализма после мягких согласных также показывает сосуществование на изучаемой территории полярных по типологии диалектных массивов. На карте можно видеть: 1) по северу, западу и северо-востоку области, в центре вокруг Самары – плотный ареал окающих говоров с последовательным различием предупредных гласных после мягких согласных; ёканье и еканье

встречаются также южнее этой узкой полосы в виде небольших островков, не выходящих за пределы линии, образуемой реками Чагра и Самара; 2) три плотных ареала якающих говоров севернее условной границы между оканьем и аканьем по рекам Чагра и Самара: первый – в районе Самарской Луки и примыкающего к ней на юге левобережья Волги (среднерусские говоры с умеренным яканьем и отчасти с ассимилятивно-диссимилятивным яканьем); второй – в междуречье рек Кондурча, Сок и Большой Кинель и на северо-востоке на границе с Татарстаном (среднерусские и южнорусские говоры с яканьем преимущественно умеренного типа, реже – с ассимилятивно-диссимилятивным яканьем); третий – вдоль восточной административной границы в междуречье Большой Кинель – Самара (южнорусские говоры с ассимилятивно-диссимилятивным яканьем); 3) южнее условной границы между оканьем и аканьем по рекам Чагра и Самара: южнорусские говоры с яканьем ассимилятивно-диссимилятивного типа – на юго-востоке (граница с Оренбургской областью); умеренного и умеренно-диссимилятивного типа – на юге (по реке Большой Иргиз); диссимилятивного и ассимилятивно-диссимилятивного типа – на юго-западе (территория южнее реки Чагра).

Ёканье и яканье в центральных районах области и в районе изгиба р. Волги (Самарской Луки) бытуют в непосредственной близости (иногда в пределах одного административного района), поэтому нивелирование диалектных систем вокализма происходит стремительно, и мы имели возможность наблюдать формирование якающего произношения на основе систем различения гласных.

Диалектологические исследования последних десятилетий с очевидностью доказывают, что наряду с фонетическими и грамматическими диалектными различиями система лексических соответствий также может служить надёжным основанием диалектного членения. Анализ системных отношений в лексике природы, ранее не подвергавшейся системному анализу, показал наличие территориальной маркированности отдельных лексем.

Лингвистические карты показывают, что в целом лексика природы в самарских говорах характеризуется широким диапазоном варьирования, однако в ряде случаев диалектные наименования природных объектов имеют полярную диалектную приуроченность и образуют ареалы.

Так, диалектный вариант наименования кукушки *кокушка* встречается в северных, северо-западных районах области, где бытуют севернорусские говоры и среднерусские говоры с окающей основой. В окающих говорах на северо-востоке и севере области образуют ареал диалектные наименования сильного ветра со снегом с корнем *-низ-*: *понизу'ха*, *понизо'вка*, *поднизу'ха*. Преимущественно на юге области отмечены ареалы лексем *бирю'к* и *ведме'дь*, известные своей приуроченностью за южнорусскими говорами. Акцентологический вариант *туча'* и диалектное слово *хма'ра* 'туча' встречаются только в говорах с южнорусской основой и образуют компактные ареалы на юге области и в междуречье Сок – Большой Кинель, т. е. в районе небольшого скопления южнорусских говоров.

Ареалы этих лексем имеют причудливые очертания и не отличаются плотностью, однако они дополняют общую картину противопоставления северной, центральной и южной части области, составленную в результате картографирования фонетических и морфологических диалектных особенностей.

В раннепереселенческих говорах Самарской Луки и прилегающего Правобережья Волги, а также в окающих говорах на северо-западе области достаточно обширную группу составляют слова, имеющие распространение в севернорусских говорах, т. е. зафиксированные в словарях с пометами *Север., Волог., Арх., Ярослав., Костр., Вят.* Зафиксированы лексемы *ля'да* 'низкая, мокрая почва' [СРНГ, 17: 262]; *кули'га* 'поляна, участок в лесу' [СРНГ, 16: 61]; *ко'лок* 'небольшой лесок' [СРНГ, 14: 162]; *волжа'нка* 'гриб волнушка' [СРНГ, 05: 38]; *де'бря* 'чаща, дремучий лес' [СРНГ, 7: 313]; *гри'ва* 'небольшая возвышенность; лес, растущий на возвышенности; возвышенный участок низкого берега' [СРНГ, 07: 143]; *гольдо'бина* 'яма, заполненная водой; срубленный и очищенный ствол дерева' [СРНГ, 07: 289]; *верхови'к* 'ветер с верховьев реки', 'ветер, дующий попереху' [СРНГ, 4: 163].

В южных районах области, где сосредоточена большая часть самарских южнорусских говоров, отмечены лексемы, зафиксированные в словарях с пометами *Тул., Ворон., Ряз., Орл., Курск., Тамб.:* *колдыба'нь* 'рытвина, выбоина, ухаб (на дороге), часто с водой' [СРНГ, 14: 118]; *ендова'* 'овраг' [СРНГ, 8: 359]; *икра'* 'льдина' [СРНГ, 12: 182]; *гай* 'небольшой лиственный лес' [СРНГ, 6: 95]; *чи'чер* 'сильный ветер с пылью' [Даль, 4: 627]; *завиту'ха* 'вихрь' [СРНГ, 9: 319].

Результаты анализ ареально-типологической приуроченности диалектной лексики на примере наименований природных объектов позволили сделать вывод о том, что в самарских говорах шире представлены и более устойчиво сохраняются диалектные наименования, имеющие устойчивую территориальную соотнесенность с севернорусскими говорами (что вообще характерно для лексики природы), однако южнорусская лексика также активно употребляется.

В составе ландшафтных наименований в самарских говорах активно используются слова общерусского распространения (*лес, гора, заводь, солонец, дол* и т. п.) и междиалектные, имеющие широкий ареал в Поволжье (*студене'ц* 'родник, источник с холодной ключевой водой', *лука'* 'луг, лес, огибаемый рекой', *калу'жина* 'лука, яма, заполненная водой', *наслу'з, наслу'д* 'вода, выступившая на поверхности льда'). Ряд наименований природных объектов обнаруживает сходство самарских говоров с другими поволжскими и южноуральскими говорами (*соля'нка* 'источник с соленой водой', *бара'к* 'овраг', *прора'н* 'проток в устье реки', *е'рик* 'небольшая речка, непроточный рукав реки', *ильме'нь* 'водоём, возникший на месте русла высохшей реки', *лима'н* 'озеро, образуемое стоком талых вод', *мар* 'возвышенное место', *бур* 'хворост, упавшие сучья', *пердуно'к* 'кормовая трава разных видов: люцерна, пастушья сумка, клевер', *весе'нник* 'восточный ветер').

Таким образом, лексические изоглоссы также отличаются высокой информативностью, позволяющей подробно охарактеризовать особенности лингвистического ландшафта самарского Поволжья.

Своеобразие лингвистического ландшафта самарского Поволжья дополняется ещё и тем, что носителями русских говоров на территории самарского края употребляются заимствованные из неславянских языков микропонимы *курмы'ш* 'дальнее место, окраина', *хива'* 'подветренное место, высокий берег, бугор', *шиха'н* 'одиночная возвышенность на берегу реки, холм с хорошо выраженной вершиной', *ка'ба* 'заливной луг', *маза'рки* 'кладбище'. В восточных районах области в речи носителей русских говоров зафиксированы заимствованные наименования природных объектов: *киле'й* 'береза' (из эрзянского), *каспа'х* 'двугорбый верблюд' (искажённое, из башкирского), *куга'* 'озёрный камыш, рогоз' (из татарского), *ча'кан* 'трава, растущая по берегам рек в воде, рогоз' (из тюркских языков).

Описанные нами особенности самарских говоров далеко не исчерпывают полной картины лингвистического ландшафта самарского Поволжья, но заставляют не сомневаться в перспективности дальнейшего изучения региональной специфики вторичных говоров.

Библиографический список

Герд А.С. Диалектное членение и междиалектные связи говоров Обонежья // Аванесовский сборник: К 100-летию со дня рождения чл.-кор. АН СССР Р.И. Аванесова / отв. ред. Н.Н. Пшеничникова. – М.: Наука, 2002. – С. 88–84.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – СПб.; М.: Изд. М.О. Вольфа, 1880–1882. – Т. 4. – 710 с.

Дьякова В. И. Об изучении воронежских говоров // Материалы по русско-славянскому языкознанию: межвуз. сб. науч. трудов. – Воронеж: Петровский сквер, 1994. – Вып. 20. – С. 39–43.

Мызников С.А. Проблемы диалектного членения и русские говоры Обонежья // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2005. – СПб.: Наука, 2005. – С. 39–61.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. – Вып. 1–/ сост. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов. – М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–.

Бакланова И.И. (Пермь)

ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С КОМПОНЕНТАМИ НЕТ, НЕ БЫЛО В РУССКОЙ РЕЧИ ЖИТЕЛЕЙ КОМИ-ПЕРМЯЦКОГО ОКРУГА ПЕРМСКОГО КРАЯ

В статье анализируются диалектные отрицательные предложения с компонентами нет, не было, зафиксированные в современной русской речи жителей Коми-Пермяцкого округа Пермского края. Выявляется их структурное разнообразие – от односоставных безличных Брата нету, Мыла не было, характерных для русского языка в целом, до диалектных двусоставных предложений: Никто нету; Краска-то не было. Показывается, что, несмотря на разнообразие форм, значение этих предложений типично для односоставных безличных, структурной чертой которых являются отрицательные компоненты типа нет, не было. Семантическая структура анализируемых предложений – отсутствие предмета, лица или состояния. Высказывается предположение, что предложения типа «Краска-то не было» – это результат прямого перевода на русский язык аналогичных коми-пермяцких предложений: «Челядьыс эз вёлъ» (дословный перевод «Дети не были»).

Ключевые слова: диалектный синтаксис; двусоставное предложение; безличное предложение; отрицательная конструкция.

В русском литературном языке односоставные безличные предложения – самый разнообразный тип с точки зрения способа выражения сказуемого и категории безличности. Отдельную группу безличных предложений представляют конструкции с отрицательными компонентами, для которых в «Русской грамматике» имеется следующий список структурных схем: *Нет N2** (*Нет времени*), *Не было N2* (*Не было средств*), *Ни N2* (*Ни шороха*), *Neg Pron Inf* (*Не о чем жалеть*). Предложения, построенные по этим структурным схемам, активно используются в русской устной и письменной речи. Грамматическое оформление, как правило, соответствует тому, что заявлено в «Русской грамматике».

В русской речи жителей Коми-Пермяцкого округа Пермского края сегодня встречаются конструкции: *Краска-то не было***; *У меня сейчас зыпка-то нету*; *Отцу-то эту надо пулемёт-то идти / а диски-то нету*; *С каждого дома по три человека / по четыре да ушёл и// дак никто не вернулись / никто нету*; *У нас-то и одежда-та совсем не было*; *Здесь нету перекрёсток-то у нас*; *Спать-то в люльке / качка / люлька // да сейчас нету они*; *Фельшер-от нету у нас*; *Если которо разбито [яйцо] / дак маленько попадёт / оно можот пахнуть // если ничё не разбитое оно / высохнет и сё / некакой запах нету*. Информантами данных материалов были русские, не в одном поколении проживающие в Коми-Пермяцком округе. Как видим, в русской речи имя существительное функционирует в И. п., выполняя функцию либо подлежащего, либо дополнения.

Свою задачу мы видим в определении синтаксической природы указанных предложений и причин подобного функционирования в русской речи жителей Коми-Пермяцкого округа.

Конструкции с именем существительным в И. п. в русских говорах разнообразны, в том числе есть и такие, которые функционируют как безличные. Изучением конструкций с именем существительным в И. п. занимались В.И. Собинникова, В.А. Магвеев (1961), И.Б. Кузьмина, Е.В. Немченко (1971), В.И. Трубинский (1984), Н.В. Маркова (1987). В.И. Трубинский,

* N – это имя существительное, а цифры 1–6 – номер падежа (И. п. – П. п.).

** Материалом для данной статьи стали записи русской речи жителей разных районов Коми-Пермяцкого округа Пермского края, сделанные И.А. Подюковым, И.И. Русиновой, А.С. Лобановой, И.И. Баклановой и другими исследователями на протяжении более десяти лет.

подводя итог многолетнему исследованию оборотов *Пол вымыто, Изба поставлено*, вслед за И.Б. Кузьминой и Е.В. Немченко, отмечает их неоднозначность: оборот *контора закрыто; изба поставлено* «является безличным (с именительным прямого объекта) только в северо-восточных районах широкого Северо-Запада, в говорах же... узко-северо-западного региона конструкция *Изба поставлено* двусоставна (т. е. *изба* здесь не дополнение, а подлежащее)» [Трубинский, 2004: 139]. Таким образом, исследователи диалектного синтаксиса отмечают разнообразие этих конструкций и неоднозначность трактовок внешне похожих предложений в говорах разных территорий. Укажем, что предложения с отрицанием не были предметом отдельного внимания синтаксистов.

Анализ нашего материала показал, что в русской речи жителей Коми-Пермяцкого округа выделяется несколько видов предложений. Первая группа – это предложения, включающие имя существительное в И. п.: *Нет NI, Не было NI*. Конструкции построены по следующим схемам:

1) *У меня сейчас зыпка-то нету; Фельшер-от нету у нас; Куды мы пойдём / церква у нас нету; Спать-то в люльке / качка / люлька // да сейчас нету они; С каждого дома по три человека / по четыре да ушли // дак никто не вернулись / никто нету; Здесь нету перекрёсток-то у нас; У меня нету уш там никто; Брата у меня с сорок пятого нету уже /.../ а в середине-то у меня сестра есь // пестоваться сё надо // последыш-то педисяд с чем-то / она уже нету;*

2) *Это порошок у нас не было; У нас-то и одежда-та совсем не было; Краска-то не было; Отес их дома-та не было ужо; Не было урожай // хлебов не было.*

Обратим внимание на отсутствие координации имени существительного в категории рода с глаголом. Глагол употреблён в среднем роде, тогда как существительные имеют мужской и женский род: *порошок, одежда, краска, отес, урожай не было*. Частотность употребления этих конструкций в русской речи названной территории говорит о стабильности синтаксической модели. Механизмы построения этих высказываний регулируются самими носителями: [Диалектолог спрашивает] *А вот сома не было?* [Информант] *Нет / сом у нас не было*. Эта группа предложений представлена диалектными единицами.

Предложения второй группы – переходные от диалектных к общерусским – построены по следующей схеме: *Не был (-а, -о, -и) NI*.

В этих предложениях мы наблюдаем координацию в категориях рода и числа между глаголом *не был* (-а, -и) и именем существительным в И. п. С отрицательным словом *нет* предложений этого типа быть не может.

Машины же не были; Хлебушко испекёшь там / а чё тогда и деньги не были; А порошок не был; Даκ морковку накладём в корзину вон да и едим там // вот и еда была / хлеб не был ладом; Снег растаял и некая нигде вода не была; Военные годы-те были / даκ мужики-те не были; Лекарства не были / не пили ничё даκ.

В русской речи жителей Коми-Пермяцкого округа есть и предложения с именами существительными в Р. п., традиционно называемыми безличными предложениями. Схемы *Нет N2*, *Не было N2*: *Ни телёнка никого нет; Брата у меня с сорок пятого нету уже /... / а в середине-то у меня сестра есь // нестоватся сё надо // последыш-то неисяд с чем-то / она уже нету; Курам-то этъ надо зерно // сщас нету не одного кура / курицы; 2) Суп возьмёшь / до бараку не донесёшь / как вода / вместо чая выпьёшь / и сё // ничё не было; А мыла не было; А не кровати / ничо не было.* Однако таких примеров в нашем материале оказалось наименьшее количество.

Материал показал многообразие форм предложений с отрицательными компонентами. В предыдущей статье нами было показано, что предложения типа *Одежда не было* являются результатом межкультурного языкового взаимодействия русских и коми-пермяков [Бакланова, 2015: 106]. А.С. Лобанова, определяя специфику русских предложений, пишет: «Коми-пермяцкое предложение с подобным значением совершенно иное – оно двусоставное, в нем имеется и подлежащее, и сказуемое... ср.: “Пенсия öни пондiс тырмыны” дословно “Пенсия сщас стала хватать”; “Челядьыс эз вöлö” дословно “Дети не были”». Думается, что перед нами пример влияния одного языка на другой на синтаксическом уровне» [Лобанова, 2013: 35]. Вероятно, своим происхождением предложения типа *Одежда не было* обязаны коми-пермяцкому языку, вернее, его носителям: эти конструкции являются результатом точного перевода с коми-пермяцкого языка на русский. Появились они в первую очередь, как считает и А.С. Лобанова, в русской речи коми-пермяков, а впоследствии так заговорили и русские.

Возвращаясь к материалу, отметим, что наибольший интерес вызывают предложения *Одежда не было, Краска не было*. При

определении их синтаксической природы мы обязаны вписать их в общую картину единиц, с одной стороны, с другой – найти их отличия.

Сходство предложений трёх вышеназванных групп определяется, во-первых, двучленностью предложений: есть субъект/объект и отрицательное слово. Во-вторых, все перечисленные предложения, построенные по близким, но всё же различающимся структурным схемам, имеют одинаковую семантическую структуру, соответствуют русским безличным предложениям *Не было N2* и *Нет N2*. Их семантика – «несуществование или отсутствие кого-, чего-либо». Н.Ю. Шведова отмечает, что лексическое значение существительного определяет разновидности подобных предложений: «1) отсутствие внешнего состояния»: *Нет ветра*; 2) «отсутствие предмета (не-лица или лица)»: *Нет брата*; *Мин нет*; 3) «отсутствие внутреннего или ситуативного состояния лица или лиц, определенных или неопределенных»: *Нет сил*; *Нет горя*; 4) «отсутствие события или действия»: *Нет войны*; *Нет возражений*» [Русская грамматика, 1980: 339]. В-третьих, в большинстве случаев имя существительное находится в начале предложения, т. е. структурная схема должна выглядеть так: *N2 не было* и *N2 нет*.

Вопрос о позиции существительного, как нам кажется, является принципиально важным. Препозиция существительного по отношению к предикату в традиционно безличных предложениях не является типичной для русского языка, если только этого порядка слов не требует актуальное членение высказывания. В диалектных же предложениях (речь идёт, прежде всего, о предложениях первой группы) существительное в основном выносится вперед, задавая тему всему высказыванию, а отрицательное слово является ремой, поэтому стоит в конце: *У меня сейчас зыпка-то нету*; *Фельшер-от нету у нас*; *У меня нету уш там никто*; *Это порошок у нас не было*; *У нас-то и одежда-та совсем не было*; *Краска-то не было*. Мы видим явную аналогию с коми-пермяцким предложением: подлежащее в коми-пермяцком языке стоит впереди – *Челядыс эз вёлö*. Следует учесть, что такой порядок слов типичен и для русского двусоставного предложения: *Лес шумит*, *Завод работает* и под. Эти две позиции говорят в пользу того, что предложения типа *Краска не было* – это двусоставные диалектные предложения.

Подводя итог, скажем, что русская речь жителей Коми-Пермяцкого округа Пермского края – интересный, требующий внимательного

изучения материал. В ней сохранились архаичные особенности, распространённые в северно-русских говорах, часть из них появилась на территории Пермского края под воздействием коми-пермяцкого языка и до сих пор поддерживается им. Проанализировав наш материал, мы можем говорить о том, что употребление несогласуемых форм – общая диалектная тенденция, а предложения *Краска не было* – специфическая черта русской речи жителей Коми-Пермяцкого округа, своим появлением обязанная коми-пермяцкому языку.

Библиографический список

Бакланова И.И. Предложения типа *Одежда не было* в русской речи Коми-Пермяцкого округа: особенности функционирования // Коми-пермяцкий язык и культура: прошлое, настоящее, будущее: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящ. 60-летию коми-пермяцко-русского отделения ПГГПУ (26–27 ноября 2015 г., Пермь) / отв. ред. Е.М. Гордеева // Труды Института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа. Вып. XII. – Пермь, 2015. – С. 102–107.

Кузьмина И.Б. Синтаксис причастных форм в русских говорах / И.Б. Кузьмина, Е.В. Немченко. – М.: Наука, 1971. – 308 с.

Лобанова А.С. Отражение коми-пермяцкого языка в русских говорах Коми-Пермяцкого округа // Русская речь Коми-Пермяцкого округа: хрестоматия / сост. И.И. Бакланова, О.В. Гордеева, А.С. Лобанова, И.А. Подюков, И.И. Русинова. – Пермь: ПГГПУ, 2013. – С. 24–35.

Маркова Н.В. К вопросу о конструкциях с причастными формами, образованными от основы непереходных глаголов с помощью суффиксов *-н-*, *-т-*, в онежских говорах // Русские диалекты: лингвогеографический аспект. – М.: Наука, 1987. – С. 167–173.

Матвеевко В.А. Некоторые особенности структуры страдательно-безличного оборота в русских говорах // Материалы и исследования по русской диалектологии. – М.: Изд-во Акад. наук, 1961. – С. 103–132.

Русская грамматика: в 2 т. Т. 2. Синтаксис / под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Наука, 1980. – 709 с.

Русская речь Коми-Пермяцкого округа: хрестоматия / сост. И.И. Бакланова, О.В. Гордеева, А.С. Лобанова, И.А. Подюков, И.И. Русинова. – Пермь, 2013. – 104 с.

Собинникова В.И. Строение сложного предложения в народных говорах (по материалам говоров Гремячинского района воронежской области). – Воронеж: Из-во Воронеж. ун-та, 1958. – 173 с.

Трубинский В.И. Русская диалектология: Говорит бабушка Марфа, а мы комментируем. – СПб.: Филол. фак. СПбГУ; М.: Академия, 2004. – 208 с.

Трубинский В.И. Очерки русского диалектного синтаксиса. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. – 214 с.

**ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКА
В ИСТОРИКО-БИОГРАФИЧЕСКОМ ОЧЕРКЕ
А.Н. СИДОРОВА «ПОВЕСТЬ О РУССКОМ СОЛДАТЕ»:
ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ГРУППА «ДОМ»**

В статье рассматривается территориальная «привязанность» диалектизмов лексико-семантической группы «Дом», употреблённых в автобиографическом очерке А.Н. Сидорова «Повесть о русском солдате». Сопоставляются два варианта воспоминаний – авторский и редакторский (собственно текст публикации).

Ключевые слова: диалектология; лексикология; лексико-семантическая группа; письменные источники; естественная письменная речь; народные мемуары.

В 2014 г. «Издательским Домом Николаевых» в г. Фурманове Ивановской области был опубликован историко-биографический очерк «Повесть о русском солдате» Алексея Никитовича Сидорова [Сидоров, 2014], уроженца с. Зернилова Тейковского р-на Ивановской области, жителя г. Кохмы. Повествование в очерке охватывает большой период истории страны, практически весь XX в. – довоенное, военное и послевоенное время. Перед нашими глазами предстают картины жизни русской провинции, самые разные – и грустные, и веселые, и забавные, и страшные, трагические, затрагиваются темы, которые в советское время не принято было обсуждать: А.Н. Сидоров пишет о коллективизации, о том, как «нарушали церкви», о пребывании в немецком плену и побегах из плена.

Мемуары А.Н. Сидорова – не научная публикация, они адресованы широкому кругу читателей. По этой причине очерк был подвергнут редакторской правке. Кроме того, набор текста с рукописного варианта осуществлялся не самим А.Н. Сидоровым. Таким образом, между автором воспоминаний и читателем (исследователем) – два посредника. И если первый старался просто копировать с абсолютной точностью рукописный материал в меру своего понимания текста и способности разобраться в почерке, то перед редактором стояла совсем другая задача. Сравнение двух вариантов воспоминаний – авторского (не рукописного) и редакторского (собственно текста публикации) – дает представление о том, какая работа была проведена редактором издания: были исправлены орфографические, пунктуационные и речевые ошибки, имевшиеся

в оригинальном тексте, устранены опечатки, скорректирован строй предложений, но при этом, как правило, сохранялись диалектные слова, этнографическая лексика.

Мы задались вопросом, насколько адекватно опубликованный автобиографический очерк отражает местные языковые черты, в частности, диалектный лексикон, и, отвечая на него, обратились к одной из лексико-семантических групп – к наименованиям жилища, его частей и хозяйственных построек. В составе группы – лексемы *изба, горница, подловка, загородь, омшаник, каменка*.

Слово *изба*, по данным СРНГ, имеет 11 значений в русских говорах [СРНГ, 12: 86–89], пометой же *Иван.* сопровождаются следующие: «1. Жилой дом из одной комнаты (с русской печью)» и «6. Отапливаемая часть жилища». В МАС фиксируются значения: «1. Деревянный крестьянский дом. 2. Внутреннее помещение крестьянского дома; жилое помещение» [МАС, 1: 634]. Автор воспоминаний употребляет слово именно в этих двух значениях. См., например: *Она отвела нас в баню, так как в избе оставаться было опасно; Подъехали к штабу батальона. Нас через некоторое время вызвали в штаб, который расположился в просторной крестьянской избе; День ноябрьский короток, проспали мы в предбаннике до вечера, а потом пошли в избу и др. – Захожу в переднюю избу, и что же вижу...* Когда же А.Н. Сидоров описывает свои скитания по Белоруссии и Смоленской области, для наименования деревенского дома он использует слово *хата*: *Жители боялись пускать меня в хату, думали, что тиф; Попросившись в одну из хат, мы попросили чего-нибудь покушать; Не успел обуться в лапти, как в хату входят два фашиста; Поместили нас в одну из хат, где расквартировывалось отделение партизан.* Впрочем, лексемы *хата* и *изба* могут использоваться в одном предложении во избежание лексического повтора: *Зашедши в первую хату, он быстро вернулся обратно и повез меня на другой конец деревни, где жили ветхие старики, которые без слов пустили нас в избу, приговаривая: «Нам всё равно недолго осталось жить».*

Лексема *горница* (*Дойдёт до церкви, наденет сапоги, из церкви идёт домой в сапогах. А дома повесит их на гвоздь в горнице*), по-видимому, выступает у А.Н. Сидорова в значении, которое в СРНГ формулируется так: «2. Летнее неотопливаемое помещение, представляющее собой часть крестьянского дома или отдельное строение и служащее спальней и хранилищем

домашних вещей». В этом значении оно бытует в севернорусских и среднерусских говорах. Среди территориальных помет, данных в словаре, – Влад., Яросл., Костром., Нижегород. С пометой *Иван.-Вознес.* слово *горница* представлено в другом значении – «5. Отдельное строение для жилья рядом с избой (обычно за сенями)» [СРНГ, 7: 47–48]. Однако слово широко отмечается на территории Ивановской области именно как наименование летнего неотапливаемого помещения, свидетельством чему служат следующие материалы: *С крыльца-то у нас заходишь прямо на мост, с моста – холодна горница и тёпла передня; Окно, которое на восток, было в кухне, а к ней присоединяется горница. Из сеней выход в горницу и во двор. В горнице мясо висело на крючках. Ещё в горнице стояли сундуки (к тёплой стене), летом молоко в кринках туда ставили; Была горница. Из передней выйдешь – и сразу, там не было печи, поэтому горница; Сначала, когда входишь в дом, – сени, потом – горница; Раньше-то, как заходишь в дом, был коридор, потом заходишь в сени. Там стояли кадушки, прялки. В одну сторону свернёшь – тёплая комната с печкой, на другую-то – холодная – горница. В холодной комнате печки-то не было, там ночевали летом.* В.-ланд., Ив., Комс., Сав., Шуйск., Вич., Родн., Палех.

Помета *Иван.* сопровождает в СРНГ лексему *загородь* ‘изгородь’ [СРНГ, 10: 23-24]. В мемуарах слово употребляется так: *Попадало много загородей, опутанных колючей проволокой, где пасли скотину.* В речи местных жителей оно также используется, причем не только как наименование изгороди (*Постановили дороги осмотреть и валяющиеся кости на дорогах собрать и закрыть на скотских кладбищах и последняя обнести загородью*), но и в значении ‘огораживание’ (*Произвести загородь всех молодых сеч и луговых угодий*) [Батырева, 2012].

Словом *омшаник* в русских говорах называют разные реалии: это и утеплённое помещение (обычно проконопаченное мхом) для содержания скота, зимнего хранения пчел и т. п., и утеплённый рубленый хлев для содержания коровы зимой, и глинобитный хлев, и пристройка к скотному двору в виде небольшой избы с печью, где зимой кормят скотину, и амбар для хранения муки, и погреб [СРНГ, 23: 208–209]. В нашем случае можно с определенностью констатировать, что *омшаник* – это утеплённое зимнее помещение для скота, находящееся под горницей: *Овец загоняли в омшаник под горницей.* В этом значении, по

данным СРНГ, лексема фиксируется на территории среднерусских говоров, в том числе в Ивановской обл. И в устной речи местных жителей слово также отмечается, причём встречаются разные фонетические варианты лексем. Ср.: *У меня, чай, и поросёнок в омшанике, и пять курей.* Шуйск.; *Под холодным помещением – омшаник, туда улья убирали с пчёлами.* Лежн.; *Для скотины клев на дворе сделаешь, а на зиму омшеник на моху ставили, для поросёнка и гуси’.* В.-ланд.; *Во дворе для мелкой скотины – ягнят, телят – строился на моху омшеник.* Сав.; *Зимой пчёлы в омшайнике.* Шуйск.; *Овшенник: вот такое под коридором углубление делали.* Палех.

Слово *подловка* ‘чердак’ А.Н. Сидоров употребляет следующим образом: *Спали мы на полу в подловке. Кроватей и в помине не было; Денег он накопил много и хранил их в чулке, как рассказывают сведущие люди. Тогда по селам ездили конные продотряды. Он с этим чулком не знал куда деваться. А хранились они у него где-то под застрехом на подловке, где хранилось иногда сено, солома. Вот он с этим чулком и бегал по подловке, не зная куда его деть).* В СРНГ слово даётся с многочисленными территориальными пометами, в том числе *Иван*. [СРНГ, 28: 68]. Ср. также записи разговорной речи местных жителей: *Этот чердак бабушка называла подловкой; Настираешь, бывало, пелек целую подловку; Сватать-то пришли, а я испужалась да всё на подловке сидела, а потом ничё, отошла; Всю подловку, бывало, клюквой засыпешь; Залезешь на подловку, чтобы не дотянулись, там и вопишь.* Шуйск., Юж., Лежн., В.-ланд., Пест., Палех. Слово использовано в письме жителя д. Привалье Палехского р-на: *Унас удавилась Полинарья григорьева на подловке искали искали на силу наши.* Однако редакторы издания, посчитав его неуместным, в одном случае вообще устранили из текста воспоминаний: *Спали мы на полу вповалку. Кроватей и в помине не было.* В другом случае заменили диалектным же *подволока*: *Денег он накопил много... А хранились они у него где-то под застрехом на подволоке, где хранилось иногда сено, солома. Вот он с этим чулком и бегал по подволоке, не зная, куда его деть.* В СРНГ *подволока* тоже отмечается с пометой *Иван*. (СРНГ, 27: 364). Думается, замена, произведенная редактором, обусловлена тем, что ему известно одно из этих слов.

Лексема *каменка* употреблена, во-первых, в значении ‘печь в бане’ или ‘верхняя часть печи в бане’: *Баня стояла сзади дома, за огородом. Там уже ждал нас старик. Посоветовал одежду*

прокалить над каменкой, а мыться пришлось без мыла. См. её словарную фиксацию: «Печь вообще. Арх., КАССР, Новг., Орл., Влад., Костром., Смол.» [СРНГ, 13: 18]; «печь в бане, овине» [СГКЗ: 145]; «печь в бане» [Дилакторский: 187]; «печь без трубы, сложенная из камней» [Акчим. сл., 2: 33; 110; 153]; «печь, сложенная из камней или кирпичей (в бане, в овине)» [МССГ, 1: 194]; «печь в бане, сложенная из камней, не имеющая трубы наружу» [ПСДЯЛ, 2: 82]; «печь без трубы в бане или овине» [ТСГТО, 2: 141]; «печь с плитой» [СРГК, 2: 322] и др. В нормативных словарях отмечается сфера бытования слова либо посредством пометы *обл.*, либо в толковании имеется лексический ограничитель «деревенский». Ср.: «... (обл.). Печь, сложенная из камня в деревенской бане или в овине» [Ушаков, 1: 1296]; «В деревенской бане: печь из камня, без трубы, а также низкая печь с наложенными сверху камнями, на к-рые льют воду, чтобы получить пар» [Ожегов].

Во-вторых, слово выступает у А.Н. Сидорова в значении «настил из камня в крытом дворе»: *А посередине двора была выстлана каменка. По сторонам были хлевы, где стояли коровы и лошади, так что скапливалась навозная жижа. Вот он провалился, бегая с чулком, и упал на эту каменку и разбился насмерть.* Это значение словарями не фиксируется, но известно, что словом *каменка* называются в говорах разные поверхности, покрытые камнем, например: «1. Каменистый участок поля... 2. Часть русла реки Сити с каменистым дном» [ЯОС, 5: 17]; «дорога, вымощенная камнем; шоссе» [ЯОСД, 1: 292], а также «различные каменные предметы деревенского обихода» [Ушаков].

Итак, выявленные в автобиографическом очерке А.Н. Сидорова диалектизмы лексико-семантической группы «Дом» даны в СРНГ с пометами *Иван.* и зафиксированы в устной, а иногда и в письменной речи местных жителей (исключение – слово *каменка* «настил из камня в крытом дворе»). Это означает, что исследуемый текст можно рассматривать как источник сведений о лексическом составе местных говоров – и авторский вариант, и редакторский.

Список сокращений

Районы Ивановской области: В.-ланд. – Верхнеландеховский, Вич. – Вичугский, Ив. –Ивановский, Комс. – Комсомольский, Лежн. – Лежневский, Палех. – Палехский, Пест. – Пестяковский, Родн. – Родниковский, Сав. – Савинский, Шуйск. – Шуйский, Юж. – Южский.

Библиографический список

Акчим. сл. – Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь): в 6 вып. / гл. ред. Ф.Л. Скитова. – Пермь: [Перм. ун-т], 1984–2011.

Батырева Л.П. Шуйские деловые документы 20–40-х гг. XX в. как источник сведений о лексике говоров. – Шуя: ФГБОУ ВПО «ШГПУ», 2012 [Электронный ресурс]. – URL: <http://sspu.ru/projects/batireva/> (дата обращения: 09.01. 2016).

Дилакторский – Словарь областного вологодского наречия. По рукописи П.А. Дилакторского 1902 года / ред. А.И. Левичкин, С.А. Мызников. – М.: Наука, 2006. – 677 с.

МАС – Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Рус. яз., 1981–1984.

МССГ – Мотивационный словарь сибирского говора: в 2 т. / авт.-сост. О.И. Блинова, С.В. Сыпченко; под ред. О.И. Блиновой. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009.

Ожегов – Толковый словарь Ожегова. С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. 1949–1992. [Электронный ресурс]. – URL: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/ogegova/> (дата обращения: 09.01. 2016).

ПСДЯЛ – Полный словарь диалектной языковой личности. – Т. 1–3 / авт.-сост. О.И. Гордеева, Л.Г. Гынгазова, Е.В. Иванцова и др.; под ред. Е.В. Ивановой. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006–2009.

СГКЗ – *Ганцовская Н.С.* Словарь говоров Костромского Заволжья: между-речье Костромы и Унжи. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова; М.: Книжный Клуб Книговек, 2015. – 512 с.

Сидоров А.Н. Повесть о русском солдате: Историко-биографический очерк. – Фурманов: Издат. Дом Николаевых, 2014.

СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: в 6 вып. / гл. ред. А.С. Герд; отв. ред. О.А. Черепанова. – СПб.: СПбГУ, 1995–2005.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. – Вып. 1– / сост. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов. – М.; Л.; СПб.: Наука, 1965– .

ТСГТО – Тематический словарь говоров Тверской обл.: в 5 вып. / гл. ред. Т. В. Кириллова. – Тверь, 2003–2006.

Ушаков – Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: ОГИЗ, 1935–1940.

ЯОС – Ярославский областной словарь: в 10 вып. / под ред. Г.Г. Мельниченко. – Ярославль, 1981–1991.

ЯОСД – Ярославский областной словарь: Дополнения: в 2 т. / под науч. ред. Т.К. Ховриной. – Ярославль: РИО ЯГПУ, 2015.

**ЛЕКСИКА ТКАЧЕСТВА ОРЛОВСКИХ ГОВОРОВ:
НАЗВАНИЯ АРТЕФАКТОВ С НУМЕРАЛЬНОЙ
КОРНЕВОЙ МОРФЕМОЙ**

Статья посвящена изучению лексики орловских говоров. Рассмотрен фрагмент терминосистемы «ткачество». Проанализированы названия бёрда – составной части ручного ткацкого станка и названия домотканой материи.

Ключевые слова: орловские говоры; лексика ткачества; семантика; словообразование.

Ткачество было важным этапом, завершающим годовой цикл работ, ориентированных на получение тканей для всей крестьянской семьи. Подготовка к тканью – процесс длительный и сложный (пахота, сев льна и конопли, уход за посевами, уборка, сушка, молотьба, мочение, трепание, чесание, прядение и др.). Трудоёмким был и сам процесс тканья. Как отмечает В.И. Белов в своей книге «Лад. Очерки о народной эстетике», в разговоре о прошлом нашего народа «культуру тканья можно поставить наравне с культурой земледелия или же строительства. Трудно даже предположить, из каких веков, из каких древних (передних, как говорили) времен тянутся к нам льняные нити холщовой основы» [Белов, 1985: 64]. О древности ткачества свидетельствуют и данные языка: по своему происхождению «праславянскими являются почти все основные термины, относящиеся к традиционному народному текстильному ремеслу» [Журавлёв, 1966: 139].

Лексика ткачества своей многослойностью, большой информативностью о культурно-бытовой жизни носителей говоров заслуживает самого пристального внимания. Нельзя не отметить своевременность издания А.В. Громовым Словаря, отражающего лексику льноводства, прядения и ткачества в костромских говорах [Громов, 1992]. Собранные в 60–90 гг. XX в. автором словаря материалы во многом являются уникальными: в настоящее время всё меньше и меньше носителей говоров помнят о сложном процессе ткачества, знают названия, относящиеся к изготовлению домотканой материи. Как справедливо заметил профессор Г.Г. Мельниченко в Предисловии к словарю, «он может послужить отправной точкой для составления аналогичных словарей по другим регионам» [Громов, 1992: 4].

Перспективным является изучение лексики, связанной с ткачеством – традиционно женским занятием, в южных говорах: основной культурой, выращиваемой здесь для изготовления тканей, была конопля, а не лён, как на севере [Кондратенко, 1998]. Лексика коноплеводства в орловских говорах достаточно подробно описана Л.М. Алёшиной [Алёшина, 2003], при этом акцент сделан на семантическом анализе наименований растения конопли на разных этапах её созревания и наименований продуктов, получаемых в результате обработки стеблей конопли [Алёшина, 2003],

К сожалению, лексика ткачества, как и лексика прядения, в орловских говорах не подвергалась детальному изучению. Некоторые сведения о ней содержатся в работе Н.А. Баланчика «Лексика крестьянского текстильного производства и плотничьего ремесла» [Баланчик, 1992], но их явно недостаточно, чтобы составить полное представление об этой очень важной, многочисленной, структурно организованной группе слов, большинство из которых вышло из активного запаса, переместилось на периферию языка. Лексика ткачества неплохо отражена в Словаре орловских говоров [СОГ] и картотеке словаря, хранящейся на кафедре русского языка Орловского государственного университета им. И.С. Тургенева, что и явилось основой для данной статьи.

Ручной ткацкий станок для изготовления тканей в домашних условиях, кроме широко распространённых в народных говорах названий *крóсна*, *крóсны*, на Орловщине называли *става́*. Такое название зафиксировано в речи жителей Дмитровского района: *Мама ткала половики на ставах. Става разбирались и стояли у бабки в амбаре. Става были одни на всю деревню. Помню, мама говорила: «У кого ж мне взять става́?»* Небезынтересно заметить, что данное слово отмечено также в соседних с дмитровскими брянских говорах южного наречия. Известно оно и в северных архангельских говорах [СРНГ, 41: 14]. В целом же имеет очень ограниченное распространение, островной ареал.

Общеизвестно, что лексике говоров свойственна не только большая конкретизация в обозначении реалий, но и достаточная прозрачность мотивационных основ многих наименований, что нередко помогает выявить самые важные, значимые признаки той или иной реалии. Специальной лексике, какой является лексика ткачества, образующая свою терминосистему, свойственна также точность наименований. Рассмотрим, например, как называется такая важная часть ткацкого станка, как бёрдо – прямоугольная

рама с вертикально расположенными внутри неё планками, через которые пропускаются нити основы (продольные нити). Бёрдо служит также для прибивания утка (поперечных нитей).

Бёрдо – съёмная деталь. Бёрдо выбирали в зависимости от того, какую ткань хотели выткать – толстую или тонкую. Для изготовления тонкого полотна ставили бёрдо с большим количеством пластинок, между которыми расстояние было очень маленьким. Холст на мешки, половики и т. п. ткали бёрдом с меньшим количеством пластинок, расстояние же между ними было больше. Количество планок в бёрдах могло быть от 180 до 360 [Громов, 1992: 61–62].

Тонкая деревянная планка в бёрде на Орловщине называлась *трость*, *тростинка*, *тросточка* – *Тростьчки* – *очинь тонкии пальчки в бёрдах*. *Трости уложьны у бёрды*. Словами *трость*, *тростинка* называли и промежуток между деревянными пластинками в бёрде – *У каждую трость пръпускают две нитьцики, одна заду будить итить, з заднивь нита, другая – спериду, с пиреднива нита*. В трости, тростинке соединялись противоположно направленные нити. Интересно, что эта сема соединения крупным планом представлена в производном глаголе *тростить*, имеющем в орловских говорах несколько значений: «соединять нити в одну, сматывая в клубок», «скручивать, свивать, несколько нитей, прядей в одну; сучить», «разбавлять горячую воду холодной и наоборот» [СОГ, 15: 158].

В лексике ткачества особую группу составляют слова, обозначающие единицы счёта нитей. Наименьшей единицей счёта нитей в орловских, как и других говорах южного наречия, является *численка* – *Числинка* – *три нитки; па три нитки десять рас – этъ будить пасма*. С пометами *тмб.*, *тул.* слово *численка* приводит В.И. Даль: «в мотке ниток, и в основе ткацкой, зубок: три нитки» [Даль, 4: 606]. Более крупной единицей счёта нитей является *пасмо* (*пасма*, *пасьма*, *посма*). В.И. Даль, определяя значение слова *пасмо*, замечает: «счёт на пасма не одинаков» [Даль, 3: 22]. Это относится и к Орловщине, где количество нитей в пасме может быть различно, ср. *Пасьма – па три нитьцики десить рас, тритицьти нитак у пасьми*. *Десить числинък – этъ посмъ нъзывайтца*. *Пасьма – двинацицьтъ ли там пар, пятнацицьтъ ли пар – какая бёрда*.

Бёрда различались по количеству пасм основы, на которое они рассчитаны. Их названия связаны по образованию с именами числительными:

– *семуха*, *семёрня*, *семёрка* ‘бёрда, рассчитанное на семь пасм’: *Симуха – семь пасм, а большы бёрдов нету* [СОГ, 13: 102].

Семёрня – разновидность диривянной бёрды. И дивятня, и вась-мёрка, и симёрка – усякии бёрда были;

– *восьмуха, восьмёрня, осьмуха, восьмёрка ‘бёрдо, рассчитанное на восемь пасм’: Бёрда разные были: сямуха – сем пасм, васьмуха – бёрда для самъвъ толстъвъ халста. Васмёрня... лучши симёрни: для ниё пряжь бирётць тонъишъ, и ткали ни такии толстыи халсты [СОГ, 2: 89];*

– *девятня, девятка ‘бёрдо, рассчитанное на девять пасм’: Самая толстъя – у асьмуху, патом у дивятню, этъ патонъишы нимногъ асьмухи – дивятня. И дивятня, и дивяткъ нъзывали, этъ бёрда [СОГ, 3: 50];*

– *десятня ‘бёрдо, рассчитанное на десять пасм’: Дисятня – десять пасем, а у пасъме пятнаццътъ ниткъ на каждую бёрду;*

– *полодинъша ‘бёрдо, рассчитанное на десять с половиной пасм’: У васьмуху – плахия, нигожьи халсты. Самъя-присамъ плахия эта баба, какая ткала у васьмуху; асуждали ету. А харошъя – дисятня и пьладинъша;*

– *оди́нчик, оди́ншик, оди́нщик, оди́ншник, оди́ншник ‘бёрдо, рассчитанное на одиннадцать пасм’: Ръстаяние между трастинъчками у адинъщикъ у́жы, чем у дисятни. Адинъщик – бёрда, с помъцьиу каторой ткут самый тонкий холст [СОГ, 8: 93];*

– *двойник, двойниковое бёрдо ‘бёрдо, рассчитанное на двенадцать пасм’: Вазъми дваиник – дваиниковъя бёрда [СОГ, 3: 47];*

– *тройник, тройниковое бёрдо ‘бёрдо, рассчитанное на тринадцать пасм’: Бёрда, ани разные: и дваиник есть, и траиник. ...Дивятня, а патом дисятня – ишишо патонъишы, а патом адинчик – ишишо патонъишы, а патом ужъ дваиник; ишишо траиник есть, тръйниковай – ишишо тонъишы [СОГ, 15: 156].*

В разных говорах зафиксированы названия, демонстрирующие разное количество используемых при тканье бёрд. Так, в костромских говорах, как отмечает А.И. Громов, употребляются названия *шестуха, семуха, восьмуха, восьмёрка, девятня, десятня, десятерик, одиннадцатерик, двенадцатерик, двойник* [Громов, 1992: 61–62]. По данным СРНГ, костромским говорам известно и название бёрда в пять пасм – *пяхуха* [СРНГ, 33: 236]. Многочисленна система наименований бёрд в Подмосковье: *пяхуха; шестуха; семуха; осьмуха; девятерик, девятерник, девятника, девятня, девяхуха; десятник, десятня; полодиннадцать; одинец, одиннадцать; двойник; тройник – Шыстуху на толстыи нитки брали, грубъя пряжь выхадилъ. Для десятника*

среднюю пряжу прядут. Двойник ткёт из самой тонкой пряжи. Бёрдо для самой тонкой пряжи имеет тринадцать пасм, это и есть тройник (СГП).

Распространённые в северных костромских говорах названия *одинадцатерик* «бёрдо на 11 пасм основы» и *двенадцатерик* «бёрдо на 12 пасм основы» [Громов, 1992: 62], а в пермских и *тринадцатерик* [СРНГ, 23: 29], явно образованы от собирательных числительных *одинадцатеро*, *двенадцатеро*, *тринадцатеро*, употреблявшихся в прошлом в русском языке.

В орловских говорах приведенным выше севернорусским названиям бёрда соответствуют по значению наименования *одинщик*, *двойник*, *тройник*, имеющие тот же самый корень *один-*, *дв-*, *тр-*, но отличающиеся по образованию: *одинщик* образовано от количественного числительного, а *двойник* и *тройник* словообразовательными отношениями связаны с собирательными числительными *двое*, *трое*. Названия *одинщик*, *двойник*, *тройник* в отличие от *одинадцатерик*, *двенадцатерик*, *тринадцатерик* имеют более простую морфемную структуру, удобны для произношения, корневая же морфема в обоих случаях указывает на число пасм сверх десяти в основе.

В наименовании *полодинщик* ‘бёрдо, рассчитанное на десять с половиной пасм’ сохранилась архаичная структура единиц счёта, ср. значения известных в прошлом слов *пол(у)девятá* ‘восемь с половиною’, *полдесята́* ‘девять с половиною’ [Даль, 4: 250], обозначающих величины меньше на половину единицы, названной корневой морфемой. Небезынтересно, что в брянских говорах наименования *полдевятá* и *полдесята* зафиксированы «с семантикой счёта нитей и пасм в бёрдах» [Деменьева, 1985: 116]. Модель образования таких единиц счёта повлияла на возникновение существительного *полодинщик*, ср. производящее для него *одинщик* ‘бёрдо, рассчитанное на одинадцать пасм’.

Наличие различных бёрд позволяло изготавливать ткани самого разного качества, удовлетворяющие нужды крестьянской семьи в одежде, белье, полотенцах, постилках и др.

Вполне логичным является метонимический перенос с обозначения орудия труда на обозначение продукта труда: название бёрда → название ткани, для изготовления которой оно использовалось. Ярким подтверждением этому являются составные наименования *двойниковое бёрдо* → *двойниковый холст*, *тройниковое бёрдо* → *тройниковый холст*. В орловских говорах известны

следующие наименования домотканой материи с нумеральными корневыми морфемами:

– *восьму́ха, осьму́ха* ‘толстый, грубый холст, вытканый при помощи бёрда, рассчитанного на восемь пасм’: *Васьмуха – этъ ряднина; шылись из васьмухи мяшки, виретья* [СОГ, 2: 89]; *Асьмуха – самая толстя, грубья съматканная материя* [СОГ, 8: 173];

– *девятня* ‘холст, сотканый на бёрде, рассчитанном на девять пасм’: *Дивятня тоньшы васьмухи и идеть нъ партки* [СОГ, 3: 50];

– *десятня* ‘холст, сотканый на бёрде, рассчитанном на десять пасм’: *Дисятня шла на скатертъ, пълатенцы. Из дисятни самыи хорошыи кохты шыли* [СОГ, 3: 56];

– *оди́нщик, оди́ншик, оди́нщик* ‘холст, сотканый на бёрде, рассчитанном на одиннадцать пасм’: *Из адинишкъ шыли пълатенца. Ниткъ у адинишкъ или альняная, или покупная. Шол он нъ рубашки девкам, ну и мужыкам шыли празнишныи* [СОГ, 8: 94];

– *двойни́к, двойнико́вый холст* ‘холст, сотканый на бёрде, рассчитанном на двенадцать пасм’: *Халсты у нас раньшы ткали ...патоньшы нимногъ асьмухи – дивятня, а патом дисятня – ишио патньшы, а патом ужэ дваиник, дваиниковый холст* [СОГ, 3: 47];

– *тройни́к, тройнико́вый холст* ‘холст, сотканый на бёрде, рассчитанном на тринадцать пасм’: *Трайник – самый тонкий холст* [СОГ, 15: 156].

Приведённые диалектные названия свидетельствуют о существовании различных видов домотканой материи по толщине: от качества ткани, и прежде всего от толщины, мягкости, зависел характер её использования.

Наименование ткани по названию использованного при тканье бёрда – распространённый, но не единственный способ обозначения вытканного в домашних условиях холста. Противопоставление толстая – тонкая ткань передавалось не только нумеральными номинациями. Вполне закономерны наименования, образованные в результате метонимического переноса с названия нитей, полученных в результате прядения, на вытканное из них полотно: ср. *волосень* ‘тонкая шерстяная пряжа домашнего производства’ – *Власень – нитки из волны; из них ткали юпки и волосень* ‘ткань из шерстяной пряжи домашнего производства’ – *Зипун шылси толькъ из власени* [СОГ, 2: 76]. Многочисленны наименования толстой, грубой ткани: *рядно́е, рядни́ца, ряднушка, рядню́шка* – *Ряднушка* – *грубье пълатно, тканина грубья. Из рядновъ мяшки шють* [СОГ, 12].

Общими названиями домотканого полотна являются слова *ткани́на, тка́нка, тка́нки* – *Сърафаны* – *эть у Тъгине, у нас ни было, у нас нъзывали тилагреими* – *с проймъми, збористыи были, полныи, ис шэрсти, шолка, сатина* – *усякии были, атароцкъ была, а тут пройма, нъ патклатке, патклаткъ пъсконнаья, ис тканины* [СОГ, 15: 78].

Как видим, даже фрагмент терминосистемы «ткачество» имеет ярко выраженную структурную организацию: слова связаны гиперо-гипонимическими отношениями (наименования бёрда и его разновидностей; наименования домотканого полотна и его разновидностей); по образованию целая группа суффиксальных наименований соотносится с числительными; на основе исходных значений, обозначающих орудия труда – бёрдо, развились переносные метонимические значения, связанные с обозначением продукта труда, – холст, тканое полотно. Состав нумеральных номинаций свидетельствует о большой дифференциации в обозначении артефактов, вызванной практической необходимостью в конкретности наименований отличающихся по устройству (бёрда), качеству (домотканая материя) одних и тех же реалий.

Библиографический список

Алёшина Л.В. Лексика коноплеводства в орловских говорах. – Орёл: Изд-во ОГПИ, 2003. – 236 с.

Баланчик Н.А. Лексика крестьянского текстильного производства и плотничьего ремесла (На материале русских говоров Кемеровской и Орловской областей): автореф. ... канд. филол. наук. – Орел: Орл. гос. ун-т им. И.С. Тургенева, 1992. – 16 с.

Белов В. Лад: очерки о народной эстетике. – Архангельск: Се. -Зап. кн. изд-во, 1985. – 302 с.

Громов А.В. Словарь льноводства, прядения и ткачества в костромских говорах по реке Унже. – Ярославль: ЯрГПИ им. К.Д. Ушинского, 1992. – 120 с.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: Гос. изд-во нац. словарей, 1955.

Демьенева Т.В. Наименования народных мер ткачества в брянских говорах // Брянские говоры. Диалектное слово и аспекты его изучения: межвузов. сб. науч. тр. – Л.: [б. и.], 1985. – С. 114–118.

Журавлёв А.Ф. Материальная культура древних славян по данным праславянской лексики // Очерки истории культуры славян. – М.: Индрик, 1966. – С. 116–144.

Кондратенко А. Золотой век конопли. – Орёл: Труд, 1998. – 200 с.

СГП – *Иванова А.Ф.* Словарь говоров Подмосковья. – М.: [б. и.], 1969. – 598 с.

СОГ – Словарь орловских говоров. – Вып. 1–15. – Орёл: ОГПИ; Ярославль: ЯрГПИ им. К.Д. Ушинского, 1989–2008.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. – Вып. 1– / сост. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов. – М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–.

Бекасова Е.Н. (Оренбург)

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ИЗМЕНЕНИЯ ЛЕКСИКИ В ОРЕНБУРГСКИХ РУССКИХ ГОВОРАХ

В статье рассматриваются основные направления перестройки лексического строя в оренбургских русских говорах, относящихся к тем типам вторичных переселенческих говоров, которые претерпели значительные изменения своих систем. Однако в них нередко сохраняются «сколки» былого лексического богатства, которое в течение восьми лет пребывания в Оренбуржье фиксировал В.И. Даль. Сопоставление данных словаря В.И. Даля с диалектными записями XIX–XXI вв. и словарями Н.М. Малечи и Б.А. Моисеева позволяют проследить основные направления изменения лексики в оренбургских русских говорах.

Ключевые слова: оренбургские русские говоры; динамика лексического состава; словари В.И. Даля, Н.М. Малечи, Б.А. Моисеева.

Современная языковая ситуация характеризуется «свёртыванием» функциональной парадигмы русского языка за счёт отсекаемого диалектного потенциала, прежде всего территорий позднего заселения, которые в большей степени, чем материнские говоры, зависят от системно-структурных и социолингвистических факторов [Баранникова, 1977]. К таким территориям относится Оренбуржье, где изначально складывались новые системы за счёт интенсивного взаимодействия разных говоров, в том числе и неславянских, и на протяжении долгого времени шли интенсивные миграционные процессы – сельское население за предыдущий век значительно изменилось не только количественно (по сравнению с 1926 г. более чем в 2 раза), но и качественно – за счёт вымывания русскоязычного населения [Бекасова, 2008].

При этом следует отметить, что Оренбургская губерния занимает особое место в диалектологических исследованиях, поскольку В.И. Даль, приехавший в 1833 г. в обширнейший край (около 373 тыс. км², в 3 раза больше, чем современная Оренбургская

область), нашёл широкое поле для своих лингвистических изысканий, и именно здесь у него возник замысел создания уникального словаря живого великорусского языка. При этом «сбор запасов из живого языка» сопровождался удивительно тонкими и точными наблюдениями В.И. Даля. Он первым отметил специфику формирования вторичных русских говоров: «Оренбургская губерния, заселённая искони инородцами, большую часть кочевыми, наполнилась русскими двадцати губерний в течение последних ста лет; поэтому общего наречия в губернии этой нет; но у старожилов уже сложились некоторые особенности» [Даль, 1: LXXIII]. В.И. Даль также отмечает процессы интерференции и разрушения сложившихся систем говоров, обусловленные как неоднородностью русских говоров, оторванностью от материнских диалектов и отсутствием монолитной, достаточно обширной территории их распространения, так и непрекращающимися интенсивными миграционными процессами и полукочевым образом жизни казачества: «...в Саратовской и Оренбургской губерниях, населенных в нынешнем веке, и отчасти в последнее время, выходцами двадцати губерний, довольно легко, по наречию, узнавать происхождение переселенцев; затруднено это, когда старики уже вымерли, а молодое поколение исподволь привыкает к говору местному, особенно же если селение сбродное, из переселенцев разных мест, и молодёжь между собой освоилась и свыклась» [Даль, 1: LI]. В.И. Даль также обратил внимание и на роль литературного языка в разрушении говоров: «...образованность и просвещение сглаживают постепенно различие наречий, проходя повсюду с уровнем своим, языком письменным» [Даль, 1: LVI].

Указанные процессы, направленные на разрушение формирующихся и сложившихся систем говоров, продолжают действовать, о чём пишет известный оренбургский краевед и диалектолог Б.А. Моисеев. В частности, отмечая ряд взаимодействий между говорами, которые, как правило, приводили к вытеснению окающих говоров, Б.А. Моисеев отмечает влияние «престижного» казачьего говора на «мужичий»: «В с. Григорьевке Соль-Илецкого района первоначально поселились в 1834 г. казаки с окающим говором. Через некоторое время сюда прибыли переселенцы из Воронежской и Курской губерний, которые добровольно записались в казаки. В их акающем говоре сохранялись яркие особенности: яканье, отсутствие согласного [ф]

и др., за которые переселенцы постоянно терпели насмешки со стороны исконных жителей. Казаки, ранее поселившиеся здесь окальщики задавали тон в военной деятельности, в хозяйственных занятиях и в общественной жизни. Свой говор они считали образцовой речью, которую старались сохранить. В таких условиях многие особенности акающего говора (яканье, [г] фрикативный и др.) постепенно исчезли» [Моисеев, 2010: 7]. Но и оканье в результате влияния литературного языка «быстро пошло на убыль» [Там же].

В XX в. на территории оренбургского края прошло несколько волн миграции: после революции, когда были разорены казачьи поселения; во время освоения целинных земель и разработки газового месторождения; после перестройки, когда в опустевших домах старожилов стали селиться выходцы из других регионов России и ближнего зарубежья. В настоящее время оренбургские говоры представлены в весьма деформированном виде: на определённых территориях остаются фонетические «сколки» и морфологические «рудименты», ещё живы отдельные носители, сохранившие отчасти систему говора [Бекасова, 2015].

Однако при фактическом разрушении систем былых говоров, как считает главный лексикограф оренбургских диалектов Б.А. Моисеев, «словарный состав оренбургских говоров отличается богатством и большим разнообразием» [Моисеев, 2010: 13]. Почти три четверти века Б.А. Моисеев собирает и изучает словарный состав местных говоров, причём его интерес был не случаен, поскольку с конца 1940-х гг. впервые начинается серьёзное изучение оренбургских говоров неволью оказавшимися на территории области известными учёными – Н.И. Зориным, В.И. Лыткиным, Н.А. Мещерским. Надо отметить, что «оренбургская» тема будущей кандидатской диссертации Б.А. Моисеева была одобрена назначенным в МГУ научным руководителем С.А. Копорским, несмотря на то что в этот период он активно занимался сбором материала для Диалектологического атласа русских народных говоров центральных областей к западу и северу от Москвы. К сожалению, подготовленный Б.А. Моисеевым к началу 1980-х гг. «Оренбургский областной словарь» вышел из печати только в 2010 г., однако за это время он значительно обогатился лексическими единицами из многочисленных записей диалектной речи самого автора, его студентов, оренбургских письменных источников. В настоящее время

Б.А. Моисеев подготовил более 600 словарных статей к дополнению ко второму изданию словаря.

Словарные материалы Б.А. Моисеева позволяют судить о динамике лексического состава оренбургских говоров. С одной стороны, «вымывается» лексика, обслуживающая традиционный крестьянский уклад и ремёсла, с другой – некоторые из лексических единиц переходят в терминологический ряд поддерживаемого в Оренбуржье фабричного производства пуховых платков. На территориях, где исконно существовал данный промысел (Тюльганский, Беляевский, Саракташский, Кувандыкский р-ны), судя по проведённому в 2019–2015 гг. опросу учителей русского языка, практически всем жителям известна лексика пуховязального промысла. В других регионах также известны слова типа *ажурная паутинка, серовяз, шалёвка, запрядной/незапрядной платок, шишечка* и под., однако другие слова территориально ограничены указанным пуховязальным краем с его «столицей» – с. Жёлтое Саракташского р-на, например:

катетка, и, ж. *Пуховяз.* 1. Пуховый платок. *Раньше мы говорили катетка вместо платка. Хорошую катетку связала. Раньше на катетках только и жили, в Кувандык продавать их возили.* **Куван. 1.** 2. Небольшой платок (пуховый, шерстяной, кашемировый из 300 петель). *Из тонкого пуха можно хорошую катетку связать. Катетки разные бывают: кашемировые, шерстяные и пуховые.* **Бел. 1.** (59) – здесь и далее в скобках указываются страницы по: [Моисеев, 2010];

полплаток, тка́, м. *Пуховяз.* Пуховый платок небольших размеров (в 180 петель). *У полплатка почти двести петель, а у платка – пятьсот.* **Бел. 1.** (134);

пегашка, и, ж. Платок (шаль), связанный из пуха разного цвета. *Как свяжешь шаль, остаётся клубочек пряжи, после другой шали – тоже клубочек, такие клубочки соберёшь и ещё одну шаль свяжешь; вот эта шаль – пегашка.* **Куван. 1.** (121);

шлёнка, и, ж. 2. Хлопчатобумажная нить, используемая при вязании пуховых платков (эту нить свивают, сучат с пуховой нитью). *Пух со шлёнкой стращивают (свивают). Если из одного пуха связать платок, то он будет не ноский; надо одну шлёнку добавлять, а кто вяжет и в две шлёнки, а третья нитка пуховая.* **Куван. 1.** (186);

супрядка, и, ж. То же, что попрядох. **Куван. 1.** (163);

порядух, а, м. Зимнее собрание женщин и девушек с самопрядками у какой-нибудь хозяйки по её приглашению для оказания ей помощи в приготовлении пряжи. За помощь хозяйка угощает прях обедом. *Попрядух – это помочь (см.) для пряжи. После попрядуха все его участники угощаются.* **Шарлык. 3.** (136).

Утрачены в современных русских оренбургских говорах «казачьи слова», связанные с воинской службой конного казака, например: *арчак, батовать, бушмет, вольты, выводка, ленчик, насека, пахнички, быть в разгоне, путалище, разумничать* (седло) и под.

Сузился пласт слов тюркского происхождения (подробнее см.: [Бекасова, 2014]), особенно связанных с животноводством, например: *каспак, атан, бута, бутак, бутакан, илюк инген* (наименования верблюда); *тай* (телёнок, жеребёнок по второму году); *тай огуз* (телёнок со второй весны); *кургаиш* (ягнёнок в возрасте 5–6 месяцев); *башмак, басмак, башмач*, (бычок в возрасте одного года); *башмачина, башмачка, кашарка* (тёлка по второму году); *таргил, таргыл* (бык, корова тигровой масти), *кашкар, кошкар, кушкар* (некастрированный баран, баран-производитель) и др. Но зато некоторые из наименований кушаний получили широкое распространение, поскольку вошли в обыденную жизнь оренбуржцев, например: *бижбармак (бишбармак), белиши, каймак, буурсак(и), казы*. Вхождение в систему русского языка таких слов подтверждается наличием производных типа *бижбармачить, бишбарматничать* (есть бижбармак), *саламатник* (любитель саламаты), *каймачок* (уменьш. от *каймак*). Кроме того, следует отметить отсутствие отрицательных коннотаций у некоторых из этих слов в словаре Б.А. Моисеева по сравнению со словарём В.И. Даля, например: «О дурно приготовленном кушанье говорят (*орнб.*): это какой-то *бишбармак*, крошево» [Даль, 1: 85]. Диалектное слово может также найти свою определённую лауну в языке, как это произошло со словом *куян*. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля слово помечено как «*татар., орнб. – ушкан, заяц*» [Даль, 2: 230]. В словаре Б.А. Моисеева имеется уточнение: «1. Заяц, обычно в сочетаниях “куян слепой”, “куян косой”. 2. Разновидность тюльпана с желтым цветком, луковицы которого выкапывают из земли и едят. *Айда за куянами в степь. Куяны поспели, будем их выкапывать.* **Соль. 4.** (В каз. яз.

коян – заяц.)» [Моисеев, 2010: 82]. В оренбургских прозвищах *Куяном* обычно называют старого холостяка, или вдовца, или одиноко мужчину в возрасте, живущего на окраине села. С учётом того, что заимствования наименований диких животных из тюркских диалектов крайне редки (*карашнай* – ёрш, *битюк* – вошь), то можно допустить, что слово *куян* при заимствовании в оренбургские диалекты имело значение ‘заяц-самец, одиночка и отшельник’, которое до сих пор сохраняется в ряде сёл Оренбургской области (подробнее см.: [Бекасова, 2013]).

Особо следует отметить распространённое среди жителей Оренбуржья использование слов типа *айда*, *айдате*, *айда-ка*, *бар-бир*, *бир-бар*, которые многими расцениваются как своеобразная визитная карточка оренбуржцев.

Таким образом, при основной тенденции утраты целого ряда лексических единиц в связи с разрушением систем оренбургских русских говоров наблюдается сохранение диалектных слов как в результате действия экстралингвистических причин, так и вследствие включения ряда слов в просторечие, что позволяет расширить и обогатить семантическую и эмоциональную составляющую русского языка.

Библиографический список

Баранникова Л.И. К проблеме классификации говоров территорий позднего заселения // Говоры территорий позднего заселения. Вып. 1. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1977. – С. 3–23.

Бекасова Е.Н. Бесценное пособие к познанию национальной биографии // Регионально ориентированные исследования филологического пространства. – Оренбург: Изд-во ОГАУ, 2008. – С. 130–135.

Бекасова Е.Н. Лингвокреативный потенциал Оренбуржья: от Куяна до Ваучера // Уральский филологический вестник. – Вып. 3 / гл. ред Т.А. Гридина. – Екатеринбург, 2013. – С. 5–12. – (Сер. «Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива». Вып. 22).

Бекасова Е.Н. Об особенностях представления тюркских заимствований в оренбургских говорах // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: материалы XIV Всерос. науч. конф. (Уфа, 20–22 нояб. 2014 г.). – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2014. – С. 34–44.

Бекасова Е.Н. Основные направления лингвистических исследований Оренбургского края // Вестник ОГПУ. – 2015. – № 3. – С. 98–10.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: Рус. яз., 2000.

Моисеев Б.А. Оренбургский областной словарь. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2010. – 192 с.

АРГО – УНИКАЛЬНЫЙ ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ НАРОДНОГО ЯЗЫКА

Каждый национальный язык реализуется обычно в трёх основных формах существования: литературный язык, территориальные диалекты, социальные диалекты. Наше исследование посвящено рассмотрению диглоссии (лексическому двуязычию): а) тайного языка (офенского «наречия», аргю торговцев-коробейников России и б) территориального диалекта (народного языка) ремесленников-отходников XIX–XX вв. Поскольку тысячи слов, сочинённых арготирующими по сравнению со скрытыми (затемнёнными, как бы спрятанными) являются словами-неологизмами, то их научный анализ открывает закономерности, представляющие научную ценность для суждений не только о конкретных арготизмах, но и об общих закономерностях жизни и функционирования основного компонента этой диглоссии – народного языка.

Ключевые слова: *формы существования языка; литературный язык; территориальные диалекты; социальные диалекты (арго, жаргон, сленг); диглоссные пары (тайные аргю + народный язык).*

1. Самым совершенным продуктом природы и общества на планете Земля является человек, а из его достояний – язык. Он многофункционален, многовариантен и, главное, всё, появляющееся в нём, неслучайно. Общественно-историческими факторами обусловлено многоязычие и наиболее типичное его проявление – двуязычие, или билингвизм.

Общественные нужды вызвали его дифференциацию на *литературный язык и нелитературные формы его существования – территориальные диалекты, социальные диалекты* и др. Закономерно и появление разновидностей (типов, подтипов...) социальных диалектов – таких, как: *профессиональные говоры* (лексические системы), *тайные языки, молодёжные жаргоны, сленг* [Бондалетов, 2015].

Среди форм существования языка (ФСЯ) выделяют а) *основные* (литературный язык, территориальный диалект, просторечие) и б) *второстепенные* (все другие, обычно более мелкие разновидности). Владение хотя бы двумя основными формами существования языка (литературным языком и, например, одним из территориальных диалектов или одним из социальных диалектов) даёт особое *двуязычие*, называемое термином *диглоссия*.

Известно, что лиц, владеющих несколькими языками, называют *полиглотами*. А для знающих несколько ФСЯ одного языка

(литературный язык, диалект села, жаргон молодёжи или тайное арго, или... (этот перечень можно продолжить) общепринятого названия пока нет (их можно бы назвать *полиглоссамми*). Как видим, специалистам по языкам, их разновидностям и «сочетательным парам», вызывающим их «диглоссные» «переключения» (смену кодов) и взаимодействия, приходится задуматься над пополнением своего метаязыка. На наших глазах его пополняют арго (тайные языки типа офенского), жаргоны, корпоративные и корпоративно-профессиональные разновидности.

2. Носителями тайных арго (офенского языка, арго ремесленников-отходников, деклассированных) были в своём большинстве крестьяне, владевшие: а) родным *диалектом* (владимирским, костромским, ярославским...) и б) одним из тайных – *арго* («сúздальским», «га́личским», «жго́нским», «шубре́йским», «пона́тским» и др.). В голове торговца, шерстобита, любого другого ремесленника-отходника сосуществуют два средства общения: *местный диалект* + *лексическая система*, состоящая из набора «непонятных для посторонних» слов» (фонетический и грамматический строй берётся из народного диалекта). Что это? Двужычие? Да, только на уровне словаря, т. е. при почти полном повторении фонетики и грамматического строя родного диалекта. Правда, в «тайных лексиконах» присутствуют и тайные же слова-*профессионализмы*, хотя их доля в десятки раз меньше, чем сотни (максимум до 1000–1500 слов) названий-обозначений обычных предметов. Тайными словами обозначаются разновидности инструментов ремесленника (название колодки – *крандау́лка*), материала (шерсть – *ма́рхля*), изготавливаемой обуви (валенок – *у́пак*), названия его частей (нос – *ано́шка*, задник – *дю́па*)... Да, эти предметы могут иметь «тайные» названия; они составляют в арго обычно не более 5 % всей лексики. Основная масса арготических слов – это названия человека, жилища, одежды, обуви, продуктов питания, животных, птиц, названия чисел, признаков, наречий и др.

Всего в русских арго около 30 тысяч разных лексем. Откуда взялись? Их придумали не дети (обычно склонные к словотворчеству...), а взрослые, серьёзные дяди. Это слова-*неологизмы*. Для игры-забавы? Этим дядям не до игры. Их «странные» слова – для дела, для личной безопасности, нередко для выражения досады на допущенный брак (дыру... в валенке, которую надо бы замаскировать, заделать, скрыть от хозяина-заказчика). Эти и тысячи других аргогизмов-неологизмов – нетронутая кладовая для изучения словотворчества, и арготического,

и просторечного, и диалектно-народного. ...И полношко ратаево для этимологов. Как бы освежилась проблематика диссертаций по диалектологии, этнологии и этнографии!

3. Прислушиваемся, присматриваемся к фразам, к сохранившимся текстам на арго. Их собиратели, конечно, разной квалификации. И носители арго тоже. Им в помощь – диктофоны и даже аудио-видео фиксаторы. Автор, к счастью, подоспел и имеет некоторые неплохие записи по офенскому арго Ульяновской области (п. Сокиро) и жгонскому языку Ивановской.

В целом же текстовый материал, к счастью, есть в отдельных фиксациях с 1786 (кричевские мастеровые и мещане) до 2015 г. (по языку жгонов), который мы обобщим в специальной хрестоматии (1. Тексты арго-русские; 2. Тексты русско-арготические). Арготические тексты дополняют более богатую «текстотеку», созданную в период проведения массовых экспедиций в связи с составлением Диалектологических атласов русского, белорусского и украинского языков, а также «Общеславянского лингвистического атласа» (ОЛА).

4. Доступные нам материалы по русским арго обращают на себя внимание тем, что в них «незнаменательные» части речи («частицы» речи) – союзы, частицы, предлоги – обычно наши, русские. А знаменательные части речи (существительные, прилагательные, числительные, местоимения, наречия) замещаются арготизмами. Эти лексико-грамматические разряды слов – носители смысла, его-то и призваны заслонять арготизмы. Подобные факты типичны для арго многих народов Европы, Азии, Африки, причём как для современных, так и отдалённых этапов их истории.

Полуграмотные коробейники прекрасно чувствовали семантику не только слов, но и частей слова – *морфем*, корневых и аффиксальных. Более того, для придания своей речи «необычности» и непонятности, а порой и «загадочности» в некоторых вариантах арго использовались семантически ненагруженные, отвлекающие, «маскировочные» морфемы»: жалк-*омн*-о – жалко, кругл-*омн*-ый, мокр-*имн*-ый – мокрый и др. Кто подсказал работягам-умельцам модель слова с обманной «морфемой»? Какой-нибудь диалект или этнический язык?! Ведь не без влияния языков взрослых появлялись игровые «детские языки» (см. Н.Н. Винградов, А.Н. Гвоздев, К.И. Чуковский и др.).

5. Супплетивизм и его преодоление в арго. Супплетивизм – это «образование» грамматических форм одного слова от разных корней. *Иду – шёл, хороший – лучше, я – меня, мне, мной*. В более

широком плане – это обозначение *разными* словами гендерных, видовых, категориальных и ряда других общностей: *человек – люди, ребёнок – дети, идти – ходить, один – первый, два – второй*.

Супплетивизм в индоевропейских языках – черта далёкого прошлого, свидетельствующая об их генетической общности. Русская народная речь – не исключение. А как реагируют на эту закономерность арго? По-разному, но чаще всего избегаются от «разнословия»: иду (*хлю*) – шёл (*хлил*); хороший (*клёвый*) – лучше (*клёвее*); я (*мас*) – меня (*масá*), человек (*вёкчел, дуль*) – образованы перестановкой слогов в словах «человек», «люди», ср. также: *вёкчелы* (о людях, мн. ч.).

Сложнее и интереснее ситуация с числительными *один – первый, два – второй*. Для количественных числительных в арго были приспособлены заимствованные слова: *один* (*ён* – греч.), *иктон* или *иктут* – финно-угорск., а для порядкового «первый» – *ённый* – то же, но с приданием флексии *-ый* (*ённый, ённый*). Чаще же используется одна форма, обозначая, по ситуации, и «один», и «первый».

Для «*два – второй*» картина осложняется тем, что для «два, две» используются не только иноязычные обозначения вроде греч. *зю*, а также *здю, зюма*), *зю декусов* – 20 (два десятка), но и их производные с семантикой «второй» – *зюмный, здюмный, здёшный*, в других арго финно-угорск. *кóкур* – два, *кóкурный* – второй, другой, а в западных арго русское – *двёня, трёня* и др. Кстати, разнообразие и многовариантность обозначения денежных единиц в арго вряд ли случайно. Деньги почти всегда сопровождаются эмоциями. Вспомним хотя бы названия карт в речи гоголевских картёжников. У наших арготирующих эмоционально-коннотативное сопровождение «холодных числ», видимо, несколько иное.

Русское арго, видимо, уже с момента своего возникновения не принимало супплетивизма, что подтверждается примерами гендерно-возрастных обозначений животных и птиц словами-формами общего для них одного корня. Ср.: овца – *бахля*, баран – *бахлей*, баран – *бормат*, ягнёнок – *бармушонок*.

В гендерной парадигме «курица – петух – цыплёнок» первое место по количественной представленности занимает «курица» (более 40 слов-арготизмов), второе – «петух» (20) и третье – «цыплёнок» (5). Уже количественный разноразрядностью свидетельствует о том, что гендерная парадигма не выдерживается ни в архаическом, ни в современном формате. Арго неудержимо вариативен по набору слов и их фонетического облика.

6. Даже в лексике – самой подвижной части едва ли не всех языков мира – русские и другие восточнославянские аргю «копируют» общенародные языки, позволяя говорить 1) о *ядерной* части арготизмов и 2) их *периферии*, причём с разной реакцией их на такие факторы, как время, пространство, социальный вектор («вертикальный» контекст). Так, офенский фонд слов выступает как ядерный в семантико-тематическом плане, устойчивый во времени, как непреременный в центральных торговых и даже ремесленных аргю в записях 1) конца XVIII в. (Паллас, 1787 г.), 2) первой четверти XIX в. («Реестр офенского наречия» и др. А. Успенского), 3) середины XIX в. (В.И. Даль, И.И. Срезневский и др.), 4) последней трети XIX в. (И. Гольшев, В.И. Чернышев), 5) XX в. (Е.Р. Романов, С.И. Котков, А.И. Попов, В.Д. Бондалетов) [Бондалетов, 2003; Бондалетов, 2014]. Подтвердим материалом слов *офенского языка Владимирской губ.* Годы фиксации: 1787 (Паллас, Суздальский уезд), 1820–1828, 1847, 1853, 1854, 1857, 1873, 1961 (Бондалетов, пос. Мстера Вязниковского р-на Владимирской обл.). (См. также: *Приёмьшева М.Н.* Тайные и условные языки в России XIX века. Ч. 2. Приложения. – СПб.: Нестор-История, 2009. – С. 51–92.)

Аршин – нарник, куршин, шуршин. *Амбар* – сумашник, сумартник и др. *Баба* – куба, кубахея. *Барин* – ховряк, ховрей. *Барыня* – ховрейка, ховрячка и др. *Барыш* – калым, калыш. *Барышня* – ховреешня, ховрешня. *Бить* – косать, кососать. *Блин* – филлак, филосы. *Бог* – стод, стот. *Борода* – трёфа, тряфа, трепа. *Брат* – збран, збраныга, збранко. *Бумага* – пельмиха, пельмага, пельмишка. *Вода* – дрябож, дряба, дрябон и др. *Вожжи* – щавы. *Волосы* – васильки и др., киёсы. *Вор* – шур, клим. *Восемь* – вондара. *Вошь* – стиж, стибач и др. *Глаз, глаза* – вершало, вербух и др. *Говорить* – зетить. *Голова* – котева. *Двор* – хаз, хас, рым. *Дворник* – рымщик. *Дева* – шиктора, карюк, карюка, карючонок ласенький – девочка маленькая. *Дорога* – устрек, истрега, устрёка и др.

7.0. Исключительно ценны и информативны параметры *удельного веса частей речи*, глагольных классов, спряжений, модели грамматических сочетаний, построение моделей предложений, интонационных конструкций (ИК).

7.1. Материал условно-профессиональных аргю с исключительной наглядностью подтверждает, в частности, деление всей лексики языка на два основных разряда: а) слова знаменательные и б) слова служебные. В аргю присутствуют лишь слова первого разряда, обладающие лексическим значением и способные выступать

членами предложения. На долю всех знаменательных частей речи в арго (как и в общенародном языке!) приходится около 90 % слов, на «частицы» речи (общенародные по своему характеру!) – 10 %. Среди самостоятельных слов имена существительные в арго составляют в среднем 50 %, имена прилагательные – 6 %, глаголы – 26 %, наречия – 5 %. В общих чертах эти данные сходны с теми, которые получены при статистическом обследовании русского литературного языка (в нём существительные составляют 44 % слов, прилагательные – 13 %, глаголы – 24 %, наречия – 9 %).

7.2. В арго находим существительные трёх грамматических родов: *рым* – дом, *ряха* – изба, *ферó* – сено. По количеству охватываемых слов первое место занимает мужской род (53 %), второе – женский (43 %), явно уступает им средний род (около 3 %), а также категория слов общего рода (менее 1 %). Показательно, что низкий процент аргоизмов среднего рода наблюдается не только в арго с южнорусской грамматикой (где эта категория ослаблена), но и в арго, функционирующих на базе севернорусской и среднерусской грамматики.

7.3. Большие возможности открывает арготический материал для изучения народного словообразования, в особенности морфологического словопроизводства. Здесь находим в основном те же виды этого способа словообразования (суффиксальный, префиксальный, суффиксально-префиксальный), которые свойственны и общенародному языку. Общими оказываются и многие другие словообразовательные модели и аффиксы, которые на фоне «странных» аргологических корней (основ) выделяются особенно отчётливо (как в авторских и некоторых общенародных неологизмах).

7.4. Много даёт изучение словообразования аргоизмов-глаголов; арготические данные, в частности, подтверждают разделение всех глаголов русского языка на продуктивные и непродуктивные классы (группы). В арго видим лишь глаголы, образованные по продуктивным моделям; причем, глаголы I класса (типа *бусать*, *бусáю* – пить) составляют здесь 43 %, II класса (типа *хамлётъ* – *хамлэю* – болеть) – 2 %, III класса (*ярговáть*, *яргую* – жить) – 3 %, IV класса (*пу́лить*, *пулю* – купить) – 50 %, V класса (*дякáть*, *дякнү* – дать) – 2 %. Резкое преобладание глаголов IV и I классов, несомненно, отражает высокую продуктивность этих словообразовательных типов в общенародном языке.

8. Сам факт возникновения арго как особого, хотя и явно дополнительного *средства* бытового общения, взявшего на себя широкий

круг функционо-прагматических обязанностей и создавшего в соответствии с ними свои языковые сущности, оправдавшего себя в постоянно меняющихся временных и локально-пространственных обстоятельствах, и факт бесконфликтного сосуществования этого феноменального и распространённого у многих народов мира социально-лингвистического явления, уникален и ценен. Ценен как некий опыт заботы об улучшении условий материальной и духовной жизни человека, как практически возможный способ «самообеспечения» нормальной экологией общения в условиях, далёких даже от минимального комфорта.

«Тайные языки» – это универсально-надёжные друзья и опора демократических низов многих народов всех континентов.

9. О пользе их изучения для академической науки говорить излишне. Особенно они интересны для лингвистов и этнологов странствующих профилей (это социально-этнический аспект); они полезны для лингвистов, занимающихся языками синтетического строя (типа русского языка), в частности, для изучения их фонетических, лексических и грамматических систем; ценны как имевшие общие и специфически-социолингвистические контакты и последствия этих контактов в виде заимствований (из индоевропейских – греческого, славянских, германских, балтийских, не говоря уже о близкородственных (славянских!) языках).

10. Знание социальных разновидностей восточнославянских языков обогатит наше представление о диалектном членении русского языка (особенно Европейской части России), о севернорусском и южнорусском наречиях и среднерусских говорах, об ареальных единицах территориально-диалектного членения – диалектных зонах, межзональных группах; подтвердит наличие основной массы территориально-диалектных черт (в вокализме, консонантизме), отразившихся и в аргогическом материале, это с одной стороны, а с другой стороны, оттенит («выпятит») факты «неожиданных» отклонений от территориальной нормы за счёт «вмешательства» аргогических явлений, чаще всего лексики иноязычного происхождения, полученной или созданной (в нашем случае) на базе корневого фонда финно-угорских, тюркских и некоторых других языков России.

Поскольку лингвогеография («изогlossные карты» социальных диалектов) в значительной мере отличается от территориальной (см. карту «Распространение условно-профессиональных языков в прошлом и (в обводке) теперь [Бондалетов, 2004]), пора позаботиться о создании карт и даже тематических атласов по социальной

диалектографии (напр., карты местонахождения арго с максимальным количеством гречизмов (офенизмов), финно-угорских (в арго ремесленников), тюркских элементов (в торговых и иных арго).

Библиографический список

Бондалетов В.Д. Библиографический указатель по русистике, славистике, лингвистике / отв. ред. Е.С. Скобликова. – Пенза: Изд-во ПШПУ, 2003. – 127 с.

Бондалетов В.Д. В.И. Даль и тайные языки в России. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 446 с.

Бондалетов В.Д. Жгонский язык во времени и пространстве // Вторые Громовские чтения. «Русские народные говоры: прошлое и настоящее». Кострома, 17–18 окт. 2014 г.: сб. материалов и исслед. всерос. науч.-практ. конф. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2014 – С. 51–61.

Бондалетов В.Д. Социальная лингвистика: учеб. пособие. – 4-е изд., доп. – М.: Ленанд, 2015. – 208.

Бондаренко Е.Д. (Екатеринбург)

К ВОПРОСУ О СТРАТЕГИЯХ ДЕФИНИРОВАНИЯ В ЛЮБИТЕЛЬСКИХ СЛОВАРЯХ ДИАЛЕКТНОСИТЕЛЕЙ

Статья посвящена особенностям наивных толкований слов в любительских диалектных словарях. Автор анализирует стратегии наивного дефинирования, соотносит выбор той или иной стратегии (идентифицирующей, классифицирующей, характеризующей) с интенциями и задачами составителей словарей. Значимым, как представляется автору, является для наивных лексикографов также выбор того или иного аспекта значения слова: слово как обозначение предмета действительности; слово в системе языка; слово в акте коммуникации. Материалом для статьи послужили 13 авторских словарей диалектоносителей, фиксирующих слова архангельских, костромских, челябинских, свердловских говоров, а также русских говоров ХМАО и Литвы.

Ключевые слова: диалектология; лексикография; наивная лингвистика; любительский словарь; наивная дефиниция.

В ходе полевых исследований лингвисты нередко сталкиваются с проявлениями наивной метаязыковой рефлексии. Потребность в размышлениях над устройством языка и его функционированием возникает даже во время обыденной повседневной коммуникации, беседа же в рамках сбора диалектной лексики исходно настраивает информантов на «метаязыковой» лад. Так, в частности, собирателями фиксируются рассуждения диалектоносителей о «старых» и «новых» словах, о городской и деревенской речи, о происхождении

слов и выражений и т. д. Наиболее комплексным результатом метаязыковой деятельности наивных лингвистов являются так называемые словари местных слов.

Любительские словари демонстрируют наивные способы интерпретации лексической семантики, представления диалектоносителей о родственных связях слов, о соотношении слов и вещей, о системных отношениях в лексике и др. Помимо метаязыковой, важной функцией словарей, создаваемых диалектоносителями, является меморативная – «функция памяти», стремление зафиксировать уходящие в прошлое слова.

Анализируя подходы непрофессиональных лексикографов к композиции словаря, структуре отдельных словарных статей, можно делать некоторые выводы, касающиеся воззрений диалектоносителей на словарь как особый «жанр» лингвистического описания. Настоящая статья посвящена особенностям наивных толкований слов в любительских словарях диалектоносителей.

К анализу привлечены 13 авторских словарей диалектоносителей*. Среди них фиксируются слова следующих групп говоров: архангельских [МСУ – Березович, 1997**; ААД – Мороз, 2010; Шутова, 2009; ААП; ЛНЖ; ЭАУ], костромских [НВД; НПД; ВПК], челябинских [БПП], свердловских [ЛФВ – Востриков, 1995],

* В числе словарей, анализируемых в статье, есть опыты наивной лексикографии, оформленные как простой список слов и как «полноценный» толковый словарь. С л о в а р и к и с п и с к и включают в себя в среднем 30–50 слов; не являются композиционно выстроенными; в большинстве случаев предназначены для «внутреннего пользования». Объем словника в толковых словарях диалектоносителей достигает нескольких сотен; композиция выстроена. Широкому читателю подобные словари становятся известны, как правило, по публикациям, подготовленным лингвистами-профессионалами. Реже диалектоносители сами готовят к публикации свои тексты.

Среди авторов словарей присутствуют как «чистые» диалектоносители (люди, прожившие всю жизнь в одной местности, имеющие неполное образование и т. д.), так и «бывшие» диалектоносители (уехавшие из деревни в город, получившие образование и пр.). В одном случае автор словаря совместил опыт диалектоносителя и профессионального лингвиста (Г.К. Венедиктов, славист, доктор филологических наук, родом из д. Уличелы Зарасайского уезда Литвы).

** Для словарей, публикация которых подготовлена профессиональными лингвистами, приводятся инициалы автора словаря и паспортизирующие данные публикации; для словарей, опубликованных самими авторами, – только ссылка на публикацию; для неопубликованных словарей – только инициалы автора. Расшифровка инициалов, краткие сведения об авторах и словарях приводятся ниже, см. «Словари и их составители».

говоров ХМАО [Белобородов, 2007], русских говоров Литвы [Венедиктов, 2011]. 7 из рассматриваемых словарей было передано сотрудникам Топонимической экспедиции Уральского федерального университета в Костромской области и на Русском Севере.

Стратегии толкования значения слова наивными носителями языка рассматривались в книге А.Н. Ростовской [Ростова, 2000]. Анализируя метаязыковые высказывания диалектоносителей, автор выделяет три основных типа стратегий осознания значения.

1. Идентифицирующая стратегия. «Результатом идентифицирующей стратегии осознания значения слова является описание отражаемого словом предмета или шире – ситуации» [Ростова, 2000: 161]. При этом толкования могут быть двух видов:

а) денотативно ориентированные, когда обозначаемое описывается как единичное явление в совокупности своих признаков, свойств и т. д. Ср.: *Это опояска, ткали её сами, таки берда были, ну, ширины сантиметров десять-пятнадцать, кто каку выткет, и подболокались* [Там же: 162];

б) сигнификативно ориентированные, когда выявляются различительные признаки слов внутри тематического ряда. Ср.: *Лихота – это лихо, это жарко, воспарение шишко, лихо когда буваат* [Там же: 60].

2. Классифицирующая стратегия. «Значение представлено как элемент зафиксированной в сознании системы ассоциативных связей слов, основанных на отношениях сопоставления и противопоставления» [Там же: 162]. Ср.: *Опояска – опоясывались, сейчас пояс* [Там же]; *Кострюк – это как стерлядь, только нос тупой* [Там же: 163]. Толкования такого рода отражают парадигматические отношения между словами (отношения синонимии, антонимии, семантического и формального варьирования и др.).

3. Характеризирующая стратегия. В ходе толкования происходит моделирование элементов коммуникативного акта употребления слова. Толкование может осуществляться через соотнесённость со свойствами референта и типовой ситуацией словообозначения (ср.: *Привечать. Вот вы пришли, я вам говорю: «Проходите, пожалуйста», – вот вас привечаю* [Там же: 159]) или через соотнесённость с интенциями говорящего (ср.: *Глаза, зубы, а рассердишься – глазишиши, зубишиши* [Там же: 160]).

Отталкиваясь от данной классификации, можно проанализировать и стратегии дефинирования, которые используют наивные

составители диалектных словарей, попробовав понять, от чего зависит выбор наивным лексикографом способа толкования слова.

Словари диалектоносителей можно в некоторой степени сопоставить с двуязычными словарями: авторы стараются «перевести» диалектные слова и выражения на литературный язык. Соответственно, для таких словарей будет характерной классифицирующая стратегия дефинирования: толкование через литературный синоним, ср.: *середь* – кухня, *лопоть* – бельё, *баской* – красивый [ВПК], *нонче* – сегодня, *балакать* – говорить [НВД], *бодрой* – нарядный, *вомры* – в тартарары, *приверни* – зайди [НФШ], *нетать* – мучить, издеваться, *маха* – лапта, *не начаялась* – не ожидала [ААД – Мороз, 2010] и т. д. При этом встречаются случаи толкования диалектного слова через диалектный синоним, ср.: *прихехе* – дроля [МСУ – Березович, 1997], *приушомкалось* – приутихло, *кондырится* – величается, *на базулились* – на вадились [ЛФВ – Востриков, 1995], а также – чаще – слова литературного языка через литературный синоним, ср.: *намедни* – недавно, *угомонился* – успокоился [НВД], *онуча* – портянка, *лавка* – скамейка [ВПК] и др.

Следует отметить также отражение в авторских словарях явления «ситуативной» синонимии (ср.: *куделька*, *прииск* – Асбест [ЛФВ – Востриков, 1995]) и «диахронической» («эстафетной») синонимии (ср.: отмеченные издателем толкования Ваулиной: *кабак* – сентросприт, *урядник* – милиционер, *волось* – сельский совет и др. [Там же]).

Толкования через литературный синоним, очевидно, характерны для диалектизмов, имеющих эквивалент в литературном языке. В случаях, когда диалектные слова обозначают реалии, не имеющие литературных эквивалентов (например, предметы сельского быта), или представляют собой термины рыбалки, охоты, сельскохозяйственной деятельности, ландшафта и т. д., наивные лексикографы используют идентифицирующую стратегию дефинирования. Это может быть традиционная для толковых словарей сигнификативно ориентированная дефиниция, ср.: *бахары*, *ступни* – обувь сенокосная [ВПК], *задергушки* – короткие занавески [ААД – Мороз, 2010], *ростани* – место, где расходятся дороги [Шутова, 2009: 28] и др. Отметим, что диалектоносители в своих дефинициях часто указывают функции описываемой реалии, ср.: *ледник* – постройка с ямой внутри для набивания льда, снега. Хранили продукты; *поветь* –

помещение над хлебом для сена [ЭАУ]; *полати* – настил из досок у потолка – дети спали [ААП] и др.

Однако, в отличие от профессиональных лексикографов, авторы «внутренних» словарей нередко при дефинировании слов идут «от ситуации», создавая денотативно ориентированные толкования (в соответствии с терминологией А.Н. Ростовской). Ср.: *охапка* – куча корма под мышкой [ААД – Мороз, 2010], *розпелила* – разостлала по лавке дубас, *рострепескал* – схохололил волосы, изорвал платье, *вколье и вмелье* – один наряд на праздник и на работу [ЛФВ – Востриков, 1995], *избомытье* – мыли избу перед Пасхой [МСУ – Березович, 1997], *посудник* – ставят посуду, *лапотье* (бедные) – тряпичные значит бедные [ЛНЖ]. При таком типе толкования словарная статья иногда неотличима от контекста, ср.: *охлепесты* – любят походить в люди, *хитник* – искал золото, *лукошко* – хранить муку [ЭАУ]. Значение может быть сформулировано предельно конкретно, с ориентацией на денотативную ситуацию, релевантную для автора словаря, ср.: *кошки* – песчаные бугры около моря, где растут ягоды (ср.: *кошка* ‘песчаная отмель’ [СРНГ, 15: 149]), *макать мачко* – есть руками кислую рыбу с хлебом, *на шлепала* – н. р. ребенка по заднице, *тренькала бренчала* – стучала в окно [ЛФВ – Востриков, 1995], *напорозно* – пей чай без ничего [ААП], *сутемки* – зимой лампу зажигать еще рановато, но темненько, залезу на печку, посумерничаю [Там же].

Наивный лексикограф сужает значение слова в толковании, предельно его детализирует, делая смысловоразличительными те признаки, которые являются важными в бытовом использовании предмета.

Использование характеризующей стратегии осознания значения в словарях диалектоносителей также является весьма частотным. Ориентация на коммуникативный акт свойственна составителям авторских диалектных словарей, что отражается в различных зонах словарной статьи; о ней свидетельствуют особенности выбора формы заглавного слова; «ситуативная» синонимия и антонимия; «ситуативный» порядок следования словарных статей. В создании дефиниции авторы словарей также ориентируются на коммуникативную ситуацию, что может проявляться несколькими способами.

1. Приведение контекста, в который помещается толкуемое слово (достаточно редко, только в некоторых словарях), ср.: *дотыкались* – обращались. «Доткнешься еще» – еще будет возможность

обратиться [Шутова, 2009: 10]; *потратился* – сгнил; «потратился урожаем чеснока» [Там же: 26]; *без году неделя* – совсем недавно. В бригаде без году неделя, а уже стариков учит [Белобородов, 2007: 18]; *остуда* – неприятность (одна остуда лучше двух) [ААД – Мороз, 2010: 21].

Контекст может выступать как в качестве иллюстрации (примеры, приведенные выше), так и в качестве самой дефиниции (или её части), ср.: *охапка* – несущая охапку дров [НВД]; *игровая* – «кошка игровая», любит поиграть [Шутова, 2009: 13]. В дефиниции может приводиться «литературный перевод» всего контекста, в который помещено описываемое слово, ср.: *налупила* – набила, «налупила вицей», набила ивовым прутом [Там же: 18].

2. Коммуникативное толкование. Слово (выражение) толкуется с помощью описания его функций в рамках коммуникативной ситуации, в толкование включаются интенции говорящего, ср.: *я те ужю* – грозится [ЛФВ – Востриков, 1995: 106]; *тысинка* – нежно-ласкательное слово к ребенку [Шутова, 2009: 33].

Установка на акт коммуникации прослеживается также в дефинициях словаря Б. П. Плаксина, когда он «переводит» с диалектного на литературное целые фразы (*Оконуил чולי?* – Помер что ли?) или помещает в зону толкования «рекомендуемый» ответ, реакцию на высказывание, являющееся заглавной единицей словаря (*Болташь небось?* – ответ: «Болтают ногами» [БПП]).

Итак, при анализе стратегий толкования, используемых диалектоносителями в своих словарях, можно, думается, говорить о постановке на передний план одного из следующих аспектов значения слова*:

* В данном контексте интересно сравнить особенности стратегий толкования «наивных» лексикографов со схемой «обыденного толкования», предлагаемой в «Словаре обыденных толкований русских слов» [СОТРС]. «Составители СОТРС включили в анкеты слова-стимулы и предложили испытуемым записать рядом с каждым словом-стимулом репрезентации его значения. Предлагались шесть типов вопросов, которые предполагали три разные формы репрезентации (дефиниционную, ассоциативную и ассоциативно-номинативную) и два разных типа значения слова (лексическое, мотивационное)» [СОТРС: 4]. В результате словарная статья в СОТРС представляет из себя 6 зон, где представлены варианты толкований по мере убывания количества совпадений анкет: 1) значение; 2) ассоциации; 3) фразы; 4) объект называния; 5) созвучия; 6) этимология. Например: «Антоновка – 1) сорт яблок; 2) деревня; 3) Антоновские яблоки; 4) деревня; 5) морковка, тонировка; 6) от имени Антон» [Там же: 30]. Как кажется, дефиниции в любительских словарях диалектоносителей во многом строятся по сходным механизмам.

– слово как обозначение предмета действительности (отношения «слово – реалья»). В случае идентифицирующей стратегии дефинирования наивные лексикографы обращаются не столько к толкованию слова, сколько к описанию реалии, обозначаемой словом (такие толкования характерны в первую очередь для предметной лексики);

– слово в системе языка (отношения «слово – слово»). В случае классифицирующей стратегии на первый план выводится слово в свете его парадигматических отношений с другими единицами языка. Такие толкования приводятся в случаях, когда в активном употреблении составителя словаря находится литературный эквивалент толкуемой лексической единицы;

– слово в акте коммуникации (отношения «слово – коммуникативная ситуация»). В случае характеризующей стратегии дефинирования в центре внимания лексикографа оказываются особенности функционирования слова в коммуникации;

– слово как выразитель интенций говорящего. Чаще всего с помощью данной стратегии толкуются экспрессивные существительные, глагольные формы, местоимения, наречия, частицы, устойчивые обороты речи – слова, несущие функцию выражения интенций автора высказывания.

Словари и их составители

ААД – *Александра Алексеевна Дьяченко*. Жительница с. Ухты Каргопольского района Архангельской области. Родилась в Ухте, училась в Каргополе, несколько лет работала учителем в Карпогорском (совр. Пинежском) районе. Некоторое время посылала в газету «Каргополье» списки местных слов; позже познакомилась со словарем Н. Ф. Анина, преподавателя Каргопольского ПТУ. Словарь А. А. Дьяченко скопировали участники экспедиции РГГУ в Каргопольский район Архангельской области в 2010 г. А. Б. Мороз подготовил словарь к печати и опубликовал его [Мороз, 2010]. Объём словаря – около 180 слов.

ААП – *Анна Александровна Подшивалова*. Уроженка и жительница д. Шотогорка Пинежского района Архангельской области, родилась в 1935 г. Окончила 8 классов местной школы, работала счетоводом и бухгалтером в совхозе. Объём словаря – порядка 30 слов и выражений. Словарь передан участникам экспедиции Европейского университета в Санкт-Петербурге в 2008 г.*

* Благодарим К. Гаврилову за передачу нам копии словаря А.А. Подшиваловой.

Белобородов, 2007 – *Валерий Константинович Белобородов*. Родом из г. Сургут Ханты-Мансийского автономного округа, журналист. Основатель и первый редактор ежемесячного журнала «Югра». Словарь написан как попытка восстановить по памяти сургутскую речь периода, когда там жил автор.

БПП – *Борис Петрович Плаксин*. Житель г. Бакал Челябинской области, плотник и кулинар, певец и футболист. Старается «собрать редко употребительные и напротив уже привычные для слуха слова, но звучащие с акцентом, резко отличающимся от современного языка». Примерный объём словаря – порядка 4000 слов. Словарь подготовлен к печати самим автором. В редактировании словаря принимала участие проф. Уральского федерального университета М.Э. Рут. Словарь пока не опубликован.

Венедиктов, 2011 – *Григорий Куприянович Венедиктов*. Родом из деревни Уличелы Зарасайского уезда Литвы, одной из деревень русскоязычного населения Литвы, потомков древних староверов, переселившихся в Литву из северо-западного региона России. Во время Великой Отечественной войны оказался в с. Сакмара Оренбургской области, после окончания войны учился в Вильнюсе, затем в Ленинграде. Лингвист, славист, доктор филологических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН. Словарь – опыт наивного осмысления языкового материала профессиональным лингвистом. Идеографический словарь «незабытой лексики далекого прошлого» содержит около 190 лексем.

ВПК – *Валентина Петровна Криулина*. Жительница с. Боговарово Октябрьского района Костромской области (родом из Новинского с/с того же района). Муж Валентины Петровны, Алексей Никанорович Бадин, родом из Соловецкого с/с – северо-восточной окраины района, территории, граничащей с Кировской областью. Речь жителей Соловецкого с/с заметно отличается от речи остального населения района, что подвергается значительной рефлексии. Это находит отражение в словаре В. П. Криулиной, где для отдельных реалий приводится и «костромское», и «вятское» слово. Словарь передан участникам Топонимической экспедиции Уральского государственного университета в феврале 2011 г. Объём словаря – 50 слов.

ЛНЖ – *Людмила Николаевна Жданова*. Жительница с. Тохта Ленского района Архангельской области. Долгое время жила в Архангельске. Словарь составлялся по просьбе собирателей – участников Топонимической экспедиции Уральского государственного

университета в августе 2008 г. В словаре зафиксировано порядка 40 языковых фактов. Словарь не опубликован, существует только в рукописном варианте.

ЛФВ – *Людмила Федоровна Ваулина*. Жительница с. Измоде-ново Белоярского района Свердловской области. Людмила Федоровна назвала свой словарь «Сбор и перевод старинных слов». В словаре проставлена сплошная нумерация, заканчивающаяся номером 977, однако «реальных» слов, исключая повторы, в словаре около 700. Словарь передан Людмилой Федоровной сотрудникам фольклорной экспедиции, возглавляемой В. Н. Тепловым, в настоящее время хранится в фондах Свердловского областного дома фольклора. К публикации словарь подготовил О. В. Востриков [Востриков, 1995].

НВД – *Нина Васильевна Долматова*. Родом из д. Безводное Октябрьского района Костромской области, позже переехала в другой сельсовет того же района (с. Боговарово). Первый словарь передан участникам Топонимической экспедиции Уральского государственного университета в феврале 2011 г. Объем словаря – порядка 50 слов.

НПД – *Николай Петрович Девятериков*. Житель с. Соловецкого Октябрьского района Костромской области (северо-восточная часть района, на границе с Кировской областью). Родился в с. Соловецком, закончил Библиотечный институт в Омске, вернулся на малую родину, работал библиотекарем в с. Соловецком. Собрал библиотечный фонд в 22 000 единиц, организовал детскую библиотеку. Готовит к печати книгу об истории родного села. Словарь – результат размышлений автора над различиями говоров в Омской, Костромской и Кировской областях, на Вятке (с. Соловецкое костромичи считают уже *Вяткой*, а его жителей – *вятчанами*). Сравнивая говоры, автор фиксирует то, что, по его мнению, является именно соловецким. Словарь передан участникам Топонимической экспедиции Уральского государственного университета в феврале 2011 г. Объем словаря – около 40 слов.

МСУ – *Мелина Семеновна Устинова*. Жительница деревни Летняя Золотица (Приморский район Архангельской области), библиотекарь. Словарь Мелины Семеновны насчитывает 307 языковых фактов (291 слово и 16 идиом). Он передан автором сотрудникам топонимической экспедиции УрГУ в августе 1993 г. Е.Л. Березович подготовила словарь к публикации, написала к нему вводную статью и опубликовала его [Березович, 1997]; затем М.С. Устинова

прислала новые материалы, и через шесть лет была опубликована более полная версия [Березович, 2003].

Шутова, 2009 – *Надежда Федоровна Шутова*. Уроженка деревни Воропыгинской (Сивчуга) Вельского района Архангельской области (территории, где Архангельская область граничит с Вологодской), фельдшер. Любовь к народному слову Надежде Федоровне привили бабушка, мама и тётя. «Они разговаривали, не зная грамматики русского языка, а так, как говорили их предки. Пословицы, поговорки, приметы погоды, быта – передавали народную мудрость из поколения в поколение» [Шутова, 2009: 7]. Словарь опубликован в Вельске в 2009 г*.

ЭАУ – *Эвелина Алексеевна Успасских*. Жительница с. Яренск Ленского района Архангельской области. Составляла словарь самостоятельно, «для себя» и «для памяти». Словарь передан участникам Топонимической экспедиции Уральского государственного университета в августе 2008 г. Объём словаря – около 50 языковых фактов (лексем, поговорок).

Библиографический список

[*Белобородов*] Слово за слово: особенности речи сургутян в 1940–1950-е гг.: Словарь-воспоминание / сост. и вступ. ст. В.К. Белобородова. – Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2007. – 356 с.

Березович Е.Л. М.С. Устинова как языковая личность (к публикации авторского диалектного словаря) // Ежегодник Научно-исследовательского института русской культуры. 1995–1996. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1997. – С. 128–137.

Березович Е.Л. Диалектный словарь М.С. Устиновой (лексика диалекта глазами диалектоносителя) // Актуальные проблемы полевой фольклористики. Вып. 2. – М.: Изд-во МГУ, 2003. – С. 267–277.

Венедиктов Г.К. Незабываемая лексика из далекого детства // Слова. Концепты. Мифы: К 60-летию А.Ф. Журавлёва. – М.: Индрик, 2011. – С. 61–73.

Востриков О.В. «Сбор и перевод старинных слов» Л.Ф. Ваулиной. – опыт диалектного авторского словаря // Ежегодник Научно-исследовательского института русской культуры. 1994. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1995. – С. 101–110.

Мороз А.Б. «Старинные слова» в школьной тетрадке // Живая старина. 2010. – № 1. – С. 19–21.

Ростова А. Н. Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. – 194 с.

Шутова Н.Ф. Словарь говоров Лиходеевских деревень. – Вельск: Вельти, 2009. – 123 с.

* Благодарим А.Б. Мороза за рассказ о словаре Н.Ф. Шутовой и за передачу нам копии словаря.

ГЛАГОЛЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ 'ПРИНЯТИЕ ПИЩИ' В СЕВЕРНОРУССКИХ ГОВОРАХ

В статье рассматривается лексико-семантическая разработка процесса принятия пищи в севернорусских говорах. Выявляются модели словообразования слов, концептуальные понятия, лежащие в основе представления о принятии пищи.

Ключевые слова: диалект; севернорусские говоры; лексика; мотивационная модель.

Среди лоемских глагольных лексем достаточно большую лексико-семантическую группу составляют и глаголы процесса принятия пищи, имеющие в своём семном составе общую категориальную сему 'есть, принимать пищу'. Данная группа в свою очередь подразделяется на ряд подгрупп в зависимости от дифференцирующих сем. Это глаголы с *количественным* значением: 'есть немного, пробовать', 'есть много, жадно', 'есть очень много, досыта', 'съесть все'; и глаголы с *качественным* показателем, выражающим степень интенсивности протекаемого действия ('есть медленно', 'есть быстро') и характер протекания действия ('есть, с характерным звуком, чавкая' и др.).

Количественную сторону приема пищи характеризует ряд подгрупп (микрोगрупп) с семами 'немного', 'много', 'очень много', 'всё'.

Микрोगруппа, объединенная семой 'немного', включает лексические единицы, обозначающие процесс принятия пищи. Это такие глагольные лексемы, как *ткнуть*, *окрупниться*, *пивнуть*, *глонуть*. Собственно лоемский глагол *ткнуть* 'съесть немного, попробовать что-либо из еды' указывает не только на малое количество употребленной пищи, он и содержит указание на причину этого: невозможно съесть много, наколов, ткнув орудием принятия пищи, а не зачерпнув. Процесс, указывающий на то, что пища принимается не для насыщения, а для определения вкуса, называется синонимичным глаголом *окрупниться* 'съесть немного, попробовать что-либо из еды', во внутренней форме которого лежит признак чего-то небольшого, такого как «крупинка». Глаголо *пивнуть* в первом значении обозначает 'отхлебнуть, попробовать небольшое количество напитка'. Второе значение данного глагола содержит конкретизирующую сему 'отпить спиртное'. Синонимом глагола *пивнуть* является глагол *глонуть* 'сделать небольшой глоток, глотнуть'. Оба глагола построены по словообразовательной модели с суффиксом *-ну-*,

означающим мгновенное и одномоментное действие. Антонимами к данным словам в лоемском говоре будут выступать глагол *вылопать* во втором своём значении ‘выпить спиртного напитка в большом количестве’ и глагол *выглохтать* ‘выпить с жадностью’, противопоставленные по количественному признаку ‘мало’ – ‘много’.

Глаголы *зобать*, *охобачивать*, *мякать*, *жоргать*, *жорать*, *заворачивать*, *лопать*, *выглохтать* называют процесс со значением ‘есть (пить) много, жадно’. Особый интерес представляет употребление в говоре с. Лойма лексемы *зобать* ‘есть много, быстро, без разбору’. Данное слово восходит к известному ещё в XII–XVII вв.: *зобати* ‘есть, кормить’, [Срезневский, 1: 994]. Современные славянские языки (напр.: укр., блр., болг., польск. и др.) не сохранили этого древнего значения. При этом все славянские образования (в том числе и говоры) обозначают процесс, связанный с жизнедеятельностью не человека, а птиц (моллюсков, насекомых) несмотря на то, что в русском литературном языке есть лексема *зоб* ‘расширенная часть пищевода’, а в украинском, белорусском, болгарском и словенском языках употребляется слово *зобъ*, означающее ‘корм’. Таким образом, из современных значений славянских слов с корнем *зоб-* вытеснена сема ‘человек’ и семантический компонент ‘принимать пищу’ теряет роль доминирующего. Интересно отметить, что русский литературный язык не имеет глагольных образований с этим корнем, а в лоемском говоре сохранились и древнее значение, и производные с данным корнем.

В микрогруппу ‘есть (пить) много, жадно’ входят также глаголы с диффузной семантической структурой. Это глаголы *охобачивать* и *мякать*, употребляющиеся в речи не только в значении ‘есть много, жадно’, но и для обозначения любого энергичного, быстрого действия. Следовательно, в данных примерах очень чётко прослеживается выдвигание на первый план семы интенсивности. Кроме того, в данную подгруппу входит и глагол *лопать* ‘жадно, много есть’ и ‘злоупотреблять спиртными напитками, выпивать’, обладающий такой характерной для диалектной лексики чертой, как детализация денотативного компонента, проявляющей себя в формировании в структуре лексического значения семы ‘спиртное’.

Более высокую степень характера протекания действия отражает группа глаголов со значением ‘есть (пить) очень много, досыта’. Её составляют такие лексические единицы, которые обозначают не процесс, а, скорее, состояние, вызванное предыдущими интенсивными действиями: это синонимы *наглодаться*, *насонеться*,

назобаться, нахлебаться, означающие ‘съесть очень много, наесться’, а также глагол *насолониться* ‘съесть очень много солёного, наесться солёной пищей’, характеризующийся детализацией денотативного компонента: он имеет в своем составе уточняющую сему ‘солёная пища, соль’. Глагол *набузгаться* ‘выпить очень много, напиться’ в лоемском говоре означает лишь процесс приема жидкости, тогда как в пермских, новосибирских, челябинских и в ряде других говорах данный глагол означает ‘наесться вдоволь’ [СРНГ, 19: 137]. Все глаголы данной подгруппы образованы по одной словообразовательной модели: с префиксом *на-* и постфиксом *-ся*. Глаголы с данными аффиксами имеют значение ‘дойти до состояния удовлетворения или пресыщения в результате длительного, интенсивного совершения этого действия’.

Микрогруппа со значением ‘съесть всё’, выступает как член градуальной оппозиции, демонстрирующий высшую точку нарастания степени признака действия. Она состоит из лексем *умять*, означающей 1) ‘съесть всё’ и 2) ‘всунуть с силой’, а также *вылопать*, имеющей такие ЛСВ, как ‘съесть всё’ и ‘выпить спиртного’. Также в данную микрогруппу входит глагольная лексема *отъесть* ‘закончить есть, съесть всё’.

Рассмотрев системные отношения в ЛСГ глаголы процесса *принятия пищи*, мы обнаружили такой тип лексико-семантической оппозиции, как *градуальность*, которая является выразительной чертой данных глагольных лексем. Она определяет появление отношений антонимии между её крайними членами, характеризующими противоположные по количественному признаку действия ‘съесть (выпить) немного’ и ‘съесть всё’. Однако данная антонимия принимает вид относительной оппозиции, так как один крайний член градуационного ряда обозначает действие с проявлением признака в высшей степени, а другой – действие с проявлением признака в минимальной степени, а не с отсутствием признака. Следовательно, такие глаголы, как *ткнуть, округниться, пивнуть, глотнуть* и глаголы *умять, вылопать, отъесть*, вступают в отношения относительной антонимии.

Аналогичное заключение можно сделать и об актуальности такой характеристики, как ‘скорость’, проявляющей себя в семах ‘медленно’ и ‘быстро’. Сема ‘медленно’ присуща следующим глагольным лексемам, вступающим в отношения абсолютной синонимии, *чамкать* и *вычавкивать*, один из ЛСВ которых связан с принятием пищи. Семой ‘быстро’ обладает лишь один глагол, описанный выше, – *зобать* ‘есть

много, быстро, без разбору'. Остальные глаголы отражают так называемую нейтральную (среднюю) скорость употребления пищи.

В подгруппу со значением 'есть (пить) с характерным звуком' входят следующие глаголы: *жавкать, жвакать* (и его варианты *жмакать, жмякать, жваковать*), *тёпать, швыркать*. Глагольная лексема *швыркать* означает 'есть, пить горячее с характерным звуком', данный глагол содержит сему 'жидкая пища'. Остальные же глаголы включаются в отношения синонимии, имея значение 'есть, чавкая'. Все глаголы основаны на звукоподражании и обладают неодобрительной оценкой.

Особняком, на периферии стоит в описываемой ЛСГ лоемская лексема *бродиться* '«ковырять» ложкой в еде, есть, выбирая что-то'. *Ошабашь бродиться-то, хлебай, чё там ищешь!* Можно предположить, что такое значение у глагола *бродиться* возникает вследствие ассоциации с действием *бродить, искать* и по этой причине происходит перенос значения.

Жители села Лойма в качестве общего наименования процесса употребления пищи используют глагольную единицу с широким и потому малосодержательным значением *есть*. Однако в лоемском говоре отмечается и специальная лексема с таким общим значением – *сопеть* 'есть': *Сопи, давай, не чевыргай. Он только сопеть и может, первый к столу бежит*. Эта лексема известна в архангельских, пермских, вологодских говорах, однако в этих говорах данная лексема имеет значение 'пить что-либо' [СРНГ, 39: 331]. Вследствие этого лексему *сопеть* в значении 'есть' можно квалифицировать как собственно лоемскую.

Подводя итоги наблюдениям над группой глаголов *принятия пищи*, следует отметить, что в описанных микрогруппах значимыми являются семы качества и количества. Глагольные единицы с указанными семами экспрессивны по своей природе: они не столько называют действие, процесс, состояние, сколько выражают их количественные и качественные признаки, а также оценку говорящих. Можно заметить, что большая часть глагольной лексики ЛСГ процесса принятия пищи относится к глаголам с квантитативным значением, в частности микрогруппе со значением 'есть много, жадно' (7 единиц).

Библиографический список

СРНГ – Словарь русских народных говоров. – Вып. 1– / под. ред. Ф.П. Филина, Ф.П., Сороколетова. – М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–.

Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3 т. – СПб.: Тип. Импер. Акад. наук, 1893–1912.

**КОСТРОМА: АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ КОНТРАСТЫ
В ТОПИКЕ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГОРОДА
(ОБРАЗЫ ГОРОДА КОСТРОМЫ
И ЖИТЕЛЕЙ КОСТРОМСКОГО КРАЯ
В ЛИТЕРАТУРЕ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА)**

Статья представляет собой опыт выборки и анализа цитат, связанных с характеристиками города Костромы и жителей Костромской губернии по материалам русской литературы второй половины XVIII – начала XX века. Ориентация на полноту примеров упоминания Костромы показывает новые характеристики города и края в литературе и может служить основой для дальнейших регионоведческих исследований.

Ключевые слова: топка Костромы, аксиология; антиномия; контекст.

В сочинениях авторов XVIII века (В.Н. Татищев, М.В. Ломоносов) Кострома упоминается только в связи с теми историческими событиями, которые эти авторы описывают в своих сочинениях.

Одно из самых ранних упоминаний Костромы в сочинениях литераторов приходится на начало XIX века. Оно в какой-то мере компенсирует отсутствие этого ойконима в литературе XVIII века тем, что оно написано десятистишной одической строфой – это стихотворение Д.И. Хвостова «В.Л. Пушкину на пребывание в Костроме»:

*Шумяца быстрыми волнами
Огромный Волга кажет вид,
Она восточных стран дарами
Россию щедро богатит.
Речной играет ветер злобно,
Веселье, труд текут подобно,
Равно в Париже, в Костроме
Несчастье людей терзает,
Но где ж блаженство обитает?
В спокойной совести, в уме.*

Антиномия «Париж – Кострома» будет еще встречаться нам позднее.

Нарочитое ёрничанье, снижающее оценочные характеристики всех имён, упоминаемых в тексте – антропонимов с их широчайшим

специально выстроенным спектром начиная с теонимов, и в меньшей степени топонимов, в которых также заметна аксиологическая иерархия, встречается – с упоминанием Костромы – у П.А. Вяземского в стихотворении 1833 года:

*Надо помянуть, непременно помянуть надо
Трёх Матрён
Да Луку с Петром.
Помянуть надо и тех, которые, например:
Бывшего поэта Панцербитера,
Нашего прихода честного пресвитера,
Купца Риттера,
Резанова, славного русского кондитера,
Всех православных христиан города Санкт-Петербурга
Да покойника Юпитера.*

...

*Надобно помянуть и тех, которые, например,
между прочими:
Раба божия Петрищева,
Известного автора Радищева,
Русского лексикографа Татищева,
Сенатора с жилою на лбу Ртищева,
Какого-то барина Станищева,
Пушкина – не Мусина, не Онегинского, а Бобрщищева,
Ярославского актёра Канищева,
Нашего славного поэта шурина Павлищева*,
Сенатора Павла Ивановича Кутузова-Голенищева
И, ради Христа, всякого доброго нищего.*

...

*Уж как ты хочешь, надо помянуть:
Графа нашего приятеля Велегорского (что не
любит вина горского),
А по-нашему Велеурского,
Покойного пресвитера Самбургского,
Дершау, полицмейстера С.-Петербуржского,
Почтмейстера гор. Василисурского***

* В данном случае имеется в виду А.С. Пушкин, приходящийся шурином мужу сестры поэта О.С. Павлищевой (Пушкиной), Николаю Ивановичу Павлищеву, историку (1801–1879).

** Интересное и редкое упоминание уездного города Васильсурска, выведенного в виде Васюков в романе И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев».

*Надо помянуть: парикмахера Эме,
Ресторатора Дюме,
Ланского, что губернатором в Костроме*,
Доктора Шулера, умершего в чуме,
И полковника Бартоломе;
Повара али историографа Миллера,
Немецкого поэта Шиллера
И Пинети, славного ташиенишлера**.*

Д.И. Хвостов упоминает Кострому в ряду городов Поволжья ещё в одном стихотворении – «Катерине Наумовне Пучковой» (1821):

*Я Нила Русского по красным берегам
В село Темирино {22} на чернозём стремился;
И с Ярославлем лишь и Костромой простился,
У праха Минина на ярмарке явился.
Торговли внутренней там создан пышный храм,
Над коим зодчества искусный дух трудился.
...
Пешечком улицы обмерял Арзамаса;
Там общество гусей он видел у реки;
Но жаль, что не нашлось меж них бойца прямого!
Обыкновенные, как и везде, гуськи;
Такие именно, как в басенке Крылова.
Ну право, несмотря на множество похвал,
Я таковых гуськов и при Неве встречал.*

Представления и ожидания о Костроме как о провинциальном городе выразительно вставлены в письмо П.А. Катенина А.С. Пушкину: 14 марта 1826 г. Петербург. <...> Мои стихотворения всё ещё переписываются в Костроме, и оттоле весьма давно ко мне ни слова не пишут, вероятно по той причине, что и меня изволят считать в числе заточённых; коль скоро пришлют, приступлю к напечатанию, но и тут беда, ибо глупость наших

* Ланской Сергей Степанович (1787–1862) – губернатор Костромской губернии в 1830–1832 гг., впоследствии граф, министр внутренних дел.

** Фокусник, которого Ф.П. Литке сравнил с сибирскими шаманами. Рассказывая о действиях якутского шамана, он писал: «Чистота его фокуса не сделала бы бесчестия самому Боске или Пинетти» [Литке Ф.П. Путешествие вокруг света на военном шлюпе «Сенявин» в 1826–1829 гг. – 2-е изд. – М.: ОГИЗ, 1948. – С. 210–211].

цензоров превосходит всякое понятие (П.А. Катенин – Пушкину 14 марта 1826 года). Указание на возможную причину понятно исходя из даты письма: весна 1826 года – время следствия по делу о восстании декабристов. П.А. Катенин, похоже, тем самым намекает на особую консервативность и подозрительность провинции по отношению к потенциальным инакомыслящим.

Кострома как место ссылки или место удаления от каких-то общественных благ присутствует в сочинении «Чины и деньги» Е.П. Ростопчиной (1838): *Прости меня, прости меня, Вадим! я люблю тебя по-прежнему – нет! больше прежнего, больше, чем когда-нибудь! но я не могла противиться – мне грозили деревней, Костромой, заточеньем – бог знает чем!.. Я знала: ты был потерян для меня; я знала, что нас разлучают навеки...*

В похожей тональности упоминает Кострому М.Н. Загоскин: *Однажды поутру заехала ко мне приятельница моя, графиня Прилуцкая, и говорит мне: «<...> И вот теперь он ищет места гувернера и готов ехать из куска хлеба в Кострому, в Саратов, в Вятку – куда хочешь!» – «Вот кстати, – сказала я, – мне пишет из Костромы моя кузина, что ей очень нужен французский учитель; так ты попроси своего шеваляе д'Естенъвиль, чтоб он завернул ко мне сегодня вечером; мы с ним об этом поговорим»* («Москва и Москвичи», 1848).

Примерно то же самое, но с откровенной злой иронией мы видим у Н.А. Полевого: *«Учитесь? – продолжал Смыслинский. – Ну, ты, карапузик, говори: в Испании какой главный город?» – «Мадрид!» – закричало несколько голосов. – «Врете! Кострома!» Все дети захохотали* («Дурочка», 1839).

Кострома как образ захолустья, в котором странными оказываются какие-то предметы, отражающие технический или общественный прогресс, появляется в экспозиции повести Н.В. Кукольника: *Недалеко от провинциального города Костромы, почти по соседству с Татарскою слободою, на небольшой возвышенности, стоял барский двор вдовы Ландышевой; несколько повозок и привязанные к ним лошади не оставляли никакого сомнения, что у Варвары Сергеевны гости, а по опрятному виду и лошадей, и повозок, и сбруи можно было заключить безошибочно, что гости из города высокого ранга, потому что между разного рода рыдванами была и карета! В Костроме – карета! И когда? В начале XVIII столетия!* («Сержант Иван Иванович Иванов или все заодно», 1841).

Те же темы и те же мотивы, содержащие насмешки над провинциальными городами или просто указывающие на некоторые города как то, что ассоциируется с рутинной и косностью, присутствуют и у других писателей середины XIX века, ср.: *Для наших историков написать историю России и историю Костромы – всё равно, и только разве недостаток деятельности помешает им историю Костромы растянуть на двенадцать томов. Зато они не задумаются историю Петра Великого, написанную для русских, ограничить, например, четырьмя тощенькими томами листов в шестьдесят, тогда как шестьдесят печатных листов можно наполнить только анекдотами об этом историческом исполине* (Белинский В.Г. История Малороссии Николая Маркевича, 1843); *Людям Павла Ивановича деревня тоже понравилась. Они так же, как и он, обжились в ней. Петрушка сошёлся очень скоро с буфетчиком Григорием, хотя сначала они оба важничали и дулись друг перед другом нестерпимо. Петрушка пустил Григорию пыль в глаза тем, что он бывал в Костроме, Ярославле, Нижнем и даже в Москве; Григорий же осадил его сразу Петербургом, в котором Петрушка не был* (Гоголь Н.В. Мертвые души, 1852); *Что за обидчивость такая! Палками бьют – не обижаемся, в Сибирь посылают – не обижаемся, а тут Чаадаев, видите, зацепил народную честь – не смей говорить; речь – дерзость, лакей никогда не должен говорить! Отчего же в странах больше образованных, где, кажется, чувствительность тоже должна быть развитее, чем в Костроме да Калуге, – не обижаются словами?* (Герцен А.И. Былое и думы, 1855); *Кострома не знала, как думает Пенза, Пенза не знала, как думает Кострома, а Петербург не знал мнений Костромы, Пензы и всех иных* (Порецкий А.У. Наши домашние дела, 1861).

Комплимент в адрес жителей и уроженцев Костромы мы находим в записках П.А. Вяземского, вспоминавшего Кострому не раз: *В Арзамасе видел я общину. Церковь прекрасная. Позолота работы затворниц – искусные золотошвейки, около пятисот затворниц. Община учреждена во время упразднения многих монастырей. Кажется, в доме господствуют большой порядок, чистота. Настоятельница женщина или девица пожилая, умная, хорошо говорит по-русски, из Костромы, купеческого звания* («Записные книжки», 1828).

Любопытен фрагмент с описанием Костромы, не вошедший в канонический текст романа Л.Н.Толстого «Война и мир»: <Рамбаль,

знакомый Пьера, между тем уже давно находился в [Зачёркнуто: Костроме] Ярославле. Он ничего не награбил в Москве [Зачёркнуто: и вышел с своим полком вме[сте]] и на одном из первых переходов весьма охотно сдался нападшим на него с его эскадроном казакам. Половина эскадрона его была пешая, другая половина на лошадях, кормленных соломой с крыши, которые не могли двигаться, и *la chair de cheval*, [конина,] к[оторую] ему предоставили для пищи, не нравилась ему. В самой глубине души своей он был очень доволен *d'avoir tire son epergle du jeu*, [что ловко выпутался из беды,] но в разговорах с русскими в то время, как его с другими пленными офицерами препровождали в Кострому, он рассказывал чудеса про подвиги *de la grrrande armee* [великой арррмии] и удивлял тех охотников до французского языка – русских, которые разговаривали с ним, своим мужеством, и храбростью, и рыцарством, и *bonne mine*. [бодрым видом.] С казаками первое время [Зачёркнуто: было плохо] Рамбаль [Зачёркнуто: чувствовал] мало разговаривал и, когда его вели, сняв с него сапоги и оружие, всё оглядывался, как бы сзади не ударил бы кто пикой, но чем дальше он шёл в глубь России, тем положение его улучшалось и он становился веселее и развязнее. В самой Костроме его опять одели, хорошо поместили и, кроме кормовых денег, давали много от благодетелей и приглашали в дворянские дома на вечера и обеды (Война и Мир. Черновые редакции и варианты).

Трудно сказать, что здесь более значимо – неподдельное благорасположение костромских жителей к пленному французскому офицеру или монотонная тональность, в которой в русской литературе изображается отношение к французам и ко всему французскому.

С 1850-х годов в русской литературе проявляется тенденция к визуализации образа поволжского города с положительной эмоциональной окраской и положительной оценкой города как строительного артефакта. А.Ф. Писемский писал: *Город между тем становится всё видней и видней. Издали он напоминает собой всевозможные приволжские города, виды которых почти можно описывать заочно: широкая полоса реки, на ней барки с их мачтами, кидающийся в глаза на первом плане собор, с каменными казенными и купеческими домами, а там сбивчиво мелькают и другие улицы, над которыми высятся колокольни с церквами, каланчи, справа иногда мельницы, а слева сады, и наоборот. Таковы Ярославль, Кострома, Нижний, такова и Астрахань; но вблизи –*

другое дело («Путевые очерки», 1857). Образ Костромы и образ Волги, вызывающий глубокие эмоциональные переживания и превращающийся в национальный символ, постепенно занимает в литературе разных жанров всё более значительное место. Вот что мы находим у К.Д. Ушинского: *О Костроме я не могу сказать тебе многого, потому что не выходил на берег. Красивый город расположен на высоком, левом берегу Волги, при самом впадении в неё судоходной реки Костромы. <...> В Костроме есть и памятник Сусанину; а подвиг его тебе, без сомнения, известен. В Угличе я был на той самой площади, где началась кровавая драма междоусобицы, где погиб последний потомок царствующего Рюрика дома; здесь передо мною – тот самый монастырь, где избран на царство родоначальник новой династии Романовых; далее ждёт меня город, на площади которого простой человек, Минин, положил начало спасения России в тяжёлые годы междоусобицы. <...> От Костромы до Нижнего Волга становится всё красивее; громадные сёла, часто с несколькими каменными церквями, не в пример большие, богаче и промышленней многих уездных городов, виднеются на холмах, поднимающихся то на правом, то на левом берегу Волги* («Путешествие по Волге (письма к приятелю)», 1870).

Позитивные оценки Костромы находим и у А.П. Чехова: *Кострома хороший город. Видел я Плёс, в котором жил томный Левитан; видел Кинешму, где гулял по бульвару и наблюдал местных шпакеров; заходил здесь в аптеку купить бертолетовой соли от языка, который стал у меня сафьяновым от сантурина. Аптекарь, увидев Ольгу Петровну, обрадовался и сконфузился, она – тоже; оба, по-видимому, давно уже знакомы и, судя по бывшему между ними разговору, не раз гуляли по оврагам близ Кинешмы. Так вот они где шпаки! Фамилия аптекаря Конфер* (А.П. Чехов – Чеховым, 23 апреля 1890).

Внутренняя жизнь костромского края, хотя её описание и окрашено ореолом патриархальности, получает характеристику в воспоминаниях П.Н. Милюкова: *До Ярославля мы доехали из Москвы по железной дороге; дальше Пушкинской дачи я по ней раньше не ездил. От Ярославля до Костромы надо было ехать на пароходе, и тут впервые развернулась передо мною Волга. <...> От Костромы надо было ехать на север губернии на перекладных. Тут начиналась настоящая «вековая тишина» России: типы и люди прошлых исторических формаций. Несколько эпизодов осталось в памяти. <...> Большое удовольствие доставила мне*

совместная жизнь одним летом в деревне на Волге, у пристани Бобоши, на полупути между Ярославлем и Костромой. Здесь было такое изобилие дичи, что и я превратился в охотника. Мне дали ружьё, я стрелял уток и зайцев, а в ближайшем болоте мне даже посчастливилось, после многих промахов, застрелить одного бекаса («Воспоминания (1859–1917)», 1955).

Справедливости ради стоит отметить, что описания Костромы не всегда приобретает положительную оценку, даже тогда, когда она привлекает внимание пишущего своей архитектурой или какими-либо другими ценностями, ср. записи в «Дневнике...» Е. Дьяконовой: *4 августа. С берега Кострома – точно русская купчиха расплзлась в ширину. Самое замечательное в ней – Ипатьевский монастырь. Я была там, но признаюсь, не вполне довольна его посещением: как простым смертным, нам можно было войти только во дворец и церковь, осмотреть только поверхностно, слушая объяснения сторожа, вроде: «вот комната Михаила Фёдоровича, здесь его спальня, зала» («Дневник русской женщины», 1902).*

Тема внешнего облика Костромы как древнего города со старинной архитектурой и историческими памятниками в начале XX века переплетается с историей Костромы, чему раньше внимание уделяли только авторы многотомных компендиумов по истории России. Так, в рассказе Е. И. Шведера «По Волге» (1905) картины природы и виды города переплетаются с повествованием о событиях русской истории, облеченным в диалоговую форму:

– Ну, что, путешественники, не пора ли спать? – прервал наконец молчание Сергей Петрович.

– Рано ещё, папа, – запротестовал Коля.

– Теперь больше ничего не увидите. Пожалуй, даже Костромы не увидим с её знаменитым Ипатьевским монастырем. Ну, а чем знаменита Кострома?

– Древностью!

– Храмами!

– Ну этим нас, пожалуй, и не удивишь. На Волге, что ни город, то древний и богат храмами. Ну, а ещё чем? Ну-ка, вы, военный человек?

Кадет сконфуженно молчал.

– Из Ипатьевского монастыря призван на Московский престол Михаил Феодорович Романов, первый царь из ныне царствующего дома. В монастыре и до сего времени сохраняются со всею обстановкою комнаты, где жил Михаил Феодорович со своею матерью.

Это помещение называется теперь «Палатами Романовых». А про памятник Ивану Сусанину слышали? Вы, пожалуйста, и про Ивана Сусанина ничего не знаете?

– Знаем, знаем, – ответили все разом.

– А я даже в театре оперу «Жизнь за царя» видел, – похвастал Коля.

– Ну вот, так ему в Костроме на самом видном месте и соорудили памятник.

Интереснейшие записи о Костроме оставлены Николаем II, посетившим этот город в 1913 году («Дневник Николая II за 1913 год»):

18-го мая. Суббота. Спал долго, убаюкиваемый спокойным ходом парохода. День был ясный, но очень холодный с сильнейшим ветром, так что даже неприятно было выходить наверх. Из всех сёл народ приходил к берегу реки, всюду были устроены арки, многие провожали пароход бегом. Мы шли очень хорошо. В 10 час. вечера стали на бочку, не доходя до Костромы 20 верст. К вечеру совсем стихло. Читал бумаги и лёг в 12½.

19-го мая. Воскресенье. Около 6 час. утра пошли вверх и в 9 ч. проходили мимо Костромы. Чудное солнце озаряло множество белых церквей. Остановились у новой пристани в поле в 3 верстах выше города. В 10 час. сошёл на берег. Прямо против пристани на высоком берегу стояла моя рота Эриванского полка. Приятно было увидеть её. Сели в коляски и поехали в Ипатьевский монастырь. По пути стояли шпалерами: Эриванский и 183-й Пултуский пех. полки. В монастыре с другой стороны встретил подошедший из Костромы крестный ход с Феодоровской Божией Матерью и затем вошёл в собор. Обедня и молебен были отслужены менее чем в полтора часа. Осмотрели со всей фамилией дом Михаила Феодоровича, где собрана богатая ризница из собора, и той же дорогой вернулись на пароход. Сели завтракать; сделалось совсем тепло. В 3.40 наш пароход пошёл в Кострому, в 4 ч. вышли на берег. После городской думы принял поч. кар. от Пултуского полка и поехали в новый Романовский областной музей. Оттуда в дворянское собрание. В 6 час. обратно на пароходе и к старой Ипатьевской пристани. В 8 час. был большой обед на парох. столовой. Сидел между т. Мари и т. Михень. Затем смотрели на фейерверк, кот. пускали перед городом.

20-го мая. Понедельник. Проснулся дивным утром. В 10 час. подошли к пристани в Костроме и поехали к собору, вокруг кот. стояли войска шпалерами. Обошёл их, затем вошли в собор

и скоро пошли за крест, ходом к месту закладки большого памятника 300-летия царствования дома Романовых. Каждый из нас положил свой именной камень. После закладки войска прошли церем. марш. Там мы разделились – Аликс поехала с детьми в Бого-явленский жен. монаст., а я – в дом губернатора. Принял у него в саду должностных лиц и волостных старшин и представителей белопашцев. Для них был приготовлен обед. Оттуда заехал в Пултуский полк и осмотрел офицерское собрание. Вернулся на “Межень” в 2^{1/4}. После завтрака поехал в старую церковь Воскресения на дебрях, затем в новое здание общины Красного Креста и, наконец, на выставку, устроенную земством. Интересно, но утомительно. Выпив чаю и простившись со всеми, пришёл пешком на пароход. Отошли снова к нашей Ипатьевской пристани; народ стоял сплошной стеной по берегу даже в воде по колено. В 8 час. был также большой обед в нашей плавучей столовой. Прошла хорошая гроза.

Можно сказать, что в первые два десятилетия XX века черта под позитивной аксиологической характеристикой Костромы подведена Ф. Сологубом: *И, не правда ли, как отрадно и мило жить среди этого великого, царственного и доблестного народа, на берегах матушки Волги, где-нибудь вблизи очаровательных белых стен и золотых глав древней и прекрасной Костромы?* (Сологуб Ф. Публицистика разных лет, 1918).

Что касается событий, связанных с посещением Костромы членами царской фамилии, то в литературе сохранилось описание того, что происходило во время приезда в Кострому Николая II, когда он был ещё престолонаследником: *Пароход шумя нускал лишний пар. Всё было готово к отъезду, как вдруг на пристани слышен крик женщины: «Хочу видеть красное солнышко, сынка царского, пустите, пустите!» Баба была сильная и пробилась к сходне. Это была пожилая горожанка, чисто и даже роскошно одетая, с головою, укрытою платком. Доложили О.Б. Рихтеру. Тот к ней подошёл и говорит: «Да ведь мы сейчас уходим, не время делать подношения и говорить лично с Его Высочеством». Но она не внемлет, кричит: «Христа ради, допустите, батюшка». Сцена дошла до Великого Князя. Рихтер объяснил, в чём дело, и её пустили на пароход. Смело подошла к нему женщина, сперва перекрестила его, потом поцеловала и говорит: «Ведь ты женишься скоро, Цесаревич ненаглядный, так вот тебе коробочка, открой её и пусти их в дом твой, и будет он полной чашей, и заживёшь*

ты счастьем Божьим с твоею избранною. Возьми эти хлеб-соль также да утиральничек». Хотела она поклониться в ноги, Великий Князь её удержал. Поцеловала его ещё раз и, осеня крестом, со слезами на глазах она удалилась, махая платком вслед отошедшему пароходу. Но что было в этой коробочке? Четыре жирных чёрных таракана с провизией сахара и извести на целый год. Таково поверье русское – тварь эта есть признак домового счастья. Но полотенце расшитое было, точно, верх совершенства работы в этом роде как подражание древнему шитью по полотну» (Боголюбов А.П. Записки моряка-художника, 1885).

Здесь причудливо переплетено всё – и народные верования и традиции, и душевные качества народа, и любование образцами народного искусства, наверное, моряк и художник А.П.Боголюбов не мог писать иначе.

Насколько вдохновенны описания Костромы у прозаиков, рассказывающих о путешествиях и путевых картинах, настолько ироничны высказывания о Костроме, принадлежащие поэтам второй половины XIX века.

Д. Минаев язвит:

*О дух славян, скажи мне: где ты, где ты?
Москва, Рязань, Орел и Кострома!
Друзья кокошника и сарафана,
Узнайте, с кем сыграла шутку тьма... («Ад», 1866).*

Через год Н.А. Некрасов напишет:

*Сбери-ка эти единицы,
Таланты, знания, умы,
С великорусской Костромы
До полурусской Ниццы... (Сцены из лирической комедии
«Медвежья Охота», 1867).*

Не менее ироничен Н.А. Некрасов и в следующих строках:

*Недалеко и Кострома.
Наум живет – не тужит,
И Волга-матушка сама
Его карману служит («Горе старого Наума», 1874).*

Антитеза «Париж – Кострома», «Мадрид – Кострома» дожила до послереволюционных лет. Известный сатирик первой трети XX века Аркадий Бухов написал:

<...>

О, парижане, где же вы?

*Портье в отеле полусонный
Не мог ответить на вопрос
И только очень удивленно
Переспросил его: «Чего-с?»*

*«Вы тоже русский? В самом деле
Что здесь – Париж или Кострома?
Куда вы всех французов дели?
Иль Франция сама ушла?» («Товарищ Онегин», 1921).*

В прозе конца XIX века мы находим присутствие города Костромы в довольно заметно сниженных контекстах. У Н.А. Лейкина читаем: *«Я вот за девятый день боюсь», – начал хозяин. «А что?» – «Из Костромы к девятому дню два дяди приедут. А они лихи до выпивки-то. Пожалуй, дня на три с ними захоровадишься»* («Сцены», 1884).

В следующем, 1885 году, выходят в свет два рассказа А.П. Чехова, в которых упоминается город Кострома: *«Вот что я сделаю... Возьму и положу в водку яду. Они умрут, но зато в Костроме будет театр, какого не знала ещё Россия. Кто-то, кажется, Мак-Магон, сказал, что цель оправдывает средства, а Мак-Магон был великий человек»* («Бумажник», 1885); *«Намедни купец из Костромы приезжал, пятьсот отвалил... Легко ли дело, пятьсот! Я тыщу дам, только спервоначалу характер мой уважь!»* («Ворона», 1885). Вероятно, не случайно в этой цитате встретилось слово характер – одно из любимых слов А.Н. Островского, ср.: *«А знамиш-то характер Самсона Силыча, каков он есть, – это и очень может случиться»* («Свои люди – сочтёмся», 1849); *«Кабанова. Видишь, что она делает! Вот какое зелье! Как она характер-то свой хочет выдержать!»* («Гроза», 1859). Всего слово *характер* встретилось более чем в 50 текстах А.Н. Островского.

Выше мы приводили писательскую характеристику Костромы, данную А.Ф. Писемским. Однако вот что говорят о нём самом его современники и его биографы: *«Писемский давно уже питал намерение бросить службу, на которой состоял в Костроме, – асессором губернского правления»* (Анненков П.В. Литературные воспоминания, 1882); *«По словам Анненкова, Писемский давно уже*

имел намерение бросить службу, на которой состоял в Костроме, – ассессором губернского правления. Успех его рассказов заставил его подумать о более широкой арене деятельности и о переселении в какую-либо из наших столиц (Скабичевский А. Алексей Писемский. Его жизнь и литературная деятельность, 1897).

Ещё любопытнее для нас оказываются рассуждения о личном смысле жизни, которые приватно высказывает в переписке Н.А. Добролюбов. Его биограф А.М. Скабичевский приводит цитату из его письма М.И. Благообразову: *Вот какими словами выражает он все эти тревоги в письме своему зятю 3 апреля 1857 года: «Я совершенно раздумал служить в Нижнем; все мне советуют остаться в Петербурге, и я сам вижу, что здесь могу быть несравненно полезнее для моих сестёр и братьев. У меня здесь теперь знакомств множество; профессора меня знают как человека отлично умного, и этим, конечно, нужно пользоваться, пока они не успеют забыть меня; я пишу и перевожу, и довольно близок к некоторым литературным кругам, – следовательно, здесь для меня готовы хоть сейчас же все средства к жизни – не уроки, так служба, не служба, так литература. Особенно литература – почётный, полезный и выгодный род занятий. Мне даже как-то странно иногда подумать, что с небольшим усилием я в день могу выработать месячное твоё жалованье. Суди сам, должен ли я отказываться от этого для того, чтобы удовлетворить нежной прихоти сердца... Но между тем нужно тебе заметить, что начальство моё после всех историй, какими я насолил ему, радо будет отправить меня в Иркутск или в Колу, а никак не оставить в Петербурге. Директор уже давно порывался меня выгнать, да профессора не позволяли... Так теперь я должен сам себе отыскивать место. И я почти уже нашёл место домашнего учителя, при котором моими трудами могу наверное получать столько, сколько учитель же гимназии, т. е. от 500 до 600 рублей. А там и перейду на казённое место. Главное только, чтобы быть в Петербурге; иначе я пропаду от тоски и лени, потому что, сознаюсь, ведь в Нижнем трудно сыскать занятие по душе; а в какой-нибудь Костроме или Пензе и решительно коптителем неба сделаешься. Поэтому в первое время по окончании курса намерен я хлопотать о месте, а там, устроившись уже, ехать в Нижний («Ник. Добролюбов его жизнь и литературная деятельность», 1896).* Можно с определенностью говорить, что противопоставление Костромы

и Парижа и соположение Костромы и Пензы стали привычными и устойчивыми образами, формирующими интертекст, определяющий характеристику провинциального города и отношения к нему.

В заключение стоит указать на одну попытку идеализации русской старины в поэзии начала XX века. Данный текст из поэмы Н. Клюева «Погорельщина» (1926) звучит диссонансом насмешкам поэтов-сатириков, которые приведены выше:

*Из мрака всплыли острова,
В девичьих бусах заозерья,
С морозным Устюгом Москва,
Валдай-ямщик в павлиньих перьях,
Звенигород, где на стенах
Клюют тишено струфокамыли,
И Вологда, вся в кружевах,
С Переяславлем белокрылым.
За ними Новгород и Псков –
Зятя в кафтанах атлабасных,
Два лебедя на водах ясных –
С седою Ладогой Ростов.
Изба резная – Кострома
И Киев – тур золоторогий
На цареградские дороги
Глядит с Перунова холма.*

Приведенный материал оказывается достаточно репрезентативным для того, чтобы проследить динамику характеристик образа города Костромы в произведениях разных жанров. Они довольно неоднозначны: среди них есть, что важно, в очень широком диапазоне авторов – от государя императора Николая II до малочитаемых публицистов – и восхищение природными красотами берегов Волги и окрестностей, и любование образцами русской архитектуры, и внимание к положительным чертам характера простого народа. Вместе с тем с Костромой связан и негативно оцениваемый образ русской провинции с её отсталостью, косностью, консерватизмом.

Немалое место занимает Кострома в произведениях В.В. Розанова (1856–1919), уроженца Костромской губернии, вспоминавшего город Кострому не один раз в своих публицистических произведениях. Но это отдельная тема для дальнейших самостоятельных исследований.

О ЗНАКЕ УПОТРЕБЛЕНИЯ В ПСКОВСКОМ ОБЛАСТНОМ СЛОВАРЕ С ИСТОРИЧЕСКИМИ ДАННЫМИ*

В словаре полного типа, каким является ПОС, обращается внимание на малейшие семантические и грамматические нюансы, которые даются за знаком употребления. В статье рассматриваются все случаи использования знака употребления, прописанные во второй редакции ПОС, а также все случаи использования этого знака в 25-м выпуске Словаря.

Ключевые слова: диалектная лексикография.

Псковский областной словарь (ПОС) был и остаётся уникальным по многим своим параметрам произведением в русской диалектной лексикографии. Именно в нем нашла своё первое воплощение революционная идея Б.А. Ларина включать в диалектный словарь и общерусскую лексику, записанную вместе с региональной, что позволяет выявить все системные связи слов, бытующих в говорах, в отличие от дифференциальных диалектных словарей, которые, знакомя читателей только с местными (интересными и очень важными для изучения) лексемами, не имеют такой возможности. В настоящее время уже существуют некоторые (немногие) словари полного типа других территорий (например, Вершининский словарь), но ПОС был и остаётся единственным словарем подобного жанра, в котором представлен материал целой области. (В 70-е – 80-е годы XX века в Ленинградском педагогическом институте имени Герцена выходили выпуски полного Словаря Брянских говоров, однако проект не был завершён.)

Принцип полноты в ПОС реализуется не только в словнике. Полной по возможности является и информация о толкуемых лексемах. Во-первых, это предельная точность сведений о записи цитаты (с указанием не только на район области, но и на деревню, и на год – принцип, которого придерживались в первых выпусках Словаря и к которому сейчас снова вернулись). А во-вторых, показ не только всех выявленных значений лексемы, но и всех семантических и грамматических нюансов – в оттенках значений и в употреблениях. В существенно расширенной второй редакции Инструкции Словаря, помещенной в 15-м выпуске ПОС, раздел

* Статья написана при поддержке РГНФ. Проект 16-04-00213 «Псковский областной словарь с историческими данными».

«Семантическая характеристика слова», написанный М.А. Тарасовой, содержит подробное перечисление всех возможных видов информации о слове, помещаемых за знаком употребления [ПОС, 15: 29–43.] Приведём цитату. «Кроме характеристики значений и оттенков ПОС стремится с максимальной полнотой отразить употребления слова в речи, используя для этого знак “горизонтальная черта” (–). Употребление – особые случаи применения слова при сохранении основных признаков лексического значения. Это могут быть контекстуально обусловленные употребления; сужение или расширение значения; иногда – применение слова по отношению к другому денотату; с другой грамматической характеристикой или в другой синтаксической функции; часто – в качестве сравнения, образно или в образном контексте.

Наиболее типичные случаи применения знака (–).

Реализация семантики слова в разных синтаксических конструкциях.

а) Особенности управления глаголов: – *абсолютивно*; – *без доп.*; – *для кого, чего*; – *за кем*; – *за кого*; – *кем*; – *кого*; – *кому*; – *на кого (что)*; – *о ком (чем)*; – *по кому* и т. п. (Примеры здесь и далее опускаю. – О. В.)

б) Особенности употребления форм глагола: – *в форме прои. вр.*; – *в форме повел. накл.* и т. п.

в) Безличное употребление личных глаголов и употребление безличного глагола в личной конструкции.

г) Особенности употребления форм имён существительных: – *в знач. собир.*; – *ед. в знач. мн.*; – *ед. в знач. собир.*; – *мн.*; – *мн. в знач. ед.*; – *мн. распростр.*

д) Особенности синтаксической сочетаемости слова: – *для кого*; – *на что*; – *с инф.*; – *с определением*; – *с отриц.*

е) Употребление слова в какой-н. синтаксической позиции: – *В названии церкви, монастыря*; – *в препозиции*; – *в сложном предложении*; – *В составе названия церквей, монастырей, икон или церковных праздников*; – *в составе сложного союза*; – *в составе устойчивого сравнения*; – *при вопросе, выражающем недоумение, возмущение, несогласие с чем-н.*; – *При исчислении времени*; – *При обозначении возраста*; – *При обозначении даты (обычно с порядковым числительным или указательным местоимением)*; – *При обозначении приблизительного количества*; – *При понижении животного*; – *с инверсией*; – *с последующим уточнением*; – *с препозицией*; – *с придат. определит.*; – *с пропуском глагола*;

– с указанием суммы, количества; – эллиптически. (Отмечу, что здесь перечислены разные типы употреблений, далеко не все из них синтаксические – и это исправлено в новой, третьей редакции Инструкции, однако все приведённые случаи действительно выделяются в ПОС за знаком употребления. – О. В.)

2. Реализация семантики слова в разных синтаксических функциях: – в знач. вводн. сл.; – в обращении; – в составе ласкового обращения; – в обрац., с постоянным эпитетом; – Как клятва, заверение; – обращение; – предикативно.

3. Применение слова к другому объекту: – о том-то (приводится название объекта).

4. Семантические нюансы в употреблении слова: – обобщённо; – распростран.; – с ослабл. лексич. знач.

5. Эмоциональное употребление слова. Используются принятые в словаре пометы (см. § 94), но здесь они характеризуют только эмоционально-экспрессивное употребление и даются за горизонтальной чертой (– ирон., – шутил., – эфем. – О. В.)»

Несколько дальше, при описании разных приёмов толкования значений, автор возвращается к знаку употребления: «Поскольку значения слов дифференцируются по понятийному признаку, разнонаправленная предметная отнесённость слов – наименований реальных, а также разное применение (разные функции) предмета показываются... знаком (–) и толкованием по формуле *О том-то* или *Как... для...*, свидетельствующими о том, что тот же предмет используется по-разному, выполняет различные функции» [ПОС, 15: 39].

И далее, в разделе «Стилистическая характеристика» [ПОС, 15: 43–49], написанном Д.М. Поцепней, приводятся подробные описания в том числе и всех помет, дающихся за знаком употребления.

«Пометой *в сравн.* при знаке употребления выделяются слова, которые называют образ сравнения – то, с чем сравниваются другие предметы и явления. При таком употреблении слово сохраняет прямое значение, но в нём активизируются семантические признаки, лежащие в основе сравнения.

Пометой *образно* при знаке употребления выделяется метафорический перенос, при котором слово не утрачивает важнейших признаков своего значения, так как частично сохраняются свойственные ему лексические связи. Такое употребление особенно наглядно и, как правило, не толкуется» [ПОС, 15: 48–49].

Посмотрим, как реализуются эти установки в последних выпусках Словаря.

В 25-м выпуске ПОС, в котором описано 3 328 слов, знак употребления использован более тысячи трёхсот раз. Столь высокая плотность данного знака в тексте подтверждает его востребованность, за которой стоит позиция авторского коллектива. Безусловно, частотность тех или иных случаев употребления в отдельном выпуске зависит от представленной в нём лексики. Вместе с тем обилие входящих в каждый выпуск лексем даёт основание делать те или иные выводы.

Разумеется, знак употребления чаще всего встречается в выпуске в статьях на глаголы: слова этой части речи в русском языке регулярно реализуют свои значения в сочетаниях с зависимыми словами, которые могут варьироваться в зависимости от цели высказывания. Особенно ярко это представлено в статьях на многозначные глаголы. Например, у лексемы *перейти* (*перейти́ть*) в ПОС описано 18 значений, в 9 из которых отмечены особенности употребления. В пределах первого значения выделены такие «грамматические» употребления: *что* (*А ре́чку-та перяйти́ть трудно́*) – глагол, безусловно, переходный, однако в начале первого значения приводится 6 примеров на абсолютивное его употребление, *что по чему* (*Кана́фку перейде́ш на накла́динке*), *через что* (*Че́рис ту́ю ре́чку пири́ти*), *по чему* (*Перяйде́ на вады́ каму́ на́да*), *куда* (*Вы пиришо́фшы́ прямо́ на друго́й ко́нец села́*). Во втором значении «переместиться из одного места в другое» управление указано при номере, а знаком употребления выделено абсолютивное применение лексемы: *без доп.* (*Ла́дна ту́ча-та пиришла́*). В пределах четвертого значения «переехать куда-н.» выделены употребления *откуда* (*На́ша дире́вня перешо́фшы з-за Пско́ва*) и *к кому* (*Бросил сямью́, перешил к ей, туда́*). В восьмом значении «перемени́ть место работы» есть употребление *чего* (*Калхо́за пиришил и жы́ву*), ещё в трёх значениях выделяются безличные употребления (например, в 12-м «пройти, прекратиться, кончиться» – *безл.*: *Бы́ла на не́би кра́сная пала́са, но ско́ра пиришло́*) и в 7-м значении «неоднократно побывать в разное время где-н.» выделено «семантическое» употребление *О животных* (*Многа пиришло́ каро́ф в ми́ня, фся́ки бы́ли*).

В статьях на имена существительные (и некоторые прилагательные) знак употребления используется чаще всего *семантически*, при указании на соотносённость слова с другим денотатом (– *О том-то* – 82 раза). Здесь могут быть самые разные перемены номинации. Например, у слова *палка* в основном значении

зафиксированы употребления *О* *стволе саженца* и *О* *ветке, веточке с листьями*, в 12-м значении «стебель травянистого растения» – *О жёстком стебле травянистого растения* и *О высокой сорной траве*, в 20-м значении «письменный значок в виде вертикальной или косой черты» – *О плохо, небрежно написанной букве*; у лексем *палочка* – употребления *О плодоножке яблока*, *О ножке гриба*, *О ступеньке лестницы*. У слова *певец* отмечено употребление *О женщине*.

Но вместе с тем можно выявить и типичные случаи. Это использование лексем, в первую очередь характеризующих людей, по отношению к животным (*пай* «то же, что *пайнышка*», *пакостник*, *пакостница* и *пакостливый*, *паятный* «сметливый, понятливый», *парень* – о коте, *павучий* «любящий петь» – о птице (*А таки у нас ни павучи питухи, лянйи*), *переборливый* «разборчивый в еде» (*Кот у миня ни пириборливый, фсё исть*) и др.)

К семантическим относится и помета *распростр.* (распространительно), которая лишь трижды встретилась в выпуске: у лексемы *пайчка* в значении «кусочек хлеба определенного веса в составе всего пайка» – употребление *распростр. О любом куске хлеба* (*А пра кусок хлеба гаварят пайчка*), у лексемы *палка* в значении «ствол дерева или его часть как материал для строительства» – употребление без толкования (*Дом я пастроил сам, никто мне ни адной палки ня дал*), как и у слова *пальтушечка* (*Летам как доить, так за гриба́м лучи́з бегать. Пальту́шэчку каку́ю внаки́тку кинеш на плечи и за гриба́м*).

И ещё одна семантическая помета, *перен.* (переносно), которая также единична в выпуске: *перекрёстный* «производимый с двух или более точек по одной цели (о выстрелах) ... – *перен. Я устроилась ф парьсную (?)*, *ревалюция прашла, папали ф перекрёсный агонь*.

Не столь часто, как семантические, в выпуске представлены *стилистические* употребления сущ. и прил. (27 раз). Так как выпуск содержит слова, начинающиеся на *па-* и на *пе-*, в нём при знаке употребления представлена помета *бран.* (бранно) – при таких лексемах, как *пакостник*, *пакость* «озорник, проказник» (*Ах вы, о пакъсти какие*), *памжа* «нечистая сила» (*Ах ты памжа ты ётъкъя, ты што ёта балуишся – на дитей так кричала; Вот, памжа, ушла шижука*), *паршивец*, *паршивый*, *паползень* «человек, причиняющий неприятности, вред кому-н.», *пентюх* и *пентюха* – в обоих значениях: «глуповатый, недоразвитый увалень»

(*Ахрюта ты, пяньтюха такой*) и «нескладный, неуклюжий человек» (*Лёшка, пянтюх ты такой, куды воду льёшь!*), у прилагательного *первобытный* в значении «необразованный, отсталый» (*А, пярвабытны люди там, ня солят*). То есть помета *бранно* встречается исключительно при оценочной лексике с пейоративной семантикой.

Точно так же стилистическая помета *пренебр.* (пренебрежительное) встречается при лексемах, изначально содержащих такой элемент в своей семантике (обычно оформленный соответствующим суффиксом): *перёдничийко*... – *пренебр.* *А ётат-та пярэничишка сафсем снасила*. Диалектная особенность – использование таких лексем как нейтральных, вследствие чего появляется знак употребления, за которым даётся стилистически окрашенное использование слова.

Это же касается и стилистической пометы *неодобр.* (неодобрительно): *папка* ... – *неодобр.* *Доброго ацця папой звали, а злого – папка, тятка*.

Зато пометы *шутл.* (шутливо) и *ирон.* (иронически) встречаются за знаком употребления в статьях на совершенно стилистически нейтральные лексемы: *палата, палаточный, панихида, певун, передовик, пень, первый* и др., например, *передовик* «кто хорошо трудится» ... – *шутл.* *Песни петь, плясать – самый тиридавик; пегайка* ... – *шутл.* *О ребенке с пестрыми волосами. Люсянька пягайка какая-та будя, што жарябёнак, радилась, чорныи валосики были, тяперь русаи, пятно какой-та белая была; пень* ... – *ирон.* *Пень наряди – и тот палучшыит, накрасивеет; первый* ... – *ирон.* *О последнем в очереди. Кто первый?*

Достаточно часто знак употребления маркирует *функциональные* пометы при именах существительных: *в обрац.* (в обращении, 14 раз – при лексемах *паинька, пан, папа, папаша, папушка, парешок, паря* «то же, что парень» и др.), *в сравн.* (в сравнении, 23 раза – при лексемах *палочка, пальто, палец, пальчик, палка, паспорт, патока, паук, паутинка, пекло, пена, пенка, пепел, перепонка* и др.). Очевидно, что употребление *в обрац.* встречается при одушевлённых сущ., а употребление *в сравн.* – при номинациях таких предметов, которые обладают тем или иным ярким признаком (тонкий, как палочка; сладкий, как патока; жарко, как в пекле; земля сухая, как пепел) или в целом соотносимы с другими предметами (*Сак как пальто, только ватника не была; Кауда сасна нчинаит рость, заводюцца как пальчики у ней; Уклейка –*

белая, круглая, как палец; Падарожная, как пашипарт на тот свет; На грудіны была пришыт така шолкава, как паутінка, накупали яё, січас капрон называюць; Стаялі ані [грыбы] как пёнушкі и т. п.).

Интересно употребление в противопоставлении, которое было введено специально для лексемы *передник* в её третьем значении «вид одежды разного покроя, надеваемой при работе поверх платья, костюма для защиты их передней, и особенно нижней части, от грязи, воды и т. п.». Выделяются четыре группы противопоставлений: по времени бытования названия (*Пирённый, па-но́ваму фартук*), по покрою – с нагудной частью или без неё (*Фартук с нагрудникам, без нагрудника пирённый*), как часть традиционной, а также нарядной (праздничной) женской одежды (*Празнішныя чорныя люстрынавыя пирённыкі*), по полу человека (*Пирённый баба носіт, а фартук – ёта мужык носіт*).

Знаком употребления выделяются случаи использования слова в той или иной ситуации (это тоже отнесем к группе функциональных употреблений). Например, *переем* «встреча долгожданного или дорогого человека, гостей» ... – *В свадебном обряде; перва́ ... – при перечислении чего-н.; перед ... – при соотношении со временем какого-н. праздника; первы́й ... – в составном числительном ... – в именовании монарха ... – в названии даты ... – в названии праздника*. К этой же группе употреблений отнесем помету, маркирующую использование наречия в функции сказуемого: *перееже* «спешить (о часах)» ... – *предикативно. А тваі часы пыпярежы*.

В словарных статьях на именную лексику несколько реже, чем на глагольную, но всё же в достаточной степени представлены грамматические употребления. 12 раз за знаком употребления указана предложно-падежная форма зависимого сущ.: *падееж* – на кого (*Раньшы была падееж на скатіну*), *памятник* – кому, *память* – кому (*Я тагда на кладбишчэ хадила, памяць мужу*), *перяборливый* – в чём (*Ана [дочь] в яды пярэборлівая*) и – на что (*Коля был на пішчу пярэборлівый*), *перевод* – чему (*Мот – дёньгам пярэвот*), *перелом* – чего, *перемена* – в чём и – чего, *перерод* – в чём (*Замужье – бальшой пярэрот в жызнi*). Грамматически противоположный случай в выпуске встретился дважды: *память* «от кого, чья. О предмете, который напоминает о ком-, чем-н.» ... – без доп. *Как память палатенец этат; падкий* «на что. Проявляющий любопытство» ... – без доп. *Так и падак, так и падак*.

В статье на прил. похожий случай выделяется употреблением с пометой *эллиптически* (пример, когда опущено определяемое сущ.): *парадный* и *парадный* «передний, главный (противоп. заднему, чёрному) (о входе в дом, крыльце)» ... – *эллиптически*. *Мы сидели на парадном [крыльце]*.

20 раз при сущ. встречается употребление – *мн.*, которым отмечается функционирование во множ. числе таких имён, которые обычно употребляются только в форме ед. числа: *пар* «поле, оставляемое незасеянным с целью улучшения плодородия почвы» ... – *мн.* *Пары́ нача́ли паха́ть; па́ужинка* «приём пищи между обедом и ужином; полдник» ... – *мн.* *Па́ужынки – э́та среди́ у́жына и абе́да; па́дора* «Непогода, ненастье с сильным холодным ветром» ... – *мн.* *Ра́ньшы и гро́м ни тако́й был и па́дары бы́ли, вурага́ны тако́я; па́чес* «волокно среднего качества, получаемое при вторичном очесывании льна» ... – *мн.* *Када́ фта́ро́й рас че́шут, па́чесы астаю́цца, немно́га палу́чышы; перэгонка* «обезжиренное молоко» ... – *мн.* *Харо́ша мь́лако́ ани́ ни е́ли, а пи́ригонки; перекрё́сток* ... – *мн.* *Там пи́ряхрэ́стки бу́дут* и т. п. Один раз встретился противоположный случай – когда при значении, в котором слово употребляется преимущественно во множ. числе, за знаком употребления дается форма ед. числа: *перекла́д* «*мн.* Жерди в овине, на которых сушились снопы» ... – ед. *На пи́рякла́т накла́дина*.

К грамматическим (с некоторой долей семантики) относятся употребления *ед. в знач. мн.* и *мн. в знач. ед.* Первая встречается, например, при сущ. *пако́льники* «обувь, сплетённая из пакли» ... – ед. в знач. *мн.* *Пако́льнику сы́змальства ра́ды бы́ли и то по пра́зникам носи́ли*; при одном из оттенков основного значения лексемы *па́лка*, который выделяется только во *мн.* числе: *мн.* «Воткнутые в землю стволы дерева с сучками, используемые для сушки сена, льна и т. п.» ... – ед. в знач. *мн.* *Казлы́, што́п снапы́ зажа́ть, се́на ве́шали в астре́вья, што́п па́лку прадува́ла*; при 21-м значении того же слова «единица учёта труда в колхозе, отмечаемая в документах в виде вертикальной черты; трудодень» ... – ед. в знач. *мн.* *Фсю́ жысь на сабе́ вази́ла, два́ццать гадо́ў каро́ф адда́ила, за па́лку* и при аналогичном значении производного сущ. *палочка*. Противоположная по смыслу помета встречается за знаком употребления при слове *паморга* в значении «сырая, дождливая, с туманами погода» ... – *мн.* в знач. ед. *Тускля́я али́ тьмя́ная паго́да – пама́рги, с мали́ньким да́жжачко́м, кагда́ ё́н кра́пит*.

Наконец, из грамматических почти полностью в семантические переходит помета в знач. *собир.* Ею маркируются употребления лексемы *пáмжа* в значении «невзгода, напасть, беда» ... – в знач. *собир.* *И наүа бали́т, и фся пáмжа на мне* и лексемы *па́портъ* «папоротник» ... – в знач. *собир.* *Ани́ ево́ убили и па́портью прикрыли.*

Однако достаточно часто за знаком употребления помещаются примеры, в которых сочетаются два вида особенностей. Например, у сущ. можно выделить комбинированные употребления грамматика + семантика (*па́льчик* ... – *мн.* *О руках*), стилистика + семантика (*па́льтуха* ... – *обычно пренебр.* *О старом, поношенном пальто* (та же комбинация – у лексемы *па́льтушка*); *паркёт* ... – *шутл.* *О хорошем, чистом поле*; *па́чка* ... – *шутл.* *О голове*; *па́йка* «порция» ... – *неодобр.* *Об уменьшенной порции пищи* ... и – *неодобр.* *Об отсутствии чего-н. в порции пищи*). Семантико-стилистическими считаем также употребления – *В составе бранного выражения (бранных выражений)*, которые маркируют использование таких слов, как *па́дла*, *пáкостный*, *паразитский*, *пéга́тый* «то же, что пéгий»: *Во бес пéга́тый!* Наконец, встречаются употребления функционально-сочетаемостные: *па́рень* «молодой мужчина» ... – предикативно, с оценочным определением *Он па́рень не рабли́вый*; *Па́рень што на́да* ... – *В обрац. к мужчине, младшему по возрасту*; *па́стушка* ... – *В обрац. к ребёнку*; *перебо́й* ... – с чем, предикативно *С хлёбъм эта время пирябо́й.*

В статьях на глаголы чаще всего знак употребления маркирует особенности грамматики. Преобладающая разновидность здесь – указание на тот или иной распространитель (*кому, на кого, в чем, через что, с инф., с придат. предлож. и мн. др.*) – более 250 употреблений, причём возможны и комбинации, например, *пасть* ... – *кому на что*; *перегоня́ть* ... – *с чего на что*; *пахáть* ... – *чем по чему*. Существенно реже встречается при глаголах за знаком употребления противоположная помета *без доп.* (24 примера) – при таких переходных глаголах, как *пасти́*, *пéва́ть*, *пéня́ть*, *переговáривать*, *перегоня́ть*, *передава́ть*, *переделáть*, *пережить*, *перейти* и др. К грамматическим относится и помета *безл.*, маркирующая за знаком употребления функционирование личного глагола в безличной форме (30 примеров: *пасмурне́ть*, *переверну́ть*, *перевести́*, *переворачивáть*, *перегорéть*, *передáть*, *перейти́*, *перекупить*, *переломить* и др.).

Семантические употребления представлены в словарных статьях на глаголы намного реже, чем на имена сущ. (32 употребления в выпуске). Здесь так же, как и у сущ., можно отметить регулярный перенос значения с человека на животное (12 употреблений – у глаголов *палить*, *пастить*, *перебратиться*, *передавить*, *пережить*, *перейти*, *переродиться*, *пересиливать*, *перестареть* и др.), остальные переносы нерегулярны (*о части тела*, *о солнце*, *о дереве*, *о вьюге*, *об очередном десятилетии жизни*, *о ветре*, *о словах* и т. д.).

Единичны случаи стилистических употреблений глагола. Помета *образно* за знаком употребления встречается в выпуске только 3 раза: *пахать* «выращивать какую-н. культуру» ... – образно. *Дурако́ф ни се́ют и ни па́шут, а са́ми ража́ют; перепе́ть* ... – образно. *Но́чная пти́чка [жена] перепе́ет дне́вную; перерва́ться* ... – образно. *Долх ни вире́фка, ни пириве́ца*. Дважды встречаются пометы *в сравн.*, *ирон.*, один раз *шутл.*: *перенима́ть* «встречая возвратившееся с пастбища стадо, подозревать своих животных и уводить» ... – *шутл.* *Ша́рик! Иди́ каро́ф пи́рнямай*.

Иногда у глаголов могут сочетаться две грамматические пометы – употребление, маркирующее безличное и одновременно переходное функционирование (*безл.*, *кого*; *безл.*, *что* и т. п.), а также грамматико-семантические употребления (*переверну́ть* ... – *безл.* *О погоде*; *перерва́ться* ... – *у кого.* *Об одежде*) и семантико-стилистические (*пережить* ... – *шутл.* *О вещах*).

Один раз грамматическое употребление в выпуске встретилось при безличном предикативе (*пахму́рно* ... – *с инф.*) и один раз при фразеологизме – стилистическое: *Быть в передках* «быть впереди всех, на первом месте во всем» – *ирон.* *В жы́зни тябе́ взе́т как уто́пляннику, фсе́ ф пярятка́х*.

Такова общая картина использования знака употребления в Псковском областном словаре.

Библиографический список

Псковский областной словарь с историческими данными. – Вып. 1–26. – Л.: Изд-во Зу; СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1967–2015.

Вершининский словарь / под ред. О.И. Блиновой. – Томск, 1998–2002.

Словарь брянских говоров. – Вып. 1–5 / под ред. В.А. Козырева, В.И. Чагишевой. – Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1976–1988.

Полный словарь диалектной языковой личности: в 4 т. / под ред. Е.В. Ивановой. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006–2012.

**ЛЕКСИКА С КОРНЕМ ПЕК-/ПЕЧ-
В КОСТРОМСКИХ ГОВОРАХ:
НАИМЕНОВАНИЯ ПЕЧЁНЫХ ИЗДЕЛИЙ ИЗ МУКИ**

Словопроизводственной базой наименований печёных изделий из муки (хлеба, пирогов, мелкой выпечки и т. д.) в костромских говорах являются в ряде случаев глаголы конкретного действия *печь* и *пряжить*, номинирующие способ тепловой обработки теста. В рассматриваемой группе лексики главенствующее положение занимают дериваты с корнем *пек-/печ-*. Активное употребление в языке глагола *печь* определило закрепление лексем *печенье* и *печево* в качестве общих наименований печёных изделий из муки в литературном языке и говорах, в том числе костромских. Глагол *печь* является мотивирующим при номинации как печёных, так и жареных выпечных изделий: *опекиши*, *пекушки*, *опекушки* и т. д. Различение функциональных характеристик «печёный/жареный» происходит в данном случае на семантическом уровне.

Ключевые слова: словообразование; лексикология; костромские говоры; печёные изделия из муки; Л.С. Кителица.

В диалектном языке словопроизводственной базой наименований печёных изделий из муки (хлеба, пирогов, мелкой выпечки и т. д.) являются в ряде случаев глаголы конкретного действия *печь* и *пряжить*, номинирующие способ тепловой обработки теста. Зависимость номинации хлебных изделий от их функциональных характеристик на стадии, когда совершается превращение сырой массы теста в готовый хлеб, говорит о значимости этого процесса для номинанта. Л.С. Кителица, член Костромского общества по изучению местного края, характеризует костромское «печенье» следующим образом: «...имеется масса различных печений кислых, полу кислых, пресных различных форм и размеров; одни из них *пекутся* в вольном жару, другие *жарятся*» [Кителица, 1927: 92], подчёркивая тем самым важность данного функционального признака при номинации выпечных изделий.

Рассматриваемая группа наименований представлена в костромских говорах лексемами с корнями *печ-* и *пряж-*. Всего в костромских говорах выявлено 13 наименований печёных изделий из муки, семантически обусловленных значением 'способ тепловой обработки теста', названным производящей основой: *печенье*, *печево*, *пекушка*, *опекиши/опёкиши*, *опёкишки*, *опекуша*, *опекушка*, *опекушечка*; *пряженик*, *пряженец*, *пряженичек*. В данной статье

остановимся подробнее на наименованиях с корнем *пек-/печ-* в контексте истории данных наименований в литературном языке и костромских говорах.

Дериваты с корнем *пек-/печ-* занимают главенствующее положение в рассматриваемой группе наименований. О продуктивности данного корня, имеющего общеславянский характер, говорит широкий ряд производных номинаций, встречающихся в памятниках письменности XII–XVIII вв. (некоторые из них являются многозначными): *печи* (*петчи*) и *пеци* ‘печь, выпекать что-либо’, *печеньй* ‘печёный, запечённый’, *печение* (*-ье*) 1. ‘действие по глг. печи’, 2. ‘то, что испечено, печёные изделия’, *печиво* ‘то, что испечено или зажарено’ и т. д. Глагол *печи*, являющийся словообразовательной базой данных наименований, фиксируется уже в памятниках XII в. [СлРЯ XI–XVII, 15: 39]. Во всех примерах, служащих в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» иллюстрациями к словарным статьям *печение(ье)* и *печи*, речь идёт о приготовлении именно «хлебных» изделий: *Феодоси... начать бо пеци проскуры и продаяти* (XII–XIII вв.); *...печь зделати болюю для хлебного печенья* (1586 г.) и др. [СлРЯ XI–XVII, 15: 39]. Таким образом, уже в древнерусском языке обозначилась определённая семантическая соотнесённость слов с корнем *пек-/печ-* и «хлебной» лексикой.

Обращает на себя внимание тот факт, что глагол *печь* обозначал в русском языке процесс нагревания пищи (печение и жарение) без использования воды, в отличие от варки, то есть приготовления пищи при помощи горячей воды. См. в словаре Преображенского: *печь* ‘калить, жарить, греть нежидкую пищу (хлеб, пироги и проч.)’ [Преображенский, 2: 54]. Это обеспечивало продуктивность корневой морфемы *пек-* при номинации печеных изделий из муки.

Дериваты, составляющие данную группу лексики, образованы при помощи суффиксов *-ев-*, *-еньј-*; *-уш-*, *-ушк-*, *-шш-*: *пéчево*, *печёнье*; *пекúшка*, *опéкиш/опёкиш* (→*опёкишки*), *опекúша*, *опекúшка* (→*опекúшечка*).

Наименование *печёнье* образовано при помощи суффикса *-еньј-*, представляющего собой контаминированное образование, имеющее собирательное значение. При этом *-ј-* – это «праславянский общеименной суффикс», который имеет обобщённое значение отношения/принадлежности». Он был «чрезвычайно продуктивен в древнерусский период при образовании так называемых первичных собирательных имён...» [Азарх, 2000: 62]. Действительно, лексема *печёнье*, как свидетельствуют памятники письменности, длительное время

служила в литературном языке общим наименованием всех «хлебных» изделий. В костромских говорах это значение у слова *печенье* не зафиксировано.

Отметим, что собирательное значение у слова *печенье* вторично. Оно возникло в результате развития многозначности. Первичным для этого слова является значение отвлечённого действия по производящему глаголу. Можно говорить о развитии регулярной многозначности: *действие* → *объект действия*. С течением времени значение лексемы сужалось. Так, в очерке Л.С. Кितिцыной слово *печенье* встречается в двух значениях: ‘действие пекущего’ (в знач. суц.) (значение приводится по: [СА 1847, 3: 217; 4: 404]) и ‘хлебные, мучные, печёные яства, пироги, блины, пышки и пирожное всякого рода’ (значение приводится по: [Даль, 3: 108]), которые реализуются в ряде случаев в одном контексте: «Кроме этих трёх установленных сроков, *печенье* лесенок иногда приурочено к другим дням и, по-видимому, смешивается с другими обрядовыми *печеньями*» [Кितिцына, 1927: 94]. Здесь отражён переходный этап в жизни лексемы *печенье*, когда она ещё занимала твёрдые позиции в языке, выступая как родовое название для всех печёных изделий из муки, и в то же время распространялось более узкое значение данного наименования. Это значение фиксируется у лексемы *печенье* и в костромских говорах: *Плюшки – печенье круглое, витушки ещё говорили* (Костр. р-н); *Ранше пекли своё печенье: крестики, и навьрезают стаканом* (Солиг. р-н); *На праздник готовили суп, кашу, студень, пиво ставили, пекли пироги, печенье* (Нейск. р-н). В современном литературном языке данная лексема обозначает ‘кондитерское изделие из небольших кусочков теста’ [БАС, 9: 1146].

Наименование *печево* образовано при помощи суффикса *-ев-*, имеющего собирательное значение (ср.: *варево, жарево, крошево*). Именно лексема *печево* является в костромских говорах общим названием печёных изделий из муки и имеет широкое распространение: *Мамка стряпала, всё печево в квашонках месила, а все стальные работали* (Антроп. р-н); *Из печи достанешь печево и остывать ставишь* (Судисл. р-н); *Печево-то на столе полотенцем прикрой* (Чухл. р-н); *Раньше всё печево сами пекли, не покупали* (Чухл. р-н); *Сейчас в магазине всякое печево есть* (Буйск. р-н); *Сдобное печево получилось* [Ганцовская, 2015: 382]. Отметим, что словообразовательные модели на *-енье, -ево* (*печенье, печево*) являются в современных говорах непродуктивными.

Отдельную группу лексики с корнем *пек-* в костромских говорах составляют наименования, образованные при помощи суффиксов

-иш-: *опекиши, опёкиши, опёкишки* (реализуют значение объекта действия, названного мотивирующим словом); -уш-, -ушк-: *опеку́ши, опеку́шки, опеку́шечки* (видимо, первичные деминутивы, утратившие уменьшительное значение). Данные словообразовательные средства являются продуктивными в современных говорах.

Отметим, что указанные лексемы номинируют печёные изделия, отличающиеся по способу приготовления – они жарятся на углях на сковороде. Однако этот функциональный признак материально не выражен (ср.: *жареник, пряженик*). В этом случае сказывается влияние языковых процессов, определяющих соотнесение глагола *печь* как с жареными, так и с печёными изделиями. Таким образом, не всегда способ приготовления был релевантным при обозначении печёных изделий из муки, так как все изделия квалифицировались как «печёные». В этом случае различие функциональных характеристик «печёный/жареный» происходит на семантическом уровне.

Наименование *опёкиши* в говорах Костромской области обычно имеет значение ‘лепёшка’, однако иногда оно обозначает жареные пироги с начинкой: *Опекиши топера преженцами называются. Их и пекли-то так же само* (Шарьин. р-н); *На скору руку, бывало, от опары опёкиши возьмут да в печи и испекут* (Красн. р-н); *Опёкиши – лепёшечки такие, пекёшь на дрожжах прямо на угольках* (Шарьин. р-н); *Когда надо утром семье побыстрей приготовить, испекёшь опёкиши из хожёного теста* (Сусан. р-н); *На всю семью опекуш напекла* (Нерехт. р-н); *Люблю я опекуши с молоком* (Нерехт. р-н); *Опекуши идут без начинки, жарятся на сковороде с подсолнечным маслом* (Костр. р-н); *Мама моя опекуши хорошо пекла. Тесто замесишь, туда яичко добавишь или муку – и в печку* (Нерехт. р-н). Подобные наименования распространены в основном в юго-западных говорах Костромской области (Нерехтском, Сусанинском, Костромском районах).

Несколько реже в костромских говорах встречаются наименования с суффиксом -ушк-: *пеку́шка, опеку́ша, опеку́шка, опекушечка* (мотивированные префиксальными глаголами). Обычно *пекушками* в говорах Костромской области называют лепёшки из пресного или дрожжевого теста. Л. С. Китицына указывает, что *пеку́шки* – это любые лепёшки, а также «пресные лепёшки, поджаренные на неподмазанной сковороде, перегнутые и начинённые творогом или пшённой кашей» [Китицына, 1927: 93]: *Ели с молоком пекушки* (Костр. р-н); *Когда молоко закисало, matka нам пекла пекушки*

(Костр. р-н); *А как пекушки какие делать, так большие преснушки* (Костр. р-н); *Опекуши, как блины, круглые* (Нерехт. р-н); *Опекуши идут без начинки, жарятся на сковороде с подсолнечным маслом* (Костр. р-н); *Мама моя опекуши хорошо пякла. Тесто замесишь, туда яичко добавишь или муку – и в печку* (Нерехт. р-н); *Мама напечёт опекушек и четвёрку молока даст* (Костр. р-н); *На праздник, бывало, и опекушек, и витушек напечёшь, а чичас охоты нет* (Сусан. р-н). Такие изделия более характерны для некоторых районов на западе Костромской области.

Активное употребление в языке глагола *печь* определяет, по видимому, не только образование, но и широкое распространение в литературном языке и говорах, в том числе костромских, дериватов с корнем *пек-*, а также закрепление лексем *печенье, печиво* в качестве общих наименований выпечных изделий. Данные наименования образованы при помощи словообразовательных средств, непродуктивных в современных говорах. Глагол *печь* является мотивирующим при номинации как печёных, так и жареных выпечных изделий: *опекиши, пекушки, опекушки* и т. д. Различение функциональных характеристик «печёный/жареный» происходит в данном случае на семантическом уровне.

Библиографический список

Азарх Ю.С. Русское именное диалектное словообразование в лингвогеографическом аспекте. – М.: Наука, 2000. – 178 с.

БАС – Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. – М.; Л., 1948–1965.

Ганцовская Н.С. Словарь говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова. – М.: Книжный Клуб Книговек, 2015. – 511 с.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: Терра, 1995.

Китицына Л.С. Хлеб: Из материалов по народному питанию Костромского края // Труды КНО. Вып. 41. – Кострома, 1927. – С. 92–102.

ККОС – Картотека Костромского областного словаря [Рукописные материалы].

Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка: в 3 т. – М., 1910–1914.

СА 1847 – Словарь церковно-славянского и русского языка: в 4 т. – СПб.: Тип. Импер. Акад. наук, 1847.

СлРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. – Т. 1–28. – М.: Наука, 1975–2008.

НАИМЕНОВАНИЯ ИЗДЕЛИЙ ИЗ ТЕСТА В РУССКИХ ГОВОРАХ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Изучаемые наименования зафиксированы в ходе современных полевых наблюдений за русскими говорами Ульяновской области. Анализ полученных данных позволил назвать ареалы выявленных лексических единиц в русском языке, отметить местные слова, не указанные в лексикографических источниках, структурировать слова тематически, отметить возникшие лексические и семантические изменения.

Ключевые слова: *ареал; диалектное слово; лексика; семантика; словарь; тематическая группа; ульяновские говоры.*

Изделия из теста традиционно имеют особое значение в каждодневном, праздничном, обрядовом питании жителей России. Этот факт подтверждён результатами различных исследований. Результаты этнографических и культурологических наблюдений о питании жителей Ульяновской области в научной литературе представлены в самом общем виде: перечислены исходные продукты питания, способы приготовления отдельных блюд по этническим традициям народов региона [ЭСУП, 2007: 124–147]; дана информация о питании (прежде всего обрядовом) [ТКУП, 2012] жителей ряда сёл на территории Инзенского, Карсунского, Сурского районов (территории «наиболее раннего закрепления русских в границах современной области» [Барашков, 1977: 6]).

Наименования изделий из теста в лингвистическом аспекте в русских говорах всех районов Ульяновской области исследуются впервые. В качестве ограничительных параметров в данном исследовании приняты сема «мука», «тесто», в качестве ограничителя семантической валентности – глаголы «печь», «жарить». Вопрос об изделиях из теста, являющихся необходимым элементом первых и вторых блюд, требует отдельного рассмотрения и в данной работе не затрагивается.

Предпринимаемое в настоящей статье обобщение строится на анализе результатов полевых наблюдений 2003–2016 гг., проведённых автором и студентами-филологами УлГПУ. Список обследованных в XXI веке сёл и городов Ульяновской области составляет 121 наименование. Это населенные пункты в составе 21 района области. В части населённых пунктов значителен процент нерусского населения, в таких сёлах в речи русских диалектоносителей в большей степени обнаруживается влияние других языков. Многие

слова, отмеченные в ходе полевых наблюдений, зафиксированы в известных лексикографических источниках, но в них отсутствуют указания на бытование некоторых слов в речи жителей региона.

Предпринятый анализ содержит информацию о соотносительности лексем и семем с локальной маркировкой и без неё, поскольку в современной лингвистике позиционируется важность анализа «диалектных лексических единиц наряду со словами, одновременно входящими в состав просторечия и литературного языка» [Вендина, 2004: 3].

Как свидетельствует собранный в ходе полевых наблюдений материал, предметно-логический компонент «тесто» («вязкая масса различной густоты, получаемая из муки, смешанной с жидкостью (водой, молоком и т. д.)» [ССРЛЯ, 15: 397]) присутствует или подразумевается в толковании, например: *пресну'шки* ‘лепешки из пресного теста’ (Чердаклинский р-н), *бо'танец* и *бота'нец* – «оладьи из гороховой муки на квасу» [СРНГ, 3: 130] (мука, замешанная на квасе, и есть тесто).

Отмечены следующие соответствия гиперонимов и гипонимов в русских говорах Ульяновской области: а) гипероним без локальной маркировки – гипоним/гипонимы с конкретной локальной маркировкой, в «Словаре современного русского литературного языка» (ССРЛЯ) отсутствуют/ют (хлеб – *би'тник* ‘праздничный белый хлеб, подаваемый во второй день свадьбы’ (Карсунский р-н), ‘белый сдобный хлеб’ (Инзенский район, Ульяновск)); б) гипероним без локальной маркировки – гипоним с конкретной локальной маркировкой, *областное* в ССРЛЯ (лепёшка – *пали'шка* ‘пресная лепёшка, испечённая на сковороде’ (Майнский р-н) [ССРЛЯ, 9: 65]); в) гипероним с локальной маркировкой – гипонимы без локальной маркировки (*подоро'жник/подоро'жное* – ‘булки, лепешки, пирожки на дорогу’ (Ульяновск, Сенгилеевский район)).

Зафиксированные члены родо-видовых групп противопоставлены по различным семантическим признакам. Так для названий хлеба основой для противопоставления является «вид теста», «назначение».

Отмечена актуализация сем «остаток» и «неудачный»: *алья'киш* ‘недопечённый, полусырой хлеб’ (Вешкайма Вешкаймского р-на, Красная Река Старомайнского р-на, Междуречье Инзенского р-на), *ля'тшиш* с тем же значением (Баевка Кузоватовского р-на). В «Словаре русских народных говоров» (СРНГ) нет упоминания о фиксации

первого слова в говорах региона [СРНГ, 1: 248], второе слово в словаре отсутствует.

Для названий пирогов характерны противопоставляющие семантические признаки: «назначение» (семы «праздничный, ритуальный»), «вид начинки», «размер». Например: *ку'рник* 'пирог с мясом на свадьбе' (Сенгилеевский р-н), *ры'бник* 'пирог с рыбой' (Майнский, Старомайнский, Сурский р-ны), *кайма'к* 'пирог с картошкой' (Кузоватовский р-н), *пиро'женец* 'большой пирожок' (Адоевщина Радищевского р-на).

Наибольшее количество значений обнаружено у слова *ку'рник*. В ССРЛЯ отмечено областное значение данного слова – «пирог с курицей» [ССРЛЯ, 5: 1870]. Современные жители региона чаще всего объясняют значение слова следующим образом: 'пирог из мяса курицы' (Майнский р-н, Ульяновск); 'пирог с мясом (любым)' (Барышский, Вешкаймский, Чердаклинский р-ны); 'открытый, круглый пирог', 'пирог с мясом на свадьбе' (Чердаклинский р-н), 'пирог с куриным мясом и рисом' (Старый Белый Яр Чердаклинского р-на); 'кондитерское изделие с курицей и рисом', 'пирог с курицей и картошкой', 'пирог с мясом и картошкой', 'выпечка' (Ульяновск). Как видно из приведённых примеров, постепенно утрачивается ритуальное значение слова (актуализированное в связи со свадебным и родильно-крестильным обрядом), слово *курник* начинает обозначать будничную еду. В определённой степени это связано с распространением кулинарных артефактов одного народа в быту представителей другого народа, живущего в области. Так, слово *эчпочма'к* 'небольшой треугольный пирожок с говядиной, кусочками картофеля, луком и перцем' хорошо известно русским жителям Ульяновской области в силу распространённости этого изделия из теста в сети общественного питания. В татарской системе питания по характеру начинки различаются: *балеш* 'пирог с мясом' [РТС, 1997: 398], *эчпочмак* 'треугольник' (*эчпочмак*) [РТС, 1997: 624] – *ку'рник* (пирог с курицей). В значениях слов в данном случае противопоставлены семы «основной ингредиент / вид мяса» (говядина – курица), размер (*эчпочмак* имеет небольшую форму). В русской речи татар присутствует и оппозиция *курник* – *эчпочмак* по «форме» (*курник*, как правило, имеет круглую форму, *эчпочмак* – треугольную). Начинка *курника* как коммерческого продукта в торговых сетях региона состоит из мяса курицы, кусочков отварного картофеля, лука и перца, размер пирога небольшой. Эти особенности позволяют видеть определённое

татарское влияние в изменении семантики слова: ‘пирог с картофелем и куриным мясом’, ‘выпечка’ (Ульяновск).

Для названий булочек характерны противопоставляющие семантические признаки: «размер», «вид теста» с актуализацией семы «добавка», «вид муки», «наличие начинки», «форма». Например: *би'тничек* ‘булочка из белой пшеничной муки’ (Чердаклинский р-н); *пампу'шка* ‘сдобная булочка’; *плю'шка* ‘тесто, завернутое в спираль, посыпанное сахаром’; *мали'нка* ‘сдобная булочка с начинкой’ (Старый Белый Яр Чердаклинского р-на). В Ульяновской области в речи эрзя слово *малинка* имеет другое значение: «маленькие пресные лепешечки с оттиском трех сложенных пальцев» [ЭРС, 1993: 360].

Для названий блинов характерен противопоставляющий семантический признак – «начинка», например, *дра'ник* (Ульяновск), *бота'нка* (Старый Белый Яр Чердаклинского р-на), *вы'хватки* (Красная Поляна Барышского р-на) со значением ‘блины из картофеля’, последнее слово в словаре отмечено как пензенское [СРНГ, 6: 48].

Для названий лепёшек характерны несколько противопоставляющих семантических признаков: «вид теста» (кислое или пресное); «назначение»; «место приготовления» (в печи или на сковороде); «способ приготовления с учетом интенсивности огня», например, *ма'канец* ‘пресная лепешка, жаренная в большом количестве масла’ / ‘пышка из дрожжевого теста, жаренная в большом количестве масла’ (Красная Поляна Барышского р-на). В говорах региона особенно разнообразны наименования лепёшек, изготавливаемых на сильном огне, например, *пеклу'шка* ‘лепёшка, испечённая на жару во время топки печи’ (Междуречье Инзенского р-на).

Для названий ватрушек характерен противопоставляющий семантический признак «начинка», например, *кайма'чка* ‘ватрушка с начинкой из мятого варёного картофеля’ (Сурский р-н).

В изучаемых диалектах обнаруживаются модификации значения по сравнению со значениями, зафиксированными в словарях прошлых эпох. Например, в «Толковом словаре живого великорусского языка» отмечено как симбирское слово *сю'кур*: «смб. мордовские лепешки, сверху с кашей и с творогом» [Даль, 4: 382–383] (в эрзянском языке – *сюкоро* «лепёшка» [ЭРС, 1993: 635–636], в чувашском – *сăкăр* «хлеб» [Скворцов и др., 1999: 115]). Сейчас это слово в речи русских отмечается только на территориях компактного проживания эрзя (например, в Дубровке Николаевского

р-на). Например, в речи М. Дерябиной, 1939 г. р., – «*вѣт сюкур / пиражки эта //*».

Для названий пряников и печенья характерны противопоставляющие семантические признаки: «назначение» (семы «праздничный, обрядовый»), «вид теста», «форма», «размер», «наличие пряностей». Например, *жаворо'нок* 'маленькая булочка, выпекаемая по случаю Весны' (Выры Майнского р-на, Тереньга Тереньгульского р-на), *жомо'к* 'пряник' (Цильна Цильнинского р-на).

В говорах раньше особенно было велико количество слов, обозначающих масляные лакомства: *ма'канцы*, *ма'ковки*, *мали'нки*, *малѣнки* «шарики из пресного теста, которые пекли на масленицу» [Барашков, 1977: 54, 55]. Шарики из пресного теста пекут мордва и чуваша, но у чуваш используется слово *м'ййр* «орех, орехи» [Скворцов и др., 1999: 68], оно обозначает лакомство на крещение, чаще – практически повседневное лакомство, в речи эрзя наблюдается слово *орешки* («кругленькие сдобные орешки (выпекаемые на масленицу)» [ЭРС, 1993: 443]).

Анализ названий изделий из теста в русских говорах Ульяновской области позволил сделать несколько выводов.

К вариантам лексических изменений можно отнести сужение круга синонимов (согипонимов) за счёт утраты диалектного слова. В связи с изменением традиционной системы питания вышли из активного употребления слова, имевшие в лексикографических источниках локальную помету *симбирское*: *кали'нник*, *мушни'к*, *опре'снок*, *перепе'ча*, *сги'бень* и др, сокращается частотность употребления слов *би'тничек*, *коку'рка*, *твору'шка*, названий обрядовых печений (заменяются в быту покупными кондитерскими изделиями, а слова, обозначавшие виды обрядового печенья, жителями области связываются с ушедшей эпохой: «*бабушка / готовила / жура'вушки / что ли какие та такие / тоже выпечка была //*» (Старый Белый Яр Чердаклинского р-на). Отдельные симбирские слова характерны для речи некоторых современных диалектоносителей старшего поколения (*жемки'*, *коку'рка* 'толстое печенье', *колоба'н*, *пали'шка* и др.).

В речи русских жителей области встретились слова, которых либо нет в СРНГ, либо там отсутствует упоминание о наличии таких единиц в говорах региона: *ля'пиш*, *аля'киш*, *апа'льш*, *вы'хватки*, *карто'вник*, *ма'канец*, *пиро'женец*, *подоро'жное*.

К вариантам семантических изменений можно отнести постепенное распространение более отвлеченного по значению слова:

ко'лебяшка «хлеб из остатков теста, поскребыш» [СРНГ, 14: 121], «хлеб круглой формы» (Рязаново Мелекесского р-на), *колебя'жка* «хлеб» (Княжуха Сурского р-на), «выпечка» (Большой Кувай Сурского р-на). Сужение значения происходит за счёт деактуализации противопоставляющих семантических признаков. Например: *колоба'н* «небольшой хлеб» (не актуально ритуальное назначение); *виту'шка* «булочка с сахаром» (не актуальна известная ранее форма в виде восьмёрки или верёвки); *пылу'шка*, *пали'шка* «лепёшка» (не актуальны семы «открытый», «огонь», «на пылу»). Следует отметить, что вытеснение ритуальности на периферию идёт постепенно и «старое» значение нередко фиксируется в речи жителей города (*карава'ец* «вид свадебного пирога» (Новоульяновск)).

В многонациональном регионе (численно преобладающие народы – русские, татары, чувашы, мордва) взаимодействие культур проявляется не только в распространении кулинарных артефактов в быту представителей другого народа (*эчпочмак* в речи русских, *курник* у татар и чуваш и т. д.). В русских говорах области видна семантическая дифференциация слов своего/чужого языка. Имеет место адаптация иной реалии под известные русскому диалекту слова и значения.

Библиографический список

- Барашков В.Ф.* Русские говоры Ульяновской области. – Ульяновск: УЛГПУ, 1977. – 80 с.
- Вендина Т.И.* Лексический атлас русских народных говоров (пробный выпуск): предварительные итоги // Вопросы языкознания. – 2004. – № 2. – С. 3–19.
- Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: Рус. яз., 1989–1991.
- РТС – Русско-татарский словарь / под ред. Ф.А. Ганиева. – М.: Инсан, 1997. – 720 с.
- Скворцов М.И.* Чувашско-русский и русско-чувашский словарь / М.И. Скворцова, А.В. Скворцова. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1999. – 432 с.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров. – Вып. 1– / сост. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов. – М.; Л.; СПб.: Наука, 1965– .
- ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1948–1965.
- ТКУП – Традиционная культура Ульяновского Присурья. Этнодиалектный словарь: в 2 т. / И.С. Кызласова (Слепцова), А.П. Липатова, М.Г. Матлин, И.А. Морозов, Е.В. Сафронов, М.П. Чередникова [и др.]. – М.: Индрик, 2012.

ЭРС – Эрзянско-русский словарь / Б.А.Серебренников, Р.Н. Бузакова, М. В. Мосин. – М.: Дигора, 1993. – 803 с.

ЭСУП – Этнография Симбирско-Ульяновского Поволжья / Е.Ю. Анисимова, З.Г. Баширова, О.В. Мурзаева, А.Д. Порозова, Д.В. Русин, О.А. Туркина, Л.П. Шабалина; отв. ред. Л.П. Шабалина. – Ульяновск: УлГПУ, 2007. – 376 с.

Ганичева С.А. (Вологда)

К ПРОБЛЕМЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ДИАЛЕКТНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ*

В статье рассматривается языковая личность носителя говора, получившего профессиональное образование и переехавшего из деревни в город. Автор определяет, какие черты в структуре исходной диалектной языковой личности подверглись трансформации, а какие сохранились. Для этого последовательно проанализированы три уровня структуры языковой личности (по Ю.Н. Караулову) – вербально-семантический, лингвокогнитивный и прагматический.

Ключевые слова: диалектология; вологодские говоры; речевой портрет; языковая личность.

Обычно изучение диалектной языковой личности основывается на материалах, полученных от «типичных» носителей говора – людей старшего поколения, не покидавших надолго пределы родной местности и не имеющих среднего или высшего профессионального образования. Однако те или иные особенности, свойственные диалектной языковой личности, можно наблюдать у значительно большего количества человек – уроженцев деревни, получивших образование и/или переехавших в город. В подобных случаях эти черты являются для языковой личности базовыми, однако подвергаются трансформации под влиянием профессионального образования, городской культуры и т. д., в связи с чем встаёт вопрос о том, какое направление имеют подобные изменения, каково их содержание и что в структуре языковой личности является наиболее сохранным. Данная статья содержит ряд наблюдений, касающихся этого вопроса.

В центре внимания находится языковая личность Николая Павловича Шаброва (1938 г. р.), уроженца д. Борбушино Кириллов-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке государственного научного гранта Вологодской области (проект «Электронный словарь диалектной языковой личности»).

© Ганичева С.А., 2016

ского р-на Вологодской обл. Детство Николая Павловича прошло в родной деревне. В 17 лет он поступил в лётное училище г. Сасово Рязанской области, которое окончил в 1957 г. После этого Н.П. Шабров был зачислен лётчиком в 71-й лётный отряд, базировавшийся в г. Вологде, где работал до 1985 г. В Московском авиационном институте Николай Павлович заочно получил высшее образование. После выхода на пенсию Н.П. Шабров каждое лето много времени проводит в Борбушине и охотно принимает в своём доме участников диалектологических экспедиций.

Выбор информанта неслучаен. С одной стороны, в речевом поведении Н.П. Шаброва отражается ряд черт, характерных для диалектного мировосприятия (прагматичность, ориентированность на решение конкретных бытовых и жизненных задач, экспрессивность и др.). С другой стороны, даже короткая беседа с Николаем Павловичем позволяет обнаружить особенности, не свойственные «типичной» диалектной языковой личности (преобладание в рассказах профессиональных тем, цитирование строк из стихотворений и песен и др.).

В данной статье делается попытка определить, какие черты диалектной языковой личности оказались наиболее сохранными, а какие претерпели изменения. Теоретическую основу исследования составляет концепция Ю.Н. Караулова, представляющая структуру языковой личности в виде вербально-семантического, лингвокогнитивного и прагматического уровней [Караулов, 2007]. Материалом для наблюдения служат 72 текста различной тематики, написанных Н.П. Шабровым, подготовленные им ответы на вопросы ряда разделов программы «Лексического атласа русских народных говоров» (ЛАРНГ), а также аудиозаписи бесед с Николаем Павловичем.

Вербально-семантический уровень. Этот уровень составляют «слова, вербально-грамматическая сеть, стереотипные сочетания» [Караулов, 2007: 53]. Диалектную языковую личность на этом уровне характеризует наличие в речи фонетических, грамматических, лексических особенностей, свойственных тем или иным говорам (ср., например, описания данного уровня в речевых портретах Н.Д. Исаковой [Драчева, 2014], Н.Д. Шиловской [Зубова, 2015]).

Однако в речи Н.П. Шаброва на вербально-семантическом уровне наблюдается утрата диалектных черт. Из фонетических и грамматических особенностей кирилловских говоров системно

проявляется только неполное оканье, использование архаичных форм *ести* и *класти*, употребление союза *дак*, распространённого в севернорусских говорах, постпозитивных частиц *-от*, *-то*, *-ка*. Другие черты, отмечавшиеся диалектологами в речи жителей Борбушина и соседних деревень (см. [Драчева, 2014; Ильина, 2014]), отсутствуют.

Значительно более ярко представлена в речи Н.П. Шаброва диалектная лексика, однако она большей частью находится в пассивном словарном запасе. Об этом свидетельствует тот факт, что в текстах, созданных Николаем Павловичем, а также в его устной речи диалектные слова встречаются только эпизодически (*Раньше в Ферантово ходили и ездили через перевал, который называли серёдка* и др.), хотя в рукописи с ответами на вопросы Программы ЛАРНГ диалектных лексем приведено достаточно много (298 слов).

Говоря о вербально-семантическом уровне, необходимо также отметить существование в активном лексиконе значительного пласта профессиональной лексики, особенно богато представленной в текстах на профессиональные темы: *Бывали дни, что не летали, а помогали разворачиваться на рулёмке и на тормозах другим курсантам* и др. Сопоставление материалов, полученных от Н.П. Шаброва, с текстами, записанными от диалектоносителей, упоминавшихся выше, показывает наличие в речи информанта слов и словоформ, имеющих книжную окраску: *Клевер шведский. Охотно посещается пчёлами.*

Лингвокогнитивный уровень. На этом уровне диалектную языковую личность характеризуют конкретность знаний о мире, их сфокусированность в сфере бытовых интересов человека, фрагментарность и др. Как правило, в текстах, записанных от носителей говоров, эксплицируются такие концепты, как ‘труд’, ‘семья’, ‘дом’, ‘родина’, ‘судьба’, ‘здоровье/болезнь’. Перечисленные черты присущи и лингвокогнитивному уровню изучаемой языковой личности.

Многие ответы Н.П. Шаброва на вопросник ЛАРНГ свидетельствуют о конкретности знаний о мире. Так, в целом ряде случаев Николай Павлович вместо нарицательных лексем приводит названия конкретных природных объектов, расположенных возле Борбушина: *Цитина Гора, Маура Гора, Соколиная Гора, Роскина Гора* (вопрос СМ 502 «Употребляется ли и в каких значениях слово *гора*?»).

Прагматическая направленность знаний о мире проявляется в контекстах, дающих оценку предметов, явлений, ситуаций с точки зрения практической пользы или возможных последствий:

Закрой западно, когда полезешь в подпол за картошкой. Дети упадут если не закрыть! (вопрос ЛСЛ 16 057 «Пристройка к печи в виде шкафа или чулана, в котором находится ход в подполье»). При этом прагматическую направленность знаний отражает и экспликация в контекстах профессиональных сведений, которые имели для Н.П. Шаброва не меньшее практическое значение: *Безопасный интервал между двумя облаками – 30 км, между облаком и самолетом – 15 км. Вход в грозовое облако запрещён!* (вопрос ЛСЛ 556 «Большое дождевое облако») и др.

Центральным концептом в картине мира Н.П. Шаброва является, по-видимому, концепт ‘труд’, что, как уже отмечалось, характерно для традиционного крестьянского сознания. Трудовая деятельность для Николая Павловича – это в первую очередь профессиональная деятельность, работа лётчиком, о чём свидетельствует количество текстов на «лётные» темы (26 текста из 72), а также частое вплетение профессиональных мотивов в остальные тексты. Кроме того, к ядру концепта ‘труд’ относятся представления о работе в огороде, пчеловодстве, плотницком деле, вербализованные в текстах. На периферии оказываются воспоминания о традиционных крестьянских работах (полеводство, животноводство, льноводство и т. д.), актуализируемые только в ответах на вопросы ЛАРНГ.

Второй по значимости концепт, актуализированный в сознании изучаемой языковой личности, – концепт ‘родина’, под которой понимается родная деревня Борбушино, а также близлежащие деревни Белоусово, Быково, Мыс, Плахино, Сиверово. Этот концепт имеет яркую эмоциональную составляющую, частью которой является гордость за то, что прошлое и настоящее деревни, речь местных жителей вызывают интерес других людей (воспоминания о студентах, приезжавших на диалектологическую практику, об иностранцах, гостивших в Борбушине).

Прагматический уровень. Этот уровень наиболее сложен для описания и мало исследован на материале диалектной языковой личности. Исследователи отмечают экспрессивность диалектной речи, оценочность, важность соблюдения норм речевого этикета (доброжелательность общения, ориентация на собеседника) [Вендина, 1999; Демидова, 2008; Иванцова, 2002].

Эти особенности мы наблюдаем и в речевом поведении Н.П. Шаброва. Так, экспрессивность отражает следующий текст: *Теперь все яблоньки выросли, дают урожай, но они дикие и не очень вкусные. Молодильные яблоки из сказок! Нынче решили сделать джем из*

них. А что выйдет из этого? Это опять сахар и глюкоза в крови? Оценочность проявляется на уровне высказываний, в которых могут быть эксплицированы оценки-когнитивы (Болона́, а не лес. То́ко на дрова́), оценки-сублиматы (Так и мне пришлось ездить на запорожце. Два года! Ужас!!!), оценки-аффективы (А черень-то у ножа сделан из цветного пластика!).

Систему коммуникативных ролей, характерных для изучаемой языковой личности, на имеющемся материале реконструировать затруднительно, однако можно отметить, что в высказываниях часто проявляется следование роли «Родителя» (по Э. Бёрну), традиционно характерной для человека старшего поколения: *На балдышке голову и ноги берегите! Купайтесь на мелком месте. Там и вода тёплая, и не утонете!* (ср.: [Зубова, 2015: 124]).

Ю.Н. Караулов отмечает, что на прагматическом уровне в наибольшей степени отражаются индивидуальные черты языковой личности. В нашем случае очень яркой особенностью является активное обращение к прецедентным текстам. Как правило, это тексты песен и классических поэтических произведений: *И скоро награда за ратны труды: подушка из свежей травы в головах!...* (В.С. Высоцкий). Другая индивидуальная особенность – высокий уровень языковой рефлексии и в целом интереса к языку: *А почему в селе Бабушкино речка названа «Леденьга»?; И не ошибуть, если напишу: «Велик Русский язык!».*

Таким образом, анализ материала показывает, что в языковой личности уроженца деревни, получившего среднее и высшее профессиональное образование и прожившего большую часть взрослой жизни в городской среде, наименее сохранным оказывается вербально-семантический уровень. На нём происходит утрата фонетических и грамматических черт, переход значительно объёма диалектной лексики в пассивный словарный запас. На лингвокогнитивном и прагматическом уровнях сохраняются черты, характерные для диалектной языковой личности, а также проявляются яркие индивидуальные особенности. В то же время сделанные наблюдения требуют проверки путём обращения к рассмотрению языковых личностей других людей – выходцев из диалектной среды.

Библиографический список

Вендина Т.И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования. – М.: Индрик, 1998. – 240 с.

Демидова К.И. Диалектная языковая картина мира и особенности её репрезентации в частных диалектных системах (на материале русских говоров Урала) // Лексический атлас русских народных говоров: материалы и исследования. – СПб.: Наука, 2008. – С. 68–76.

Драчева Ю.Н. Нина Арсентьевна Исакова // Народная речь Вологодского края: говоры Кирилловского района Вологодской области. – Вологда: Легия, 2014. – С. 118–145.

Зубова Н.Н. Шиловская Нина Дмитриевна как диалектная языковая личность // Народная речь Вологодского края: между прошлым и будущим. – Вологда: Легия, 2015. – С. 112–130.

Иванцова Е.В. Феномен диалектной языковой личности: дис. ... д-ра филол. наук. – Томск, 2002. – 395 с.

Ильина Е.Н. Анна Алексеевна Шаброва // Народная речь Вологодского края: говоры Кирилловского района Вологодской области. – Вологда: Легия, 2014. – С. 75–98.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 264 с.

Шильниковская С.В. Речевой портрет Фаины Васильевны Поповой // Народная речь Вологодского края: материалы по русской диалектологии. – Вологда: Легия, 2012. – С. 70–77.

Горлова Т.В. (Кострома)

СЛАВЯНСКИЕ ГОРОДСКИЕ ТОПОНИМЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ ИСТОРИИ ЗАСЕЛЕНИЯ ЮГО-ЗАПАДА КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ (НА ПРИМЕРЕ ГИДРОНИМА СОЛОНИЦА)

В статье на примере гидронима Солоница рассматривается вопрос о возможных путях колонизации исконных финно-угорских земель с территории древней Славии. Славянские названия нерехтских земель органично соседствуют с субстратными финно-угорскими топонимами, особенно гидронимами. В топонимической системе города Нерехты градообразующее значение выполняет река Солоница, имеющая знаковую роль в географической атрибуции региона.

Ключевые слова: топонимия; гидронимия; славянские гидронимы; Солоница, соль; глоттогенез; этногенез; нерехтские земли.

Гидронимия Нерехтского района, расположенного на юго-западе Костромской области, представлена большим разнообразием названий. Как справедливо пишет А.В. Суперанская: «Пестрота и неоднородность названий отмечаются на любой

территории. Везде соседствуют бок о бок и очень молодые, и очень древние названия, названия, восходящие к разным языкам и к словам разных типов» [Суперанская, 1984: 31].

Гидронимикон Нерехты и её ближайших окрестностей включает именованья:

– рек: *Барыня, Бачёвка, Бобровец, Елховка, Ёмсна (Емцы), Ингорь, Кера, Кешка, Корба, Кубань, Лондога, Нерехта, Осья, Парья, Палиндра, Сентушка, Солоница, Танога, Тега, Чёрная;*

– ручьёв: *Троицкий ручей, Шушаринский ручей, Лавровская канава (ручей), Бекневский ручей, Болдинка (ручей);*

– озёр: *Озеро Любви, Старая яма, Яма (варианты - Новая яма, Озеро, Карьеры);*

– прудов: *Архиерейский пруд, Пруд;*

– болот: *Нерехтское общественное болото (= Чистое посадское болото), Стоянковские болота;*

– мест купания: *Барцево, Неглинка, Подкова, Троицкие омуты.*

– названий соляных колодцев: *Соболь, Казарин, Бобровец.*

Для топонимической системы города Нерехты и рекреационных городских территорий базовыми линиями, определяющими ландшафт города, являются реки Нерехта и Солоница. Город расположен на мысе, образованном изгибом русла реки Нерехты, впадающей в 1 км северо-восточнее в реку Солоницу. И если гидроним Нерехта, бесспорно, восходит к финно-угорскому (предположительно мерянскому) пласту слов, которые, пройдя определённую трансформацию, закрепились в системе современных географических названий [Горлова, 2014], то название *Солоница*, относится к числу славянских именованья, связанных с таким ценным для Средневековья и «градообразующим» понятием, как соль. В пределах Костромской губернии возникновение и процветание как торгово-промышленных посадов двух древнейших городов России, Солигалича (основан в 1335 году: см. [Кудряшов, 1987: 3]) и Нерехты («Впервые в летописях Нерехта упоминается под 1214 г., но возникла она значительно ранее»: см. [Памятники, 2009: 3]), было связано с обилием соляных варниц.

Действительно, древнейшим промыслом нерехтской земли было солеварение, так как грунтовые воды здешних земель, впрочем, как и всего бассейна *Солоницы*, насыщены солями. Существующие и до сих пор поселения *Большие и Малые Соли*, теперь уже в пределах Ярославской области, расположены на

Солонице (последний является крупным лечебным и санаторным центром). Они, как и город Нерехта, были знамениты солеваренным промыслом. В Средневековье, когда соль была в особой цене, данный промысел в Нерехте процветал, на нерехтских варницах в те времена ежегодно вырабатывали до тысячи пудов соли. Память об этом древнем промысле закрепилась и в названии одной из улиц Нерехты – *Усольская*. Многочисленные соляные варницы Нерехты принадлежали московским князьям или их жёнам, крупным монастырям. «Согласно Писцовым книгам 1596–1597 гг. Василия Вельяминова и Пантелея Усова, в посаде находились Борисоглебский собор и семь церквей, более 300 домов, 100 лавок и торговых мест, 25 варниц. Частью варниц владели крупные монастыри, в том числе Троице-Сергиев, которому принадлежала целая слобода (к 1627 г. в ней проживало около четверти всего населения Нерехты)» [Памятники, 2009: 8].

Этимология гидронима *Солоница* связана с общеславянским апеллятивом *solъ* (*соль*), словом индоевропейской природы, восходящим к той же основе, что и *soldъкъ* (*сладкий/солодкий*). Показательно, что в древности в значении слов *соль* и *солодкий* (*сладкий*) усматривали общую сему. Так, М. Фасмер в статье **соло'дкий** говорит, что в этом слове «первоначально знач. было “солёный, вкусный, пряный”» [Фасмер, 1973: 3; 713], что и неудивительно, так как соль жизненно необходимый продукт питания человека и животных, придающий особый вкус пище. То же самое Фасмер подтверждает и в статье на слово **соль** – «далее сюда же *соло'дкий, со'лоть*», и там же констатирует: «В составе местн. нн. обозначало первоначально “солёный источник, ср. *Солига'лич, Солика'мск, Сольвычего'дск...*» [Там же: 715].

Название *Солоница* весьма распространено на территории, предположительно входившей в древнюю Славю. На современной географической карте гидроним *Солоница* встречается в Ленинградской и Нижегородской областях, на территории Украины на Львовщине протекает река *Солоница*. Продуктивно данное название и среди ойконимов: в Нижегородской области – деревня *Солоница*; в Полтавской области Украины, в Козельщинском и Лубенском районах – сёла *Солоница* и *Сухая Солоница*. На территории Западной Украины, вблизи города Трускавца, встречаем название пруда *Слоница*, а вытекает из него река *Солоница* (впрочем, встречается и вариант – *Слоница*). В Хощенском повете Западно-Поморского воеводства (Польша) известен город *Слонице*.

В «Přiručka slovaské toponomastiky» Vladimír Šmilauer топонимы с основой *solь* (*соль*) отмечены на территории многих славянских земель:

Солицето (Болгария); *Solenica* (Македония); *Solinac*, *Slani Potok* (Сербия); *Solnica*, *Slance* (Словения) – южнославянские топонимы (характерный признак – сочетание -ol-, -la-);

Solisko, *Slana* (Словакия); *Solnice* (Чехия); *Slona Boršč* – *Salzenforst* (Верхняя Лужица); *Rozsol* – *Rosal* (Бавария); *Slon* – *Schloen* (Померания или Полабия); *Slonica* (Польша) – западнославянские топонимы (наличие сочетаний -ol-, -la-, как и в южнославянских названиях, а также -al-, -lo-);

Солона (Украина); *Саланай* (Белоруссия); *Солоная* (Россия) – восточнославянские топонимы (отличаются наличием сочетаний -оло-, -ала-) [Šmilauer, 1970: 167].

Славянские названия нерехтских земель органично соседствуют с субстратными финно-угорскими топонимами, в изобилии существующими на нерехтских землях, особенно в области гидронимии. Ещё в XIX в. в «Очерках русской исторической географии. География Начальной летописи» Н.П. Барсов, рассматривая водные пути в пределах Верхнего Поволжья, подчеркивал, что «...славянские наименования, в которых можно подозревать древнейшее происхождение, представляются почти исключениями» [Барсов, 1873: 171]. Однако, говоря о водных сообщениях как о наиболее возможных путях славянской колонизации, ученый отмечал: «В теперешней географической номенклатуре отмеченного края (речь идёт о землях, включающих территории Костромской, Московской и Владимирской областей. – Т. Г.) встречаются названия, которые указывают с одной стороны на распространение в нём славянского населения ещё в языческую эпоху...» [Там же: 172]. Такого же мнения придерживаются и другие исследователи, в том числе и Е.М. Поспелов, связывая славянские наименования рек с их размером; как правило, это небольшие реки: «Уровень современной топонимики не позволяет установить точное количество рек, имеющих русские названия. Однако на любой территории России чётко проявляется... главная закономерность: русских названий мало, и относятся они преимущественно к небольшим рекам» [Поспелов, 2008: 16]. Действительно, отнести Солоницу к крупным рекам никак нельзя: площадь её бассейна составляет всего 1470 кв. км (ср.: площадь волжского бассейна – 1 млн 350 тыс. кв. км).

Существующие названия подобного рода играют знаковую роль в географической атрибуции региона, указывая направления и особенности глотто- и этногенеза края. Как говорится, «мал золотник, да дорог». Наличие названий с древним корнем *сол-*, гидронимов и ойконимов, не только на территории западной и южной Славии, местах раннего поселения славян, но и на восток от них, в пределах современных Белоруссии, Украины, России, показывает, куда и как мигрировало древнее славянское население. К тому же сама форма слова *Солоница* с суффиксом *-иц*, где **k* по закону III палатализации перешло в *ц*, конкурирующая с более частотными образованиями типа *солонка* (обозначающими как гидроним *Солонка* – река *Солонка* в Костроме, так и сосуд для соли), говорит об архаике наименований на *-иц*, более сохранных с законсервированными в них славянскими древностями в значении и форме в севернорусских землях с окающим населением, каковыми являлись и являются нерехтские говоры. Даже несмотря на то, что теперь нерехтские говоры имеют всё усиливающуюся тенденцию перехода в среднерусские смешанного типа подобно соседним ивановским и владимирским, являясь говорами с неполным оканьем во всех безударных слогах, кроме первого, и обладая рядом других особенностей говоров Владимиро-Поволжской группы.

Библиографический список

Барсов Н.П. Очерки русской исторической географии. География Начальной летописи: исследование. – Варшава: Тип. Варшав. учеб. округа, 1873. – LXXVII с.

Горлова Т.В. К вопросу о субстратных топонимах с географическим детерминантом *-хта* (на примере гидронима Нерехта и названия лесного массива Келохта) // Ономастика Поволжья: материалы XIV Междунар. науч. конф. (Тверь, 10–12 сентября 2014 г.) / под ред. И.М. Ганжиной, В.И. Супруна. – Тверь: Изд-во Марины Батасовой: Альфа-Пресс, 2014. – С. 91–94.

Кудряшов Е.В. Историко-художественный очерк // Солигалич. – Л.: Художник РСФСР, 1987. – 208 с.

Памятники архитектуры Костромской области: каталог. Вып. XI: Нерехта, Нерехтский район. – Кострома: Костромаиздат, 2009 – 311 с.

Поспелов Е.М. Географические названия России: топонимический словарь: более 40 000 единиц. – М.: АСТ: Астрель, 2008 – 523, [5] с.

Суперанская А.В. Что такое топонимика? – М.: Наука, 1984. – 182 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 3: пер. с нем. – М.: Прогресс, 1971. – 827 с.

Šmilauer V. Příručka slovaské toponomastiky. – Praha: Acdemia, 1970. – 216 S.

АБСТРАКТНЫЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ В ГОВОРЕ КАЗАКОВ-НЕКРАСОВЦЕВ СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ

В статье рассматривается абстрактная лексика говора казаков-некрасовцев. Автор выявляет и описывает такие лексико-тематические группы, как наименования опредмеченных действий, игр, результатов действий, занятий; наименования свойств и качеств; наименования состояний человека, природы, общества; наименования абстрактных понятий. В статье описаны способы словообразования и словообразовательные модели, к которым относятся существующие в говоре казаков-некрасовцев мотивированные абстрактные существительные.

Ключевые слова: казаки-некрасовцы; абстрактные существительные; лексико-тематические группы; словообразование.

Современные некрасовцы, проживающие в сёлах Левокумского района Ставропольского края – это потомки донских казаков, участников булавинского восстания, которые под предводительством станичного атамана станицы Есауловской Игната Некрасова покинули пределы России в августе 1708 г. и ушли на Кубань. Позднее казаки переправились на лодках через Чёрное море на Дунай, в Добруджу, а в начале XIX в., после долгих скитаний, оказались в малоазиатских владениях Турции и поселились на берегу озера Маньяс.

Некрасовцы сохранили черты материальной культуры, свойственные донским казакам в начале XVIII в. в части устройства жилища, внутреннего убранства дома, национальной одежды, украшений. В своём сознании некрасовцы всегда воспринимали русскую речь как способ и средство выражения их национального русского облика. Некрасовцы вернулись в Россию в середине XX столетия (речь идёт о «левокумских» некрасовцах). Прожив вне России в течение двух с половиной веков, они сохранили русскую речь, в основе своей восходящую к донскому говору конца XVII – начала XVIII в.

Опишем общие черты абстрактной (отвлечённой) лексики говора казаков-некрасовцев. Материалом данного исследования послужили как записи, на протяжении ряда лет собранные учёными, аспирантами, магистрантами и бакалаврами Ставропольского государственного университета во время экспедиций в сёла Левокумского района Ставропольского края (места проживания некрасовцев), так и записи, собранные учёными других вузов, прежде всего О.К. Сердюковой, результаты работы которой вначале были

представлены ею в формате Приложения в тексте кандидатской диссертации (1962 г.), а позже изданы отдельной книгой [*Сердюкова О.К. Словарь говора казаков-некрасовцев. – Ростов н/Д.: Изд-во Ростов. ун-та, 2005*].

Отвлечённые (абстрактные) существительные – это слова, называющие отвлечённые понятия, свойства, качества, действия и состояния: *слава, смех, благо, плен, доброта, близость, ловкость, бег, движение*. В говоре казаков-некрасовцев находится значительное количество абстрактных существительных. Среди них выделяются определённые лексико-тематические группы: 1) наименования опредмеченных действий, игр, результатов действий, занятий; 2) наименования свойств и качеств; 3) наименования состояний человека, природы, общества; 4) наименования абстрактных понятий (группы перечислены в порядке приоритетности, в соответствии с их количеством в говоре).

1. Наименования опредмеченных действий, игр, результатов действий, занятий. *Водопитие* [в'дапи'тия] – «питьё воды» (*Воду наливали в зимляны кушыны, ани для в'дапития*). *Главобиения* [главабие'ния]* – «головная боль» (*Главабиения, эта када г'лава балить, как талкачём стучить*). *Гайды* [га'йды] – «шум, веселые крики» (*Када карагот, идём с песнями, з гайдами*). *Замбозы* [замба'зы] – «игра городки» (*Замбазы – байдикки кидають в одну кучку, хто побядить – сацица и едит*). *Зворот* [зваро'т] – «возвращение, возврат» (*Вон давал жарно, а зворот ни давали*). *Землепахарство* [зямляпа'харства] – «землепашество» (*Зямляпахарством занимались, пахали, рыбалили*). *Крыло* [крыло'] – «3. праздничное шествие во время масленицы, когда молодежь с песнями идет цепочкой вокруг станицы» (*Када крыло видём, то бирёмся за шыринашъку и идём друг за другом*). *Обгоренка* [абгаре'нка] – «действие по глаголу обгореть» (*Абгарела тела, абгаренка приключилась*). *Повороты* [по'в'раты] – «наступление зимы» (*Повраты пашли на зиму*). *Рыбавазение* [рыбавазе'ния] – «перевозка рыбы» (*Зарзаватныи лотки для рыбавазения*). *Пойло* [по'йла] – «2. пьянство» (*Вон памёр ат пойла*). *Чегарда – Дала* [чигарда' – дала'] – «игра, чехарда» (*Чигарда-дала – эта игра така, должны пирипрыгивать, ни зацапицца*).

2. Наименования состояний человека, природы, общества. *Вреда* [в'реда'] – «вред, ухудшение болезни» (*Ана в'реды ни делатить, бажыством лечить*). *Жаль* [жалъ] – «невзгода, страдание»

* Для говора казаков-некрасовцев характерен звук у фрикативный. Для удобства чтения в статье он обозначается литерой г.

(*Какую жаль пирьнасили, пирьжывали*). *Изнавага* [изнава'га] – «обида, притеснение» (*Нивесткам никакой изнаваги ня было*). *Мир* – «мир, отсутствие войны» (*Коли мир, казакох ня брали в армию*). *Ледина* [ляди'на] – «сильный холод» (*Лядина стаить*). *Невага* [нива'га] – «обида» (*Нивага была ей ат сякрови*). *Неуживка* [ниужы'фка] – «состояние по прилагательному неуживный» (*Ниужыфка: давать няма за каво и взять няма каво*). *Отдышка* [адды'шка] – «отдых» (*Атес на аддышки*). *Погода* [паго'да] – «2. сухая погода, сушь» (*Фся земь палопалась, праиол бы дажжычок, убил пагоду ба*). *Причудение* [причуде'ния] – «удивление» (*Наша сямя – шаинаццать чилавек, здесь ета причудения*). *Розмир* [ро'змир] – «нарушение мира, война» (*Розмир – памирился, а патом апать вайвать*). *Руина* [руи'на] – «война» (*Там началась вайна – мы называли руина*). *Сполох* [спало'х] – «тревога, переполох» (*Атаман сполох ни хочить*). *Спорина* [спърина'] – «счастье, удача» (*Бох спърины ня дасть, часть Бох ни дасть*). *Стража* [стра'жа] – «страдания» (*Такая стража, боль*). *Стыдь* [стыть] – «холод» (*Сичас стыть стаить, гълалёт*). *Сухмень* [сухме'нь] – «сушь, засуха» (*Визде дажди или, а у нас сухмень*). *Часть* [часть, часть] – «2. счастье» (*Нашай симе часть была*).

3. Наименования свойств и качеств. *Голос* [го'лос] – «1. речь, произношение» (*У них голас иной, уговор иной*). *Глыбь* [глыпь] – «глубина» (*На азирах глыбя бальшыи были*). *Долина* [далина'] – «длина» (*Лотка – восим метрах далина, шырина метра палтара*). *Доброта* [дабрата'] – «хорошее качество вещи, продукта» (*Харошая матеря, такая дабрата*). *Зависть* [за'висть] – «трудолюбие, рвение к труду» (*Ана рубахи аттираить, полы банить, у неё зависть*). *Крепость* [кре'пасть] – «2. твёрдость, верность принципам, традициям» (*Сколькя жили ф Турсии, ня дали и ня взяли ни адну дефку замуж за сибе, – вот крепасть имели*). *Лепота* [лепута'] – «красота» (*Жывём бис красаты, биз лепуты*). *Мочь* [мошь] – «сила» (*Иде ана мошь вазьмёть?*). *Отменение* [атмине'нийа] – «отличие» (*Адёжа адинакава, атминения никакова нету*). *Склигота* [склигата'] – «свойство по прилагательному склизкий» (*Галалёт, склигата!*). *Хорошина* [хърашы'на] – «свойство по прилагательному хороший» (*Карагот вядуть, казачку танцують, така хърашына*).

4. Наименования абстрактных понятий. *Галун* [галу'н] – «1. мера жидкости, галлон» (*Дядовшына бярёть галун спирта да склянку вотки и гуляють*). *Заробок* [заро'бак] – «заработок» (*Ани ф Канстантин Поле на заропки пошли туда*). *Изверие*

[изве'рия] – «вера» (*Изверия какая у них, ня знаю*). *Ока* [во'ка] – «мера жидкости» (*Вино на воки мерили*). *Ряд* [р'ят] – «порядок» (*Няма ряду, бронюца и бронюца*). *Ряда* [р'я'да] – «порядок» (*Мы жа ня знаим ряды*). *Смет* [смет] – «счёт» (*Там живут дикаи, и смету нет*). *Часть* [часть, щасть] – «1. участь, доля» (*Жэнки адни аставались, баялись патить или паехать – наша часть была такая*).

Преобладающую часть отвлечённых существительных составляют мотивированные слова. Большая часть их образована от глаголов в рамках суффиксального способа образования. Отглагольные модели абстрактных имён существительных говора некрасовцев имеют различные суффиксы:

1) суффиксы *-и|j|/-ни|j|/-ени|j|/-ти|j|*- (орфографически слова на *-ние, -ие, -ение, -тие*): *страждание* [стражда'нийа] – «страдание» (*Многа страждания была, вайна страплялася*); *спасенье* [спа'синя] – «благодарность» (*Ну, вам спасиня за ета, спаси Христос*); *примирие* [примир'ийа] – «перемирие» (*Вот пришол приказ примирия*); *умеретие* [уме'ртия] – «состояние по глаголу умереть» (*Канделики навесють и жгуть да умеретия*);

2) нулевой суффикс: *обгляд* [абгля'т] – «осмотр, обыск» (*Если п мы ня думали, что будут абгляд делать... были к'тавуры сиребринаи, накидали*); *покор* [пако'р] – «1. абстрактное существительное по глаголу покорить» (*Мне накор был ат ацца*); *помога* [по'мага] – «1. помощь» (*Хочь нас падучитя, помаги нам няма, душа балить и серца*); *причина* [причи'на] – «порча» (*Вядуть нивесту и жыниха пешки, друшко идёт атмятаить, штоп причина ни была*); *спочив* [спачи'ф] – «сон, отдых» (*Пирьвянчали м'ладых, вядуть на спачиф*);

3) суффикс *-б(а)*: *хороньба* [х'храньба'] – «игра в прятки» (*Играим в гарю, в мечи, в х'храньбу*); *клятьба* [кля'д'ба] – «клятва» (*Када выхадили, ани кляд'бу дали ни вирнуца*); *тяжба* [тя'жба] – «действие по глаголу тягаться «спорить, ссориться», спор» (*Ф кантору вичарком нада итить, там тяжба стаить*);

4) суффиксы *-к(и), -тк(и)*: *слышки* [слышки'] – «слухи» (*Слышки пришли, письмо прислали, нам дених многа выстогали*); *пережитки* [пиряжы'тки] – «переживания, невзгоды» (*Такии пиряжытки, божя упаси*);

5) суффикс *-тв(о)*: *питво* [питво'] – «абстрактное существительное по глаголу пить» (*Друзя маи, сичас ни ф питве, давайти разговор вьсти*);

6) суффикс *-ств(о)*: *рыбальство* [рыба'льства] – «рыболовство» (*Мой атес рыбальствам занималси*);

7) суффикс *-к(а)*: *отдышка* [адды'шка] – «отдых» (*Дет нашол на аддышку*).

Определённая часть мотивированных абстрактных существительных говора образована от прилагательных в рамках суффиксального способа производства слов. Отгадъективные модели абстрактных имён существительных говора казаков-некрасовцев имеют различные суффиксы:

1) суффикс *-ость*: *ответность* [атве'тнасть] – «ответственность» (*Хто права давал нисавириенналетним такую ответнасть?*); *крепость* [кре'пасть] – «1. свойство по прилагательному крепкий» (*Крепки были вьрата, на крепость наделаны*);

2) суффикс *-от(а)*: *ровнота* [равната'] – «ровная часть предмета» (*Рулявоя вясло – сверху каблучка, в ваде пярo, а ета равната*); *сухота* [сухата'] – «1. сушь, сухая погода» (*Ф пьсталах хадили, если сухата, а если вада – вон размакашт*); *скукота* [скуката'] – «скука» (*Скуката жи, сидим, как трус на яйцах*);

3) суффикс *-ение*: *хорошение* [хьраше'няя] – «свойство по прилагательному хороший» (*Хьрашо жыли?! Какая хьрашения? Там ад грекаф тапирами замыкалися, муцины уйдуть, а мы астаёмси гальными жоны*);

4) суффикс *-ин(а)*: *длинина* [длинина'] – «длина» (*Какая жа лотачка была – семь метрах длинину, палтары метры шырина*); *тяжелина* [тижылина'] – «свойство по прилагательному тяжёлый» (*Куда ш яво несть, вон тяжьылина-та какая!*);

5) суффикс *-к(а)*: *длинка* [длинка'] – «длина» (*Садеи сетки – шырка полсажыня, длинина васимсот, да тысячи метрах длинку*); *ширка* [шырка'] – «ширина» (*Садеи сетки – шырка полсажыня, длинина васимсот метрах*).

Кроме того, в составе отвлеченных имён говора имеются мотивированные, образованные способом сложения слов и основ, осложнённым суффиксацией: *главобиение, водопитие, землепахарство*, что в принципе не свойственно для устной речи и является одной из характерных черт всей системы словообразования говора казаков-некрасовцев.

В целом состав абстрактной лексики в говоре казаков-некрасовцев по своим идеографическим характеристикам является разнообразным, в него входят наименования качеств человека и артефактов: *хорошина, склигота, крепость, тяжелина* (преобладающая

группа слов); наименования эмоциональных, психических, нравственных состояний человека: *жаль, изнавага, неуживка, скукота, стража, часть*; наименования норм, правил, установок, связанных с поддержанием общественного порядка: *клятьба, зворот, обгляд, покор, распутство, пойло, тяжба*; наименования состояний природы: *повороты, ледина, погода, стыдь*; наименования состояний общества: *примирие, розмир, руина, сполох*; наименования игр: *гайды, замбазы, чегарда, хороньба*; наименования болезней: *главобиение, порча, вреда*; наименования рода занятий: *землепхарство, рыбальство, рыбозовение*.

Анализ идеографических, семантических и словообразовательных характеристик абстрактной лексики в говоре казаков-некрасовцев демонстрирует активное развитие данной группы существительных в говоре, а также креативность языкового сознания носителей говора.

Дмитрук Л.А. (Кострома)

**НАИМЕНОВАНИЕ ЛИЦ ПО ИХ ОТНОШЕНИЮ
К ПРЯДЕНИЮ В КОСТРОМСКИХ ГОВОРАХ
(НА МАТЕРИАЛЕ СЛОВАРЯ А.В. ГРОМОВА
«ЛЕКСИКА ЛЬНОВОДСТВА, ПРЯДЕНИЯ И ТКАЧЕСТВА
В КОСТРОМСКИХ ГОВОРАХ ПО РЕКЕ УНЖЕ»)**

В статье на материале регионального отраслевого словаря А.В. Громова «Лексика льноводства, прядения и ткачества в костромских говорах по реке Унже» рассматриваются слова лексико-семантической группы «Названия лиц по отношению к прядению» с точки зрения их структуры, семантики и особенностей функционирования в восточных костромских говорах периферийного типа. Лексика данной группы характеризуется значительной структурно-стилистической вариативностью на фоне данных других диалектных словарей, но сохраняет устойчивость в отношении своих пространственно-временных координат и этнокультурных связей.

Ключевые слова: *словарь А.В. Громова; прядение; диалектная лексика; костромские говоры.*

Лексика, описывающая различные стороны трудовой деятельности человека, является одним из самых семантически устойчивых слоёв словарного состава индоевропейских языков, в частности

русского языка. Слова, тематически связанные с текстильными ремёслами, такими как прядение и ткачество, относятся к древнейшему фонду индоевропейского словаря и представляют интерес не только для лингвистов, но и для историков, археологов, этнографов, поскольку заключают в себе ещё и ценную этнокультурную информацию. Изучению данной группы слов традиционно уделяется внимание в трудах исследователей-диалектологов (Л.П. Михайлова, Н.С. Ганцовская, С.А. Мызников, Л.П. Батырева и др.), так как именно в народных говорах сохранилась до настоящего времени та её часть, которая уже вышла из актива литературного языка и, кроме того, постоянно подвергается угрозе исчезновения в современных диалектах. Этот процесс во многом объясняется утратой значимости соответствующих ремёсел в системе хозяйственной деятельности жителей села, поэтому собирание и изучение ремесленной лексики в наши дни приобретает особую значимость с лингвистической и экстралингвистической позиций.

Составленный А.В. Громовым словарь «Лексика льноводства, прядения и ткачества в костромских говорах по реке Унже» является одним из немногих, существующих ныне тематических словарей, имеющих действительно научную ценность. Он включает отраслевую лексику, связанную с выращиванием и уборкой льна, его обработкой, изготовлением ткани, функционирующую в Кологривском, Мантуровском, Макарьевском, Межевском районах Костромской области и отражающую традиционный вид хозяйствования, а потому являющуюся исконной для этой территории. Лексика данного словаря по темам «Названия льна и конопли. Уборка волокнистых растений», «Переработка льна и конопли на волокно», «Прядение», «Мотание. Снование» детально рассмотрена Н.С. Ганцовской в рамках совещаний по Программе ЛАРНГ (ИЛИ РАН) в 2011, 2012 и 2013 гг. (напр., см. [Ганцовская, 2013: 135]). В настоящей работе проанализируем представленную в словаре А.В. Громова лексико-семантическую группу слов (ЛСГ) «Названия лиц по отношению к прядению», не являющуюся собственно ремесленной терминологией, но имеющую с ней непосредственную связь, так как через наименование человека даётся оценка и его отношению к делу, и, пусть и косвенно, к изготовленному им материалу, в данном случае пряже.

В изучаемом лексикографическом источнике данная группа слов включает следующие единицы: *непря'ха*, *прядея'*

(*пряди'льщица, прях'ха, пряде'йка, пряде'юшка и прядею'шка*), *супряжа'нка (супря'дница), толстопрях'ха (толстопрях'дница), тонкопрях'ха (тонкопрях'дница, тонкони'тница)* с их словообразовательными вариантами – однокоренными словами, которые различаются аффиксами при совпадении значений. Это является особенностью словаря А.В. Громова, где словарная статья «посвящается не слову, а понятию, поэтому в ней объединяется вся совокупность слов и вариантов слов, обозначающих тот или иной предмет, признак, процесс, действие» [Громов, 2012: 7]. В составе исследуемой ЛСГ в дискурсе словаря Громова слова *непрях'ха* – ‘плохая прядильщица или совсем не умеющая прясть’ и *прядея'* – ‘женщина, которая занимается ручным прядением, умеет прясть’, ‘хорошая прядильщица’; *толстопрях'ха* – ‘плохая прядильщица’ и *тонкопрях'ха* – ‘мастерица прясть’ выступают как контекстные антонимы, характеризующие лиц женского пола по их умению, мастерству прядильщицы. Лексема *супряжа'нка* – ‘женщина, принимающая участие в супрядке’ (*супрядка* – ‘коллективная помощь в прядении льна и шерсти с угощением со стороны хозяйки’ [Громов, 2012: 53]) не имеет антонимической пары, так как является обозначением женщины по её роли в коллективном прядении.

Рассмотрим в контексте словаря А.В. Громова антонимическую пару *непрях'ха – прядея'*.

В русских народных говорах слово *непряха* употребляется, судя по данным СРНГ, с тремя значениями. В первом значении – ‘то же, что непрядея’, то есть ‘не умеющая, ленивая прясть женщина’ – лексема имеет достаточно широкий ареал распространения, в СРНГ при слове указаны пометы Яросл., Костром., Вят., Волог., Пск., Арх., Смол., Калуж., Орл., Ворон., Самар. [СРНГ, 21: 135]. В этих же областях слово *непряха* бытует и в другом значении – ‘ленивая, нехозяйственная женщина’ [Там же]. Третье значение, отмеченное у лексемы в СРНГ, – ‘то же, что непря (в 3-м знач.)’, то есть ‘изба, в которой лавки сделаны неудобно для прядения или в которой темно, неловко работать’ – с пометами Влад., Нижегород., Моск. [Там же]. Примечательно, что эти же значения слова *непряха*, помещённого в один ряд с лексемами *не'пря, непрядо'ха*, показаны и в словаре В.И. Даля [Даль, 2: 442], что говорит о пространственно-временной устойчивости структурно-семантического облика рассматриваемого слова. А.В. Громов слово *непряха* включает

в свой словарь со значением ‘плохая прядильщица или совсем не умеющая прясть’ и указанием на повсеместное распространение: «Были которыя ленивыя прясть-то. Одну такую непряху муж ругает: “Вот умру я – чем покрывать-то будёшь?” Жена ему отвецяёт: “Помирай, старой покрою”. И вот он, как-то притворився мертвым, и жена с простеньёв ниткам всево ево обмотала и воёт: “Милой ты мой, на штё ты похож?” – “На балалайку, такая-сякая”, – отвецяёт муж. Мант. Фат.» [Громов, 2012: 51]. Однако Громов не фиксирует в словарной статье к слову *непряха* другие словообразовательные варианты, данная лексема здесь указана с отрицательной коннотацией как единственное характеризующее наименование прядильщицы. Следовательно, в костромских говорах широкое распространение получил именно этот вариант слова.

Слово *прядея* в современных русских говорах употребляется в двух значениях: 1) ‘женщина – пряха’ с географическими пометами Чухл. Костром., Волог., Твер., Пск., Север., Олон., КАССР, Арх., Мурман., Вят., Тобол.; 2) ‘прялка’ с пометой Новосиб. [СРНГ, 33: 78]. В «Словаре говоров Костромского Заволжья: междуречья Костромы и Унжи» Н.С. Ганцовской слово *прядея* отмечено с семантикой ‘то же, что прядеюшка’ с фиксацией в Чухломском и Буйском р-нах Костромской области. Слово *пряде’юшка* с уменьшительно-ласкательным суффиксом *-юшк-* здесь толкуется как ‘женщина, которая прядёт, пряха’ и указанием на географию распространения – Чухл. [Ганцовская, 2015: 323]. В словаре Громова в словарной статье к лексеме *прядея* приводится несколько словообразовательных вариантов, имеющих одинаковую семантику ‘женщина, которая занимается ручным прядением, умеет прясть’, распространённых, судя по помете, повсеместно, но отличающихся, однако, стилистически: *прядея’*, *пряди’льщица*, *пря’ха* (фольк.), *пряде’йка* (ласк.-сниск.), *пряде’юшка* (фольк.) и его акцентологический вариант *прядею’шка*: «Одна прядея тонко прядёт, другая товсто. Мант. Мос.»; «Моя мама была хорошая прядильшыця. Мант. Сам.»; «У ленивой пряхи и про себя нет рубахи (посл.). Мак. Ил.»; «Раньшэ говорили: пряха-неряха, топерь все стали ряхи. Мант. Ус.»; «“Села прядейка прясь и веретенцё об пов хрясь”, – так мне, маленькой прядее, дедушко шутивно говаривав. Мант. Мос.»; «Ты пряди, прядеюшка, Вот тебе куделюшка, Вот те пряха, вот те лён, Вот те десять веретён (частушка). Мант. Фат.»; «Санопряд-

ка новая, Много ли напряла? Прядеюшка у стовбушки Всю ночь простояла (чапушка). Мант. Фат.» [Громов, 2012: 51]. Слову *прядея'* присущ также оттенок значения 'хорошая прядильщица', имеющий положительную коннотацию, характеризующий мастерство прядильщицы: «Вот сестра моя – прядея дак прядея! Мант. Ус.» [Там же]. В словаре Даля слово *прядея* отсутствует, однако другие его варианты *пряди'льщица*, *пря'ха* и *пря'лка* (с пометой кстр. <костромское>) [Даль, 3: 432] были характерны для живой народной речи XIX столетия и продолжают жить в современных диалектах, в том числе костромских.

Иллюстративный материал, предлагаемый А.В. Громовым в словарных статьях, позволяет наблюдать особенности речи информантов-диалектоносителей, а наличие в ней таких фонетических черт, как оканье (различение [а] и [о] в безударных слогах после твёрдого согласного), ёканье (произношение [о] на месте [э] в безударных слогах), цоканье (отождествление аффрикат [ц] и [ч]) и др. даёт возможность отнести говоры бассейна реки Унжи (Кологривский, Мантуровский, Макарьевский, Межевской районы, говоры которых описывал А.В. Громов в своём словаре) к восточным костромским говорам периферийного типа.

Таким образом, в костромских говорах, если их рассматривать на фоне данных диалектных словарей, представлена достаточно широкая структурно-стилистическая парадигма слов ЛСГ «Названия лиц по отношению к прядению», сохранившая свою идентичность для данной территории и устойчивость в пространственно-временном континууме.

Библиографический список

Ганцовская Н.С. Словарь говоров Костромского Заволжья: междуречья Костромы и Унжи. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова; М.: Книжный Клуб Книголек, 2015. – XXXI, 512 с.

Ганцовская Н.С. Словарь «Лексика льноводства, прядения и ткачества в костромских говорах по реке Унже» А.В. Громова как источник ЛАРНГ // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2013 / Ин-т лингв. исслед. – СПб.: Нестор-История, 2013. – С. 135–140.

Громов А.В. Словарь. Лексика льноводства, прядения и ткачества в костромских говорах по реке Унже: учеб. пособие. – Кострома: Инфопресс, 2012. – 118 с.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: Олма-Пресс, 2003.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. – Вып. 1– / сост. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов. – М.; Л.; СПб.: Наука, 1965– .

ДИАЛЕКТНЫЕ ГЛАГОЛЫ ДВИЖЕНИЯ В РУССКИХ ГОВОРАХ МОРДОВИИ

Статья посвящена семантическому анализу глаголов движения, функционирующих в русских говорах Мордовии. Диалектные глаголы подвергаются классификации с учётом следующих критериев: 1) характер движения, 2) среда передвижения, 3) интенсивность движения, 4) общая направленность движения.

Ключевые слова: говоры; глагол; движение; перемещение; субъект.

Глаголы движения представляют собой довольно сложное и недостаточно изученное явление как в русском литературном языке, так и в говорах. Под данными лексемами мы будем понимать глаголы, обозначающие перемещение субъекта в пространстве. Е.В. Ярема так характеризует глаголы обозначенной семантики: «...под глаголами движения понимаются любые лексемы, обозначающие изменение местоположения субъекта в пространстве» [Ярема, 2008: 3].

В русских говорах Мордовии к диалектным глаголам, обозначающим движение, относятся диалектные лексемы типа *подворничать* ‘ходить без дела, без цели’, *припрыжить* ‘прибежать’, *сикчить* ‘ходить, ездить куда-либо’ и др. Напр.: Затопит печьку, и пашла *падворничить*, сплетни рьзнасить (Тазино, Б-Бер.); Мужыка-ть у ниё ф тюрьму пьсадили, вот ана типерь и *сикчит* то в горьт, то из горьдь (Грачевник, К-Сл.); Долгъ тее, мьлодому, дь угородьф дьбежать. Пока я на стол събираю, ты назат *припрыжиши* (Суподеевка, Ард.).

Перемещение в пространстве может быть разным и характеризоваться различными параметрами. Помимо общего для всех диалектных глаголов движения понятия «изменение положения в пространстве» исследователи выделяют четыре дифференциальных признака данных лексем: 1) характер движения, 2) среда передвижения, 3) интенсивность движения, 4) общая направленность движения (по горизонтали или по вертикали) (см. [Зубова, 1988: 72–73]). Остановимся подробнее на каждом из указанных классификационных критериев.

1. Характер движения. В зависимости от характера движения в русском языке традиционно выделяются глаголы, объединяющиеся в пары по признаку однонаправленности/разнонаправленности,

типа *бежать – бегать; брести – бродить; везти – возить; вести – водить; гнать – гонять; гнаться – гоняться; ехать – ездить; идти – ходить; катить – катать; катиться – кататься; лезть – лазить; лететь – летать; нести – носить; нестись – носиться; плыть – плавать; ползти – ползать; тащить – таскать; тащиться – таскаться.*

Наиболее частотными в русских говорах Мордовии являются диалектные глаголы, семантическая структура которых включает компоненты 'идти' – 'ходить' и 'бежать' – 'бегать', а также префиксальные и суффиксальные образования от них. Напр.: *вешаться* «неодобр. ходить без дела, без цели» – Иму бы толькь *вешыць* па улицы (Новая Карьга, К-Сл.); *дилять* «ходить, ковыляя; хромать» – С мьтоцыкль упал, с тех пор и *дилят* (Говорово, С-Шайг.); *кандёхать* «экспр. идти» – Мы ждём ёво: он нъ лъшэде приедит, а он пёшком *кандёхът* (Суподеевка, Ард.); *катать* «2. Быстро идти, бежать» – *Катаи* с роботы-ть, штоб детей скорей пькормить (Пермеево, Ичал.); *лысманить* «идти» – Обратнъ *лысманит* куды-ть (Суподеевка, Ард.); *мотыляться* «ходить, бродить» – Нъвезли ей детей-ть, она с ними и *мътыляць* пь деревни-ти (Суподеевка, Ард.); *рассыпаться* «суетливо, в волнении ходить в разных направлениях» – Што ты *ръсыпасси* пь избе-ти? Сять, пьсиди (Суподеевка, Ард.); *стениться* «идти, двигаться» – Верушкь отколь-ть *стениць* с какой-ть книшкый (Суподеевка, Ард.); *трёпать* «идти куда-либо» – Ну, тилёнък уш заждалси кармёшки-ть, пара *трёпъть* за ним (Новосельцево, Кочкур.); *трёхать* «медленно идти» – А вон и деда *трёхът* (Новая Карьга, К-Сл.); *туриться* «идти быстро, торопиться» – Нет, mine уш с табой ф цэркъфь ни дайти. Ты вон как *турисси*, а у миня уш и мочи нет (Карпеловка, Торб.).

Многие диалектные глаголы однонаправленного движения со значением 'идти'/'бежать' в русских говорах Мордовии могут образовываться с помощью префиксов (*за-, на-, по-* и др.) и суффиксов (*-ну/-ану-*) глаголы совершенного вида с начинательным значением. Напр.: *завьять* «экспр. Быстро, стремительно побежать, понестись» – Он у нас как фсе-ть ни ходит, сё бигма. Как *завьят* – ни дагониш (Нижняя Верченка, С-Шайг.); *лысмануть* «экспр. пойти» – Можь, оне в лес за ягьдьми *лысманули* (Суподеевка, Ард.); *мыкнутьься* «пойти» – Мы вичёр *мыкнулись* касить ф казённый лес, дь нас лисник паймал (Шалы, Атюр.); *навесить* «пойти в каком-либо направлении» – Думьль, шть Настя мимъ пройдёт, хватъ к нам

навесиль, вот уш нъ потходи г дому (Супод, Ард.); *плынуть* «быстро пойти, побежать» – Я былъ за ними *плынулъ*, а их уш ни видать (Барахманы, Б-Игн.); *погалдырять* «пойти с трудом, поковылять» – «Ну, этъ вот куда *пъгълдырять?*» – «*Пъгълдырйаи*, пажалуй, ноги-тъ уш ни ходют, старъсть пѣдашла» (Кушки, Темн.); *потѣкать* «пойти, отправиться куда-либо» – Ани *патѣкли* туды давно-тъ уш, а фсѣ нет (Старый Город, Темн.); *подыльгать* «пойти с трудом, поковылять» – «Мужыки вон нъ синокос пошли, и Вася хромой за ними *подыльгъл*». – «Куда он пешком *подыльгѣт*, чай, ёво нъ лышыде утвѣзут» (Суподеевка, Ард.); *поколюхатъ* «пойти, отправиться куда-либо» – Хорошый дожжык-ѣт прошол. Грибной. Ты, чай, зафтри чѣм свет в лес *пъкълюхаи*? (Суподеевка, Ард.); *полобызатъ* «пойти, отправиться куда-либо» – Рибять ф клуп *пъльбызали* (Русские Найманы, Б-Бер.); *полемжить* «экспр. Побежать, быстро пойти» – Ты куды *палѣмжылъ*, вирнись! (Челмодеевский Майдан, Инсар.); *потрухатъ* «пойти, побежать» – У нас котик куды-ти на тот порядкъ *пъстѣбал* (Суподеевка, Ард.); *хлыстнуть* «1. Пойти, поехать» – Оне нъ другой день и *хлыстнули* туды, и два дня и две ночи ни приходили (Суподеевка, Ард.).

Диалектные глаголы, характеризующие другие способы перемещения субъекта в пространстве, в рассматриваемых говорах практически не встречаются и представлены единичными лексемами. Напр.: *возякатъ* «1. Перемещать, доставлять куда-либо при помощи каких-либо средств передвижения; возить» – Сень-тъ вазами *вазякѣт*, а зачем, дитей-тъ нету, дли каво (Кулишейка, Руз.); *ворочать* «1. Носить» – Картошку сажали, кашолки *варочыли* нъ сибѣ (Лаврентьево, Темн.); *зюкать* «носить, таскать что-либо тяжѣлое» – Весь день дрям *зюкълъ*, усталъ (Стародевичье, Ельн.); *мыкать*: «2. Перевозить» – Кароф-ти кажный гот *мыкѣм* в другии калхозы-ти, у нас ани пародистыи (Кучкаево, Б-Игн.); *пиликать* «медленно ехать на чем-либо» – Паехъл бы с табой на лошади, дъ пака *пиликѣи* на ней, время уйдѣт. Я уш луччи пишочькѣм нъпрямую, так быстрей (Лада, Ичал.); *пурить* «таскать, носить в большом количестве» – Ана фсѣ *пурилъ* траву, уш, навернъ, на фсю зиму казе сень нъгатовилъ (Новое Баево, Б-Игн.).

Многие из рассмотренных глаголов, дифференцируемых по характеру движения, с помощью префиксов *при-* или *до-* образуют соотносительные диалектизмы со значением результативности. Напр.: *пригрудить* «привезти» – Детей ей *пригрудилъ*, она с ними и китицъ (Суподеевка, Ард.); *прикрючить* «привезти, принести

в большом количестве» – Он нь лышэде *прикрючыл* два возъ дроф (Суподеевка, Ард.); *пригрязнуть* «неожиданно подойти, прибыть» – Как силы *пригрязнули* из Масквы, ну и пабили фсех немцѣф (Стрелецкая Слобода, Руз.); *притыкаться* «прийти с трудом, доплестись» – Миня не жди, я не скорь *притычус* (Суподеевка, Ард.); *прикошеваться* «прийти, появиться» – Ну вот, я лёгла, и она ко мне *прикъшовальсь*. Иди вон к матери, с ней спи (Суподеевка, Ард.); *догалдырять* «доковылять» – Пъгади, дъжвѣш дъ маих лет, и ты дъ стала ни *дъгълдыряиш* (Кушки, Темн.); *додыльгатъ* «доковылять» – Я уш стара сталь, ноги баят, ели *дадыльгъю* дъ магазинъ (Силино, Ард.); *доколюхатъ* «дойти с трудом» – Нет уш, плохой я ходок-тъ сталь, далѣкъ мне нельзя ходить. Туды зайду, а назат ни *дъкълюхаиш* (Суподеевка, Ард.).

2. Среда передвижения. Все глаголы, функционирующие в русских говорах Мордовии, обозначают однонаправленное и неоднаправленное перемещение по земле. Напр.: *мызгать* «ходить взад-вперёд» – Ну што ты *мызгѣиш* пъ избе! (Голубцовка, Ром.); *идтить* «1. Двигаться, идти» – Я уш думъль, ни придѣш, бадик приготовиль *иттить* зъ мълаком (Гумны, К-Сл.); *почипуриуть* «пойти мелкими шагами, посеменить» – Глянты, как тѣтка Маня пъчипуриуть, а вить васьмой дисятък пашол! (Кочелаево, Ковыл.); *пройтить* «идя, переместиться куда-либо, пройти» – К энтьму лесу можнъ виршыньми *прайтить* (Челмодеевский Майдан, Инсар.); *смолить* «быстро бежать» – Ну, он *смалит*, фсех пиригонит (Лаврентьево, Темн.).

В рассматриваемых говорах представлены лишь единичные глаголы, связанные с перемещением человека по водной среде: *подмырнуть* «нырнуть подо что-либо» – Как мырнул и *пъдмырнул* прямъ под лотку (Супод, Ард.); *мырять* «1. Погружаться в воду с головой, нырять» – Я бываль любил мырять, глупкъ *мырѣл* (Хлебино, Теньг.).

Что же касается диалектизмов, характеризующих движение человека по воздушной среде, то их в русских говорах Мордовии, по-видимому, не наблюдается.

3. Интенсивность движения. По этому дифференциальному признаку различаются диалектные глаголы, обозначающие быстрое и медленное движение. Лексемы, характеризующие быстрое перемещение субъекта, в рассматриваемых говорах очень частотны. Напр.: *запороть* «быстро побежать, помчаться» – Што этъ Нинкъ-тъ так *зъпороль*, ошклявил што ль еѣ кто? (Суподеевка, Ард.); *ле-минуть* «экспр. Быстро пойти, побежать» – Вот так *лиминул*,

только пятки свиркают (Старая Михайловка, Ром.); *отбачить* «быстро отвезти куда-либо» – Он вас *адбачит* аттоль (Енгалычево, Дуб.); *плынуть* «быстро пойти, побежать» – Тут мы стали в ладошы бить, а он как *плынит!* (Инелейка, Б-Игн.); *пощепать* «быстро пойти, побежать» – Дефки, куда эть вы так *пъщепали?* Насиль дьгнала вас (Мальцево, Торб.); *построчить* «быстро пойти, побежать» – Куды эть вы *пъстрачили?* (Кочуново, Ром.); *туриться* «идти быстро, торопиться» – Вон ты как *турисси*, мне и ни дагнать (Карпеловка, Торб.); *хватануть* «экспр. Быстро побежать» – Мы испугались и как *хвътанём!* (Урей, Ельн.) и др.

Диалектные глаголы, обозначающие медленное движение, в русских говорах Мордовии встречаются значительно реже. Напр.: *пахтить* «передвигаться медленно, с трудом» – Старик каждый день в лес *пахтит* (Алексеевка, Темн.); *пеньшиить* «1. Передвигаться медленно, с трудом» – Пришол из больницы-ть дъ фсё *пеньшыл* немношкъ, а потом и фскори помер (Пичеуры, Чамз.); *трехать* «медленно идти» – Ты пака дъ базарь *трёхъши*, палдня прайдёт (Новая Карьга, К-Сл.); *шымунять* «идти медленно» – Цэлый чяс *шымунял* да дому (Мизеряне, С-Шайг.); *шырыкать* «медленно ехать» – Нъ таком афтобуси часа три *шырыкъть* будиш (Чеберчино, Дуб.).

4. Общая направленность движения (по горизонтали или по вертикали). Практически все наименования рассматриваемого семантического поля в русских говорах Мордовии являются глаголами горизонтального движения. Напр.: *брындать* «неодобр. Ходить, бродить без дела» – Што вот он *брындът* биз дилоф, рази эть хърашо? И присидатилю, канешнъ, ни ндравлицъ (Кулишейка, Руз.); *зюкать* «носить, таскать что-либо тяжелое» – Кажный день воду *зюкъм*, агарот вить (Атемар, Лямб.); *вываживать* «возить» – Цэльный день он на тачанки воду *вываживът* (Большие Поляны, Ард.); *тылить* «экспр. Быстро идти, бежать» – Вот эть *тылит!* Нъ кабыли ни дагонииш (Грачевник, К-Сл.) и др.

Группа глаголов вертикального движения в рассматриваемых говорах немногочисленна и представлена лексемами, характеризующими направленность вниз, семантика которых включает компоненты 'упасть'/'свалиться'. Напр.: *ботнуться* «упасть, свалиться» – Мой-ть фчирась па пьянки з диванъ *ботнулси*, чють шэю себе ни сламал (Енгалычево, Дуб.); *забунеть* «экспр. 1. Упасть, свалиться» – Колькъ, атайди ат потпъль, *зъбунииш* вить (Гумны, К-Сл.); *дербулызнуться* «экспр. упасть с шумом» – Эх ты госпъди! Надъ вить

так *дирбулызнуць!* Индь земля здрожаль! Тихонькъ ты иди, ни тѣропись, а то опять *дирбулызнисся* (Суподеевка, Ард.); *ербулызнуться* «экспр. упасть с шумом» – Митькъ тады *йирбулызнулси* у Кирева двара и руку чють ни сламал (Усыкино, Инсар.); *козырякнуться* «упасть, свалиться» – Пойдѣш в ызбу-ту, ни збывайся, што там потпѣл открытый, а то забудисся дѣ *къзырякнисся* в нѣво (Суподеевка, Ард.); *кулыснуться* «упасть» – Глиди-къ под нѣги, виш, ямъ, *кулыснѣсси* (Красногорное, Чамз.); *лоннуться* «упасть» – Сталь окно вытирать, залезль на стул дѣ *лоннулсь*, локть вот до сех пор болит (Суподеевка, Ард.); *хряпнуться* «упасть, свалиться» – Старухъ мая *хряпнулсь* с лесницы. Хѣрашо, штъ ничаво ни сламалъ (Жуково, Торб.); *чухвистнуться* «упасть, свалиться» – Я залезль нѣ чярдак и аттудъ *чухвистнулсь* (Никольское, Торб.) и др.

Лишь единичные глаголы рассмотренной семантической группы в русских говорах Мордовии обозначают направленность вверх, напр., лексема *забечь* «2. Влезть, взобраться на что-либо» – В лису *зъбигли* на деривь, а их искали.

Как видим, все диалектные глаголы вертикального движения совершенного вида. Некоторые из них могут образовывать видовую пару несовершенного вида, ср.: 1) *комякаться* (несов. вид) «падать, валиться на землю» – Скокъ рас он са стуль *камякълси*, да разве услидиш за ним (Суподеевка, Ард.) и 2) *комякнуться* «Сов. к *комякаться*» – Вот тѣкъ *камякнулсь* с сушылъ! (Новоямская Слобода, Ельн.).

Необходимо отметить, что говоры имеют чрезвычайно богатые возможности для выражения различных оттенков ситуации движения и перемещения в пространстве. Их классификация способствует воссозданию одного из важнейших фрагментов диалектной картины мира, а именно сферы «движения» в русских говорах Мордовии, помогая выявить способы восприятия и толкования элементов окружающей действительности диалектоносителями.

Список сокращений

Районы: Ард. – Ардатовский, Атюр. – Атюрьевский, Б-Бер. – Большеберезниковский, Б-Игн. – Большеигнатовский, Дуб. – Дубенский, Ельн. – Ельниковский, Инсар. – Инсарский, Ичал. – Ичалковский, Ковыл. – Ковылкинский, Кокчур. – Кокчуровский, К-Сл. – Краснослободский, Лямб. – Лямбирский, Ром. – Ромодановский, Руз. – Рузаевский, С-Шайг. – Старошайговский, Темн. – Темниковский, Теньг. – Теньгушевский, Торб. – Торбеевский, Чамз. – Чамзинский.

Библиографический список

Зубова Л.В. Направление семантического развития глаголов движения в русском языке (литературный язык и северно-русские говоры) // Литературный язык и народная речь: межвуз. сб. науч. тр. – Пермь: Изд-во ПГУ 1988. – С. 72–81.

Ярема Е.В. Функционально-семантические особенности глаголов движения (на материале разносистемных языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Майкоп, 2008. – 24 с.

Жданова Е.А. (Ижевск)

ИЗУЧЕНИЕ РУССКИХ ГОВОРОВ УДМУРТИИ: ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ПЕРСПЕКТИВЫ

В статье представлено описание формирования и история изучения русских говоров Удмуртии: территория современной Удмуртской Республики была полностью заселена русскими и оформилась как самостоятельная административная единица только в начале XX в. Русские говоры междуречья Вятки и Камы привлекли внимание исследователей достаточно поздно и до сих пор не стали предметом полного систематического описания. Однако собранный материал и современные информационные технологии дают возможность полноценного исследования русских говоров Удмуртии: создания диалектологического атласа, электронного словаря и лингвистического корпуса. Сейчас такая работа в республике ведётся при помощи лингвогеографической информационной системы «Диалект».

Ключевые слова: русские говоры Удмуртии; история формирования; диалектологический атлас; лингвогеографическая информационная система «Диалект».

Исследование русских народных говоров остаётся одним из приоритетных направлений современной лингвистики, так как, несмотря на многолетнюю историю изучения, диалектные явления до сих пор исследованы не в полном объёме. В первую очередь это относится к лексико-словообразовательным особенностям говоров, которые стали объектом систематического изучения и глубокого научного анализа лишь в последние десятилетия.

Все эти утверждения актуальны и по отношению к русским говорам Удмуртии, которые, представляя собой говоры территории позднего заселения, вторичные по отношению к говорам центральной части европейской территории России, не привлекали

к себе такого внимания лингвистов, как русские диалекты раннего формирования.

Русские говоры Удмуртии в целом относят к русским говорам Прикамья, которые, в свою очередь, принадлежат к Вологодско-Вятской группе северновеликорусского наречия. Однако в связи с тем, что русские говоры Удмуртии сформировались на основе смешения различных переселенческих говоров, они отличаются разнообразием и требуют всестороннего описания.

Русское население появилось на территории современной Удмуртии, вероятно, в XIII–XIV вв. Как предполагают исследователи, изначально русские шли через Север, Коми край. Более активное проникновение русского населения в междуречье Вятки и Камы началось с середины XVI в., после взятия Казани. В XVII в. на эту территорию начали приходить старообрядцы, поселения которых сейчас сосредоточены в северной части Удмуртии. Центральные районы республики заселялись в основном в XVIII и XIX вв., в период наиболее интенсивных переселений внутри Волго-Камья. Что касается южной части Удмуртии, то она заселялась отдельно от остальных выходцами из других областей [Смолякова, 1977: 5–7].

В «Опыте диалектологической карты русского языка в Европе» 1915 г. русские говоры территории современной Удмуртской Республики представлены как относящиеся к восточной группе северновеликорусского наречия. Территория Удмуртии описана в приложенном к карте «Очерке русской диалектологии» как местность, заселённая представителями нерусскоязычных народов с преобладанием русских поселений. Составители отмечают и возможность южнорусских вкраплений в местных говорах в связи с более поздним освоением и разнообразием переселенцев [Опыт, 1915: 17]. К этому времени уже существовало несколько работ, посвящённых описанию отдельных говоров Покамья, авторы которых были склонны переносить отмеченные в них диалектные особенности на язык более обширной территории, относившейся к Вятской губернии [Здобнова, 1955: 6].

Как отдельная административная единица Удмуртия появилась только в эпоху СССР. В 1920 г. была образована Вотская автономная область, в которую вошли территории нескольких уездов бывшей Вятской губернии. В 1934 г. Вотская (Удмуртская) АО была преобразована в Удмуртскую Автономную Советскую Социалистическую Республику. В 1937 г. в состав УАССР вошли несколько районов с юго-восточной стороны [Широбоков, 1969: 119, 123].

Результаты заселения и административного перераспределения данной территории проявились в соответствующих изоглоссах: «Заселяясь в известной мере как с запада, так и с востока, эти районы должны были стать местом то перекрещивания “кировских” и “пермских” изоглосс, то, напротив, местом разрыва этих изоглосс» [Смолякова, 1977: 7].

Систематическое исследование русских говоров Удмуртии началось в рамках работ, посвящённых созданию Диалектологического атласа русского языка (ДАРЯ). Диалектный язык южных районов республики изучался в составе русских говоров Волго-Камья для VII тома ДАРЯ. Сбор материала для «Атласа русских народных говоров Волго-Камья» проводился с 1945 по 1955 г. студентами и сотрудниками Казанского университета и Казанского филиала АН СССР. Однако VII том ДАРЯ остался за пределами сводного атласа и существует только в виде рукописи.

В период работы по сбору данных и составлению атласа создаётся ряд монографий и диссертаций, посвящённых преимущественно фонетическим и морфологическим особенностям различных групп говоров Удмуртии.

В 1972 г. начинается собирание диалектного материала преподавателями и студентами Удмуртского государственного университета. В результате диалектологических экспедиций под руководством Л.В. Вахрушевой, Н.С. Качалиной, Б.И. Осипова и др. был собран материал в виде транскрибированных записей речи диалектоносителей (более 300 тетрадей) в 160 населенных пунктах 20 районов Удмуртии. Отметим, что Б.И. Осипов на основе собранного материала готовил картотеку для словаря русских говоров Удмуртии, однако этот замысел не был реализован.

В результате такого сбора материала были обнаружены интересные факты: на северо-востоке Удмуртии, в Кезском, Дебесском, Балезинском районах распространены поселения старообрядцев, говоры которых отличаются архаичностью и своеобразием, в Каракулинском районе (юго-восток республики) Н.С. Качалиной обнаружен акающий говор, заметно отличающийся от окружающих окающих, сложившийся в результате переселения в эту местность крепостных крестьян из южных губерний. Таким образом утверждается представление о разнообразии русских говоров Удмуртии.

Интенсивное изучение словарного состава диалектного языка на территории Удмуртии началось в период работы над лексическим атласом русских народных говоров (ЛАРНГ), территория

картографирования которого охватывает всю европейскую часть Российской Федерации, в том числе Удмуртию. Сбором диалектного материала для ЛАРНГ в Удмуртии в 1990-х и 2000-х гг. занимались участники диалектологических экспедиций под руководством В.А. Баранова и Л.Ф. Килиной. Помимо Удмуртского государственного университета сбором сведений для ЛАРНГ занимались в Глазовском государственном педагогическом институте, сотрудники и студенты которого участвовали в диалектологических экспедициях в северные районы республики. Эта работа продолжается и сейчас, в ряде случаев участники экспедиций ведут аудио- и видеозапись своих бесед с информантами, что также является ценным материалом для диалектологов.

Сбор данных для ЛАРНГ дал обширный материал для исследования лексических, семантических, этнографических, словообразовательных особенностей русских говоров Удмуртии (работы Л.Ф. Килиной (УдГУ), Е.А. Ждановой (ИжГТУ), В.Н. Мартыновой (ГГПИ) и др., курсовые и дипломные работы студентов). В этих исследованиях выявлен ряд специфических черт диалектного языка данной территории, связанных с особенностями её заселения, а также с влиянием иноязычного (тюркского и финно-угорского) субстрата.

В 2005 г. коллективом филологов и программистов Удмуртского государственного университета под руководством В.А. Баранова была создана лингвогеографическая информационная система (ЛГИС) «Диалект» (действующая версия <http://lgis2.office.h1company.ru/>), которая позволяла вводить, хранить в машиночитаемом формате и редактировать лексический материал, собранный по вопросам ЛАРНГ, осуществлять выборку данных, готовить её для картографирования и получать лингвистические карты в Интернете. Создание этой системы позволило начать исследование лексики русских говоров Удмуртии в лингвогеографическом аспекте.

Анализ карт, составленных при помощи ЛГИС «Диалект», подтвердил, что русские говоры Удмуртии не являются единым целым. Наиболее ярким оказалось противопоставление востока и запада Удмуртии, ряд своеобразных черт отмечен на юге региона. В то же время нужно подчеркнуть, что составленные в этот период лингвистические карты во многих случаях нельзя считать полноценными, так как не по всем вопросам программы ЛАРНГ сведения были собраны повсеместно, не все имеющиеся материалы были введены в базу данных ЛГИС «Диалект».

Для продолжения и углубления диалектологических исследований в Удмуртии было принято решение усовершенствовать ЛГИС «Диалект», превратив её в многофункциональное средство хранения, анализа и представления диалектного материала в различных формах. ЛГИС «Диалект» была оснащена лексикографическим модулем, позволяющим представлять лексику, собранную по программе ЛАРНГ на территории Удмуртии, в виде словарных статей, выводимых по запросу пользователя, был дополнен материалом и усовершенствован лингвогеографический модуль. Наиболее существенным новшеством стало его объединение с сервисом «Яндекс-карты», что дало возможность отражать на масштабируемой карте информацию о говорах любой территории. Это превратило ЛГИС «Диалект» из регионального средства картографирования в лингвогеографический инструмент общероссийского значения. Для пополнения базы данных в ЛГИС «Диалект» были введены записи диалектной речи, сделанные в ходе диалектологических экспедиций, в виде скан-копий рукописных транскрипций бесед с информантами, аудио- и видеозаписей. Указанные преобразования значительно увеличили потенциал ЛГИС «Диалект» и расширили возможности диалектологов, пользующихся ей в своей работе [ЛГИС, 2013].

На сегодняшний день представляется необходимым обобщить, систематизировать, проанализировать собранный на территории Удмуртии диалектный материал как языковые данные единого региона и представить его лингвогеографическое и лексикографическое описание, а также обеспечить исследователям доступ к записям диалектной речи. Для проведения этих работ планируется продолжить ввод в ЛГИС «Диалект» аудио- и видеозаписей бесед с диалектоносителями; отметить в текстах, введенных в ЛГИС «Диалект», лексику, соответствующую Программе ЛАРНГ; создать на основе ЛГИС «Диалект» лингвистический корпус русских говоров Удмуртии (сделать машиночитаемые копии текстов и произвести их разметку); обеспечить функционирование фонетического модуля ЛГИС «Диалект» и при его помощи начать обработку материала в соответствии с Программой ДАРЯ; на основе всего объёма введённого материала составить электронный атлас русских говоров Удмуртии; разработать электронный словарь русских говоров Удмуртии; провести углублённое изучение лексической, словообразовательной,

фонетической и грамматической систем русских говоров Удмуртии, которые в XX в. были описаны лишь эпизодически.

Библиографический список

ЛГИС – Лингвогеографическая система «Диалект»: история создания, новые возможности, технологические решения, демонстрация данных / В.А. Баранов, Е.А. Жданова, Д.Б. Кожевников, А.А. Белых // Интеллектуальные системы в производстве. – 2013. – № 1 (21). – С. 171–175.

Здобнова З.П. Русские говоры на восток от Средней Вятки (западные районы Центральной Удмуртии): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 1955. – 17 с.

Опыт – Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением очерка русской диалектологии / Н.Н. Дурново, Н.Н. Соколов, Д.Н. Ушаков. – М.: Синод. тип., 1915. – 132 с.

Смолякова Л.П. Формирование фонетической системы русских говоров Волго-Камья. – М.: Наука, 1977. – 192 с.

Широбоков С.И. Удмуртская АССР. Экономико-географический очерк. – Ижевск: Удмуртия, 1969. – 327 с.

Ильина Е.Н. (Вологда)

ЛЕКСИКА НАРОДНОЙ МЕДИЦИНЫ В РЕЖСКОМ ГОВОРЕ*

Статья рассматривает этнолингвистические особенности лексики народной медицины, зафиксированной в говоре Режского поселения Сямженского района Вологодской области. Анализируются названия болезней, характеристика их симптоматики, средств и способов лечения.

Ключевые слова: этнолингвистика; севернорусские говоры; лексика народной медицины.

Изучение этнолингвистической специфики русских говоров позволяет собрать и систематизировать уникальный лексический материал, относящийся к различным сферам материальной и духовной культуры, реконструирующий важные компоненты картины мира русского народа. Одним из таких компонентов является сфера народной медицины. Наблюдения в этой области на материале сводной системы русских говоров были сделаны В.А. Меркуловой [Меркулова, 1969; Меркулова, 1972; др.], а на

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект «Режа и режаки: этнолингвистическое описание севернорусского идиома», соглашение № 155-04-00205а.

© Ильина Е.Н., 2016

основе данных ЛАРНГ были представлены в работах Н.С. Ганцовской [Ганцовская и др., 1994; Ганцовская, Красильщик, 1996; др.], Б.Н. Проценко [Проценко, 1998] и многих других учёных. Мы также не раз обращались к этой тематической сфере, анализируя записи речи жителей Вологодского края [Ильина, 2015]. В данной работе будут прокомментированы особенности лексики народной медицины в говоре д. Монастырской Сямженского района Вологодской области. Изучением данного говора достаточно давно занимаются вологодские диалектологи под руководством канд. филол. наук, доц. Л.Ю. Зориной [Зорина, 2015], с одной стороны, систематизируя лексический фонд режского говора в контексте подготовки его словаря, а с другой – акцентируя внимание на специфике восприятия мира жителями этой территории.

В режском говоре присутствуют как общие названия болезни (*боль, болѣзнь, недуг, нездорѡвье, нѣмочь, хворь*), так и частные наименования. Среди них многочисленны названия эпидемий (*повертѡуха, повертѡушка, повѣтѣрье, повѣтрие*); названий кожных заболеваний (*нудá, сворѡб, корѡста, хрѡны*, и др.), а также различных образований на коже ('чирей, нарыв, прыщ': *боля'чка, вѣред, чѣрей, чиря'к*; 'опухоль': *булы'шка, волды'рь, жѣльв, песья'к* 'опухоль на глазу'); различного рода лихорадок (*лихомáнка, трясу'чка, кумохá*), а также болезней как следствия злого умысла (*урѡк, сглáз, оговѡр, пѡрча*). Информанты достаточно подробно характеризуют наиболее распространѣнные болезни людей и животных, симптоматику и способы лечения: *Ребѣнок заболѣет, вя'ленький такѡй, дак ска'жут: Ну, оня'ть какáя-то кумохá привязáлась. Кáждая кумохá к немѡ привязывается* [СВГ, 4: 19]; *Как у Гѣльки – всё жмѣтся, не ёст, всё её лихотит* [СВГ, 4: 42]; *Корѡву осеменя'ют, но плодá не зарождаётся. Это болѣзнь. Топѣре прѡтив болѣзни-то ломѡны какѡе-то лекáрство вводили, дак врѡде помѣньше стáло их* [СВГ, 4: 46]. Вместе с тем местные жители неохотно рассказывают о целительских манипуляциях прошлого, достаточно скупно делятся своими наблюдениями относительно того, кто из их односельчан обладал целительским даром или особыми навыками, облегчающими болезненные состояния. Подобного рода информация обнаруживается в результате многочасовых повторных бесед, когда местные жители проникаются к исследователям говора бѡльшим доверием: *Я теѣ, дѣвка, скажу: вон сосѣдка моя' пѡхтала. И болѣло когдá чегѡ, и скотѡина в лѣс уходѣла, да мáло ли...* (Сямж. Монаст.).

Названия болезней в режском говоре, как правило, обладают яркой внутренней формой. Так, слова, называющие различного рода эпидемии, позволяют обнаружить формально-семантические связи с глаголом движения *вертѣть* и с существительным *вѣтер*: *Поверту́ха что повѣтерье – вѣтер, значит, зара́зу какú нѣсит* (Сямж. Монаст.). Названия многих других заболеваний достаточно часто являют собой отглагольные образования (*лому́нья* ‘бесплодие у коров’). Внутренняя форма названий лихорадок отражает симптоматику заболевания (*трясу́ха, шат*), время его проявления (*осену́ха, вѣшница*), враждебность по отношению к человеку (*ворогу́ша, о́зык*). Кроме того, встретились существительные с метафорической мотивацией (*огневи́ца*) и названия-эффемизмы (*кому́ха, роди́мое, смире́ное*).

Глагольными образованиями являются и названия болезней как следствия дурного воздействия: *озы́кать, озыча́ть – о́зык; призо́рить, опризо́рить – призо́р; прико́сить, оприко́сить – прико́с*. Механизм воздействия на человека в результате таких действий подробно описывается информантами: *Когда́ худѣй человекъ идёт, дак ты сторонись, а то прико́с мо́жет быть. Это как если он до тебя́ чем доткнѣтся, дак оприко́сит, бо́леть потѣм будешь*. Среди болезненных образований, связанных с изменениями кожного покрова, обращает на себя внимание слово *во́лос*. Этим словом именуются «*свищи, холодные нарывы, с сильным отделением гноя, где и предполагались животные, едва видимые глазом, в форме волоса*» [Герасимов, 1910: 26]. Причинами появления волоса считаются как неблагоприятные воздействия внешней среды при общем ослаблении организма, так и насылание порчи: *Во́лос... поди́, кто нашептáл, дак и во́лос*. В подобных высказываниях, несомненно, находят отражение древнейшие зооморфные представления о болезни [Славянская мифология, 1995: 105; 250].

Среди названий болезней и болезненных состояний отразились названия поражѣнного болезнью органа (*черѣво* ‘грыжа’), причины появления (*мучны́м мешко́м хлестнѣн* ‘о сумасшедшем человеке’), время проявления (*полунѣчица* ‘бессонница’), особенности симптоматики (*нату́га, понату́га* ‘запор’, *неспя́чка* ‘бессонница’), эвфемистически отрицательная оценка болезни (‘сифилис’: *худя́я болезнь, не́чисть*). Симптоматика болезней обозначается либо наименованием больного органа как вместилища болезни (*пояси́на ноет*), либо безличными конструкциями с употреблением различных глаголов физического действия (*пояси́ну разломило*), либо

неопределённо-личными конструкциями, когда причиной заболевания предполагается чей-то злой умысел (*озычали, обурочили*). Эти глубоко архаичные, но устойчивые в русском языке структуры связаны с древнейшей демонологической сферой и сохраняют языческие представления о сущности болезни и причинах её появления.

Разнообразны в режском говоре названия лиц, оказывающих помощь при лечении болезней. Рядом с новообразованиями, появившимися под влиянием официальной медицины (*доктори́ца, фэ́ришал, фершели́ца, меди́чка*), соседствуют традиционные наименования. Среди них производные существительные, внутренняя форма которых указывает на обладание особым знанием (*знато́к, знати́ха, зна́харь, зна́харка*), в том числе неблагоприятного воздействия (*вороже́я, ворожбу́нья*), умение облегчать боль заговорами (*шептунья, пухта́рка* – ср. *пу́хтать* ‘ворожить, заговаривать’ [СВГ, 8: 112]), способность совершать различные манипуляции (*костопра́в*). В исследуемых источниках фиксируются общие наименования целительских способностей (*знатьё: Она́ знатьё како́е зна́ла*) и средств лечения (*на́добье*).

Изучение записей режского говора убеждает нас в том, что лексика народной медицины составляет достаточно устойчивую группу слов, этнолингвистический комментарий которой позволит обнаружить как общерусские, так и специфические особенности вербализации представлений о здоровье и болезни в речи жителей этой территории.

Библиографический список

Ганцовская Н.С. Лексика по теме «Народная медицина. Болезни» в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля / Н.С. Ганцовская, И.В. Лебедева, Т.Е. Никулина // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования. 1992. – СПб.: ИЛИ РАН, 1994. – С. 121–127.

Ганцовская Н.С. Народные названия анимальной медицины как предмет ареальной лингвистики / Н.С. Ганцовская, Е.А. Красильщик // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования. 1994. – СПб.: ИЛИ РАН, 1996. – С. 114–119.

Герасимов М.К. Словарь Череповецкого уездного говора. – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1910. – 111 с.

Зорина Л.Ю. Описание говора Режского поселения Сямженского района в контексте изучения речевой культуры Вологодского края // Народная речь Вологодского края: между прошлым и будущим. – Вологда: Легия, 2015. – С. 9–93.

Ильина Е.Н. Изучение лексики и фразеологии народной медицины в этнолингвистическом аспекте // Славянская мифология и этнолингвистика: сб. науч. ст. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2015. – С. 103–106.

Меркулова В.А. Народные названия болезней, I (На материале русского языка) // Этимология. 1967. – М.: Наука, 1969. – С. 158–172.

Меркулова В.А. Народные названия болезней, II (На материале русского языка) // Этимология. 1970. – М.: Наука, 1972. – С. 143–206.

Проценко Б.Н. Лексика медицинских заговоров и оберегов и картотека ЛАРНГ // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования. 1998. – СПб.: ИЛИ РАН, 2001. – С. 87–94.

СВГ – Словарь вологодских говоров: в 12 вып. – Вологда: ВГПУ, 1983–2007.

Славянская мифология: Энцикл. словарь. – М.: Эллис Лак, 1995. – 416 с.

Климкова Л.А. (Арзамас)

ДИАЛЕКТНЫЕ ТЕКСТЫ КАК ДОКУМЕНТ ЭПОХИ

Рассматриваются тексты жанра воспоминаний как средство экспликации концепта память, причём определённого хронотопа, воскрешающие жизнь населения Нижегородского Окско-Волжско-Сурского междуречья в основном в 30–50-е гг. XX в. Внимание сосредоточено на текстах бытового содержания. Подчеркивается их достоверность, правдивость, в связи с чем они расцениваются как документ эпохи.

Ключевые слова: дискурс; текст-воспоминание; память; Окско-Волжско-Сурское междуречье; труд; эпоха; достоверность; документ.

В корпусе текстов, записанных от диалектоносителей, особое место занимают тексты-воспоминания, воскрешающие события прошлого. Они связаны с текстовой категорией ретроспекции, а также с категорией памяти, будучи средством её выражения. «Память» – это концепт, выраженный ключевым словом русского языка *память*, обозначающим, прежде всего, «способность сохранять и воспроизводить в сознании прежние впечатления, образы событий, предметов и явлений действительности; запас хранимых в сознании впечатлений» (первый лексико-семантический вариант в эпидигме этого слова-полисеманта, включающей в себя 5 ЛСВ) [Толковый словарь, 2014: 371]. «Память – одно из важнейших свойств бытия, любого бытия: материального, духовного, человеческого... <...> А что и говорить о “генетической памяти” – памяти, заложенной в веках, памяти, переходящей от одного поколения живых существ к следующим» [Лихачёв, 1989: 198, 199].

В памяти живы и отражаются в воспоминаниях, прежде всего, факты личной жизни человека, которая у каждого индивидуальна,

неповторима, уникальна. Каждый проживает свою жизнь, занимая свою нишу в социуме. Тем не менее сами этапы жизни и соотносительные с ними возрастные, статусные состояния, временные вехи, окружение (точнее, их характер) являются общими, универсальными: *детство, отрочество* – родительская семья, родители, дедушки, бабушки, братья, сестры, школа, товарищи; *юность, молодость* – семья, досуг, друзья, увлечения, любовь, замужество/женитьба; *зрелость* – жизнь в своей семье, дети; *старость* – дети, внуки, взгляд в прошлое – осознанный, пристальный, эксплицируемый в воспоминаниях в том числе о событиях, отражающих всё многогранное бытие сельского жителя, все периоды его жизни, сопряжённые с такими явлениями, как: природа, труд на родной земле, быт, досуг, обряды, окружение – семья, родственники, кровные и по свойству, соседи, жители улицы, односельчане; разное общение, выводящее на феномен сельской улицы, сельской завалинки, и др. [см.: Речи родимой, 2009; Батырева, 2007; Ганцовская, 2015; Долгушев, 2009; Здобнова, 2010].

Однако личная жизнь человека протекает в социуме как части этноса, поэтому не может быть изолированной от жизни других людей, именно поэтому же в воспоминаниях с неизбежностью отражается то, чем жил весь социум, весь народ, вся страна, – события, их оценка, влияние на судьбы, жизненная позиция, настрой, приоритеты и т. д. Так индивидуальная память перерастает в коллективную, народную, этническую (а с течением времени – в генетическую).

Ярким свидетельством сказанного являются тексты, относящиеся к конкретному хронотопу, в частности, записанные на территории Правобережья Нижегородского края, или Окско-Волжско-Сурского междуречья, от информантов, родившихся в 20–30-е гг. XX в., то есть тех, кому в конце XX – первые десятилетия XXI в., на момент записи их речи, было 70–90 и более лет; их воспоминания охватывают в основном 30–80-е гг. прошлого столетия; знаковой временной вехой в них является Великая Отечественная война: воспоминания воскрешают жизнь населения края, а вместе с тем и всей страны, в предвоенное, военное и послевоенное время.

В этих текстах отражены разные факторы, параметры – этнический, культурный, духовный, мировоззренческий (в том числе религиозный), художественный (в том числе фольклорный), возрастной, статусный, социальный, событийный, коммуникативный, досуговый, бытовой и некот. др. Мы сосредоточим своё внимание

на бытовой стороне жизни, отражённой в воспоминаниях наших информантов.

Вчитаемся, вслушаемся в эти воспоминания. (См. также: [Климова, 2016]; здесь названы и другие работы автора.)

Расскажу, моя хороша, расскажу. Я как рассказываю, так и пла[ч]у. Когда на[ч]алась война, мне было семь лет. Вот. Отца я своею так, смутно помню. Мы проводили его до Хрипуноньской горы, мы вернулись с бабушкой, с дедушкой, а мать поехала его провожать до Мухтолова, раньше до Мухтолова провожали на войну-ту. Нас было троя: две сестры и брат. Мать работала в колхозе, на фирме, ухаживала зимой за лошадыми, а летом работала в поле. Мы учились все троя. Я была сама старша, сестра, самая младшай был брат. Избёнка у нас была маненька. Вон там вона, старенька. Дров у нас не было. Мы летом запасали полыни, вот полыни раньше было много, и мы ходили все за полынью осенью-та, когда она вырастит, а зимой этой полынью топили. Полынь? Трава эт така, вон её везде полно, така сера трава просто, рвали ее, сушили, как траву. А летом держали мы коз, рвали траву, носили на сее. Нарвем её... Хлеба у нас не было совсем. Мы ели што? Осенью, как вырым картошку, мы были сыты, у нас была картошка, а как только... Вот была война... Едут, мы роём, а уже едут на лошадах, с красными флагами: «Всё для войны, все для победы!» Забрали у нас картошку, сколько нам оставляли. А потом тёрли мы эту картошку и пекли хлеб. А весной её не хватало, появлялась трава, мы толкли семя, либёду. Мать пёкла из этой травы блины. Она их будет переворачывать, оне как каша розваливаются, а сё ровно ели. Эт до новой картошки, у нас николи не хватало, потому что у нас ее забирали. Конечно, хлеба мы не видали вовси (Родькова Анна Захаровна, 1932 г. р., с. Атемасово Ардатовского р-на).

Работали жали сирпом. Бывало, и моя мать снопы-ти ставит, а мы жать пойдем. Молотили, снопы таскали, на сибе, всё делали лунной ночью, а днем-то время не хватало. Потому как война. Молотили этим... цепи, што ли, их называют. Мы в войну жырнова приобрели, на жырновах мололи. На сибе на салазках возили дрова (Шлепугина Мария Ивановна, 1922 г. р., с. Елховка Шатковского р-на).

Работали вот по летам... семь-восемь лет. Летом мы уязательно все-все работали: бирём грабли, собирали сено, кто как умет, маненьки, большея, а когда жали, мы собирали колоски,

и учительница говорила: «Собирайте, собирайте, а может, сме- лют, ваш папа поест». Она нас всё время уговаривала: работайте, работайте. Летами мы работали. А тут уж, когда картошка-то вырастит, мы копали картошку, как её можно тёрли, ели, опять жили нормально. А хлеба мы не видели. Бывало собирёмся все девчонками-то: господи, щас бы хлебушк-а-а с молочком, как бы мы поели. Ой! Ево всё чистым звали. Чистой – без картошки, без травы, одна мука. Мы ёво звали чистым, без примеси, мука была. Вот (Родькова Анна Захаровна, 1932 г. р., с. Атемасово Ардатов- ского р-на).

Чем питались в вайну? Ех!.. Гаварить плохо вить. Мы ели [ч']ово? Щивель, кашу варили из нёво; микину пишинину; липёшки делали, картошки не было, картошку в государстве сдавали. Пло- хо жили. У каво каровы были, им было палехче. Вот мы маненько выжили, малачко спасло (Думчева Таисия Степановна, 1930 г. р., с. Яново Сергачского р-на).

В школу мы хадили хто в чем, в чем попало. Тада ничаво не было. Сумки шили из тряпок. Данашивали адёжу друг за дружской. У нас атец-то пришёл с вайны, а мы галодны, халодны. Он у нас в Берлини-ту пабидил (Назарова Александра Ивановна, 1929 г. р., с. Яново Сергачского р-на).

В школе уцылись плохо. Была в то время вайна: ни руцках, ни цетратках – ницаво пуцом не была. Давали нам вон одну книж- ку на десять цэлавек. Ани ребятёнки – азарники, ани пацытают, а нам ни дают, с нас в школе спрашивают уроки – мы ни знам: «Ширяева, встань!» Астрижены, как сё балвашки сидим. «Ширя- ва, встань!.. Придмет там скажи». – «Мы ни уцыли». – «А што?» – «Скажи, рибаты нам ни давали книжку». (Книжка на десять цэ- лавек была. Ани там нам налупют.) «Мы хадили прасили, нам не дали». Вот вить какá тижаль была! А нын яму в первой класс, рюкзак павесют и всё на свете. Он идёт, как ангел, в школу, а ни как мы (Аниськина Мария Васильевна, 1935 г. р., с. Бахтызино Вознесенского р-на).

Осталось в памяти сообщение об окончании войны, о Победе.

Кагда кончилась вайна, у-у-у... Картошку как раз садили, наши хто плачут, хто смияются, хто [ч']ово делат, все было радовались (Думчева Таисия Степановна, 1930 г. р., с. Яново Сергачского р-на).

А когда кончилась война, все собирались, нарывали этих... бе- рёзок и обрядили окошки – все-все, до удново дома. Все-все: и ста- рики, и молодья, все обрядили окошки вот этими веточками ут

берёзки. Радосси было и слёз было сколько, очень много было слёз! (Родькова Анна Захаровна, 1932 г. р., с. Атемасово Ардатовского р-на).

Тяжелой была жизнь и после войны. На смену жизненно необходимой, мобилизующей позиции (призыву, настрою) «Всё для Победы!» пришла другая, не менее значимая – «Всё для восстановления разрушенной страны!» И снова великое, небывалое напряжение сил народа – моральных, физических и иных.

Хлеб картофельной пекли: терли на тёрку картошку, трахмал уджимали. В эти отжимки-ти маненечко мучки положут, а то и нет, и пекли хлеб. Дров-то не было, оне не уварются по-настоящему-то эти отжимки, ешь, а оне хрустят. Хорошо хоть была коровка, молоко ели, обрат. Накладывали на коровуту масло [налог. – Л. К.]восемь килограмм, чтобы сдать, носили на сепаратор пропускать, обрат ели, а масло-то копили на сдачу государству (Леванова Лидия Васильевна, 1928 г. р., с. Болтино Вадского р-на).

Молоко мы государству сдавали, каждый день носили утром, ёво увозили на лошади в Хрипуново, это молоко-то. Чтобы сдать убязательно с каждой коровы (Родькова Анна Захаровна, 1932 г. р., с. Атемасово Ардатовского р-на).

А поесь не́цыва была. Хлеба не была. Мама у нас ездила тогда в Горькай за отрубем. Там мельница была, мололи, и вот отруби-ти возила она нам. Пекли хлеб с отрубем. Картошка-та своя была. Картошку тёрли на тёрках. Вот етих тёркав с отрубем намешивали и пекли в печах лепёшкав-ти. Про них песню вспомнила про вытеркав-ти ентих. Картошка цорна-та вытеркай называлась. Иё ишы, вытерку-ту, промывали, там трахмал утходил ут картошки-ти, и из этава трахмала-та кисель варили трахмальной. Белого хлеба не найти было. А сё ровно вить, плохо жили, а всё весёлы были. Коли отдых, бабы кругом сядятя и песни пели, хороши песни-ти пели. Голосисты бабы-ти которы, хорошо пели-ти. Ссас нет такех (Молчанова Прасковья Васильевна, 1925 г. р., с. Мерлино Арзамасского р-на).

Посля войны жили мы плохо. Хлеба не было. Мы ходили собирать по полям: картошка там была зимой, ее не вырыли, там рыть было некому, ай пропустили, когда рыли. Вот эта картошка перемерзла, мы этот трахмал собирали на полях. И вот пекли шлёп-на-шлёп (так называли их), такеи у нас вроде пироги, ис трахмала, и этим питались. И вот я с этими шлёп-на-шлёпами

ездил по вербовке и с собой брала. Ездили токо со своими сухарями и на торф, и на окопы. У меня отец в сорок вторым году пришел [с войны] инвалидом. Чтобы мы с голоду не умерли, он стал пасти. Пас колхозно стадо, своих пас, и ему хлеба давали. Мне вот, бывало, сухарей насушит, и мне на Чернораменку на торф возили сухариков. Я там питалась. Бывало, подём в столову, там нам дадут похлёбки из крапивы, и больше ничёво. А на торфу тяжёла работа была. Ты знашь, каку песню пели: «На Чернораменско болото не поеду больше жить, лучше буйную голоушку под поезд положить» (Денисова Пелагея Петровна, 1924 г. р., с. Большие Печерки Шатковского р-на).

Гасюльки зажигали: лампа без этого, без стёкла. А то вот бутылочка кака-нето баночка, ну как лампадка – вот гасюльки. В печурку ставили, вот чтоб светло-то было. Спали на примосте, я вот на примосте спала. Что за примост? Кровать поставишь, стул ды доску, стул ды стул, ды доску на стул, ды лавку ишо поставишь, вот и примост. На примосте спала (Гурова Вера Дмитриевна, 1935 г. р., с. Новосёлки Арзамасского р-на).

Вот так жили наши родители, дедушки – бабушки: в холоде, в голоде, в более чем неприятельном быту и в бесконечном, подвижническом труде. Такие тексты – яркое опровержение измышлений тех, кто говорит о русском человеке как о ленивом, нерасторопном, пьянице и т. п.

В частности, вспомним, сколько яда было вылитое в перестройку и постсоветский период на колхозы. И послушаем речь непосредственных свидетелей.

Колхоз у нас хорошей был. Дружно работали, сё сообща, бригадами. Пусть и тяжёло, а в радость. Бывало, наломанья: ведь и косили, и жали врушную, пахали на лошадях, а с работы идём и поём. Вмессе-ти все спорее идёт. Эт и до войны было так, и после войны. В войну токо, конечно, не до песен было. Земля-то у нас нечернозёмна, зато фирма была: и коровы, и лошади. Свинофирма доход давала. Да и зёрна-та сколь сдавали в государство. Не мало. Нет, хорошо было в колхозе (Игонина Наталья Ивановна, 1918 г. р., п. Балахониха Арзамасского р-на).

Калхоз бы-ы-ыл! Ты што!.. Адиннадцать бригад было. Потом ишэсь, тут две, а шас одной-ту, чай, нет. Славились. Хорошай у нас калхоз был! Всё засивали: люцерну, рожь, свёклу, просо, гричиху – всё. Лошади были, овцы. Три табуна авец, каров читьри табуна токо калхозных ды наших два было, тилят пасли, свиньи

были, куры. Тижило, канешно, тижило. Ни давали вить ничаво, за так работали, всё врушную: жали, касили, митали. Ваенны годы выживали. Галодны хадили, а всё работали (Думчева Таисия Степановна, 1930 г. р., с. Яново Сергачского р-на).

У нас до того, как нарушили колхоз, были две тыщи крупного рогатого скота, были тридцать четыре машины, двенадцать комбайнов зерновых. Вот я помню всё это. А щас влась так нас довела!.. Влась нарушила все колхозы. И земля-матушка заростат. Вредительство како! Подлось како! (Кузнецов Иван Васильевич, 1934 г. р., д. Конново Дивеевского р-на).

По текстам-воспоминаниям можно составить полную, подлинную картину бытия русского человека, сельского жителя, в частности в 30–80-е гг. XX в.: как работали; что ели-пили; как одевались-обувались; как проводили досуг; в каких бытовых условиях жили; какими были дом, семья; как воспитывали детей; какими были взаимоотношения в сельском социуме и т. д. (см., напр.: [Речи родимой, 2009]).

Тексты-воспоминания вскрывают и динамику жизни, включая элементы аналитики, оценки, сопоставления по темпоральной линии *тогда(раньше, прежде) – сейчас* (новая напасть – перестройка, слом государственного и экономического устройства, разрушение державы).

Покажем это на примере пространного полилога, протекавшего в присутствии студентов.

– Ды сю жись тижёло жили, вот сколь сия помню – тижёло, страсть как тижёло. Да и то сказать: како страшенна война прошла! Эт вить страсть како токо подумать! Ну и роботал уж народ-ат!.. Последни жилы вытягивал. В холоде, в голоде, ни в сия, ни на сия. А налоги-ти какé были! И роботали, и платили, а хто за нас делать-то буит? Гитлер-ат вон што натворил.

– Ну сё ровно мало-помалу налаживалась жись-та: цены снижали к каждому празднику, налоги скащивали. Во так поманеньку-потихоньку.

– Да-а-а. А вот коли Брежнев стал, тут, конечно, совсем лучше стало: пенсии стали платить, одёваться стали лучше, мотоциклы стали покупать, да и в дома-ти: серванты, телевизоры, холодильники, посуду всяку, одёжу. Зарабатывать стали.

– А потом опять: пришел этот меченай, потом пьяница – и всё! Нады вить какé колхозы нарушили. Поля-ти вить все засеивались. Грешно было сроду землю-ту забрасывать, кормилицу-ту нашу. Прахом пошли все наши труды.

– А щас поглянь: поля заростають бурьяном, кусьями, фирмы все нарушены, нет их уж, колхозны дворы тож. Как мамай прошёл!

– Нет, эт точно вредительство было. А народ отучили роботать. Только бы вот играли! Не-е-ет, без труда-то ничёво не быват и николи не бывало. Вот, миленьки, и в старосси опять нам плохо. Вот така́ наша жись-судьба.

– Да, чай, не сровнять бывалошно время с топерешним временем, и близко не стоит.

– И зависси никакой не было. А чёму завидыват-то, все пошти што одинаково жили, всех нужда заёдала. Да, конечно, позавидывать-то можно и самой малосси, ну нет, как-то не было этого в заводе.

– Хорошо жили меж сия. Бывало, конечно, и ругались коли-не-то, не без этого, чай, живзи все. Ну, не вдрызг, сё онно потом разговаривали, мирились. На праздники вмессе гуляли. А щас убьют сразу.

– Помогали друг дружке: и на помочь хоили и так, если што нады. Холодно, голодно было – всяко. А радость была. Добро было. Жалось была. Жалели, чай, людей-ти.

– Старых уважали. Детей россили. А щас из-за денег искалечут, убьют. Младенцев бросают. И не жалко, и греха не боятся. Эт вить страсть на знай какá! Как всё первёрнулось! (Королева Вера Александровна, 1935 г. р.; Шкунова Анна Васильевна, 1933 г. р.; Ракушина Вера Ивановна, 1932 г. р.; Шмонина Валентина Ивановна, 1922 г. р.; Пантелеева Вера Николаевна, 1933 г. р., с. Селякино Арзамасского р-на).

Дискурс с его прагматической направленностью является колоритным и в плане речевого оформления результата – текстов-воспоминаний. Они представляют собой реализацию диалектной системы и уже тем самым являются окрашенными, выразительными для носителей литературного языка. В них активно используются деминутивы (часто в концентрации); термины родства в роли обращения к собеседнику – неродственнику и даже к незнакомому человеку; эмфатическое ударение; повторы слов, сочетаний слов, фрагментов текста; паузы, иногда длительные, словно говорящий не может справиться с волнением, поскольку во власти прошлого, воспоминания набегают, захлестывают.

Тексты-воспоминания, отражая достоверные, точные знания, в виде рассказа очевидцев событий передают информацию о них детям, внукам, которые, в свою очередь, повествуют о слышанных

событиях, явлениях другим, представителям последующих поколений, и таким образом, непосредственные достоверные (точные) знания становятся опосредованными, не теряя при этом достоверности при эпистемических сигналах: *от бабушки слышал(а); отец (мама) рассказывал(и)* и под., а также показателях второго уровня (второй степени): *мне мама говорила, а ей – её мама; бабушка говорила, а ей – её бабушка сказывала* (при более значительном временном удалении); ср.: [Климкова, 2008: 49–61].

Эти и подобные тексты – олицетворение времени, сами же их авторы – его персонифицированный образ.

Таким образом, устные и письменные тексты как результат дискурсии, проявляют русские этнические черты, в частности, долготерпение, жертвенность, подвижничество, соборность, становятся документом эпохи – правдивым, неманипулятивным. В них хранится не только информативная, событийная память, но и эмоциональная, что только подтверждает достоверность текстов, невозможность их подтасовки, фальсификации.

Библиографический список

Батырева Л.П. Хрестоматия по диалектологии. Говоры Владимиро-Поволжской группы: записи устной речи и письменные источники. – Шуя: ШГПУ, 2007. – 106 с.

Ганцовская Н.С. Меткое костромское слово. – 2-е изд. – М.: Книжный Клуб Книголек, 2015. – 176 с.

Долгушев В.Г. Хрестоматия вятских говоров. Лексика. Тексты. Контрольные задания для студентов: пособие для практ. занятий по курсу «Русская диалектология». – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2009. – 224 с.

Здобнова З.П. Хрестоматия по русской диалектологии (на материале русских говоров Башкирии). – Уфа: АН РБ: Гилем, 2010. – 184 с.

Климкова Л.А. Нижегородская микропонимия: разноаспектный анализ: моногр. – Арзамас: АГПИ, 2008. – 261 с.

Климкова Л.А. Жанр воспоминаний в диалектной картине мира // Проблемы языковой картины мира в синхронии и диахронии. – Н. Новгород: НГПУ, 2016 (в печати).

Лихачёв Д.С. Письма о добром и прекрасном / сост. и общая ред. Г.А. Дубровской. – Изд. 3-е. – М.: Дет. лит., 1989. – 238 с.

«Речи родимой бескрайняя даль...» Говоры Окско-Волжско-Сурского междуречья / сост.: Л.А. Климкова, Е.Ю. Любова, Л.Г. Мачалова, О.В. Никифорова, Г.Н. Тюрина; науч. ред. Л.А. Климкова. – Арзамас: АГПИ, 2009. – 265 с.

Толковый словарь ключевых слов русского языка / под общ. ред. Г.Н. Складневской. – СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2014. – 672 с.

ДИАЛЕКТ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Статья посвящена особенностям представления этнической идентичности в диалектах русского и немецкого языков. В центре внимания – семантические модели наименования ключевых для традиционной культуры понятий (интеллектуальной характеристики человека, отношения к труду и др.), а также использование лексем с символическим значением. Для решения поставленных задач исследуются принципы номинации и способы переноса наименования в диалектной лексике. На основании анализа лексико-фразеологического материала периферийных русских (а также некоторых других славянских) и южнонемецких говоров делается вывод о значительном сходстве мировосприятия носителей данных диалектов, запечатлённом в языковых единицах, и, соответственно, о наличии общих черт в мыслительных процессах и идентичности этносов.

Ключевые слова: *славяно-германские семантические параллели; славянская и германская диалектология; язык и мышление.*

Понятие этнической идентичности в настоящее время получило особую актуальность. В большом количестве исследований, посвящённых процессам европейской интеграции, обсуждаются проблемы как самого понятия «идентичность», так и различных вариантов существования идентичности – регионального, национального, наднационального. Кроме того, активно дискутируется вопрос: возможны ли в принципе адекватная коммуникация и взаимопонимание между людьми, представляющими разнообразные европейские культуры, даже если их сближает общая конфессиональная принадлежность? Ответ на поставленный вопрос прежде всего связан с интерпретацией собственной идентичности представителями различных народов Европы.

Традиционно под идентичностью нации подразумевают осознание ею своей особой однородности, отличающейся от других. В этом отношении большой интерес вызывают критерии этой однородности. Представляется, что для характеристики этнической идентичности очень важно, с одной стороны, соотношение её уникальных, специфических свойств, а с другой – универсальных черт, свойственных многим этносам (в других терминах – соотношение дивергентных и конвергентных параметров). Таким образом, решение вопроса о реальной, а не искусственно реконструируемой идентичности определённой нации невозможно вне её сопоставления по аналогичным параметрам с идентичностью

другой нации. При этом несомненно, что восприятие национальной идентичности неотделимо от восприятия национальной культуры, важнейшим репрезентантом которой, в свою очередь, выступает язык.

По этой причине большой интерес вызывает взаимоотношение языка и традиционной духовной культуры, особенности которой определяют восприятие этносом своей идентичности. Здесь очень важен вопрос об объективном и субъективном в декларируемом образе идентичности. При создании языковой единицы в ней объективируется важнейший, с точки зрения говорящих, признак понятия, мотивирующий наименование. Процессы языковой номинации являются исторически и социально обусловленными. Создаваемая в результате языковая единица объективирует подлинные представления социума об объекте номинации, не искажённые интерпретацией отдельного человека. Таким образом, изучение принципов номинации даёт исторически и социально обоснованный материал для исследования этнических особенностей мышления, запечатлённых в языке. Признак, положенный в семантическую основу языковой единицы, может быть, с одной стороны, общим для наименования тождественного понятия в двух и более языках, а с другой – иметь уникальный характер. Так, русские слова *воля* и *свобода*, характеризующие независимость индивидуума, можно достаточно адекватно перевести на немецкий или английский язык одной лексемой (*Freiheit, freedom*), но уникальность характеризующего признака в русском языке, а именно: *воля* ‘независимость от ограничений, установленных социумом’ и *свобода* ‘независимость для действий в социуме’ – делает оппозицию этих двух понятий одной из важнейших дивергентных черт русского менталитета. Однако возникает вопрос: каково соотношение дивергентных и конвергентных черт национального мышления, выражающегося в языке?

Следует отметить, что в проблему интерпретации национальной идентичности вносит свой значительный вклад публицистика и создаваемый ею социально-политический дискурс. Очень часто при этом средством характеристики этнического своеобразия выступает система противопоставлений. В подобных целях используются (наряду с другими средствами) языковые клише, вроде: *что русскому хорошо, то немцу – смерть*. Насколько подобные соображения соотносятся с реальным мироощущением носителей того или иного языка? В этом отношении уместно вспомнить

о языковом представлении того или иного фрагмента мира и о его речевой интерпретации. Как показывает анализ языкового материала, политико-публицистические соображения о национальной идентичности соотносятся с глубинным содержанием этого понятия так же, как речь и язык, как субъективное/индивидуальное и объективное/социальное.

Что же сообщает о национальной идентичности язык, что он сам «говорит» (используя терминологию Хайдеггера)? Для ответа на этот вопрос необходимо учитывать ещё одно важное обстоятельство. Для характеристики этнической идентичности в большей степени интересна традиционная культура, поскольку современная культура во многом интернациональна. Поэтому из различных форм существования языка для исследования в намеченных целях полезно использовать диалект. Если говорить о выборе языкового материала, то соотношение разных форм языкового представления идентичности имеет смысл разобрать на примере лексики и фразеологии русских и немецких диалектов, учитывая традиционный характер противопоставления этих двух этносов. Кроме того, в лексическом фонде диалектов следует определить те группы слов, которые наиболее показательны для характеристики национального мировосприятия. Это должны быть лексемы, обладающие особой «культурной» семантикой.

Подобный словарный фонд хорошо представлен в трудах московской этнолингвистической школы, в частности, в словаре «Славянские древности» [Славянские древности, 1995–2012], в котором «сделана попытка выделить и истолковать основные семантические единицы “языка культуры”» [Толстая, 2010: 8].

Ещё одним примером выбора и анализа актуальной для настоящего исследования лексики служит «Словарь народных стереотипов и символов», издаваемый под руководством Е. Бартминьского. По замыслу авторов, отмечающих этноцентрический характер народных способов интерпретации действительности, он является опытом реконструкции с помощью методов этнолингвистики и фольклористики традиционной картины мира и человека, которая даёт ключ к познанию культуры. Под стереотипом в данном фундаментальном труде подразумевается «представление предмета, запечатлённое в языке и доступное через язык». [SSSL, 1996: 9]. Таким образом, анализируя особенности стереотипов или ключевых понятий традиционной культуры, можно выявить специфические черты народного самосознания, которые в совокупности

формируют представления об идентичности этноса и о его своеобразии, а именно: как это своеобразие отражено в языке, то есть не в индивидуальной интерпретации, обладающей заданной целевой установкой, а в объективном виде, не зависящем от отдельного индивидуума. К таким ключевым понятиям можно отнести особенности обозначения в диалекте периодов времени, отношения к труду и интеллектуальных характеристик человека, а также символическое использование различных групп слов.

Из собственно лингвистических параметров целесообразным представляется анализ таких аспектов языковой номинации, как диалектная сегментация внеязыковой действительности (выбор объекта наименования) и семантическая мотивации наименования (выбор из различных онтологически важных признаков объекта того, согласно которому он получает имя). При этом имеет смысл сопоставлять как лингвистические моносистемы, две группы говоров (например, севернорусскую и южнонемецкую, каждая из которых представляет диалект определенного языка), так и полисистемы, складывающиеся из нескольких групп говоров, имеющих общее историческое прошлое, например, славянские диалекты, к которым генетически относятся севернорусские, с немецкими, если анализируется общеславянская и общегерманская лексика.

Указывать на сходство в восприятии мира и, соответственно, в ментальной идентичности может характер освоения семантического заимствования. По-видимому, сама готовность принять определённый взгляд на понятие, запечатлённый в лексическом значении иноязычного слова, может свидетельствовать в пользу наличия общей когнитивной базы у разных народов. Творческий характер восприятия такого заимствования подкрепляет это предположение. В словенских говорах зафиксированы не характерные для славянских языков наименования весны: *vigred*, *vilaž*, а также *viležaj* (буквально: выход) [Pleteršnik, 1894–1895: 768–769]. Согласно Этимологическому словарю словенского языка [Bezljaj, 2005: 313, 317], все названные лексемы представляют собой семантическое заимствование из немецкого, а именно – калькируют *Auswärt* ‘выход, весна’. В диалектной лексикографии южнонемецких говоров это слово отмечается довольно часто. В том же южнонемецком диалектном ареале встречается и «симметричное» наименование осени как своеобразного входа – *Einwärts*, *Hineinwärts* [Wört. Mittelfrank., 2000: 92]. Эта законченная семантическая модель с бинарной оппозицией подкрепляет точку зрения

о германском источнике словенского наименования. Таким образом, для южнонемецких говоров можно констатировать наличие следующего принципа номинации весны – ‘нечто поворачивающееся, выходящее вовне’ [Kluge, 2002: 973]. Можно предположить, что в ходе языковых контактов этот образ был калькирован словенскими диалектами. Однако остаётся вопрос: является ли для говоров Славии обозначение времени года или других периодов времени как выхода чем-то внешним? Возможно, немецкое диалектное заимствование в словенском имеет под собой определённую семантическую основу, а именно – наличие в славянской логосфере образа выхода в качестве понятия, связанного со временем. На эту мысль наводит более широкий спектр значения словенского *viležajpo* сравнению с немецким аналогом. Если для немецких диалектов отмечены лишь значения ‘весна’ и ‘ранняя весна’, то словенская лексема манифестирует, кроме того, значения ‘Пасха’ и ‘восход солнца, луны’. Таким образом, семантика словенской лексемы делает образ выхода более органичным, связывая его с выходом солнца (утро дня – утро года) и дополняя «весенней» мотивацией Пасхи, праздника воскресения.

Однако для констатации факта сходного видения реалий окружающего мира особый интерес представляют семантические параллели, связывающие диалекты, достаточно удалённые в генетическом и географическом отношении. Такие совпадения свидетельствуют о том, что образы народной речи могут носить аналогичный характер у носителей разных языков Европы. Так, образ весеннего «поедания» снега отмечен как в немецких силезских говорах – *Schneefresse* (пожирание снега) ‘таяние снега’ [Mitzka, 1963–1965: 1230], так и в рупских говорах Болгарии – *снегоед* ‘тёплый южный ветер, вызывающий таяние снега’.

Иногда подключение генетически разнородного диалектного материала позволяет получить представление о распространении единой мотивационной темы на диалектной карте Европы. Так, в нижнелужицком языке отмечены следующие наименования разновидностей снега: *burski sněg* (крестьянский снег) ‘жесткий, слежавшийся снег’ и *knězski sněg* (господский снег) ‘мягкий, пушистый снег’ [Muka, 1966, 2: 468], представляющие собой, с точки зрения семантической мотивации, достаточно необычное для славянских говоров явление. Распространение подобной мотивации в соседних немецких говорах Силезии позволяло говорить о семантическом заимствовании: *Burschnie* (крестьянский

снег) ‘плотный, слежавшийся снег’ [Mitzka, 1963–1965: 172], *Armeleuteschnee* (снег для бедняков) ‘лёгкий снегопад’ [Mitzka, 1963–1965: 51]. Действительно, в обозначениях природных явлений на славянской диалектной территории подобная мотивация, кроме указанных выше нижнелужицких примеров, нами не отмечена. Но в наименованиях других реалий она может быть представлена: *крестьянская выгода* ‘кустарник, неудобное для выпаса место, где крестьяне пасли свой скот’ [ЯОС, 5: 89] и *барская выгода* ‘луга, леса, благоприятные для выпаса скота места’ [ЯОС, 1: 38] в севернорусских говорах Ярославской области. Эту мотивационную тему (или элемент метафорического кода соответствующих диалектов) можно обозначить как «социальную».

В традиционной духовной культуре каждого народа безусловно важное место занимает интеллектуальная характеристика человека. В данной тематической группе в анализируемых русских и немецких говорах наблюдается немало сходств.

В исследуемых немецких и русских говорах глупый человек уподобляется чему-то деревянному. Например, в южногессенских говорах *Lappel* – ‘длинное, вырубленное из ствола дерева весло’ и ‘глупый, безрассудный человек’ [Südhess.]. Аналогично в северо-восточных русских говорах Ярославской области: *колотушка* ‘деревянный молоток’ и ‘пустая, глупая женщина’ [ЯОС, 5: 54]; *лагун* ‘деревянная бочка’ и ‘умственно отсталый человек’ [ЯОС, 5: 117].

Другой общей моделью переноса наименования в южнонемецких и севернорусских говорах для отрицательной интеллектуальной характеристики человека является скрытое сравнение с толстой головой или её частью: *Dickkopf* ‘толстая голова’ и ‘глупый, ограниченный человек’ в говорах Эльзаса (в других регионах Германии – ‘своенравный человек’) [Elsäss.]; аналогично: *толстолобый* ‘медленно соображающий человек’ и ‘человек с большим лбом’, *толстомордый* ‘несообразительный человек’ и ‘человек с крупным лицом’ [ЯОС, 9: 108–109] в севернорусских говорах Ярославской области.

Однако в диалектной интерпретации отношения к умственным способностям человека наблюдаются и специфические явления. Так, в немецких южногессенских говорах в некоторых случаях глупый человек уподобляется предметам обуви или одежды: *Latsch* ‘язычок обуви или клапан в мужских брюках’ и ‘ограниченный, глуповатый человек’ [Südhess.]. К специфическим семантическим явлениям в данной тематической группе в русских говорах можно

отнести перенос наименования человека по внешним изъянам на обозначение интеллектуальных недостатков: *благоуродливый* ‘некрасивый’ и ‘умственно неполноценный’ [ЯОС, 1; 61–62], *непраский* ‘худой, изможденный’ и ‘слабоумный, глуповатый’ [ЯОС, 6: 138].

Общей чертой традиционной духовной культуры, находящей отражение в диалектной лексике русского и немецкого (а также иных) языков, является обозначение праздничных дат и определённых периодов народного календаря по типичным для соответствующего времени сельскохозяйственным работам. В севернорусских говорах Ярославской области это, в частности, *замолот* ‘первый день молотбы, начало которого сопровождается званым обедом’ [ЯОС, 4; 86]; *домолотки* (от глагола со значением ‘молотить’) ‘последний этап молотбы, её окончание, обычно завершившееся праздником’ [ЯОС, 4: 13–14]; *докопки* (от глагола со значением ‘копать’) ‘окончание уборки картофеля с полей и праздник по этому поводу’ [ЯОС, 4: 10].

Данная особенность семантической мотивации наименований широко представлена и на другой славянской диалектной периферии – юго-западной, в болгарских Родопах: *гроздобер* (буквально: сбор винограда) – ‘сентябрь’ [Koseska, 1972: 67]; *пескът* (буквально: песок) ‘первые три дня поста, когда моют и чистят посуду’ [Стойчев, 1970: 196], *говедарско време* (буквально: время пастухов) ‘два часа после рассвета, время выгона скота’ [Стойчев, 1965: 145] и др.

В средненемецких говорах также отмечены наименования периодов времени по их хозяйственной значимости. Это названия апреля *Hafermonat* (*Hafer* – бич, кнут; таким образом указывается на начало выгона скота) [Mitzka, 1963–1965: 474], месяцев с мая по июль *Krebsmonate* (*krebsen* ‘заниматься тяжёлым трудом’; данный период – время наиболее напряжённой работы в поле) или *Heumonate* (Heu ‘сено’) [Mitzka, 1963–1965: 536]; сырой ранней весны *Bauernferien* (буквально: каникулы крестьян).

Таким образом, на основании анализа диалектных данных можно заключить, что национальная идентичность – сложное понятие, состоящее из многих компонентов. Одним из этих компонентов является представление национального мировосприятия в языке/диалекте. В силу социально-исторического характера процессов номинации, языковая/диалектная репрезентация внеязыковой действительности и отношения к ней человека может считаться более объективной, чем её интерпретация отдельным человеком. Анализ

диалектного материала, представляющего важные понятия традиционной материальной и духовной культуры, демонстрирует значительное сходство в восприятии окружающего мира представителями этнографических групп русского (некоторых других славянских) и немецкого народов. Это сходство находит отражение в принципах номинации объектов традиционной культуры, что свидетельствует об общности многих черт национального мышления. Родной язык/диалект является неосознанной формой идентичности. Поскольку способы языковой репрезентации фрагментов традиционного культурного пространства народов обладают значительным количеством сходств, то можно говорить об отсутствии непреодолимых барьеров в рамках межкультурной коммуникации.

Библиографический список

Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. – М.: Междунар. отношения, 1995–2012.

Стойчев Т. Родопски речник. Българска диалектология. Проучвания и материали. Кн. 2. – София: Издателство на БАН, 1965.

Стойчев Т. Родопски речник. Българска диалектология. Проучвания и материали. Кн. 5. – София: Издателство на БАН, 1970.

Толстая С.М. Семантические категории языка культуры: Очерки по славянской этнолингвистике. – М.: Либроком, 2010.

ЯОС – Ярославский областной словарь: в 10 вып. – Ярославль: Изд-во ЯГПИ им. К.Д. Ушинского, 1981–1991.

Bezljaj F. Etimološki slovar slovenskega jezika. Knj. 4. – Ljubljana: Mladinska knjiga, 2005.

Elsäss. – Das Wörterbuch der elsässischen Mundarten. – URL: <http://woerterbuchnetz.de/ElsWB> (дата обращения: 17.03.2016).

Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. – Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2002.

Koseska – *Koseska-Toszewa V.* Bułgarskie słownictwo meteorologiczne na tle ogólnosłowiańskim. – Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Wyd-wo PAN, 1972. – 131 s., 30 map.

Mitzka W. Schlesisches Wörterbuch. B. 1–3. – Berlin, 1963–1965.

Muka A. Słownik dolnosersbskeje rěcy a jeje narěcow. T. 1–2. – Budyšin, 1966.

Pleteršnik M. Slovensko-nemški slovar. D. 1–2. – Ljubljana: Katoliška tiskarna, 1894–1895.

SSSL – Słownik stereotypów i symboli ludowych. T. 1. Kosmos. – Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 1996.

Süd Hess. – Das südhessische Wörterbuch. – URL: <http://lagis-hessen.de/de/subjects/gsforn/sn/shwb/> (дата обращения: 17.03.2016).

Wört. Mittelfrank. – Wörterbuch von Mittelfranken. Eine Bestandsaufnahme aus den Erhebungen des Sprachatlas von Mittelfranken. – Würzburg, 2000.

ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ТУЛЬСКОГО ПИСАТЕЛЯ А. КОСТЮХИНА

В статье анализируется диалектная лексика в произведениях современного тульского писателя А.Е. Костюхина. Творчество данного автора практически не изучено. В рамках статьи предпринимается первая попытка научного обращения к анализу языковых единиц, выбранных из произведений А.Е. Костюхина. Делается вывод о преобладании диалектной лексики, служащей для точного описания быта русского крестьянства середины XX в. Отмечается наличие большого количества разговорных и диалектных устойчивых выражений.

Ключевые слова: диалектизм; А.Е. Костюхин; художественное произведение; устойчивое выражение; лексика.

Мы остановимся на творчестве современного тульского автора А.Е. Костюхина, его произведения ещё совсем не изучены, это фактически первая попытка обратиться к языковым особенностям художественной прозы данного автора.

Александр Егорович Костюхин родился 17 ноября 1928 г. в деревне Хомутовка Тёпло-Огарёвского района Тульской области, как он сам писал, в крестьянской семье, умер 5 августа 2013 г. в городе Туле. Две магистральные линии определяли всю жизнь этого человека: любовь к родному краю, к родной земле и любовь к школе, к знаниям, к трудной учительской доле. Эти линии, пересекаясь, взаимодействуя, формировали как саму личность писателя, так и основные сюжеты его произведений. В четыре года по «Кавказскому пленнику» Л.Н. Толстого научился читать и потом уже никогда в жизни не бросал этого занятия: чтение было для него отдушиной, наслаждением, счастьем. Учился всегда легко, сначала закончил сельскую школу, потом учился в районной школе, в 1945 г. поступил в Крапивенский лесхозтехникум. После года учебы там он понимает, что его призвание в чём-то другом, к этому времени Александр Егорович уже начинает писать стихи, с ними он едет в редакцию издательства «Молодая гвардия», там получил рекомендацию для поступления в Ефремовское педучилище (так как летом работал с отцом в колхозе и время подачи документов уже прошло, то помогла поступить именно рекомендация от «Молодой гвардии»), с 1946 по 1950 учился в Ефремове. А в 1956 г. Александр Егорович заканчивает факультет русского языка и литературы Тульского педагогического института. Затем более тридцати лет отработал учителем

русского языка и литературы в сельских школах Тепло-Огаревского, Каменского, Новомосковского районов Тульской области, в школах № 18, № 32 г. Тулы. Ко времени учёбы в педагогическом училище относятся его первые творческие опыты: активно писал стихотворения и прозу для районных газет, много для себя – дневники, тетради, которые ждали своего лучшего часа. В 1998 г. он стал членом Союза писателей России. Жизнь много раз зажимала Александра Егоровича в стальные тиски: это и тяжелейшее военное детство, голодная и холодная послевоенная юность, но и, казалось бы, налаженный быт и семейная жизнь принесли не только радости, но и огромные испытания: на протяжении двадцати трёх лет болела рассеянным склерозом его любимая жена, её единственной опорой и ангелом-хранителем все эти годы был муж, Александр Егорович. И всё это время никогда не проходила любовь к родным местам. Он сам повторял: «Я слышу запахи из детства: запах скошенной травы, запах солнца, земли... Закрою глаза – и снится родная деревня». Это были не просто воспоминания о детстве, а сильнейшая тяга к земле, которая выражалась в любви к березкам под окнами городской квартиры, в тонком понимании мелодии стрижей, которые по утрам разрезали воздух городского двора, в былке засушенного подсолнуха, стоявшей в его книжном шкафу...

О чём бы ни писал А. Костюхин в своих произведениях: о войне, о тяжелой доле школьного учителя, о молодости и любви, он всегда пишет о родной земле, о людях из народа, о природе родного края. Названия его произведений говорят сами за себя: «Седой тополь», «О чём кричали берёзы», «Пятый лепесток» и т. д. Естественно, что, постоянно обращаясь к теме сельской жизни, Александр Егорович использует диалектную лексику. Но следует отметить, что для данного автора диалектная речь в целом не была «диалектной» в нашем, научном понимании этого слова. Для него это был родной язык, слова, обороты, выражения, которые он слышал вокруг с самого раннего детства, которые были частью его самого, его языковой личности. Многие выражения он специально фиксировал в течение жизни, бережно их хранил и не переставал удивляться меткости, точности русского народного слова или оборота.

Мы в рамках данного исследования хотели бы обратиться к некоторым особенностям использования диалектных элементов в его художественном творчестве.

Остановимся на анализе диалектных явлений, выбранных нами методом сплошной выборки из первой книги А. Костюхина «Седой

тополь». Сразу оговоримся, что в основном в повести встречаются диалектные факты лексического уровня. Явлений фонетического и грамматического характера отмечено совсем немного. Это в целом объяснимо, так как автору в прозаическом тексте необходимо в первую очередь точно воспроизвести факты окружающего мира, создать реальную картину жизни людей, передать все тонкости и особенности быта людей определённой эпохи.

Среди лексических явлений наблюдаются единицы, которые можно отнести к разным тематическим группам. Так, нами была выявлена группа бытовизмов. Например, автором неоднократно используется лексема *дерюжка*. Подтверждение диалектного характера слова находим в СРНГ: «1. Дерюга... 1. Толстый грубый холст из сученых охлопков или тряпок, используемый для различных целей. Скоп. Ряз., 1820. Тамб., Ворон., Курск. *Возьми дерюгу, постели да сти.* Тул. <...> Дерюжка. 1. Уменьш. к 1. Дерюга (в 1-м знач.); то же, что 1. Дерюга (в 1-м знач.)» [СРНГ, 8: 27–28]: *Свалившись с дерюжек, обитатели хаты сразу напяливали верхнюю одежду: в избе хозяйничал нестерпимый холод* [Костюхин, 1989: 9]. Находим также слово *кутник*. В СРНГ *кутник* толкуется следующим образом: «Место в углу, у задней стены, отгороженное для кур, поросят и т. п. Богород. Тул.» [СРНГ, 16: 170]: *Из-под кутника вытащили на солнце телёнка, где уже зрела худые бока его родительница* [Костюхин, 1989: 27]. Встречается слово *пузанец*. В СРНГ находим значение этой лексемы: «Глиняный кувшин округлой формы. *Пузаны из глины сами делали. Таки красивы, пузаты кукишины с ручкой.* Амур., 1983» [СРНГ, 33: 113]: *Батюшки, молоко топлёное, целый пузанец!* [Костюхин, 1989: 47]. Употребляется слово *растрепушки*. СРНГ определяет значение следующим образом: «1. Растрепушка. Лепёшка, испечённая в растительном масле. Камышл. Свердл., 1984» [СРНГ, 34: 275]: *Растрепушки – прелесть! Нина! Вова! У нас сегодня праздник* [Костюхин, 1989: 47].

Отметим также и множество других слов, среди которых, например, *панева*: *При немцах сундук был пуст – старинные шали и платки, панева, сарафан и холсты были спрятаны в соломе* [Костюхин, 1989: 23]; *горница*: *Побежал в горницу* [Костюхин, 1989: 29]; *волна*: *Волна у нас есть. Хотела тебе валенки новые справить, а теперь не знаю, как быть* [Костюхин, 1989: 48] и т. д.

Среди этой группы отмечаются единицы, обозначающие названия блюд, деталей одежды, частей жилого помещения, посуду и др. Все они необходимы автору для точного описания крестьян-

ского быта первой половины XX в. А.Е. Костюхин детально и подробно описывает устройство жилья, останавливается на образе жизни своих героев, он неоднократно подчеркивает, как тяжело было прожить в годы войны на оккупированной территории, как сложно было не только взрослым, но и детям. Таким образом, диалектные лексические единицы, по нашему, мнению, выполняют не только номинативную функцию в художественных произведениях автора, но и отчасти характерологическую, так как они становятся как бы характерными чертами времени, эпохи.

В анализируемом произведении отмечаются и диалектные единицы, относящиеся к лексике окружающего мира: *вёдро*: *Было вёдро* [Костюхин, 1989: 60]; *ржаника*: *За дворами белели ометы свежей ржаники* [Костюхин, 1989: 62]; *зазимок*: *Но вот по зазимку кто-то в кинобудке снял с крючьев дверь* [Костюхин, 1989: 65]; *большак*: *Тополь соперничал по высоте только с упёршейся в небо телевизионной антенной над домом Пешиковых, которые первыми купили телевизор, когда телесигналы ещё слабо доходили до затерявшейся среди бескрайних полей, большаков и просёлков Цветковки* [Костюхин, 1989: 67] и т. д.

В меньшей степени, но всё же присутствует диалектная лексика, характеризующая человека, его действия, внешность, традиции. Нам, например, встретились такие единицы, как: *дожинки* – *Опустилась и расплзлась вокруг темень, когда с одереженевшими от дальней дороги вытянутыми ногами новый участковый подъехал к родной деревне, праздновавшей дожинки* [Костюхин, 1989: 62]; *гундусый* – *Гундусый отвернулся от собеседника и высморгался наземь* [Костюхин, 1989: 63]; *принять (убрать)*: *«А как с мешком пошёл, принял вилы», – вспомнила Тоня* [Костюхин, 1989: 25] и др.

Лексемы, относящиеся к тематическим группам «Окружающий мир» и «Человек», довольно последовательно описывают окружающую среду, природу и человека.

Анализируя диалектную лексику в творчестве А. Костюхина, отмечаем, что нам не встретилось ни одного случая, когда бы она вводилась с помощью специальных пояснений или авторских ссылок. В этом смысле манеру введения диалектных слов данным автором в текст художественных произведений можно сравнить с манерой Л.Н. Толстого, который также практически никогда не пояснял диалектизмы в своих творениях.

Можно довольно точно охарактеризовать территориальную принадлежность выбранных диалектизмов. В целом все они

характеризуют южнорусское наречие, то есть писатель последовательно использует известный ему говор или несколько говоров, распространённых на территории тульского края. О том, что действие произведения происходит на территории Тульского региона, догадаться нетрудно, так как топонимы Тула, Плавск и целый ряд других постоянно встречаются на страницах повести. Конечно, следует отметить, что присутствуют элементы художественного вымысла, так, мы понимаем, что родную деревню Хомутовку автор именует Оглоблино, а посёлок Тёплое – Холодное. Но всё это тем не менее не мешает и читателю, и исследователю достаточно точно определять место действия. Не зря в подтверждение своей мысли выше мы привели ряд ссылок из СРНГ, которые дают возможность понять, что, действительно, автором употребляется много южнорусских слов. И даже если некоторые лексемы в СРНГ определяются как принадлежащие к иным территориям, то это лишь свидетельство того, что они не были зафиксированы составителями СРНГ на территории тульских говоров.

Следует сделать и ещё одно наблюдение: данное произведение богато не только разнообразными по своей тематической отнесённости диалектизмами, но и местными устойчивыми выражениями. Если не всегда бывает просто определить диалектную природу того или иного слова, то диалектную принадлежность устойчивого выражения, фразеологизма определить ещё сложнее. Тем не менее, мы отметим, что на страницах повести такие выражения появляются регулярно. В целом ряде случаев автор вводит их в речь матери, это вполне объяснимо, так как мать главного героя – женщина уже не молодая, крестьянка, всю жизнь прожившая на земле, умудрённая опытом. Однако не только в её речи можно встретить устойчивые выражения, они характеризуют и авторское повествование, и речь других героев повести. К ним, например, можно отнести такие: *у закона нет сердца; сытый по голодному не понимает; жили они на живую нитку: по-волчьи не были, но и сыты не были; жил грешно и умер смешно; прицелился, как репей к телячьему хвосту; избу крой, песни пой, траву коси, а шесть досок паси; девка сама-два; накормить – легче похоронить* и др. Еще раз отметим, что в рамках данной статьи мы только констатируем наличие подобных выражений в творчестве автора, их подробное рассмотрение – задача последующих исследований.

Сделаем общие выводы. Произведения современного тульского писателя А.Е. Костюхина содержат большой пласт диалектной

лексики, в основном она относится к тематической группе бытовизмов. Вся диалектная лексика территориально характеризуется как локализуемая в южнорусском наречии, в его юго-восточной диалектной зоне.

В творчестве А.Е. Костюхина большое место занимают и устойчивые выражения, говорить об их строгой соотнесенности с диалектным языком довольно сложно, вполне возможно, что они являются просторечными или диалектно-просторечными.

Можно также отметить, что изучение диалектизмов в творчестве А.Е. Костюхина способно внести определённый вклад в исследование тульской диалектной лексики в целом.

Библиографический список

- Костюхин А.Е.* Седой тополь. – Тула: Приок. кн. изд-во, 1989. – 174 с.
СРНГ – Словарь русских народных говоров. – Вып. 1 – / сост. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов. – М.; Л.; СПб.: Наука, 1965– .

Курбангалеева Г.М. (Уфа)

В ПОИСКАХ СЛОВА

*Посвящается светлой памяти Учителя –
профессора Юлии Петровны Чумаковой*

Слава тем, кто в ведро и в ненастье,
Пешью ль, вплавь по северной речушке
Ищет Слово, словно птицу счастья,
Затаившуюся где-то в деревушке.
Ищет Слово, чтоб не потерялось
В бурных ритмах нынешнего века,
Чтобы красота его осталась
Светлым праздником для человека.

Ю.П. Чумакова

Статья посвящена памяти выдающегося русского диалектолога Юлии Петровны Чумаковой – филолога в самом прямом значении этого слова, специалиста в области славянской лексикологии, истории русского языка, автора многочисленных научных трудов, в том числе двух монографий. Для неё как учёного слово было не только и не столько инструментом и объектом изучения: она с виртуозным умением могла извлечь скрытые в его неисчерпаемых глубинах многовековые знания

© Курбангалеева Г.М., 2016

и научить этому увлекательному делу своих учеников. В статье освещается также не столь широко известная переводческая деятельность и поэтическое творчество Чумаковой как автора и составителя ряда поэтических сборников.

Ключевые слова: *диалектолог; славист; этимолог; русистика Башкортостана; русская диалектная лексика; ономастика; сравнительно-историческая лексикология; поэтические переводы.*

20 декабря 2015 г. исполнилось 15 лет, как нет с нами известного российского лингвиста, слависта, этимолога, историка языка, диалектолога, доктора филологических наук, профессора – Юлии Петровны Чумаковой, человека, обладавшего неповторимым даром учёного, тонко чувствующего и понимающего слово; замечательного педагога, способного увлечь за собой; мудрого всепонимающего Учителя и виртуозного мастера слова, наделённого поэтическим талантом.

Об этом замечательном человеке можно говорить и писать бесконечно и при этом не опасаться излишней пафосности и высокопарности. Самые возвышенные слова будут более чем уместны, когда вспоминаешь Юлию Петровну во всех её прекрасных ипостасях.

Нельзя не остановиться на биографии: родилась (16 июля 1930 г.) и выросла Юлия Петровна в с. Спасские Выселки Рязанской области, после окончания школы в течение года работала ответственным секретарём местной районной газеты «Путь Ленина»; с 1949 по 1953 г. училась на факультете русского языка и литературы в Рязанском государственном педагогическом институте, затем до 1955 г. работала учителем русского языка и литературы в пос. Октябрьское поле Скопинского района и с. Захарово Захаровского района Рязанской области; с 1955 по 1958 г. обучалась в аспирантуре при кафедре русского языка Рязанского пединститута под руководством профессора Василия Ильича Лыткина; после аспирантуры была распределена в Алтайский край и четыре года проработала старшим преподавателем кафедры русского языка Барнаульского пединститута, а с 1962 по 1970 – сначала ассистентом, а затем (с 1967 г.) доцентом кафедры русского языка и общего языкознания Горьковского госуниверситета. В 1966 г. Ю.П. Чумакова защитила кандидатскую диссертацию на тему «Текстильная лексика говоров района “Богословщина” Рязанской области (семантическая, диалектологическая и этимологическая характеристика)» [Чумакова, 1995].

Тридцать лет своей жизни отдала Юлия Петровна русистике Башкортостана: с 1970 г. после переезда в Уфу и до 1975 г. она работала доцентом кафедры русского языка Башкирского государственного педагогического института; а с 1975 по 2000 г., до конца своей жизни, трудилась на кафедре общего и сравнительно-исторического языкознания Башкирского госуниверситета сначала в качестве доцента, а затем – профессора. Несмотря на такую широкую географию трудовой деятельности – от Рязани до Барнаула, Юлия Петровна в своей научно-исследовательской деятельности всегда была верна рязанскому краю – рязанским диалектам Богословщины и Среднего Поочья.

Ю.П. Чумакова – удивительно талантливый и разносторонний учёный, признанный в самых высоких научных кругах; сфера её научных интересов – сравнительно-историческая лексикология, славянская и русская этимология и ономастика, но главный объект исследования – русская диалектная лексика, рассматриваемая в широком славистическом контексте. В 1994 г. она блестяще защитила докторскую диссертацию «Расселение славян в Среднем (Рязанском) Поочье по лингвистическим и историческим данным» [Чумакова, 1992]. Автор 67 научных работ, среди которых две монографии. А.С. Герд называл её последнюю монографию образцовой в области исторической топонимики и диалектологии и настоятельно рекомендовал её своим студентам и аспирантам. Многие статьи Ю.П. Чумаковой опубликованы в центральных изданиях, в частности, в ежегодных сборниках «Этимология» отдела этимологии и ономастики Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН.

В разное время Ю.П. Чумакова участвовала в реализации таких масштабных научных проектов, как «Диалектологический атлас русского языка» (ИРЯ АН СССР), «Общеславянский лексический атлас» (Международный комитет славистов, ИРЯ АН СССР), «Лингвистический атлас Европы» (ИРЯ РАН, Российская комиссия ЛАЕ, координационный центр в Нидерландах), «Лексический атлас русских народных говоров» (ИЛИ РАН) и «Словарь русских говоров Башкирии». Она участвовала в работе двух международных симпозиумов по проблемам этимологии (Москва-1967, Москва-1984), в работе международной комиссии по Общеславянскому лингвистическому атласу (Москва, 1974).

Выступления Юлии Петровны с докладами на научных форумах различного уровня, по словам коллег, были незабываемыми, их всегда с нетерпением ждали: она умела предельно ясно,

доступно, непротиворечиво и в то же время ёмко осветить любую занимающую её проблему. Слушателей неизменно поражала эмоциональность выступления, а также эрудиция, тонкие наблюдения и точные выводы докладчика.

Юлия Петровна – преподаватель высочайшей квалификации. В БашГУ она с большим успехом вела курсы введения в славянскую филологию, старославянского и польского языков, истории русского языка, а также спецкурсы по проблемам сравнительно-исторической лексикологии и этимологии; руководила курсовыми и дипломными работами студентов, диссертациями аспирантов. Под научным руководством Ю.П. Чумаковой написаны и защищены 3 кандидатские диссертации.

Научно-педагогическому стилю профессора Ю.П. Чумаковой всегда были свойственны чёткость, ясность, доступность и при этом эмоциональность изложения в сочетании с глубиной и энциклопедичностью содержания, а также неизменное уважение и терпимость к оппонентам. Лекции Юлии Петровны студенты, аспиранты и коллеги вспоминают с восхищением (конспекты лекций по старославянскому языку были изданы в 2011 г. по записям студентов и учеников) [Чумакова, 2011]: они поражали своей глубиной, убедительностью, артистичной и яркой манерой изложения, заражали и заряжали любовью к родному языку. Выпускники вспоминают Юлию Петровну с неизменной теплотой, благодарностью и восхищением, у каждого есть своя личная история, связанная с ней.

Юлия Петровна – замечательный наставник и прекрасный Учитель. Каждый из её учеников чувствовал себя своим в её теплом доме, почти членом семьи: никто и никогда не мог уйти из этого гостеприимного дома ненакормленным. Большим счастьем было консультироваться у Юлии Петровны: она щедро делилась не только своими знаниями, опытом, замечательными идеями, тонкими замечаниями и наблюдениями, но и разрешала работать с её уникальной библиотекой – книгами и словарями. Её вклад в каждого ученика – студента, аспиранта, доктората – колоссальный, его невозможно переоценить.

Быть учеником Юлии Петровны Чумаковой – это великое счастье, об этом невозможно говорить в прошедшем времени, до сих пор каждый из нас, её учеников, чувствует в себе частичку Учителя: мы – её последователи и продолжатели – и это огромная ответственность. Каждый из нас выбрал свой путь в науке: так, Наталия

Вячеславовна Пятаева продолжает дело Учителя в этимологии, я – в диалектной лексикологии, а Юлия Георгиевна Королёва – в исторической топонимике, мы чувствуем себя сёстрами – *посестрием*, радуемся успехам и достижениям друг друга, оказываем помощь в трудные моменты. Юлия Петровна задала такую высокую планку в жизни, науке и преподавании, что наше желание её достичь и преодолеть постоянно нас стимулирует к самосовершенствованию.

Юлия Петровна говорила на многих славянских языках, уровень своей славистической подготовки она повышала на международных курсах «Полоникум» при Варшавском университете (1967), в семинаре болгарского языка и литературы при Велико-Тырновском университете им. Кирилла и Мефодия (1983); совершенствовала знание польского языка, работала на летних курсах русского языка при Ягеллонском университете (Краков, 1968). Стажировалась в отделе этимологии и ономастики ИРЯ АН СССР (1979, 1982), на кафедре русского языка в МГУ (1987). И в этой своей ипостаси она является примером для нас и наших студентов.

Не столь широко известно, что Юлия Петровна обладала поэтическим даром, была автором поэтических переводов польских поэтов. Силами Польской школы были изданы два сборника переводов стихотворений польских поэтов, в которых Ю.П. Чумакова была составителем и автором многих переводов: «Прелюдия» (1997), «Польские звёзды» (2002). Коллегам, ученикам, близким по разным поводам Юлия Петровна дарила свои прекрасные задушевные стихи, много проникновенных поэтических строк было посвящено родному рязанскому краю, любимой науке. Эти стихи силами коллег по кафедре были опубликованы в виде небольшого сборника уже после смерти [Чумакова, 2010].

В сердцах коллег, учеников, близких Юлия Петровна Чумакова останется, по словам Л.М. Васильева, «многогранно талантливым и красивым человеком, трудолюбивым, честным, скромным, доброжелательным, чутким к человеческим болям и страданиям» [Васильев, 2006].

Низкий поклон Вам, Юлия Петровна, и вечная память!

Библиографический список

Васильев Л.М. Теоретические проблемы общей лингвистики, славистики, русистики: сб. избр. ст. – Уфа: РИО БашГУ, 2006. – С. 515.

Чумакова – Старославянский язык. Конспекты лекций Ю.П. Чумаковой. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2011 – 96 с.

Чумакова Ю.П. Лексика традиционного ткачества в говорах района «Богословщина» Рязанской области (семантическая, диалектологическая и этимологическая характеристика). Рязань: Тип. облстатупр., 1995. – 228 с.

Чумакова Ю.П. Расселение славян в Среднем (Рязанском) Поочье по лингвистическим и историческим данным, Уфа: Изд-е Башкирского ун-та, 1992. – 170 с.

Чумакова Юлия. Уплывает времени река... Сборник оригинальных стихотворений Ю.П. Чумаковой. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2010. – 30 с.

Лезанцевич Л. В. (Брест, Беларусь)

ГОВОРЫ БЕРЕЗОВЩИНЫ И ОБЩАЯ ЛИНГВОГЕОГРАФИЯ

Говоры Брестско-Пинского Полесья (Беларусь) характеризуются архаичностью языка и значительным разнообразием языковых явлений. К таким говорам относятся и говоры Березовщины. В статье характеризуются основные фонетические и морфологические особенности говоров; показывается территориальное распространение (Беларусь, Польша, Россия, Украина) отдельных языковых явлений.

Ключевые слова: *западнополесские говоры; Березовщина; вокализм; консонантизм; морфологические особенности; территориальное распространение.*

Лингвистическое исследование Полесья в 60-е годы XX в. показало глубоко неоднородный характер этой языковой территории. Архаичность ряда полесских лексических черт связывает Полесье и с восточнославянским диалектным континиумом, с отдельными его говорами, и с некоторыми западнославянскими говорами. Брестско-Пинское Полесье (БПП) служит объектом лингвистического исследования с двух позиций: как образцовая зона архаических диалектов и как территория, по которой происходила древняя миграция славян.

Традиционно к западнополесским говорам относится вся территория окающих говоров белорусского языка. Названные говоры Ф.Д. Климчук поделил на северобрестские, среднебрестские (среднепогоринские, бережновские, лунинецкие, бобрицкие, севернологишинские, южнотелеханские, мелечские, верхнеясельдские) и загородские (среднезагородские, южнозагородские, севернозагородские и тараканские).

Одним из отличительных регионов БПП является Березовщина. В XX столетии говоры Березовщины исследовались в связи со сбо-

ром материалов для составления диалектологического и лексического атласов белорусского языка, а также в других научных работах (Н.Т. Войтович, В.Н. Чекман, И.И. Зенько, Ф.Д. Климчук, А. Босак, Я.Г. Самуйлик, Л.В. Леванцевич, Ю.В. Чернякевич). Автором статьи подробно исследовалась территория Березовского и прилегающих к нему районов. Березовский район расположен в бассейне реки Ясельды, в центральной части Брестской области. На исследуемой территории названных говоров распространены некоторые типы среднебрестских (малечские, верхнеясельдские, стригинские) говоров и загородские говоры. Верхнеясельдские говоры распространены в северо-западной части Березовского района, стригинские – в центре и на северо-востоке Березовского района, малечские – на юго-западе Березовского района, северо-загородские – на юге и востоке Березовского и на прилегающей северной части Дрогичинского района, среднезагородские – на северо-востоке Дрогичинского района, южнозагородские – на северо-западе Дрогичинского района, тараканские – на прилегающей части Ивановского района.

Цель данной статьи – охарактеризовать основные фонетические, морфологические и лексические особенности названных говоров и показать территориальное распространение отдельного соответствующего явления в его соотносительных вариантах. Материалом для анализа послужили те отличительные фонетические и морфологические особенности говоров Березовщины, которые имеют распространение на территории Беларуси, а также на прилегающей территории Украины, Польши, России. Из-за объёма статьи приводятся только некоторые из особенностей, в основном те, которых нет в литературном языке.

Вокализм. Гласный [а]. Гласный [а] произносится после твёрдых согласных в соответствии с этимологическим (*или исторический, или древний, или былой, который мы подаём под значком **) *е в тараканских говорах: *тварды, марзлы, мад* (мёд), *дан'* (дзень), *набо* (неба), *отарпла, на замн'у, вжа* (ужо), *царква, гато* (гэта). Переход звука [е], который является рефлексом *е, *ь, в звуки [а], [а] переднее, [ае], [еа] характерен следующим островным говорам: северо-западной Волыни, средненадбужским и гуцульским украинским, в определенных позициях надсанским украинским говорам, отдельным северо-восточным русским [Климчук, 1983: 32].

Гласный [о]. Этимологический *о сохраняется во всех ударных и послеударных слогах после твёрдых согласных во

всех говорах: *голова́, доро́га, молоко́, коро́ва, за́слонка, до́кторка, вы́точка, пры́мовка, анто́новка*. Окanye распространено на юге Беларуси, на территории южной части Брестской и западной части Гомельской областей [ДАБМ: 1], а также в белорусских говорах Белосточчины (на юг от р. Нарев) [АГУСБ, 2: 70, 71]. Окanye характерно для большинства украинских говоров [АУМ, 1: 71, 72, 75], а также для южнорусских и некоторых среднерусских говоров.

Гласный [ô] закрытое или дифтонг [yo] являются рефлексамии этимологического *o в так называемых новых закрытых слогах под ударением и произносятся в малеческих и верхнеясельских говорах: *нуож, стуол, куон', буол'иш, муой, вуон, нôж, стôл, мôй, кôн'*. На территории Беларуси эта особенность спорадически встречается в юго-западных белорусских говорах [ДАБМ: 35]. В белорусских говорах Польши дифтонг [yo] в данной позиции распространён на юг от р. Нарев [УГУСБ, 2: 44]. Наличие дифтонга [yo] на месте ударного этимологического *o в новых закрытых слогах характерно для многих северноукраинских говоров, в первую очередь для восточнополесских [АУМ, 1: 29–31]. В определённых позициях (не только в новых закрытых слогах) под ударением употребляется дифтонг [yo] или закрытый звук [o] в некоторых русских говорах: небольшие диалектные массивы или острова в областях: Вологодской (восточная часть), Костромской (северная часть), Владимирской (юг), Московской (восток) и Рязанской [ДАРЯ, 1: 42].

Гласный [y]. Звук [y] произносится в так называемых новых закрытых слогах под ударением на месте бывшего *o в севернозагородских говорах: *нуж, стул, ну́йдеиш, кун', му́й, кору́вка, нуч*. Гласный [y] характерен для брестско-пинских говоров [ДАБМ: 35]. В белорусских говорах Белосточчины [y] в названной позиции выступает только на крайнем южном востоке (на пограничье Польши с Беларусью) [АГУСБ, 2: 44]. В украинских говорах [y] распространён в средне- и восточнополесских говорах (компактно на север от Киева и в северной части Сумской области, в других регионах – спорадично), а также в закарпатских говорах [АУМ, 1: 29–31].

Гласный [e]. Гласный [e] наиболее распространён в исследуемых среднебрестских говорах. Здесь он постоянно сохраняется на месте этимологического *e и исторического *ѣ в первом предударном слоге после губных согласных: *весна́, песо́к, беда́, мешо́к, в'есна́, п'есо́к*; на месте *e, *ѣ в первом предударном слоге после этимологических *д, *т, *з, *с, *н: *ден'о́к, село́, земл'а́, тепе́р, нема́, не зна́йу, нечо́го*. На месте ударного исторического *ѣ

гласный [e] произносится последовательно в стригинских говорах: *с'эно, хл'эб, л'ес, таб'э, тоб'э, на акн'э*, а не под ударением – во всех исследуемых среднебрестских говорах: *с'эджу, с'ело, с'еножат'*. После исторически мягких согласных [e] употребляется в соответствии с этимологическими звуками *e, *a в исследуемых южнозагородских и тараканских говорах: *ж'эба, ш'эпка, с'эду, д'эт'ко, т'эшко, вз'эв, вс'экый, прокл'эв, свын'э, йэблык, йэблыко*. Гласный [e] в названной позиции образует массив на западе Украины [АУМ, 2: 41]. В тараканских говорах [e] употребляется в ударных и конечных открытых безударных слогах в соответствии с историческим *ы: *дэхате, зрыбэ, сен*.

Дифтонг [ie]. Выступает на месте исторического *ѣ под ударением в малечских и верхнеясельдских говорах: *л'іес, с'іено, с'н'іег, в'іет'ор, на окн'іе*. В других юго-западных белорусских говорах дифтонг встречается спорадически [ДАБМ: 34]. На территории Белосточкины [ie] распространен на юг от р. Нарев [АГУСБ, 2: 43]. На Украине дифтонг в данной позиции употребляется во многих северноукраинских говорах, в первую очередь, в восточнополесских [АУМ, 1: 3, 7, 9]. Дифтонг [ie] также произносится в некоторых русских говорах: небольшие диалектные массивы или острова преобладают на северном востоке европейской части России [ДАРЯ, 1: 40].

Гласный [i]. В верхнеясельдских и стригинских говорах исторический *і сохраняется: *кас'іц', з'іма, н'іука, раб'іц', м'іска*. На месте этимологических *e, *ѣ в некоторых севернозагородских говорах [i] произносится в первом предударном слоге после губных согласных: *в'існа, п'ісок, б'іда, м'ішок*. В исследуемых южнозагородских, среднезагородских и тараканских говорах гласный [i] произносится в соответствии с историческим ударным *о в новых закрытых слогах: *к'ін', б'іл'ш, п'ійдеш, м'ій, в'ін, н'іс, н'іж, н'іч, ст'л, пор'іг*. На месте *ѣ гласный [i] употребляется в севернозагородских, южнозагородских, среднезагородских и тараканских говорах: *л'іс, с'іно, с'н'іг, в'іт'ор, на окн'і*. Гласный [i] в названной позиции произносится в брестско-пискних говорах [ДАБМ: 34], в юго-восточных, юго-западных и волинско-полесских говорах украинского языка [АУМ, 1: 3, 10; АУМ, 2: 3], в севернорусских говорах – на север от линии Санкт-Петербург – Ярославль – Кострома – юг Кировской области [ДАРЯ, 1: 41], а также ограниченно зафиксирован в нескольких пунктах на юге Белосточкины [АГУСБ, 2: 43].

Гласный [ы]. Гласный [ы] последовательно произносится на месте этимологических *е, *ь в предударных слогах в южнозагородских, севернозагородских, среднезагородских и тараканских изучаемых говорах: *высна́, мышок, пысок, быда́, сыло́, тыпер, нима́, ны зна́йу, нычо́го, дын'ок*. В послеударных закрытых слогах переход этимологического *ь в звук [ы] произошёл в основном в тараканских говорах: *п'івын', хлоп'иць, хлоп'иць', п'альць, п'альць', ка́мын*. В так называемых новых закрытых слогах под ударением [ы] произносится в соответствии с этимологическим *о в большинстве южнозагородских, среднезагородских и тараканских изучаемых говорах: *кын', был'и, мый, вын, ныс, ныж, ныч, стыл*. Гласный [ы] в названной позиции употребляется на пограничье южных и северных украинских говоров. В гуцульских и спорадически в западнополюсских украинских говорах [АУМ, 1: 57; АУМ, 2: 51].

Консонантизм. Вместе с общими чертами в системе консонантизма в разных группах говоров наблюдаются специфические, региональные особенности. Они проявляются в отличии по твёрдости и мягкости, глухости и звонкости, наличию или отсутствию мягких аффрикат [дз'], [ц'] и губного[ў]. Приведем только некоторые из них.

Мягкий согласный [м] в позиции перед рефлексом древнего *е сохранился в говорах стригинских, малеческих и верхнеясельских: *м'асо, ц'ём'а, м'ата*. Некоторым малеческим говорам характерно отверждение [м] и выделение эпентического звука [й]: *мй'асо, т'ёмйе, мй'ата*. В изучаемых загородских говорах после отверждения [м] возник эпентический [н']: *мн'асо, мн'ата, т'імн'е*. Сочетание [мн'] в названной позиции распространено на территории юго-западных районов Брестской области [ДАБМ: 51], а также в южных и северных говорах украинского языка [АУМ, 1: 91; АУМ, 2: 76].

Отличительной чертой консонантизма является саканье, употребление возвратных глаголов с постфиксом *-са*: *бра́т'іса, зва́т'іса, мы́т'іса*. Саканье характерно говорам Пинщины, Туровщины, Случчины, западной Мозырщины, в говорах Гродненской области [ДАБМ: 165]; на территории Украины саканье распространено в районах Волынской, Ровенской и Житомирской областей [АУМ, 1: 265]; на территории России твёрдый вариант возвратной частицы *-ся* характерен говорам Московской, Ярославской, Владимирской, Ивановской, Горьковской и Тверской областей, а также спорадически употребляется в других регионах [ДАРЯ, 2: 104–107].

Заднеязычные [г], [х], [к] произносятся твёрдо в среднезагородских говорах: *довгы, тонкы, короткы, в п'аткы, т'іл'кы, гуркы, рукуы, хытрый*.

В среднезагородских и южнозагородских говорах согласный [р] произносится мягко: *р'ічка, гор'іх, пор'ізав, р'ічка, гр'іх, р'ідны, гор'ач'ий, р'ажка*, в остальных изучаемых говорах – твёрдо: *рычка, порызав, грых, горых, горячы, ражка*. Мягкая фонема [р] свойственна говорам белорусского Полесья, витебским и восточногилевским говорам, а также некоторым говорам Гомельщины [ДАБМ: 42].

Этимологически мягкий *ц в разных позициях сохранил свою мягкость в большинстве загородских говоров: *ц'ін, ц'івка, конец', хлопец', молодыц'а, крыныц'а, хлопц'і, пал'ц'і, молодыц'і, крыныц'і, молодец'к'е, дывоц'к'е, хлопц'і, пал'ц'і*.

Морфология. Существительные мужского рода единственного числа второго склонения с мягкой, твёрдой основой и основой на заднеязычный в предложном падеже употребляются с окончаниями -і, -е, -у, -еві/-ове, -ові, -овы: *на пн'і, на пн'е, на пн'ев'і, на пн'овы, на пн'ов'і, на пн'у; у л'ес'е, л'ес'і, у л'совы, у л'есов'і; на луз'е, на луз'і, на лузу, на лугов'і*. Данные окончания компактных ареалов не образуют.

Прилагательным мужского рода единственного числа в именительном падеже характерно окончание -ій/-ый в загородских говорах: *малый, старый, добрый, новый, дыкий, хороший, дык'ий*, окончание -ы – в верхнеясельдских, стригинских и малеческих: *малы, стары, добры, новы, дыкы, хорошы*. На территории Украины окончание -ый характерно всем говорам, кроме южных, где употребляется форма окончания -ы/-і [АУМ, 1: 237].

Для говоров исследуемой территории характерна синтетическая форма будущего простого времени глаголов: *рабіц'му, ходзіц'му, роб'іц'іму, ходз'іц'іму, робытым, ходытым, робытыму, ходытыму*. На территории Беларуси приведённая форма распространена на юг от линии Волковыск – на север от Слуцка – на юг от Бобруйска – Мозырь [ДАБМ: 166].

Формы глаголов второго спряжения первой osoby единственного числа в севернозагородских говорах употребляются с окончанием -ю: *нос'у, прос'у, заплат'у, укорот'у, ход'у*, в остальных изучаемых говорах – с окончанием -у: *ношу, прошу, заплачу, укорочу, хожу*.

Библиографический список

АГУСБ – AtlasgwarwoschodnioslowiańskichBiałostoczczyzny. Т. 1–2. Prace Slawistyczne, nr. 14. – Wrocław; Kraków; Gdańsk: PAN, 1980.

АУМ – Атлас української мови: у 2 т. – Київ: Наукова думка, 1984–1988.

ДАБМ – Дыялекталагічны атлас беларускай мовы. – Мінск: Выд-ва АН БССР, 1963. – 338 к., 969 с.

ДАРЯ – Диалектологический атлас русского языка. Вып. 1–2. – М.: Наука, 1986–1989. – Т. 1. Центральная и Европейская части СССР. Карты. Вып. 1. Фонетика, 1968. – 98 к.; Т. 2. Центральная и Европейская части СССР. Карты. Вып. 2. Морфология, 1989. – 104 к.

Клімчук Ф.Д. Гаворкі Заходняга Палесся: Фанетычны нарыс. – Мінск: Навука і тэхніка, 1983. – 128 с.

Литвинникова О.И. (Каменец-Подольский, Украина)

СРАВНЕНИЯ-УПОДОБЛЕНИЯ В РУССКОЙ НАРОДНОЙ РЕЧИ

В статье предпринята попытка многоаспектного синхронного описания тавтологизированных сравнений-уподоблений, структурно организованных «имя существительное в именительном падеже + то же существительное в творительном падеже», довольно активно функционирующих в русской народной речи, но почти не представленных в лексикографических проектах (в том числе новейшего времени) и не получивших подробного рассмотрения в лингвистических исследованиях.

Ключевые слова: сравнения-уподобления; тавтологизмы; экспрессивные слова; имена существительные «общего рода»; производное; мотиватор; вторичная номинация; устойчивые словесные комплексы.

Общеизвестно, что сравнение – один из важнейших способов познания действительности и образного мышления; не только наименование чего-либо, но и средство его оценки. В русской народной речи сравнение – своего рода «паспорт» человека, метко и ярко, образно характеризующий его.

«Вопрос о сравнениях», занимавший умы специалистов, начиная с глубокой древности, представлен «огромной литературой», тем не менее многие аспекты, касающиеся «существа образного сравнения», продолжают оставаться за пределами внимания учёных [Огольцев, 2009: 3].

Наиболее привлекательными для исследователей и лексикографов во все времена оказывались устойчивые сравнения с союзом

как: *как невеста, как на ладони, как в раю* и под. тематической группы 'человек'. Довольно активно в 60–80-е гг. XX века изучением и описанием устойчивых сравнений занимались представители разных лингвистических школ, преимущественно фразеологи (Л.И. Ройзензон, А.Г. Ломов, А.П. Бушуй, М.Ф. Палевская, Л.Г. Скрипник, Н.Г. Самойлова, Е.Н. Шестакова и мн. др.), в том числе в связи с изучением явления тавтологии в языкознании. По общему признанию лингвистов, для русского языка характерны именные и глагольные тавтологизмы, реже – наречные. Так, Л.И. Ройзензон в своём учебном пособии «Русская фразеология» [Ройзензон, 1977: 42–43] такие устойчивые словесные комплексы (УСК) называл фразеологическими единицами тавтологического типа и определял их в класс фразеологизмов-редупликатов*. Именные (субстантивные) тавтологизмы рассмотрены учёным в зависимости от наличия и/или отсутствия в структуре предлогов и их количества (один, два) [Ройзензон, 1977: 38–42]. Среди тавтологизмов без предлога в структуре на первом месте УСК, состоящие из «имя существительное им. пад. + имя существительное тв. пад.»: *бурда́ бурдой, зю́зя зю́зей, туча́ тучей* и т. д., функционирующие в произведениях художественной литературы (Б. Полевой, А. Караваева, В. Ажаев, А. Толстой, А. Пушкин, А. Чехов, М. Салтыков-Щедрин и др.). Сделано заключение о том, что для стиля художественной литературы подобные тавтологизмы малопродуктивны, что их значительно больше в русской народной речи [Ройзензон, 1977: 42–43].

В интересной, глубокой, относительно недавно переизданной монографии В.М. Огольцева «Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии» двухэлементные структуры сравнений представлены типами: «одно имя существительное в именительном падеже + другое имя существительное в творительном падеже»: *грудь колесом, губы бантиком, дым коромыслом* и т. п. [Огольцев, 2009: 104]. Из библиографии В.М. Огольцева знаем, что в научном архиве учёного есть и материалы, интересующие нас, которые в силу целого ряда объективных причин пока не опубликованы.

Большой словарь народных сравнений [Мокиенко, Никитина, 2008: 800], первый в отечественной лексикографии опыт полного собрания русских народных устойчивых сравнений, в котором обстоятельно описаны более 45 тыс. образных выражений,

* Термин редупликация мы понимаем как способ словообразования посредством двукратного повторения корня или целого слова [БСИС: 570].

также содержит преимущественно единицы с союзом *как* и сравнения, специфичные для русского языка и речи, где компаративный союз заменён именем существительным в творительном падеже: *стоять столбом, ходить гоголем* и под.; широко распространённые в диалектной речи устойчивые сравнения (УС), содержащие в своём составе однокорневые слова разных грамматических классов: имя существительное в творительном падеже и глагол в инфинитивной форме: *блудом блудить, роём роиться* и т. д.; на последнем месте в Словаре – тавтологические сравнения-уподобления: *балбёс балбёсом, дурак дураком* и др., значительно уступающие в количественном отношении УС с союзом *как*.

«Портрет» занимающих нас единиц (с учётом их продуктивности) составляют тавтологически организованные сравнения-уподобления «ИС им. пад. + то же ИС тв. пад.», включающие в себя:

- имена существительные «общего рода» (115 ед.);
- имена существительные гендерной оппозиции (соотносительные по роду) (90 ед.);
- однородовые имена существительные: м. р. (78 ед.); ж. р. (31 ед.).

Ирреальный средний род в тавтологических сравнениях-уподоблениях, признаваемый лингвистами нарушением языковой нормы и характерным лишь для поэтической традиции, в русской народной речи также имеет место: *пугало пугалом*. Неодобр. О некрасиво, безобразно одетом человеке; *чучело чучелом*. Презр. О неряшливо, нелепо одетом или грязном человеке и под.

В рамках регламента данной статьи представим тавтологические сравнения-уподобления первого типа, состоящие из ИС «общего рода», сразу отметив, что в процессе дублирования заняты преимущественно производные имена существительные (с мотивированным значением), которые грамматическая традиция рассматривает в разряде экспрессивных единиц и относит чаще всего к периферии словарного состава языка как нечастотные в устной и письменной речи, являющиеся вспомогательными в актах коммуникации. Так, по мнению А.А. Леонтьева, в современном русском языке экспрессивные единицы «не играют особенно существенной роли, выступая как средство стилизации и вообще в роли индуктора каких-то дополнительных поэтических смыслов» [Леонтьев, 1969: 39–40]. Однако при таком подходе окажется, что для одних разновидностей и подсистем эти единицы действительно не существенны, не типичны, функционально не оправданы

(официально-деловая и научная речь), для других же, напротив, функционально значимы (публицистическая и художественная речь). Вне всякого сомнения, они важны для народной речи, различных её составляющих: литературно-разговорная, просторечная, диалектная, под которой понимаем своего рода полудиалект, представляющий собой разновидность русского языка, сформировавшуюся в современной языковой действительности как результат трансформации диалектных подсистем под влиянием литературного языка и самих говоров [Литвинникова, 2006: 141–151].

Фактический материал, на котором построены наблюдения, собирался в течение многих лет во время диалектологической практики со студентами Самаркандского государственного университета им. А. Навои и Каменец-Подольского госпединститута им. В.П. Затонского (1967–1989 гг.), затем во время так называемой социолингвистической практики, когда «Русская диалектология» как учебная дисциплина была изъята из учебных планов вузов на Украине (1990–1997 гг.).

Наиболее многочисленными в нашей картотеке оказались тавтологизмы с ИС «общего рода», мотивирующимися глаголами: *балаболка балаболкой*. Разг. Неодобр. – ‘о тех, кто много балаболит’ – ‘говорит пустое, не по делу’; *борона бороной* (горьк.) – ‘о тех, кто боронит’ – ‘мешает общему разговору, слышит лишь себя’; *мямля мямлей*. Разг.-сниж. О тех, кто *мямлит* – 1. Медленно и невнятно говорит. 2. О вялых, нерасторопных, нерешительных людях; *отюка отюкой* (горьк.) – ‘о тех, кто *отюкивает* кого-л.’ – ‘не умеет слушать других, не даёт договорить, перебивая их речь’; *наполза наползой* (горьк.) – ‘о тех, кто *наползит*’ – ‘много, медленно и бесцельно ходит взад-вперёд’; *перегрыза перегрызой*. Разг. – ‘о тех, кто со всеми *перегрызся*’. Неодобр. – ‘переругался, рассорился; *поила поилой*. Разг. О тех, кто *умеет поить* (гостей допьяна), даёт пить что-л. алкогольное; *спаивает* кого-л.; *покидуха покидухой*. Пренебр. О тех, кто часто *покидает* свой дом, семью, оставляет без помощи, без надзора; *потрава потравой*. Прост. О тех, кто много ест; *ненаеда, обжора*: Он (она) (о детях) *смалá потрава потравой*, да не ф коня корм: одне глаза, – не кожи, не рожи; *пустобяка пустобякой* (горьк., калин.) – ‘о тех, кто собирает и разносит сплетни’; *расхлебёня расхлебёней* (горьк.). 1. О неряшливо одетых людях. 2. О разинях; *трещотка трещоткой*. Неодобр. О тех, кто *трещит* – ‘быстро, без умолку говорит, тараторит’; *чупаха чупахой* (влад.) О тех, кто *чупахается* – ‘пачкается, возится в грязи’ и т. д.

Почти все сравнения-уподобления экспрессивны, несут в себе характеристику и оценку негативных действий лиц мужского и женского пола. Исключением служит экспрессивно-окрашенный тавтологизм *работяга работягой*. Разг. Похвально о тех, кто много и хорошо *работает*.

Разноаспектное освещение вопросов экспрессивности в специальной литературе показано в монографии Н.А. Лукьяновой [Лукьянова, 1986: 6–7]. Рассматриваются вопросы экспрессивности и в исследованиях по общим и частным вопросам семантики (В.В. Виноградов, Ю.Д. Апресян, А.А. Уфимцева, Н.Д. Арутюнова, В.Н. Телия, В.Г. Гак, Е.М. Вольф, И.А. Стернин, Т.Д. Сергеева, Дж. Лайонс, Х. Касарес и др.), а также в работах, посвящённых проблемам мотивированности слов (О.И. Блинова), синхронного и диахронного словообразования (Ю.С. Азарх, М.Н. Янценецкая, Б.Я. Шарифулин и др.), звукоподражания и звукоимовности (Ю.С. Азарх, А.П. Журавлёв) и т. д.

Значительно меньше сравнений-уподоблений, представляющих собой «сплав» производных ИС «общего рода», мотивирующихся именами прилагательными (25 единиц). Ср. некоторые из них: *грязнуля грязнулей*. Пренебр. О неопрятном, нечистоплотном (*грязном*) человеке (часто о детях); *злюка злюкой*. Разг. О сердитых, злых людях; *неумеха неумехой*. Разг.-сниж. О *неумелых* мужчине и женщине, которые всё делают плохо; *плосконо́рья плосконо́рей*. Прост. О тех, кто боится «глубокой воды», плосконо́рых; *подлю́га подлю́гой*. Разг.-сниж. О *подлых* людях; *потёма потёмой* (новосиб.) – о «тёмных», скрытных людях; *привере́да привере́дой*. Разг. О *привередливых* людях, которым трудно угодить в чём-л.; *простота́ простотой*. Разг. О людях наивных до глупости (*простых*), недалёких по уму; *простыня́ простыне́й* (горьк.). О людях *простых* – ‘готовых отдать всё, что у них есть, другим; нежадных, добрых, щедрых’; *спеся́га спеся́гой / спеся́га спеся́гой* (горьк., яросл.) – ‘о *спесивых*, надменных, заносчивых людях’; *тихо́ня тихо́ней*. Разг. О *тихих*, смиренных, кротких людях; *тупи́ца тупи́цей*. Разг.-прост. О *глупых* (*тупых*), плохо соображающих людях; *хитрю́га хитрю́гой*. Усилит. О *хитрых*, скрывающих свои истинные намерения, лукавых людях, идущих обманными путями к достижению чего-л.; *щербá щербой* (горьк.) – ‘о людях с беззубыми (*щербатыми*) ртами и потому – с дефектом речи’; *язы́ня язы́ней*. Разг. О *языкатых*, пустых, вздорных болтунах и др.

Для незначительного числа таких ИС сравнений-уподоблений в качестве мотиваторов выступают фразеологизмы: *перемы́ва перемы́вой*. Диал.-прост. О тех, кто *перемы́вает кости* (*косточки*) *других*, сплетничает. ФЕ *перемы́вать* (*перемы́ть*) *косточки*. Прост. Сплетничать, судачить, злословить о ком-л. [ФСРЯ: 316], *плевóтя плевóтей* (пск.) – ‘о вялом, хилом, безвольном человеке, слюнтяе, который *плевка не сто́ит*’. ФЕ *плевка не стоит*. Прост. Не заслуживает внимания, ничтожный [ФСРЯ: 457]; *пустомéля пустомéлей*. Разг. О том, кто любит *молóть языком*. ФЕ *молóть*[*чесать, трещать*] *языком*. Прост. Заниматься пустой болтовнёй, говорить бессодержательное, мало- или ничего незначащее [ФСРЯ: 526]; *трясы́ня трясы́ней*. Прост. О скупых людях, скрягах, что *трясутся над каждой копейкой*. ФЕ *дрожать* [*трястись*] *над каждой копейкой* – ‘быть очень скупым, чрезмерно расчётливым, бережливым’ [ФСРЯ: 146]. Синонимичные *рази́ня рази́ней / разёва разёвой / раз(з)ява раз(з)явой*. Разг. О рассеянных, невнимательных людях. ФЕ *разевать* [*раскрыть*] *рот* – ‘быть крайне рассеянным, невнимательным или неосмотрительным’ [ФСРЯ: 380].

Часть рассматриваемых единиц составляют ИС «общего рода» с множественной (неединственной) мотивацией, имеющие, как правило, по 2 мотиватора: глагол и ИП, глагол и ИС. Единственный пример, в котором ИС имеет 3 мотиватора: глагол, ИП, ИС: *пла́кса пла́ксой*. Разг. О мужчине и женщине, склонных *плакать* от любой обиды, боли и о *плаксивых* людях; *пьянь пьяню*. Презр. / *пьянчу́га пьянчу́гой*. Пренебр. / *пьяница пьяницей*. Неодобр. / *пьянчу́жка пьянчу́жкой*. Смягчит. О тех, кто много *пьёт* спиртного, постоянно *пьяных* (под действием выпитого спиртного). Для ИС синонимичных тавтологизмов *растеря́ха растеря́хой / растёря растёрей*. Разг. мотиваторами служат глагол *растеря́ть* и ИП *расте́рянный*; для ИС в *подковы́ра подковырой*. Разг. – глагол *подковы́ривать* и ИС *подковы́рка*; для ИС в *приди́ра приди́рой*. Разг. – глагол *приди́раться*, ИП *приди́рчивый* и ИС *приди́рка*: ‘те, что *придираются*’ – ‘незаслуженно упрекают кого-л. в чём-л., делают выговор за мелкую или кажущуюся провинность, и *приди́рчивые* – ‘склонные к *приди́лкам*’ – ‘мелочным упрекам, замечаниям’.

Из системных отношений для тавтологически организованных сравнений-уподоблений характерно явление синонимии. Кроме приведённых выше, ср. ещё: *жады́юга жады́гой / жади́на жади́ной*. Разг.-сниж. О *жадных* людях; *зади́ра зади́рой / зади́рала зади́ралой*. Разг. О тех, кто *задирается*; *поверту́ха поверту́хой*. Разг.

Неодобр. / *повертушка повертушкой*. Смягчит. О любящих *повертётся*, непоседливых; *подлипала подлипалой* / *прилипала прилипалой*. Разг. Пренебр. О тех, кто навязчиво добивается чьего-л. расположения, благосклонности; клеится; *потихоха потихохой* (курск.) / *потихоня потихоней* (пск., твер.). О тихонях, скрытных людях; *страшила страшилой*. Разг. / *страхолюда страхолюдой*. Разг.-сниж. О людях с безобразной внешностью, уродливых; *тараторка тараторкой* / *таратора тараторой*. Разг. О тех, кто *тараторит* – ‘говорит быстро, без умолку’; *хрюня хрюней* (нижегор.) / *хрюнька хрюнькой*. Смягчит. / *хрюшка хрюшкой*. Шутл. О неопрятных, испачканных чем-л. людях (в том числе о детях-замарашках). Их семантические объёмы уже по сравнению с тавтологизмом *свинья свиньёй*, поскольку нет семы о ‘поступках, неприличных и грязных’. Синонимичные *шваль швалью* / *шушваль шушвалью* / *шушера шушерой*. Разг.-сниж. с немотивированным значением ‘о ничтожных, дрянных людях’.

В своё время И.Г. Галенко, изучавшая тавтологизмы, пришла к выводу о том, что в таких структурах, организованных «ИС им. пад. + ИС тв. пад.» «вследствие слияния двух рядом стоящих имён существительных, находящихся в разных падежных формах, возникает адвербиальная или адъективная конструкция, причём оба её компонента утрачивают способность выражать предметность и приобретают новое значение...» [Галенко, 1955: 9].

Представляется, что в нашем случае первый компонент (имя существительное в именительном падеже) устойчивого сравнения-уподобления выражает то же значение, что само имя существительное, функционирующее свободно, вне «связи» с его формой творительного падежа. На долю второго компонента приходится своеобразная функция интенсификатора, «усилителя» значения первого компонента тавтологизма, различные экспрессивные коннотации.

Семантика таких тавтологизмов проанализирована в статье А.В. Петрова и Л.А. Петровой «Семантика тавтологических сочетаний модели «Сущ. им. п. + сущ. тв. п.»» [Петров, Петрова, 2015: 394–398].

Нельзя не сказать о том, что тавтологизируются и имена существительные «общего рода», представляющие собой результат вторичной номинации (использование уже имеющихся в системе языка номинативных средств в новой для них функции), обычно отражающие индивидуальное, реже – коллективное (территориальные

диалекты) видение мира, потому являющихся субъективными и случайными. Это, как правило, слова-характеристики человека, основы для переноса значения которых разнообразны: **физическое и моральное состояние**: *тjотя тjотей*. Разг.-сниж. О бестолковом человеке (мужчине и женщине): Нельзя ничево доверитъ: по вjду пошлю', он ыё фсю рызольjд ды рысплескаjт, *тjотя тjотей*. Про невjску тjо же доброва сказаъ нечево, *тjотя тjотей* (горьк.); *судорога судорогой*. Презр. О жадных, до алчности, людях: Ни с кем никогда не поделаяцца, фсё пот сибя гребут. И мужык ы баба – судорога судорогой (горьк.); *склока склокой*. Неодобр. Об интриганах, склочниках, враждующих соседях; **предметы домашнего быта**: *швабра шваброй*. Разг.-сниж. О дрянных, презренных, низких людях (костром., пенз.); *юла jолой*. Разг. Непоседа, егоза, докучливый, льстивый человек; **домашние и дикие птицы, животные**: *курица курицей*. Разг. 1. О человеке, имеющем жалкий вид. 2. О безвольном, бесхарактерном человеке; *тетjря тетjрей*. Неодобр. О глупом или тупом, бестолковом человеке; *собака собакой*. Разг. О злом, жестоком, грубом человеке; **природа**: *сухара сухарой* (пск.) / *сухмьень сухменjм* (морд.). О тощем, больном, худом (*сухом*) человеке (мужчине и женщине); **результат физического труда**: *чjрка чjркой*. Разг.-сниж. О бесчувственном, глупом человеке; **насекомое**: *гнида гнидой*. Презр. Бранно. О мелочном, надоедливом, мерзком, ничтожном человеке: Зноздит ы зноздит день и ночь, ну, *гнида гнидой*, никакова спокою, фсё найдjт, к чему придрацца; **вещество**: *отрава отравой*. Разг. Об отвратительном человеке и т. д.

Примыкают к приведjнным единицам тавтологизмы с немотивированной образностью (устойчивая метафора – результат общественно закреплjнного употребления того или иного слова как компонента структуры «ИС им. пад. + то же ИС тв. пад.»): *недотjпа недотjпой*. Разг. О неуклюжем, неловком, неумелом человеке; *пехтjря пехтjрей* / *прjрва прjрвой*. Грубо. О ненасытном, прожорливом человеке; *простофиля простофилей*. Разг. Глупый, несообразительный человек; простак, несмышлjньш; *прощельга прощельгой*. Бранно. Плут, мошенник, пройдоха; *размахоля размахолей* (волог.) – 'разгильдяй, растрjпа'; *растяпа растяпой*. Неодобр. Неловкий, невнимательный человек; *фаля фалей* – простак, простофиля; разиня; пошляк и невежда; повеса'; *халудора халудорой* (перм.). Негодяй (негодяйка), шваль, оборванец (оборванка); *ханжя ханжой* (вят., новг.) – 'о попрошайках, потаскухах'; *ханыга*

ханьгой (казан., калин., тамб.) – ‘хам (хамка), холуй (холуйка), попрошайка’ и под. Все они связаны если не с увеличением семантической детализации, то с наслоением добавочного смысла. Источники эмоциональной окраски таких тавтологических сравнений-уподоблений различны, но основными из них являются: соотношение наименования с предметами, вызывающими в большинстве своём отрицательные эмоции в человеке; эмоционально-оценочное значение выражено за счёт слов-характеристик; сфера преимущественного использования тавтологизмов (устная речь).

Почти все тавтологизмы, независимо от характера мотивации, являются моносемичными, кроме *мя́мля мя́млей*, *курица ку́рицей*, *расхлебе́ня расхлебе́ней*.

Перспективу дальнейшего специального изучения представленных в данной статье единиц, являющих собой богатство языковых ресурсов и раскрывающих самобытность национальной культуры, как и вообще тавтологизмов, связываем с рассмотрением их в разных стилях речи, компаративным исследованием в системах близкородственных и неродственных языков, с лексикографическим описанием и определением места в языковой картине мира.

Библиографический список

Большой словарь иностранных слов. – М.: Центрополиграф, 2007. – 815 с. – БСИС.

Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. – Санкт-Петербург: Норинт, 2003. – 1535 с. – БТС.

Галенко И.Г. Из наблюдений над удвоением корней, основ, слов // Вопросы русского языкознания. – Львов: ЛГУ им. И. Франко, 1955. – С. 42–55.

Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. – М.: Просвещение, 1969. – 214 с.

Литвинникова О.И. Номинации лица в русской диалектной речи (на примере имён существительных «общего рода» отглагольной производности) // Актуальные проблемы современной лингвистики. Тихоновские чтения: материалы междунар. науч. конф., посвящ. 75-летию проф. А.Н. Тихонова. – Елец; М.: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2006. – Т. 1. – С. 141–151.

Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления. Проблемы семантики. – Новосибирск: Наука, Сибир. отд-ние, 1986. – 227 с.

Мокиенко В.М. Большой словарь народных сравнений / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. – М.: Олма Медиа Групп, 2008. – 800 с. – БНСЧ.

Огольцев В.М. Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии. – М.: Либроком, 2009. – 177 с.

Петров А.В., Семантика тавтологических сочетаний модели «сущ. им. п. + сущ. тв. п.» / А.В. Петров, Л.А. Петрова // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект: материалы 11-й Междунар. науч. конф. – Владимир: Транзит-ИКС, 2015. – С. 394–398.

Ройзензон Л.И. Русская фразеология: учеб. пособие. – Самарканд: СамГУ им. А. Навои, 1977. – 120 с.

Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. – М.: Сов. энцикл., 1967. – 543 с. – ФСРЯ.

Любимова Н.В. (Москва)

МЕДИАЛЬНАЯ ДИГЛОССИЯ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН (НА ПРИМЕРЕ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ ШВЕЙЦАРИИ)

В статье рассматриваются процессы взаимодействия таких форм существования немецкого языка, как литературный стандарт и диалект(ы), которые обладают значительным потенциалом для осуществления коммуникативных действий в бытовых и институциональных ситуациях общения. В центре внимания находится немецкоязычная Швейцария, где коммуникация протекает в условиях медиальной диглоссии. Социокультурная значимость этого явления очевидна, так как переключение кодов никогда не происходит беспричинно и неосознанно. Кроме того, медиальная диглоссия является регулятором письменных и устных форм коммуникации, в развитии которых наблюдаются процессы олитературирования диалектов и становление неформальной письменности.

Ключевые слова: национальный язык; литературный язык; диалект; медиальная диглоссия; код общения; смена кода.

Швейцария традиционно служит примером успешного сосуществования четырёх национальных языков. Так как языки находятся в корреляции с культурой, эту страну можно было бы принять за образец идеальной поликультурной среды, но реальная жизнь обнаруживает множество проблем, особенно актуальных для немецкоязычной части страны.

В статье швейцарской конституции о четырёх языках (немецкий, французский, итальянский и ретороманский) не уточняется, какую именно форму языка следует считать национальным языком. В то же время, в толкованиях основного закона четко определено понятие национальный язык: «Gemeint sind *alle* Formen

der vier erwähnten Sprachen, die schriftlichen und die mündlichen, einschliesslich der verschiedenen Idiome und Dialekte» [Borgh, 2001: 594]*. Следовательно, когда утверждают, что более 60 % швейцарцев являются носителями немецкого языка, имеют в виду не только литературный стандарт, но и множество диалектов алеманнской группы: базельский, цюрихский, бернский, люцернский, аппенцельский, Санкт-галльский и другие. Понятие Schweizerdeutsch (Schwyzerdütsch) представляет собой обозначение группы алеманских диалектов, обнаруживающих общие признаки.

Литературный стандарт немецкоязычной Швейцарии (Schweizerhochdeutsch) отличается от литературных форм немецкого языка, используемого в других немецкоговорящих странах. Эта форма немецкого языка применяется как код письменной речи; как «представительский» код для общения с «чужими», владеющими литературным немецким языком; как конвенциональный или законодательно закреплённый код общения в институциональных и медийных дискурсивных практиках (в системе образования; в СМИ).

Между указанными кодами в немецкоязычной Швейцарии отсутствует переходная форма в виде разговорного регистра (Umgangssprache): эту функцию выполняют диалекты. Диалекты и литературный язык находятся в непосредственном взаимодействии, оказывая друг на друга серьёзное влияние. Сосуществование названных кодов – уникальная особенность языковой ситуации немецкоязычной Швейцарии, которая выражается и в том, что швейцарцы часто переходят с одного кода на другой, что происходит под влиянием внешних или иных ситуативно обусловленных обстоятельств. Решение о смене кода принимается осознанно, швейцарцы никогда не путают регистры и всегда знают, что именно они в данный момент слушают или читают, как они говорят или пишут.

Для обозначения подобной языковой ситуации в лингвистике используется термин *медиа́льная диглоссия*. Под *диглоссией* понимается равноправное функциональное использование регистров одного и того же языка в рамках одного языкового сообщества, а определение *медиа́льный* указывает на форму коммуникации, т. е. её устное или письменное воплощение [Kolde, 1981:37; Werlen, 1998; Nägi, Scharloth, 2005: 24]. Следует обратить внимание на то, что термин *медиа́льная диглоссия* воспринимается амбивалентно,

* «Имеются в виду все формы четырёх упомянутых языков, как письменные, так и устные, включая различные идиомы и диалекты» (здесь и далее перевод цитат выполнен автором статьи. – *Ред.*).

так как понятие диглоссии заведомо содержит оценочный компонент, ведь автор термина *диглоссия* Ч. Фергюсон [Ferguson, 1959: 15] различал высокий (the «high» variety) и низкие («low» varieties) регистры языка. В качестве альтернативы разные учёные предлагали использовать термины *билингвизм* [Ris, 1990: 40–49] или *асимметричное двуязычие* [Werlen, 1998: 22–35], но применительно к немецкоязычной Швейцарии они устраивают не всех, поэтому привычный термин *диглоссия* сегодня остаётся актуальным.

Хотя традиционно считается, что литературный язык – это код для письма в отличие от диалекта, который служит для устного общения, такое правило сегодня нуждается в уточнении, так как неформальная письменность при общении, опосредованном коммуникационными технологиями (электронная почта, SMS, социальные сети), реализуется пользователями на диалекте или на диалектно окрашенном гибридном коде. Кроме того, есть перемены в литературном дискурсе: появилась новая литература на диалекте (например, в жанре *Spoken Word*); диалекты по-разному имплементируются в литературные тексты, возникают гибридные жанры. На диалекте пишутся тексты рэперов, поэтический слэм и др.

В немецкоязычной Швейцарии давно сложился особый рефлексивный дискурс о языке [Hägi, Scharloth, 2005: 24]. Не только лингвисты, но и активные граждане обсуждают проблему использования диалектов и литературного языка. Такая дискуссия может вызвать бурю в общественной жизни, как это случилось в 2010 году после публикации статьи профессора литературоведения Петера фон Матта о конфликте между диалектом и литературным стандартом в сознании немецкоязычных швейцарцев [Matt, 2010: 11–21]. С другой стороны, споры порождают действительно продуктивные идеи. Успешным стал проект газеты *Tages-Anzeiger*, который возник из газетной рубрики, а закончился публикацией двух томиков небольшого диалектного лексикона с информацией о значении частично забытых диалектных слов и выражений, полученной не без помощи читателей [Kalberer, 2011; Meier, Kalberer, 2012].

В дискуссиях о языке есть место субъективным оценкам и эмоциям, особенно когда в них участвуют непрофессионалы. Они утверждают, что литературный немецкий язык вызывает чувство неестественного, безличного кода, который воспринимается как стиль письменной речи. Получается, что литературный немецкий заставляет пользователя почувствовать некоторую неполноценность. Его ассоциативно связывают с произвольным напряжением,

с конкурентной борьбой, со школьными отметками. Диалект же, в противоположность литературному коду, является способом манифестации тёплых патриотических чувств. Он ассоциируется с эмоциями, спонтанностью и юмором. Такие, в целом провокационные, суждения можно услышать в частном разговоре, прочесть в газетной рубрике читательских писем, в блогосфере. Замечено также, что любовь и интерес к диалекту имеют волновой характер [Rash, 2002: 66–71]. Так, с начала нового тысячелетия в немецкоязычной Швейцарии наблюдается повышенная лингвистическая активность.

У учёных есть данные, полученные эмпирическим путем, согласно которым литературный немецкий язык хотя и не является для большинства пользователей иностранным языком, но и родным ими не признается. Так, 52 % из 530 опрошенных взрослых указали диалект в качестве родного, а литературный стандарт в качестве первого иностранного языка (*leicht fremde Sprache, eine <nah verwandte> Fremdsprache*) [Hägi, Scharloth, 2005: 24]. Многие немецкоязычные швейцарцы рассматривают родной язык (Schweizerdeutsch) как код с невысоким статусом по сравнению с другими языками. По данным опроса, проведённого в рамках проекта «Sprachkompetenzen der erwachsenen Bevölkerung in der Schweiz» (linguadult.ch) в 2008 году, 85 % участников опроса признали наиболее статусным английский язык, 51 % голосов получил французский, на третьей позиции оказался испанский язык (22 %). Литературный немецкий (Hochdeutsch) набрал в этом опросе 16 % голосов, и лишь 4 % населения немецкоязычных кантонов отдало голос диалектной форме немецкого языка (Schweizerdeutsch).

И на федеральном, и на кантональном уровнях в Швейцарии уделяется серьезное внимание проблемам, связанным с языками. Наличие в официальном формуляре для переписи населения трёх вопросов о языках (о главном языке, на котором человек думает или которым он лучше всего владеет; о языке, на котором он общается дома / с близкими, а также о языке, на котором опрашиваемые общаются на работе или в учебном учреждении) свидетельствует о выраженном социально-политическом аспекте проблемы. В предусмотренных формуляром ответах все названные языки равноправны, в том числе обе формы немецкого языка – *Hochdeutsch* и *Schweizerdeutsch*.

Власти финансируют множество национальных лингвистических проектов. Формулировки актуальных на сегодня целей и задач

свидетельствуют о том, насколько ответственно воспринимается роль лингвистической составляющей в жизни страны и общества. В национальном исследовательском проекте «Многоязычие и языковая компетенция в Швейцарии»^{*} участвуют университеты Берна, Фрайбурга, Цюриха, Женевы, Базеля, Нойенбурга, Лозанны и др. Так выглядит круг проблем, разрабатываемых авторскими коллективами: язык и школа (какое значение имеет изучение языков на становление идентичности? и др.); языковая компетенция взрослого населения (какие условия стимулируют или сдерживают многоязычие? когда немецкоговорящие швейцарцы используют литературный язык и насколько хорошо они это делают? и др.); язык, право и политика (как реализуется многоязычие в федеральном управлении? и др.); язык и экономика (как многоязычие влияет на будни фирмы? влияет ли рабочий язык фирмы на карьеру? и др.); язык и идентичность (какую динамику обеспечивает многоязычие в Швейцарии?; роль родного языка в идентичности мигрантов; как функционирует многоязычие в армии? и др.).

Профессор Бернского университета Ивар Верлен в статье «Между диалектами и литературным немецким языком» обращался к этой вечной для швейцарской социолингвистики и диалектологии теме [Werlen, 2007: 34–37]. Повод для публикации дали результаты исследования сформированности лингвистических компетенций иммигрантов, которые свидетельствуют о более слабой интеграции этой группы населения в немецкоязычных кантонах по сравнению с франкоязычными кантонами. Верлен предполагает, что причину нужно искать именно в сосуществовании множества диалектов и литературного стандарта, то есть в *медиальной диглоссии*.

Анализ ситуации высвечивает актуальные проблемы. В реальных условиях нельзя говорить о *диалекте вообще*. Швейцарцы, носители разных диалектов, хорошо понимают друг друга. Они уверенно распознают, на каком диалекте общается собеседник. Для нешвейцарцев актуальным является вопрос: нужно ли изучать диалект, если хочешь стать «своим»? Или достаточно использовать литературный код? Но от степени владения диалектом в Швейцарии напрямую зависит проблема национальной и социальной идентичности. Профессор Фрайбургского университета Хелен Кристен

^{*} Nationales Forschungsprogramm NFP56 *Sprachenvielfalt und Sprachkompetenz in der Schweiz*. – URL: http://www.nfp56.ch/d_projekt.cfm?kati=5 (дата обращения: 04.04.16).

в беседе с журналистом газеты *Tages-Anzeiger* (19.10.2010) так ответила на этот вопрос: «Bei Touristen ist es für mich eine Frage des Anstandes, ins Hochdeutsche zu wechseln. Bei Immigranten benutze ich nach einer gewissen „Inkubationszeit“ Mundart. Ich gehe davon aus, dass die meisten sogar froh darüber sein dürften, weil ich sie auf diese Weise nicht länger wie Fremde behandle. Mundart signalisiert auch Zugehörigkeit»* [Christen, 2010].

Диалект без сомнения является сигналом об идентичности языковой личности и фактором её признания в социуме. Второе поколение мигрантов пользуется диалектом вполне уверенно, однако бывает и так, что опытное ухо швейцарца определяет говорящего как чужого, освоившего диалект лишь в какой-то степени. Этнолектически окрашенный говор идентифицируется по характерным фонетическим признакам, по использованию примитивных сигнальных слов и прочим подобным признакам [Dürscheid, 2011: 132].

Ещё одна проблема находится в сфере школьного образования. Известно, что в школах немецкоязычных кантонов Швейцарии обучение ведётся на литературном немецком, и швейцарские школьники изучают его на уроках языка и литературы так, как изучали бы иностранный язык со всеми парадигмами и правилами. Приоритетными компетенциями являются письмо и чтение, становление устной речи на литературном немецком языке происходит отчасти спонтанно, под влиянием СМИ и современных информационных технологий. Диалект как объект изучения школа в целом игнорирует, так как он является для швейцарцев чем-то естественным, само собой разумеющимся: «Die Schule vernachlässigt Dialekte als Unterrichtsgegenstand. Zwar reden alle Schweizerdeutsch, aber keiner redet über das Schweizerdeutsch»** [Werlen, 2007: 35]. Однако сегодня в этой сфере наметились изменения: женеvский департамент образования пытается внедрить в школах проект о знакомстве с алеманнскими диалектами, так как, с точки зрения будущей карьеры, для франкоязычных граждан диалект гораздо полезнее ли-

* «Когда речь идет о туристах, для меня переход на литературный язык – это вопрос приличия. В случае с иммигрантами я после некоторого “инкубационного периода” использую диалект. Я исхожу из того, что многие из них должны бы радоваться, так как я таким образом больше не обращаюсь с ними, как с чужими. Диалект сигнализирует о принадлежности».

** «Школа игнорирует диалекты как предмет изучения. Хотя все и говорит на швейцарском диалекте, никто не говорит о швейцарском диалекте».

тературного стандарта. Правда, речь не идёт об изучении диалектов, целью в большей мере является постижение диглоссии. Есть интересные проекты и в итальянской Швейцарии.

Лингвисты полагают, что диглоссию следует воспринимать без излишнего драматизма. Нужно уделять больше внимания процессам взаимодействия диалектов и литературного языка в разных ситуациях приватного и институционального общения.

Библиографический список

Borghi M. Langues nationales et langues officielles // Thürer D.; Aubert J.-F.; Müllert J. P. (Hg.). Verfassungsrecht der Schweiz. – ZH: Schulthess, 2001. – 1450 S.

Christen H. Bei Immigranten benutze ich nach einer «Inkubationszeit» Mundart / Interviewte P. Zweifel // Tages Anzeiger. – 2010. – 20 Okt.

Dürscheid C. «Beschte wos je hets gits». Jugendliche im Gespräch // Der Sprachdienst / Hrsg. von A.-E. Ewels. – 2011. – H. 5. – S. 131–134.

Ferguson C.A. Diglossia // Word: Journal of International Linguistic Association. – 1959. – Nr. 15. – P. 325–340.

Hägi S. Ist Standarddeutsch für Deutschschweizer eine Fremdsprache? Untersuchungen zu einem Topos des sprachreflexiven Diskurses / S. Hägi, J. Scharloth // Linguistik online. – 2005. – Vol. 24. – URL: <https://bop.unibe.ch/linguistik-online> (датаобращения: 03.04.16).

Kalber G. (Hg.). *Dialektisch*. Was Dialekt ist. – ZH: Dörlemann, 2011. – 128 S.

Kolde G. Sprachkontakte in gemischtsprachigen Städten. Vergleichende Untersuchungen über Voraussetzungen und Formen sprachlicher Interaktion verschiedensprachiger Jugendlicher in den Schweizer Städten Biel/Bienne und Fribourg/Freiburg i.Ue. // Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik. – H. 37. – Wiesbaden: Steiner, 1981. – 474 S.

Matt von, P. Vom Abwehrkampf der Spargeln gegen den Spargel. Hochdeutsch versus Schweizerdeutsch // Tintenfass. Das Magazin für den überforderten Intellektuellen. – 2010. – Nr. 34 – S. 11–21.

Meier S. *Dialektisch 2*. Was Dialekt ist / S. Meier; G. Kalber (Hg.). – ZH: Dörlemann, 2012. – 128 S.

Rash F. Die deutsche Sprache in der Schweiz: Mehrsprachigkeit, Diglossie und Veränderung. – Bern; Berlin; Bruxelles et al.: Lang, 2002. – 294 S.

Ris R. Diglossie und Bilingualismus in der deutschen Schweiz: Verirrung oder Chance // Vouga J.-P.; Hodel M. E. (eds.): La Suisse face à ses langues – Die Schweiz im Spiegel ihrer Sprachen: Neue Helvetische Gesellschaft, Jahrbuch 1990/91. – Aarau; Fr. a. Main; Salzburg: Sauerländer, 1990. – S. 40–49.

Werlen I. Mediale Diglossie oder asymmetrische Zweisprachigkeit? Mundart und Hochsprache in der deutschen Schweiz // *Babylonia*: Schweizerische Zeitschrift für Sprachunterricht und Sprachenlernen (hrsg. von Stiftung Sprachen und Kulturen). – 1998. – H. 1. – S. 22–35.

Werlen I. Zwischen Dialekten und Hochdeutsch // *Terra cognita*. – 2007. – Nr. 10. – S. 34–37.

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЕДИНИЦ МИКРОПОЛЕЙ
ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ПРИРОДА»
С ЕДИНИЦАМИ СМЕЖНЫХ ПОЛЕЙ
«ВРЕМЯ», «ПРОСТРАНСТВО»
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Н. А. НЕКРАСОВА)**

В статье предпринята попытка анализа взаимодействия диалектных единиц микрополей лексико-семантического поля «природа» с единицами смежных полей «время», «пространство». Изучение диалектной лексики, извлечённой из произведений Н.А. Некрасова, позволило сделать вывод о том, что семантические поля не разделены жёсткими преградами, взаимодействуют друг с другом; обнаруживают сферы притяжения и отталкивания, обусловленные наличием общих и дифференциальных признаков. Проведённый анализ позволил определить, как, в каких лексических единицах идёт опредмечивание материального мира, как на лексическом уровне «членился» опыт народа.

Ключевые слова: лексико-семантическое поле; микрополе; диалектная лексика; взаимодействие единиц ЛСГ (микрополей); ядро ЛСГ; периферия ЛСГ.

Важной характеристикой лексико-семантического поля «природа» является взаимодействие единиц его ЛСГ (микрополей) с единицами смежных полей «время», «пространство». Лексические единицы, составляющие ядро ЛСГ, обладают высокой степенью спаянности слов по значению. Это выражается в регулярных семантических отношениях (гипонимии, синонимии, антонимии и др.). Область периферии ЛСГ является изменчивой: в её элементах отсутствует строгая упорядоченность признаков в структуре лексического значения. На первый план выдвигаются то одни, то другие признаки, позволяющие этим элементам входить в состав других микрополей. Тем самым все ЛСГ оказываются связанными между собой. Это, по мнению Ю.Д. Апресяна, обеспечивает непрерывность семантического пространства и подтверждает тот факт, что изолированных семантических явлений в языке не существует [Апресян, 1974: 243].

Пространство и время как важные формы существования объективных явлений пронизывают всю жизнь и деятельность человека «независимо от его сознания, мысли» [Хренов, Голуб, 1992: 43]. В сознании человека существует представление о времени как о событиях, явлениях, последовательно повторяющихся (циклическое

время), и о времени как об одноплановом поступательном движении (линейное время, то есть историческое). Обыденное сознание выделяет прежде всего «циклическое время», так как «в процессе времени повторяется один и тот же онтологически заданный текст» [Успенский, 1994: 39].

Изменения в природе происходят в данном пространстве и в данное время. Природные явления, существующие во времени и пространстве, – сфера внеязыковой действительности, однако объективная связь понятий «природа», «время», «пространство» закрепляется в языке в соответствующих наименованиях. Компонентный анализ значений слов помогает вскрыть внутренние механизмы семантической сочетаемости слов.

Связь понятий «природа» и «время» находит выражение в народном календаре, который является частью народной культуры. Народный календарь – своего рода энциклопедия крестьянского быта с его праздниками и буднями. Он включает в себя знание природы (наблюдения в форме примет), сельскохозяйственный опыт (рекомендации в виде пословиц и поговорок), обряды, нормы общественной жизни. Крестьяне, осознавая время как «вместительницу жизни, заполненное событиями», составляли календарь с учётом природных явлений. Одним из значимых в понимании ярославско-костромского крестьянства было время пробуждения природы, которое в народном календаре края получило название *Зелёный Шум*. Н.А. Некрасов актуализирует данный устойчивый оборот в одноимённом стихотворении: *Идёт-гудёт Зелёный Шум, Зелёный Шум, весенний шум... Шумит тростинка малая, Шумит высокий клён... Шумят они по-новому, По-новому, весеннему...** Наименование начала весны в говорах образно. Лексема *шум* имеет значение ‘совокупность неясных глухих звуков, сливающихся в однообразное звучание’ [СРЯ, 4: 736]. Народный эпитет к слову *зелёный* включает название в метафорический континуум диалектной лексики и фразеологии: многоголосье природы обретает «цветовую окраску» пробуждения мира.

Временной канвой для народного календаря служили православные святцы, дни поминовения христианских святых. Имена святых были для крестьянина основой запоминания сроков начала и окончания сельскохозяйственных работ. Составной частью

* Фактический материал цитируется по изданию: Некрасов Н.А. Полное собрание сочинений и писем / под общ. ред. В.Е. Евгеньева-Максимова, А.М. Еголина, К.И. Чуковского. – М.: Гос. изд-во худож. лит., 1948–1952.

народного календаря является Семёнов день – день памяти Симеона Столпника (1 (14) сентября), с которым связано множество русских пословиц и поговорок: *Семён лето провожает, бабье лето наводит; На Семён-день до обеда паши, а после обеда на пахаря вальком маши; Семён-день – семена долой*. Во многих губерниях России, в том числе и Костромской, с этим днём был связан крестьянский обряд выведения из младенчества: *На Семёна дитя постригай, на коня сажай и на ловлю в поле выезжай* [Народный календарь: 13]. В ярославско-костромских землях обряд называли *постриги и сажение на коня отрока, сажение на бурушку*. Н.А. Некрасов актуализирует значимый в традиционной народной культуре обычай, вкладывает рассказ о нём в уста Матрёны Тимофеевны Корчагиной, жительницы Корёжины Костромской губернии: *В день Симеона батюшка Сажал меня на бурушку И вывел из младенчества По пятому годку, А на седьмом за бурушкой Сама я в стадо бегала...* («Кому на Руси жить хорошо»). Лексема *бурушка*, часть номинативного ряда костромского крестьянина, приобретает символический смысл в народном сознании через пересечение понятий «время», «человек» (переход от младенчества к взрослой жизни; наступление бабьего лета) и «живая природа».

Компонентный анализ лексем, связанных с обозначением дождя в произведениях Н.А. Некрасова, показывает, что взаимодействие полей «погода» и «время» чаще наблюдается в семе 'в данное время', которая показывает связь атмосферных явлений с локализованностью по времени. Это прослеживается в структурно-семантических конфигурациях, содержащих единицы литературного языка: *Вот и Качалов лесок, Вот и пригорок последний. Как-то шумлив и легок Дождь начинается летний* («Деревенские новости»), а также в контекстах, включающих диалектные раритетные лексемы. Так, лексему *паморха* Некрасов актуализирует в эпистолярной прозе, выступая в роли внимательного лексикографа.

Слово *паморха*, по наблюдениям поэта, имеет значение 'мелкий-мелкий, нерешительный, сеющий, как сквозь сито и бывающий летом дождь'. Значение слова *паморха* как слова, входящего в обширную парадигму диалектизмов с древнейшей приставкой *па-* (**pa-*), более полно позволяют представить данные областных словарей, словаря В.И. Даля: *па́бида, па́беда* – 'досада, небольшая беда, неприятность' (пск., твер.), *па́бедки* 'небольшие беды, неудачи'; *па́вель* 'вторая ветка, второе разделение ветвей' (олон.,

курск.); па́гроза ‘небольшая гроза’ (северн. говоры); па́росль ‘мелкий молодой лес, поросль’, па́ветье ‘мелкие, второго разделения ветви’ (олон., курск.) [Даль, 3: 4, 5, 43]. Таким образом, приставка *па-* в говорах чаще всего имеет значение ‘небольшой по размеру, количеству, степени проявления качества или действия’. Слово па́морха не фиксируется областными словарями. Факт русского народного языка, отмеченный Некрасовым, является раритетной лексической единицей. Однако СРНГ содержит фонетические и акцентологические варианты данного слова с тождественными либо близкими лексическими значениями *па́морга* (*памóрга*) ‘мелкий дождь’; *па́морка* ‘мелкий дождь, изморось’; *па́мороча* – то же, что и па́морка. СРНГ фиксирует также целый ряд одногнездовых в словообразовательном плане слов с древней приставкой *па-*: *па́мга* ‘туман, выпадающий в виде мелкого дождя, пасмурная погода с мелким дождём’; *па́мора* – то же, что и памга; *па́мороч* ‘пасмурная погода с мелким дождём’, ‘частый, мелкий дождь в виде тумана’; *па́морось* ‘очень мелкий дождь’; *па́моха* ‘вредный для растений туман с дождём в июле’ [СРНГ, 25: 184–186]. Большая часть рассматриваемой нами лексики имеет отчётливые связи с севернорусскими, западнорусскими говорами, что отражено областными словарями, пометами ТСЖВЯ В.И. Даля, Академическими словарями 1822, 1959 гг. Диалектизмы, представленные нами, отражают и общеславянские концепты, этимологически восходят к общеславянскому **morǫ*. Их изоглоссы, по данным ЭССЯ, выходят за пределы русской лексической системы: болг. диал. *Марóша* в значении ‘мелкий дождь’ (Сцяшковіч. Слоўн); *мо́рась*, *мо́рысь* ‘моросящий дождь’ (Юрчанка, Мсцісл.); *мо́рась* ‘мелкий дождь’ (Бялькевіч. Маріл.); *мо́рысь* ‘мелкий дождь, туман’ (Народнае слова), *ма́рась* ‘мелкий дождь с туманом’ (Сцяшковіч. Слоўн), *моросá* ‘мелкий дождь, медлительный человек’ (Тураўскі слоўнік); укр. диал. *Мо́рос* ‘мокрая сырая, с затяжными дождями погода’ (Никончук. Матеріали до лексичного атласу української мови) (Правобережне Полісся) [ЭССЯ, 1992: 232].

Значение, в котором слово употреблено в некрасовском контексте, через набор сем отражает содержание понятия *паморха*. Обобщённая сема ‘дождь’ представляет отражение соответствующего метеорологического явления; одна из дифференциальных сем, ‘бывающий летом’, локализует значение в зависимости от времени. А.А. Зализняк данное языковое явление определяет как результат «семантической деривации» [Зализняк, 2001: 13].

Анализ лексемы *бычок*, связанной с обозначением облака, выявляет совмещение в ней темпоральной и погодной сем. Слово *бычок* использовано поэтом в поэме «Коробейники» в значении ‘небольшое облако, являющееся предвестником дождя, грозы’: *Дождик, что ли, собирается, Ходят по небу бычки*. Функция центральной семы ‘небольшое облако’ состоит в отражении содержания понятия облако, дифференциальной семы ‘предвестник дождя, грозы’ – в указании на соотносённость нескольких метеорологических явлений по времени.

Взаимодействие полей «природа» и «пространство» чаще наблюдается в семе ‘в данном месте’, которая показывает связь явления природы с локализованностью по месту.

Лексема *верховой* использована Н.А. Некрасовым в значении ‘дующий с верховьев реки’: *Играючи, расходится Вдруг ветер верховой: Качнёт кусты ольховые, Подымет пыль цветочную, Как облако: всё зелено, И воздух и вода...* («Зелёный шум»). Сема ‘в данном месте’ отражает приуроченность погодного явления к конкретной локализации в пространстве («с верховьев реки»), которая нашла отражение в номинации. По данным ЯОС, сочетание *ветер верховой* является устойчивым оборотом. Его функционирование в ярославско-коstromских говорах связано с определением направления ветра: «Направление ветра определяют по звуку: если слышно стук парохода снизу, будет *низовой ветер*; если сверху подует – *верховой*» (примета у стонщиков леса) [ЯОС, 2: 6]. Устойчивое функционирование диалектизма отражено в современной топонимической системе коstromского края: *Низовое Черницыно, Верховое Черницыно* (Сусанинский р-н).

Компонентный анализ лексемы *мошник*, связанной с номинацией птицы тетерев в произведениях Н.А. Некрасова, выявляет совмещение локальной (пространственной) и «природной» сем в семе ‘в данном месте’. Лексема *мошник* употреблена Н.А. Некрасовым в значении ‘тетерев, обитающий среди мхов’. Обобщённая сема ‘тетерев’ представляет отражение соответствующего «фрагмента, кусочка действительности»; дифференциальная сема, ‘обитающий среди мхов’, локализует значение в зависимости от места обитания птицы, обуславливает номинацию.

Взаимодействие полей «природа», «пространство», «время» выявляется в ходе компонентного анализа лексемы *талиночка*, образованной от глагола *таять* ‘превращаться в жидкое состояние под действием тепла, влаги’ [СРЯ, 4: 343]. Слово *талиночка*

в некрасовском контексте (*На белом снежном саване Ни талой нет талиночки – Нет у солдатки-матери Во всём миру дружка*) имеет значение ‘оттаявшее место, проталина весной’. Данное значение через набор сем отражает содержание понятия *проталина*. Обобщённая сема ‘оттаявшее место’ представляет отражение соответствующего природного явления – таянья снега в конкретном, локализованном месте (пространстве); одна из дифференциальных сем, ‘весной’, выявляет специфику значения в зависимости от времени.

Как известно, в целом парадигматическая структура лексико-семантических групп имеет полевой характер. Диалектная лексика, актуализированная в контекстах Н.А. Некрасова, тяготеет к периферии каждой из рассмотренных ЛСГ. Этой лексике свойственна маркированность, способность «втягиваться» в сферу других семантических групп.

Анализ диалектной лексики в произведениях поэта позволяет сделать выводы о том, что семантические поля не разделены жёсткими преградами и часто взаимодействуют друг с другом; обнаруживают сферы притяжения и отталкивания, обусловленные наличием общих и дифференциальных признаков. По мере приближения к периферийным областям смысловые связи в семантическом поле значительно ослабевают, образуя зоны семантического «возмущения», в которых отдельные элементы поля (семантические признаки, ЛСВ или слова в целом) либо вовсе отрываются от него, либо становятся принадлежностью сразу двух или нескольких семантических полей.

Изучение вопросов взаимодействия единиц микрополей разных ЛСП на материале произведений Н.А. Некрасова помогает вскрыть, как, в каких лексических единицах идёт опредмечивание материального мира, как на лексическом уровне «членился» опыт народа.

Библиографический список

Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. – М.: Наука, 1974. – 367 с.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: Рус. яз., 1989–1991.

Зализняк А.А. Семантическая деривация в синхронии и диахронии: проект «Каталога семантических переводов» // *Вопр. языкознания.* – 2001. – № 2. – С. 13–25.

Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Рус. яз., 1981–1984.

Народный календарь: круглый год. – М., 1999. – 113 с.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. – Вып. 1– / сост. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов. – М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–.

Успенский Б.А. Избр. тр. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. – М.: Гнозис, 1994. – 432 с.

Хренов Л.С. Время и календарь / Л.С. Хренов, И.Я. Голуб. – М.: Наука, 1989. – 128 с.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 19 // под ред. О.Н. Трубачёва. – М.: Наука, 1992. – 254 с.

ЯОС – Ярославский областной словарь: в 10 вып. // под ред. Г.Г. Мельниченко. – Ярославль, 1989–1991.

Михайлова Л.П. (Петрозаводск)

ИСТОРИЧЕСКИ ОБУСЛОВЛЕННЫЕ ФОНЕТИЧЕСКИЕ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ДИАЛЕКТНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ)*

Материалом исследования для статьи избрана диалектная лексика традиционного ткачества. Представлены слова, в которых начало корневой морфемы противопоставлено заднеязычными и свистящими звуками [к] и [ц]. Данное явление связано со второй палатализацией, осуществившейся не на всей территории русских говоров. Описывается ареал слов кевца – цевка, кеп – цеп. Причины различий объясняются финским субстратом.

Ключевые слова: диалектная лексика; этнические контакты; фонетические процессы; лингвистическая география.

Профессиональная лексика, зафиксированная в диалектных словарях, в настоящее время находится в пассивном запасе носителей региональной речи, а обозначаемые реалии стали достоянием истории народной культуры. В центре нашего внимания находятся народные текстильные термины, имеющие одинаковые глубинные истоки, но приобретшие разный фонетический облик в процессе длительного исторического развития на разных территориях восточнославянского мира. Конкретный анализируемый материал – сведения, извлечённые из работ, посвящённых лексике народного ткачества в костромских [Громов, 1992], новгородских [Михайлова, 1970] и рязанских [Чумакова, 1995] говорах. Названные говоры входят в разные диалектно-территориальные

* Исследование выполняется при финансовой поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.
© Михайлова Л.П., 2016

единицы, что может служить основанием для выяснения общих и различительных признаков формы и семантики родственных слов, исторической обусловленности фонетических противопоставлений корневых морфем.

Разница в фонетическом облике корня, прежде всего его начальных звуков, может возникать, во-первых, по причине отклонений от закономерного протекания конкретных фонетических изменений, в частности, приостановки действия фонетического закона, во-вторых, по причине внешнего языкового воздействия, особенно в условиях соприкосновения с иноструктурной системой. В связи с этим обратим внимание на явление, демонстрирующее неодинаковые звуки в начале корня этимологически родственных слов, которые относятся к диалектно-профессиональной лексике.

1. В некоторых славянских терминах традиционного ткачества проявилось действие закона второй палатализации, что подтверждается исследователем ремесленной терминологии славянских языков О.Н. Трубачёвым, отмечавшим, что на основе праслав. **cěva*, **cěvъ* ‘цевка, трубочка, шпулька для навивания уточной ткани’ возникли болг. *цeвия*, сербохорв. *цијев*, словен. *cev*, чеш. *céva*, *cívka*, слвц. *ceva*, в.-луж. *сува*, н.-луж. *sewa*, польск. *sewa*, *sewka*, русск. *цѣвка*, укр. *ціва*, *цівка*, блр. *цѣвка*, и предполагавшим более общее первоначальное значение слова **cěva* ‘трубочка’, которое «продолжает более древнее **kojǫā*, родственное, как известно, лит. *šaivà*, *šaivà* ‘цевка’, лтш. *saiva* ‘челнок для плетения сетей’, с той разницей, что балтийское слово продолжает форму **kojǫā*» [Трубачёв, 1966: 112].

В описываемых нами говорах картина неоднозначная. В южнорусских говорах *цeвка* ‘трубочка из стебля малины, белены или бузины (с проткнутой сердцевинкой) до 20 см. в длину; служит для наматывания уточной нити’ Богосл. Ряз. [Чумакова, 1995: 70]. Ю.П. Чумакова отмечает, что слово *цeвка*, будучи общеславянским и общерусским, изменило семантику: «В истории русского языка этот термин пережил сужение значения под воздействием восточнославянского новообразования “катушка” и сохраняется лишь как название трубочки для утка» [Чумакова, 1995: 70]. Слово *цѣвка* ‘деревянная или берестяная трубочка в скальне, на которую навивают уточную нить’ известно повсеместно в костромских говорах по р. Унже [Громов, 1992: 66]. Слово *цѣвка* ‘деталь ткацкого стана, трубочка, на которую навивают нить’ известно и говорам Буйского и Солигаличского районов Костромской области [Ганцовская, 2015: 409].

Слово *цѣвка* ‘небольшая трубочка из дерева или бересты, реже из бумаги, на которую наматываются нити утка; вставляется в челнок’ отмечено в разных районах Новгородской области: Батецком, Дрегельском (ныне входящем в состав Любытинского), Крестецком, Любытинском, Молвотицком, Мошенском, Окуловском, Поддорском, *кивца́*, *кивѣчка* в Любытинском [Михайлова, 1970: 254, 322]. В современном словаре новгородских говоров представлены два варианта – *кеви́ца* и *кивца́* ‘цѣвка’ с пометой «пец.»: *кеви́ца* – Новг., Др., *кивца́* – Бор., Люб., Мош., Тихв., Хв., Чуд. [НОС, 2010: 379–380]. Параллельно в говорах Новгородского района фиксируется единичный вариант *тви́ца* [Там же]. Эти данные свидетельствуют об отсутствии чёткой границы между ареалами слов с *це-* и *ке-/ки-* и перемежающихся лексических изоглоссах, следовательно, о тесном соседстве в пределах Новгородской земли славянского населения, живущего в условиях единства собственной этнической общности, с одной стороны, и, возможно, сильного воздействия прибалтийско-финской фонетической системы, для которой не характерно наличие аффрикаты [с] в начале слова [Лаанест, 1975: 28], с другой стороны.

Далее, не приводя различных формулировок для описания реалии, то есть цѣвки, приняв наиболее краткое и, на наш взгляд, отражающее суть токование ‘шпуля, вставляемая в челнок’ [ПОС, 14: 92], приведём названия данной детали в других известных словарях с указанием географии. Сводный словарь русских говоров – СРНГ – приводит сведения от середины XIX в. до начала 70-х гг. XX в.: *кевѣц* Прионеж. КАССР, Днов., Стругокрасн. Пск., *кевѣчка* Медвежьегор. КАССР, Пск., *кѣвка* и *кѣвочка* Няндом. Арх., Сланц. Ленингр., Гдов., Ляд. Пск., *кѣвца* Медвежьегор. КАССР, Пск., Палк. Пск., *кивѣц* Олон., *кивѣц* Прионеж. КАССР, Днов., Стругокрасн. Пск., *кивѣчка* Лодейноп. Олон., Капш. Ленингр., *кивѣчка* Медвежьегор. КАССР, *ки́вца* Олон., Север., Медвежьегор. КАССР, Ленингр., *кивца́* Борович. Новг., *кивций* Кем. Арх. [СРНГ, 13: 172, 196–197]. Данные других словарей уточняют географию слов с начальным *ке-/ки-*. Сведения по говорам Карелии и близлежащих территорий: *кивенка* Кондоп. Карел., *кивѣц* Кондоп., Медв., Прион., Пуд. Карел., *кивѣчка* Медв., Пуд. Карел., Кириш., Подп., Тихв. Ленингр., *кивта* Пуд. Карел., , *кивьт* Севмор. Мурман., *кивца́* Кондоп. Карел., Кириш., Тихв. Ленингр. [СРГК, 2: 343–344], *кивца* и *кивца́* Выт. Волог. [СГРС, 5: 126]; по псковским говорам и примыкающим к ним говорам Сланцевского района Ленинградской области: *кѣвка* Гд., Пл.,

Сланц., *кевеџ* Дн., Стр., *кевѣчка* Гд., Ляд., Остр., Палк., Пл., Пск., Стр., *кевочка* Гд., Ляд., *кевѣца* Н.-Рж., Оп., Остр., Палк., Печ., Пл., Пушк., Пыт., *кевѣца* Кар., Кр., Оп., Остр., Палк., Порх., Пск., Пушк., Пыт., Сл., Сош., Стр., *кевѣцо* Палк. [ПОС, 14: 92–93].

2. Подобная ситуация прослеживается в словах с корнем *кеп* ~ *цеп*. Праслав. **сѣръ* – «отглагольное имя от **сѣрѣти* ‘расщеплять, раскалывать’ < **(s)koj-p-*» [Трубачёв, 1966: 133]. Рязанским говорам известно слово *цепок* ‘один ряд петель в «ниченках»’, ‘одна ниченка, т. е. каждый двойной ряд петель, натянутых между двумя палочками’. От количества взятых для тканья «цепков» зависит способ переплетения нитей, т. е. рисунок ткани. *Прастѡй холст ткѣѣца в 2 цапкѣ, а сталѣшник – ф 4* (Попадьино); *Па-реднѡм ткѣли ткали ф 4 цапкѣ* (Гладкие Выселки Богосл. Ряз.) [Чумакова, 1995:75]. В говорах по р. Унже слова *цепы́* (Мант. Гусево, Меж. Петровка) и *цепкѣ́* (Мант. Ефимово, Самылово, Фатьяново, Кол. Высоково-Полома, Меж. Алешково) являются семантическими эквивалентами широко известного термина *нит*, чаще мн. *ниты́* ‘подъёмная деталь ткацкого стана – род соединенных попарно нитяных петель, собранный на двух параллельных палочках; нити с продетыми в них нитями основы служат для образования зева при тканье’ [Громов, 1992: 63–64]. Н.С. Ганцовская отмечает форму *цеп* с пометой «пец.» в значении ‘ниченка ткацкого стана, через которую пропускаются нити основы’ в говорах Буйского района Костромской области [Ганцовская, 2015: 410]. На территории Новгородской области слово *цепы́* ‘деталь ткацкого станка, состоящая из ряда нитяных петель, укрепленных на двух параллельных палочках; служит для подъёма и опускания нитей основы’ отмечено в говорах Уторгошского и Мошенского районов [Михайлова, 1970: 317].

В новгородских говорах более широко распространена слова *кеп* и *кип* ‘устройство из сцепленных попарно нитяных петель, служащее для образования зева в нитях основы; ниченки’ Люб., Сол., Маловиш., Мош., Уторг., Опеч. [Михайлова, 1970: 84–85, 323–324]. Иллюстрации данного значения: *До двена́дцати кепов ткали. Подвеша́ть на́до было двена́дцать кепов. Кеп – ниченка* (Уторг. Большой Уторгош); *Кеп – это две палочки, они бато́жкам называ́лись. В кѣпе два бато́жкѣ. За бато́жкѣ ниченкѣ заце́плены. Ке́пы веша́ют на две ца́пки. В восьмикѣпину́ нужно было во́семь кепов* (Дрег. Вергиши) [Там же: 323]. Слово *кип*, чаще *кипо́к* известно также в значении ‘две нити в ниченках, сцепленные друг с другом, прикреплѣнные к разным палочкам и составляющие одну

петлю»: *Кип* – это две *ни́ченки* в *ни́ченках-то*. Вот идёт *кипо́к*, две *ни́точки*, а посередине *колокольчик*, а потом опять *кипо́к* (Маловиш. Кирова).

Информативность употребления родственных слов – с корнями *цеп-* и *кеп-/кип-* – в исследуемых источниках существенно различается. В говорах по р. Унже отмечено слово *одноце́пица* ‘нарушение очерёдности в подаче нитей основы в ниченки: вместо одной нитки в одну ниченку продеваются две нитки рядом и даже в один колоколец’ повсеместно в говорах по р. Унже [Громов, 1992: 72]. Надо полагать, что в этих, как и в рязанских, говорах соответствующая лексика то ли не зафиксирована, то ли вовсе отсутствует. Новгородские говоры изобилуют названиями тканей, при изготовлении которых использовалось разное количество ниченок, образующих зев, для выработки ткани с разными узорами. Приведем эти названия тканей, зафиксированные нами в в 50-60-е гг. XX в., не толкуя всякий раз слово, при этом следует иметь в виду, что при изготовлении того или иного вида ткани используется соответствующее количество ниченок – *кепов/кипов*: *треки́пина*, *трёхки́пина*, *трёхке́пина*, *трёке́пчина*, *трёхкипо́вина*; *четыреки́пина*, *четырёхке́пина*, *четыреки́пный*, *четырекипо́вина*, *четырекипо́вный*; *пятики́пина*, *пятикипо́вина*, *пятики́пина* *пятикё́пный*; *шестике́пина*, *шестики́пный*, *шестикипо́вина*, *шестикипо́вный*; *семике́пина*, *семики́пина*, *семикипо́вина*, *семикё́пный*; *восьмикё́пина*, *восьмикипина*, *восьмитё́пина*, *осьмикё́пина*, *восьмикипо́вина*; *десятикё́пина* [Михайлова, 1970: 353–356, 367, 381–382]. Подробная география данных слов описана в статье, посвящённой названиям тканей [Михайлова, 1976: 64–65]. Подавляющее большинство лексем имеют корень *кеп-/кип-*, и лишь небольшой ареал, включающий западные районы Новгородской области – Марев., Поддор., Холм., – выделяется использованием слова с корнем *цеп-*: *восьмице́пина* [Там же: 64]. Среди представленных названий тканей с корнем *кеп-* отмечено и редкое *двекё́пина*, *двукё́пина* (Сол. Б. Уторгош.) [Там же].

Список слов с корнем *кеп-* дополняется названиями тканей, известными псковским говорам: *восьмикёпина*, *восьмикёпнок*, *восьмикипник*, *двукёпина*, *пятикёпина*, *четырёхкёпина* [Большакова, 2012], что может выступать свидетельством единства языка древних новгородцев и псковичей на определённом этапе его развития, иных путей протекания общеславянских фонетических процессов на северо-западе славянского мира.

Ср. слова, связанные с обозначением цепа в псковских говорах: 1. 'ручное орудие для молотьбы из рукоятки и подвижного била, цеп' – *кеп* Пск., Новг., *кепóк* Остр., *кевёц* Стр., *кевалка* Пск., *кевúшка* Беж.; 2. 'часть цепа – короткая палка, ударяющая по снопам' – *кеп* Гд., Стр., Палк., Порх., *кепáк* Кар., *кепéтик* Пл., Ляд., *кёпеть* Остр., *кепёц* н.-Рж., Стр., Порх., Гд., Остр., Палк., Пушк., *кепítтик* Гд., *кепóк* Оп., Пушк., Локн., Н.-Сок., Остр., Себ., Стр., *кевёц* Сл., Кр., Остр., *кевіна* Стр., *кевóк* Сл.; 3. 'рукоятка цепа' – *кеп* Печ., *кепёц* Стр., Пав., *кепóк* Сл., *кевь* Печ., *кивь* Слан., *кевіна* Сл., Оп., Ляд., Гд., Остр., Палк., Порх., Пушк., Стр. (ПОС, 14: 92, 96).

Как видим, в приведённых словах перед гласным [*e*] (< *ě* < **oi*), варьирующимся с [*u*], в русских говорах Северо-Запада и части Севера не произошло изменение заднеязычного согласного в свистящий, как в остальных русских говорах. Сохранение в исконных словах начальных сочетаний заднеязычных согласных с гласными переднего ряда *ки-*, *ке-* обязано прибалтийско-финскому влиянию, о чём писала С.М. Глушкина: «Северо-западная группа восточных славян, начавшая с середины первого тысячелетия н. э. заселять территорию Новгородской и Псковской земли, не пережила вместе с другими славянами процесса второй палатализации. Условием для этого было окраинное положение этой группы и, как следствие, некоторое ослабление контактов с другими славянами. Известную роль в сохранении заднеязычных перед новыми гласными переднего ряда могло сыграть соседство с прибалтийско-финскими языками, знавшими такие сочетания» [Глушкина, 1968: 41–42].

Говоры по р. Унже и в районе Богословщины Рязанской области не знают начальных *ке-/ки-* в лексике народного ткачества. Восточные говоры севернорусского наречия также характеризуются отсутствием подобной лексики. Например, в вятских говорах в значении 'полотно в 8 цепков, вытканное узорами' употребляются лексико-фонетические варианты *восьмицòп*, *восьмичёп*, *осьмичáп*, *восьмичáпина*, *осьмичатина* [ОСВГ, 2: 76], содержащие модификаты исходного корня *цеп-*; в вологодских говорах отмечены такие лексемы, связанные и ткачеством, как *цепóк*, *цáпы*, *цёвка*, *цивца*, *цивца* [СВГ 12: 4, 6, 9]. Однако в костромских и ярославских говорах отмечаются слова с начальными *ке-* и *це-*, ср.: *кепина* 'часть цепа' Антроп. Костром. [ЯОС, 5: 28], Яр. Некр. [ЯОС-Доп., 1: 301] и *цепинка* 'рукоятка цепа' [ЯОС-Доп., 2: 355].

Ограничиваясь приведёнными фактами, отметим необходимость дополнительных разысканий в составе диалектно-профессиональной лексики для выявления исторически обусловленных фонетических противопоставлений. Новые сведения могут способствовать решению сложного вопроса о причинах указанных явлений.

Библиографический список

Большакова Н.В. Словарь. 2. Прядение. Ткачество. Домотканое полотно / Н.В. Большакова, Ю.Ю. Мона, З.В. Побидько // Традиционный быт псковских крестьян (Опыт регионального этнолингвистического словаря) / ред. Н.В. Большакова; сост.: В.К. Андреев, Н.В. Большакова, Л.Б. Воробьёва, С.В. Лукьянова, Ю.Ю. Мона, Г.И. Площук, З.В. Побидько, А.Н. Смирнова. – Псков: ЛОГОС Плюс, 2012. – С. 89–149.

Ганцовская Н.С. Словарь говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2015. – XXXI, 512 с.

Глускина С.М. О второй палатализации заднеязычных согласных в русских говорах // Псковские говоры. Вып. 2. Труды второй Псковской диалектологической конференции 1964 года. – Псков: [б. и.], 1968. – С. 41–42.

Громов А.В. Словарь. Лексика льноводства, прядения и ткачества в костромских говорах по реке Унже: учеб. пособие. – Ярославль: ЯГПИ им. К.Д. Ушинского, 1992. – 118 с.

Лаанест А. Прибалтийско-финские языки // Основы финно-угорского языкознания (прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки). – М.: Наука, 1975. – С. 5–122.

Михайлова Л.П. Лексика льнообработки, прядения и ткачества в новгородских говорах : дис. ... канд. филол. наук. – Ленинград: ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1970. – 409 с.

Михайлова Л.П. Названия тканей в новгородских говорах // Лексика севернорусских говоров / ред. Ю.И. Чайкина. – Вологда: Вологод. гос. пед. ин-т, 1976. – С. 61–76.

ОСВГ – Областной словарь вятских говоров: учеб. пособие по рус. диалектологии. – Вып. 1 – / под ред. В.Г. Долгушева и З.В. Сметаниной. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 1996–.

СВГ – Словарь вологодских говоров: в 12 вып. / ред. Т.Г. Паникаровская; Л.Ю. Зорина. – Вологда: Русь, 1983–2007.

СГРС – Словарь говоров Русского Севера. – Т. 1 / под ред. А.К. Матвеева. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001–.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. – Вып. 1– / сост. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов. – М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–.

Трубачёв О.Н. Ремесленная терминология в славянских языках (этимология и опыт групповой реконструкции) / отв. ред. С.Б. Бернштейн. – М.: Наука, 1966. – 416 с.

Чумакова Ю.П. Лексика традиционного ткачества в говорах района «Богословщина» Рязанской области (семантическая, диалектологическая и этимологическая характеристика). – Рязань: Тип. областатупр., 1995. – 228 с.

ЯОС – Ярославский областной словарь: в 10 вып. / отв. ред. Г.Г. Мельниченко. – Ярославль: ЯГПИ им. К.Д. Ушинского, 1981–1991.

ЯОС-Доп. – Ярославский областной словарь: в 2 т. / под науч. ред. Т.К. Ховриной. – Ярославль: РИО ЯГПУ, 2015.

Мухина Е.А. (Петрозаводск)

СЕМАНТИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ДИАЛЕКТНОГО СЛОВА В ПРИЧИТАНИЯХ И.А. ФЕДОСОВОЙ*

В работе даётся анализ некоторых диалектных глаголов, которые встречаются в похоронных и рекрутских причитаниях И.А. Федосовой. Выделяются несколько групп глагольных образований: 1) глаголы, которые имеют сему литературного языка, 2) глаголы, не имеющие такой семы. Слова обеих групп зафиксированы в «Словаре русских говоров Карелии и сопредельных областей». Рассматриваются некоторые глаголы, которые употребляются в причитаниях, но не отражены в диалектном словаре.

Ключевые слова: диалект; причитания; семантика глагола.

Систематическое и комплексное изучение лексики русских народных говоров, начавшееся в середине 50-х годов XX века, особую актуальность приобрело в 60–70-е годы минувшего столетия. Круг дискуссионных вопросов как диалектной, так и общей лексикологии, затрагивал проблемы системности лексики, особенности деривации отдельных классов и разрядов слов, мотивационные отношения в лексике и их типы и др. Появились монографические исследования Л.И. Баранниковой [Баранникова, 1967], И.А. Оссовецкого [Оссовецкий, 1982], О.В. Загоровской [Загоровская, 1989] и др.

В истории науки о русском языке устнопоэтическая речь вызывала неизменный интерес на всём протяжении её становления и развития. Не стали исключением и причитания И.А. Федосовой, привлекавшие внимание как фольклористов, так и лингвистов (работы Е.В. Барсова, К.В. Чистова, Р.О. Якобсона, В.В. Иванова, В.Н. Топорова и др.). Однако исследования в большей степени затрагивают уровень грамматики. В этой связи интерес представляют диалектные глаголы,

* Исследование выполняется в рамках реализации комплекса мероприятий Программы стратегического развития Петрозаводского государственного университета на 2012–2016 гг.

встречающиеся в причитаниях И.А. Федосовой. Материалом для анализа послужили похоронные и рекрутские причитания, опубликованные в сборнике избранных произведений [Федосова, 1981].

Единые модели семантического словопроизводства говоров и литературного языка обусловлены их единой исторической и генетической основой. Однако семантизация диалектного слова вообще и диалектного глагола в частности имеет специфические черты, отличающие её от семантизации слова литературного языка.

Диалектные глаголы в причитаниях И.А. Федосовой можно условно разделить на несколько групп.

Первую группу составляют глагольные образования, имеющие семы, характерные для литературного языка. Приведём ряд примеров.

КЛЮНУТЬ и *КЛЮКНУТЬ*, сов. 1. *Ужалить, укусить*. 2. *Ударить*. 3. *Задремав, склониться на что-н.* 4. *Выпить (немного)* [СРГК, 2: 375]. В причитаниях глагол употреблён в 1-м значении и представлен префиксальным образованием:

...И не змея иду, победна, я не о́клюну! [Федосова, 1981: 126].

ОБУМИТЬСЯ, сов. 1. *То же, что обу'меть* (прийти в себя, успокоиться). 2. *Одуматься, образумиться, стать умнее*. 3. *Излечиться от помешательства* [СРГК, 4: 122]. В причитаниях глагол употребляется во 2-м значении:

Обумись, моя бесщастно буйна го́лова! [Федосова, 1981: 47].

ПОДОБРИТЬ, сов. *Угостить чем-н.* [СРГК, 4: 651].

В причитаниях находим:

*...Вы обуите столько резвы мои ноженьки,
Вы оденьте столько белы мои плечушки,
Вы подббрите победну головушку!* [Федосова, 1981: 83].

ПРОГЛУПОВАТЬ, сов. *Провести время праздно, ничего не делая* [СРГК, 5: 246-247]. В причитаниях при сохранении вида глагол употребляется с другим суффиксом:

*Мы прогдунали, сиротны малы детушки,
Отпустили мы великое желаньице!* [Федосова, 1981: 66].

К этой же группе, на наш взгляд, правомерно отнести глагол *ДОЛИТЬ*, который в словаре имеет значение «медлить» [СРГК, 1: 478]. Однако в текстах причитаний И.А. Федосовой находим употребление глагола в значении ‘одолевать’:

*...И перелопала бесщастная утробушка,
И от тои́на долит великая кручинушка...* [Федосова, 1981: 156].

Данное толкование приведено в словаре В.И. Даля: «*арх. одолевать*» [Даль, 1: 462].

Во вторую группу целесообразно включить глаголы, не имеющие сем литературного языка. В произведениях анализируемого жанра встречаются следующие глаголы:

КЕХТАТЬ, несов. 1. *Ругаться*. 2. *Рычать* [СРГК, 2: 341–342].

В причитаниях находим употребление глагола в другом значении:

Не упряньслива он был, да поп, головушка,

Примерная душа, благочестивая:

Он рачитель до участков деревенских был,

Всегда кехтал на крестьянскую работушку! [Федосова, 1981: 54].

Данное толкование отражено в словаре Даля: «*арх. ол. Нвг. желать, хотеть, охотиться к чему*» [Даль, 2: 106].

ПОДРАЧИВАТЬ, несов. 1. *Поглаживать*. 2. *Почёсывать зудящее место* [СРГК, 4: 666]. Глагол употребляется в 1-м значении, причём замечено, что он встречается в определенном контексте:

И по головушке начальники подрачивают... [Федосова, 1981: 115];

И попустила что великое желаньице,

И по головушке, родитель, нонь подрачиваешь?

[Федосова, 1981: 122];

...И по головушке никто да не подрачивает,

И по несчастным его плéчам не поглаживает?

[Федосова, 1981: 137].

Зафиксировано и бесприставочное употребление данного глагола:

И она гладит всё по молодой головушке,

И она дрóчит по солдатским по плечушкам...

[Федосова, 1981: 165].

В причитаниях И.А. Федосовой употребляется возвратный глагол *полохаться*:

Тут боялася, победушка, полóхалась, –

Как прииде становой да всё начальничек,

Он куда кладет победную головушке? [Федосова, 1981: 50];

Вы не бойтесь-ко, крестьяна, не полóхайтесь;

Уж дам вам свое рукописание <...> [Федосова, 1981: 56].

В словаре зафиксирована невозвратная форма *ПОЛОХАТЬ*, несов. *Пугать, беспокоить, волновать* [СРГК, 5: 60]. Вероятно,

возвратная форма глагола, которая не зафиксирована словарём, в отмеченных примерах употреблена по аналогии с возвратным глаголом *бояться* и служит для усиления экспрессии.

Глагол *ОГРАЯТЬ*, сов. 1. *Обругать, охаять*. 2. *Оговорить, сглазить* [СРГК, 4: 143] в текстах причитаний выступает, вероятно, во 2-м значении и употребляется с приставкой *при-*, которая придаёт оттенок смягчительности, поддерживаемый такими же приставочными образованиями:

*...Добры людюшки меня да приобаяли,
Чёрны вороны талан, знать, приогаяли,
Видно, участь ту собаки приобаяли!* [Федосова, 1981: 68].

Особый интерес в причитаниях представляет третья немногочисленная группа глаголов, которые не зафиксированы СРГК.

Так, глагол *ВОЗЖУПЛЯТЬ*, как можно установить из контекста, имеет значение ‘петь птицей’:

*И среди да тёпло-красного ведь летушка
И жалобно да печё красно это солнышко,
И уныло да в саду птички возжупляют,
И оны причетью ведь, пташки, причитают* [Федосова, 1981: 153].

В словаре В.И. Даля с именно таким толкованием представлен глагол *жупеть*: «ол. петь пташкою» [Даль, 1: 547]. В текстах причитаний также встречается имя существительное, которое свидетельствует о том, что анализируемый глагол является приставочным образованием:

*...Как утрось было по раннему по утрышку,
Как до раннего петунья воспеваньца
И до уныла соловьиного жупляньца...* [Федосова, 1981: 155].

Глагол *СХРОБЫСТАТЬСЯ* в представленной форме не зафиксирован в СРГК. Словарь приводит бесприставочные образования с другими гласными в основе: *ХРОБОСТЕТЬ* и *ХРОБУСТЕТЬ*, несов. *Шуметь, трещать, шуршать*. В причитаниях лексема встречается в следующем контексте:

*...Да я шла как, кручина головушка,
Через быстру я шла да эту риченьку
По этой дубовой по мостиночке,
По этой кленовой перекладинке,
За кустышком вдруг что-то схробысталоса,
Уловня вроде рыбонька там свежая...»* [Федосова, 1981: 100].

Бесприставочное образование с другим корневым гласным приведено и в словаре Даля: *хробосте(и)ть* (взгд. прм. вят.) и *хробостать* (пск. твр.) – «стучать, греметь, грохотать, трещать, громко хрустеть» [Даль, 4: 566].

В своей работе мы рассмотрели лишь часть диалектной глагольной лексики, встречающейся в причитаниях И.А. Федосовой. Кроме глагольных образований, частотно употребление диалектных имён существительных, прилагательных и наречий, которые также могут стать предметом лингвистического анализа.

Библиографический список

Баранникова Л.И. Русские народные говоры в советский период: (К проблеме соотношения языка и диалекта). – Саратов: СГУ, 1967. – 206 с.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: Гос. Изд-во иностр. и национ. словарей, 1955.

Загоровская О.В. Семантика диалектного слова. – Сыктывкар: Изд-во Сыктывкар. ун-та, 1989. – 60 с.]

Оссовецкий И.А. Лексика современных русских народных говоров. – М.: Наука, 1982. – 198 с.

СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. – Вып. 1 – / гл. ред. А.С. Герд. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1994– .

Федосова И.А. Избранное / сост., вступ. ст. и коммент. К.В. Чистова. – Петрозаводск: Карелия, 1981. – 303 с

Мызников С.А. (Санкт-Петербург)

О ПРОИСХОЖДЕНИИ НЕКОТОРЫХ РЫБОЛОВЕЦКИХ ТЕРМИНОВ

В статье предпринимается попытка этимологического анализа рыболовецкой лексики. Ранее некоторые материалы трактовались как финно-угорские. Особый акцент в работе делается на широкий охват материала.

Ключевые слова: *этимология; рыболовецкая лексика; севернорусские говоры.*

В данной работе представлен этимологический анализ ряда лексем, номинирующих различные аспекты рыбной ловли. На территории Северо-Запада лов рыбы был практически круглогодичным, за исключением половодья весной и времени осенью

до ледостава. Практиковались различные способы ловли с использованием различных орудий. Основной материал собирался в полевых условиях, а также были использованы данные этнографических и лексикографических источников. В работе предпринимается попытка осветить происхождение некоторых лексем.

При рыбной ловле с помощью остроги, которая обычно происходила ночью, использовался какой-л. источник огня. На различных территориях фиксируются номинации различного происхождения, относящиеся к этому виду добычи рыбы.

Зер 'костёр, разводимый на носу лодки при ночном лове рыбы' Дорогоб. Смол., 1957 [СРНГ, 11: 265]. Восходит к белорусск. зер 'коптилка', зе'ра 'огонь' [ЭСБМ, 3: 530].

Если лов производился с лодки, то на её носу устраивалось специальное приспособление. Это могла быть единица исконного происхождения.

Коза 'железная решётка на носу лодки для разведения огня при ночном лове рыбы острогой' Пинеж. (Марьино, Нюхча, Сульца, Филимоново, Чуга, Чучепога, Кулагора) (Словарная картотека пинежских говоров, дар Г.Я. Симиной Словарной картотеке ИРЯЗ; ныне картотека СРНГ, хранящаяся в ИЛИ РАН). **Коза** '«прикрепляемая к носу лодки железная решётка для разведения огня во время ночного лова рыбы» Вожегод., Сокол., Сямж. [СВГ, 1987: 76]. «Костёр на носу лодки для приманивания рыбы» Онеж., Лодейноп., Чудов. [СРГК, 2: 386]. «Железная решётка, прикреплённая к корме лодки над водой; на ней разводится огонь для освещения воды при ночной ловле рыбы острогой». Арефин., Борисоглеб., Данилов., Пошех., Ростов. [ЯОС, 1986: 44]. «Железный стержень, верхняя часть которого расщеплена в виде птичьей лапы, на которой горит лучье при ночной ловле рыбы» Брейтов., Переслав., Тутаев, Ростов. [ЯОС, 1987: 44]. **Коза** '«род тагана, железная решётка для разведения огня при ночной ловле рыбы острогой» [Слов. Акад. 1847]. **Коза** '«то же» Арх., 1847. Коза – четыре рога, железна, с трубицей она; на ей дрова толсты, смоляны, лучим ковда. Арх. Сев.-Двин., Олон., Волог., Новг., Твер., Калинин., Пск., Калуж., Смол., Костром., Яросл., Влад., Иван., Вят., Свердл., Ср. Урал. Урал., Тобол., Том., Байкал., Енис., Иркут., Южн.-Сиб., Сиб., Амур. [СРНГ, 14: 57]. 'Ловля рыбы острогой' Верхн. Волга, 1968 [СРНГ, 14: 57].

Вероятно, в данном случае метафорический перенос по внешнему сходству с рогами козы. Вряд ли в данном случае имеет место влияние коми *коз* 'ель' [ССКЗД: 160] (жгли обычно смольё).

Отмечается также белорусск. туров. *коза* ‘приспособление в передней части лодки для разведения огня при ночной ловле рыбы’ [ТС; Герд, 2004: 198; Толстая, 1985: 301].

Имеются случаи, когда фиксируется единица финно-угорского происхождения.

Ко'бра «железная решётка специально приспособленная для разведения огня на лодке при ночном лове острогою» Петрозав. Олон. [СРНГ, 14: 16]. Большая такая кобра, кладовают щепки, и огонь горит, рыба нерестуе. Виктор ловил лучем рыбу, едет по бережку и колет рыбу, кобра – куча щепок. Подпорож. [СРГК, 2: 381]. (В СРГК ошибочно дано значение «большой костёр».) Слово восходит к вепс. *kobr* ‘приспособление для огня при лучении рыбы’ [СВЯ: 212], в основе вепсского слова лежит значение вепс. *kobr* ‘пригоршня, горсть’ [СВЯ: 212]. Ср. также ливв. *tuwlaskobru* ‘решётка в виде горсти на носу лодки, в ней поддерживают огонь при лучении рыбы’ [СКЯМ: 394].

Коку'шка ‘железная решётка на носу лодки для разведения огня при ночном лове рыбы острогой’ Пудож. (ПЛГО – Полевое лингвогеографическое обследование автора); «металлическое приспособление для разведения огня, прикрепляемое к носу лодки» Пудож. [СРГК, 2: 395]. Вероятно, слово связано с кар. *kokka* ‘нос лодки’, ‘острие, кончик’, ‘угол’ [KKS, 2: 285] и является результатом метонимического переноса. Ср. также фин. *kokka* ‘рыболовный крючок’ [SKES: 208]. Не исключена также связь с кар. *kokka* ‘костёр’ [KKS, 2: 285], при вероятном метонимическом переносе уже на русской почве. Суффикс *-ушк* довольно частотен в русских говорах Карелии.

Весьма был распространён подлёдный лов рыбы. Нами зафиксированы десятки наименований прорубей, которые при этом использовались. Остановимся на некоторых из них.

Мала'йдукса ‘прорубь для рыбной ловли’ Прионеж. (Лехнаволо, Машезеро, Ялгуба) (ПЛГО). **Мала'йдукса** ‘прорубь при подледном лове рыбы неводом’ Север [СРНГ, 17: 317]. **Малайдукса** «матица» Петрозав. (СМСОК, 1856). **Мала'йдукса** ‘прорубь’: Малайдуксу распешал. Прионеж. Посередке большая пролуба, малайдукса называется, по обе стороны от её сетки. Прионеж. [СРГК, 3: 189]. Калима предполагает заимствование из реконструируемого вепс. **malaidus*, при фин. *malavus* ‘прорубь’ [Kalima, 1915: 161]. См. также [Фасмер, 2: 562]. Ср. также современные данные: фин. *malo*, *malu* ‘щель, трещина, расщелина’, *malous*, *malavus* ‘прорубь, через которую вытаскивают невод’ [SKES: 331].

Ещё один ряд лексем, обозначающих проруби, ранее рассматривался на неисконной почве.

Во'зьма 'большая прорубь, которую делают при зимнем лове рыбы': Возьма – больша такая пролубь, невод за шест привязывали и опускали туда. Турин., Табор., Гарин. Свердлов. [Матвеев, 1959: 55]. **О'зьма** 'то же' Гарин., Табор. [Матвеев, 1959: 55]. **Во'жма** 'то же' Гарин. [Матвеев, 1959, 55]. **О'зимь** 'то же' Гарин. [Матвеев, 1959: 55]. **Во'йма** 'то же' Гарин. [Матвеев, 1959: 55]. **Во'зьма** 'полынья' Тобол., 1911–1920. 'Прорубь' Урал., 1931 [СРНГ, 5: 30]. А.К. Матвеев возводит к манс. лит. *асмас* 'полынья', при манс. *ас* 'дыра, отверстие', сопоставляя также с хант. конд. *was* 'отверстие, яма', при удм. *ошмес* 'родник, ключ' [Матвеев, 1959: 56].

На наш взгляд, весьма проблематично сопоставление с обско-угорскими данными по фонетическим параметрам, конечный формант [-ас] отсутствует в русских данных. Ср., однако, сходные семантически русские исконные материалы: **вы'бор** 'большая прорубь, через которую после окончания лова рыбы вытаскивают невод' Тобол., 1899 [СРНГ, 5: 248]. **Вы'волока** 'прорубь для подледного лова, через которую опускают и вытаскивают невод' Арх., 1858. У вас выволока-то мала: невод туго идет. Тащат невод через выволоку за шест, а у шеста кляч. Арх. Петрозав., Заонеж. Олон. [СРНГ, 5: 258]. **Вы'ем** 'прорубь, из которой вынимают невод при подледном лове рыбы, приёмная майна'. **Возьма** – это запуск, там невод спускам, а дальше выем. Таборин. Свердлов., 1964 [СРНГ, 5: 277]. **Вы'емная** 'прорубь, через которую вытаскивают невод, «вытягальное корыто» Пск. (Кузнецов, 1912–1914) [СРНГ, 5: 277]. **Вы'здымка** 'прорубь, через которую вытягивают невод при подледном лове рыбы' Заон., Петрозав., Повен. Олон., 1885–1898 [СРНГ, 5: 282]. **Выма'нья** 'прорубь во льду, через которую протягивают верёвку от невода во время подледного лова рыбы' Галич. Костром. [СРНГ, 5: 308]. **Вынимальное корыто** 'прорубь, через которую вынимают невод при подледном лове' Пск., 1912–1914 [СРНГ, 5, 318]. **Возми'лка, возми'лка** «рыболовная сеть, вроде невода, 10 сажень длины, 6 сажень ширины с балберками (поплавками) и ташами (грузилами), без мотни; она много посажена и вся вздувается кошелем; ловят с двух лодок». Астрах. [Даль, 1: 197]. **Возми'лка** «особого рода сеть с балберью сверху и с свинцом снизу, употребляемая для ловли стерляди, когда

она залегает в ямы» Сарат., 1846–1847 [СРНГ, 5: 26]. **Возми'ха, возьми'ха** 'то же, что возмилка' Астрах. [Даль, 1: 228]. Таким образом, лексему **во'зьма**, вероятно, следует рассматривать на исконной почве.

При подлёдном лове рыбы для запуска сети под лёд использовался специальный шест.

Нори'ло «длинный шест, употребляемый при зимней рыбной ловле; к концу его привязывается канат от крыла невода; норило посредством особого рода деревянных крючков толкают подо льдом от одной проруби к другой, пока он не дойдет до выволоки, т. е. большой проруби, через которую невод вытаскивается из воды на лёд; за норилом тащится привязанный к нему канат и тащит в свою очередь невод» Петрозав., Заонежье [Куликовский: 66]. **Нори'ло** «шест, которым продевают подо льдом верёвку с сетью при подлёдном лове рыбы» Онеж., Кем., Мезен. [Подвысоцкий: 103]. **Нори'ло** 'шест, которым проводят подо льдом веревку с сетью при подледном лове рыбы' Арх., 1847. Беломор. Олон., Медвежьегор. КАССР, Свердл., Ср. Урал, Новосиб. Том., Иркут., Бай-кал., Колым. Якут., Бурят. АССР, Приамур., Обь-Енис., Краснояр. [СРНГ, 21: 279]. **Нори'ло** «тонкий, длиною в 6–8 метров, вытесанный из жерди шест, при помощи которого ставят подо льдом мережи и невода. Делается это так: в облюбованном месте рыбак пробивает во льду в прямом направлении лунки, на расстоянии 4–6 метров одна от другой. Берётся норило, к комлевому концу которого прикрепляется одним из концов походня, а к другому концу её привязывается клеч крыла. Норило с походней запускается в ердан с таким расчётом, чтобы конец его проходил через следующую лунку – по течению воды. Если конца норила с походней в первой от ердана лунке не видно, то в эту последнюю запускается норильный крюк и, нащупывая подо льдом в воде норило, подводят его к отверстию лунки. Когда всё норило (запущенное через ердан) исчезнет подо льдом, дальнейшее продвижение его в том же направлении производится от первой лунки к следующей путём подпихиванья его носком пешни через лунки. Норило постепенно проводится до конечной лунки, называемой пролуба. Когда здесь появится вершина норила, то его тем же норильным крючком вытягивают на лёд, а затем вытаскивают и всё норило вместе с походней...» Южн. Беломор. [Дуров, 1929: 111]. **Нори'ло** 'шест, которым проводят подо льдом

верёвку с сетью при подлёдном лове' Кем., Кандалакш., Подпорож., Беломор., Вытегор., Кондоп., Медвежьегор., Онеж., Прионеж., Пудож., Северомор., Черепов. [СРГК, 4: 40]. *Нори'ло* «шест, которым проталкивают верёвки, а за ними тянут сети от проруби до проруби при подлёдном лове рыбы» Терск. (Варзуга) [Меркурьев, 1979: 96].

Несмотря на то, что основным средством при протаскивании рыболовной снасти является верёвка – ср. вепс. *nor* ‘верёвка’, вряд ли следует возводить это слово к прибалтийско-финским источникам. Более вероятно образование от глагола *нори'ть* «управлять норилом при зимней ловле неводом» Петрозав. [Куликовский: 66]; ‘проводить невод подо льдом с помощью норила’ Медвежьегор. КАССР. Беломор. КАССР, Арх. Том. [СРНГ, 21: 279]. Также вряд ли относится сюда же фин. *naara* ‘загнутое крючком или суковатое приспособление, которым ищут на дне утопленников, что-л. утонувшее’, ливв. *nuaru*, эст. диал. ‘крюк, которым ищут утонувшую сеть’, ‘небольшой якорь’, при швед. диал. *nāra* ‘кошка, крюк, сделанный из верхушки сосны’ [SKES: 363]. Причём, на наш взгляд, имеют другое происхождение сходные псковские данные: *нор* ‘ряд связанных вместе сетей’ Гдов. Пск. (ПЛГО); *нор* ‘ряд сетей, поставленных вместе (в одну линию)’ Пск., 1968 [СРНГ, 21, 278]; *мужской нор* ‘набор из 30–35 выставленных вместе сетей’ Пск., 1912–1914 [СРНГ, 21: 278]; *же'нский нор* ‘набор из 20–25 выставленных вместе сетей’ Пск., 1912–1914 [СРНГ, 21: 278], «известное количество ставных сетей, необходимое для вступления в товарищество при совместной ловле, обычно из 30 сетей» Пск. (Кузнецов, 1912–1914) [СРНГ, 21: 278]. Исходя из ареала возможно сопоставление с водско-эстонскими источниками, ср. эст. диал. *nõr* ‘верёвка’ [SKES: 401].

Библиографический список

Герд А.С. Материалы для этимологического словаря севернорусских говоров (И, К, Л, М) // Севернорусские говоры. Межвузовский сборник. Вып. 8. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. – С. 173–235.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Второе издание, исправленное и значительно умноженное по рукописи автора. – Т. 1–4. – М.: СПб.: Изд. М.О. Вольфа, 1880–1882.

Дуров И.М. Опыт терминологического словаря рыболовного промысла Поморья / под ред. и с доп. Н. Виноградова. – Соловки: УСЛОН, 1929. – VIII, 180 с.

Кузнецов И.Д. Рыболовственный словарь Псковского водоёма. По материалам, собранным участниками Псковской промыслово-научной экспедиции 1912–1913 года. – Пг.: Тип. В.Ф.Киршбаума, 1915. – [2], VI, 159 с.

Куликовский Г.И. Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. – Спб.: Тип. Импер. Акад. наук, 1898. – VII, 151 с.

Логинов К.М. Материальная культура и производственно-бытовая магия русских Заонежья. – СПб.: Наука, 1993. – 147 с.

Матвеев А.К. Финно-угорские заимствования в русских говорах Северного Урала // Учен. зап. Урал. гос. ун-та. – 1959. – Вып. 32. – 123 с.

Меркуров И.С. Живая речь кольских поморов. – Мурманск: Мурманск. кн. изд-во, 1979. – 184 с.

Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. – Спб.: Изд. 2-го отд. Импер. Акад. наук, 1885. – 202 с.

СВГ – Словарь вологодских говоров: в 12 вып. – Вологда, 1983–2007.

СКЯМ – Словарь карельского языка (ливвиковский диалект) / сост. Г.Н. Макаров. – Петрозаводск: Карелия, 1990. – 495 с.

СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Т. 1–6 / гл. ред. А.С. Герд. – СПб., 1994–2005.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. – Вып. 1– / под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова. – М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–.

Слов. Акад. 1847 – Словарь церковнославянского и русского языка, сост. Вторым отд. Акад. наук: в 4 т. – Спб.: Тип. Импер. Акад. наук, 1847.

ССКЗД – Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1961. – 489 с.

Толстая С.М. О новых направлениях в белорусской диалектной лексикографии // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования 1982. – М.: Наука, 1985. – С. 292–314.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. – М.: Прогресс, 1964–1973.

ЭСБМ – Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. – Т. 1–13. – Мінск: Беларуская навука, 1978–2010.

ЯОС – Ярославский областной словарь. – Вып. 1–10. – Ярославль: ЯрГПИ им. К.Д. Ушинского, 1981–1991.

Kalima J. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. – Helsingfors, 1915.

ККС – Karjalan kielen sanakirja. O. 1–5. – Helsinki, 1968–1997. – (Lexica societatis Fenno-Ugricae, XVI).

SKES – Suomen kielen etymologinen sanakirja. O. 1–7 / toim. E. Itkonen, A. J. Joki, R. Peltola. – Helsinki : Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1955–1981. – (Lexica societatis Fenno-ugricaе, XII).

**СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКИХ ГОВОРОВ
УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ**

В данной статье рассматриваются синтаксические особенности русских говоров Ульяновской области. На протяжении длительного времени эти говоры находились в ситуации контакта с тюркскими и мордовскими языками. Это взаимодействие могло послужить стимулом для развития некоторых типологически сходных черт в синтаксической системе русских говоров Ульяновской области и взаимодействующих с ними иносистемных языков. К таким особенностям можно отнести беспредложное выражение временных и пространственных значений, неизменяемые формы числительных в сочетании с существительными. Среди других синтаксических особенностей можно указать выделительные приименные частицы.

Ключевые слова: синтаксические особенности; русские говоры; языковые контакты; приименные частицы; беспредложные конструкции. числительные.

Материалом для данного исследования послужили экспедиционные записи диалектной речи, производившиеся в течение четырёх лет (с 2012 по 2015 г.) в левобережной части Ульяновской области, а именно в ряде населённых пунктов Старомайнского и Чердаклинского районов: в сёлах и деревнях Кремёнки, Кремёнские выселки, Ивановка, Красная Река, Базарно-Мордовские Юрткули, Русские Юрткули, Матвеевка, Большая Кандала Старомайнского района, Крестово-Городище Чердаклинского района, а также в посёлке Старая Майна.

Татары, чувашы, мордва жили на территории Среднего Поволжья ещё до заселения края русскими. Преобладающая часть русских населённых пунктов возникла в середине XVII в. Говоры Ульяновской области являются говорами позднего заселения. На севере Ульяновская область граничит с Республикой Мордовией, Чувашской Республикой и Татарстаном, поэтому смешанный состав населения вполне закономерен.

В настоящее время большинство жителей обследованных населённых пунктов считают себя русскими. Однако прежде бо'льшую часть жителей некоторых населённых пунктов (Базарно-Мордовские Юрткули, Русские Юрткули, Матвеевка, Красная Река) составляла мордва. В настоящее время состав жителей многих сельских населённых пунктов является смешанным: рядом с русскими живут чувашы, мордва. Часто встречаются смешанные семьи. Многие

традиции этих мест, в том числе сельскохозяйственные, кулинарные, давно не являются национальными, стали общими для всех.

Этнокультурное взаимодействие народов Поволжья прослеживается и в языковой сфере. В первую очередь это касается апеллятивной лексики. В исследовании С.А. Мызникова описаны десятки лексем, иллюстрирующих этноязыковое взаимодействие народов Поволжья [Мызников, 2005: 83–135]. Безусловно, такое взаимодействие должно отражаться и на других сферах языка, где проявления этого взаимодействия сложнее зафиксировать и обосновать.

Среди синтаксических особенностей русских говоров Поволжья, а именно, левобережья Ульяновской области, обращают на себя внимание способы выражения некоторых обстоятельственных значений. Так, обстоятельства места и времени часто употребляются в предложном или винительном падеже без предлога. В большинстве случаев отсутствует предлог *в* (зафиксировано более сорока таких примеров): *Каждый гот переменяют, на одном месте не бывают колхозе. Ани это обрабатывают землю и сажают разных местах. Этат гот, например, кукуруза тут, другой гот другом месте, потсолнух этат гот тут, апать другой гот другом месте.* Старомайн. (Красная Река). Из этих примеров большая часть синтагм – с именем в предложном падеже без предлога: *Пишят седьмом, дефчонки, удове'ла.* Старомайн. (Красная Река); *Аксане енваре ей будет дваццать девять* Старомайн. (Базарно-Мордовские Юрткули). В остальных случаях имя оформлено винительным падежом: *Она семнаццать лет вышла* [замуж]. Старомайн. (Большая Кандаля); *Вот кто пошёл колхоз, роботай уш колхозы.* Старомайн. (Красная Река). Встретились единичные примеры обстоятельственных синтагм, в которых можно предположить отсутствие других предлогов (*на, с*): *И вот семисят третем году я заводе уже работала.* Старомайн. (Красная Река); *Другой стороны накладываеца ешо адна сетка с большими ячейкими.* Старомайн. (Кременики).

При этом фонетические условия в определённой степени могут оказывать влияние на звуковой облик синтагмы, но не имеют определяющего значения: отсутствие предлога *в* чаще всего фиксируется в слабой фонетической позиции перед глухим согласным, что, отчасти, обусловлено лексически, так как большинство синтагм представляет собой обозначение года (*Семисят третем году вот я шесть дней лежала бес памяти.* Старомайн. (Красная Река); *Ну и черти притаишыли сюда сорок... сорок шестом году.* Старомайн.

(Базарно-Мордовские Юрткули)), а также обстоятельства *в колхозе, в колхоз (Фсю жизнь калхозе проработал*. Старомайн. (Красная Река)). Таким образом, большая часть словоформ со значением места и времени начинается на глухой согласный (*колхозе, сороковом, пятидесятом, шестидесятом, семидесятом*). Однако встречаются и примеры со словоформами на сонорный согласный: *Мы айдаге маленьку Чалгу, там за грибами*. Старомайн. (Кремёнские Выселки); *Ани это абрабатывают землю и сажают разных местах*. Старомайн. (Красная Река); *«Она [дочь] в Красной реке?» – «Нет, Матьвеевке, другом селе»*. Старомайн. (Красная Река).

При обозначении года (*в этом году, в прошлом году* и т. д.) могут использоваться формы вин. п. без предлога, предл. п. без предлога или твор. п.: *Но они поля-то переменяюца каждым годом*. Старомайн. (Красная Река); *Вот прошлый гот семечки там росли, сажали*. Старомайн. (Кремёнки); *Ну и черти притаишьли сюда сорок... сорок шестом году. Когда Писе-ть умер? Какем году-т?* Старомайн. (Базарно-Мордовские Юрткули); *А вить девяноста пять лет или девяноста восемь умерла – вот какая дългажитель была*. Старомайн. (Базарно-Мордовские Юрткули). Определением к слову *год* может быть неизменяемое слово *нынче*: *А нынче году учылса* (внук). Старомайн. (Базарно-Мордовские Юрткули).оборот *нынче годом* ('в этом году') представляет собой достаточно частотное и устойчивое сочетание в говорах ульяновского левобережья: *Вот нынче годом дала липа самьи погода стояла вот, были ночи такие душины, вот*. Старомайн. (Красная Река); *Вот нынче годом угодила хорошь погода*. Старомайн. (Красная Река); *Да нынче годом вот можно сказать и не было грозы-та*. Старомайн. (Красная Река).

Таким образом, временные и пространственные отношения в говорах Ульяновской области имеют тенденцию к выражению беспредложными конструкциями. Интересно, что в мордовских (эрзя и мокша) и в тюркских (чувашском и татарском) языках временные и пространственные отношения выражаются синтетически, аффиксально, в частности, при помощи направительных и местных (местно-временных) падежей [ЯН СССР, 2: 48, 144; ЯН СССР, 3: 180]. В то же время, потенциал грамматической системы русского языка вполне допускает такую синтетическую форму выражения грамматических значений.

Ещё одна особенность говоров Ульяновской области связана с употреблением количественных числительных и сочетаний со

словом *раз*. Числительные в обстоятельственных оборотах остаются неизменяемыми: *С децтва шчытай с тринацать лет три года свинаркой работала и дояркѣй сквозь до сорок лет*. Старомайн. (Красная Река); *Много прям откладывают матѣчников, до двадцать матѣчников*. Старомайн. (Красная Река). Таким образом, в сочетании с существительными количественные числительные в ульяновских говорах утрачивают формы склонения: *Я с тринацать лет сорок третем году я уже, я веть четыре класса всево кончил сорок первом году, а сорок фтором году пошёл ф пятый класс*. Чердаклин. (Крестово-Городище); *У меня мама жила до во-семисят пять лет*. Старомайн. (Красная Река). Неизменяемым является и слово *раз*: *Три рас ф сутки*. Старомайн. (Красная Река); *Я ни рас не была там и не знаю, што за село*. Старомайн. (Кремѣнки); *Магазин у нас два рас в неделю*. Старомайн. (Кременские Выселки); *Тонкѣрунные стригут один рас в гот, авот грубошорстны два рас – осенью и весной*. Старомайн. (Русские Юрткули).

Конечно, в спонтанной речи количественные числительные, особенно составные, сохраняют формы склонения менее последовательно, чем в кодифицированном литературном языке. Однако русские говоры Ульяновской области могли в некоторой степени подвергнуться и влиянию контактных языков. Так, в чувашском, тюркском и мордовских языках числительные в сочетании с существительными – в так называемой краткой (основной, исходной) форме – употребляются в неизменяемом виде [ЯН СССР, 2: 50, 145; ЯН СССР, 3: 184, 207]. Числительные в этих языках склоняются только тогда, когда они выступают в роли имѣн существительных [ЯН СССР, 2: 50; ЯН СССР, 3: 184].

Ещё одной заметной синтаксической особенностью говоров Ульяновской области является своеобразное управление, отмеченное у предлога *на* в сочетании с существительными *имя*, *прозвище*. Аналогом общеупотребительного (*звать*, *называть*) по имени в исследуемых говорах является (*звать*, *называть*) *на имя* (*на фамилию*, *на прозвище*): *Кошки-тѣ фсе на имя называют*. *У меня вон Лиза-Лиза*. Старомайн. (Базарно-Мордовские Юрткули); *Фсе спрашыват, хто как на имя... Коровы там лошади, фсе на имя*. *Баб на прозвищѣ, мужикоф на прозвищѣ, фсе на прозвище, фсе на имя*. Старомайн. (Базарно-Мордовские Юрткули). Такое управление глаголов *звать*, *называть* в говорах ульяновского левобережья встречается весьма последовательно: *Вон Надю внук-тѣ первый зовѣт на имя: «Надя! Надя!» – кричит...* Старомайн.

(Красная Река); *Ну она завёт на имя, сестрицей будет звать, свое уи.* Старомайн. (Красная Река); Отметим, что слово *имя* в ульяновских говорах склоняется с усечённой основой: *Называли своим и.м.м.* Старомайн. (Базарно-Мордовские Юрткули).

Нельзя не отметить и такую характерную черту говоров Ульяновской области, как использование приименных частиц. Приименные частицы чаще всего имеют формы *-ть, -ти, -ту*: *А дама-ть саломай бальшинство были крыты.* Старомайн. (Кременские Выселки); *Летом-топразники-ти?* Старомайн. (Красная Река); *Хлеп нажуют в марлю и вот эту соску-ту дают.* Старомайн. (Красная Река); *И валенки-ти валяли, и короф-ти доили, и чо мы только ни делали.* Старомайн. (Красная Река). Иногда форма частицы уподобляется форме существительного: *Ну эта уи стары теряют перья гуси-ти вот.* Старомайн. (Красная Река); *Ну он, видна, взял палачку-ту.* Старомайн. (Кремёнки). Установить, является ли это уподобление фонетическим или морфологическим, можно лишь при наличии достаточно показательного объёма материала, наши записи пока не позволяют сделать однозначные выводы: *Учительница уговорила мать-ту.* Чердаклин. (Крестово-Городище); *Фсе карточки и в Ульяновске в музей брали и везьде, ну и што толку-ту?* Старомайн. (Красная Река); *Хорошо в церкви, в Майн-ти [в Майне-то].* Старомайн. (Красная Река). По выполняемой функции приименные частицы можно было бы охарактеризовать как определённо-выделительные.

В рассказах о старинной жизни используются формы со значением давнопрошедшего времени, образующиеся с помощью неизменяемого вспомогательного глагола *бывало* (*бывал*) и *было* (*был*) (часто с редукцией конечного гласного) и форм прошедшего времени основного глагола: *Вот так шапки бывал были, так завяжеца, а тут фсё равно замерзат.* Старомайн. (Кремёнские Выселки); *Да ты бывала фсю жизнь-ть спала!* Старомайн. (Кремёнские Выселки); *Смородина бывало фсё наша была, и грибы.* Старомайн. (Кремёнки); *А дедушка был ямишъну гонял.* Чердаклин. (Крестово-Городище); *И очень хороша была церькафь, пол был блесьтел фсё.* Чердаклин. (Крестово-Городище); *Валёк был называлса, типа полена, полена, ручка, а этъ часть вот нарезана была зупчатými.* Чердаклин. (Крестово-Городище).

Конечно, не все особенности синтаксиса говоров Ульяновской области могут интерпретироваться с привлечением сопоставительных данных из контактных языков. Но некоторые грамматические

черты данной группы говоров свидетельствуют о возможности их взаимодействия с тюркскими и финно-угорскими языками.

Библиографический список

Мызников С.А. Русские говоры Среднего Поволжья: Чувашская Республика, Республика Марий Эл. – СПб.: Наука, 2005. – 640 с.

ЯН СССР – Языки народов СССР: в 5 т. – М.: АН СССР, 1966–1968.

Неганова Г.Д. (Кострома)

СЛОВАРЬ «ЛАНДШАФТНАЯ ЛЕКСИКА В СОВРЕМЕННЫХ ГОВОРАХ КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ»

Автор представляет тематический словарь говоров Костромской области. В статье сообщается об основных источниках словаря, его составе, принципах построения. Рассматривается структура словарной статьи. Обращается внимание на информативность семантического, иллюстративного и географического компонентов. Комментируется словарная статья «Угор».

Ключевые слова: *говоры Костромской области; ландшафтная лексика; тематический словарь; словарная статья; угор; энантиосемия.*

К ландшафтным терминам, бытующие в говорах, мы причисляем названия природно-географических объектов, в том числе возникших в результате деятельности людей – земледельческих и сенокосных участков, пастбищ, дорог и т. д. В материалах картотеки Костромского областного словаря, отражающей состояние современных костромских говоров, таких названий насчитывается почти 1,4 тысячи. Все они вошли в подготовленный нами тематический словарь «Ландшафтная лексика в современных говорах Костромской области». В словарь включены также ландшафтные термины, собранные нами во время полевых экспедиций в районы области. Для работы использовался и такой ценный источник, как материалы диалектоносителей-краеведов, содержащие лексику данной тематической группы.

В целом словник словаря насчитывает около 1,5 тысяч единиц. Каждый термин и его фонетические варианты (напр.: *ва'леж, валё'ж; дрегва', дрозва', дря'гва; дубра'ва, дубро'ва; иорда'н, иорда'н; кала'жина, кали'жина; курменё'к, кульменё'к; ле'тник, ле'тник; о'сек, ося'к; пле'со, плё'со; ◇ бережи'стая*

река', \diamond *берё'жистая река')* рассматриваются в отдельных словарных статьях. Акцентологические варианты (напр.: *бере'зник* и *березни'к*; *и'ловина* и *илови'на*; *калу'жина* и *калужи'на*; *ка'мешник* и *камешни'к*; *кур'мень* и *курме'нь*; *ле'ха* и *леха'*; *ме'жник* и *межни'к*; *нови'на* и *новина'*; *о'сырок*, *осы'рок* и *осыро'к*; *ра'зруб* и *разру'б*) описываются в одной статье, но даются в её заголовке.

В структуре словарной статьи выделяем несколько частей:

1) заглавное слово – ландшафтный термин, выраженный существительным, субстантивированным прилагательным в форме именительного падежа или устойчивым словосочетанием с указанием ударения, напр.: **Бака'лда**, **Бережи'на**, **Бо'лог**; **Береговы'е**, **Отго'нное**, **Разгульное**; \diamond **Белова'я земля'**, \diamond **Глухо'й лес**, \diamond **Ду'рий у'гол**;

2) грамматические пометы после заглавного слова – указание на грамматический род (*м.* – мужской, *ж.* – женский, *ср.* – средний) или на форму множественного числа, напр.: **Ба'нок**, *м.*; **Бездо'нка**, *ж.*; **Же'рло**, *ср.*; **Баданы'**, *мн.*; **Отго'нное**, *в знач. суц.*;

3) семантическая характеристика термина – истолкование развёрнутыми дефинициями-описаниями либо, если слова тождественны по значению, соотносением с ним другого синонима (используется оборот «То же, что») или с помощью синонима литературного языка, напр.: **Быстрото'к**, *м.* Место с быстрым течением в реке; **Быстрь**, *ж.* То же, что *быстрото'к*; **Бок**, *м.* Берег. В семантической части словарной статьи указываются все зафиксированные значения и оттенки значений, а также употребления;

4) иллюстрация значения слова – примеры из живой народной речи, которые во многом дополняют истолкование. После каждой иллюстрации указывается район и населённый пункт, где сделана запись (почти 840 населённых пунктов всех 24 районов Костромской области);

5) топонимический компонент – перечень топонимов, в основном ойконимов, возникших на основе ландшафтного термина. Как правило, они представляют собой однословные именованья, формально совпадающие с апеллятивом, а также составные, включающие ландшафтный термин. В работе с топонимической частью использованы источники XIX – начала XX в.

Приведём примеры словарных статей.

Буй, *м.* 1. Небольшая возвышенность, холм. *Вот на буях-то много землянки бывает.* Кадыйск. (Гобино). *Пошли завтра отдыхать на буй, там тепло.* Красносел. (Сунгурово). *До нашего буй*

очень долго идти. Мантур. (Рогово). || Возвышенное, открытое место. *На бую стоял стог сена.* Костром. (Яковлевское).

2. Быстрое течение в реке, стремнина. *Буй-то показывает нам на мель, дак мы туда не пльвём.* Мантур. (Знаменка). *На бую много рыбы поймали.* Мантур. (Угоры). *Смотри, какой у реки буй.* Нерехт. (Бабаево).

◆ Город Буй.

Городи'ще, ср. Возвышенность, холм. *Мы-то и сами на городище жили, на холме то ись.* Костром. (Куниково). *Городище заросло крапивой.* Чухлом. || Значительная возвышенность, гора, выделяющаяся среди других. *Большую-то гору у нас городищем называют.* Красносел. (Здемирово). *Глянь, Ваня, вот это городище.* Шарьин. (Николо-Шанга).

◆ Село Городище (Костром., 1877), сельцо Городище (Костром., 1877), деревни Городище (Кологр., Макар., 1877), усадьба Городище (Макар., 1877).

Кресты', мн. Перекрёсток, перепутье, развилка дорог. *На крестах раньше народ собирался.* Вохом. (Подволчье). *Страшныё вечера вот опеть будут, на старой Новой гот. Пять вечёров Страшных, ворожить можно бегать. Ворожили мы по подокошкам, да на кресты бегали, где ростовни вот, гадали.* Вохом. (Талица). *Где две дороги сходятся, крестами у нас зовут.* Октябрь. (Афонино). *Кресты – так называется место, где пересекаются две дороги.* Солигал. (Куземино). *Там, где дороги сходятся, на развилке, – это крест, кресты, кто как называл.* Шарьин. (Выползово). *Довезите меня до крестов.* Шарьин. (Печенкино).

◆ Деревня Кресты (Макар., 1877).

Перебо'р, м. 1. Мелкое каменистое место в реке с быстрым течением; перекат. *На переборе рыба водится.* Кологр. (Суховерково). + Межев. (Центральный).

2. Отмель. *Давай к берегу, на перебор.* Солигал. (Высокая Дача).

◆ Усадьба Перебор (Костр., 1877); Перебор на р. Волге (Макар., 1896).

Слуд'ка, ж. Мель на реке. *Там слутка на реке.* Парфен. (Парфеньево).

◆ Деревни Слудка, Слудка Большая, Слудка Верхняя, Слудка Малая (Ветл., 1877).

Шабала', ж. Возвышенное место, холм. *На высокой шабале деревня-то наша стояла, а внизу ключ бил.* Кологр. (Шаблово).

На шабале, возле церкви, погост есть, там матушка моя покоится. Кологр. (Шипилово).

Как видим, ландшафтные термины могут бытовать локально, вплоть до говора одного селения (помимо вышеприведённых, это, напр.: *ба'кен* 'наиболее глубокая часть русла реки' – Красносел., с. Сунгурово; *бо'лог* 'лесная дорога' – Кологр., д. Романово; *бочи'на* 'поле, прилегающее к лесу' – Нерехт., п. Космынино; *бу'кля* 'поворот, извилина в течении реки' – Галич., п. Курьяново); *вы'тяг* 'часть берега, вдающаяся в реку' – Октябрь., д. Лебеди; и многие другие); или иметь широкую – в масштабах области – географию (среди последних наиболее репрезентативны многозначные слова, напр., такие как *борови'на*, *боча'г*, *во'лок*, *гри'ва*, *деля'нка*, *дёрть*, *за'водь*, *за'ймище*, *кули'га*, *леди'на*, *лы'ва*, *ляди'на*, *на'волок*, *по'жня* и др.). Соответственно и объём иллюстраций в словарных статьях неодинаков. Большое количество примеров в ряде словарных статей, с одной стороны, позволяет показать распространение термина в разных районах Костромской области, с другой – представить как можно полнее лексическое значение слова. Вместе с тем, в таких словарных статьях содержится информация не только лингвистического, но и географического, и культурологического характера, что представляется ценным при исследовании культурных ландшафтов региона. В качестве примера прокомментируем словарную статью «Уго'р».

Уго'р, м. 1. Возвышенное место, холм, бугор. *Холм-та угором называли.* Буйск. (Романцево). *На угоре парни качули поставили.* Вохом. *На Никольских-то угорах / Растёт травка зверобой. / Почему больших не любят, / Маленьких – наперебой?* Вохом. (Лапшино). *Лес-от у нас вон за тем угором.* Макар. (Дорогиня). *Церковь наша стояла на угоре.* Макар. (Красногорье). *Всё в угорах-то усыпано, а мы идём из лесу-то и сядем – отдохнём, перекусим.* Мантур. (Знаменка). *Деревня-то наша на угоре стоит, далеко видать.* Мантур. (Попово). *Наше село стоит на угорах.* Мантур. (Угоры). *На угор поднимаешься, там и деревню видно.* Межев. (Петровка). *В Рождество всегда на угор выходили. Там и плясали, и песни пели.* Межев. (Центральный). *Рядом с деревней нашей много угоров было.* Межев. (Черная). *Сходи вон тамоди на угоры, полно земляники-то.* Нейск. (Аниково). *Такие у нас в селе угоры большие.* Нейск. (Солтаново). *Грибы-то в лесу за угором.* Нейск. (Торжок). *Деревня на угоре, и озеро на угоре.* Октябрь. (Боговарово). *У нас то один угор большуиший – Ромашкина гора.* Октябрь. (Веденьё).

Пока в угор поднимаешься, вся запыхаешься. Октябрь. (Масленка). *Робята с утра до вечера с угорах катаютча на санка'х да на лыжах.* Октябрь. (Останино). *Стог-от на угоре стоит. Кошачьи-то лапки на угоре растут.* Павин. *Побегли на угор, катися на салазках!* Павин. (Корково). *Высокое место – то угор.* Павин. (Медведица). *Катались с угоров на санках.* Павин. (Солдатово). *Катались ребята на санках с угора.* Павин. (Шайма). *Я буду ждать тебя на угоре.* Парфен. (Малыгино). *Отдыхали-ти обычно на угоре.* Пыщуг. (Белая). *Дом-то у них на самом угоре стоит.* Пыщуг. (Пыщуг). *За ягодами на тот угор пойдём.* Солигал. (Высокая Дача). *У нас деревня на угоре была, дак нас никогда не топило.* Шарьин. (Выползово).

2. Высокий берег реки. *Пошла на угор погуляю.* Макар. (Соловатово). *Она встретила его на угоре.* Павин. (Доброумово).

3. Овраг, ложбина. *В угоре ручей течёт.* Мантур. (Самылово). *В деревню через угор идти придётся.* Нейск. (Дьяконово). *И в угорах косили.* Нейск. (Обелово). *За угором-то лес дрімучий.* Поназыр. (Поназырево). *Раньше все угоры за деревней выкашивали.* Шарьин. (Аксёново). *В Медвеженском угоре черники страсть сколько.* Шарьин. (Медведица). *В угоре снега-то ишию полно. Угором-то у нас называют глубокую низину.* Шарьин. (Одоевское). + Павин. (Мундор).

♦ Село Угоры (Мантур.); деревни Угор (Ветл., 1877), Угоры Большие и Угоры Малые (Кологр., 1877); починок Угор/Угоры (Ветл., 1877).

Как видим, ареал слова охватывает 12 районов области – от р. Унжи до р. Ветлуги, от верховьев Костромы до р. Вохмы, и в 11 из них оно бытует в качестве названия возвышенного места (1-е и 2-е значения), как и в говорах соседних – к северу, востоку и западу от Костромского региона – областей [СРНГ, 46: 240–242]. (Ойконимы, указанные в топонимической части словарной статьи, мотивированы обозначающим возвышенный рельеф термином *угор*, который соотносится с месторасположением селений – *Наше село стоит на угорах* (Мантур., с. Угоры).) Однако в отдельных говорах Мантур. р-на (Самылово), Нейск. (Дьяконово, Обелово), Павин. (Мундор), Поназыр. (Поназырево), Шарьин. (Аксёново, Медведица, Одоевское) значение термина связано с отрицательным рельефом (3-е значение). Развитие в семантике слова *угор* антонимических значений наблюдается редко, в СРНГ указан лишь один факт: «7. Низкий берег, луг на берегу. Ильин. **Перм.**»,

зафиксированный в 1969 г. без примера [СРНГ, 46: 242] (отметим, что данный факт не нашёл отражения в «Словаре географических терминов в русской речи Пермского края» Е.Н. Поляковой [Полякова, 2007]). Костромские материалы дают основание рассматривать слово *угор* в ключе энантиосемии.

Сведения о природно-географических особенностях местностей, в говорах которых бытует термин, содержатся в ряде иллюстраций. Так, в примере *Деревня на угоре, и озеро на угоре*, записанном в с. Боговарове (Октябр.), содержится информация о расчленённости ландшафта. В иллюстрации *У нас деревня на угоре была, дак нас никогда не топило* (Шарьин., д. Выползово) сведения о преимуществе местоположения деревни коррелируют с геолого-географическими данными о ветлужском ландшафте, в частности, о половодьях, которые здесь «являются регулярным источником избыточного увлажнения» [Хорошев и др., 2013: 243].

В ряде иллюстраций содержится информация о культурной жизни селений. Из них мы узнаём о том, чем занимаются местные жители – *Грибы-то в лесу за угором* (Нейск., с. Торжок); *Сходи вон тамоди на угоры, полно земляники-то*. (Нейск., д. Аниково); *За ягодами на тот угор пойдём* (Солигал., п. Высокая Дача); о том, где и как проходят праздники – *В Рождество всегда на угор выходили. Там и плясали, и песни пели* (Межев., п. Центральный); о развлечениях деревенской молодёжи – *На угоре парни качули поставили* (Вохом.); о забавах детей – *Робята с утра до вечера с угорах катаютча на санка'х да на лыжах* (Октябр., д. Останино).

Список сокращений

Районы/уезды Костромской области/губернии: Ветл. – Ветлужский, Вохом. – Вохомский, Галич. – Галичский, Кадыйск. – Кадыйский, Кологр. – Кологривский, Костром. – Костромской, Красносел. – Красносельский, Макар. – Макарьевский, Мантур. – Мантуровский, Межев. – Межевской, Нейск. – Нейский, Нерехт. – Нерехтский, Октябр. – Октябрьский, Павин. – Павинский, Парфен. – Парфеньевский, Поназыр. – Поназыревский, Пышуг. – Пышугский, Солигал. – Солигаличский, Сусанин. – Сусанинский, Чухл. – Чухломский, Шарьин. – Шарьинский.

Библиографический список

Полякова Е.Н. Словарь географических терминов в русской речи Пермского края. – Пермь: Перм. гос. ун-т, 2007. – 420 с.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 46 / гл. ред. Ф.П. Сороколетов; отв. ред. С.А. Мызников. – СПб.: Наука, 2013. – 350 с.

Хорошев А.В. Ландшафты и экологическая сеть Костромской области / А.В. Хорошев, А.В. Немчинова, В.О. Авданин. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2013. – 428 с.

Недельчо Е.В. (Кострома)

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИРИЧЕСКИХ НОВЕЛЛ В. БОЧАРНИКОВА

Статья представляет анализ особенностей функционирования средств языковой выразительности в лирических новеллах костромского прозаика В.А. Бочарникова.

Ключевые слова: *средства языковой выразительности; стилистический приём; парцелляция; цветопись; семантика; антитеза; метафора; олицетворение; позиционно-лексические и анафорические повторы; экспрессивная функция.*

Василий Алексеевич Бочарников (1921–1991) – костромской прозаик. Лирические новеллы о природе – это его амплуа. В его новеллах основным героем выступает сама природа. В. Бочарников постоянно жил в деревне. Он родился в 1921 году в с. Бородачи Красно-Ярского района Сталинградской области в крестьянской семье. С 1964 года В. Бочарников жил и работал в Костромской области, поселившись в маленькой деревушке под названием Нелидово. «Отсюда, – шутил он, – мне открыт весь мир». В этом малом он смог увидеть большое [Бочарников, 1981: 6]. В. Бочарников тонко чувствует природу, её движение, зорко примечает её картины, оттенки, переливы красок. Писателю удалось найти в самом обыденном нечто новое, интересное. Он любил русскую деревню, русскую природу, любил и знал народный язык. Его новеллы радуют своей свежестью, образностью, радужным всплеском цветов и красок [Бочарников, 1981: 7]. Язык новелл В. Бочарникова образный и выразительный, в них много лексических и синтаксических изобразительно-выразительных средств языка.

Одним из часто встречающихся синтаксических средств языковой выразительности в произведениях В. Бочарникова является парцелляция. Как известно, парцелляция – это стилистический приём, заключающийся в расчленении единой синтаксической структуры – предложения – на несколько интонационно-смысловых единиц – фраз. Парцелляты, как правило, постпозитивны,

и основная функция их – выделение дополнительных смысловых центров [КРР, 2003: 455]. По лексико-грамматическому составу различается парцелляция членов предложения и парцелляция частей сложного предложения – сложносочинённого, сложноподчинённого и бессоюзного. Парцелляция характерна для художественных и публицистических текстов, в которых она используется для решения различных стилистических задач [КРР, 2003: 456].

Рассмотрим пример. Одной из самых удивительных по степени выразительности новелл В. Бочарникова является лирическая новелла «Сухое дерево»: *И оно дожило до весны, но не радо ей. Не поможет. Лучи солнца не отопреют почерневшие ветви и ствол, а живительный сок не пробежит толчками от комля до вершинки. Умерла берёза. Кругом всё живёт, ликовет, утверждает, а она умерла – почернели ветки, трескается и отваливается кора. Страшно увидеть в лесу весною сухое дерево. Оно уже всеми отвергнуто.*

Именно парцеллированным предложением начинается эта новелла: *И оно дожило до весны, но не радо ей. Не поможет.*

Первое предложение начинается с сочинительного союза *И*, что определённо предполагает предыдущий контекст, ибо союзы как служебные части речи связывают простые предикативные части в составе сложного или однородные члены предложения. С синтаксической точки зрения данное предложение должно быть сложным, а именно сложносочинённым, и иметь впереди простые исходные части, которые обусловили бы понимание смысла данного фрагмента. Но этих начальных частей нет. Причём они не просто представляют собой отдельные предложения, делая рассматриваемое предложение неполным, как это обычно предполагается при парцелляции, а просто отсутствуют. Так традиционно парцелляция не выступает. Эта яркая особенность языка автора, безусловно, рождает особую эмоциональность текста и ощущение трагичности и безысходности. Кроме того, это предложение является и семантически неполным, так как предмет мысли в нём выражен лично-указательным местоимением *оно*, которое и формирует неполноту семантики. Можно предположить, что данное предложение вытекает из предложения, являющегося заглавием текста («Сухое дерево»), однако и в таком случае мысль, заключённая в начальном предложении, является продолжающей то, что было выше: некий контекст, какие-то размышления, наблюдения, которые остались как бы «за кадром».

В результате использования этого средства языковой выразительности данная новелла собственно и становится лирической новеллой – будто вырванным из большого текста лирическим отступлением, представляющим авторские чувства.

Более того, второе предложение новеллы (*Не поможет*) тоже является неполным, парцелированным. *Что не поможет? Чему не поможет?* Эти мысли, по сути, являются имплицитно выраженными, за счёт чего синтаксис текста получается дробным, отрывистым, динамичным, создающим особый эмоциональный план. Текстовая роль парцеллятов заключается в том, что в них, как правило, выделяются части высказывания, наиболее важные с точки зрения передачи концептуальной или подтекстовой информации. Экспрессивная функция парцеллятов нередко проявляется в сильных позициях текста – заголовке, зачине или концовке [КРР, 2003: 456]. В данной новелле парцелляция как раз и проявляется в зачине – двух первых предложениях.

Для того чтобы выполнить экспрессивную функцию, то есть передать авторское отношение, парцелляция нередко вступает во взаимодействие со многими другими выразительными приёмами: антитезой, повторами, метафорой, олицетворением и др. Немаловажную роль в произведениях В. Бочарникова играет и цветопись. Колоративная лексика здесь, конечно, полисемантическая: наряду с прямыми номинативными значениями, менее значимыми в контексте произведения, цветоименования выражают символические значения. Они вступают в отношения противопоставления и соположения, формируя ряды контекстуальных антонимов и синонимов. Так, например, в новелле «Сухое дерево» активно используется чёрный цвет: *почерневшие ветви и ствол, почернели ветки*. Этот цвет реализует своё традиционное символическое значение, связанное со смертью, утратой, трауром, горем. В новеллах В. Бочарникова можно выявить цветовые лексемы, которые являются любимыми автором и присутствуют в ряде произведений. Это слова, объединённые положительной символикой, несущей ощущение радости, счастья, жизни и красоты, пропитанные пафосом жизнелюбия и добра: *золотые капельки-искры, голубоватые горошины («Быть победе!»), «сиреневая трель», сиреневые и лиловые подснежники («Подснежники»), «зелёный наряд», огоньки земляники («Лесные гостинцы»), васильковая синь – синие глаза самого лета («Синие глаза лета»)*. Таких примеров можно привести много. И эта цветовая лексика разнообразна: представляет собой и собственно названия цветов

спектра, и опосредованные, косвенные наименования, причём различные по своей частеречной принадлежности.

Антитеза – ещё один приём, который применяет автор в своих произведениях. Лексемы вступают в семантическое взаимодействие с другими словами произведения, как синонимичными, так и антонимичными по значению: *умерла берёза, кругом всё живёт, жилительный сок*. Всю лексику данной новеллы собственно можно разделить на две группы, которые характеризуются противоположной, антонимичной семантикой: с одной стороны, это *весна – лучи солнца – жилительный сок – живёт – ликует – утверждает*, а с другой стороны, *почерневшие ветви и ствол – умерла – почернели – сухое – отвергнуто*. Слова первой группы имеют положительную коннотацию: весна – символ жизни, тепла, пробуждения, надежд и радости, это яркие краски, это ассоциации с красным, желтым и зелёным цветами. Слова второй группы полны трагизма: *не отогреют – почерневшие – умерла – почернели – отваливается – страшно – отвергнуто*. Общую семантику усиливает лексический и однокорневой повтор: *жилительный – живёт, умерла – умерла, почерневшие – почернели*. Такие повторы способствуют актуализации эмоционально-экспрессивных значений, выполняют акцентирующую и собственно-изобразительную функции [КРР, 2003: 483].

Позиционно-лексические и анафорические повторы автор использует в целом ряде своих произведений-новелл, и часто это наблюдается в начале текста. Например, вот начало новеллы «Настоящее»: *Всегда хочется весны. Всем хочется весны*. Начало новеллы «Берёза»: *В движении вода. В движении земля. В движении небо. Всюду весна*. Это такие своеобразные зачины, вступления к основному тексту-рассказу, которые создают определённый эмоциональный план и выражают общую тональность новеллы.

Несомненно, особую роль в произведениях В. Бочарникова играют метафоры и олицетворения. Ими насыщены его миниатюры: *мороз пожаловал, хозяйничает, небо приветливо* («Цветы и мороз»), *зелёный лохматый вихорок* – это про крыжовник («Куст крыжовника»), *ткачиха-весна* («Зелёный наряд»), *умерла, отвергнуто, дожило* – это про сухое дерево, берёзу («Сухое дерево»), *скромница, завлекает* – это про вербу у реки («Невзора»), *еловые ветки дружно стерегли тропинку* («Алмазы»), *с зелёным полушалком на плечах* – это о бузине («Жизнь продолжается»). Природа персонафицируется в новеллах В. Бочарникова, имеет характер, как

у человека: настойчивый, упорный, целеустремлённый, непослушный, дружелюбный, приветливый, способный бороться, но и испытывающий порой страдание. В миниатюрах автора мы ощущаем таким образом его сыновнюю любовь к родной земле, к родной природе, о которых он пишет с нежностью и теплотой.

Анализ выявленных в лирических новеллах В.А. Бочарникова средств языковой выразительности позволяет обнаружить своеобразие художественного стиля костромского прозаика, который помогает нам, читателям, увидеть окружающий нас мир в его малых, казалось бы, деталях, задуматься, залюбоваться и ощутить, говоря словами самого автора, «сколько ещё неокрытой красоты в природе».

Библиографический список

Бочарников В.А. Поклон ржаному полю: Лирические новеллы и рассказы. – Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1981. – 319 с.

Бочарников В.А. Тропинка к дому: Повести и лирические новеллы. – М.: Современник, 1990. – 271 с.

КРР – Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 840 с.

Нефёдова Е.А. (Москва)

ДЕФИНИЦИЯ ДИАЛЕКТНОГО СЛОВАРЯ В АСПЕКТЕ ОТРАЖЕНИЯ НАРОДНЫХ ЗНАНИЙ О МИРЕ

Статья посвящена проблеме семантического описания лексики природы в диалектном словаре. В ней рассматриваются возможности построения словарной дефиниции на основе данных диалектного языка: совокупности мотивировочных признаков, закреплённых в синонимичных названиях объекта природы, а также лексической и семантической сочетаемости номинативных единиц.

Ключевые слова: диалектная лексикография; словарная дефиниция; предметная лексика.

Как известно, предметные и предикатные слова требуют двух разных стратегий толкования. «Для предметных лексем нужно строить дифференциальные толкования, потому что исчерпывающие невозможны, а для предикатных – исчерпывающие, потому

что дифференциальные недостаточны» [Апресян, 2006: 75]. При описании предметных слов – наименований природных объектов – «важнейшую роль играют различия по признакам формы, цвета, размера, внутренней структуры, способов использования и т. п.» [Там же]. Одним из труднейших для описания участков лексики природы являются ботаникосемизмы. Не случайно Д.Н. Шмелёв, рассуждая о трудностях описания слов с денотативной семантикой, приводит примеры из области ботаники [Шмелёв, 1974: 150–152]. Ю.Н. Караулов объясняет такое положение «принципиальным несовпадением научной ботанической систематики с общеязыковыми средствами её выражения» [Караулов, 1976: 36]. Ещё большие трудности подстерегают исследователя, имеющего дело с диалектным материалом, систематизация которого имеет отличия и от научной систематики, и от литературного языка*.

Л.В. Щерба отмечал, что «в ботанике разные растения определяются по установленной системе (то же относится и к зоологии, и к минералогии, и к другим отделам природы). В быту, а следовательно и в литературном языке, они определяются совершенно иначе, и зачастую трудно отыскать те признаки, которые заставляют нас узнавать то или иное растение» [Щерба, 1940: 100]. Думается, что при распознавании растений, грибов, насекомых говорящий опирается не на признаки отрефлексированного понятия об объекте, а на зрительный образ, на общее представление о нём, характер которого зависит от практического опыта говорящего.

Какими возможностями обладает диалектный словарь при семантизации ботаникосемизмов? Первый возможный способ – переводной, с использованием научного термина или синонима литературного языка. Этот способ привлекает тем, что словарная статья приобретает определённую строгость, слово оказывается точно соотнесённым со своим денотатом. Однако лексикографическая практика показывает, что способ этот не универсален в силу неодинаковой сегментации данного семантического пространства в науке, литературном языке и в говорах.

Например, при изучении номинаций грибов в говорах архангельского региона обнаружилось, что микологические объекты, относящиеся в научной классификации к разным видам, в говорах могут быть представлены одним синкретическим наименованием.

* «Ведь одной и той же физической вещи могут соответствовать совершенно различные описания – в зависимости от того, в рамках какой цивилизации рассматривается эта вещь» [Ельмслев, 1962: 133].

В частности, на архангельской территории отмечены ареалы с одним нерасчленённым названием *конёк* для таких видов, как млечники разных цветов, серушка и горькушка, и ареалы, где каждый из видов имеет собственное название: млечники – *лубянки, киселюхи, путики*, серушки – *серяхи, серые рыжики*, горькушки – *горькухи, краснухи, боровухи, горянки*. Диалектное синкретическое наименование не имеет аналога ни в научной систематизации, ни в литературном языке. Семантика синкретического наименования включает в себя общие или близкие признаки объектов, тогда как различия между ними представляются носителям диалекта несущественными.

С другой стороны, в говорах специальные наименования могут иметь объекты, относимые научной классификацией к одному виду, но различающиеся какими-н. признаками, существенными для диалектного сознания. Например, в ряде говоров архангельского региона это *красноголовик, боровик* – подосиновик с ярко-красной шляпкой и *белый гриб, белый боровик* – подосиновик со светлой шляпкой. Нет полного совпадения и в отнесении гриба к тому или иному подклассу: гриб валуй (*колпак, кубарь, бык-соловик*) наука относит к подклассу *Russulafotens Fr.*, а в говорах его объединяют с подклассом млечников (*Lactarius deliciosus*).

Сравнение с литературным языком также свидетельствует о неполном совпадении диалектной «семантической сетки», налагаемой на соответствующее смысловое пространство, при её совпадении с научным членением. Например, в говорах отмечены отдельные наименования для двух видов рыжика, соснового (*Lactarius deliciosus (Fr.) S. F. Gray*) – *рыжик красный, боровик* и елового (*Lactarius deliciosus (Fr.) S. F. Gray var. pini Vassilk*) – *еловик*, двух видов подберезовика, обыкновенного (*Leccinum Scabrum (Fr.) S. F. Gray Forma Scabrum*) – *серый гриб* и болотного (*Leccinum Scabrum (Fr.) S. F. Gray Formachioneum*) – *белый гриб, заяц, долгоножка*.

Однако в целом ряде случаев членение семантического пространства в науке, литературном языке и говорах одинаково. Следовательно, существует возможность построить словарную статью по типу переводной, воспользовавшись научным термином или синонимом литературного языка.

Рассмотрим основания, по которым эта возможность представляется нежелательной в диалектном словаре. Диалектный словарь призван отразить коллективные народные представления о мире.

Следовательно, дефиниция диалектного словаря должна соотноситься с видением объекта глазами носителей диалекта. Термин же соотносится с научным понятием об объекте, значение слова литературного языка содержит те признаки, которые должны соответствовать представлению городского жителя о микологическом объекте. Например, наименование гриба *рыжик* имеет в МАС следующее определение – ‘гриб со шляпкой желтовато-розового цвета и загнутыми книзу краями’. Это определение никак нельзя признать адекватным представлению сельского жителя, оно не отражает такие существенные признаки понятия, как способ использования, типичное место произрастания и некоторые другие. Кроме того, названные в дефиниции признаки цвета и формы шляпки не дают возможности отличить этот вид от некоторых других.

Степень познанности объекта определяется практическим опытом, неодинаковым у горожан и сельских жителей. Следовательно, помещая в зоне дефиниции латинский термин или литературный синоним, мы соотносим диалектное слово с несвойственным ему понятием*. В этом случае встает вопрос об источниках информации, на основе которой возможно построение толкования, адекватного видению объекта носителями диалекта**. Существуют ли объективные критерии выделения признаков объекта, действительно соответствующих взгляду изнутри диалекта? Очевидно, что релевантными при описании могут быть признаны лишь те признаки, которые имеют языковое выражение, так или иначе закреплены в языке.

Для выявления народных представлений об объекте многое даёт сочетаемость, не только устойчивая, но и свободная. Повторяемость признака, извлекаемого из сочетаемости, – показатель его важности для носителей диалекта, показатель его устойчивости. Это один из критериев включения признака в дефиницию. Например, в сочетаемости слова *груздъ* – *белый*, *заячий* (цвет выражен метафорически), *слизкой*, *сырой*, *масляный*, *кудрявый* – фиксируются признаки внешнего вида – цвет, слизистость шляпки, форма, *берёзовый*, *логовой*, *носовой*, *рёмовый* – место произрастания, *мегловый* – симбиоз с деревом (арх. *мегла* – ‘лиственница’), *ильинский* – время произрастания

* Ср. мнение известного польского лингвиста Е. Бартминьского: «Требование содержательной адекватности, или соответствия содержания дефиниции обыденному знанию, предполагает использование в качестве метаязыка общенародного польского языка в его разговорном варианте, без обращения к научным, книжным толкованиям» [Бартминьский, 2005: 61].

** Отметим, что это представление об объекте не может быть одинаковым у жителей разных регионов.

(к *Ильину́ дню*). Эти признаки могут быть использованы при формировании дефиниции слова *груздь*.

Выявить народное представление об объекте помогает мотивированность его названий. Большинство слов-миконимов являются мотивированными. Признаки номинации, формально закреплённые в слове, несомненно, аккумулируют свойства объекта, важные с точки зрения носителей диалекта. Например, рыжик еловой разновидности представлен в говорах архангельского региона такими номинациями: *еловой рыжик*, *еловик*, *подъельник*, *подъельши* (признак симбиоза с деревом), *логовой рыжик*, *логовик* (признак места произрастания), *синий рыжик*, *синяк* (признак цвета), *нагольник* (признак подлинности, ср. арх. *нагольное золото*, *наголо́* ‘очень, в высшей степени’). Совокупность мотивировочных признаков, закреплённых в синонимичных названиях микологического объекта, отражает коллективное представление диалектного социума о нём. Следовательно, эти признаки могут стать основой дефиниции при семантизации слова в диалектном словаре.

Кроме того, в семантической структуре слов должны быть представлены признаки, отражающие народную таксономию. Кроме архисемы ‘гриб’, необходимо отражение сем ‘съедобный – несъедобный’ на основе оппозиции *губы – поганицы*, ‘пластинчатый, используемый для засолки’ – ‘трубчатый, идущий в сушку’ на основе оппозиции *грибы – губы, рыжики, волнухи* (*Губы, те́ холодными едят, а грибы́ жарят; Грибов́ мало, все рыжики: волну́ха, ма́сленик, беля́нка; Холодно вре́ме, не растут волну́хи, одни грибы́*), ‘с млечным соком’ – ‘без млечного сока’ на основе оппозиции *губы – сырое́ги* (а также *красу́ли, беля́нки*), ‘трубчатый ценный’ – ‘трубчатый неценный’ на основе оппозиции *грибы́ – оба́бки* (*Мохови́к, он оба́бок, а красу́к – гри́б; Оба́бочек как очи́стишь – беля́нкой, а гри́б ссе́ра*) (см. подробнее об этом [Нефёдова, 1977]). С учётом родовых сем дефиниция названий елового рыжика, построенная на совокупности признаков номинации объекта, может иметь следующий вид: ‘съедобный пластинчатый гриб с млечным соком, оранжевого цвета, с зеленоватыми полосками на шляпке; растёт в низких сырых местах у елей; используется в засолку’.

Опыт подобного описания семантики миконимов содержится в «Словаре микологической лексики говоров архангельского региона» (рукопись). В «Архангельском областном словаре» имеются как примеры семантизации через термин соответствующей науки и/или латинское название: *груздь* – гриб груздь настоящий –

Lactarius resimus (Fr.) [АОС, 10: 95], *волнуха* – гриб волнушка розовая – *Lactarius deliciosus* [АОС, 5: 38] и др., так и опыты построения дефиниции на основе сочетаемости и/или признаков внутренней формы наименований. Например, *белый гриб* в разных своих значениях определяется как: ‘гриб с белой мякотью’, ‘гриб подберёзовик со светлой шляпкой’, ‘гриб белый и подосиновик со светлой шляпкой’ [АОС, 10: 56].

Библиографический список

- АОС – Архангельский областной словарь. – Вып. 1–. – М.: МГУ, 1980–.
- Апресян Ю.Д. Основания системной лексикографии // Языковая картина мира и системная лексикография / отв. редактор Ю.Д. Апресян. – М.: Языки славянских культур, 2006. – С. 33–162.
- Бартминьский Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике / пер. с польск.; сост. и отв. ред. С.М. Толстая – М.: Индрик, 2005. – 527 с.
- Ельмслев Л. Можно ли считать, что значения слов образуют структуру? // Новое в лингвистике. Вып. 2 / сост. В.А. Звегинцев. – М.: Изд-во иностр. лит., 1962. – С. 117–136.
- Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. – М.: Наука, 1976. – 356 с.
- Нефёдова Е.А. Об описании значений слов конкретной лексики // Вестник МГУ. Серия 9: Филология. – 1977. – № 3. – С. 55–62.
- Нефёдова Е.А. Ареальная характеристика семантических отношений в лексических микросистемах // Procidium of 3rd International Congress of Dialectologists and Geolinguists. T. 2. – Lublin: Maria-Curie-Sklodowska University, 2003. – С. 75–86.
- Шмелёв Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. – М.: Наука, 1973. – 280 с.
- Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии / Известия АН СССР, ОЛЯ. – 1940. – № 3. – С. 118–126.

Новикова Л.Н. (Тверь)

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ КАТЕГОРИИ КАЧЕСТВЕННЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В ТВЕРСКИХ ГОВОРАХ

В статье рассматриваются способы формирования словообразовательных категорий в диалектах, выявляется их специфика, определяется корпус словообразовательных категорий качественных имён прилагательных.

Ключевые слова: диалектное словообразование; словообразовательные категории; типы словообразовательных значений.

Понятие словообразовательной категории (СК), хотя и остаётся одним из наиболее востребованных, используется в русской дериватологии непоследовательно и даже противоречиво. Самые ранние употребления термина «словообразовательная категория» находим в работах Н.В. Крушевского, В.А. Богородицкого, А.А. Потебни, М.М. Покровского, В.В. Виноградова.

У М. Докулила СК выступает в качестве основной единицы описания системы словообразования. Так, рассуждая о «месте словообразования в системе языка и о его отношении к остальным областям языка и на связанный с ним вопрос о месте науки о словообразовании в языкознании», лингвист замечает: «Между словообразовательными и грамматическими категориями имеется существенная разница в степени и качестве абстракции: словообразовательные категории, с одной стороны, всегда включают определённые лексико-семантические классы; с другой стороны, они сами содержатся в более общих лексико-семантических категориях; у грамматических же категорий мы никогда не встречаемся лишь с простым более или менее широким обобщением лексических значений; грамматические категории лишь строятся на лексических значениях, но отвлекаются от них» [Dokulil, 1962: 203].

В данной статье анализируется образование прилагательных в составе словообразовательных категорий в соответствии с определением, которое дал Г.А. Пастушенков: «Словообразовательные категории объединяют слова на основании единства словообразовательного значения, которое целиком и полностью определяется словообразовательной структурой слова. Таковы значения субъекта, объекта, результата, орудия, места действия по действию, субъекту, объекту, орудию или месту действия, названному производящим словом. Поэтому в словообразовательных категориях объединяются только производные слова» [Пастушенков, 1995: 122].

Основным источником для наблюдения послужил словарь «Селигер: материалы по русской диалектологии» [Селигер, 1–6], а также материалы картотеки диалектных слов, хранящиеся на кафедре русского языка Тверского государственного университета.

Необходимо отметить, что качественные и относительные прилагательные имеют специфику в выражении словообразовательного значения (СЗ). Качественные прилагательные могут выражать СЗ вне поясняющего контекста, оно выявляется из его внутренней формы.

Относительные прилагательные реализуют СЗ в составе атрибутивно-субстантивных словосочетаний, то есть в сочетании

с определяемым существительным, так как суффиксы относительных прилагательных выражают СЗ только самого общего характера, а именно: «относящийся к тому, что названо производящей основой». Ср.: *берёзовый (сок, роцца, дрoва)*.

Поэтому при характеристике качественных прилагательных в говорах достаточно знать значение той или иной лексемы, чтобы правильно и уместно её использовать. Мы ограничимся только суффиксальным способом образования, поскольку именно при суффиксации реализуется всё многообразие словообразовательных значений, в отличие от других способов. Напомним, что при префиксальном способе образования происходит некоторая модификация значения производящего слова, которая не меняет кардинально его лексическое значение (*добрый – предобрый*), а префиксально-суффиксальный способ вносит синкретичность в те же значения, которые выражает суффиксальный способ.

В области образования качественных прилагательных в литературном языке Г.А. Пастушенков выделяет три основные СК в зависимости от частеречной принадлежности производящих слов – существительных или глаголов (образования от других частей речи малочастотны): 1) СК отсубстантивных качественных прилагательных, которые характеризуют определяемый предмет по наличию объекта; 2) СК отглагольных качественных прилагательных со значением способности или склонности к совершению действия; 3) СК отглагольных качественных прилагательных со значением способности легко подвергаться действию, разрушающему или изменяющему определяемый предмет [Пастушенков, 2004: 135–136].

1. Первая СК отсубстантивных качественных прилагательных объединяет производные, которые характеризуют определяемый предмет по наличию объекта обладания. При этом если наличие объекта несвойственно определяемому предмету, то прилагательное указывает на его наличие. С другой стороны, если предмет уже обладает этим объектом, то прилагательное подчёркивает интенсивность обладания этим предметом, величину или количество объектов. В литературном языке такие прилагательные образуются суффиксами *-ист, -аст, -ат, -чат*.

В тверских говорах мы отметили в этой категории, помимо перечисленных суффиксов, производные с суффиксами *-н* и нулевым суффиксом. Для более точного выявления словообразовательного значения производных мы воспроизводим все зафиксированные

в словаре мотивирующие контексты. Примером СК отсубстантивных качественных прилагательных, которые характеризуют определяемый предмет по наличию объекта обладания, могут служить следующие производные: *ражий* – *высокий, статный, физически здоровый (о человеке)*. Ражая дефка, харошая, упитанная, высокая, видная. *Фир. Хриплы*. Придсидатиль был ражий паринь, хароший чилавек. Йесли дефка красивайа, то эта пригляднайа, а про парня, ну вот што дефки смотря, эта ражий. *Фир. Ходуново. Фир. Яблонька*. Ражий, ражынный, здаровый паринь, палюбился мне красивый, ражий. Ражий – большой, статный. *Фир. Хриплы*. А рябятя ражые, высокие, здаровые. *Фир. Голутино*. Ну, ражий, значит, ну, высокий значит, широкий ф пличах, ну как щас: шкафта, што ли, гаварят. *Фир. Ходуново. // Сильный*. Ксения в моладости была ражая, как мужык. *Валд. Красилово. // Могучий, крепкого сложения (о животном)*. Он как фыркнул на миня [лось], у миня и ноги атнялись, ну и ражий он был какой, рагатый. *Фир. Хриплы* [Селигер, 6: 7]. *Ражинный* – то же, что ражий. Ражынный, здаровый паринь, палюбился мне красивый, ражий. *Фир. Яблонька*. [Там же: 7]. *Ражистый* – то же, что ражий. Он сам-та ражыстый такой, здаровый. *Фир. Жабны*. Ражыстый, высокий челаовек. *Ост. Сосница*. А вот Антон-та гарас ражыстый паринь, сильный такой. *Фир. Жабны*. Ражыстый – ета здаровый, во какой ражыстый. *Валд. Красилово*. [Там же: 7]. Данные производные характеризуются наличием такого свойства, как красота: *ража* – *красота, прелесть*. Ох уж ребенок ража у них. *Ост. Карпово*. [Там же: 7]. *Разноглазый* – *страдающий косоглазием, косой*. Адин глас на мельнице, другой на паленнице – «разнаглазая» гаварили. *Ост. Орлово*. [Селигер, 6: 30]. Это производное характеризует определяемый предмет (лицо) по наличию в качестве объекта дефекта глаз. *Карзубый* – *с неровными, кривыми зубами*. У карзубого один зуб прямо, а другой на лес. *Андреап. Любино. // С гнилыми зубами*. Гнилые зубы – карзубый жених. *Дем. Трунево* [Селигер, 3: 17]. Соседская девчонка карзубой уродилась, редко из дома выходит. *Тороп. Грядцы*.

Часто в говорах отсубстантивные качественные прилагательные омонимичны относительным в литературном языке, например: *постельный* – *гуляющий, развратный*. Вино пьёт, крутилась со всем, мужики были непостельные, а она постельная. *Тороп. Княжово* [Селигер, 5, 2013:68]. *Погодный* – *затяжной, несущий ненастье (о дожде)*. Пагодный дождь: замечают, такие пузырьки прыгают с пеной, такие в лужах. Он как бы такой тяжёлый. Уже,

скажут, запогодеет. *Ост. Пачково*. Пагодный дождь – это затянулся дождь. *Ост. Мосеевцы*. Пагодный дождь – это когда начнёт лить беспрестанно, солнце не выглядывает, или дождь перестанет, потом опять пойдёт. *Ост. Карново*. Пагодный дождь – день и ночь непрестанно, беспробудный дождь. *Там же*. Дождь распогодился, идёт, ни днём ни ночью не кончается – погодный дождь значит. *Ост. Свапуше*. Да вот када дождь идет, всю неделю дождь, тада запогодилось, и дождь, он тада «пагодный» называется. *Ост. Гуца*. А пагодный дождь – это мелкий такой моросит, затянуто всё. *Ост. Алексеевское* [Селигер, 4: 423].

У некоторых качественных прилагательных с процессуальной семантикой при анализе производящей базы выявляется производящее существительное. Например, прилагательное **могутный** – *физически крепкий, сильный*. Баба могутная, тянет всё хозяйство. *Тороп. Василёво*. Дед мой могутной был, мастера. *Там же*. Могутной – это здоровый, сильный. *Тороп. Лоховка*. Раньше она могутная была, крепкая, а померла. *Фир. Ходуново*. + *Тороп. Наговье; Фир. Фролево* [Селигер, 3: 285] – предполагает производящее слово глагол *мочь (могут)*, но в тверских говорах сохранилось существительное **могута** со значением *сила*. У меня могуты-то нет, а цветов много, собрала последнюю могуту и посадила. *Фир. Хриплы*. > *В моготы – быть в силах*. Юрушка в моготы, када не нажавши. *Фир. Жабны* [Там же: 285], поэтому более близким по семантике оказывается существительное, а не глагол, оно и является производящим. Отсубстантивное образование позволяет отнести это прилагательное к первой словообразовательной категории.

Примерами производных качественных прилагательных, когда наличие объекта уже свойственно предмету, а словообразовательное значение заключается в проявлении интенсивности обладания этим предметом, являются производные: **грибастый** – *имеющий большие толстые губы*. Грибастый – это губы большие. *Пен. Авогрица*. Муж-то грибастый был, что негр. *Фир. Ходуново*. Грибастый и значит – грибы широкие у рта, губы. *Там же* [Селигер, 1: 200]. **Кирпатый** – *с поднятым вверх кончиком носа*. Человек очень курносый – это кирпатый. Сосед у нас был кирпатый. *Кирпа – курноска* [Даль, 2: 109]. **Обжорный** – *прожорливый, который любит хорошо поесть (о животных)*. Вот ведь абжорная какая эта кошка, просто абжора. *Пен. М. Переволока*. От тилушки гавна много, она абжорная. *Ост. Городец* [Селигер, 4: 166]. **Огнёвный** – *излучающий яркий свет, сверкающий*. Планета, как ришато агнёвнай, кру-

тилась над дярвеней и куда-то в мори ввалилася. *Тороп. Наговье* [Селигер, 4: 210].

Отдельные прилагательные этой группы употребляются в переносных значениях, например **рукастый** – *склонный к воровству*. Небось кто рукастый унёс ис камода медаль. *Тороп. Наговье* [Селигер, 6: 103]. **Рукотливый** – *умелый, способный к работе*. Рукотливая баба Настя, сляпая, а прядёт. *Андреан. Любино* [Там же: 104]. **Рагатистый** – *несговорчивый, упрямый*. Сын у ниё рагатистый, упрямый. *Ост. Палиха*. Он фсегда рагатистый был, ни в чем ни сгаваришся. *Ост. Овинец*. [Там же: 86].

2. Вторая СК качественных прилагательных включает отглагольные производные со значением способности или склонности к совершению действия. В литературном языке данное словообразовательное значение выражается суффиксами *-ист, -чат, -лив, -чив*. В нашем материале, помимо перечисленных, мы отметили суффиксы *-н, -ив, -чист, -оват, -ац, -уц, -тельн* и нулевую суффиксацию. Это следующие прилагательные: **обидливый** – *такой, который часто обижается, обидчивый*. Я обидливая была, чуть что, я и пофутюкала в Калоду, к матери. *Ост. Бельково*. Ишь ты какой обидливый, всё дуишься. *Тороп. Уварово* [Селигер, 4: 167]. **Пониматный** – *понятливый, сообразительный*. Кот пониматный какой: не погребовал и большую схапал. *Ост. Белка*. Девка кака пониматная: всё в уши себе кладёт. *Там же*. Какой пониматный! Маленький поросёнок, а пониматный такой. *Ост. Вязовня* [Селигер, 5: 22]. **Понимащий** – *то же, что пониматный*. У меня внучка понимащая, как ангелок – хорошенькая такая. *Ост. Коковкино* [Селигер, 5: 23]. **Поплакущий** – *просящий что-н., жалующийся на что-н.* И спасибо, что дают, а то нас много таких поплакущих. *Пен. Москва* [Селигер, 5: 32]. **Работливый** – *трудолюбивый*. Работливый – эта трудолюбивый. *Валд. Плав*. Мой работливый мужык, а твой ливный. *Фир. Ходуново* [Селигер, 5: 5]. **Работный** – *то же, что работливый*. А эта баба-та ни работная сафсем, хоть и ни старая. *Фир. Жабны* [Там же]. **Рабочий** – 1. *То же, что работливый*. Мы в дивевне самые рабочие, и сена грябём, и фсё. *Тороп. Грядцы*. Ана рабочая, хоть и нямая, в агароде работаит. *Тороп. Грядцы*. Мать очинь рабочия была. *Пен. Поляны*. Мама очинь рабочая была, на дворе работала, паэтому и жили ни-плоха. *Фир. Горка*. Яшка у нас очень рабочий, любое дела знает, так и вьёт. *Валд. Красиово*. У мяня радители рабочие такие были. *Пен. Орлинка*. Он рабочий был, гаварил: «Ня болька – ня болька», –

а патом балець зделалася. *Ост. Городец.* Дет у неё кузнец был, рабочий, а щас уже старый стал. *Ост. Новинка.* Ана рабочая, очинь рабочая, я типерь бисильнаи стала, я рада, што ана са мной. *Ост. Бельково.* Баба рабочая: как выхмилища, так фсё работаит. *Ост. Белка.* Галя палавиннай челавек, рассутку-та нет, дефка рабочая, рабочая дефка и грамате знает. *Ост. Шеш.* Атец был очинь рабочий, очинь быстра работал. *Дем. Полново.* Атец сильна рабочий челавек. *Тороп. Краснодубье.* А веть была такая рабочая – духам умирла, з дивана упала. *Там же.* + *Дем. Трунёво, Тороп. Старое.*

2. *Способный.* Галава у ней рабочая, харашо училася. *Тороп. Кочута* [Селигер, 5: 5]. **Радивый** – *заботливый.* Видиш он какой радивый, и заботица а семье, и фсё заботный весь. *Ост. Бельково* [Селигер, 5: 6]. **Разбитной** – *сообразительный, деловой.* Эти сельские разбитные были, магли с людьми разгаваривать. *Пен. Заречье* [Селигер, 5: 10]. **Разборчивый** – *такой, который много расходует, разбрасывает свои вещи.* Уж такой он разборчивый уродился, не слидит за вищами, фсё новые пакупаит, деник ни жалеит. *Ост. Гришино* [Там же]. **Разворотливый** – *проворный, быстрый, ловкий.* Во какой праворый, разваротливый, у нево фсёв руках гарит. *Ост. Орлово* [Селигер, 5:18]. **Растереховатый** – *такой, который часто теряет что-н.* Дефка у них фсегда растереховатая была, как ящё голаву ни патяряла. *Ост. Гришино* [Селигер, 5: 60]. **Расхожий** – 1. *Ловкий, сноровистый.* Ана харошая баба, приёмчистая, чи-стаплотка, изба бальшая, сама баба расхожая. *Пен. М. Переволока.* Сасетка маладая, расхожая, крутая, са фсем справляица. *Тороп. Наговье.* 2. *Общительный, гостеприимный.* Яна такая расхожая баба, эта женщина, не так, как Натка, што [скажет]: ой, не хадите, не хадите. *Тороп. Краснодубье* [Селигер, 5: 65]. **Руководительный** – *хорошо знающий своё дело.* Братья маи такии рукавадитильные, ани па плотницкай части харошыи. *Ост. Машигина Гора* [Селигер, 5: 103].

3. Третья СК качественных прилагательных объединяет отглагольные производные со значением способности легко подвергаться действию, разрушающему или изменяющему определяемый предмет. В литературном языке Г.А. Пастушенков выделяет в этой категории только словообразующий суффикс -к (*ломкий, гибкий, мылкий*) [Пастушенков, 2004: 136]. В нашем материале мы отметили суффиксы -оват, -н, -юч, -нн, -тельн, -чат, -лив.

Извековатый – *искалеченный, изувеченный.* Тот парнишка вечно извековатый, никто мимо не пройдет, не тронув его. *Пен. Нелегино.*

Охватанный – разобранный на кирпичи. Печка ахватана вся, бедняки поразбирали на кирпичи. *Ост. Городец* [Селигер, 4: 297]. **Поморённый** – слабый, обессиленный, измождённый. Бродает как муха поморённая – немощный человек, плохо ходит, тихие люди, самих себя носить тяжело. Ох, поморённый какой! *Ост. Бельково* [Селигер, 5: 17]. **Повадливый** – послушный, покорный. Корова послушная, то есть повадливая. *Фир. Яблонька* [Селигер, 4: 410]. **Повадкий** – легко поддающийся соблазну, податливый. Муж у меня повадкий, не может устоять перед этой девицей. *Пен. Нелегино. Разбегающий* – раскосый (о глазах). Ягор касой был, глаза касья, разбгаюущии, фкось глядел. *Селижар. Вышегород* [Селигер, 6: 8]. **Развалючий** – старый, ветхий. Давай выделявать новый дом, давай фсё кампанировать из развалючей избы. *Пен. Заречье* [Селигер, 6: 13]. **Раскислый** – раскисший, вялый, дряблый. Старые мы, как раскислые грибы. *Андреан. Бологово* [Селигер, 6: 40]. **Распоясанный** – заброшенный, ничей. А вот типерича знаем: эти точки ваенныи – распасаныи, ни садержацца, фсё так ы брошын. *Фир. Ходуново* [Селигер, 6: 49]. **Растворительный** – 1. Быстро-растворимый. А щас сахар дают, тока слабый, бросиш ф чай и расходица сразу – растворительный такой. *Ост. Городец*. 2. Растворимый. У меня кофе растворительный есть. *Ост. Городец* [Селигер, 6: 57]. **Рассыпчатый** – легко рассытающийся на отдельные пряди (о волосах). Посли байни волосы рассыпчатыйи, промыла харашо. *Селижар. Вышегород* [Там же]. **Рассыпчистый** – рассычатый. Картошка-гарассыпчистая палучилась. *Ост. Орлово*. Маладая, ана рассыпчистая картошка. *Ост. Мосеевы* [Там же]. **Понадобный** – нужный; такой, который может понадобиться. И никто его [оставленные на улице вещи] не тронет, оно понадобное. *Дем. Трунёво* [Селигер, 5: 19].

В заключение можно сделать вывод об общих тенденциях в выделении словообразовательных категорий качественных прилагательных в тверских говорах и литературном языке, но их наполняемость и формальное выражение представленных словообразовательных значений во многом отличаются: говоры иллюстрируют многообразие формальных средств, обусловленное устным характером их существования.

Библиографический список

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. СПб.; М.: Изд. М.О. Вольфа, 1880–1882.

Пастушенков Г.А. Два плана членения языка и проблемы структуры русского слова. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 1995. – 212 с.

Пастушенков Г.А. Современный русский язык. Структура слова: Морфемика. Формообразование. Словообразование. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2004. – 220 с.

Селлигер: материалы по русской диалектологии. – Вып. 1–6. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2003–2014.

Dokulil M. Tvoření slov v češtině: Teorie odvozování slov. – Praha: Academia, 1962. – 354 s.

Новосёлова В.А. (Петрозаводск)

ОККАЗИОНАЛИЗМЫ В РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРЕССЕ: СЕМАНТИКА И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СТРУКТУРА*

В статье рассматриваются индивидуально-авторские неологизмы, функционирующие в газетных публикациях региональной прессы. Материалом для исследования послужили аналитические статьи известного карельского журналиста А.Г. Фукса, помещённые в книге «Верхом на уходящем троллейбусе». Сборник включает в себя 185 комментарийно-оценочных текстов, опубликованных в газете «Губерния» с 2000 по 2004 год под рубрикой «Настроения недели».

Анализ окказиональных дериватов проводится в проекции на идиостиль журналиста, который широко использует разговорный язык, помогающий ему непринужденно общаться с читателями, устанавливая с ними доверительные отношения.

В работе определяются контекстуально обусловленные значения окказиональных слов, даётся их словообразовательная структура, прослеживаются стилистические функции. Индивидуально-авторские языковые единицы, созданные журналистом, не только участвуют в создании оценочной перспективы, но и используются как одно из средств организации языковой игры.

Ключевые слова: окказионализм; индивидуально-авторский неологизм; экспрессивизация; семантика; словообразовательная структура; дериват; дериватор; комментарийно-оценочный жанр; стилистическая функция.

В российской публицистике периода демократических преобразований на рубеже XX–XXI веков отмечается активный процесс экспрессивизации языка, что связано с утвердившейся в печати свободой слова. Наряду с широким употреблением разнообразных средств речевой выразительности журналисты нередко прибегают к созданию окказиональных слов, или индивидуально-авторских

* Исследование выполняется при финансовой поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

неологизмов. Одним из основных отличительных признаков неузуального слова является его экспрессивность: «Авторский неологизм уже сам по себе экспрессема – специально созданное средство художественной выразительности» [Земская, 2006: 84].

Как показывают наблюдения, окказиональные дериваты могут иметь неодинаковую степень экспрессии: слова, которые созданы по продуктивным словообразовательным моделям (потенциальные единицы), менее экспрессивны, чем непродуктивные новообразования. Индивидуально-авторские неологизмы имеют тесную связь с контекстом, вне которого они теряют свою семантику. Журналисты создают окказионализмы не только с целью наиболее точно выразить свою мысль, но и показать своё отношение к предмету анализа, дать ему характеристику, оценку, вызвать читательский интерес к актуальной теме, проблеме, обсуждаемому вопросу.

В современной российской публицистике сформировалась новая разновидность газетного жанра – комментарийно-оценочные (информационно-оценочные, аналитические) статьи, в которых даётся фактическая информация, сопряжённая комментарием [Ким, 2004]. В русле современных тенденций развития информационно-оценочного жанра находятся публикации карельского журналиста А.Г. Фукса, собранные в книге «Верхом на уходящем троллейбусе» [Фукс, 2006], которые послужили материалом для исследования. Сборник включает в себя 185 текстов, опубликованных в газете «Губерния» за четыре года (2000–2004) под рубрикой «Настроения недели». Методом сплошной выборки выявлено 97 индивидуально-авторских неологизмов разных частей речи.

Обратимся к окказиональным именам существительным.

1. *И чтобы туркменбаши был у Вас на посылках, а белорусбаши, украинбаши и все остальные бывшие наши баши каждое утро чтоб под звонкий гимн Советского Союза водили вокруг Вас «Каравай» (263)*.*

Дериваты *белорусбаши* и *украинбаши* образованы по аналогии с узуальным словом *туркменбаши* – глава туркмен. Такой титул имел бывший президент Туркмении Сапармурат Ниязов. Окказионализмы образованы способом сложения основ *белорус-* (белорусы) и *украин-* (украинцы) и тюркского компонента *баши* (голова, главный).

В шутливо-ироническом пожелании российскому президенту перефразированы известные строки из «Сказки о рыбаке и рыбке»

* Здесь и далее в круглых скобках после примера дается номер страницы указанного выше сборника публикаций А. Фукса.

А.С. Пушкина. Журналист считает, что СНГ был создан в интересах России на неравноправных условиях.

2. *А безумие, вызванное пришествием в белокаменную четырёх чёрненьких, чумазеньких бонизмчиков?* (213).

Индивидуально-авторский неологизм *бонизмчики* образован сложносуффиксальным способом: сложение двухкомпонентного имени собственного *Бони М (Boneу М)* и диминутивного суффикса *-чик*. Сочетание недостаточно освоенного в русском языке иноязычного слова с уменьшительно-ласкательным суффиксом создаёт комический эффект. Экспрессию усиливают определения-прилагательные, имеющие морфему *-еньк-* с оттенком уничижительного значения, вызывающие ассоциацию с чертенятами: *чёрненькие, чумазенькие*.

А. Фукс с иронией говорит о том, что многие некогда популярные музыкальные группы и исполнители снова вышли на сцену, как и созданная ещё в 1975 году немецкая диско-группа Бони М, в которую входили эмигранты с Карибских островов.

3. *Ещё мировые информационные источники обнародовали уровень умственного развития всяких разных деятелей. У воителя Буша-громовеержца он оказался что-то около 90* (69).

Окказионализм *Буш-громовеержец* образован сложением целых слов. Он напоминает номинацию греческого бога – *Зевс-громовеержец*.

Автор осуждает милитаристскую политику Буша, поэтому и приводит содержащиеся в некоторых информационных источниках данные интеллектуального тестирования, которые показывают очень низкий уровень интеллектуального развития президента США, возомнившего себя Богом и вершителем судеб других стран и народов.

4. *И ведь, пока Бушки-Чебурашки не было, так и жизнь нормально текла* (149).

Окказиональный дериват образован суффиксально-сложным способом; имя собственное *Буш* модифицируется с помощью словообразовательного форманта *-к-* с оттенком пренебрежительной фамильярности, и к полученной неузуальной единице присоединяется слово, номинирующее сказочный персонаж, созданный писателем Э. Успенским.

По мнению А. Фукса, непродуманная политика президента Буша привела США к тому, что всё в стране «наперекосяк пошло», как в зоопарке, когда Чебурашка прикинулся крокодилom, в результате чего возникла настоящая неразбериха, всё перепуталось.

5. *На этом фоне конец американской ГорБухи прошёл почти незамеченным* (16).

Выборы президента в США в 2002 году А. Фукс называет «американской ГорБухой»:

Окказионализм *ГорБуха* образован сложением фамилий Эла Гора (кандидата в президенты США от демократов) и Джорджа Буша (ныне экс-президент США). Благодаря искусственному чередованию (ш/х) дериват созвучен со словом молодежного жаргона, называющим *горбухой* недостоверную историю, байку, шутку, розыгрыш. Новообразованием *ГорБуха* журналист показывает своё отношение к происходящему. По его мнению, процесс выборов президента в США – это «клоунада», «дурость», «бардак», «шоу», не заслуживающие уважительного отношения.

6. *Старина Кимченьрка, наделав шороху на российских вокзалах, убрался, наконец, восвояси* (56).

Дериват *Кимченьрка* образован сложносуффиксальным способом (многокомпонентное имя собственное *Ким Чен Ир* + суффикс *-к-*).

Называя Ким Чен Ира *Кимченьркой*, журналист снисходительно-иронически относится к беспрецедентным мерам безопасности, которые были предприняты во время встречи корейского лидера. Его приезд на длительное время остановил работу двух московских вокзалов, нарушил расписание десятков поездов и принёс неудобства сотням людей, которые вздохнули с облегчением после отбытия высокопоставленного лица.

7. *Суть её [досрочной предвыборной кампании] заключается в том, что, пока конкуренты не спеша копят патроны к предвыборной баталии, политик-«вада» неожиданно меняет сроки сражения и в результате побеждает легко и бескровно* (28).

Индивидуально-авторский дериват *политик-«вада»* образован сложением целых слов. Компонент «*вада*» ассоциируется у читателя с игрой. Окказионализм передаёт содержательно-подтекстовую информацию: выборы – это хорошо спланированная политиками игра, в которой основная партия принадлежит тому или иному главному кандидату, а электорату, от которого ничего не зависит, отведена роль статистов.

8. *Побыла МИССкой и будет. Пора на службу* (131).

Окказиональный дериват *МИССка* образован суффиксальным способом от производящей основы *МИСС*; суффикс *-к-* придаёт слову разговорный оттенок. Присоединение уменьшительно-ласкательного суффикса к иноязычному неизменяемому компоненту

нехарактерно для русской деривации, поэтому слово сразу привлекает внимание своей необычностью, тем более, что оно передаётся прописными, а не строчными буквами. Экспрессию усиливает фонетическое сходство со словом *миска*.

9. В Нигерии **афро-африканцы** ошалели от переизбытка красоты (135).

Данное окказиональное слово образовано по модели деривата *афро-американец*, которое в настоящее время используется для полнокорректного обозначения этно-расовой группы в США вместо номинации *негры*. Введением этого слова была решена проблема обозначения представителей негроидной расы, проживающих в Америке.

А. Фукс, используя номинацию *афро-африканец*, не фиксируемую словарями, иронизирует над нарочитой демонстрацией политкорректности американцев. Индивидуально-авторский неологизм образован от тавтологического словосочетания *африканский африканец*, которое создаёт комический эффект (сложение сокращённой и полной основы с помощью интерфикса *-o-*).

Представителей негроидной расы можно встретить в самых разных уголках нашей планеты, поэтому, следуя рассуждениям автора, придётся ввести множество соответствующих дериватов: *афро-норвежцы, афро-швейцарцы, афро-европейцы, афро-шведы, афро-немцы, афро-русские*.

Наблюдения показывают, что номинативная функция окказионализмов тесно связана с авторским субъективным восприятием действительности. В зависимости от содержания контекста эспрессемы А. Фука имеют различную окраску: ироническую, иронически-неодобрительную, пренебрежительную, уменьшительно-уничижительную, скептически-неодобрительную, фамильярно-пренебрежительную. Окказионализмы не только участвуют в создании оценочной перспективы, но и используются как одно из средств организации языковой игры. Благодаря способности неузуальных единиц порождать ассоциативные связи, они способствуют передаче подтекстовой информации, органично вплетаясь в канву повествования.

Библиографический список

Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 328 с.

Ким М.Н. Жанры современной журналистики. – СПб.: Изд. Пресс, 2004. – 336 с.

Фукс А.Г. Верхом на уходящем троллейбусе. – М.: Биоинформсервис, 2006. – 272 с.

ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО АНАЛИЗА СЛОВА И ТЕКСТА НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА В РАМКАХ РЕГИОНАЛЬНОГО КОМПОНЕНТА ПРЕПОДАВАНИЯ

Статья посвящена рассмотрению особенностей работы над словом и текстом в рамках лингвокультурного анализа, необходимого для формирования культуроведческой компетенции учащихся на уроках русского языка на региональном материале. Представлены лингвометодические основы лингвокультурного изучения слов и текстов в диахроническом аспекте. Собраны дидактические материалы для осуществления лингвокультурного анализа слова «юродивый».

Ключевые слова: филологическое образование; региональный компонент преподавания русского языка; культуроведческая компетенция; лингвокультурный анализ.

В настоящее время в российских школах структура содержания образования дифференцирована по основным образовательным областям. Одной из них является предметная область «Филология», что представляет новый подход в преподавании русского языка в современной школе: отказ от традиционного автономного изучения языка и литературы и включение их в структуру филологического образования. Как отмечает Е.А. Быстрова, «особую значимость приобретает проблема филологического образования и места в нем учебного предмета “Русский язык”» [Обучение русскому языку в школе, 2004: 7]. Обращение к истории преподавания русского языка позволяет утверждать, что в отечественной науке, в трудах Ф.И. Буслаева, К.Д. Ушинского, Л.В. Щербы, В.В. Виноградова и других ученых, заложены пути решения этой проблемы. Так, В.В. Виноградов отмечал, что «история языка... как научная дисциплина, немыслима без общей базы истории материальной и духовной культуры и прежде всего без знания истории общественной мысли» [Виноградов, 1999: 6]. Таким образом, филологическое образование традиционно рассматривалось как часть гуманитарного образования, отмечалась его важная роль в воспитании личности школьника, в формировании его духовной, национальной культуры, что поддерживалось всеми прогрессивно мыслящими учеными-лингвистами, филологами, методистами.

Основой филологического образования является текст, который занимает сегодня центральное место в методике преподавания

русского языка как важная дидактическая единица, поэтому современный период развития методики преподавания языка характеризуется текстоцентрическим принципом обучения языку. Использование текста как средства осуществления личностно-ориентированного подхода при изучении русского языка обеспечивает решение таких важных проблем школьного образования, как приобщение учащихся к духовному богатству и красоте родного языка, воспитание вдумчивого отношения к слову. О вдумчивом, внимательном отношении к слову неоднократно упоминали выдающиеся лингвисты прошлого. Так, академик Д.С. Лихачев, вспоминая обучение в университете, говорил об удивительных занятиях по «медленному» чтению Л.В. Щербы, когда преподаватель требовал углубленного, проникновенного отношения к слову. Известный русский педагог А.Д. Алферов писал: «Целью преподавания языка естественно ставить умение вслушиваться в язык, говорить, читать и писать на нем, но преподаватель не должен себя обманывать относительно размеров, в которых эта цель может быть достигнута» [Хрестоматия по методике русского языка, 1991: 113]. Перед учителем сегодня, как и раньше, стоят важные задачи, одной из которых является обеспечение общекультурного уровня учащегося посредством воспитания сознательного отношения к языку как явлению культуры. Для этого необходимо обращение к филологическому, методическому наследию, глубокое изучение которого открывает пути решения многих современных проблем преподавания русского языка в рамках современных требований, предъявляемых ФГОС.

Целью данной статьи является рассмотрение особенностей работы над словом и текстом в рамках лингвокультурного анализа, необходимого для формирования культуроведческой компетенции учащихся на уроках русского языка.

Особенную актуальность сегодня приобретает работа на уроке русского языка, направленная на пополнение словарного запаса школьника. Данная работа осуществляется учителем в рамках грамматико-орфографического и семантического направления словарной работы. Учитывается также специфика слова как единицы языка: непосредственная связь с внешним миром, смысловые (семантические) связи слова с другими словами, проявляемость лексического значения слова в окружении с другими словами и в разных функционально-смысловых типах речи. Поскольку всё в языке связано со словом или проявляется в слове, обогащение словарного

запаса учащихся должно совмещаться с изучением всех разделов науки о языке. Так, например, при изучении правописания суффиксов прилагательных -ев-, -ив-, -чив-, -лив- обращается особое внимание на слова-исключения из данного правила: *милостивый, незлобивый, юродивый*. Слова с данной орфограммой включены в тестовое задание №10 контрольных измерительных материалов единого государственного экзамена. Сегодня многие учащиеся затрудняются в определении значения слова *юродивый*. Однако без понимания семантики данного слова невозможно осмысленно овладеть правописными нормами: современная методика обучения орфографии в рамках системно-деятельностного подхода в обучении предполагает совершенствование правописных навыков как способности думать, анализировать, аргументировать. Кроме того, невозможно правильно понять художественный образ юродивого, неоднократно встречающийся в русской классической литературе (см., например, «Борис Годунов» А.С. Пушкина), оценить богатое духовное наследие России, а также ее историю, так как «ни одна страна не может представить такого избытка юродивых и примеров необыкновенного уважения к ним» [Брокгауз, Ефрон, 2007: 954]. Таким образом, чтобы истолковать лексическое значение слова, надо вначале обратить внимание на его происхождение, структурные особенности, произношение и написание, а также рассмотреть слово в широком культурно-историческом контексте. Классическим образцом исследований подобного типа является монография В.В. Виноградова «История слов», которая представляет собой уникальный труд, посвященный истории основных пластов русской лексики под углом зрения важнейших исторических процессов в ее развитии. Лингвометодическое наследие позволяет увидеть перспективы развития данного вида научных исследований в современных условиях. Учитель может предложить школьникам участие в проектной деятельности, которая начинается с глубокого лингвистического анализа слова. Отметим, что если обращение к электронным ресурсам позволяет облегчить работу со словарями, то отбор материала исследования, представляющего культурно-исторический контекст, невозможно осуществить без основательной филологической базы, которой обладает учитель, выступающий в функции научного руководителя. Безусловно, толковые словари дают контексты к значениям данного многозначного слова (ср.: отрывки из произведений Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, И.А. Гончарова [МАС, 4: 776]), однако обращение

к отрывку из текста романа «Масоны» А.Ф. Писемского позволяет увеличить возможности лингвокультурного анализа. Данный текст не только содержит интересные сведения культурно-исторического характера, связанные с родным краем, г. Солигаличем Костромской губернии, в котором в XIX веке жил юродивый Андреюшка, но и служит яркой иллюстрацией такого важного явления русской духовной жизни, как юродство: *Маленький домишко Андреюшки стоял на самой окраине города; прошло тридцать лет, как юродивый из него не выходил, сидя день и ночь на лавке и держа даже себя прикованным на цепи. В молодости Андреюшка, по мастерству своему, золотил иконостасы, и, как шла молва, все вызолоченные им иконостасы до сих пор нисколько не полиняли и не потускнели. С двадцатилетнего возраста Андреюшка, будучи грамотным, стал читать священное писание и на Апокалипсисе как бы несколько тронулся: первоначально он перестал заниматься своим мастерством, потом уединился совершенно и в конце концов сам сел на цепь. Слух об его подвижничестве очень быстро распространился, и к нему отовсюду стали приходиться за благословением* [Писемский, 2011: 56]. В тексте есть интересный момент, который важен для понимания одного из значений слова *юродивый*, употребляемого как имя существительное: «Блаженный, аскет-безумец или принявший вид безумца, обладающий, по мнению религиозных людей, даром прорицания» (ср.: *Gnadige Frau* больше всего поразили глаза Андреюшки – ясные, голубые, не имеющие в себе ни малейшего оттенка помешательства, напротив, очень умные и как бы в душу вам проникающие). Сегодня вопрос о необходимости лингвокультурного анализа слова, текста поставлен остро, так как современные школьники часто плохо знают культурно-исторические реалии прошлого, например, кто такой Христа ради юродивый. Важно объяснить школьникам, что путь духовного подвижничества на Руси, в России, всегда высоко ценился народом, так как именно блаженные несли истину людям во все времена. Здесь возможно сопоставление текста заметки о юродивом Андреюшке из газеты «Костромские ведомости» за 1864 год, которую приводит в своей книге «Скажи: которая Татьяна?» известный костромской краевед В.Н. Бочков, где рассказывается о том, как юродивый по-разному принимал посетителей: *Все посетители являлись обыкновенно с подарками, чаще всего приносили калачи. От одних он принимал подарки – и это значило, что посетителя он считает человеком добрым. От других он*

вовсе не брал приношений или, принявши подарок, бросал его на пол к дверям комнаты. Несчастные, которым приходилось уносить подарки назад, выходили от Андреюшки с горьким убеждением, что они не достойны того, чтобы Андреюшка взял от них что-нибудь. Известно, что в истории государства Российского не раз юродивые говорили правду сильным мира сего. Например, известный юродивый Василий Блаженный, живший во времена царствования Ивана Грозного, имел духовное мужество говорить правду царю. До сих пор Собор Покрова Пресвятой Богородицы, который в народе называют Собором Василия Блаженного, свидетельствует об уважении и народной любви к этому духовному подвижнику.

Таким образом, филология как предмет интегративного характера позволяет соединить различные учебные предметы в рамках одного исследования. Межпредметная интеграция сегодня – это дидактическое условие, сопутствующее отражению в учебном процессе сформированности целостного мировоззрения, соответствующего современному уровню развития науки и общественной практики, а также овладение учащимися навыками познавательной, учебно-исследовательской и проектной деятельности. Конечный результат работы может быть представлен в виде буклета или паспорта слова в электронном варианте, где будет представлен языковой материал с региональным значением, сообщения учащегося по результатам его работы в форме защиты своего исследования, возможно, в форме презентации. Для создания презентации учитель может рекомендовать живописные полотна, на которых изображались юродивые (например, «Василий Блаженный (Моление)» С.А. Кириллова, «Юродивый» В.Г. Перова, «Юродивый, сидящий на снегу» В.И. Сурикова, «Предсказание блаженного» В.Н. Латынцева), а также созданный в рамках серии «Гора самоцветов» мультипликационный фильм под названием «О Василии Блаженном».

Соединение языка и культуры в процессе формирования коммуникативной и культуроведческой компетенции обогащает словарный запас учащихся определённой лексикой, словами с национально-культурным компонентом, искусствоведческими терминами, а «методической задачей для словесников остается отбор и подготовка к использованию на уроке соответствующих теме и задачам урока текстов, позволяющих почти на каждом занятии выходить если не на лингвокультурный анализ в полном объеме (он более уместен на специальных уроках), то хотя бы на выполнение заданий лингвокультурного характера» [Новикова, 2006: 14].

Библиографический список

- Бочков В.Н. «Скажи: которая Татьяна?». – М.: Современник, 1990. – 320 с.
- Виноградов В.В. История слов / Российская академия наук. Отделение литературы и языка: Научный совет «Русский язык». Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН; отв. ред. Н.Ю. Шведова. – М., 1999. – 1138 с.
- Иллюстрированный энциклопедический словарь Ф. Брокгауза и И. Ефрона. – М.: Эксмо, 2007. – 960 с.
- МАС – Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981–1984.
- Новикова Т.Ф. Культурологический подход к преподаванию русского языка от теории к практике // Русский язык в школе. – 2006. – № 3. – С. 12–14.
- Обучение русскому языку в школе: учебное пособие для студентов педагогических вузов / Е.А. Быстрова, С.И. Львова, В.И. Капинос и др.; под ред. Е.А. Быстровой. – М.: Дрофа, 2004. – 237 с.
- Писемский А.Ф. Масоны. – М.: Книга по требованию, 2011. – 532 с.
- Хрестоматия по методике русского языка: Организация учебного процесса по рус. яз. в шк.: пособие для учителя / авт.-сост. Б.Т. Панов, Л.Б. Яковлева. – М.: Просвещение, 1991. – 271 с.

Панцырева Д.В. (Вологда)

ЗВУКОИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ДИАЛЕКТНЫХ ГЛАГОЛОВ С КОРНЕМ -ЖЁГ-/-ЖГ-

В статье исследуются диалектные глаголы со значением 'наносить/нанести удар' на примере одного из звуковых комплексов. Описание ономастов показывает связь звуковой оболочки слов с их семантикой. При анализе акустических и артикуляционных свойств лексем учитывались их словарные дефиниции, употребление в контексте.

Ключевые слова: севернорусские говоры; фоносемантика; звукоизобразительность.

В данной статье описывается роль звукового комплекса диалектных глаголов-ономастов в формировании их семантики на примере вариантов одной корневой морфемы. Основным источником работы послужил «Словарь вологодских говоров», в двенадцати выпусках которого обнаружено около двухсот звукоизобразительных глаголов с общим значением 'бить, ударять'.

Актуальность темы обусловлена необходимостью всестороннего описания говоров родного края. Вслед за В.В. Виноградовым исследователи отмечают, что семантическая структура глагола

более ёмкая и гибкая в сравнении с другими частями речи. «Диапазон сем в его семантической структуре варьируется очень широко – от семем самого общего характера, содержащих только архисему, до единиц, обозначающих сугубо конкретный способ действия и включающих значительное количество дифференциальных сем. Кроме того семантическая структура глагольной лексемы содержит потенциальные семы и чрезвычайно мобильна» [Чарыкова, 2000: 4]. Рассмотрение лексического материала в фоносемантическом аспекте помогает углубить анализ диалектного слова. Описание акустического образа диалектного глагола позволяет уточнить его семантику, а анализ контекста даёт возможность выявить потенциальные семы.

Эффективность изучения говора с позиций фоносемантики подкрепляется тем, что диалектная лексика имеет особую яркость и выразительность, которые нередко приобретаются именно благодаря определённому звуковому составу слова. Об этом в частности позволяют судить работы Е.П. Андреевой, С.А. Ганичевой, посвящённые звукоизобразительной лексике в составе вологодских говоров [Андреева, 2008, 2013; Ганичева, 2011].

Основная задача нашего исследования заключается в том, чтобы, характеризуя состав одного из корней с акустико-артикуляционной стороны, показать связь между звучанием и значением диалектных ониматопов и соотнести полученные результаты со словарными дефинициями.

Отметим, что анализ ЛСГ глаголов со значением ‘бить, ударять’ позволяет выделить в её составе четыре подгруппы с разной степенью наполняемости: глаголы первой подгруппы обозначают сильный, мощный удар (*бухануть, жёрнуть, лупáсить, тарарáхнуть* и др.); глаголы второй подгруппы характеризуют резкий, приглушённый удар (*бúкнуть, кóкнуть, ты́кнуть, ца́кать* и др.); ониматопы следующей подгруппы обозначают также резкий, но уже хлёткий удар (*стега́ть, настрекáть, хля́стать, жё́гнуть* и др.); наконец, глаголы четвертой подгруппы номинируют негромкий глухой удар (*чи́кать, бя́кать, жмя́кать, намя́кать* и др.). В целом у отмеченных глаголов основное значение ‘бить, ударять’ передаётся, как правило, за счёт таких аллофонов, как прерванные [к], [т], непрерыванный [с], резкие [р] / [р’]. Среди гласных наиболее частотными оказываются [а] и [о], как диззные, так

и недиезные. Частотность аллофонов именно этих фонем обусловлена определенными акустико-артикуляционными свойствами, благодаря которым звуки в составе фонетической оболочки лексемы достаточно точно могут передать основные признаки денотата, то есть его силу и резкость. При этом в составе каждой из подгрупп есть фоностема, набор звуков, которые выражают дополнительные оттенки значения, сопровождающие базовую семантику. Например, характер негромкого, глухого удара описывается при помощи согласных [м’], [л’], а наиболее частотными гласными являются диезные [а] и [у]. Характер же сильного, мощного удара чаще передаётся звуками [ш], [х], недиезным [а] и [ы].

Глаголы, содержащие звуковой комплекс -жѣг-/- жг-, обозначают резкий хлѣсткий удар. Словарь вологодских говоров фиксирует четыре глагола, имеющих данный акустический образ, среди них преобладают многозначные слова:

1) *жгнѹть* ‘ударить чем-либо, хлестнуть’. Тарн. Ковриж. [Картотека СВГ].

2) *жѣгнѹть* 1. ‘резко ударить, хлестнуть’: *До чегó врёдная дѣвка, жѣгнула парнишка не из-за чегó.* К-Г. Рудн. 2. ‘выпить что-либо залпом’: *Он стака́н-от как жѣгнет.* Вож. Якун. [СВГ, 2: 81]. КСВГ содержит новые материалы, свидетельствующие о таком значении данного глагола, как ‘нанести удар чем-либо, дать’: *Васю́к, быва́ло, как жо́гнет кому́, дак то́ко сбры́кает.* Вож. Бекет. ‘выпить вина’: *Ну дава́й ещѣ жо́гнем по маленькой да и пойдѣм домо́й.* Вож. Бекет.

3) *ожга́ть* 1. ‘подвергнуть действию огня со всех сторон’: *Надо ожга́ть болванку деревя́нную.* К-Г. Навол. 2. ‘повредить огнем или чем-нибудь горячим, жгучим, обжечь’: *Ожгла́ руку.* К-Г. Навол. 3. ‘укусить, ужалить’: *А ос ско́лькѣ! У меня́ ба́бку ожга́ло!* Сямж. Грид. *Идѣшь — бойсья: ожгѹт, опеку́т всю.* Шексн. Кам. 4. ‘хлестнуть, ударить’: *Вот поры́кай ошшо́, дак ожгѹ ремне́м!* Кир. Устье. *Я вот тебя́ ви́цой-то, как кошку, ожгѹ!* К-Г. С. Гора. *Ожга́ть — это витне́м ожга́ть.* К-Г. Навол. 5. ‘быстро пройти, пробежать’: *Скора́ на ногу-то была́. Два́дцать киломе́тров ожгѹ, дак хоть бы тебе́ штѣ!* Тарн. Коротк. [СВГ, 5: 36]

4) *ожсе́чь* 1. ‘повредить огнем или чем-нибудь горячим, жгучим, обжечь’: *Вот ничѣго, не ожгѹ. Ожге́шь кипятком, дак чегó тут будет? Ожсе́чь нельзя́ дрожжи. А это ожги-ко*

кипятком, дак пирогаУ не есь. Сямж. Монаст. 2. 'укусить, ужалить': Из змеи-то браслёты делают робята, дак чуть не ожгла одна. Тот. Коров. Она как ожоёт, дак нога сразу вспухнет. Ожогут ногу змеи-то, дак и умереть можно. Сямж. Монаст. Меня вчера пчела ожгла. Кир. Ферап. 3. 'хлестнуть, ударить': Коней-то ожгёт кнутом-то да и упау. Тот. Коров. Я вот тебя вицой-то, как кошку, ожгу! К-Г. С. Гора. 4. 'истратить, израсходовать': С этими праздниками я столько денег ожог! Кир. Мыс. Вишь, сколько денег-то он ожог. Кир. Борб. 5. 'брать непомерно дорого (о деньгах)': Ожгут с меня много денег за коровушку. Кир. Борб. [СВГ, 5: 37]

Анализируемый звуковой комплекс интересен тем, что он не обладает звукоподражательным характером. Значение 'бить, ударять' у отмеченных глаголов возникает в результате семантической деривации. Изначально корень нёс в себе значение, связанное с огнём и его взаимодействием с окружающими предметами. Но человек, соприкоснувшись с огнём, почувствовал на себе его жгучесть, и эти ощущения спроецировал на ощущения, возникшие при иной ситуации, т. е. после нанесения хлёсткого удара. Именно поэтому в зафиксированных контекстах в качестве объекта удара выступает чаще всего человек или реже животное.

Этимологическое значение сохранили два ономотопа. Так, основное значение глагола *ожгáть* – 'подвергнуть действию огня со всех сторон'. Его второе значение содержит наряду с семантическими компонентами 'повредить огнём' производные семы 'жгучий', 'горячий', которые создают необходимую мотивацию для метафорического переноса. Среди других производных значений отмечается и интересующая нас семантика глаголов подгруппы – 'хлестнуть, ударить'. Аналогично развивается семантика глагола *ожечь*. В сознании диалектоносителей промежуточным звеном в цепочке тактильных ассоциаций между значениями 'повредить огнём' и 'хлестнуть, ударить' является значение 'укусить, ужалить'.

На наш взгляд, такое развитие значения обусловлено и акустическими ассоциациями, что объясняется звукоизобразительным характером корневой морфемы. Заметим, что в исследованиях по фоносемантике различают звукоподражательную и звукоизобразительную природу фонетического образа. Оформление анализируемого звукового комплекса начинается с непрерывного

звонкого высокого [ж], который несёт в себе общую семантику для данной подгруппы: начальный этап удара – замах, причём можно предположить, что это замах каким-либо гибким, тонким орудием. Конечный согласный звук корня – прерванный звонкий заднеязычный [г] позволяет передать резкое соприкосновения орудия с поверхностью, по которой наносится удар. Обозначение этих двух этапов с помощью акустического оформления непрерывными и прерванными звуками наблюдается у многих ономастопов с общим значением ‘наносить / нанести удар’, но именно характер звуков позволяет говорить об оттенках значений каждого звукового комплекса. Наличие двух звонких [ж] и [г] в сочетании с ударным бемольным [о], который «утяжеляет» звучание, придаёт ему бо́льшую силу (-*жѣг-*), помогает максимально точно передать характер удара гибким, обжигающим орудием.

Анализ контекстов представленных глаголов позволяет выявить арсенал орудий, которыми наносится хлѣсткий, резкий удар. Это может быть ремень (*жѣгнул он её ремнѣм-то; ожгу ремнѣм*), прут, гибкая ветка (*вицой-то, как кошку, ожгу*), кнут (*витнѣм ожгать; ожѣг кнутѣм-то*). Гибкое, тонкое орудие характерно для нанесения подобного вида удара, что частично отражается в инициалах большинства звуковых комплексов с помощью щелевых согласных [с], [х], [ж] и др.

О повышенной выразительности анализируемого корня, яркости его звукообраза свидетельствует и тот факт, что глагол *жѣгнуть* развивает вторичную семантику иного рода. Это экспрессивные значения ‘выпить что-либо залпом’ и ‘выпить вина’. Скорее всего указанные производные значения возникают благодаря актуализации таких сем, как ‘резкость’, ‘быстрота действия’: залпом, т. е. сразу, без передышки, не отрываясь [МАС, 1: 539].

Отметим акустическое сходство анализируемого звукового комплекса *жѣг-/жг-* с диалектным корнем *жик-*. В новых материалах Картотеки СВГ содержится синонимичный ономастоп *жикнуть* ‘ударить, стукнуть: *Жикнуть тебя́ мало*. Межд. Шич. Корень *-жик-*, на наш взгляд, возник из звукоподражания, подобно общерусскому слову *вжик*, что укрепляет его позицию в качестве ономастопа. Фонетическая же близость двух комплексов (*жѣг-/жг-* и *жик-*) подтверждает наличие звуковой ассоциации при образовании производных значений глаголов *жгнуть, жѣгнуть, ожгать, ожечь*.

Между тем СВГ фиксирует однокорневые глаголы *жгать* ‘предавать огню, жечь’, *жегнуть* ‘укусить, ужалить’, *жигать* ‘кусать, жалить’, *жигнуть* ‘укусить, ужалить’, которые не развили значение ‘наносить / нанести удар’ (или же на данном этапе исследования речи диалектоносителей оно не выявлено) [СВГ, 2: 80, 81, 86]. Это свидетельствует о разном семантическом пути развития слов даже одного корневого гнезда.

Проведённый анализ показывает то, что описание звукового комплекса фонетически мотивированных слов в сопоставлении с их лексическим значением помогает выявить не только звуко-подражательные, но и звуко-символические функции отдельных фонем в языке диалекта, а также сделать некоторые предположения о характере осмысления звукового облика слов в сознании диалектоносителя.

Сопоставление акустического оформления слова и его значения даёт возможность в полной мере охарактеризовать общие и частные признаки денотата, описать субъектно-объектные отношения, возникающие в процессе действия, обозначенного глаголами-ономатопами. Большую роль при этом играет контекстуальный анализ, показывающий повышенную экспрессию описываемых глаголов в речи диалектоносителей.

Библиографический список

Андреева Е.П. Фонетически мотивированные слова в вологодских говорах (на материале глаголов, обозначающих звуки живой природы) // Говоры вологодского края: аспекты изучения / под ред. Л.Ю. Зориной. – Вологда, 2008. – С. 46–59.

Андреева Е.П. Обозначение звуков неживой природы в вологодских говорах: фоносемантический подход // Образы национальной ментальности в текстах Русского Севера. – Вологда: Легия, 2013. – С. 6–9.

Ганичева С.В. Глаголы-ономатопы «Словаря вологодских говоров» в контексте Лексического атласа русских народных говоров // Славянская диалектная лексикография: материалы конф. – СПб.: ИЛИ РАН, 2011. – С. 26–27.

МАС – Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Рус. яз., 1981–1984.

СВГ – Словарь вологодских говоров: в 12 вып. / под ред. Т.Г. Паникаровой. – Вологда: Изд-во ВГПИ/ВГПУ, 1983–2007.

Чарыкова О.Н. Роль глагола в репрезентации индивидуально-авторской модели мира в художественном тексте. – Воронеж: Истоки, 2000. – 193 с.

РЕДУПЛИКАЦИЯ И СМЕЖНЫЕ ЯВЛЕНИЯ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ И ДИАЛЕКТНОЙ РЕЧИ

В статье рассматриваются факты преимущественно диалектной речи, которые могут быть интерпретированы как редупликация слов и морфем, а именно: 1) удвоение имперфективного показателя глагола (говорить – говаривать), 2) удвоение глагольного корня формой тв. падежа гипотетического существительного с нулевым окончанием (блестом блестит), 3) удвоение показателя времени формами глагола быть; 4) «расширение» основ и удвоение грамматических показателей местоимений (ихний, нутый, тоттам и др.), 5) повтор частиц и союзов (-от, дак, да, и и др.).

Ключевые слова: удвоение корневых и аффиксальных морфем; эмфаза; модальность; вариативность.

Редупликация получила признание в качестве одного из важнейших языковых механизмов, используемых как для формообразования, так и для словообразования, в конце XX столетия, и в настоящее время уже накоплен объем сведений, достаточный для теоретических обобщений и типологических описаний этого явления в различных языках мира; такой материал содержится в работах И.А. Мельчука [Мельчук, 2000], Ф.М. Рожанского [Рожанский, 2011], Х. Андерсена [Andersen, 2009], Е.А. Моравчик [Moravcsik, 1978]. Однако материалом для таких исследований до сих пор служат в основном языки Азии, Африки, Америки, Австралии, Океании и финно-угорские языки Европы.

Что касается русского языка, то наблюдаемые в нем факты до сих пор не получили системного описания; сам термин «редупликация» не освоен и обычно замещается не имеющим конкретного лингвистического содержания словом «тавтология». Между тем в русском языке, в особенности в его некодифицированной устной форме – диалектной речи, приемы редупликации весьма разнообразны и используются достаточно интенсивно. Некоторые частные случаи редупликации (тавтологии) рассматриваются в работах Т.С. Тихомировой [Тихомирова, 1963], В.И. Трубинского [Трубинский, 1975], Ф.Р. Минлоса [Минлос, 2002, 2007], С.К. Пожарицкой [Пожарицкая, 1991, 2013, 2015].

Следуя терминологии И.А. Мельчука [Мельчук, 2000: 48], мы пользуемся следующими определениями: воспроизводимая часть редупликации называется **редупликанд**; редупликация может

быть **правая** и **левая** (положение «копии» относительно редупликанда), **полная** и **неполная**, **точная** и **неточная**. Редуплицироваться могут как словоформы в целом, так и морфемы – корневые и аффиксальные. В русском языке наблюдаются следующие типы редупликации:

1. Общерусский тип полной редупликации – повтор словоформы прилагательного, наречия и глагола. Функция редупликации состоит в усилении значения редупликанда: для прилагательного и наречия – его основной семантической составляющей (*маленький-маленький, большой-большой, тихо-тихо, давно-давно*); для глагола – значение продолжительности/интенсивности действия: *я сидела, сидела, мучилась, мучилась – ничего не получилось*; (диал.) *из веков веков больница стояла*. Неполная правая редупликация, характерная для разговорного варианта литературной речи и, несомненно, практикуемая в диалектах (специальные работы на эту тему нам неизвестны) типа *фокус-покус, танцы-шманцы*, описана в исследованиях Ф.Р. Минлоса [Минлос, 2002, 2004].

2. Типы редупликации, ограниченно практикуемые в литературном языке и расширенно – в диалектах.

2.1. Удвоение глагольной корневой морфемы (левая, реже – правая неточная редупликация). Копия редупликанда при этом может иметь разное морфологическое оформление.

2.1.1. Предпочитаемой и самой употребительной копией представляется форма тв. падежа гипотетического существительного с нулевым окончанием, усиливающая значение однокоренной глагольной формы: *пёхом запехался; пихко́м пихаются; носко́м принесли; лезо́м лезет; блесто́м блестит; видо́м ненавидит, висло́м висит; вило́м вьется, кипнё́м кипит, ходенё́м ходит, бего́м бежит, гудя́т гудо́м, ле́жкой лежит, визго́м визжит, брё́дкой бредил, про́пастью пропал**.

2.1.2. Копия может быть оформлена изофункциональными финалями *-ма* и *-мя*: *лежма́/лежмя́ лежит, стои́т стоима́/стоймя́, дерма́ дерёт, горя́т горма́/гормя́, дро́жма́/дро́жмя́ дрожу́, кричма́ кричала, сижма́ сидит*.

В словарях литературного языка словоформы, соотносительные с тв. падежом существительного (*бего́м, торчком*) и с формантом *-мя* (*ревмя́, ливмя́, лежмя́, дро́жмя́* и др.) даются с грамматической

* Примеры извлечены из словарей говоров Архангельской и Рязанской областей, а также из собственных диалектных записей автора.

пометой «наречие», и такая их интерпретация не вызывает возражения в тех случаях, когда они сочетаются с инокоренным глаголом. Так, *стойма, сижма* или *лежмя* можно *спать, отдыхать, читать, курить, разговаривать*, и тогда *-ма/-мя*-форма будет наречием, выполняющим роль обстоятельства образа действия. Но в сочетании с однокоренным глаголом *житом живет, бегом бежит, сижма сидит, лежмя лежит, ревя ревет* те же словоформы следует рассматривать как копию редупликанда, поскольку они не имеют никакого дополнительного смысла. С точки зрения грамматической семантики такая редупликация эквивалентна одной словоформе, а форманты *-ом, -ма* или *-мя* функционируют как аффиксальная морфема с количественным значением 'очень' ('живет постоянно', 'бежит быстро', 'сидит долго / лучше, чем предполагалось', 'лежит и не может подняться', 'ревет громко/сильно'). Это, по-видимому, соответствует мнению Н.Ю. Шведовой, которая рассматривает такие конструкции как сложное сказуемое, состоящее из двух слов: «Глагол соединяется с Твор. однокоренного имени, выступающим не как самостоятельный член предложения, а как составной элемент предикативно значимого сочетания» [Шведова, 1960: 76].

Характерной особенностью бытования таких форм в диалектах является вариативность копии и широкая возможность возникновения окказионализмов. Так, в одном говоре *сидеть* можно не только *сижма́*, но и *си́жем, сидем*: (1) *Ана́ у бало́та кра́ишкам с'ид'и́т' с'и́жма́... зам'ёрзла*; (2) *Вы с'ид'и́т'а с'ид'и́м, а с'ид'а пра́дуктаф ма́ла на́да; лежать – лёжем, лёжкой, лежю́, лежма́*; (3) *Мы думя́л'и там л'о́шкай л'ажы́т' кл'у́ква [-Как это?] Ну с'ил'н'я́а*; (4) *Эт'и сто́йма ста́ят', а эт'и л'е́жмь л'и́жят'*; *кричать – криком, кричем, кричма́, вкрикову́ю*; (5) *У иных-та рабо́ч'их сафс'ём карто́шак н'ет, кр'ика́м кр'ич'а́т'*; (6) *И д'ён'у'и да́л'и пла́х'яа, пр'амь кр'ич'ма́ кр'ич'а́ль* [Словарь, 1969]; *жить* можно *жиром, житом, живмя́, жильмя́, жирмя́*: (7) *Приезжа́л, а жи́рмя-то не жи́л* [АОС, 2012].

2.2. Редупликацией можно считать удвоение аффиксальной морфемы (форманта *-а-, -ва-, -ива-*) как показателя итеративности или прерванной хаби́туальности при образовании глаголов типа *баливать, робатьвать, хаживать*, ограниченно практикуемое в литературном языке и широко – в диалектах, в особенности севернорусских, где встречается даже «трипликация» (*братъ – бирать – бирывать, бить – бивать – бивывать, жить – живать – живывать*).

В славянской грамматической традиции таким глаголам приписывалась граммема многократного способа действия; в современных работах по грамматической семантике их значение определяют как итеративное или хабитуальное.

Спецификой функционирования этих глаголов в диалектной речи является преимущественное употребление их, во-первых, в формах прошедшего времени, страдательного причастия и инфинитива (90 %), во-вторых, в конструкции с отрицанием (70 %)*.

Наблюдения над живой диалектной речью показали, что удвоение показателя итеративности не является специальным показателем многократности действия, о чем свидетельствуют многие высказывания, в том числе: (8) *Наши год тоже в армию бирали*; (9) *Там кто-то бирал, и я для себя*; (10) *У кого тут старушка теривалась?* (это было сказано милиционером, прибывшим в деревню на следующий день после того, как старушка нашлась); (11) *Женивался, кажись, Макарка, да она с ним не жила*; (12) *Я только всего-навсего один раз гадывала*.

Значение многократности имплицитно присутствует в этих формах и может проявиться в специфических контекстных условиях, но не обладает грамматическим значением способа действия.

Приписываемое этим формам значение давности действия не имеет смысла, во-первых, потому что они, хотя и редко, но всё-таки употребляются в формах настоящего времени, во-вторых, потому что в грамматике русского языка вообще отсутствуют специальные временные показатели. Впечатление «давности», очевидно, подменяет значение прекращенной хабитуальности обозначаемого действия, и в этом случае итеративная форма может оказаться синонимичной плюсквамперфектной или составить ей таксисную пару: (13) *У меня Варша всяко измерена, пешком хаживала и всяко по Варши, раньше была по Мезени ходила*. Содержание высказывания можно понять так, что «она» в прошлом ходила по Мезени, а потом по Варше, но это отделено от настоящего каким-то временным промежутком. Нельзя не отметить эмфатическую (модальную) составляющую семантики высказываний с итеративными формами: это проявляется, в частности, в том, что формы без отрицания часто выдвигаются на инициальную позицию во фразе и акцентируются, напр.: (14) *Баливала я, молодой молодницей болела*; (15) *Сновывала я, Ийка знат, к им ходила*.

* Проценты от общего количества 730 словоформ (260 лексем), записанных в говорах разных районов Архангельской области.

Что касается форм с отрицанием, то очевидно, что они вообще не могут иметь отношения к многократности действия; они скорее не отрицают действие, а утверждают его отсутствие. Категорический характер высказывания подтверждается типичной для этих форм финальной позицией во фразе, наличием «усиливающих» отрицание наречий типа *навеку*, *николи*, *отроди* и т. п.: (16) *у отца-то я босиком-то не хаживала, а вот тут после войны-то, да за этим-то хозяином, и обуви не нашивала*; (17) *Я на юру не бывала и рыжиков не бирывала*; (18) *У меня по деревне не бегивано*; (19) *А бог хранил, глазами не баливала, отроди глазами не баливала*. Клауза с итеративным глаголом часто бывает включена в контрастное высказывание с противительным союзом *а*, что также усиливает отрицание: (20) *А щуров берут в руки, а я не бирала*; (21) *А я телят кормила, а коров не даивала*; (22) *У Мосеевых там горело, а тут не гаривало*; (23) *иные пиво варили, а я не варивала*.

Следует заметить, что, наблюдая диалектную речь, не следует ожидать от нее неукоснительного соблюдения каких-либо правил и закономерностей. Отсутствие кодификации обеспечивает большую свободу вариативности нормы, чем та, к которой мы привыкли, имея дело с литературным языком, и допускает возможность разных интерпретаций. Тем не менее, нам представляется, что дублирование имперфективного показателя этих форм сигнализирует, во-первых, прекращенность, замкнутость действия в прошлом, во-вторых, демонстрирует эмфатическое усиление, интенсификацию значения обозначаемого действия как в утвердительной, так и в отрицательной форме.

3. Специфически диалектные способы неточной редупликации.

3.1. Функцию удвоения показателя времени в диалектах могут выполнять формы глагола *быть*: *есть*, *был* (-а, -о, -и), *будет* (*буде*).

3.1.1. Неизменяемая форма *есть* в севернорусских говорах кроме экзистенциального значения и функции связки в именном сказуемом может иметь автономное существование и совмещаться в пределах высказывания с глаголом в любой временной форме: (24) *Да там чего творится, да с пьянкой сутки двои и трои коровы есть не доятся, стада стоят – это ужас!* (25) *Сын тоже не дома есть живет*; (26) *Мясо там продают есть бывает*; (27) *В Окичкине наверно уж косят есть*; (28) *Там много людей нету е*; (29) *Это есть Елена Мартыновна возила*; (30) *Других-то что-то есть раскулачивали*; (31) *Кто были на войны приранены, есть уцелел*; (32) *А отцы-то уж есть умерли*; (33) *Я сена*

маленько **есть поворотил**, уберем; (34) У нас **есть озёра были**; (35) Там станция **есть ведь была**; (36) Котятся оне, маленьких попустишь, а старых-те режешь, своё мясо у нас **есть будет**.

3.1.2. Одним из результатов деградации формы и функции плюсквамперфекта в диалектах оказалась согласованная форма прошедшего времени *был, была, были* в конструкциях с одним предикатом при отсутствии таксиса: (37) *Мой муж был убил волка*; (38) *Все ребята у ней там были родились*; (39) *Деверь был остальсе двенадцати годов*; (40) *Вот Тинева-то вся была сгорела, головёнки летели через реку, деревня и сгорела*. Форма глагола *быть* и в этом случае, как в ситуации с формой *есть* – «семантически пустая», это не более, чем частица, усиливающая временное значение основной глагольной формы.

3.1.3. В той же роли «усилителя» действия может выступать форма будущего времени *будет*: (41) *Скажу Митрию, он тебе **намякат будет*** ('побьет'); (42) *Мы-то сами по себе дак, у меня то-пере окорёно, а потом **роскряжую будет** осенью-ту*; (43) *Кака-то жонка пошла, а мужик-от только што выскочил, дак она одва не испужаласе: думат, он быват чего **сделат со мной будет***.

3.2. Особенно многочисленны и разнообразны способы «расширения» основ местоимений, некоторые из которых тоже могут быть причислены к редупликациям. Здесь имеется огромный простор для окказиональной вариативности лексем.

3.2.1. Удвоение падежного показателя указательных местоимений с эпентезой согласного *та́(-j-a)*, *одна́(-j-a)* не меняет значения исходных лексем. Целью их существования в диалектной речи может быть только установление единообразия грамматических показателей в категории местоимений.

3.2.2. В работе В.С. Волка рассматриваются адъективные дериваты притяжательных местоимений, «образованные от притяжательных местоимений прибавлением суффикса, характерного для прилагательных, и сохранившие в своей семантике значения лица, числа и рода» [Волк, 2009: 3]. Это *мой, твой, его, ее, наш, ваш, их, свой*. К этому можно еще присоединить вопросительно-относительное местоимение *чей* > *чейный*: *ничейная земля*.

В работе В.С. Волка, построенной на материале Национального корпуса русского языка (НКРЯ), местоимение *её* имеет 6 словообразовательных вариантов; *его* – 14, *их* – 7: *ихний, ихный, ихов, иховый, ихий, ихновый, ихниный*. Нет сомнения, что этот список может быть расширен с привлечением диалектного материала

(хотя таковой присутствует и в НКРЯ в цитатах из художественной литературы). Если приглядеться к их структуре, то мы увидим, что изначальные *её, его, их* расширяется суффиксами *-н-* и *-ов* и падежными флексиями *-аја, -ий, -ый*.

Целью такого расширения может быть в первую очередь стремление избежать омонимии с формой косвенных падежей мн.ч. личного местоимения *она, он, они*.

Местоимению *их* специально посвящена работа Е.Р. Добрушиной, в которой на материале НКРЯ показано, как параллельно с «нарастанием» словообразовательных адъективных морфем формируется особая семантика (значение относительного местоимения) у изначально личного и притяжательного *их*: *Не пойду в столовую, мне ихняя еда надоела* [Добрушина, 2013: 197].

3.2.3. В севернорусских говорах распространены склоняемые указательные местоимения, расширенные частицами *ну* (левая неточная редупликация) и *там* (правая неточная редупликация): роль «ближнего» указательного местоимения, по-видимому, играет *нутот*, а «дальнего» – *тоттам*: (44) *Тоттам самостоятельный был мужик-от у ей, чем нутот*; (45) *Я нутого не знаю мужика у ей, а тоготам знала*; (46) *На тоттам конце брала было, да до того доходила, боле иду, иду, да хош падай*; (47) *Самовар вон у меня белой, а тоттам росколотили ребята медной*; (48) *Старушка из товотам дому*. В этом случае трудно сказать что-либо о роли редупликации; приходится отнести это на счёт «диалектной экзотики» – «им так нравится!». Замечательно, что почти то же самое нравится и польскому языку: ср. левую редупликацию в польском указательном местоимении *tamtен, tamtego* и т. д.

Описанные факты, некоторые из которых имеют несомненно прямое, а некоторые – более отдаленное отношение к редупликации, отнюдь не исчерпывают всех ее проявлений: повтор частиц, предлогов и союзов должен быть рассмотрен в том же аспекте. Так, например, частица *-от* (*-то, -та, -те*), если она 6 раз повторяется в диалектном тексте, состоящем из 8 слов: (49) *работу-ту тяжелу-ту не может робить-то, а сидеть-то может, ходить-то кругом-то*), не может считаться выделительной, как частица *-то* литературного языка, а должна получить иное объяснение; вероятно, связанное с просодией текста. Известны факты регулярного повтора союзов *да* и *и*: (50) *вот тут за ручьем вот праздник был: гармонь играют да, поют да, пляшут да / я пела да и / плясала да и / и всё было / раньше вот лучшие было пошто-то / и сейчас*

бы сыты и / вино есть и / и лексемы *дак*, совмещающей функции частицы с союзной функцией: (51) *кабы видела дак дородно, дак не вижу-ту дак*. Эти темы ждут своих исследователей.

Библиографический список

АОС – Архангельский областной словарь / под ред. О.Г. Гецовой. – Вып. 14. – М.: МГУ, 2012.

Волк В.С. Адъективные дериваты притяжательных местоимений в русском языке: Дипломная работа. – МГУ, 2009.

Добрушина Е.Р. Норма-кодификация против нормы-интуиции, или 200 лет вместе с «ихний» // Русский язык в научном освещении. – 2013. – № 2 (26). – С. 181–204.

Мельчук И.А. Курс общей морфологии. – Т. 1–3. – Вена, 2000.

Минлос Ф.Р. Использование неточной редупликации в русском языке: этнолекты и разговорная речь // Исследования по славянской диалектологии. 8. Восточнославянская диалектология, лингвогеография и славянский контекст. – М., 2002. – С. 102–119.

Минлос Ф.Р. Редупликация и парные слова в восточнославянских языках в контексте языковых контактов // Межъязыковое влияние в истории славянских языков и диалектов: социокультурный аспект. – М., 2007. – С. 375–407.

Пожарицкая С.К. О семантике итеративных глаголов в севернорусских говорах // Современные русские говоры. – М., 1991. – С. 84–94.

Пожарицкая С.К. Славянский плюсквамперфект и его эволюция в некоторых севернорусских говорах // Исследования по славянской диалектологии. 17. Судьба славянских диалектов и перспективы славянской диалектологии в XXI веке. – М., 2015. – С. 373–404.

Пожарицкая С.К. Некоторые наблюдения над структурой и семантикой наречий в одной диалектной системе (д. Деулино Рязанского р-на Рязанской обл.) / С.К. Пожарицкая, Н.Л. Самсонова // Русский язык в научном освещении. – № 25 (1). – М., 2013. – С. 111–135.

Рожанский Ф.И. Редупликация. Опыт типологического исследования. – М., 2011.

Словарь 1969 – Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) / под ред. И.А. Оссоветского. – М., 1969.

Тихомирова Т.С. О творительном тавтологическом в русском языке // Славянская филология. – Вып. 5. – М., 1963. – С. 242–266.

Трубинский В.И. К вопросу о тавтологии в структуре предиката (на материале диалектных конструкций со словом *есть*) // Севернорусские говоры. Вып. 2. – Л., 1975. – С. 148–162.

Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису устной разговорной речи. – М., 1960.

Andersen H. Reduplication in Slavic and Baltic: loss and renewal // Morphology. – 2009. – № 19. – P. 113–134.

Moravcsik E.A. Reduplicative Constructions // Universals of Human Language. Vol. 3: Word structure / ed. by I.H. Greenberg. – Stanford: Stanford University Press, 1978. – P. 297–334.

ДИАЛЕКТНЫЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ В ПЕЙЗАЖНЫХ ОПИСАНИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ОРЛОВСКОЙ ПИСАТЕЛЬНИЦЫ Т.И. ГРИБАНОВОЙ

Статья написана на материале прозаических произведений современной орловской писательницы Т.И. Грибановой, посвящённых жизни и жителям орловской деревни. В статье рассматривается семантика диалектных лексических единиц, их функции в создании пейзажных зарисовок в художественном прозаическом произведении. Состав диалектизмов, используемых Т.И. Грибановой в пейзажных фрагментах, многообразен: лексемы обозначают реалии растительного мира, ландшафта Орловщины, метеорологические явления, цвета и звуки природы и др.

Ключевые слова: Татьяна Грибанова; орловские писатели; орловские говоры; диалектные лексемы; пейзаж.

Прозаическое творчество современной орловской писательницы Т.И. Грибановой представлено рассказами, вошедшим в книгу «Лесковка» [Грибанова, 2012] (книга стала лауреатом премии Е.И. Носова в 2014 году), циклом рассказов-очерков, составивших книгу «Колыбель моя посреди земли» [Грибанова, 2015] (I место в конкурсе «Книга Года литературы» на Орловщине), а также рассказами автора, не вошедшими в данные книги. Материалом настоящей статьи стали все написанные на данный момент тексты Т.И. Грибановой. Её произведения посвящены жизни и жителям орловской деревни разного времени, военного и послевоенного; представлены и давнее прошлое территории, где ныне расположена Орловская область, и современность.

В настоящее время ведётся работа над лексикографическим проектом «Народное слово в литературно-художественном воплощении (на материале произведений Т.И. Грибановой)» Т.В. Бахваловой и А.Р. Поповой. Толкования диалектных лексем, упоминаемых в статье, приводятся по данному словарю. Словарь, посвященный агнонимам разных типов в творчестве Т.И. Грибановой, – третий в ряду подобных проектов [Бахвалова, 2007; Бахвалова, 2010].

Прозу Т.И. Грибановой отличает особый язык, сочетающий литературную поэтическую лексику (некоторые фрагменты по стилистике напоминают стихотворения в прозе), слова разговорные и просторечные; немало и диалектизмов. Последние, что вполне объяснимо, чаще встречаются в колоритной, «стенографически» воссоздаваемой речи персонажей, жителей орловской деревни.

Однако и пейзажные зарисовки содержат немало диалектных лексем. Отметим, что рассказы, в основном, имеют сюжет, однако авторское повествование, пожалуй, в каждом произведении Т.И. Грибановой разбавляется описаниями природы: либо они кратки и вплетаются в сюжет, либо развёрнуты и являют собой отдельные композиционные части. Лиричные, зримые, многогранные описания обычно исполнены с привлечением всех сенсорных впечатлений: зрительных, слуховых, осязательных и обонятельных; автор даёт нам как панорамные описания родных просторов, так и детальные зарисовки малых участков малой своей родины.

В большинстве случаев пейзажные описания Т.И. Грибановой – это речь автора, тяготеющая к литературности, и всё же автор активно использует диалектные лексемы. Чаще всего узкий или широкий контекст подсказывает семантику диалектизма. «Преимущества изучения региональной лексики на материале художественных произведения (в тексте более точно определяется семантика слов, выявляются парадигматические и синтагматические отношения, их стилистическая отнесённость, наличие или отсутствие эмоционально-экспрессивной окраски и т. д.)» [Курносова, 2009: 42].

С точки зрения частеречной принадлежности диалектизмы в пейзажных описаниях распределяются следующим образом: существительные (34), глаголы (32), прилагательные (7), наречия (1).

Как можно заметить, Т.И. Грибанова при воссоздании картин природы чаще всего использует диалектные имена существительные.

В числе диалектных субстантивов доминируют наименования объектов растительного мира. Функций употребления лексем этой тематической группы несколько:

– указание на то, что лексема свойственна речи местных жителей и не является общепринятой, литературной. Так, в рассказе «Ключи от весны» автор при первом употреблении заключает в кавычки наименование *баранчики* «травянистое растение первоцвет»: *Всю жизнь верит она в эту небывлицу и ранней весной спешит сыскать на лесной полянке «баранчики», похожие на связку крошечных ключей* (второе употребление этого слова – уже без кавычек);

– создание определённого стилистического эффекта, когда диалектное слово гармонирует с народно-поэтическим словесным рядом, имеющимся в контексте. В приведённом ниже предложении неслучайно даётся уточнение с помощью диалектного устойчивого

словосочетания *Петро́вы батожки́*, хотя для понимания текста, в принципе, было бы достаточно лишь литературного наименования *цикорий*: *...вот-вот светило-батюшко из-за Царь-горы по зелёным роцам, по чистому всполью пырскнет, займётся, что огонь берёзовый в печи, вишь, уже и цикорий, Петровы батожки, цветики свои сожмуренные на зарю наладил...* – словесный ряд выделен подчёркиванием;

– конкретизация особенностей, признаков объекта, достигаемая включением в текст диалектного слова (когда литературные синонимы не дают исчерпывающего представления об объекте). Например, создание сравнения с помощью диалектизма *гранка* «скопление мелких плодов, клубней и др. на одном стебле, одной ветке и др., по форме напоминающее гроздь»: *Как ему не быть-то, коли хрущи на берёзках после заката гранками раскачиваются?* Или – использование диалектизма *бровка* «тянущаяся по краю поля неспаханная полоса», созданного с помощью соматической метафоры: *А ему, просёлку-то, нипочём! Да на бровке не хуже!*;

– акцентирование внимания на признаке, заданном внутренней формой диалектного слова. Пожалуй, наиболее яркий пример – это соотнесение диалектизма с сильной позицией заглавия, когда внутренняя форма лексемы задаёт смысл текста, создаёт центральный образ: ср. диалектизм *ключики* мн. «подснежники» в рассказе «Ключи от весны».

Все диалектизмы-существительные, именующие особенности рельефа, использованы с целью конкретизации объекта. В некоторых случаях обозначение не очень крупных деталей рельефа одной литературной лексемой невозможно (автору пришлось бы задействовать описания, порой пространные). Например, *буера́к* «глубокий овраг с крутыми склонами», *изволо́к* «подъём на отлогую возвышенность, пригорок»: *Лишь останутся напоминанием о ней замызганные сопливые снега по буеракам...; Сколько полчищ промчалось по заглохшей, широкой под изволок, большой Глиняной дороге...* Максимальной конкретизации служат использование рядом сразу двух диалектных существительных: *верхоту́рье* «верхняя часть холма, возвышенности» и *у́гор* «возвышенное место, холм, бугор»: *А на самом верхотурье, на угоре – торжественно взмывающий, полный первобытной поэзии, сосновый бор...* и др.

Столь же выразительны и конкретны существительные – наименования метеорологических явлений, полные лексические

синонимы для которых отсутствуют в литературном языке. Например, *завихрушки* «поднятые стремительно катящимся предметом и кружащиеся вихрем частицы снега».

Две диалектные лексемы за счёт наличия в морфемной структуре префикса *раз-/рас-* обладают семой 'интенсивность признака' (что сложно в точности отобразить одним литературным синонимом): *разметель* «сильная метель», *распогодица* «сильная непогода».

Об актуализации признака, наличествующего в диалектной лексеме и отсутствующего в соответствующей литературной, говорит использование последней как приложения: *И над околицей Кирово, над Поповкой, над маковками Сергиевской церкви нимбом воспарились, залучились две – одна над другой – пестрокрылые радуги-весёлки – ср. весёлка* «радуга».

Диалектные глагольные лексемы отражают многообразные действия и звуки, свойственные флоре/фауне, а также метеорологические явления. Прежде всего такие глаголы необыкновенно образны, вызывают выпуклые зрительные впечатления. Например, *залысеть* «освободившись от снега, оголиться (о небольшой возвышенности, горке и под.)»: ...*залысели под ярым солнышком пригорки...*; *киселиться* «сохраняться в виде вязкой полужидкой массы (о полурастаящем снеге)»: ...*и на мокрую землю шуманули, повалили крупными лохмотьями пригорини долгожданного снега. Первые таяли в лужах, киселились по просёлкам...* и др.

Имеют место глаголы, относящиеся к колористической лексике, связанные с цветопроявлениями в природе. Это может быть определённый, свойственный природным объектам цвет, прежде всего зелёный, цвет листвы. Ср. *прозелениться/прозеленяться* «стать/становиться зеленым от проступающей зелени (о распускающихся почках)»: *Липы у ворот красно-коричневые, а почки не прозеленились, не побурели стволы; Слюнявятся почки на тополях, прозеленяется осинник*. Но некоторые колористические глаголы не указывают на определённый цвет, однако дают представление о контрастности, о сочетаемости цветов природных объектов: *выпестриться/выпестряться* «выделиться/выделяться своей пестротой, разноцветьем»: *По низине, в высоченных заповедных зарослях болиголова выпестрились, заколосились травяные злаки... Шибче наддавало солнышко, ярче выпестрялись пролесками холмы и пригорки...* Впечатление

о яркости цвета, света даётся глаголами *лунастить* и *лунаститься* «ярко светить» и «ярко светиться» – частотными у автора и употребляемыми по отношению к небесным телам – солнцу и звёздам: *Солнце лунастит, на весну перелом; Звёзды лунастят вовсю; И вот уже над Мишкиной горой стоит-лунастится румяное морозное солнце.*

«Голоса» природы образно представлены, соответственно, глаголами, образованными на базе звукоподражательных слов. Такие глаголы подчас очень чётко передают звуковые нюансы. Например, существительное *гром* традиционно употребляется в сочетании с глаголами *греметь, грохотать, ворчать* и некоторыми другими, но диалектный глагол *загурковать* в данном контексте и выразительнее, и «свежее»: *Первые дожди сгоняют с земли остатки мёртвых снегов, а только потом, как загуркуют новорожденные громы, хлынет на мёртвую воду живая.* Более точно передаёт звук и глагол *чиликать* (ср. литературное *чирикать*): *Взмывали вверх, падали вниз, носились, чиликали, терялись в подсолнечнике....* Звуки в природе нередко не «одиоchnы», идёт своеобразная звуковая переключка, что представлено глаголами *перемукиваться* и *перетьенькиваться*.

Образность в сочетании с интенсивностью действия наблюдается, например, в семантике глагола *буреломить* «изобиловать строевым лесом»: *Край наш в бывалошное время-то, при вятичах, не в пример нынешнему, – буреломил: лесистый, непролазный, строй хоть жилища, хоть сараи-амбары, налаживай подворье с погребями-подвалами.* Именно за счёт наличия семы 'интенсивность действия' у данного глагола развивается и второе, переносное значение: «густо и обильно произрастать в определенном месте»: *...словно лепестки Машиной любимой атласной мальвы, что летом – лес лесом – буреломит в их палисаднике.*

Акцент на ином, чем в литературном слове, мотивационном признаке у диалектного слова сделан при использовании глагола *замолодиться* «начать зеленеть, зазеленеть (о растениях)»: *это замолодились горьковатые ракирки да ивы по крайкам усадьбы.* В данном случае важнее темпоральный, а не колористический – в общем-то, очевидный, признак.

Особый, народно-поэтический и отчасти книжный стиль и слог передаётся с помощью глагола *воскуруиваться* «подниматься от земли (о тумане, дыме)», за счёт его морфемной структуры в том числе, в которой имеется приставка *вос-*,

которая, помимо общего значения ‘направления действия вверх’, также стилистически значима: *Сначала, будто колдовские чары, от костра исходят ароматные дымы, воскуриваются перламутровые туманы, и вдруг разом загорается вся гора – пылает непередаваемым разноцветьем.*

С помощью диалектного глагола *додрёмывать* «находиться в состоянии полусна перед пробуждением и вставанием» создаётся олицетворение: *Не хочется ему будить тележным скрипом додрёмающую деревеньку* – очень точно передано действие, литературный синоним *досыпать* не отразил бы ощущение лёгкого, неглубокого предутреннего сна, дрёмы.

Диалектизмы-прилагательные количественно уступают существительным и глаголам. Два диалектизма – колористических прилагательных – обозначают оттенки цветов, коим нет специальных литературных наименований. Ср. *кипельный* «отличающийся белизной, очень белый»: *А нынче, куда ни глянь, всё кипельно-бело, хрустко-ново* – снова мы наблюдаем уточнение уже имеющегося литературного слова (*бело*) диалектным. А также *зеленушный* «со слегка зеленеющей, бледно-зелёной корой (об ивовых деревьях)»: *В деревне хлопчет март... Горлопанит в зеленушных ракушках оравой гомонливых грачей...* – передан тончайший оттенок цвета, причем в данном случае цвета не абстрактного, а именно определенного объекта (коры ивы).

Прилагательное *знойкий* характеризуется энантиосемией, причём в обоих своих противоположных значениях наличествует сема ‘интенсивность проявления признака’, что, видимо, и обусловило его использование автором: «наполненный пышущим зноем, знойный»: *А когда Силин хутор, выглянув из-за Черёмухова овражка, оказывается как на ладони, молочные линии на знойком небе, словно на ясном морозном окне, принимаются играть – обрастать перьями и коготками, всевозможными былинками и муравками; «очень холодный, морозный»: Знойкими зимами рьяные ветра срывали пожухлую листву.*

Как можно заметить, наиболее частотная причина предпочтения диалектного слова литературному слову (сочетанию слов) – привлечение внимания к внутренней форме слова, к мотивационному признаку диалектизма, который легко «прочитывается» в корневой морфеме. Чаще всего в пейзажах Т.И. Грибановой имеют место словообразовательные диалектизмы, созданные на

базе слов литературного языка. Вторая актуальная причина за-
действия диалектизма заключается в стремлении конкрети-
зировать обозначаемый объект, его характерные признаки (кото-
рые не отображены в литературных лексемах-синонимах).

Большинство диалектизмов, привлекаемых автором, – су-
ществительные и глаголы. Небольшое количество диалектных
прилагательных и наречий компенсируется тем, что а) наряду
с диалектными определениями, в предложениях немало и опре-
делений литературных и б) многие диалектные существитель-
ные и глаголы настолько выразительны, обладают настолько
яркой внутренней формой, что в них уже нередко заложены
признаки-характеристики предметов и действий.

Видимо, чертой идиостиля Т.И. Грибановой является упо-
требление в рамках одного предложения и литературной лексе-
мы, и её диалектного синонима, который дополняет и уточняет
её семантику (встретилось несколько подобных контекстов).
Однако автор не всегда поясняет значение диалектизмов; чаще
всего предмет или хотя бы предметная область понятна за счёт
контекста и известной читателю корневой морфемы. Для автора
естественно включение диалектизмов в своё повествование, это
привычные, «родные» ему слова, воспринимаемые им как более
точные и выразительные.

Библиографический список

Бахвалова Т.В. 500 забытых и редких слов из «Записок охотника» И.С. Тур-
генева / Т.В. Бахвалова, А.Р. Попова. – Орел: ОГУ: Картуш, 2007. – 180 с.

Бахвалова Т.В. Мир орловского крестьянина в лексикографическом пред-
ставлении (на материале произведений И. Вольнова) / Т.В. Бахвалова, А.Р. По-
пова. – Орел: ОГУ, 2010. – 224 с.

Грибанова Т.И. Колыбель моя посреди земли. Песнь роду-племени моему. –
Орёл: Картуш, 2015. – 404 с.

Грибанова Т.И. Лесковка. Деревенские рассказы. – Орел: Орлик, 2012. –
259 с.

Курносова И.М. Лексико-фразеологическая система языка писателей
Центрального Черноземья и её лексикографическая представленность:
автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Елец, 2009. – 49 с.

НАИМЕНОВАНИЯ ПТИЦ В РУССКИХ ГОВОРАХ КАРЕЛИИ *

В статье приводятся результаты этимологического анализа наименований птиц в русских говорах Карелии. Большинство наименований являются исконно русскими и имеют отоматопозитическую природу. В меньшей степени распространены орнитонимы по внешнему виду, цвету оперения, форме хвоста, отражающие образ жизни и поведение птицы, особенности питания, место обитания.

Ключевые слова: русские говоры Карелии; наименования птиц; этимология; мотивы номинации.

Русская орнитонимия Карелии уже становилась предметом лингвистического анализа. Ряд наименований птиц, употребляющихся и в говорах Карелии, был рассмотрен в обобщающих работах Л.А. Булаховского. Комплексный анализ орнитонимов Русского Севера – территории Архангельской области, а также сопредельных районов Карелии, Коми, Мурманской и Ленинградской областей – проводится в исследованиях Е.В. Лысовой. Ареально-этимологическому изучению лексики прибалтийско-финского происхождения, в том числе и названий птиц, посвящены работы С.А. Мызникова.

Цель данной статьи – описание наименований птиц, бытующих в русских говорах Карелии, а также их анализ с точки зрения происхождения. В качестве материала работы послужили диалектные и общерусские лексемы. Для установления языка-источника орнитонима и мотива номинации привлекаются этимологические словари [Фасмер; Черных; ЭСРЯ; ЭССЯ].

Орнитофауна Карелии включает 286 видов птиц. Такому видовому разнообразию способствует расположение республики между Белым и Балтийским морями, обилие болот и лесов. Многие виды встречаются во время сезонных миграций, а размножаются за пределами Карелии [Зимин, 1986: 8; 2009: 449].

Значительное количество орнитонимов Карелии содержится в диалектных словарях. Так, в «Словаре русских говоров Карелии и сопредельных областей» зафиксировано около 200 наименований птиц, в «Словаре областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении» А.О. Подвысоцкого,

* Исследование выполняется при финансовой поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.
© Приображенский А.В., 2016

в котором дается и лексика Беломорья, насчитывается 189 названий, а в «Словаре областного олонечского наречия в его бытовом и этнографическом применении» Г.И. Куликовского приводится 79 орнитонимов. Особое место среди лексикографических источников занимает «Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении» И.М. Дурова, который является полным, так как включает наряду с диалектной и лексику литературного языка, употребляющуюся в беломорских говорах. В последнем словаре зафиксировано 70 названий птиц.

Большинство исконно русских наименований птиц, которые употребляются в говорах Карелии, относятся к звукоподражательным. Среди них можно выделить как общерусские (*варакушка, воробей, ворон, выпь, гагара, галка, гоголь, грач, гуля, гусь, дрозд, жаворонок, журавль, зуёк, канюк, клёст, клуша, коростель, кречет, кряква, крохаль, кукушка, кулик, пеночка, перепел, пищуха, свиязь, сверчок, свиристель, скворец, сова, сорока, стриж, сыч, теньковка, тетерев, фифи, чайка, чечётка, чибис, чиж, чирок, щегол, шур*), так и диалектные слова (*жарава, жарав, журав журавль, загожка, загозка 'кукушка', кокушка 'кукушка', крокалиха 'самка утки', крякуха 'дикая утка', пигалица 'чибис', пугач 'филин', пикуль 'чибис', пискун 'рябчик', свизь, свищ, свистун 'утка свиязь', свистулька 'чирок', тетер, тетёра, тетёря, тетеревик 'тетерев', тетёра 'самка тетерева', чилим 'воробей' и др.*).

В меньшей степени распространены наименования птиц по внешнему виду, цвету оперения, форме хвоста (*желна 'дятел', вострохвост, касатка 'ласточка', косач 'тетерев', лазоревка, лебедь, сойка, соловей, ряб, рябок 'рябчик', пеструха, пеструшка, синица*), отражающие образ жизни и поведение птицы (*вьюрок, дятел, коршун, лазейка, ласточка, поползень, сокол*), особенности питания (*кедровка, мышелов, ореховка, рыболов*), место обитания (*камышовка, кропивник, московка, мошник*) и др.

Несколько орнитонимов-звукоподражаний, относящихся к территории Карелии и сопредельных областей, можно найти в известных монографиях М.А. Мензбира «Птицы России» и «Охотничьи и промысловые птицы Европейской России и Кавказа». Так, для наименования поганки в говорах вокруг Онежского озера использовалось слово *кикач*: «обыкновенный крик хохлатой поганки может быть передан звуками “кек, кек”» [Мензбир, 1: 17]. Вероятно, в этом слове, не отмеченном в диалектных словарях, ударение падало на второй слог. Местное название птицы мородунки *кувитри*

(с пометой: Арханг.) сходно с ее криком: «кувитррюю, кувитррюю, кувитррюю» [Мензбир, 1: 288].

Обобщение данных этимологических словарей показывает, что в русских говорах Карелии употребляются тюркские (*баклан*, *казарка*, *карга* ‘ворона’, *пустельга*), немецкие (*аист*, *вальдинеп*, *гаршинеп*, *коноплянка* – калька нем. *Hänfling* [ЭСРЯ, 8: 261], *ремез*), латинские (кальки *королёк*, *козодой*), прибалтийско-финские заимствования (*алейка*, *аллейка* ‘морянка’, *габук* ‘ястреб’, *гахка*, *гахкун* ‘гага’, *гуёк*, *куйка* ‘гагара’, *гунгач* ‘филин, сова’, *куга* ‘сова’, *кукша* ‘сойка’, *луток* ‘один из видов уток’, *марьюха*, *маракуша* ‘тетерев’, *нергач* ‘сойка’, *наскарарага* ‘лесная сорока’, *пискарога* ‘сойка’, *пунашка*, *пунка*, *пунох*, *пунош*, *пуных* ‘пуночка’, *пингач* ‘чибис’, *тикач* ‘дятел’, *чабара* ‘сизая чайка’, *чухарь* ‘глухарь’ и др.), балтийские (*ронжа* ‘сойка’). Значительный интерес представляет тот факт, что значительная доля орнитонимов, заимствованных из прибалтийско-финских языков, по данным С.А. Мызникова, представляют собой звукоподражания: *алейка*, *алеюшка*, *виклюк*, *витлюк*, *гунгач*, *куга*, *кукша*, *нергач*, *пингач*, *тикач*. В связи с этим приведем замечание М.А. Мензбира: «кукша получила свое название за свой громкий и звонкий крик *кук*, *кук*, *кук*, с которым эти птицы обыкновенно перелетывают по лесу» [Мензбир, 2: 500].

Остановимся подробнее на нескольких наименованиях. Слова *загоска* и *загошка* в значении ‘кукушка’ употребляются в медвежьегорских, кондопожских, прионежских и пудожских говорах, а также в вологодских вытегорских и каргопольских [СРГК, 2: 107]. В новгородских говорах зафиксированы в этом же значении однокоренные *загоза* и *загожечка*, а лексема *загозка* бытует в олонечских, новгородских, псковских, смоленских и ленинградских [СРНГ, 10: 15]. М. Фасмер доказывает исконный характер этого слова и его праславянские корни [Фасмер, 2: 92]. Вероятно, в русские говоры Карелии эти слова проникли с новгородским колонизационным потоком.

Исконно русские слова *загоска*, *загошка* стали основой для прилагательных *загозий* и *загожий* со значением ‘относящийся к загозке’ и фразеологизма *загожья вошь* ‘клещ’, зафиксированных в петрозаводских и ленинградских говорах [СРНГ, 10: 15], ср.: «Кукует кукушка, а загозка, когда она вшей спускает, говорят “загожья вошь”» [СРГК, 2: 107]. Последнее наименование связывают с вепским влиянием: *загожья вошь* ‘клещ’ – калька с вепс. *kägentäi* ‘кукушкина вошь’ [Винокурова, 2006: 241; Соболев, 2014: 58].

Не всегда предположения о заимствованном характере того или иного наименования птиц достаточно обоснованы. Так, Е.В. Лысова считает орнитоним *пугач* ‘сова, филин’ в кемских говорах преобразованием заимствования (*куга* > *пуга* > *пугач*) на почве народной этимологии [Лысова, 2002: 14]. На наш взгляд, более обоснованной является точка зрения М. Фасмера, который считал это слово исконным [Фасмер, 3: 400]. Подтверждается это звукоподражательной основой данной лексемы и ее широким распространением в русских говорах: с пометой «повсеместно» это слово приводится у М.А. Мензбира [Мензбир, 2: 269]. Слово *пугач* в значении ‘лесной филин’ приводится в словарях русского литературного языка [БАС, 11: 1652].

Таким образом, большинство наименований птиц в русских говорах Карелии являются звукоподражательными и исконно русскими по происхождению. Многие заимствования из прибалтийско-финских языков также имеют оноματοпоэтическую природу, которая способствовала их распространению в русских говорах Карелии.

Библиографический список

БАС – Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. – М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1954–1965.

Винокурова И.В. Животные в традиционном мировоззрении вепсов. – Петрозаводск, 2006.

Зимин В.Б. Птицы // Карелия: энциклопедия: в 3 т. / гл. ред. А.Ф. Титов. – Т. 2. – Петрозаводск, 2009. – С. 449.

Зимин В.Б. Птицы / В.Б. Зимин, Э.В. Ивантер. – Петрозаводск, 1986.

Лысова Е.В. Орнитонимия Русского Севера: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2002.

Мензбир М.А. Птицы России. – М., 1895.

Соболев А.И. Топонимические и лексические кальки в Южном Обонежье как свидетельство финно-славянского языкового и межэтнического взаимодействия // Финно-угорские языки и культуры в социокультурном ландшафте России: материалы V Всероссийской конференции финно-угроведов. – Петрозаводск, 2014. – С. 54–61.

СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. – Вып. 1–6 / гл. ред. А.С. Герд. – СПб., 1994–2005.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. – Вып. 1– / сост. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов. – М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. – М., 1964–1973.

Черных П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка: в 2 т. – М., 1993.

ЭСРЯ – Этимологический словарь русского языка. – Вып. 1– / под рук. и ред. Н.М. Шанского. . – М., 1963–.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. – Вып. 1– / под ред. О.Н. Трубачева. – М., 1974–.

Рак Мачей (Краков, Польша)

АВТОСТЕРЕОТИП ГУРАЛЯ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

В основу статьи легли результаты исследования, проведенного в 2010 году, в ходе которого были опрошены студенты Подхальской государственной Высшей школы профессионального образования в Новом Тарге, живущие в Подхале, являющиеся носителями культуры региона и идентифицирующие себя гуралями. Результаты этого исследования показывают автостереотип гуралья и дополняют существующие исследования.

Ключевые слова: гуральский диалект; этнолингвистика; языковая картина мира.

Главная цель статьи – это выявление автостереотипа гуралья * на основании данных лингвистического эксперимента.

Этнониму *góral*, кроме трех статей [Wędkiewicz, 1914; Niezabitowska, 1969; Krzyszpief, 2010] и одной книги [Rak, 2015: 47–62], было посвящено также лингвистическое анкетирование. Среди ста слов, которые обсуждались в работе «Язык – ценности – политика» под редакцией Е. Бартмиńskiego [Bartmiński, 2006], имеются лексемы *Podhale* и *góral*. Данные слова были описаны на основании анкетирования, которое проводилось два раза с интервалом в десять лет, в 1990 и 2000 годах. Опрошено одинаковое количество людей – 100 человек для каждого из 100 слов – в обоих случаях это были студенты вузов Люблина (Университет Марии Кюри-Скловской, Католический университет Люблина, Медицинский факультет, Университет сельского хозяйства, Люблинский технический университет). Можно предположить, что результаты анкетирования в случае слова *góral* выявляют только часть стереотипа, точнее, гетеростереотип: как гуралы видятся другим

* Польское слово *гураль*, заимствованное в другие языки (например, рус., укр. *гураль*, слов. *goral*, *gural*, нем. *Goral*, англ. *goral*), встречается в этнографической литературе в значении ‘житель Западных Карпат при польско- словацко-чешской границе, особенно житель Подхалья’.

группам населения, какие черты им приписываются, и с чем они идентифицируются у жителей других польских регионов.

Для настоящей статьи в 2010 году было проведено аналогичное исследование, при котором было опрошено 96 человек (студенты Подхальской государственной Высшей школы профессионального образования в Новом Тарге, которые живут в Подхале, являются носителями культуры региона и идентифицируют себя гуральями). Результаты этого исследования показывают, как мне кажется, автостереотип гуралья и дополняют исследования, описанные в работе Бартомиńskiego [Bartmiński, 2006: 293–298].

На вопрос «*Какова, по Вашему мнению, суть истинного гуралья?*» я получил следующие ответы (общее число цитированных выражений было 244).

1. Язык (культурный аспект); 47 / 19,3 %:

говор 40, речь 2, язык 1, разговор 1, подлинный диалект 1, преданность говору 1, чистый говор, не ломанный – такой, который часто слышишь 1.

2. Традиция (культурный аспект); 25 / 10,25 %:

традиция 13, культивирование гуральской традиции 3, приверженность к гуральской традиции и культуре и ее культивирование 1, уважение к традиции 1, [Гураль] поведением и одеждой поддерживает польские традиции 1, забота о традициях 1, приверженность свободе, чести, традиции 1, обычаи (традиция, фольклор) 1, преданность региональным традициям и культуре 1, гуральская традиция 1, преданность традициям и семье 1.

3. Одежда (физический аспект); 25 / 10,25 %:

наряд 18, гуральский наряд / костюм 3, преданность гуральскому костюму 1, поведением и нарядом поддерживает региональные традиции 1, наряд (внешний вид) 1, костюм 1.

4. Честь (этический аспект); 20 / 8,19 %:

честь гуралья 18, приверженность чести (в значении благородство, порядочность и т. д.) 1, приверженность свободе, чести, традиции 1.

5. Религиозность (религиозный аспект); 12 / 4,92 %:

вера 7, религиозность 3, преданность вере и мировоззрению 1, вера в Бога 1.

6. Происхождение (локативно-социальный аспект); 12 / 4,92 %:

отцовское наследие 1, происхождение 1, принадлежность своему региону 1, преданность малой родине 1, привязанность к земле 1, любовь к отцовскому наследию 1, не стыдится своего происхождения 1,

воспитанный на Подхале 1, приписанность к территории, на которой живет (Подхале) 1, чувство принадлежности к этнической группе 1, любовь к отцовскому наследию 1, жизнь в замкнутом энклаве 1.

7. Культура (культурный аспект); 9 / 3,68 %:

культура 3, культура (фольклор) 1, любовь к гуральской традиции и культуре и ее культивирование 1, культура и ее культивирование 1, любовь к своей культуре, горам 1, преданность региональным традициям и культуре 1, чувство своей культуры 1.

8. Трудолюбие (бытовой аспект); 7 / 2,87 %:

трудолюбие 5, уважение к труду 1, труд 1.

9. Танец (культурный аспект); 7 / 2,87 %:

пение и танец 4, танец 2, музыка, танец, пение 1.

10. Пение (культурный аспект); 6 / 2,56 %:

пение и танец 4, пение 1, музыка, танец, пение 1.

11. Особенности гуралья (культурный аспект, социально-психологический аспект); 5 / 2,95 %:

оригинальность 1, чувство своеобразия 1, стиль жизни 1, темперамент 1, поведение 1.

12. Свобода (идеологический аспект); 5 / 2,95 %:

свобода 1, вольность 1, любовь к чести, личному достоинству и свободе 1, любовь к свободе 1, любовь к свободе, чести, традиции 1.

13. Упрямство (психологический аспект); 5 / 2,05 %:

упорство (*upór*) 4, упорство и настойчивость 1.

14. Чупага (трость-топорик горцев Татр) (культурный аспект); 3 / 1,23%.

15. Мудрость (психологический аспект); 3 / 1,23 %:

мудрость 2, гураль является умным 1.

16. Любовь к горам (психологический аспект); 3 / 1,23 %:

любит горы 1, любовь к горам 1, преданность горам 1.

17. Патриотизм (идеологический аспект); 3 / 1,23 %.

18. Семейственность (социальный аспект); 3 / 1,23 %:

память предков 1, преданность семье 1, семейные традиции 1.

19. Настойчивость (психосоциальный аспект); 3 / 1,23 %.

20. Регионализм (культурный аспект); 3 / 1,23 %:

дом в гуральском стиле 1, участие в общинных торжествах 1, участие в конкурсах 1.

21. Гордость (психосоциальный аспект); 2 / 0,82 %:

гордость 1, гордость за свою малую родину 1.

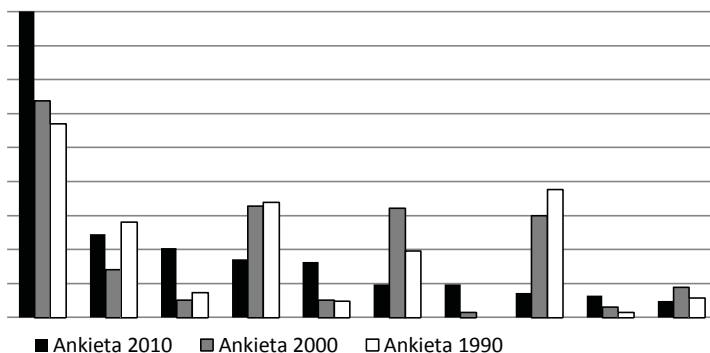
22. Фольклор (культурный аспект); 2 / 0,82 %.

23. Юмор (психологический аспект); 2 / 0,82 %.

24. Музыкальность (психологический аспект); 2 / 0,82 %.
25. Привычки, обычаи (культурный аспект); 2 / 0,82 %.
26. Пьянство (бытовой аспект); 2 / 0,82 %.
27. Привязанность к горам (психологический аспект); 2 / 0,82 %.
28. Искренность (психосоциальный аспект); 2 / 0,82 %.
29. Крепость (физический аспект); 2 / 0,82 %.
30. Здоровье (физический аспект); 2 / 0,82 %.
31. Сила (физический аспект); 1 / 0,41 %.
32. Скрипка (культурный аспект); 1 / 0,41 %.
33. Одиночные упоминания (психологический [п], психосоциальный [пс] или социальный [с] аспект); каждая из черт упомянута один раз, 0,41 %.

34. Хитрость, ловкачество [пс], доброта [пс], эгоизм [с], стойкость [п], мужество [пс], любовь друг к другу [с], неуступчивость [пс], лицемерие [пс], ответственность [пс], отвага [с], открытость [пс], злопамятность [пс], жадность [пс], рассудительность [п], сердечность [пс], справедливость [с], добросовестность [п], честность [пс], находчивость [пс], местничество (zaściankowość) [пс].

Результаты нашего опроса (анкета 2010), касающиеся черт, приписываемых гуралам, можно сравнить с данными исследования Бартомьиньского [Bartmiński, 2006: 293–298] (анкета 1990, анкета 2000).

Три характеристики, наиболее часто приписываемые гуралам, совпадают в ответах студентов из Люблина и Подхалья: говор, культивирование традиций и одежда. Эти черты составляют ядро стереотипа, культурно закреплены и функционируют в гуральском сообществе. Самоидентификация гуралья осуществляется на основании нескольких наиболее часто встречающихся черт.

В образе гуралья в сознании самих гуралей доминируют культурные особенности: язык, традиция, культура, регионализм, фольклор, чупага, скрипка, танцы и пение. Второе место занимает физический аспект (одежда, здоровье, твердость, сила), а последующие – психосоциальный (настойчивость, гордость, честность и т. д.), психологический (мудрость, любовь к горам, юмор и т. д.), этический (честь), локативный, религиозный, бытовой, идеологический (патриотизм) и социальный.

На графике, помещенном выше, отражены различия результатов нашего анкетирования по сравнению с исследованиями, выполненными Бартминьским [Bartmiński, 2006]. Сходство заключается в доминировании культурного аспекта, остальные же аспекты осмысления образа гуралей ими самими и представителями других региональных групп являются различными. В автостереотипе особое место занимает религиозный аспект (который практически отсутствует в ответах студентов из Люблина) и намного меньшую роль играют бытовой, локативный и этический аспекты. Наконец, третье место занимает психосоциальный аспект (в опросах студентов из Люблина этот аспект находится на шестой позиции).

Анализ полученных данных приводит к следующим выводам:

а) важное место в автостереотипе занимают физические черты, потому что, на первый взгляд, только одежда позволяет отличить истинного гуралья от не-гуралья;

б) постановка на передний план психосоциальных черт связана с тем, что именно они определяют хорошее / плохое сосуществование и сотрудничество в группе;

в) этический аспект представлен в слове *честь гуралья*, что является положительной и желательной чертой, частью гуральского кодекса – отсюда относительно высокая частотность упоминания этого признака;

г) низкая по сравнению с результатами из Люблина позиция локативного аспекта подтверждает регулярность в автостереотипе, которая также видна в слове *Polak* [Bartmiński, 2006: 360–367] – локативный фактор в автостереотипе смещен на второй план;

д) более высокое положение религии в автостереотипе гуралья обусловлено тем, что религиозность – положительная черта, типично польская (здесь следует вспомнить триаду *Бог, честь, отечество*, являющуюся девизом «истинного поляка»); гурали же идентифицируют себя как квинтэссенцию польскости;

е) низкое положение бытового аспекта – следствие различий в интерпретации исследований. Бартминьский такие ответы, как *ос-цытек* или *чупага*, расценивает как компоненты бытового аспекта, в данной же работе они рассматриваются как компоненты культурного аспекта, являясь объектами гуральской культурной идентичности.

Языковая картина мира гуралей, которая может быть восстановлена на основе лингвистических данных и результатов анкетирования, заключается в следующем: гураль является жителем Подхалья, говорит на гуральском диалекте, одевается в характерную одежду, уважает традицию региона, у него есть *гонор*, он религиозен, трудолюбив, упорен и мудр, почитает свободу, любит петь и танцевать, его отрицательной чертой является пьянство, атрибутом – чупага.

Библиографический список

Bartmiński J. (red.) *Język – wartości – polityka. Zmiany rozumienia nazw wartości w okresie transformacji ustrojowej w Polsce. Raport z badań empirycznych.* – Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2006.

Krzyszpień J. *Góral: co to znaczy i jak to pisać // Język Polski.* – 2010, XC. – Kraków: Towarzystwo Miłośników Języka Polskiego. – S. 125–136.

Niezabitowska A. *Góral w historii i dialektach języka polskiego // Onomastica.* – 1969, XIV, 1–2. – Kraków: Komitet Językoznawstwa PAN, Instytut Języka Polskiego PAN. – S. 162–174.

Rak M. *Kulturemy podhalańskie.* – Kraków: Księgarnia Akademicka, 2015.

Wędkiewicz S. *Góral jako przezwisko // Język Polski.* – 1914, II. – Kraków: Towarzystwo Miłośników Języka Polskiego. – S. 180–181.

Романенко В.А. (Тирасполь)

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ СВЯЗИ СОЦИАЛЬНЫХ И ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ КОНЦЕПТОВ В ИДИОЛЕКТЕ В.Р. ЦОЯ

Статья раскрывает особенности содержательно-стилистической поэтики песенного творчества В.Р. Цоя – яркого представителя отечественной рок-культуры конца 1980-х. На наш взгляд, идиолект В.Р. Цоя выражается в индивидуально-авторских принципах подбора слов и индексально-метонимического варьирования смысла, формирующих ничем не похожий на другие, свой, особый, поэтический мир. В идиолекте В.Р. Цоя функционирование концептов подчинено принципам метонимических сцеплений, которые мы и рассматриваем в настоящей статье.

Ключевые слова: концепт; образ; символ; метонимия.

Функциональные связи социальных и эмоциональных концептов в поэзии В.Р. Цоя формируются на основе индивидуально-авторских принципов индексально-метонимического варьирования смысла [Романенко, 2012, 2013]

Нам представляется, что ключ к пониманию природы дара и личности Виктора Робертовича Цоя – в словах Б. Гребенщикова об образах песенного творчества Поэта, которые суть «эмоциональные знаки» состояния человека и целого поколения 80-х – поколения «0», поколения «X», оказавшегося на переломе истории.

«Эмоциональные знаки», или концепты, поэзии В.Р. Цоя общи всем неоромантикам. Это концепты «охота» (на человека в лабиринте жизни), «смерть», «погоня», «страх», «борьба со злом», «одинокчество» и стремление преодолеть это одинокчество. Концепты образуют пары: *город – природа, сон – реальность, внешнее – внутреннее, весна – осень, зима – лето, солнце – дождь (тучи), воля – несвобода, море (ветер) – квартира, камень – звезда.*

В идиолекте В.Р. Цоя функционирование концептов подчинено принципам метонимических сцеплений, среди которых чаще других встречаются медиаторные и перформативные отношения между означающим и означаемым знакообразов. Медиатор выполняет фатическую функцию в коммуникативном процессе. Среди медиаторов можно выделить два подтипа: *адаптеры* и *дезинтеграторы*. Первые способствуют установлению контакта между коммуникантами; вторые, напротив, служат их разъединению. Перформатор является знаком гендерной, социально-ролевой, исторической, национальной, перцептивно-кодовой и прочей идентификации лица или предмета, положения вещей. Почему именно эти метонимические вариации приобрели особую значимость в творчестве поэта?

Душа, страдающая, обреченная на одинокчество, подвергается на каждом шагу смертельной опасности, но вечно тянется к свету жизни, Солнцу, теплу, пусть бы оно и было только в песне. Образ песни – метонимический медиатор между героем и действительностью, избавляющий от тоски («Солнечные дни»).

Поэт мастерски передает тактильные ощущения, синекдохически укрупняя детали-перформаторы определённого времени года или суток, например, летнего дня («Лето»). Температура «плюс двадцать пять», «электрички набиты битком», «солнце в кружке пивной», «солнце в грани стакана в руке». Проницаемость микро- и макрокосмоса порождается аппликативной метонимической

вариацией: *солнце – грань стакана, солнце – пивная кружка*, – родственной образу из стихов китайского поэта Су Ши:

*Так давайте отведаем, друзья,
луны, упавшей в вино!*

Обыкновенно в контексте творчества поэта образ дождя, часто осеннего («Странная сказка») – эмоциональный знак безнадежности, тоски, одиночества:

*Ночь пришла, за ней гроза,
Грустный дождь, да ветер-шутник.
Руки в карманы, вниз глаза
Да за зубы язык.
Ох, заедает меня тоска,
Верная подруга моя («Вера – Надежда – Любовь»).*

Образу *дождя* символически оппозиционирует образ моря как эмоциональный знак свободы, воли, простора («Каждую ночь»). Наиболее полно мотив свободы выразился в песне «Музыка волн», где шум волн, ветра, деревьев сливаются в едином музыкальном аккорде: Красоте природной гармонии противопоставлены теснота и духота городского пространства с его машинами (концепт замкнутого пространства), асфальтом (концепт линейного движения по заданной траектории), домами, квартирами (концепты неволи). Последние являются означающими с нулевым референтом, т. е. пустыми знаками, лишёнными способности каузировать какие-либо эмоции, отношения. Для них нет определения (*трудно сказать, что такое машина*), тогда как море не называется, а эмоционально переживается героем с помощью не речи, но зрения и слуха (*я вижу, я слышу*).

*Не люблю тёмные стёкла,
Сквозь них тёмное небо.
Дайте мне войти, откройте двери.
Мне снится Чёрное море,
Тёплое Чёрное море,
За окнами дождь, но я в него не верю*
(«Звезды останутся здесь»).

Примечательно, что герою Чёрное море уже только снится (реверберативный метоним). Образ сна синтезирует такие компоненты смысла, как «свобода», «мечта», «полнота жизненных прояв-

лений», «спасение», «встреча с любимыми людьми». Однако сон может быть и страшный («Страшный сон»), или быть уходом от действительности, духовной спячкой, трансформируясь в образ-блокиратор: *Сна нет. Есть сон лет* («На кухне»); *Эй! А кто будет петь, // Если все будут спать?* («Легенда»).

Своё бытие поэтический герой ассоциирует со сном, ночью. Сама его природа призрачна, эфемерна и оттого особенно ранима, уязвима. Даже время слишком материально, фактурно плотно для героя. Преодоление дней напоминает пробивание брешей в стене:

...Тает вечер чёрною громадой.

<...>

Пробиваю бреши в новых дней стене.

Мотив отражения усиливает ощущение бестелесности персонажа, а образ стекла витрины несёт функцию метонимического дезинтегратора, отгораживающего героя от реального мира.

Я – ночь, а ты – утра суть.

Я – сон, я не видим тебе («Дождь для нас»);

Я знаю, что здесь пройдёт моя жизнь,

Жизнь в стёклах витрин,

Я растворяюсь в стёклах витрин,

Жизнь в стёклах витрин («Жизнь в стёклах»).

И сам герой словно только отражение реального человека (реверберационный метоним). Весь мир идёт войной на последнего героя конца XX века, не защищённого бронёй косности, меркантильности, обыденности. духовный подвиг которого заключается даже в способности сделать в шеренге шаг вперед («Песня без слов»).

Причинно-следственные связи между звеньями метонимической цепи разорваны: есть условие, но следствие отсутствует. Сослагательная модальность усиливает противоречие между тем, что есть и что должно быть на самом деле. Стадо есть, но нет пастуха, тело есть, но нет духа, шаг есть, но редко кто оставляет после себя след, вокруг тьма, а света нет. Все это, несомненно, прочитывается аллегорически как плотское прозябание без веры, надежды, любви, без высокой, истинной цели в жизни, без возможности выбора либо смерти (метонимический перформатор «электрический стул»), либо величия (метонимический перформатор «трон»), когда ты ведом слепыми поводарями.

Духовная война идёт постоянно, между небом и землей («Война»), война с самим собой на право петь, говорить, на право жить в полный рост. Для этого от тебя требуется совсем мало и в то же время очень много – ступить на «недостроенный мост» и «петь вместе» («Попробуй спеть вместе»).

Концепт «свет» организует символическое поле из его перформаторов – образов солнца, звёзд, спичек, сигарет, костров:

*Замёрзшие пальцы ломают спички,
От которых зажгутся костры*
(«Попробуй спеть вместе»);

*А когда мы разжигали огонь,
Наш огонь тушили дождём* («Невесёлая песня»).

В одноимённой песне деталь – *пачка сигарет* – не только синекдохический денотат концепта «свет», но и медиатор между героем и жизнью, примиряющий его с нею, дающий время на раздумье, на передышку-перекур от тревог, забот дня («Пачка сигарет»).

В творчестве В.Р. Цоя встречаются и метонимические шифтеры – литературные аллюзии и реминисценции. Христианская аллюзия на духовную битву сроком две тысячи лет невидимую войну «*без особых причин*» представлена в песне «Звезда по имени Солнце».

К литературным реминисценциям В.Р. Цоя относится и стих «*Мама, мы все тяжело больны*» («Мама, мы все сошли с ума»), но если в стихах В.В. Маяковского речь идет о личной драме («Мама, Ваш сын прекрасно болен»), то у В.Р. Цоя это диагноз болезни целого поколения.

Жизнь, истинная, духовная, неуничтожима. Она в духе восточного мировоззрения лишь меняет свои формы, переходя из одного состояния в другое. Так образуется предикативная цепочка метонимов-трансформаторов *кровь – земля – цветы и трава* («Звезда по имени “Солнце”»).

Интересна возникающая аналогия с образной трансформацией по модели *живое → неживое* (*мы → земля*) в стихотворении А.А. Ахматовой «Родная земля»:

*Но ложимся в неё и становимся ею,
Оттого и зовём так свободно своею.*

Вообще же в эмоциональном пространстве А.А. Ахматовой и В.Р. Цоя много общего, что заслуживает отдельного рассмотрения.

Отсутствие нравственного ориентира, духовного маяка у целого поколения выразилось в глубоко пессимистических мотивах поэзии В.Р. Цоя. Если у В.С. Высоцкого нормальное лицо принимается за маску («Маски»), то у В.Р. Цоя уже совсем *не понятно, где лицо, а где рыло*. Также инверсированы или нарушены другие межреферентные отношения:

*И не понятно, где пряник, где плеть.
Здесь в сено не втыкаются вилы,
А рыба проходит сквозь сеть.
И не ясно, где море, где суша,
Где золото, а где медь.
Что построить, и что разрушить,
И кому, и зачем здесь петь? («Нам с тобой»).*

Так же драматичны и другие стихи («Красно-желтые дни», «Апрель», «Шаг вперед»), где опять та же разорванность метонимических сцеплений: есть антецедент (дом, солнце, голова, слово, лес, время, ночь, река, мыши, краски, рана, братья, рука), но нет соответственно предполагаемого консеквента (ключи, тучи, плечи, буква, топор, нет сил ждать, сны, мост, кот, ветер, холст, бинт, родные, она (рука) пуста). Так возникают пустые, плавающие означающие без каких-либо метонимических связей. Через двадцать лет не только метонимическая связь формы и содержания будет полностью разорвана, но и утратится какой-либо смысл вообще, а означающие превратятся в оболочки с нулевым означаемым. Об этом, кстати, и стихи С. Галанина «Ничего нет». При полном обнулении души отсутствует даже «первобытный инстинкт родства», о котором пишет в своих эссе отечественный публицист Д. Быков.

В стихах В.Р. Цоя заметно выделяется и традиционный симвообраз дороги с богатством его ассоциативно-символических смыслов («жизнь», «движение», «совершенствование», «поиск истины»). Его антипод – символ «дом», функционирующий в окружении символов-спутников «порог» (пограничная ситуация, грань между домом и внешним пространством, жизнью и смертью, явью и сном, реальностью и вымыслом и под.), «дверь», «окно», «потолок» (медиаторные метонимические символы преграды), «стук» (сердца, в дверь, знак пробуждения). Зевгма *стук в дверь – сердца* в контексте «Но странный стук зовёт: “В дорогу!” // Может сердца, а может стук в дверь» («Стук»)

порождает двухфокусный символ «дом – человек». И тогда по аналогии – «окна – глаза», «крыша, потолок – голова», «стена – тело», «веки – шторы» («Дождь для нас»).

Стих «В доме моём не видно стен» можно, исходя из сказанного, интерпретировать как знак свободного (*не видно стен*) бытия души. Человеческой душе неуютно в доме-теле, она ищет выхода, готовится к побегу, постоянно чего-то жаждет, ищет («Стук»). Повтор (троекратная анафора *и опять*) – это тот же знак безысходности, перформация вечного движения.

Границы реальности зыбки, проницаемы (стекло витрины с отражением внешнего мира, стекло окна). Да и сам дом, как и тело человека, теряет функцию защиты: такое неприятное для героя природное явление, как снег, проникает уже внутрь помещения:

*Постой, не уходи!
Мы ждали лета – пришла зима.
Мы заходили в дома,
Но в домах шёл снег («В наших глазах»).*

Все концепты песенного творчества В.Р. Цоя скреплены инвариантными мотивами тоски-печали, предчувствия грядущих трагических событий. Этому предчувствию дало оформиться чисто семиотическое наблюдение над распадом формы и содержания знаков социальной жизни, особенно институализированных знаков-эмблем:

*«За» голосуют тысячи рук,
И высок наш флаг.
Синее небо да солнца круг,
Всё на месте, да что-то не так
(«Вера – Надежда – Любовь»).*

Вспомним В.С. Высоцкого: «Нет, ребята, все не так, все не так, ребята». В мире, «вывихнувшем свой сустав», совсем погамлетовски звучат слова поэта:

*Ты должен быть сильным, ты должен уметь сказать:
Руки прочь, прочь от меня!
Ты должен быть сильным, иначе зачем тебе быть.
Что будет стоить тысячи слов,
Когда важна будет крепость руки?
И вот ты стоишь на берегу и думаешь:
«Плыть или не плыть?» («Мама, мы все сошли с ума»).*

Что остается Поэту в мире, где некому и незачем петь, где, как писал его великий предшественник, «души застыли под коркою льда»? Уйти туда, за границу своей материальности, своего дома-тела, где дождь смывает все следы бытия, и остается один смех:

*И если тебе вдруг наскучит твой ласковый свет,
Тебе найдётся место у нас. Дождя хватит на всех.
Посмотри на часы, посмотри на портрет на стене,
Прислушайся: там, за окном, ты услышишь наш смех*

(«Закрой за мной дверь, я ухожу»).

Здесь образ двери из медиатора преобразуется в метоним-блокиратор: дверь навсегда отгораживает героя от дома и ставит непреодолимое препятствие для возврата.

Человек посадил дерево, зная, что оно не проживет и недели, но, пока оно растет, человек всегда будет с ним, разделяя его радость и боль («Дерево»). Образ дерева воспринимается читателем как метонимической аппликации *дерево – человеческая душа*, как и слегка примятый, но всё же благоуханный букетик ландышей – эмоциональный символ, иероглиф души Поэта («Романс»), постоянно тянувшейся к свету, любви, добру.

Итак, мы видим, как идиолект одного человека, в данном случае идиолект В.Р. Цоя, выражается в индивидуально-авторских принципах подбора слов и индексально-метонимического варьирования смысла, формирующих ничем не похожий на другие, свой, особый, поэтический мир.

Библиографический список

Цой В. Звезда по имени Солнце: Стихи. Песни. Воспоминания. – М.: Эксмо, 2007.

Романенко В.А. Интертекстуальные отголоски в песенном творчестве В.Р. Цоя // *Materialy VIII Międzynarodowej naukowo-praktycznej konferencji. Aktualne problemy nowoczesnych nauk.* 07–15 czerwca 2012 roku. – Vol. 25, *filologiczne nauki.* – Przemysl Nauka I studia, 2012. – S. 12–14.

Романенко В.А. О сублиматорной и интегративной функциях индексально-метонимического знакаобраза // *Вестник Приднестровского университета.* – 2013. – № 1. – С. 34–41.

О «МАТЕРИАЛАХ ДЛЯ ОБЛАСТНОГО СЛОВАРЯ
ВЯТСКОГО ГОВОРА» В.Г. ПЛЕНКОВА

В статье охарактеризован рукописный диалектный словарь, составленный любителем-краеведом В.Г. Пленковым в 40-е гг. XX в., отмечен достаточно высокий уровень составления словарных статей. Достоинством материалов автора является также включение в них редких диалектных слов, не зафиксированных другими словарями.

Ключевые слова: диалектная лексикография; системные отношения в лексике; фонетический диалектизм; способы семантизации; этнографические и фольклорные сведения.

Среди источников для «Областного словаря вятских говоров» (ОСВГ) важное место занимают диалектные материалы Василия Григорьевича Пленкова, хранящиеся в рукописном отделе Кировской областной научной библиотеки имени А.И. Герцена [Пленков, 1945].

Василий Георгиевич Пленков (1897–1979) – известный вятский краевед, как его метко назвал Н. Горев, самородок из Истобенска. В.Г. Пленков родился в д. Нижние Пленковы (2-я Елизаровская) Истобенской волости Орловского уезда Вятской губернии в семье бурлака 11 января 1897 г. В годы Первой мировой войны Василий был вместе с другими братьями мобилизован на фронт и служил в десятом гренадерском Малороссийском полку. Василий Георгиевич участвовал еще в двух войнах – Гражданской и Великой Отечественной. В мае 1917 года Василий Пленков опубликовал свою первую заметку в газете «Социал-демократ» под названием «Письмо солдата». После демобилизации с 1919 года он стал селькором газет «Вятская правда», «Вятская деревня». С этих же пор он увлекся краеведением, которое стало его страстным увлечением на всю жизнь, хотя по основной профессии был технологом молочного хозяйства (в 1929 г. он окончил курсы сельскохозяйственной кооперации). Результат его огромного подвижнического труда – более тысячи заметок в местной печати, три книги – «Мастер Василий Пятов» (1954), «Вятские умельцы» (1971), «Мастера» (1980, в соавторстве с К. Верхотиным). Однако лишь малая часть наследия В.Г. Пленкова опубликована. Он составил гигантскую картотеку, насчитывавшую около 70 тысяч (!) карточек по краеведению, подготовил около тысячи персоналий, посвященных знаменитым землякам, собрал большую коллекцию книг с автографами

знаменитых земляков. Пленков является составителем самой полной библиографии по вятским говорам. Он переписывался с профессором Н.М. Каринским [Архив РАН], с этнографом и диалектологом Д.К. Зелениным, который прислал ему свои биографические сведения [Зеленин, 2013: 416–420].

Значимым результатом деятельности Василия Георгиевича является рукопись «Вятский говор. Материалы для областного словаря вятских говоров» [Пленков, 1945]. Эти материалы можно считать полноценным толковым диалектным словарём, выстроенным в алфавитном порядке. Он включает в себя более полутора тысяч слов.

В предисловии к словарю автор указывает, что эти материалы – «результат двадцатилетних наблюдений и записей слов от населения бывшего Орловского уезда Вятской губернии и, главным образом его средней части, в настоящее время районов Халтуринского и Оричевского, и Котельничского района». Кроме того В.Г. Пленков отмечает, что по служебному долгу ему приходилось часто бывать в длительных командировках по районам Кировской области, записанные во время этих поездок слова также в небольшом количестве вошли в его материалы с указанием ареала. Им применен дифференцированный подход к отбору диалектных слов, он пишет: «В настоящий словарь вошли слова вятского говора, отсутствующие в “Материалах для объяснительного словаря вятского говора”, составленных Н.М. Васнецовым (1908 г.) и в “Толковом словаре русского языка”, изданного Государственным институтом “Советская энциклопедия” под ред. Д.Н. Ушакова». В то же время в его материалы помещались и слова, зафиксированные в других словарях, если они имели в говоре отличия в значении или в словаре В.И. Даля не указано, что они используются также и в Вятской губернии.

О том, насколько профессионально подходил В.Г. Пленков к сбору диалектного материала, свидетельствуют его собственные слова из предисловия: «Запись слов вятского говора и их объяснение облегчались для меня тем, что я имел очень близкое общение с местным населением почти всю свою пятидесятилетнюю жизнь, большую часть которой провёл в сельской местности Вятской губернии... Маленькая книжечка с алфавитом у меня всегда с собой, и только я услышал какое-нибудь новое для меня местное слово, я сразу же, чтобы не забыть, записываю в алфавит. Нередко людям застенчивым на вопрос, что я записываю часто в книжечку,

я отвечал: “Записываю наблюдения погоды...” Для каждого слова велись ещё карточки, но эти карточки при перемене места жительства были утеряны. Но все же самым лучшим способом полной записи считаю карточную систему, что облегчает работу и ускоряет составление уже словаря».

В «Заметках о местном говоре», включённых в предисловие к словарю, В.Г. Пленков даёт описание фонетических и грамматических особенностей говора Орловского (ранее Халтуринского), Котельничского и Оричевского районов, т. е. говоров центральной части Кировской области. Знание этих особенностей позволило автору включить в словарные статьи яркие примеры употребления в речи диалектных лексем.

Словарная статья словаря В.Г. Пленкова включает в себя заголовочное слово, чаще всего с проставленным над ним ударением, толкование и примеры использования в речи к большей части лексем. Заголовочные слова даны в орфографической записи, но ряд из них представлен в произносительном варианте, не соответствующем правилам орфографии, например: *ошшо́мы'лка* – «непостоянная, вертлявая женщина», *отрехо'лок* – «недоразвитый кочан капусты», *о́ммэ't* – «стог сена, имеющий длинную овальную форму», *ука'ишиик* – «распоряжающийся там, где не просят» (*Укаишиику чирей за ишоку*). Фонетические и морфологические диалектизмы, т.е. слова, отличающиеся от литературных одной-двумя фонемами, грамматическими формами, не включены им в словарь, в «Заметках о вятском говоре» прилагается список этих слов: *марков (морковь), хварать, паракход, кашавар, горожана, хрестьяна, огонья, уголья, коровай, сопог, пионича, училишио, робёнок, шосток, горечой, свежой, чежолой, сужоной, кокушка, завтре, достучелся, понеть не могу, ленючой, молнея, полё, большоё, будёт, синёй, руськёй, мьётся (вместо моется), сулома, милостина, чиплёнок, околича, сибе, тибе, мамонькю, Сенькю, гумага, соводне, железо, драсливой, черп.*

В словарь включены слова разных самостоятельных частей речи без грамматических характеристик. Служебные части речи отсутствуют, за исключением двух-трёх слов.

Достоинством словаря В.Г. Пленкова являются определения, соответствующие частеречной принадлежности диалектизма, подробное описание многих реалий, включение в словарную статью иллюстративного материала, ведь «главным образом записи слов производились из разговоров местного населения». В отдельных

случаях определения содержат этнографические описания, включают в себя фольклорные материалы. Так, например, к слову *обро'тка* В.Г. Пленков замечает: «Верёвка, на которой ведут продавать скот и отдают её покупателю» (*Больнё у тебя обротка плоха, наверно, мне корову не довести на ёй до дому*). Фразеологизм *ма'зять воро'та* – «давать знак о нечестном поведении девушки до брака» – иллюстрируется частушкой: *Вот сказали про меня, что ворота мазал я. Я не мазал, не смолил, только смолу подносил*. К словосочетанию *припева'ть жениха (невесту)* – «в песне упоминать имя жениха или невесты» – В.Г. Пленков поясняет: «Такие песни распевались и на вечёрках, тогда в песнях соединяют парня и девушку» – и приводит текст песни: *Вот Натальюшка сено косила. Вот Ивановна зелено становила. Под колоду свою косу положила. Ты лежи, лежи, холодная коса. На кого лежишь надеишиа, На короля королевича, на Михаила Григорьевича. Чаю, чаю, не успокинет он меня, чаю, чаю, возьмёт замуж за себя*.

К наименованиям игр и старинным плясовым песням автор даёт подробные описания.

Голося'нка – «детская игра, рассчитанная на развитие голоса и объема легких. Играющие вбирают в легкие максимальное количество воздуха и начинают тянуть звук “Ы”, выпуская воздух из легких. При этом существует такой заговор: “Давайте, ребята, голосянку тянуть, кто не вытянет, того за волосы-ы-ы”».

Мига'лки – «игра, в которой играющие путём подмигивания переманивают к себе желаемого человека. Девки сидят на коленях у парней (или наоборот). Водящий подмигивает одной из девок. Девка должна бежать к водящему. Тот, у которого она сидела, должен ее поймать. Если поймает, то девка снова садится на колени к тому парню, у которого сидела. Если не поймает, то девка садится на колени к водящему, а парень, у которого она сидела, становится водящим. Игра продолжается».

Ожо'г – «игра горелки» (*Ожогом играли. Все встанут по двое друг за другом, а последняя пара бежит от вора и становится впереди*).

Еро'шка – «Детская игра, в которой играющие... руками ерошат волосы и приговаривают: *Ерши не ерши, баран не баран, белая овечка плавала по речке, увидала дьявола. Дьявол-то не кошка, золотые рожка...* и т. д.».

Козу'ли – «старинная плясовая песня» (*Козуле поют: Ну-ко-те, козули, плясати, ну-ко-те, козули, скакати...*).

Кроме описательных определений автор использует синонимы, тем самым отражая системные отношения в лексике говора, например: *ослопина* см. *ожерёлок* – «большой парень, но бестолковый», *отряхолок* см. *галушка* – «недоразвитый кочан капусты», *очиречить* см. *оковечить* – «подбить чем-нибудь ноги» (*Я чью-то корову около стога оковечила, лежит и встать не может. Не будет больше ходить есть чужое сено*).

Интерес представляют и фразеологические единицы, зафиксированные только в его словаре, например: *коси'нкувыводи'ть* – «держат зло, обиду на кого-нибудь», *мали'к бы тебе на язык* – «сочетание, служащее для выражения недобрых пожеланий», *ры'жика купи'ть* – «покраснеть от стыда», *вели Бог* – «говорится о том, что является желательным, хорошим, удобным» (*Вели Бог ехать на пароходе, нет ни пыли, ни тряски, свободно и чисто*).

Многие слова и словосочетания, записанные В.Г. Пленковым, подтверждают информацию о дореволюционных реалиях, сохранившихся до середины XX века, в частности, слово *каза'к* – «наёмный работник» – даже иллюстрируется примером употребления в речи: *Мам, отпусти меня в казаки к Василию Алексеичу*. Любопытна история слова *мостовщи'на* – «дорожная повинность для крестьян в царское время». В «Словарь русских народных говоров» [СРНГ, 18: 293] это слово включено с указанием его бытования на территории Тверской губернии. Это устаревшее слово, очевидно, не случайно фиксируется и в Вятской губернии. Вятский губернатор К.Я. Тюфяев был переведен на эту должность из Твери. В качестве губернатора он особенно поусердствовал перед приездом царского наследника, будущего Александра II: по его приказу у одной вдовы в Орлове был выломан пол и этими досками был отремонтирован тротуар перед её домом. Об этой «мостовщине» вспоминает А.И. Герцен в книге «Былое и думы».

Многие слова в материалах В.Г. Пленкова пополняют диалектные словообразовательные гнезда: *мли'тыш* входит в словообразовательный ряд имён существительных с корнем -мл- : *мле'нье*, *мле'лко*, *мли'лко*, *мли'ло*, *мла*, *мла'ха*, *мли'ха* с общим значением «привидение, призрак», образованных от глаголов *млеть*, *млить*, *млиться* – «видеться, чудиться».

Диалектная лексика материалов автора представляет различные тематические группы, большое количество диалектных

слов, зафиксированных в словаре В.Г. Пленкова, отсутствует в других источниках ОСВГ, если бы не подвижнический труд Василия Георгиевича, они могли бы исчезнуть из вятских говоров совсем. Приведём отдельные примеры:

Вы'шупок – «о незаконнорожденном ребёнке» (*Вышшупок Сенихин смеётся над моей девкой, а его матери-та с кем нажила!*); *маклагить* – «бить кулаками», *ма'товаться* – «проводить жеребьёвку, перебираясь по палке вверх; чья рука окажется верхней, тот выигрывает»; *медови'ца* – «кушанье из лука, сваренного с квасом»; *обо'хать* – «сглазить, похвалами, предсказаниями чего-нибудь накликать плохое», *обла'й* – «злой, сердитый человек»; *мочёнка* – «размоченные сухие овощи (репа, свёкла)», *муля'вка* – «наконечник на кормовом весле лодки», *обмоши'ться* – «изорваться, истрепаться от долгой носки», *усами'ть* – «остановить чью-либо шалость; заставить делать кого-нибудь по своему желанию» (*Да разве ваших ребят усамить? Они всё по-своему делают*)), *окара'ндыш* – «о низкорослом человеке», *шелепи'ха* – «крупные мокрые снежинки», *секту'нья* – «о заботливой, хлопотливой женщине».

Василий Георгиевич Пленков, всю свою жизнь посвятивший родной земле, её знаменитым землякам, изучению вятского говора, внёс значительный вклад в краеведение Вятского края.

Библиографический список

Архив РАН. Ф. 468, оп. 4, № 19: Каринский Н.М. Переписка. В. Пленков (г. Орлов) 1.132. 1922.

Зеленин Д.К. Письмо Д.К. Зеленина Кировскому краеведу В.Г. Пленкову с автобиографией // Избранные труды / Д.К. Зеленин; сост. и науч. ред. В.А. Поздеев. – Киров: О-Краткое, 2013. – 480 с.

Пленков В.Г. Вятский говор. Материалы для областного словаря вятского говора. – Киров, 1945 // Рукоп. Фонд областной б-ки им. А.И. Герцена. Д 74.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. – Вып. 1– / сост. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов. – М.; Л.; СПб.: Наука, 1965– .

Стародубцева Н.А., Датская М.В. (Волгоград)

**СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ИНТЕНСИВНОСТИ
В ВОСПОМИНАНИЯХ ЖИТЕЛЕЙ
ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ О ВОЙНЕ**

Исследование посвящено проблеме вербализации категории интенсивности в речи жителей Волгоградской области. В ходе анализа материала выявляются и анализируются разноуровневые средства интенсивности, определяются релевантные для диалектоносителей способы интенсификации. Делается вывод о роли средств интенсификации в народной речи.

Ключевые слова: донские говоры; категория интенсивности; устная речь; диалектоноситель; семантика.

Обращаясь к анализу устной речи сельских жителей, лингвисты неоднократно подчеркивали, что разговорная форма характеризуется значительной экспрессивностью, в которой эмоциональный заряд начинает доминировать над логическим содержанием [Осовецкий, 1982: 38]. Однако, несмотря на ряд имеющихся по этому поводу публикаций [Борисова, 2008; Григорьева, 2010; Нелина, Стародубцева, 2014; Стародубцева, 2010 и др.], целостное научное описание коннотативной сферы значения, важной для функционирования языковых единиц в народной речи, отсутствует. Исследователи отмечают при этом, что экспрессивность создается взаимодействием нескольких субъективно ориентированных компонентов значения, к числу которых, наряду с образностью и эмоциональной оценочностью, относится интенсивность [Нефедова, 2001: 6].

Существуют различные исследования интенсивности на материале диалектов, рассматривающие словообразовательные и лексические проблемы данной категории [Бельская, 2001; Брысина, 2008; Рогожина, 2012 и др.]. В центре нашего внимания находятся разноуровневые средства выражения интенсивности и способы создания контекстуальных смыслов в лексико-не диалектоносителей [Тупикова, 2013].

Как отмечают ученые, явление интенсификации предполагает констатацию необычности, выделенности самой ситуации [Родионова, 2004: 306], при этом для участников важна субъективная оценка данного увеличения количества признака [Там же: 303].

© Стародубцева Н.А., Датская М.В., 2016

Материалом для анализа послужили записи устной речи деревенского населения, произведенные во время диалектологических экспедиций в 2009–2015 гг. в Киквидзенском, Иловлинском, Новоанненском и Урюпинском районах Волгоградской области. Собранные данные, отражающие язык коренных жителей и переселенцев, донских казаков, русских и украинцев, контактно в течение длительного времени проживающих на одной территории, свидетельствуют о многообразии средств интенсификации и частотности их использования в «живой» коммуникации, что позволяет сделать ценные выводы о специфике реализации данной категории как в говорах, так и в языке региона в целом, охарактеризовать языковую личность диалектоносителя.

Трагические события Великой Отечественной войны занимают особое место в воспоминаниях сельчан. Рассматриваемый материал отражает, прежде всего, записи мемуарного характера не участников военных действий, а женщин, детей и подростков 1941–1945 гг., глазами которых представлена война на Сталинградской земле, на оккупированных территориях и в тылу. В своих рассказах информанты описывают начало войны, последующий голод и годы тяжелой работы в колхозах, на полях, чтобы прокормиться самим, покрыть военные налоги, помочь тем, кто на фронте сражался с врагом, рассказывают о рытье окопов на подступах к Сталинграду.

Следует отметить, что участники и свидетели тех страшных событий неохотно и весьма скупно повествуют о пережитом. Например, из беседы с жительницей станицы Тепикинская Урюпинского района Александрой Николаевной Прошиной, 1926 г. р.: *Сирґей ґаварить: «Прям с первава дня мы ф пекли были!»* [Куда они попали сразу?] *Да я пачем знаю! Он дюжы ни рассказываеть.*

Несмотря на это, проведенный анализ позволяет установить, что интенсификация в речи сельских жителей достигается при использовании эмоционально-окрашенных лексем или включении нейтральных по своей окраске единиц в определенные риторические приемы, способствующие усилению выразительности высказывания.

Так, например, одним из распространенных способов выражения интенсивности выступает в речи носителей говоров лексический повтор. Удвоение или даже утроение слов направлено на актуализацию значимых для информанта смыслов и указывает на степень глубины переживаемых эмоциональных состояний человека во время войны, характеризует длительность и всеохватность исторического события: *Вот. Война началась, мамка поехала в город. А там – война, война,*

война (Артеменко Александра Яковлевна, 1931 г. р., с. Большая Ивановка Иловлинского района); *Приежжаит Тимафей Иваныч и уварит: «Бабы, вайна. Зафтра забирают фсё нас фсех». Ну и уйихал, забрали. А мы все пеши пошли туда. В село, к Фелону. Пришли пеши. Ну, чё ж их паурузили и павезли, а мы накричали, накричали и фсё* (Бочарова Ольга Матвеевна, 1901 г. р., х. Калиновский Киквидзенского района); *День и ночь урузили, и урузили, и урузили, только для победы, победы* (Черноусов Семен Трофимович, 1924 г. р., с. Семеновка).

К синтаксическим средствам интенсификации высказывания можно отнести сравнительные обороты с усилительным значением, например, в воспоминаниях участника Великоц Отчественноц войны, солдата трудовой армии С.Т. Черноусова зафиксирована уступительно-усилительная конструкция **как ни + глагол**: *Пацанами работали, всё было. И на заводах мальчики работали в Воронежской области, пацаны сабирали самалеты, сабирали самалёты и отправляли на фронт, и целые были, как их ни сбивали...;* предложно-именные обороты **от...до**, усиливающиеся использованием лексического повтора и синтаксического параллелизма: *Для всех фронтов отправляли боеприпасы на Запад... Я, считай, одын за два года с половиною я нарузил состав от Балыкля до Берлина. Один нарузил за два уода.* Описывая тяжелые годы службы во время войны, трудовой подвиг мальчишек, стариков, инвалидов, совершаемый в нечеловеческих условиях, С.Т. Черноусов использует цепочки однородных членов с анафорическим повтором союза *и*, что придает особую ритмичность и эмоциональность речи: *Приходим с работы в два часа ночи, и жрать охота, и спать охота, и устали, хотя и молодые были, падали, поужинали, ни поужинали... На базу пошли урузить, и урузим. А у нас рота была. День и ночь урузили, урузили, и урузили. Когда война кончилась... Наурузили вауон припасоф с патронами. С проходной прибили: «Ребята, война конче!» Все солдаты плакалы, як война кончилась. И два дни дали нам отдых. О, як работали! Думали, шо ни кончиця она. И холод, и уолод, и дождь, и снуг, и полиуон – все: выходи строя, надо было. Там тоже ведь ждали, стрелять надо было...*

Среди словообразовательных средств интенсивности выделена, в частности, приставка **по-** со значением многократного, поочередного действия, распространенного на все или многие объекты и совершенное всеми или многими субъектами [РГ–80: 365], которая в сочетании с лексическими повторами и параллельным использованием синтаксических конструкций дает возможность диалектоносителю описать эмоциональное состояние жителей своей деревни,

только что узнавших о начале войны: *А он (председатель) абъявляет, што значить: «Дарагие земляки, вот так и так, началась вайна, вот и вот я прям сейчас ухажу на фронт. И тут как фсе, чё жэс, жэнщины, фсе пафскричались, дети пафскричались, фсе паабнялись, в эту дверь, ту, какую захадили, пошли вереницэй. Я пастаяла-пастаяла, паулядела-паулядела, фсе кричат, чой такое, и я прям так ат этой двери и дамой* (Калачева Нина Михайловна, 1930 г. р., х. Калачевский Киквидзенского района). Глагольный префикс *на-* используется с семантикой «накопиться в определенном количестве с помощью действия, названного мотивирующим глаголом» [РГ–80: 361]: *Война ж наделала вон какие вороны* (Черноусов). В данном случае образному переосмыслению подвергается словоформа *вороны* (т.е. *воронки*), имеющая в словарях значение «яма в земле, образовавшаяся от взрыва орудийного снаряда», однако в речи информанта данное слово символизирует также глубину ран, которые оставила война в душе, в жизни обычных людей. Приставка *из-* зафиксирована со значением «интенсивно совершить действие, названное мотивирующим словом» [РГ–80: 360]: *В 45-м папаня вернулся в августе, весь израненный, инвалит фтарой группы* (Александрова Антонина Владимировна, 1936 г. р., х. Калиновский Киквидзенского района).

Экспрессия может достигаться и лексическими способами, в частности, многообразными словами-интенсификаторами (*очень, сильно, тяжело, дюже* и др.), определяющими количественную меру оценки качества различного рода действий, состояний или отношений: *Тяжыло, очинь тяжыло было...* (Черноусов); *Выжывали тяжыло, эта самое, но нас спасло, што, эт самое, у нас мора не былó* (Петров Николай Степанович, 1949 г. р., х. Деминский Новоанненского района); *И вот заставили нас в вайну каласки сабирать, уолад же был, мы не ели, патаму што дедушка кладавой был, мы не уадавали сильно, а каласки сабирали. И набрали мы па сумке каласкоф* (Черноусова Валентина Васильевна, 1932 г. р., ст. Преображенская Киквидзенского района).

Определительные местоимения *весь/все* в воспоминаниях о войне дают возможность подчеркнуть интенсивность каких-либо явлений, событий, признаков: *А фсю вайну праработали, если б мы вайну ни работали, пао-моему, вайна бы не выйурала, патому што мы маладые и бабы астались без мужьёв маладые. Вот мы пахали, ва фсю силу пахали мы* (Сучкова Пелагея Степановна, 1925 г. р., х. Калиновский Киквидзенского района); часто используются при описании ранений вернувшихся с фронта родственников и знакомых: *Забрали*

яво (отца) туда на фронт, и он фсю вайну прабыл, весь раниный: и руки, и тут асколки у няво (Соина Евдокия Николаевна, 1924 г. р., ст. Тепикинская Урюпинского района); *Жывой... Весь раниный. В шеи асколки. Выташыть няльзя была. Рука раниная. Жыво́т раниный. А фсе́ равно он работал* (Ключкина Екатерина Тихоновна, 1924 г. р., ст. Тепикинская Урюпинского района).

Наиболее частотны в речи информантов рассказы о трудностях работы в поле в военное время: *У нас воть этава не была. Ну а работала вот с раннего и да позних. С этим не цитались. Какие мы там малалетки!* (Прошина); *Война началась. Мне уже была четырнадцать лет. Мы работали фсе... Нас вазили на быках, убирали пацсолнух в отпуск, до сих пор снех. Мы ныряли туда. А набрать надо было пять мешков. Ф сафхос* (Парамонова Александра Васильевна, 1926 г. р., с. Завязка Киквидзенского района); *Ну, як жыла. Отца и брата забрали, мы с матерью остались. Та, в войну, в войну. Ну и жыли. Тут я че ж, я кончила десять классов и работала. И на быках ездила, и на лошадах ездила, и воду возила, и горючее возила, и на окопах были, и на эодрому ф Калачах* (Домородова Анна Михайловна, 1922 г. р., с. Семеновка Киквидзенского района); *А работать, и эти машины грузили, подвоны грузили, работали... И кашеваркай я работала, ездили, и сено скирдавать ездили, работали. Нам дасталася жызня, щас бы только жыть!* (Николаенко Василиса Антоновна, 1930 г. р., х. Песчановка Киквидзенского района); *В общем, вот этих, как их раскулачивали в войну. Они были трудяжи нивазможные. Они были жуткие трудяжи, и семьями трудились* (Иванова Дина Васильевна, 1938 г. р., с. Большая Ивановка Иловлинского района); *Там, уалодные и халодные. Тоуда это, вот щас вы не савершенналетние, а тоуда в десять-двенацать лет савершенналетние были. То на праполку уоянли нас...* (Ключкина). В приведенных высказываниях цепочки однородных членов, синтаксический параллелизм, прием антитезы, подчеркивающий разницу между *тогда* и *сейчас*, лексические повторы, прилагательные-интенсификаты (*невозможные, жуткие трудяжи*) создают речевую избыточность и способствуют усилению экспрессии при описании трудовых будней детей войны.

Аналогичные средства интенсификации зафиксированы и в тех случаях, когда диалектоносители с грустью вспоминают о том, как и чем приходилось питаться во время войны, чтобы выжить: *Пири-жывали, канешна, ели, и шылуху ели, и траву ели, и фсе́ ели, и корни капали ели, вон какой уолад был!* (Николаенко). Житель хутора Деминский Новоанненского района Петров Николай Степанович,

1949 г. р., так описывает свои детские впечатления: *Мы галадали, но малаком спасались, вот так вот, эт самое, и в вайну. Лузга была. Лузга – эт атходы ат пшена... Ну знаите, я да сих пор помню, её в рот никак ни ваткнёшь, никак! И вот кагда паишли вот эти вот калачики* (диал. название растения просвирник обыкновенный [СДГВ, 3: 27]), *вот эти вот более-менее, то ну, это радость была неимаверная... Из рассказов Калачевой Нины Михайловны, 1930 г. р., х. Калачевский Киквидзенского района: Самый голат такой был невынасимый, люди выжыли только за щцёт сусликаф, кто лавил сусликаф. Тут ничива была есть.* Словосочетания с интенсификатами *радость неимаверная, голод невыносимый*, повторы отрицательного местоимения *никак*, однотипность синтаксических конструкций позволяют деревенским жителям не просто описать ужасы голодного военного времени, но и передать определенные эмоции, вызвать у слушателя чувство потрясения и сопереживания.

Таким образом, неподготовленность и автоматизм обиходной формы общения дают возможность получить богатый и разнообразный материал для наблюдений о наиболее типичных способах выражения категории интенсивности в речи диалектоносителей. Качественно-количественная характеристика явлений и предметов реального мира сопровождается их оценкой с точки зрения соответствия норме, выражается, как правило, образными средствами языка и является стимулом проявления эмоционального отношения говорящего к внешнему языковому содержанию. С помощью данных приемов жителям Волгоградской области удастся передать весь ужас и трагизм военных лет, рассказать о том незримом подвиге простого человека, который внес важную лепту в победу над врагом.

Библиографический список

- Бельская Е.В.* Интенсивность как категория лексикологии (на материале говоров Среднего Приобья): дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 2001. – 270 с.
- Борисова О.Г.* Диалектизмы с расщепленной коннотацией в говорах Кубани // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2008. – СПб.: Наука, 2008. – С. 340–345.
- Брысина Е.В.* Формы и способы выражения категории интенсивности в донских казачьих говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2008. – СПб.: Наука, 2008. – С. 452–462.
- Григорьева Н.А.* Эмотивный фрагмент диалектной картины мира донско-казачества: структурно-семантический и этнолингвокультурологический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2010. – 25 с.
- Нелина И.А.* Функциональная семантика глаголов эмоционального состояния и эмоционально-оценочного отношения в устной речи диалектоносителей /

И.А. Нелина, Н.А. Стародубцева // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2014. – № 4 (23). – С. 84–92.

Нефедова Е.А. Экспрессивный словарь диалектной личности. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. – 144 с.

Оссоветский И.А. Лексика современных русских народных говоров. – М.: Наука, 1982. – 199 с.

Рогожина В.Ф. Экспрессивная лексика мокшанской разговорной речи: (на материале произведений мордовских писателей) // Интеграция образования. – 2012. – № 3. – С. 86–90.

Родионова С.Е. Интенсивность и ее место в ряду других семантических категорий // Славянский Вестник. – Вып. 2. – М.: МАКС Пресс, 2004. – С. 300–313.

Стародубцева Н.А. Экспрессивные средства в устной речи носителей русского и украинского языков в пунктах смешанного проживания населения // Анклавистика : зб. наук. пр. / відп. ред. В.І. Теркулов, Н.О. Тупікова. – Горлівка : Вид-во ГДППМ, 2010. – С. 68–78.

Тушикова Н.А. Основные подходы к структурированию лексикона диалектоносителей в пунктах смешанного проживания населения // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2013. – № 4. – С. 34–42.

РГ–80 – Русская грамматика: в 2 т. / гл. ред. Н.Ю. Шведова. – Т. 1. – М.: Наука, 1980. – 784 с.

СДГВ – Словарь донских говоров Волгоградской области / под ред. проф. Р.И. Кудряшовой. – Вып. 3. – Волгоград: Изд-во ВГИПК РО, 2007. – 516 с.

Тепловодская А.А. (Кострома)

НОМИНАЦИИ ОБЪЕКТОВ ЮВЕЛИРНОГО ПРОМЫСЛА В НАРОДНО-РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ КРАСНОСЁЛОВ: ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Настоящая статья посвящена профессиональной народно-разговорной лексике, связанной с традиционным промыслом Красносельского района Костромской области – ювелирным, получившим наибольшее развитие в XVII–XIX веках и ставшим визитной карточкой п. Красное-на-Волге. Лексемы и устойчивые выражения, бытующие в повседневной жизни ювелиров молодого и среднего возраста, стали основой для формирования Словаря профессиональной народно-разговорной лексики ювелирного промысла. Актуальность исследования обусловлена тем, что в настоящее время народно-разговорная терминосистема ювелирного промысла не подвергалась анализу и не нашла адекватного лексикографического отражения ни в одном из типов существующих словарей русского языка.

Ключевые слова: ювелирный промысел; Красное-на-Волге; отраслевой тематический словарь; разговорная лексика.

В современной лингвистике значительное внимание уделяется лексикографической фиксации разговорных терминосистем народных промыслов, отражающих культуру, быт и языковую картину мира русского человека.

Так возникла потребность в создании Словаря профессиональной народно-разговорной лексики ювелирного промысла, позволяющего раскрыть этимологию, особенности функционирования того или иного понятия-термина, включённого в повседневную речь ювелиров.

В процессе работы над словарём нами была охарактеризована природа народно-разговорной лексики ювелирного промысла. Настоящее определение отражает все особенности состава, происхождения и функционирования данных слов, исторически созданных на основе жаргона, бытующих в качестве сленга ювелиров молодого и среднего возраста, являющихся, кроме того, полноправными эквивалентами профессиональных терминов и свободно вписывающихся в территориальный диалект этого края, в силу ограниченности территорий (п. Красное-на-Волге).

Как правило, от толкового словаря требуется дать всё то, что достаточно для понимания слова. Таким принципом руководствовались создатели словарей, предназначенных для широкой публики, в то время как авторы этнографических и специальных словарей, напротив, считали необходимым возможно более полное толкование лексем, сопровождающееся обширными речевыми иллюстрациями. Именно таким подходом при создании словаря руководствовались и мы. Иллюстрации (примеры) к толкованию даны в словаре со всеми особенностями их устного бытования в живой, спонтанной речи, без учёта правил орфографии, но не по правилам научной транскрипции, по методу отражения неграмотной речи.

Параметры словарной статьи задавались с учётом выяснения узкой профессиональной специфики словоупотребления данной народной терминологии, которая, тем не менее, обращена к широкому читателю. «Определения таких слов должны содержать все компоненты их значения – понятийный и реальный, а также указания на внутриязыковые оппозиции и связи» [Сороколетов, 2011: 270]. В связи с этим словарная статья содержит оптимальный объём лексических иллюстраций и грамматических помет, позволяющих любому носителю языка получить наиболее полное представление о той или иной лексеме ювелирного промысла и сфере её употребления.

Рассмотрим примеры некоторых словарных статей.

Галоша, ж. Употребляется преимущественно на участке литья. Резиновая подставка, которая надевается на литейную форму (опоку), прежде чем ставить её в печь. *Во время фармофки, то есть изготовления специальной формы для литья, ёлка памещаеца в металлический цилиндр, апоку, а на неё ужэ надеваеца галоша – патстафка такая резиновая. Патом формомассой заливаеш – и в муфель.*

Колхида, ж. Употребляется преимущественно на участке гальваники. Столовые ложки. *Калхида, то есть сталовая лошка. Её и в барабан нада по две штуки класць, а не по пятнацать, как маленькую. У неё площать бальшая и чаце видны фсякие царанки, непраналирофки.*

Лопух, м. Крепление для разводного кольца в цепочке. *Вот идёт цэпъ, и кагда ана заканчиваеца, можна навесить калечка сразу, а можна лапух. Он прямой, но ево згибают, и палучается дырка для калечка.*

Обнимашка, ж. Кольцо, представляющее собой незамкнутый круг, за счёт чего кажется, что оно обнимает палец. Часто такие украшения имеют необычный дизайн в виде зверей, поэтому выглядят особенно мило. *Кольца-абнимашки у нас фсе пакупатели любят. Прям ми-ми-ми. Ну ани так-то реально миленькие. Котики бывають, панды, сабачки. Зьделаны из серебра с эмалью. У них такая канструкцыя, што кагда надеваеш, кажэца, што ани пальчик абнимають, поэтому и абнимашки.*

Овсинка, ж. Ушко подвески или креста, с помощью которого изделие вешается на шейную цепочку. *У этих падвесак афсинка маленькая, к ним асобые цэпочки нужны, тоненькие, а то не пралезет цэпъ через ушка. Абычна ани по стандартам асобым проектируюца, если збоку смотреть, сверху афсинки, где на цепи висят, шыре, а у самой падвески ужэ.*

Пирожок, м. Бумажная фирменная упаковка для ювелирных изделий, конструкция которой напоминает упаковку горячего пирожка в сети ресторанов «Макдоналдс». *Для серебра пирашки бумажные идуць, для золота там ужэ каробочки. Прадафцы их сварачивають сами, ани им приходять в сложэном виде в магазины.*

Сварики, мн.ч. Синтетические камни производства австрийского холдинга Swarovski. *Памолвачные кольца с бриллиантами классика идёт. Са свариками ещё есть. У них цена падешэвле,*

но камень сам больше, чем бриллиант, естественно. У «Сваровски» хорошие качества огранки, они нормально смотрятся.

Чалма, ж. Крупное кольцо, как правило, без камней, декорированное алмазной гранью, гравировкой, иногда ювелирными камнями или элементами скани. *Раньше чалмы в моде были, лет пять-десять назад у всех они в ассортименте были, да и сейчас у некоторых ещё. У них шynка широкая спереди, а ззади пальца узкая, потому на чалму похожа. И на этой шynке алмазка, гравировка не очень сложная или камни, или арнамент, например, пат скань. Ну сейчас это прошлый век, канешна.*

Также необходимо отдельно отметить некоторые вошедшие в словарь устойчивые обороты профессионального характера, которые в речи ювелиров представлены достаточно широко. Паремийные свойства сленговых единиц изучены на сегодняшний день в меньшей мере, чем свойства лексем. Однако известно, что сленговые единицы обладают всеми дифференциальными признаками привычных нам фразеологических единиц: целостностью, устойчивостью, неделимостью, воспроизводимостью, непроницаемостью, а также характеризуются структурной, грамматической и фонетической завершенностью [Калита, 2013: 83]. Это, в частности, относится и к устойчивым оборотам ювелирного сленга, которым также не чужды различные авторские трансформации, чаще всего – расширение компонентного состава или замена одного из компонентов.

◇ **Мышиный хвост**. Браслет особого гладкого плетения, на который надеваются подвески для браслета – шармы. *Мышиный хвост – браслет-цепочка гладкая такая для шармаф. Они маленькие, а он гладкий, и на него налезают.*

◇ **Проработать на кастоправе**. Употребляется преимущественно на участке закрепки. Выровнять касты, которые держат ювелирный камень. *Проработать на кастоправе. Не от слова косить, а от слова каст. Бывают различные касты на всяким изделиям, камням. Проработать на кастоправе – значит выравнивать каст.*

◇ **Спичечный коробок**. Фирменная упаковка; коробочка с выдвигающейся внутренней частью, похожая на коробок для спичек. *Эти у нас раньше, помнишь, были под бриллианты? Спичечные коряпки. Нормальная упаковка была, удобна и открывать-закрывать её. Правда, их не хватало всегда. И дорогие они на себестоимости, зато красивые. А теперь это картонная вообще не а чом.*

Как кажется, подобная подача иллюстративного материала способствует формированию у читателя наиболее полного и чёткого представления о разговорной речи ювелиров, позволяет отразить особенности ударения и произношения, некоторые диалектные черты, а также создаёт яркую картину речевой ситуации, в которой употребляется то или иное слово. Всё это направлено на более продуктивную презентацию не только формы, но и содержания народно-разговорных ювелирных терминов. Следовательно, Словарь учитывает интересы широкого круга читателей, в том числе не имеющих профессиональной или филологической подготовки.

Библиографический список

Калита И.В. Стилистические трансформации русских субстандартов, или Книга о сленге. – М.: Дикси Пресс, 2013. – 240 с.

Сороколетов Ф.П. Терминология и лексикография // Избранные труды / сост. О.Д. Кузнецова, Е.Ф. Сороколетов; ред. С.А. Мызников. – СПб.: Наука, 2011. – С. 267–273.

Фадеева Г.М. (Москва)

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК И ДИАЛЕКТЫ С ПОЗИЦИЙ ЭКОЛИНГВИСТИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

Языковая ситуация в современной Германии и место диалектов в совокупности форм существования национального немецкого языка рассматриваются в статье с позиций эколингвистики, которая, в частности, изучает вопрос лингвистического разнообразия языка по аналогии с биологическим разнообразием. Отмечается развитие диалектов в сторону региональных обиходных языков (Umgangssprachen) либо в направлении «стандартного» немецкого языка. На ряде примеров показано, что, несмотря на сокращение роли диалектов в повседневном общении, они находят употребление в разных сферах коммуникации.

Ключевые слова: экологическая парадигма в языкознании; лингвистическое разнообразие языка; стандартный немецкий язык; национальный литературный язык; смерть диалектов; «ренессанс диалектов».

Основой для объединения различных взглядов и подходов в экологической парадигме языкознания является общий для них аспект рассмотрения языка: «Идет ли речь о взаимовлияниях

между различными языками и диалектами в обществе или об обусловленных языком взаимовлияниях в отношениях между людьми, нациями и т. д. – в любом случае их рассмотрение включает такие категории, как равновесие, вытеснение... Причем, это всегда поддержка малого по отношению к большому, поддержка того, что находится под угрозой по отношению к тому, что в безопасности – независимо, идет ли речь о языках, живых существах или о неодушевленных вещах»* [Fill, 1993: 4]. В связи с экологической парадигмой в языкознании представляется уместным привести мнение Е.С. Кубряковой: «Смысл каждой новой парадигмы знания в лингвистике и определяется для нас именно этим: открытием таких “реальностей”, т. е. обнаружением свойств, аспектов, особенностей языка, ускользавших до определенной поры от внимания исследователей и / или до конца ими не понятых, не описанных или же не объясненных» [Кубрякова, 2006: 5].

Впервые понятие «экология» было применено к языку в 1970 году в докладе Э. Хаугена (Haugen) «Экология языка» (An Ecology of Language). Два года спустя под этим же названием вышел сборник статей Э. Хаугена, в которых он сравнивает борьбу за выживание и равновесие в животном и растительном мире с сосуществованием и конкурентной борьбой между различными языками. Об обоснованности такого сравнения свидетельствуют широко известные и распространенные в разных языках метафоры: *живые языки, мертвые языки, выживание и смерть языков, возрождение языка* и др. (ср. нем.: *lebende Sprachen, tote Sprachen, Überleben einer Sprache, Sprachtod, Sprachrevitalisierung*; англ.: *language murder, language suicide, language death* и др.); см.: [Fill, 1993: 1–2]. На материале современного немецкого дискурса в защиту животных вопросы эколингвистики были рассмотрены Г.М. Фадеевой [Фадеева, 2011].

Известный немецкий лингвист Х.-Ю. Засе (Sasse) в статье под названием «Теория языковой смерти» (Theory of Language Death) отмечал: «Из всех антропоморфических метафор, которые лингвисты используют для описания своих проблем, метафора языковой смерти – самая мрачная. Исчезновение языка действительно очень грустная тема, поскольку связанная с ним культурная традиция, а также социокультурная и даже этническая независимость группы, которая говорит на этом языке, очень часто погибают вместе с языком. Тем не менее языковая смерть – явление очень

* Здесь и далее перевод наш. – Г. Ф.

распространенное» [Засе, 2012: 433]. В нашей статье речь идет не об исчезнувших, а о существующих в современной Германии диалектах, которые привлекают внимание ученых в аспекте их системного состояния, функционального статуса, перспектив сохранения. Х.-Ю. Засе, как и другие лингвисты, выступает за комплексный подход к исследуемым явлениям, который включает три уровня изучения: 1) исторический анализ внешней ситуации (весь спектр экстралингвистических факторов); 2) социолингвистический анализ речевого поведения сообщества; 3) структурное описание речи различных категорий носителей языка на разных стадиях в ходе исследований, покрывающих значительный период развития ситуации [Засе, 2012: 436–438].

В современной Германии немецкая речь представлена совокупностью форм, включающих наряду с литературным языком (Hochsprache) также различные обиходно-разговорные формы (Umgangssprachen) и территориальные диалекты (Mundarten). Все формы существования языка трех названных основных формаций образуют пятичастную иерархическую структуру и находятся в условиях взаимодействия и взаимодополнения [Домашнев, 2005: 33, 41]. В конце XIX века Г. Венкер (Wenker), исследовавший звуки и грамматические формы немецких диалектов, разослал подробные опросные листы в более чем 40 тысяч населенных пунктов Германии. Бургомистры двух населенных пунктов вернули ему незаполненные опросные листы с примечанием, что, к сожалению, знающие диалект жители не могут ответить на вопросы, так как недавно скончались. Г. Венкер считал, что немецкие диалекты обречены на вымирание, хотя, возможно, еще будут какое-то время «влячить свое существование» (примечательна формулировка Г. Венкера «ihr Leben fristen»), но уже ближайшие поколения не будут обладать чувством прочного, развивающегося в своих рамках диалекта, которое в конце XIX века еще можно было найти в сельской местности [цит. по: Eichhoff, 2000: 80].

В конце XX – начале XXI века немецкие исследователи вновь обратились к вопросу: «Вымирают ли диалекты?». Автор статьи в сборнике «Немецкий язык на рубеже тысячелетия» Ю. Айххофф (Eichhoff) справедливо отмечает, что даже если история Г. Венкера всего лишь легенда, в ней отражается распространенное представление, что только представители старшего поколения в той или иной местности владеют подлинным неизменным диалектом. Считается, что многие признаки диалекта уходят вместе

с поколением. На современном этапе исследований устанавливаются более тонкие дифференциации в различных социальных группах и различных коммуникативных ситуациях: старшее поколение крестьян и ремесленников, более молодое поколение крестьян и ремесленников, бизнесмены, предприниматели в общении с клиентами, учителя и ученики или их родители; местный священник в общении с прихожанами; официальное общение (речь бургомистра, проповедь, урок в школе и т. д.).

Сокращение использования и утрата диалектов в конце XX века привели, по мнению немецких исследователей, к глубокому изменению общей картины немецкого языка. Вместо диалектов, которые широко использовались еще в середине XIX века, распространение получает обиходно-разговорный язык (*Umgangssprachen*). На рубеже XX–XXI веков немецкие исследователи утверждают, что именно обиходные языки являются региональными, а письменный немецкий язык – национальным литературным языком (*die nationale Hochsprache*). Во многих регионах Германии от Вестфалии и Северного Гессена до Саксонии сегодня не говорят на диалектах, в других местностях роль диалектов заметно сократилась. Проведенное в 1994 году исследование показало, что большая часть жителей Саксонии уже не владеет диалектом, и основу коммуникации составляют областные и местные обиходно-разговорные языки (*landschaftliche Umgangssprachen*) [Eichhoff, 2000: 81–82]. Просмотр писем и комментариев интернет-пользователей на тему современных диалектов подтверждает выводы ученых [ср. например: <http://www.schnullerfamilie.de/scherzkekse/117683-herkomme-versteh-manchmal-kein-wort.html>].

Необходимо подчеркнуть, что в современной Германии делается немало, чтобы воспрепятствовать исчезновению и размыванию диалектов. Словари диалектов, а также аудиоматериалы, иллюстрирующие их звучание, выходят с завидной периодичностью. В частности, весьма уважаемое издательство Langenscheidt издает популярную серию мини-словарей немецких диалектов Langenscheidt Lilliput (*Dialekt-Lillis*) с короткими, но очень емкими предисловиями, информирующими об основных особенностях того или иного диалекта. В каждом мини-словаре содержится 4–5 тыс. слов, а также шутливо-серьезные сведения о культуре данного региона. К 2016 году издательство выпустило словари следующих немецких диалектов: баденский (*Badisch*), баварский (*Bairisch*), берлинский (*Berlinerisch*), франкский (*Fränkisch*), гессенский (*Hessisch*),

кельнский (Kölsch), нижненемецкий (Plattdeutsch), рурский (Ruhrpott-Deutsch), саксонский (Sächsisch), швабский (Schwäbisch).

Авторы словаря саксонского диалекта пишут в предисловии: «Кто уже был в прекрасной Саксонии, знает, как быстро возникают проблемы в коммуникации. Но разве в других регионах Германии не точно так же? Да, точно так же» [Langenscheidt Lilliput Sächsisch, 2000: 4]. Классический пример: житель нижнесаксонской провинции и баварец не поймут друг друга, если каждый будет пользоваться своим диалектом [Radtke I., Кноор У. цит. по: Домашнев, 2005: 35]. Тем не менее, до 80 % опрошенных жителей в разных местностях Германии считают, что владеют диалектом. Исследователи констатируют, что в южной части Германии диалект лучше сохранился и активнее используется, чем на севере, что наглядно доказывает карта географического распределения и активности употребления диалектов на территории современной Германии [Löffler, 2010: 131]. При этом справедливо отмечается, что формулировка «знание диалекта» (Dialektkenntnis) не обязательно включает в себя «применение диалекта в повседневном общении», не говоря уже о том, *что* именно опрошенные вкладывают в понятие «диалект» [Eichhoff, 2000: 82–83]. На основной вопрос своей статьи «Вымирают ли диалекты?» Ю. Айххофф, как и большинство немецких исследователей, уверенно отвечает: «Да». Даже там, где диалекты все еще используются, заметно их развитие в сторону региональных обиходных языков (Umgangssprachen) либо в направлении «стандартного» немецкого языка. С одной стороны, в современном мире, когда жилища людей выглядят одинаково, когда даже в сельской местности изменилась среда обитания, учитель, священник и пожарная команда живут уже не по соседству, а игровые автоматы и компьютер используют английский язык – в этих условиях диалект как язык общения, связанный с данным местом проживания, является своего рода «оружием в борьбе за сохранение идентичности» [Weckmann цит. по: Eichhoff, 2000: 85]. Речь идет об объединяющем чувстве принадлежности к данному месту, данной группе людей, данному социуму. С другой стороны, диалект именно благодаря этому свойству представляет собой определенную границу, усложняющую адаптацию людей со стороны (не местных), т. е. не владеющих данным диалектом.

Возможно, именно в связи с угрозой их исчезновения диалекты пользуются сегодня особой любовью и охотно применяются, но в тех областях коммуникации, которые весьма далеки от живого

естественного употребления в повседневной жизни. В частности, выражением несомненного желания сохранить утрачиваемые диалекты является их широкое применение в театральных постановках на диалекте, стихах и прозаических произведениях, в чтении проповедей и др. В 70-е годы XX века немецкие лингвисты даже говорили о «ренессансе диалектов» [Löffler, 2010: 130]. Как показал ряд исследований, диалект охотно и успешно используется в современной рекламе, так как привлекает внимание и вызывает теплые чувства. Идея использовать в рекламе диалект, по мнению экспертов, рациональна и успешна, прежде всего, для торговца «за углом», т. е. по соседству, близко к дому [ср. Zumbusch, Mattheu 2001]. Существует художественная литература на диалекте. В 1966 году вышел сборник «Современные авторы пишут на немецких диалектах» («Eine Sprache – viele Zungen. Autoren der Gegenwart schreiben in deutschen Mundarten». – Gütersloh: Mohn, 1966. – 271 S.). В 2015 году отмечалось 90-летие К. Хаусманна (Hausmann) из г. Крефельд в земле Северный Рейн-Вестфалия, который более 40 лет публикует свои рассказы, стихи и песни на крефельдском диалекте. Отдельного обсуждения заслуживает использование диалектов как художественного приема в современных произведениях, написанных на литературном немецком языке.

В заключение можно резюмировать, что, по общему мнению исследователей, немецкие диалекты в традиционном понимании будут и далее утрачивать свою роль как средство общения, что связано с развитием современного общества. В региональных обиходно-разговорных языках сохранятся более или менее заметные оттенки (прежде всего фонетические и фонологические особенности), что наблюдается и сейчас в стандартном немецком языке разных географических областей Германии. Именно эти признаки позволят в будущем сохранить идентичность жителей тех или иных регионов. Потеряв свое значение в повседневной коммуникации, немецкие диалекты сегодня являются, в первую очередь, фактором культурной жизни. Диалекты в значительной мере утратили и свою функцию источника, из которого литературный язык на протяжении веков черпал языковой материал. Заимствования такого рода еще наблюдаются, но прежде всего из обиходно-разговорных языков. Рассматривая языковую ситуацию в современной Германии со всем спектром ее областных и местных обиходно-разговорных языков (полудиалектов), следует подчеркнуть усилия как отдельных граждан, так

и официальных структур, направленные на сохранение лингвистического многообразия немецкоязычного пространства, хотя эти усилия и не могут остановить историческое развитие языковой ситуации. Так, в 1998 году в Конституцию федеральной земли Шлезвиг-Гольштейн была внесена статья 9, в которой говорится, что «земля защищает и поддерживает сохранение нижненемецкого языка» [цит. по: Eichhoff, 2000: 87].

Библиографический список

- Домашнев А.И.* Труды по германскому языкознанию и социолингвистике / Ин-т лингвист. исслед. – СПб.: Наука, 2005. – 1113 с.
- Засе Х.-Ю.* Теория языковой смерти // Социолингвистика и социология языка. Хрестоматия / [пер. с англ.]; отв. ред. Н.Б. Вахтин. – СПб.: Изд-во Европейского университета в СПб., 2012. – С. 433–458.
- Кубрякова Е.С.* Понятие «парадигма» в лингвистике: Введение // Парадигмы научного знания в современной лингвистике: сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. – М., 2006. – С. 4–14.
- Фадеева Г.М.* Стилистические аспекты экологического дискурса // Лексикология и фразеология: актуальные проблемы и решения. Ч. 2. – М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2011. – С. 58–71 (Вестник МГЛУ, вып. 19 (625) Языкознание).
- Eichhoff J.* Sterben die Dialekte aus? // Die deutsche Sprache zur Jahrtausendwende. – Mannheim: Dudenverlag, 2000. – S. 80–88.
- Fill A.* Ökolinquistik: eine Einführung. – Tübingen: Narr, 1993.–151 s.
- Löffler H.* Germanistische Soziolinguistik. – Berlin: Erich Schmidt, 2010. – 222 s.
- Zumbusch J., Mattgey A.* Darf dat dat? Und dat dat dat darf? // W&V, 48/2001/ Markt 24.

Фокина М.А. (Кострома)

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО ПОРТРЕТА А.Н. ОСТРОВСКОГО В МЕМУАРНОЙ ПРОЗЕ С.В. МАКСИМОВА

В статье рассматривается система образных средств создания литературного портрета великого драматурга Александра Островского в мемуарном произведении известного писателя-этнографа Сергея Максимова. Автор воспоминаний активно использует перифразы и фразеологизмы, образует выразительные градации, антитезы и семантико-синтаксические повторы, с помощью которых ярко характеризует внешний облик, черты характера, мысли и чувства русского писателя.

Ключевые слова: мемуарный текст; литературный портрет; образное средство; языковые приёмы выразительности.

С Костромским краем тесно связаны жизнь и творчество великого русского драматурга Александра Николаевича Островского и известного писателя-этнографа Сергея Васильевича Максимова. А.Н. Островский поддержал первые шаги С.В. Максимова на литературном поприще, высоко ценил самобытный язык его произведений. Позднее Сергей Максимов, автор знаменитой книги «Крылатые слова», помогал А.Н. Островскому в работе над «Материалами для словаря русского народного языка».

Биографический очерк С.В. Максимова «Александр Николаевич Островский (По моим воспоминаниям)» был опубликован в журнале «Русская мысль» в 1897–1898 годах. Мемуарное произведение представляет собой литературный портрет, щедро дополненный яркими фактами жизни и творчества драматурга. В то время, спустя десятилетие после смерти Островского, ещё не существовало его подробного жизнеописания, и Максимов «сознательно пошёл на нарушение чистоты мемуарного жанра, чтобы представить биографию Александра Николаевича с возможной полнотой, – отсюда в его воспоминаниях возникли документальные вкрапления, кое-что он передавал с чужих слов» [Плеханов, 1989: 9]. В результате этого возникает ощущение непосредственного общения читателя с героями воспоминаний.

В мемуарном тексте С.В. Максимова представлено субъективное перволичное повествование, насыщенное авторскими оценками и впечатлениями. К ведущим жанрообразующим средствам относятся глагольные формы первого лица и соответствующие им местоимения *я, мы*: «место, куда привели *нас* личные благодарные воспоминания»; «*войдём* сюда под радушный кров... светила нашей литературы»; «посмотреть на его ясные очи *мы* настроились торжественно и радостно»; «вот *перед нами* вживе воскресшие надежды»; «*не имею* права умолчать»; «*привожу* этот маленький случай»; «*мне* довелось быть свидетелем»; «на этой дальней и весёлой поездке теперь и *остановимся...*» и т. д. Широко используется притяжательное местоимение *наш*: «*наш* художник, *наш* драматург»; «*наши* путники, *наши* путешественники, *наши* туристы, *наши* странники» (о заграничной поездке Островского).

Уже в самом начале мемуарного рассказа Сергей Максимов живо воспроизводит «безыскусственную обстановку жизни великого писателя», психологически точно создаёт лаконичный портрет гостеприимного хозяина московского дома, обращая

внимание читателя на детали его повседневной одежды, бытовые привычки и выражение лица:

«Он в коротенькой поддёвочке нараспашку, с открытою грудью, в туфлях, покуривая жуковский табак из черешневого чубука, с ласковой и неизменно приветливой улыбкой встречал всякого, кто получил к нему право входа» [Максимов, 1989: 391].

Здесь в описании внешнего вида выявляются также черты, которые характеризуют одновременно и внутренние качества Островского, – его душевную открытость, искренность и радушие: «нараспашку, с открытою грудью». Ср. с известными фразеологизмами: *душа нараспашку* разг. восторж. ‘прямодушный, откровенный, чистосердечный человек’ [ФСРЛЯ, 1: 221]; *открытая душа* разг. экспрес. ‘искренний, прямой, доверчивый человек’ [ФСРЛЯ, 1: 222]. Так создаётся двойная смысловая актуализация перечисленных языковых единиц, формируются дополнительные семантические приращения, обусловленные контекстом.

Мемуарист с волнением вспоминает самую первую встречу с драматургом, когда он и его молодые друзья «с трепетным чувством благоговения» смотрели на «дорогого гостя», «избранника, ... на широком и открытом челе» которого «печать бессмертия». Их поразила тогда «быстрая смена впечатлений в подвижных и живых чертах лица»:

«Глаза сделались ласковыми, исчезло величавое выражение лица и заметная на нём лёгкая складка лукавого юмора – уступили теперь добродушному и открытому смеху... Мы приняли это в свидетельство, что под обманчивой и призрачной невозмутимостью и при видимой солидности в движениях скрывалась тонкая чувствительность и хранились источники беспредельной нежности, иначе бы он так мягко и ласково не улыбался и не был бы так очаровательно прост. Белокурый, стройный, и даже, как и мы все, малые и приниженные, застенчивый, он и общим обворожительным видом, и всею фигурой совершенно победил нас, расположив в свою пользу до последней степени» [Максимов, 1989: 406].

В этом портретном описании преобладают различные оценочные характеристики, отражающие определённый диссонанс внешности Островского с его внутренним обаянием: *величавое выражение лица; обманчивая и призрачная невозмутимость; видимая солидность в движениях – добродушный и открытый смех; тонкая чувствительность; беспредельная нежность; застенчивый*. Восторженное отношение молодёжи к живому

классику выражено экспрессивными словосочетаниями: *очаровательно прост; обворожительный вид*. Итогом сильных впечатлений от первой встречи с драматургом является завершающая фраза, где создаётся градация, усиливающая общую позитивную оценочность: *«совершенно победил нас, расположив в свою пользу до последней степени»*.

Характеризуя личность А.Н. Островского и его творческую деятельность, С. Максимов активно использует перифрастические выражения с ключевыми словами-существительными *светило, человек, натура, характер*: *«светило нашей литературы»*; *«литературное светило»*; *«новое, вспыхнувшее ярким блеском светило»*; *«нравственно сильный человек»*; *«передовой человек»*; *«истинно русский человек»*; *«необыкновенный человек, не для нас одних дорогой и приснопамятный»*; *«талантливая натура»*; *«выдержанный и солидный характер»* и др. Мемуарист приводит радостную реплику профессора русской словесности С.П. Шевырева в связи с публикацией пьесы А.Н. Островского «Свои люди – сочтёмся»: *«Поздравляю вас, господа, с новым светилом в отечественной литературе!»*. Фраза *«корифея эстетической критики»* была произнесена им *«торжественно, с привычным пафосом»*. Здесь лексема-перифраз *светило* имеет семантику *‘человек, прославившийся в какой-л. сфере деятельности; знаменитость’* [МАС, 4: 45].

Неоднократно в мемуарном тексте подчёркивается мысль о том, что великий драматург, являясь *«светилом нашей литературы»*, *«достойным последователем и прямым наследником Гоголя»*, *«основателем русского народного театра»*, оставался очень скромным и застенчивым человеком, которого не испортили слава и почести.

Рассказывая о премьере комедии *«Бедность не порок»*, мемуарист описывает появление смущённого автора пьесы в директорской ложе театра *«по настойчивому требованию публики»*:

«Он предстал зардевшимся, как красная девушка, с потупленным взором и с тою застенчивостью, которая у него была чрезвычайно тонкой природы, не уверенный в том, что она может нравиться и привлекать, и лишённый всякого самомнения и тщеславия» [Максимов, 1989: 431].

Сравнительный оборот *как красная девушка* содержит фразеологизм: *красная девушка* разг. ирон. *‘о слишком робком, застенчивом человеке’* [ФСРЛЯ, 1: 180]. В приведённом контексте отсутствует ироническая окрашенность устойчивого оборота, поскольку здесь автор изображает драматурга с большой симпатией и любовью,

показывает, что он не привык к шумному успеху и не чувствовал себя легко и свободно в присутствии восторженных зрителей. Семантика устойчивого выражения раскрывается в контекстном окружении: *зардевшийся; с потупленным взором; застенчивость; не уверенный; лишённый всякого самомнения и тщеславия.*

К смысловым доминантам литературного портрета относится повторяющаяся метафора *богатырь*, которую Сергей Максимов использует в своих воспоминаниях дважды. Мемуарист описывает жизнь Островского в усадьбе Щельково:

«Оставаясь таким же радушным и хлебосольным, как и в Москве, в деревне своей он казался упростившимся до детской наивности и полного довольства и благодушия... Богатырь в кабинете с пером в руках – в столовую к добрым гостям выходил настоящим ребёнком, а семье всегда предъявлялась им сильная и глубокая любовь к домашнему очагу» [Максимов, 1989: 465].

Выразительные метафоры *богатырь в кабинете с пером в руках – настоящий ребёнок* создают антитезу, которая усиливает контраст: внешней солидности и писательской мощи драматурга противопоставлены его душевная непосредственность и человеческая доброта. Сравнение Островского-богатыря с ребёнком получает смысловое развёртывание в параллельных конструкциях, образующих семантико-синтаксический повтор: *казался упростившимся до детской наивности – выходил настоящим ребёнком.*

Ключевая метафора *богатырь* присутствует также в аллегорическом описании трудного жизненного пути А.Н. Островского в начале воспоминаний: «...дорога тянулась по рытвинам, через груды наваленных препон, и мосты через реки были поломаны или совсем разрушены... У старорусских богатырей на эти роковые случаи недобрых встреч с препонами припасено было вещее слово зарока – идти дорогою прямоезжею и твёрдо веровать...» [Максимов, 1989: 391].

Мемуарист характеризует «мрачное семилетие» (1848–1855), когда Островский начинал свою творческую деятельность. Под «старорусскими богатырями» подразумеваются молодой драматург и его друзья, помощники и единомышленники, кому приходилось преодолевать цензуру, преследования, гонения. Фольклорное выражение *идти дорогою прямоезжею*, восходящее к былинным текстам, передаёт жизненное кредо А.Н. Островского, его идейные и нравственные принципы. Ср. с фразеологиз-

мом *идти прямым путём* книжн. экспрес. ‘жить честно, поступая справедливо, действуя без уловок и обмана’ [ФСРЛЯ, 1: 277].

К фольклорным образам Сергей Максимов обращается также в тех фрагментах повествования, где рассказывается о любви драматурга и его друзей к русской народной песне. Упомянув «первую спутницу жизни в суровой нужде, в борьбе с лишениями во время подготовки к великому служению родному искусству», Агафью Ивановну, невенчанную жену Островского, мемуарист использует поговорку *Из песни слова не выкинешь* ‘ничего не поделаешь, приходится сказать всю (обычно неприятную) правду’ [Жуков, 1991: 134]. Согласно этому «пословичному завету» в воспоминаниях не утаиваются и не приукрашиваются отдельные биографические факты, правдиво излагаются все события жизни писателя, известные автору.

Таким образом, в мемуарном произведении С.В. Максимова мастерски воссоздаётся живой и выразительный облик А.Н. Островского, талантливого драматурга и обаятельного человека. Автор воспоминаний описывает внешность, черты характера, внутренние качества, чувства и мысли писателя, повествует о важных событиях его творческой деятельности, удачно используя образные речевые средства (лексические, фразеологические и синтаксические). Яркими художественными приёмами являются ключевые метафоры-символы, многочисленные перифразы, градация, антитеза и семантико-синтаксические повторы, которые объединяют отдельные фрагменты и эпизоды мемуарного текста в единое структурно-смысловое целое, в общую художественно-эстетическую систему.

Библиографический список

Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. – 4-е изд. – М.: Русский язык, 1991. – 534 с.

Максимов С.В. Избранное / сост. С.Н. Плеханов. – М.: Советская Россия, 1981. – 560 с.

Максимов С.В. По Русской земле / сост. С.Н. Плеханов. – М.: Советская Россия, 1989. – 528 с.

МАС – Словарь русского языка: в 4-х т. / АН СССР, Институт русского языка; под ред. А.П. Евгеньевой. – 3-е изд. – М.: Русский язык, 1985–1988.

Плеханов С.Н. Охота за словом. – М.: Вече, 2011. – 288 с.

Плеханов С.Н. Свидетель неложный... // *Максимов С.В.* По Русской земле / сост. С.Н. Плеханов. – М.: Советская Россия, 1989. – С. 3–16.

ФСРЛЯ – Фразеологический словарь русского литературного языка: в 2 т. / сост. А.И. Фёдоров. – М.: Цитадель, 1997.

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ В ЛЕКСИКЕ ЯРОСЛАВСКИХ ГОВОРОВ

Статья посвящена лексико-словообразовательной вариативности в говорах Ярославской области. Рассматриваются ряды словообразовательных синонимов, состоящие из разных по своей структуре однокоренных образований, являющихся семантическими дублетами. Особо описываются морфологические варианты – парные родовые образования имён существительных, совпадающие по семантике. Проводится сопоставление материалов «Ярославского областного словаря» с данными исторических словарей русского языка, которое позволяет определить, что сохраняется в словарном составе говоров от предшествующих периодов существования русского языка.

Ключевые слова: диалектная лексика; синонимия; словообразовательное варьирование; «Ярославский областной словарь»; историческая лексикография.

Словарный состав говоров характеризуется значительным количеством семантических дублетов, сильно выраженным варьированием при номинации определенных реалий, явлений и т. д. В одном и том же значении употребляются, в частности, однокоренные слова, различающиеся только своими словообразовательными средствами. Это явление обусловлено устным характером диалектной речи, что и приводит к появлению в говорах большого числа словообразовательных параллелей, однокоренных синонимов. Высокая вариативность такого рода присуща и лексике говоров Ярославской области. Обратимся к материалам «Ярославского областного словаря» и изданным к нему «Дополнениям» и рассмотрим это явление на конкретных примерах.

Словообразовательная синонимия широко проявляется в наименованиях отдельных предметов. Так, полотенце из грубого холста для вытирания рук имеет целый ряд названий. Во-первых, это сложно-суффиксальные образования с корнями *рук-* и *тер-/тир-*: *рукотёрка*, *рукотёрник*, *рукотирник*, *рукотираник*, *рукотерина*, а также со вторым корнем *тел-*: *рукотельник*, *рукотельница*. Ср.: *Постели на росу рукотёрку* (Данил.); *Надо сменить рукотельник* (Пошех.) [ЯОС, 8: 140]; *Рукотираник вешаем около рукомойника* (Пошех.) [ЯОС-Доп, 2: 249]. Все эти слова обладают ярко выраженной мотивированностью, чему способствуют два компонента данных сложений, самыми распространенными из них являются *рукотёрник* и *рукотёрка*.

Во-вторых, эту же реалию называет и широко известное в русских говорах слово *ручник*, имеющее фонетические варианты *рушник*, *русник*, ср.: *Это ручник, а лицо вытри вон тем полотенцем* (Рост.) [ЯОС, 8: 142]. В отличие от приведенных выше сложных слов, данная лексема употребляется и как наименование любого полотенца (*Ручники шили из самотканого холста*. Б.-Сел.) или расшитого, вышитого, которое служило и украшением в доме, и являлось атрибутом свадебного обряда, например: *Рушником украшали место рядом с иконой* (Рыб.); *Пирог-от на свадьбе на рушниках носили* (Некоуз.); *Дружеск подпоясывали русниками* (Пересл.). Соответствующее наименование женского рода *рушница*: *Весной мы рушницы на насту отбеливали* (Некр.) [ЯОС-Доп, 2: 250]. Наблюдающееся в данных примерах чередование ч//ш//с характерно для слов, содержащих сочетание чн.

Слово *ручник* 'полотенце' зафиксировано в памятниках письменности XVII века, в частности в текстах назидательного характера, касающихся воспитания детей: «Подобаеть ли... персты... о одежду утирати. О<твет>: Ни, занеже лучше скатертию или *рушникомъ* то творити» [СлРЯ XI–XVII вв., 22: 264].

Как видим, в приведенных выше наименованиях наряду со словообразовательным варьированием присутствует и родовая дифференциация (*рушник* ~ *рушница*, *рукотельник* ~ *рукотельница*, *рукотёрник* ~ *рукотёрка*). Подобная вариативность наблюдается и в наименованиях детёныша животного (чаще – телёнка, а также поросёнка, ягнёнка), когда он питается одним молоком. Наряду с суффиксальным образованием *молочник* (*молошник*, *молосник*) бытуют в ярославских говорах и сложные слова *молокопоек*, *молокопоец*, *молокопой*, *молокопойка*, *молокопойник*, в которых второй компонент указывает на способ кормления животного, а первый уточняет, чем именно оно питается, например: *Ты молочника будешь держать?* (Брейт.); *Я своего телёнка ещё молосником продала* (Тут.); *Мы молокопойка на мясо зарежем* (Углич.) [ЯОС, 6: 56–57].

Лексема *молочник* 'животное, питающееся только молоком, вскормленное молоком' представлена в лексикографических источниках XVIII века, в частности в «Полном немецко-русском лексиконе» Аделунга (1798): «*Молочник, теленок, котораго еще молоком поят*» [СРЯ XVIII в., 13: 17].

Приведем и другие ряды однокоренных равнозначных слов, где также проявляется колебание в категории рода, что распространено

в говорах среди неодушевленных существительных. Так, насест для куриц имеет несколько названий, содержащих корень *сед-/сид-*: *наседадо* (самое распространённое), *насёдло*, *насед*, *наседка*, *наседово*, *насидело*, ср.: *Сделай пониже насседадо курицам* (Некр.); *Для кур в курятнике насёдло делали* (Г.-Ям.) [ЯОС, 6: 113]; *Надо бы сделать новый насед* (Г.-Ям.); *Слега протянута, наседка для куриц* (Данил.); *Сели курицы на наседку – надо двор закрывать* (Рыб.) [ЯОС-Доп, 2: 55].

В другом ряду семантических дублетов представлены названия пастбища с разным суффиксальным оформлением: *пастьба*, *насево*, *пастушина*, *пастушня*, связанные с глаголом *паст*, например: *У нас пастьба хорошая, скоту раздолье* (Пересл.); *Останусь я, наверно, скоро пастухом без посева* (Некр.) [ЯОС-Доп, 2: 128–129]. Ср. данные диалектные слова с наименованиями пастбища, засвидетельствованными в переводной лексикографии XVIII века, а именно в «Полном французском и российском лексиконе» (1786): «*Выгон, пасба, пастбище, пажить, паства, пасилице, паственное место*» [СРЯ XVIII в., 18: 238].

Ряды однокоренных слов-синонимов могут дополнять описательные названия. Так, несъедобный гриб, поганка носят названия *поганец*, *поганик*, *погануха* и *поганные губы*, ср.: *В лесу одни поганцы* (Данил.); *Это опята или поганики?* (Бор.); *Попадались одни поганухи* (Некоуз.) [ЯОС-Доп, 2: 155–156].

Слова, тождественные по значению, толкуются в ЯОС по формуле «*То же, что*», при этом в «Дополнениях» отсылка даётся к наиболее употребительному, наиболее распространённому в говорах слову. Такой способ семантизации используется чаще всего при толковании именно однокоренных слов-синонимов.

В лексике говоров нередко сосуществуют парные родовые образования имён существительных, совпадающие по семантике, типа *наволок* ~ *наволока*. Эти дублеты различаются только родом. Такие слова в «Дополнениях» к ЯОС разрабатываются в одной словарной статье как морфологические варианты. Рассмотрим отдельные пары, например: *наслуд* ~ *наслуда* в значении 'вода, выступившая на поверхности льда'. Ср.: *Ходить по Сити зимой опасно – у берега наслуд* (Некоуз.); *Как попригреет зимой, так наслуда появляется* (Любим.). Такие морфологические варианты могут дополняться и фонематическими: *наслуд* ~ *наслуда*, например: *По наслуду шла, вот ноги-то и промочила* (Пересл.); *Наслуда бывает во время оттепели* (Б.-Сел.) [ЯОС-Доп, 2: 55–56].

В источниках XVIII века отмечены варианты мужского рода *наслуд* (*наслюд*), причём первый – *наслуд* с толкованием ‘вода во время оттепели на поверхности льда на реках бывающая’ включен в Словарь Академии Российской (1789–1794) со следующей иллюстрацией: *На реке наслуд, перейти нельзя* [СРЯ XVIII в., 14: 52]. С этой же формулировкой значения слово представлено в Словаре Академии Российской (1806–1822) и в Словаре церковнославянского и русского языка (1847) и проиллюстрировано так: *Река покрылась наслудом* [Сл. 1847, 2: 405]. В этих словарях данная лексема дана без ограничительных помет.

Вторая пара *наволоок* ~ *наволока*. Ср. в значении ‘заливной луг; низменный берег реки, поросший травой или кустарником’: *Наволоок-то был небольшой, а сена порядочно нагребалось* (Бор.); *Завтра наволоку косить начнём* (Пошех.) [ЯОС, 6: 86]. Приведем подобное употребление слова *наволоок* в юридических актах конца XV в.: «И тотъ, господине, Олекса тотъ *наволокъ* Андреевской по два лета *покосиль* силно». 1494 г. [СлРЯ XI–XVII вв., 10: 39], а также толкование данной лексемы в Словаре Академии Российской (1789–1794): ‘луг при берегу какой-либо реки находящийся, на которой разлитием воды всякой дрязг наносится’: *Косить наволоки* [СРЯ XVIII в., 13: 145].

Рассматриваемая пара имеет в ярославских говорах и омонимичное значение ‘пасмурное небо, пасмурная погода; тучи, облака’, ср.: *Весь месяц наволоок, думала помру* (Пошех.); *Который день наволока стоит* (Некр.) [ЯОС-Доп, 2: 42].

Третья пара *паужин* ~ *паужина*. Основное значение данных слов, содержащих древнеславянскую приставку *па-*, ‘третий приём пищи между обедом и ужином, полдник (обычно в летнее время)’. Например: *Слава богу, до паужины с сеном управились* (Яросл.); *Скоро будет паужин?* (Рыб.); *Приходи к четырёх часам, к паужне* (Любим.). Кроме того, *паужина* – это и ‘закуска после ужина перед сном’: *Летом, когда день долог, бывает паужина* (Пошех.); *Ещё и паужну устроили!* (Пошех.) [ЯОС, 7: 84]. В этой родовой паре, как видим, слово женского рода в обоих значениях дополняется ещё и вариантом *паужна*, а слово мужского рода в первом значении имеет словообразовательную параллель *паужинок*: *Паужинок был на поле после обеда* (Б.-Сел.). В ярославских говорах бытует и глагол *паужинать* ‘принимать пищу между обедом и ужином, полдничать’: *Сичас уже не время паужинать: надо ужин собирать* (Некр.) [ЯОС-Доп, 2: 130].

Наименование мужского рода *паужин* ‘приём пищи между обедом и ужином; полдник’ засвидетельствовано в деловой письменности XVII века, в частности в юридических актах, ср.: «*А работникамъ давайте время на завроки, и на обеды, и на паужины*». 1679 г. [СлРЯ XI–XVII вв., 14: 173]. Лексемы *паужина* (жен. р.) и *паужинок* в данном значении зафиксированы в лексикографических источниках XVIII века, ср. в «Немецко-латинском и русском лексиконе» Э. Вейсмана (1731): «*Ядение по полудни, пред вечером; паужина*» [СРЯ XVIII в., 18: 245]. В Словаре Академии Российской (1806–1822) лексема *паужина* с толкованием ‘полдник, или полдничанье, употребление пищи между обедом и ужином’ даётся с пометой «в простонародии». Приводится и глагол *паужинать* ‘полдничать’: *Пора паужинать* [САР, 4: 812]. В «Словаре церковнославянского и русского языка» (1847) лексема *паужина* также сопровождается пометой «простонародное», а слова *паужинок* и *паужинать* даны без помет [Сл. 1847, 3: 163]. Следует заметить, что данные слова и их производные широко распространены в русских народных говорах как в приведённых значениях, так и в других семантических вариантах, в которых содержится темпоральный компонент [СРНГ, 25: 278–279].

Итак, мы обратились лишь к малой части словарного состава говоров Ярославской области. Однако и рассмотренные диалектные образования раскрывают их богатые синонимические возможности, показывают высокую словообразовательную, а также морфологическую вариативность среди однокоренных наименований одних и тех же реалий, явлений и т. п. Сопоставление материалов диалектных и исторических словарей, в свою очередь, показывает, что сохраняется в лексике говоров от предшествующих периодов развития русского языка.

Список сокращений

Районы Ярославской области: Б.-Сел. – Большесельский, Бор. – Борисоглебский, Брейт. – Брейтовский, Г.-Ям. – Гаврилов-Ямский, Данил. – Даниловский, Любим. – Любимский, Некоуз. – Некоузский, Некр. – Некрасовский, Пересл. – Переславский, Пошех. – Пошехонский, Рост. – Ростовский, Рыб. – Рыбинский, Тут. – Тутаевский, Углич. – Угличский Яросл. – Ярославский.

Библиографический список

САР – Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный, составленный вторым отделением имп. Академии наук: в 6 ч. – СПб., 1806–1822.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. – Вып. 1– / сост. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов. – М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–.

СлРЯ XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв. – М.: Наука, 1975–2015. – Вып. 1–30.

СРЯ XVIII в. – Словарь русского языка XVIII века. – Л.; СПб.: Наука, 1984–2015. – Вып. 1–21.

ЯОС – Ярославский областной словарь: в 10 вып. / под ред. Г. Г. Мельниченко. – Ярославль: Изд-во ЯГПИ, 1981–1991.

ЯОС-Доп – Ярославский областной словарь: Дополнения: в 2 т. – Ярославль: РИО ЯГПУ, 2015.

Шаповал В.В. (Москва)

РЕДАКТИРОВАНИЕ ТОЛКОВАНИЙ В ЧЕРЕПОВЕЦКИХ МАТЕРИАЛАХ М.К. ГЕРАСИМОВА

Лексические материалы для диалектного словаря собирались М. К. Герасимовым 23 года и включают более 3000 единиц. Части этого собрания публиковались автором трижды. Это создаёт уникальную ситуацию в диалектной лексикографии. Ряд слов имеет два варианта толкования в словарях 1893/1898 и 1910 годов. Анализ различий между ними иногда оказывается весьма полезным для их верификации.

Ключевые слова: *текстология; толкование диалектизма; иллюстративный контекст; верификация описания диалектизма.*

Материалы для словаря Череповецкого уезда фельдшер М.К. Герасимов, член-сотрудник Русского географического общества, собирал 23 года. При жизни автора они публиковались трижды. Словарь 1910 года явился итогом краеведческой деятельности М.К. Герасимова, он включает более 3000 единиц. Однако значительная часть этих материалов впервые публиковалась двумя порциями ранее – в 1893 и 1898 годах. Эти материалы активно цитировались в позднейшей лексикографии и в дальнейшем. Как нам кажется, наличие в прижизненных публикациях двух версий значительного числа словарных статей создаёт возможность для их детального сопоставления, что иногда весьма полезно для выявления ошибок. В частности, это касается и сопоставления двух редакций толкований некоторых диалектизмов. Как правило, более авторитетной считается более поздняя прижизненная публикация.

Это справедливо для художественной литературы. Но в данном случае текстология словарных изданий позволяет реконструировать более сложную картину. Ценность материала, публиковавшегося в двух версиях, в случае отсутствия рукописного автографа трудно переоценить. Обычно для реконструкции протографа можно опираться только на единственную публикацию. В ряде случаев и на основе такого печатного текста удается обосновать ряд исправлений [Шаповал, 2015]. Наличие двух авторских версий, разнесённых по времени, создает уникальную возможность для верификации словарных материалов.

Алфавитная расстановка только по первой букве затрудняет поиск слова в материалах М.К. Герасимова, однако текстологический анализ из-за устойчивости такой расстановки упрощается. Автор редко менял последовательность слов в уже опубликованных фрагментах. Он зачастую сохранял расстановку внутри фрагментов по 10–15 слов при включении в переиздание в 1910 году материалов словарей 1893 и 1898 годов. Можно предполагать, что порядок слов внутри таких устойчивых фрагментов определился ещё на листах автографа, а далее менялся мало.

Например: «Бася, <басота,> баской... Бархатникъ... Бажничать, забажничалось... Балаболлошникъ... Бѣломойка... Бережникъ... Божатко, <божа,> божка, божинька...» [Герасимов, 1898: 393]. В 1910 году в эту часть словаря добавлены два варианта, помещённые выше в ломаных скобках <басота, божа>, а вариант *божка* перенесён в конец ряда и поставлен после *божинька* [Герасимов, 1910: 21]. Эта особенность изданий позволяет довольно доказательно выявлять пропуски и опечатки даже при отсутствии строго алфавитной расстановки.

Прежде всего остановимся на тех словах, которые получили толкование только в заключительном издании 1910 года или даже позднее:

«Бухвостить (=?)» [Герасимов, 1893: 377], ср.: ‘звонить; сплетничать’ [СРНГ, 3: 322]. В 1910 году пропущено.

«Вирять. (=?)» [Герасимов, 1893: 377], позднее: «Вирять. Сторониться, уклоняться. А ты неvirяй отъ дѣла» [Герасимов, 1910: 28].

«Дрозженикъ» [Герасимов, 1893: 378], позднее: «Дрозженикъ. Хлѣбный праздничный напитокъ» [Герасимов, 1910: 35] = *дрожженик* [СРНГ, 8: 197].

«Мрашить – (=?)» [Герасимов, 1893: 381], позднее: «Мрашить. Видиться, представляться. Мрашить съ перепою-то» [Герасимов, 1910: 55; СРНГ, 18: 327].

«Наливанка» [Герасимов, 1893: 382], позднее: «Нали́ванка. Ватрушка, намазанная сметаной» [Герасимов, 1910: 59]; источник толкования неизвестен: «Нали́ванка, и, жс. Ватрушка с наливкой (жидкой начинкой). Черепов. Новг., 1893» [СРНГ, 20: 14].

Уточнение толкования можно наблюдать в ряде случаев:

«Декопъ – Растеніе. (=?)» [Герасимов, 1893: 378; СРНГ, 7: 338], позднее: «Декóпъ. Трава. (?)» [Герасимов, 1910: 35]. Возможно, от *декокт.* Ср., по всей вероятности, то же слово, но в сомнительной копии: *декóн* [СРНГ, 7: 338].

«Жирьмя-жирить – Надоѣдать словами» [Герасимов, 1898: 394], позднее: «Жирьмя-жирить. Выговаривать, постоянно пробирать. За каждый шагъ жирьма жирить» [Герасимов, 1910: 38; СРНГ, 9: 182, 187]. Вариант *жирьма* не отмечен отдельно.

«Каначъ – Кабанъ льда» [Герасимов, 1893: 380], позднее без диалектного слова в толковании: «Канáчъ – Глыба льда» [Герасимов, 1910: 46; СРНГ, 13: 37].

«Корёжка – Долбленный лотокъ для катанья дѣтямъ зимой» [Герасимов, 1893: 381], позднее: «Корёжка. Дѣтскія санки для катанія зимой» [Герасимов, 1910: 47; СРНГ, 14: 315].

«Мадежи – Пятна на тѣлѣ» [Герасимов, 1893: 381], позднее: «Мадѣжа. Лишай на тѣлѣ (Н. Б. М.)» [Герасимов, 1910: 55]. Оба варианта [СРНГ, 17: 290].

Дополнение толкования глагола другим значением наблюдается в словаре 1910 года:

«Дохать – гулять, веселиться, пить вино» [Герасимов, 1898: 394]. «Дóхать. 1) Гулять, шумно веселиться, пить вино. 2) Кашлять. Вотъ ужъ подóхаетъ о прáзникѣ, ребята. Мало спалъ, всю ночь продóхаль» [Герасимов, 1910: 35]. Первый пример надо отнести к первому значению; в СРНГ описаны как омонимы [СРНГ, 8: 159].

В следующем случае можно говорить об отказе от прежнего варианта толкования: «Волокошко – Невладѣющій членъ, напр. рука или нога» [Герасимов, 1893: 377]. Оно меняется на: «Волоко́шко. Пучекъ льна» [Герасимов, 1910: 28]. В СРНГ описаны как омонимы [СРНГ, 5: 54]. Сказательница Ирина Калиткина явно употребила *волокошки* ‘пучки льна’ лишь в составе сравнения: «А дядюшко былъ безрукой – руки отнялись какъ волокошки, совсѣмъ не служили... а выстегаль как-то» [Барсов, 1882: 282].

В нескольких случаях разночтения таковы, что есть формальные основания ставить вопрос о том, что перед нами не одно и то же, а два разных слова. Однако постоянство окружения при

переиздании всё же заставляет говорить о том, что перед нами одно слово:

«Желтикъ – Верхній слой почвы, состоящій изъ мельчайшаго желтаго песка» [Герасимов, 1893: 379; СРНГ, 9: 111], позднее прочтение выглядит сомнительно: «Житикъ. Мельчайшій желтый песокъ» [Герасимов, 1910: 38; СРНГ, 9: 190]. Решающий аргумент в пользу правильности варианта *желтик* – его словообразовательная прозрачность.

«Зажоры – Скопление воды подъ снѣгомъ по дорогамъ весной при таянїи его» [Герасимов, 1893: 379; СРНГ, 10: 89]. Второе написание с *-ве* зафиксировано однократно, что позволяет его поставить под сомнение: «Зажорье. Скопление воды на дорогахъ подъ снѣгомъ, зимой» [Герасимов, 1910: 41; СРНГ, 10: 89]. Обращает на себя внимание и изменение указания на время года в позднейшем толковании.

«Помазень. – Ватрушка имѣющая начинку сверху» [Герасимов, 1893: 384]. 1910 – пропуск. «Ватрушка. Черепов. **Новг.**, 1910» [СРНГ, 29: 194], позднее прочтение выглядит несколько сомнительно: «Поблизень. Ватрушка, помазанная кое-какъ» [Герасимов, 1910: 66; СРНГ, 29: 71]. Серьезный аргумент в пользу правильности варианта *помазень* – его словообразовательная прозрачность.

«Самоходка – Дѣвушка, вышедшая замужъ безъ согласія родителей» [Герасимов, 1893: 385; СРНГ, 36: 110], позднее прочтение указывает на иную производность (не от *ходить*, а от *хотеть*): «Самохотка. Дѣвушка, вышедшая замужъ безъ согласія родителей» [Герасимов, 1910: 79; СРНГ, 36: 111]. Оба варианта отмечены в нескольких областях. Надо их признать альтернативными.

Последний пример чрезвычайно трудно интерпретировать по причине противоречий в оформлении: «На верстяхъ – Верхомъ на лошади» [Герасимов, 1898: 396]. Написание и ударение в СРНГ отличаются, хотя описание сделано на основе предыдущего: «Наверстяхъ, *нареч.* Верхом. Черепов. **Новг.**, 1910» [СРНГ, 19: 156]. Смущает отсылка к словарю 1910 года, потому что в этом позднейшем издании слово описано иначе: «Наверетяхъ. Верхомъ на лошади» [Герасимов, 1910: 60; СРНГ, 19: 211]. Хотя ряд случаев возникновения опечаток отмечен выше именно в позднейшем издании 1910 года, в данном случае есть основания довериться именно написанию *навѣретьяхъ*. Только надо сказать, что толко-

вание «верхом на лошади» в данном случае вызывает сомнения. Если обратить внимание на значение: «Сухое возвышенное место □ Верётья. Сольвыч. **Волог.**, 1897» [СРНГ, 4: 140] и проч., то может возникнуть подозрение, что перед нами свободная запись выражения *на верет(ь)ях* 'вёрхом, то есть по сухому возвышенному месту'. Ошибочное толкование, связанное с ездой в седле, могло возникнуть в результате неосторожной детализации. Это предположение чрезвычайно трудно доказать, но попытка перейти от *на вертях* к архаичному *на версѣхъ* представляется ещё более трудной для обоснования. Особенно, если учесть изолированность данной единицы в значении «верхом на лошади».

Таким образом, анализ различий между двумя вариантами толкования в словарях 1893/1898 и 1910 годов иногда оказывается весьма полезным для их верификации и уточнения. Это особенно важно на фоне довольно бедного иллюстративного материала в указанных изданиях.

Библиографический список

Барсов Е.В. Причитанья северного края. – Ч. II. Плачи завоенные, рекрутские и солдатские. – М.: Унив. тип., 1882. – [10], LVI, 335, [2] с.

Герасимов М.К. О говоре крестьян южной части Череповецкого уезда Новгородской губернии // Живая старина. – 1893. – Вып. III. – Отд. 2. – С. 374–388.

Герасимов М.К. Материалы лексикографические по Новгородским говорам. Слова Череповецкие // Живая старина. – 1898. – Вып. III–IV. – Отд. 2. – С. 393–398.

Герасимов М.К. Словарь уездного Череповецкого говора // Сборник Отделения русского языка и словесности ИАН. – 1910. – Т. 87. – № 3. – С. 1–111.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. – Вып. 1–/ сост. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов. – М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–.

Шаповал В.В. Словарные материалы М.Ф. Кривошапкина как объект критики // Человек и язык в коммуникативном пространстве. – Вып. 6 (15). – Красноярск: СФУ, 2015. – С. 162–168.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ВАРИАНТЫ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО ДУБРАВА/ДУБРОВА В РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРАХ (АРЕАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

Данная статья посвящена рассмотрению семантических различий наименования «дубрава/дуброва» в русских говорах. В статье исследуются семантические единицы на территории распространения русского языка, проводится анализ массива народных толкований лексемы «дубрава» и других однокоренных, приведенных в вопроснике Лингвистического атласа русских народных говоров, указываются ареалы употребления лексем с отмеченными значениями.

Ключевые слова: русская диалектология; лингвогеография; семантические различия; семантические варианты; ареальный аспект; ареалогический анализ; дисперсный ареал; микроареал.

Исследования диалектных лексем, являющихся обозначением природных реалий, представляют интерес во многих аспектах, поскольку растительный мир, в частности лес, всегда играл важную роль в жизни русского крестьянства, являясь частью привычного окружения, средой обитания и источником разнообразных занятий. Как отмечал О.Н. Трубачев, крестьянские массы лесных народов северо-восточной Европы до последнего времени жили в «деревянном веке» [Трубачев, 1966: 144].

Данная статья посвящена рассмотрению семантических различий наименования *дубрава/дуброва* в русских говорах. В статье исследуются семантические единицы на территории распространения русского языка.

Материалом для нашей работы послужили данные, собранные диалектологами на территории Европейской части России для составления Лексического атласа русских народных говоров. Были проанализированы ответы на вопрос СМ 2 «Употребляются ли и в каких значениях слова дуброва, дубрава, дубравка, дубровка? Обозначают ли эти слова: 1) лес; 2) лесной покос; 3) траву...?» Программы собирания сведений для ЛАРНГ [Программа, 1, раздел 1].

В 17-томном Словаре современного русского литературного языка приводится следующая словарная статья: *дубрава* и *дуброва*, *ы, ж*. Лиственный лес; роща из деревьев одной породы (осинник, березняк; дубовая роща). В этой же словарной статье отмечена лексема *дубровка* со значением ‘травя, растущая по дубровам; название ряда трав’ и *дубровник* с тем же значением [БАС, 3: 1150].

Согласно данным «Историко-этимологического словаря современного русского языка» П.Я. Черных, слово *дубрава* определяется как ‘лиственный лес, иногда с преобладанием дуба’. Вариант *дуброва* приводится в словарной статье как устаревший и поэтический. Также приводятся варианты *дубровка* и *дуброва* – ‘место, покрытое мелкой травой’, ‘лужайка, а также и трава, ее покрывающая’. Слово представлено во многих славянских языках: укр. *дїброва*, *дуброва* – ‘дубрава’, ‘лес’, а также ‘небольшая, преимущественно лиственная роща’, блр. *дуброва* – ‘дубрава’, болг. *дѣбрава* – ‘молодой лес’, с.-хорв. *дубрава* – ‘дубрава’, ‘дубовая роща’, словен. *dobrava* – ‘дубрава’, ‘дубовая роща’, чеш. *doubrava*, словац. *dúbrava* – ‘дубовый лес’, польск. *dąbrowa* – ‘дубрава’ [Черных, 1: 272].

Исходя из толкования рассматриваемой лексемы в «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера слово является производным на *-ava*, *-ova* и восходит к праславянскому **dobъгъ* ‘дуб’ [Фасмер, 1: 348].

Очевидно, что и в наши дни, на современном этапе существования языка, слово *дубрава/дуброва* осознается как имеющее явную формальную словообразовательную мотивацию к слову *дуб*, что в том числе подтверждается в некоторых случаях и данными современных славянских языков, где употребляются родственные слова с прозрачной семантикой. Однако в современном русском языке, как в литературном, так и в народных говорах, семантика лексемы *дубрава/дуброва* гораздо более сложна и разнообразна.

Уже в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля отмечены варианты *дубрава* и *дуброва* в значениях ‘чернолесье; лиственный лес; чистый лесок, как дубняк, березняк, осинник; отъемный и чистый остров, парк’ [Даль, 1: 497].

Проведенный анализ всего массива народных толкований лексемы *дубрава* и других однокоренных, приведенных в вопросе Атласа, показал, что указанные лексемы функционируют в современных русских диалектах со следующими значениями: лес, смешанный лес; дубовый лес; лиственный лес; хвойный лес; густой, непроходимый лес; старый лес; небольшой лес; поляна в лесу; поле у леса; лесной покос; трава; низкая трава вдоль дороги или в огороде.

Приведем необходимые иллюстрации:

[лес, смешанный лес] Вон какая *дубрава* у нас вокруг, там ель, здесь сосны, разве не *дубрава*? И калина в *дубраве*, и малина,

клен, береза, ясень, липа (п. 716). *Дубравой* иногда тот же лес и называем. Есть у нас *дубрава* молодая, с мая ярко-зеленая стоит (п. 466). *Дубрава* это у нас лес так называется (п. 441). Лес, *дубрава* – все одно (п. 120). Где ольха растет – та же *дубрава* (п. 973). В *дубраве* всякие деревья растут (п. 669). А *дубрава* мы говорим, это лес значит (п. 850). Роща, *дубрава* есть дальше. Там всякие деревья (п. 476).

[дубовый лес] Там дубья были, прозвали *дубровой* (п. 478). В *дубровке* одни дубы растут (п. 973). Тамади дубы, вот и *дубрава* (п. 389). *Дубрава* – это роща дубовая. Только *дубравы*-то редко где есть, дубов мало (п. 331). А *дубровы* у нас нету, березы есть, липовый лес есть, а *дубровы* нету (п. 802). В *дубраву* ребятишки за желудями бегали (п. 436).

[лиственный лес] В *дубраве* много растет лип, березки (п. 676). Где березы растут, березняк или *дубрава* (п. 129). В *дуброве* все деревья растут – и липы, и березы, и осины (п. 440). *Дубрава* чистый лиственный лесок (п. 523). *Дубрава* да лес это лиственный (п. 522).

[хвойный лес] *Дуброва* – там больше ель, пихта (п. 308). *Дубравой* мы называем лес из сосен (п. 544).

[густой, непроходимый лес] Самый темный, частый лес и есть *дубрава* (п. 341). Я сегодня в лесу в такую *дубраву* забрела – еле вышла (п. 53). *Дубрава* тоже лес, особо мощный такой лес, заросли (п. 556). *Дубрава* есть такое место, там и на лошади не проедешь (п. 433). Ты смотри, в *дубраву* не заходи, а то заблудишься (п. 188). Где лес большой да густой, там будет *дубрава* (п. 476).

[старый лес] Так лес старый, сосны вековые растут (п. 475).

[небольшой лес] *Дубравой* у нас небольшой лес называется, роща, ее тоже можно *дубравой* назвать (п. 431).

[поляна в лесу] Вот ежели на поляну вышел, так говорят, на *дуброву* попал (п. 67).

[поле у леса] Ведь на этих *дубровах* хлеб сеяли (п. 321).

[лесной покос] Нынче на дубраве трава хорошая (п. 189). *Дуброва* да это покос в лесу (п. 390). На *дуброве* когда трава высокая, тогда и косят (п. 83). *Дуброва*-то у нас большая, сена много накашиваем (п. 140). Косим траву на *дубраве* (п. 897). Там, где сосняк, недалече, небольшой лужок, а трава стоит да сочная. Вот мы ту *дуброву*-то и скосили (п. 675).

[трава] Трава лечебная, *дубровку*, цветы, корни высушивают и лечатся (п. 375). Травушка-*дубравушка* (п. 26). Подём косить *дубраву* (п. 46). Вишь, какая *дубрава* выросла, нам бы на покос такую

(п. 47). *Дубровка* – травка сорная в лесу, в грядках ее нет (п. 267). Луга за Клязьмой заросли *дубровкой*. Скоро погода будет хорошая, *дуброву* косить станут (п. 392). Как пойдет по весне *дубрава* расти, так луга сразу изменяются (п. 341).

[низкая трава вдоль дороги или в огороде] *Дубрава* когда маленькая трава вырастет вдоль дороги или в огороде, но только маленькая трава (п. 25). А *дубровка* около дома маленькая площадка. А на ней маленькая травка растет (п. 34).

[деревня] *Дубровой* называют даже деревню, потому что лесистая местность (п. 661). Деревенька *дубрава*, а называется так, потому что стоит в лесу (п. 352).

Как можно заметить из приведенных контекстов, основное значение лексемы *дубрава*, известное практически на всей картографируемой территории, ‘лес’. Производные от него значения ‘лиственный лес’, ‘дубовый лес’, ‘березовый’, ‘смешанный’, ‘хвойный’, ‘высокий густой непроходимый лес’, ‘небольшой лесной массив, роща’, ‘молодой лес’, ‘старый лес’, ‘ольховый’, ‘мелкий лес на возвышенности’ и др. имеют локальные ограничения в своем распространении.

Среди них самым распространенным является значение ‘лиственный лес’, которое, как правило, сопутствует значению ‘лес’, а иногда является и основным (особенно в севернорусских говорах).

Значение ‘дубовый лес’ характерно в основном для среднерусских говоров, особенно владимирско-поволжской группы, в южновеликорусском наречии выделяются воронежские и смоленские говоры, где лексема *дубрава* в значении ‘дубовый лес’ встречается чаще всего. Кроме того, обширный ареал этой лексемы отмечен в донских говорах.

Значение ‘высокий густой непроходимый лес’ представлено в основном в севернорусских (костромских, вологодских и ярославских) говорах и в восточной группе среднерусских.

Значение ‘небольшой лесной массив, роща’ отмечено в основном в южнорусских (воронежских, брянских, курских, белгородских) говорах.

Значение ‘молодой лес’ встречается в донских говорах.

Значение ‘смешанный лес’ имеет дисперсный ареал в средне- и южнорусских говорах.

Все остальные значения лексемы *дубрава*, обозначающей лесной массив, образуют на карте, как правило, микроареалы.

Среди локативных значений лексемы *дубрава* следует выделить значение ‘лесной покос’: в этом значении она известна в севернорусских (особенно в вологодских и костромских говорах), в среднерусских (особенно во владимирско-поволжских говорах) и в южнорусских (особенно в смоленских, рязанских и орловских) говорах.

Значение ‘деревня’, ‘деревня в лесу’, ‘хутор’ является довольно редким и встречается в некоторых пермских, владимирско-поволжских и донских говорах.

Ареал значения ‘поляна в лесу’ является дисперсным, так как в этом значении лексема *дубрава* встречается и в севернорусских (особенно в вологодских и ярославских), и в среднерусских (псковских, тверских, ивановских, подмосковных), и в южнорусских (смоленских, тульских, рязанских, орловских) говорах.

Значение ‘опушка леса’ отмечено лишь в ивановских (п. 343) и донских говорах (п. 965).

Значение ‘трава’ имеет небольшие островные ареалы в севернорусских говорах (особенно в говорах Карелии, в вологодских, костромских и ярославских), в среднерусских (особенно в западной группе – в псковских, новгородских и тверских говорах) и микроареалы в южнорусских говорах (смоленских, брянских, орловских).

Ареалогический анализ картографируемой лексемы проливает свет на общее направление ее семантической эволюции: ‘лес’ → ‘видовые названия леса’ → ‘трава’ → ‘место для покос’ → ‘селение’.

Таким образом, ареальные признаки каждого из рассмотренных семантических вариантов проанализированной лексемы оказываются весьма информативными для характеристики русских народных говоров, а ареалы значений этого слова позволяют определить основные тенденции его развития.

Библиографический список

БАС – Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. – М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1954–1965.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – СПб.; М.: Изд. М.О. Вольфа, 1880–1882.

Программа собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров // Лексический атлас русских народных говоров. Пробный выпуск. – СПб.: Наука, 2004.

Трубачев О.Н. Ремесленная терминология в славянских языках. – М., 1966.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. – М.: Прогресс, 1964–1973.

Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. – М.: Рус. яз.-Медиа, 2007.

ОНОМАСТИКА

ОРНИТОЛОГИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В ОНОМАСТИКЕ ПЕРМСКОГО КРАЯ

Работа посвящена русской лексике одной тематической группы – «Птицы», представленной в ономастике Пермского края XVI–XXI вв. (в некалендарных именах, исторических и современных прозвищах, фамилиях, названиях населённых пунктов, микротопонимах). Выявлены орнитонимы, наиболее востребованные в местных именах собственных, принципы их вхождения в ономастику, особенности функционирования в ономастическом пространстве региона. Исторические и современные данные представлены в сравнении. Сделаны выводы о специфике современных имён собственных, которые демонстрируют сужение актуального для традиционной языковой картины мира орнитологического лексикона: в современных антропонимах практически отсутствуют региональные (диалектные) названия, слабо отражено видовое разнообразие птиц. Вместе с тем они мотивируются названиями не характерных для местной фауны птиц, ономатопеями, окказионализмами, отсутствующими в историческом ономастике. Онимы, возникшие и функционирующие в речи сельских жителей, более традиционны.

Ключевые слова: антропонимия; топонимия; микротопонимия; тематическая группа «Птицы»; Пермский край.

В соответствии с тенденциями развития современного языкознания, реализующего антропоцентрический подход к эмпирическим данным, продуктивно изучение материалов не только в «имманентнолингвистическом», но и в лингвокультурологическом аспекте (помимо прагматического, когнитивного и иных). Особый интерес представляют исследования диахронические, позволяющие обнаружить в языковых изменениях отражение подвижек и трансформаций в культуре народа – носителя языка. Специфична трансляция таких подвижек в ономастическом пространстве, в том числе как проекции общей и языковой картины мира жителей того или иного региона.

Исходя из этих соображений, мы обратились к ономастике Пермского края, функционировавшей в XVI–XXI вв. Рамки небольшой статьи потребовали ограничиться материалами лишь одной тематической группы, в данном случае это ТГ «Птицы» тематического поля «Животный мир». Материалом послужили онимы различных разрядов: исторические антропонимы (ИА) – некалендарные имена (НИ), прозвища (пр.), фамилии (ИФ, фам.)

жителей региона XVI–XVIII вв. из [Полякова, 2005; Полякова, 2007] («33 % имён, возникших из названий птиц, непосредственно зафиксированы в документах... Однако большая часть “птичьих” имён (67 %) восстанавливается по фамилиям» [Полякова, 2010: 96]); наименования населённых пунктов по сведениям наиболее полного справочника 1928 г. [Список, 1928]; современные прозвища (СП) и микротопонимы, собранные нами и иными исследователями (в частности, данные [КСРГСПК] и дипломных работ выпускников Пермского государственного и гуманитарно-педагогического университетов). Имена собственные являются русскими, финно-угорскими или тюркскими (татарскими, башкирскими) по происхождению; в настоящем случае онимы нерусского происхождения привлечены только как фоновый материал.

Статистических подсчетов мы сознательно не производим во избежание излишне большой погрешности вычислений. Неточность показателей предопределяется известной неполнотой имеющихся сведений: так, если исчисление поселений и их названий может дать результат, приближённый к точному, то полнота списков прозвищ или микротопонимов представляется принципиально невозможной. Кроме того, мотивирующая онимы лексика нередко полисемична, и затруднено определение семантики производящих слов (так, фамилия *Коньков* может восходить к нарицательному *конёк* в значениях ‘птица’, ‘кузнечик’, ‘вид гриба’, ‘дикая морковь’ и др. [Полякова, 2005: 179]).

В относительных же показателях обнаруживается следующее. Количество наименований, мотивированных лексикой ТГ «Птицы», в целом невелико и в группах разных разрядов не превышает 3–4 % от общего числа онимов (так, в пермских памятниках письменности зафиксировано более 1 900 личных именовании; некалендарных имён из русских и коми апеллятивов, называющих птиц, около 80 [Полякова, 2010: 95]). Однако в силу многочисленности имён собственных (ИФ, СП, микротопонимов привлечено примерно по 5 000, ойконимов не менее 18 000) орнитологическая лексика представлена в них достаточно широко: вычленено более 70 русских наименований более 60 видов птиц. Кроме того, в ряде онимов представлена лексика периферийной зоны, лишь косвенно связанная с орнитонимами, ср. *белокрыл* ‘птица (например, голубь) или насекомое с белыми крыльями’ (> фам. *Белокрылов*), *токать* ‘токовать (о птицах)’ (> фам. *Токачев*) [Полякова, 2005: 47–48, 376].

Востребованность орнитонимов в различных разрядах онимов различна: наименее частотны «птичьи» микротопонимы; наиболее многочисленны ойконимы, для системы которых характерно образование новых единиц на базе имеющихся (ср. в названиях деревень, починков: *Большой Журавлик, Верх-Журавлевский, Верхние Журавли, Журавлева, Журавлевка, Журавлево, Журавлевский, Журавли* (9 одноименных поселений), *Журавлинский, Журавлиный Лог, Нижние Журавли, Средние Журавли*).

Различны принципы вхождения орнитологической лексики в онимы (принципы «птичьей» номинации объектов). В Средние века прозвища и некалендарные имена обычно отражали особенности внешности, манер поведения, речевого поведения человека. Именно такие онимы отражены в возникших на их основе ИФ: *Воробьёв < Воробей* ‘прозвище маленького, подвижного человека’, *Воронин < Ворона* ‘прозвище человека, который бегаёт, расставив руки’, *Воронов, Вороновых < Ворон* ‘прозвище жадного, злого человека’, *Гагарин, Гогарин, Гогаринных < Гагара* ‘прозвище высокого, неуклюжего человека с длинной шеей / того, кто говорит или смеётся громко, резко, отрывисто’, *Желнин < Желна* ‘прозвище надоедливого, бойкого человека’, др. [Полякова, 2005: 86, 91]. Ойконимы в большом количестве случаев связаны с ними генетически (как известно, большинство ойконимов – посессивные единицы, образованные от именовании первопоселенцев) либо словообразовательно, в результате чего наблюдается соотносительность топонимов и ИА, ср.: д. *Воронина Одина, Голубева Осипа, Клестята*, выс. *Воробьевский, Грачевых* – и ИФ *Воронин, Голубев, Клестов, Воробьёв, Грачев*. Большинство микротопонимов имеет локативный или посессивный характер и восходит к названиям близлежащих географических объектов (чаще к ойконимам) либо к именованию владельца угодья, ср.: поле *У Зуев, Лебяжский* лог, угодье *Жаравлево*, луг *Орлиха, Петуховские* поля (но ср. также *Соловьиная* роща, в которой каждое лето поёт много соловьев). СП (это также общеизвестно) часто реализуют принцип редеривации; нередко «птичий» оним возникает путем механического усечения фамилии, иногда на основе ложной этимологии, ср.: *Балабан < фам. Балабанов, Воробей < фам. Воробьёв, Курица < фам. Винокурова, Сова < фам. Савин, Сорока < фам. Сорокин, Цапля < фам. Цаплин*. Не менее многочисленны прозвища, возникшие в результате актуализации парадигматических

(тематических, синонимических, словообразовательных, паронимических) связей лексики: *Скворец* < *Филин* < фам. *Филимонов*, *Синичка* < фам. *Синицын*, *Курица* < *Курочка Ряба* < *Ряба* < фам. *Рябова*, *Сорока-Белобока* < фам. *Сорока*, *Утка* < фам. *Утятников*, *Галочка* < личн. имя *Галина*, *Глухарь* < фам. *Глухих*. Однако есть и качественные номинации: *Бройлер* ‘прозвище очень полного мужчины’, *Гусыня* ‘прозвище женщины с носом, похожим на гусиный клюв’, *Дятел* ‘прозвище говорливого мужчины, болтуна’, *Курица* ‘прозвище женщины с глуповатым выражением лица’, *Куропатка* ‘прозвище женщины маленького роста’ и др.

Материалы позволяют говорить о принципиальном единстве понятийной сферы языковой картины мира номинаторов в различные периоды. Об этом свидетельствует то, что регистр орнитонимов в исторических и современных антропонимах, в антропонимах и топонимах в большей части позиций сходен. Общий блок составляют номинации таких птиц: балобан, воробей, ворон, ворона, гагара, галка, голубь, грач, гусь, дрозд, дятел, журавль, зуёк, коростель, коршун, кукушка, курица, куропатка, лебедь, синица, скворец, сова, сокол, соловей, сорока, сыч, тетерев, утка, филин, чайка, чиж. Кроме того, во всех группах онимов отмечается общее название *птица* (д. *Птицына Гора*; фам. *Птицын*; пр. *Птица*, *Птицы*), везде различаются и особым образом номинируются самка и самец кур (курица и петух), уток (утка и селезень), что закреплено в русской традиции. Ряд представлен наименованиями диких и домашних птиц, характерных для уральской фауны и хозяйствования русских.

Разница обнаруживается в следующем.

Только в ойконимах встретила номинация чечётки (д. *Чечетки*), в микропонимии – название беркута (исторический агроним *Беркутов* лог), вероятно, попавшие в ономастику посредством прозвищ, не зафиксированных в пермских памятниках письменности, легших в основу словаря [Полякова, 2005].

Только среди ИФ зафиксированы наименования кречета (*Кречетов*), стрепета (*Бусоргин*), свизя ‘вида дикой утки с синим носом и лапами’ (*Свизев*), серухи ‘дикой утки с серым оперением’ (*Серюховых*), чистика ‘общего названия трёх видов водящейся на берегах Северного океана и Белого моря птицы из породы чаек’ (*Чистиков*), чирухи ‘утки, самки чирка’ (*Чирухин*), шипуна ‘вида утки; вида лебедя’ (*Шипунов*, *Шепунов*, *Шипонов*).

Только в СП представлены названия экзотических птиц: альбатроса (*Альбатрос*), пингвина (*Пингвин*), попугая (*Попугай Кеша*), страуса (*Страус*).

В топонимах и ИА представлены названия клеста (д. *Клестята*; фам. *Клестов*), козодоя (д. *Елькова*; фам. *Ельков*), колпицы (д. *Клепицина*; фам. *Колпыцов*, *Колпин*, *Клепицын*), кулика (*Куличково поле*, *Куликова горка*, д. *Кулики*, *Куликова*, *Куликовка* и др.; фам. *Канюков*, *Кривцов*, *Куликов*, *Фирюлёв*), луны (д. *Лунев*, *Лунева*; фам. *Лунев*), орла (*Орёл-городок*, *Орлов городок*, д. *Орлова*, луга *Орлиха*; фам. *Орлов*), снегиря (д. *Снегири*, *Снегирева*, *Снегирево*, *Жулань*; фам. *Жуланов*, *Жулановых*, *Снигирев*), стрижа (д. *Стрижева*, *Стрижи*, *Касатки*, *Касаткина*; фам. *Касаткин*, *Стрижев*), трясогузки (д. *Плишки*, *Малые Плишки*, *Плишкина*, поч. *Плишкинский*; фам. *Плишкин*), щегла (д. *Щеглы*; фам. *Щеголихин*). Широко представлены наименования отдельных видов диких птиц (д. *Космари* из *космарь* ‘дикая утка’; д. *Турпаново*, фам. *Турпанов* из *турпан* ‘чёрная дикая утка’; д. *Казарина*, *Казарки*, *Казарята*, фам. *Козаринов*, *Казаринов* из *казара* ‘белобокая казарка, дикий гусь’; д. *Крохалев*, *Крохалева*, поч. *Крохалевский*, фам. *Крохалев* из *крохаль* ‘светло-серая утка’; д. *Чирки*, *Большие Чирки*, *Чирковы* и др., фам. *Чирков*, *Чирковых* из *чирок* ‘морская и речная птица крачка’). Отмечено специфичное название самцов кур и курообразных птиц (выс. *Куровский*, фам. *Куров* из *кур* ‘тетерев косач’, ‘петух’).

В фамилиях и СП отражены названия жаворонка (фам. *Жаворонков*; пр. *Жаворонок*), индюка (фам. *Курьшев*, *Пырин*; пр. *Индюк*), ласточки (фам. *Касаткин*, *Косаткин*; пр. *Ласточка*), удода (фам. *Бобыкин*; пр. *Удод*), цапли (фам. *Цаплин*; пр. *Цапля*).

В ряде случаев отсутствие онимов, мотивированных конкретными «птичьими» названиями, воспринимается как случайность (как, например, отсутствие ойконимов от лексем *кречет* или *шипун*, отсутствие прозвищ с мотиватором *стриж*, *щегол* и др.), обусловленная неполнотой данных. И, например, зафиксировано современное прозвище жителя Пермского края, восходящее к наименованию снегиря, но только на основе коми-пермяцкой лексемы (*Жонь* < личное имя *Женя*). Однако в других случаях такие факты приобретают характер закономерности. Так, обращает на себя внимание то, что в фамилиях и топонимах, в отличие от СП, широко представлены

наименования видов промысловых птиц (главным образом уток). Полагаем, уход таких понятий из актуального лексикона объясняется изменением экономического уклада жизни русских. В то же время расширение кругозора современного человека обеспечило проникновение в ономастику наименований птиц, места обитания которых удалены от Западного Урала. При этом нередко наивные знания нашего современника оказываются размытыми, ср.: «Удод – препод[авательница] физ[культу]ры, кот[орая] однажды пришла в ярко-желтой куртке, у тукана желтый клюв. Мы перепутали удода и тукана» [КССП]. Показательно, что в качестве прозвищ теперь могут использоваться варваризмы (ср. *Der Rabe* из нем. ‘ворона’ < фам. *Воронов*). И эти наблюдения коррелируют с выводами, которые ранее были сделаны нами на материале онимов, мотивированных лексикой тематической группы «Животные» (см. в [Боброва, 2016]), с нашим заключением о том, что понятийная сфера, отражённая в актуальной лексике, фактически разрастается до области знаний, широта которой обусловлена социальным статусом номинаторов [Боброва, Нечаева, 2015: 205].

Специфично проявляется также лексика по признаку «ограниченность сферы употребления». Так, в СП нам встретилась лишь одна диалектная единица (*Журавель* < фам. *Журавлев*), в то время как в основах средневековых фамилий и топонимов они весьма распространены: *бобыка* ‘удод’ (фам. *Бобыкин*), *елек* ‘козодой’ (д. *Елькова*; фам. *Ельков*), *жаравль*, *жеравль* ‘журавль’ (*Жаравлёв* лог, *Жаравлёва* веретья, *Жаравлёвский* лог; фам. *Жаравлев*, *Жаравлевых*, *Жеравлев*), *жаравиха* ‘самка журавля’ (фам. *Жаравихин*), *загоска* ‘кукушка’ (д. *Загоскина*; фам. *Загоскин*), *зуй* ‘зуёк; название некоторых птиц из подотряда куликовых’ (д. *Зуи*, *Зуята*, *Зуевский* угор, *Зуево* озеро и др.; фам. *Зуев*, *Зуевых*), *канюк*, *канюс*, *кривец*, *фирюль*, *фируль* ‘кулик’ (д. *Канюки*, *Кривцы*, *Канюсята*, *Лесные Фирули*; НИ *Фирюль*, *Фирюлька*; фам. *Канюков*, *Кривцов*, *Фирулев*), *карга* ‘ворона’ (д. *Карги*; фам. *Каргин*), *касатка*, *косатка* ‘ласточка’, ‘стриж’ (д. *Касатки*, *Касаткина*; фам. *Касаткин*, *Косаткин*), *колпа*, *клепица* ‘болотная птица колпица’ (д. *Клепицина*; фам. *Колпыцов*, *Колпин*, *Клепицын*), *копала* ‘самка глухаря’ (фам. *Копалин*, *Копалиных*), *коркун* ‘коршун’ (фам. *Коркунов*), *крячко* ‘коростель’ (НИ *Крячко*), *курыш*, *пыря* ‘индюк’ (фам. *Курышев*, *Пырин*), *кур* ‘тетерев косач’, ‘петух’ (поч. *Куровский*; фам. *Куров*), *нор*

‘водоплавающая птица гагара’ (фам. *Норов*), *плишка*, *сырчик* ‘трясогузка’ (д. *Плишки*, *Сырчики* и др.; НИ *Сырчик*; фам. *Плишкин*, *Сырчиков*), *поляк* ‘тетерев косач’ (д. *Поляки*; фам. *Поляков*), *рябь* ‘куропатка, рябчик’ (фам. *Рябев*) и др. (см. выше названия видов уток).

Различным образом проявляет себя также лексика иных лексико-семантических групп указанной ТГ. Только в современных прозвищах присутствуют звукоподражания типа *га-га* (> *Га-га*) и производные от них (*Кряка*). Вероятно, в силу малой их выразительности и слабой способности выступать в качестве квалитивов в ИА чистые ономотопеи отсутствуют, есть лишь производные от них единицы (*Корканов* < *Коркан* ‘прозвище ворчливого человека’ < *корканье* ‘звуки, издаваемые глухарём’). Вместе с тем в СП, которыми мы располагаем, не представлены, например, наименования частей тела птиц, но ср.: д. *Крылова*, поч. *Крыловский* и др.; фам. *Крылов*; каменная возвышенность *Пёрышки*.

Орнитонимы могут употребляться с собственно антропонимическими формантами (ср. ИА *Вороница*, *Кречетиха*, СП *Голубиха*), но только среди СП встречаются окказионализмы (ср. *Гуся*, *Кряка*).

В то же время образование современных микротопонимов вполне традиционно, что также имеет своё объяснение. Названия небольших географических объектов, которыми мы располагаем, зафиксированы в сельских населённых пунктах, в речи представителей старшего поколения, которым свойственна консервативность мышления и большая традиционность языковой картины мира.

Таким образом, оторнитонимные топонимы и исторические антропонимы (средневековые фамилии, прозвища, некалендарные имена) соотносительны в силу их генетических связей. Современная ономастика специфична. Так, современные прозвища демонстрируют сужение актуальной для языковой картины мира орнитологической лексики: в таких антропонимах практически отсутствуют региональные (диалектные) названия, слабо отражено видовое разнообразие птиц. Вместе с тем они мотивируются названиями не характерных для местной фауны птиц, ономотопеями, окказионализмами, отсутствующими в историческом ономастиконе. Онимы, возникшие и функционирующие в речи сельских жителей, более традиционны.

Библиографический список

Боброва М.В. Прозвища жителей Пермского края, мотивированные лексикой тематической группы «Животные», в XVI–XVII и в XX–XXI вв. // Русская устная речь: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием. – Вып. 2 / отв. ред. О.Ю. Крючкова. – Саратов: Амирит, 2016. – С. 135–139.

Боброва М.В. Репрезентация семантической группы «Животные» в диалектной лексике тематической группы «Болезнь» и в современных прозвищах Пермского края / М.В. Боброва, Л.С. Нечаева // Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи: материалы III Всерос. науч. конф. – Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2015. – С. 196–206.

КСРГСПК – Картоотека «Словаря русских говоров севера Пермского края». Место хранения: лаборатория «Духовная культура Прикамья в лингвистическом аспекте» при кафедре ТиПЯ ПГНИУ. Объем: ок. 700 000 карточек-цитат. Хронологический охват: с 1947 г. по настоящее время.

КССП – Картоотека словаря современных прозвищ жителей Пермского края. Место хранения: лаборатория «Духовная культура Прикамья в лингвистическом аспекте» при кафедре ТиПЯ ПГНИУ. Объем: ок. 5 000 единиц. Хронологический охват: с 1990 г. по настоящее время.

Полякова Е.Н. История имён жителей Пермского края в XVI–XVIII веках: моногр. – Пермь: Перм. гос. ун-т, 2010. – 280 с.

Полякова Е.Н. Словарь имён жителей Пермского края XVI–XVIII веков. – Пермь: Издат. дом Бывальцева, 2007. – 464 с.

Полякова Е.Н. Словарь пермских фамилий. – Пермь, 2005. – 464 с.

Список населённых пунктов Уральской области. Т. 1: Верхкамский округ; т. 6: Кунгурский округ; т. 8: Пермский округ; т. 9: Сарапульский округ. – Свердловск: Изд. орготд. Уралоблисполкома, Уралстатупр. и окруж. исполкомов, 1928. – XX, 85 с.

Бубнова Н.В. (Смоленск)

ОТРАЖЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА В РЕГИОНАЛЬНОМ АССОЦИАТИВНОМ СЛОВАРЕ ИМЁН СОБСТВЕННЫХ

В статье предложен подход к созданию ассоциативного словаря имён собственных на основе регионального материала, выявленного посредством масштабного ассоциативного эксперимента, в результате которого были определены особенности состава ассоциативно-культурного фона топонима Смоленщина и общезначимых смоленских имён собственных. Словарь предназначен для широкого круга читателей, интересующихся историей и культурой Смоленского края, его местом и ролью в истории России. Особенно полезным словарь может

стать школьникам, студентам и иностранным гражданам, в частности, обучающимся в смоленских учебных заведениях, поскольку содержит ономастическое описание культурного пространства в его региональном воплощении.

Ключевые слова: *имя собственное; региональное культурное пространство; ассоциативно-культурный фон; ассоциативный эксперимент; фоновые знания; языковая личность.*

В начале XXI века на фоне стремительного роста процессов глобализации (в частности, ментальной глобализации) возрастает интерес к исследованию феномена *национальное культурное пространство* и его лексикографической интерпретации. Как отмечает Т.Е. Владимирова, «вовлечённость в общий интеграционный процесс, действительно, оказывает существенное влияние на языковую картину мира и духовный опыт. В итоге самобытная культура как «вместилище своих идеалов» (Ю.М. Лотман) в той или иной степени утрачивает присущую ей уникальность. <...> Поэтому призыв философов рассматривать диалог культур в «горизонте личности» и в «горизонте культуры»... должен быть дополнен «горизонтом языка»» [Владимирова, 2012: 3].

Очевидно, что в данных условиях особую значимость приобретают исследования языковых единиц, обладающих высоким уровнем лингвокультурологической ценности. К числу таких единиц, безусловно, принадлежат имена собственные. По мнению Е.Л. Березович, «тезис о культурно-исторической ценности собственных имён не нуждается в доказательствах и представляется аксиоматичным для многих исследователей... Однако декларирования данного факта недостаточно; необходима выработка методологии извлечения культурно-исторической информации из ономастикона того или иного народа, а также описания и интерпретации этой информации» [Березович, 1999: 128].

Русское культурное пространство (в частности, ономастическое) чрезвычайно обширно и многоаспектно, поэтому одним из эффективных подходов к его исследованию, на наш взгляд, является подход, предполагающий последовательное движение от регионального к общенациональному уровню. Настоящая работа посвящена описанию смоленского культурного пространства сквозь призму имён собственных.

Смоленский край с более чем тысячелетней историей занимает особое место на карте России и в её истории. Знакомство со Смоленщиной на лингвокультурном уровне при использовании

метода создания её «ономастического портрета» может значительно обогатить лингвистические исследования и разнообразить изучение русского языка. Наличие обширного ономастического материала, выявленного нами при исследовании фоновых знаний современных смолян [Бубнова, 2013], побудило нас к созданию предлагаемого нами словаря, который содержит пять разделов.

В первом разделе представлены ономастические единицы, формирующие ассоциативно-культурный фон (далее АКФ) топонима *Смоленщина*. Имена собственные в составе АКФ топонима *Смоленщина* были выявлены нами в результате масштабного ассоциативного эксперимента с 1 650 респондентами-смолянами. В начале эксперимента респонденты заполняли заранее подготовленный бланк с анкетой, содержащей следующие характеристики: пол, возраст, место рождения, уровень образования, сфера профессиональной деятельности, время проживания на Смоленщине и место жительства (город Смоленск или один из районов области). Выбором в качестве участников опроса на данном этапе представителей разновозрастных и разносоциальных групп обеспечивалась достоверность получаемых результатов и их релевантность основной поставленной цели – выявление онимов, общезначимых для смолян. После заполнения анкеты испытуемым было предложено в течение одной минуты записать имена собственные, с которыми у них ассоциируется стимул *Смоленщина*, т. е. количество онимов-реакций ограничивалось только временем. Полученный ассоциативный материал был обработан нами посредством создания в программе Microsoft Access электронной базы данных № 1, включающей 1 212 онимов-реакций (13 471 употребление). Материал данного раздела словаря систематизирован в форме таблицы: в первой графе таблицы указан порядковый номер онима, во второй – онимы-реакции в написании респондентами, в третьей – официальные наименования данных онимов и индексы частотности (онимы расположены по убыванию данных индексов). Именно такой способ представления материала обусловлен тем, что структурная организация официальных наименований выявленных нами онимов и их форм в написании респондентами во многом отлична. В качестве примера приведём 17 наиболее частотных онимов (индекс частотности более 100).

№	Формы реакций респондентов	Официальные наименования и индекс частотности	
1	Днепр	Река Днепр	953
2	Успенский собор	Собор Успения Пресвятой Богородицы	725
3	Крепостная стена (<i>Крепостнуха</i> (7))	Смоленская крепостная стена	695
4	Гагарин	Ю.А. Гагарин	596
5	Глинка	М.И. Глинка	492
6	Твардовский	А.Т. Твардовский	466
7	Смоленск	Город Смоленск	345
8	Исаковский	М.В. Исаковский	273
9	Фёдор Конь	Ф.С. Конь	232
10	Лопатинский сад	Центральный парк культуры и отдыха «Лопатинский сад»	199
11	Тенишева	М.К. Тенишева	166
12	Рыленков	Н.И. Рыленков	154
13	Пржевальский	Н.М. Пржевальский	143
14	Площадь Смирнова (<i>Смирнуха</i> (41))	Площадь Смирнова (ныне – пл. Победы)	131
15	Тёркин	Василий Тёркин	124
16	Кутузов	М.И. Кутузов	121
17	Хмелита	Музей-заповедник А.С. Грибоедова «Хмелита»	105

Во втором разделе словаря указана разрядная принадлежность описываемых имён собственных, в третьем разделе – тематическая принадлежность. Установление разряда имён собственных помогает определить то, какие стороны окружающей действительности представляют наибольший интерес для жителей Смоленского края, а указание тематической группы способствует определению содержания каждого конкретного онома.

Онимы-реакции, формирующие АКФ топонима *Смоленщина*, объединились в 33 тематические группы (в скобках для каждой группы указано количество онимов и их употреблений), относящиеся к следующим разрядам (расположены по убыванию количества онимов):

топонимы (449/4584): «Населённые пункты» (272/1160), «Объекты гидросферы» (108/1933), «Административные территории» (52/1394), «Ландшафтные образования» (7/14), «Пути сообщения» (4/68), «Леса» (3/3), «Страны» (3/12);

эргонимы (279/1580): «Магазины» (53/183), «Общественные учреждения» (51/343), «Производственные предприятия» (44/182), «Рестораны и кафе» (37/100), «Учебные заведения» (31/294), «Музеи, усадьбы» (28/250), «Дома культуры, клубы» (22/197), «СМИ и операторы связи» (9/17), «Команды КВН» (2 / 11); а также музыкальная группа «*Under:son*» (2), школа времён ВОВ *Школа абвера «Сатурн»* (1);

антропонимы (250/3740): «Военачальники, участники войн» (113/531), «Политические и общественные деятели» (46/133), «Литераторы» (35/1161), «Деятели культуры, искусства» (26/1054), «Учёные» (18/246), «Космонавты» (3/599), «“Сердце” альманаха “Перекрёсток”» (3/3), «Спортсмены» (2/5); а также дворянский род *Барышниковы* (5), национальный герой *И. О. Сусанин*, участник телепроекта «Дом 2» *А. Г. Адеев*, фармацевт *В. А. Северцев* (по 1).

Кроме того, в составе фоновых знаний смолян представлены онимы, относящиеся к разрядам урбанонимов (123/1233), хремотонимов (54/1144), религионимов (35/908), хрононимов (15/123), литературных имён (6/158) и документонимов (1/1). В целях соблюдения требований объёма публикации перечисление тематических групп внутри данных разрядов опустим.

В целом анализ состава выделенных тематических групп позволяет сделать вывод о том, что по характеру лингвокультурологической информации имена собственные в структуре региональных фоновых знаний смолян можно отнести к двум типам. Первый тип – историко-культурные онимы (топонимы, эргонимы, антропонимы, хремотонимы, религионимы, хрононимы, литературные имена и документонимы), формирующие «фоновые знания культурного наследия»; второй тип – бытовые онимы (эргонимы бытового типа, урбанонимы), составляющие «актуальные фоновые знания» (термины Е. М. Верещагина, В. Г. Костомарова). С точки зрения «включения» языковой личности в региональное культурное пространство важны оба типа онимов, поскольку в данном случае мы говорим о языковой среде не только в пространственном, но и во временном воплощении.

Четвёртый раздел словаря содержит описание «смоленских связей» описываемых имён собственных. Наличие данного раздела является доказательством закономерности возникновения определённых реакций на стимул Смоленщина и в целом эффективности использования ассоциативного эксперимента при выявлении АКФ имён собственных.

В пятом разделе представлен частотный указатель реакций, формирующих АКФ общезначимых («ядерных») смоленских онимов, имеющих наивысший индекс частотности и названных всеми группами респондентов (различных по возрасту, профессии и другим характеристикам). К числу таких имён относятся: Днепр, Успенский собор, Крепостная стена, Ю.А. Гагарин, М.И. Глинка, А.Т. Твардовский, Смоленск, М.В. Исаковский, Ф.С. Конь, М.К. Тенишева, Н.И. Рыленков, Василий Тёркин. Выявлению АКФ общезначимых смоленских онимов был посвящён второй этап ассоциативного эксперимента, в котором приняли участие 863 студента разнопрофильных вузов города Смоленска. Вначале респонденты заполняли бланк с той же анкетой, что и на первом этапе эксперимента. Затем испытуемым было предложено в течение 7 секунд на каждый стимул записать любые ассоциации, связанные с перечисленными выше общезначимыми смоленскими онимами (был исключён только стимул Смоленск, поскольку его АКФ был фактически выявлен в ходе первого этапа эксперимента). В результате была составлена электронная база данных № 2, включающая 2 959 реакций (14 477 употреблений). Материалы данного раздела также представлены в форме таблицы: в первой графе таблицы содержатся первые реакции респондентов, которые в психолингвистике принято считать наиболее значимыми, во второй графе – все последующие реакции (для всех реакций указано их количество); полужирным шрифтом выделены единицы, зафиксированные и в списке первых, и в списке последующих реакций. В качестве примера приведём фрагмент таблицы, в которой представлены 10 наиболее распространённых реакций, формирующих АКФ самого частотного «ядерного» онима Днепр.

Первые реакции	Кол-во	Другие реакции	Кол-во
Река	571	Смоленск	149
Смоленск	71	Вода	41
Река в Смоленске	19	Мост	41
Вода	18	Река	38
Грязь	10	Мотоцикл	31
Грязный	7	Грязь	27
Река, протекающая в России	6	Киев	26
Грязная река	6	Украина	24
Речка	6	Ресторан	19
Киев	5	Путь «Из варяг в греки»	15

Таким образом, в словаре представлены ключевые имена собственные Смоленского края, сквозь призму которых история, география, культура Смоленщины предстают в живом воплощении. Особой ценностью словаря является то, что в нём содержатся ономастические единицы, которые сами смоляне устойчиво связывают с представлением о родном крае. Словарь содержит обширный фактический материал для последующего анализа и решения различных исследовательских задач.

В заключение отметим, что построенный на описанных принципах проект регионального ассоциативного словаря имён собственных можно рассматривать как некий инвариант, который при помощи определённых методических усилий может быть конкретизирован для создания серии ассоциативных словарей с целью объективного описания общенационального ономастического культурного пространства.

Библиографический список

Березович Е.Л. Этнолингвистическая проблематика в работах по ономастике (1987–1998) // Известия Уральского университета. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. – С. 128–142.

Бубнова Н.В. Региональные ономастические фоновые знания современных смолян. – Смоленск: Смолен. город. тип., 2013. – 245 с.

Владимирова Т.Е. Язык, культура и языковая личность в третьем тысячелетии // Русский язык в контексте национальной культуры. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2012. – С. 3–7.

Варникова Е.Н. (Вологда)

РЕКА РЕЖА: ВЕРСИИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ГИДРОНИМА*

В статье приводятся версии происхождения названия реки Режи, протекающей на северо-востоке Сямженского района Вологодской области. Определяется связь гидронима с местным географическим термином реж(а), режма, рассматривается его семантика и происхождение.

***Ключевые слова:** севернорусская гидронимия; гидроним; местный географический термин; Вологда; Режа.*

Река *Режа* – левый приток Ваги, левого притока Северной Двины, протекает на северо-востоке Сямженского района Вологодской

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 15-04-00205 а/15 «Режа и режаки: этнолингвистическое описание севернорусского идиома».

области. Протяжённость реки сравнительно небольшая – 27 километров. Русло *Режи* неширокое и неглубокое, в меру извилистое, местами образующее резкие излучины [Зорина, 2015: 23].

Режа впадает в *Вагу* в 528 километрах от её устья. Только после впадения *Режи* в *Вагу* долина последней определяется уже вполне отчётливо [Вологодская энциклопедия, 2006: 86]. Река *Режа* имеет и свои малые притоки. В *Режу* впадают справа *Берёзовка*, *Хохловка*, *Россоховка*, *Глинянка*, *Виссарина Брюшина* и *Крутая речка* (картоотека автора статьи). Как видно, все названия притоков *Режи* являются русскими по происхождению. Название же самой *Режи* имеет неясную этимологию.

Гидроним *Режа* не отмечен в известных топонимических словарях [Никонов, 1966; Пospelов, 2005; Чайкина, 1988], по-видимому, не только по причине затемнённости его этимологии, но и в связи с относительно небольшим размером и малоизвестностью именуемого им водотока.

При интерпретации гидронимов, сопоставимых с сямженским *Режа*, исследователи соотносят их с местным географическим термином *реж(а)*, *режма*, но объясняют его значение и происхождение по-разному.

Гидрографический термин *режма*, *режа* ‘протока между озёрами или между рекой и озером’, отмеченный в мангазейском говоре Сибири, приводится в Словаре русского языка XI–XVII вв. *Итти на ту великую рЪку Лену из Мангазеи судами Тазомъ и Волочанкою рЪками въ верхъ, и озеры и рЪжмами на кочахъ и на каюкахъ до Енисейского волоку десять дней* (Наказ. Головину) РИБ II, 962. 1638 г. *А путь водяной: режмами и моремъ*. Сл. Сиб., 132. 1639 г. *А малыми режмами до волока, тол(ь)ко вода велика, и мочно лотками итти без прудов, – два дни ходу, а тол(ь)ко на прудах итти теми ж малыми режмами – дни три или четыре*. Там же. 1667–1670 гг. [СлРЯ XI–XVII вв., 22: 133].

Режма ‘протока’ (уже без варианта *режа*) фиксируется и Словарём русских народных говоров: [*У Круглого озера*] *перегружались на более мелкие суда: лодки, шитики и каюки – и двигались на них по озеру или по протокам (режмам) до волока*. Сиб. Александров, 1970 [СРНГ, 35: 28]. В Словаре вологодских говоров гидрографический термин *режма*, *режа* не фиксируется [СВГ, 9]. Применительно к сямженскому *Режа* значение ‘протока’ не подкрепляется географическими данными: в бассейне *Режи* нет озёр (устное сообщение географа-краеведа А.В. Кузнецова).

А.К. Матвеев в Кратком словаре географических названий Урала отмечает, что этот термин фигурирует в качестве гидронима и в «Чертёжной книге Сибири» (1701 г.) С.У. Ремезова. Здесь *Северная Сосьва* названа рекой *Режмой*. На основе перевода топонима *Сосьва* («Рукав-река», «Приток-вода») А.К. Матвеев трактует значение названия реки *Реж* (правый приток Ницы, Свердловская область) как «Исток», «Приток», «Рукав» [Матвеев, 1979: 72].

По мнению учёного, «словообразовательной базой названия, возможно, являлся глагол *резать* в значении ‘отрезать, отделять’. «Тогда *Реж* первоначально – «Отрезок», «Ответвление». Сравните западносибирский термин *резка* – ‘прорытый в болотах узкий канал, по которому может пройти лодка’» [Там же].

А.Л. Шилов интерпретирует термин *режма* иначе [Шилов, 1999: 89–90]. Он считает определение этого термина, данное в Словаре русского языка XI–XVII вв., предположительным: «из контекста соответствующих документов [СлРЯ XI–XVII вв., Вып. 22: 133] следует, что в *режма* можно видеть ‘малая река, речка’, но ничего более конкретного» [Шилов, 1999: 89].

С термином *режма* А.Л. Шилов сопоставляет названия рек *Решма* – правый приток Волги ниже Костромы, *Большая Рёжма* – река на Онежском полуострове, *Режма* – один из притоков Емцы, левого притока Двины, *Режма* – приток реки Волошева в левобережье Онеги и др. По свидетельству автора, все эти названия «принадлежат малым рекам, причём две из них заведомо входили в системы Кенского и Емецкого волоков, являясь первыми звеньями водного пути после преодоления этих волоков с запада на восток» [Шилов, 1999: 90]. Анализ текстов документов, приведённых в СлРЯ XI–XVII вв., и учёт географического положения указанных рек позволяют исследователю сделать предположение о том, что «термин *режма* имел некое специализированное значение, возможно, связанное с характеристикой речки, входящей в водно-волоковый путь» [Там же].

По мнению А.Л. Шиловой, русский термин *режма* имеет саамское происхождение: «перспективным видится сравнение с саам. **ressam* ‘начало, исток; источник’ или **resma* ‘начинающая’. Следовательно, рус. *режма* могло означать примерно следующее: ‘речка, берущая начало в источниках’ (что существенно, если малая река используется в летнюю межень на водно-волоковом пути)» [Там же]. Заметим, что сямженская *Режа* действительно вытекает, как установлено экспедициями местных учителей и школьников,

из источника («малым ручейком из-под дерева, течет по болотистой местности») [Зорина, 2015: 23].

«Путевая» версия названия *Режа* приводится и в Словаре гидронимов Вологодской области А.В. Кузнецова. Автор сопоставляет названия двух рек, текущих на территории Сямженского района Вологодской области, – *Режи*, впадающей в *Вагу*, и *Бохтюги*, относящейся к бассейну другой крупной реки в Вологодском крае – *Кубены* (*Бохтюга* – правый приток *Шиченьги*, правого притока *Сямжены*, левого притока *Кубены*) [Кузнецов, 2010: 182].

Названия рек *Бохтюга*, *Вохтюга*, *Богтеньга*, *Вохтеньга* и под. учёные объясняют по-разному, но «наиболее серьёзными» версиями называются три: сближение данных гидронимов 1) с мансийскими и хантыйскими основами, имеющими значение ‘волок’; 2) с прибалтийско-финскими, саамскими, финно-волжскими основами *окса* ~ *охта* ‘протока’, ‘река’; 3) с финскими и эрзянскими основами со значением ‘медведь’ [Матвеев, 2007: 58].

В словарной статье «Бохтюга, Вохтюга» А.В. Кузнецов высказывает предположение о том, что «волок с верховьев сямженской Бохтюги вёл к истокам реки Режа, лев. пр. Ваги. Таким образом, данный потамоним служил индикатором важного в древности водно-волокового пути из бассейна Кубены в бассейн Северной Двины» [Кузнецов, 2010: 26].

В статье «Режа» автор словаря, руководствуясь, по-видимому, этим предположением или высказанным ранее мнением А.Л. Шилова, допускает, что диалектный термин *реж*, *режма*, лежащий в основе гидронима, «в древности использовался для обозначения рек, ведущих в другую речную систему. В данном случае от истока Режи сухопутный волок вёл на реку Бохтюгу, название которой, по одной из версий, переводится как “Волоковая река”» [Кузнецов, 2010: 182].

Между тем при обсуждении приведённых словарных статей А.В. Кузнецов сообщил, что в источниках XVI–XVII вв. какие-либо сведения о волоке *Режа* – *Бохтюга* отсутствуют («для русского населения он, видимо, уже был не актуален»). Кроме того, «истоки Режи и Бохтюги разделяет заболоченное пространство в 5 километров» (устное сообщение А.В. Кузнецова). Однако последний факт, по-видимому, не может противоречить предложенной версии: при описании термина *резка* ‘прорытый в болотах узкий канал до 1 м ширины, по которому может пройти лодка долблёнка’ (Тюменская обл., Тобольский р-н), Э.М. Мурзаев отмечает, что длина таких

каналов, служащих для сообщения по топким местам Заболотья, иногда достигает 200 километров [Мурзаев, 1984: 479–480].

Является ли «путевая» гипотеза финноязычного по происхождению термина *режма* окончательной, покажет время. Топооснова *реж-* отмечена в материалах А.К. Матвеева в названиях болот на *Ин(ь)га: Реженьга* (Арх. Пин.), *Режиньга* (Арх. Карг.) [Матвеев, 2007: 22]. Эти примеры, скорее, подтверждают финно-угорскую этимологию слова.

Итак, существуют две версии происхождения термина *реж(a)*, *режма* – русская и финно-угорская. Очевидно, в этом случае было бы правильнее говорить об омонимии этимологически разных терминов. Не является ли вариативность *режма*, *режа*, отмеченная СЛРЯ XI–XVII вв., результатом их сближения и взаимодействия? В их семантике, как было показано ранее, выделяется и общий компонент ‘источник’. Впрочем, значение *режма*, *реж(a)*, как справедливо отметил А.Л. Шилов, требует значительного уточнения. Это очень важно для трактовки гидронимов оттерминологического образования. Поиск истины продолжается.

Библиографический список

Вологодская энциклопедия / гл. ред. Г.В. Судаков. – Вологда: Русь, 2006. – 608 с.

Зорина Л.Ю. Река Режа и её отражение в менталитете жителей Сямженского района Вологодской области // Народная речь Вологодского края: между прошлым и будущим: моногр. / науч. ред.: Ю.Н. Драчёва, Л.Ю. Зорина, Е.Н. Ильина. – Вологда: Легия, 2015. – С. 23–30.

Кузнецов А.В. Словарь гидронимов Вологодской области (обзор этимологий русских и финно-угорских названий рек и озёр). – Тотьма; Грязовец: Грязовец. тип., 2010. – 290 с.

Матвеев А.К. Язык земли: краткий словарь географических названий Урала // Уральский следопыт. – Свердловск. – 1979. – № 2. – С. 71–75.

Матвеев А.К. Субстратная топонимия Русского Севера. Ч. 3. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2007. – 296 с.

Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. – М.: Мысль, 1984. – 653 с.

Никонов В.А. Краткий топонимический словарь. – М.: Мысль, 1966. – 509 с.

Поспелов Е.М. Топонимический словарь: ок. 1500 единиц / Е.М. Поспелов. – М.: Астрель: АСТ, 2005. – 229, [7] с.

СВГ – Словарь вологодских говоров. Вып. 9: учеб. пособие по русской диалектологии / ред. Т.Г. Паникаровская, Л.Ю. Зорина. – Вологда: Русь, 2002. – 129 с.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 35 (Реветь – Рящик) – СПб.: Наука, 2001. – 360 с.

СлРЯ XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 22 (Раскидаться – Рященко). – М.: Наука, 1997. – 298 с.

Чайкина Ю.И. Географические названия Вологодской области: топонимический словарь. – Архангельск: Сев.-зап. кн. изд-во, 1988. – 268 с.

Шилов А.Л. О балтийских следах в топонимии Северной Руси (к статье В.Н. Топорова) // Заметки по исторической топонимике Русского Севера. – М.: Наука и техника, 1999. – С. 88–93.

Ганжина И.М. (Тверь)

МЕСТНАЯ ТОПОНИМИЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ ИСТОРИИ ЯЗЫКА И ЕГО НОСИТЕЛЕЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ОЙКОНИМОВ И МИКРОТОПОНИМОВ ЛЕСНОГО РАЙОНА ТВЕРСКОЙ ОБЛАСТИ)

В статье описываются ойконимы и микротопонимы, как официальные, так и неофициальные, зафиксированные во время диалектологической экспедиции в Лесном районе Тверской области, и показано, как в подобном роде онама отражается история языка и его носителей.

Ключевые слова: топоним; ойконим; микротопоним; этимология; апеллятив; онимизация; квалитатив.

Современный интерес к изучению географических названий не случаен: «без рассмотрения внутренних закономерностей существования и функционирования топонимов, без выявления их связи между собой, их синхронной системной организации нельзя понять специфику топонима как объекта науки, создать общую теорию имени собственного» [Воробьева, 1969: 201]. Микротопонимия любого региона отражает социокультурную специфику исследуемой территории, создавая тем самым языковую картину мира каждого конкретного региона, поскольку «каждый микротопоним в плане коммуникативно-регистрационной организации уникален, самобытен и выражает национальный характер, менталитет, представляет “национальный дух”» [Шагеев, 2008: 161].

Данная статья опирается на собранные во время диалектолого-ономастической экспедиции материалы, которые дают возможность проанализировать систему топонимов – главным образом ойконимов и микротопонимов – Лесного района (микротопонимы собраны в основном в селе Алексейкове и его окрестностях).

Первоначальное название нынешнего районного центра – с. *Смердынь* – от слова *смьрдъ* – 1) крестьянин, мужик, землепашец; 2) бранное от *смьрдѣти* – «сильно, дурно пахнуть»; ср. лит. *smirdas* – «тот, кто воняет» [Фасмер, 3: 685]. Крестьянин работал с землёй, со скотом, поэтому бытовало мнение, что от него дурно пахнет. Таким образом, название посёлка напрямую связано с характером трудовой деятельности, которой занимались люди, здесь живущие. Это доказывают и факты истории. Первое упоминание о селе Смердынь относится к 1545 г. В то время Смердынь была погостом, центром Смердынской волости. В середине XVI в. погост состоял из двора владельца, двух хозяйств дворовых людей и одного крестьянского двора. Кроме того, здесь располагались две церкви, рядом с которыми было пять церковных дворов и две кельи старцев. В 1551 г. недалеко от Смердыни возник монастырь. До 1580 г. население волости было крестьянским, однако в писцовых книгах 1582 г. в Смердынской волости записано лишь 7 «живущих» селений, в то время как пустых – 153. Причиной бегства крестьян и запустения земель была опричнина Ивана Грозного и замена натурального оброка денежным.

В начале XVII в. территория нынешнего района вошла в состав Ингерманландской губернии, в 1710 г. она была приписана к Санкт-Петербургской, а в 1727 г. – к Новгородской губернии. В 1772 г. волость отошла к Вышневолоцкому уезду, а в 1776 г. – к Весьегонскому уезду Тверского наместничества. В начале XIX в. территория получила название *Замолѳжского края* (так как располагалась за р. Мологой). В 1930 г. Смердынь была переименована в *Лесное* (село окружено лесами): вероятно, прежнее название показалось неблагозвучным, не соответствующим советской идеологии.

В 17 км от Лесного находится с. *Алексейково*, основанное во 2-й половине XIX в., – бывшая дворянская усадьба Варвары Александровны Ладыгиной. Известно, что барыня хотела назвать свою усадьбу *Отрадное* (интересно, что некоторые прежние карты это название фиксируют [Воробьёв, 2005: 13]), но, поскольку такое название уже было в Смердынях (территорию села Смердынь называли формой мн. ч. – *Смердыни*), деревня получила название *Алексейково*.

Можно отметить, что в целом для топонимической системы Лесного района характерно большое число образований отыменного происхождения, при этом в основе многих подобных

онимов лежат качественные формы имён, широко употреблявшиеся в прошлом и не всегда понятные современному жителю: д. *Алексейково*, *Федотково*, *Андрейково*, *Ильюшкино*, *Демидиха*, *Сергеево*, *Васьково*, *Семёново*, *Антоново*, *Абакумово*, *Федяевка*, *Ивашиково*, *Абакумово*, *Борисово*, *Андрюшино*, *Варвараина Гора*, *Спирово* (Спир < Спиридон), *Парьёво* (Парей < Парамон/Парфений/Пармен/Порфирий), *Пенякино* (Пеняка < Пентелей < Пантелей), *Хальково* (Халько < Халамей < Фаламей < Варфоломей, либо Халько < Халалей < Фалалей, либо Халько < Халимон < Филимон [Суперанская, 2010: 342]), *Мартышово* (Мартыш < Мартын); гора *Маньчиха* (на горе раньше был хутор, носивший это название, которое пошло от народной формы личного имени: Маня > Манька > Маньча > Маньчиха); *Вальтеров сад* (сад бывшего барского садовника Вальтера, выписанного из-за границы); *Фомкин хутор*, *Костина пожня*, *Еськана пожня* (которую косил Евстафий с семьёй: Еська < Евстафий). Нельзя не заметить, что коннотативно окрашенные трансформации личных имён проецируют эту окрашенность и на микропоним, в состав которого они входят. Как замечают исследователи, «в масштабах региона микропонимия [и топонимия в целом. – И. Г.] консервирует в себе весь диапазон... трансформаций того или иного имени, их разнообразие и многообразие, что свидетельствует, в частности, о распространённости, активности соответствующих личных имён» [Климкова, 2008: 106–107].

Деривационной базой топонимов нередко становятся и фамилии, однако они главным образом встречаются в составе ойконимов (ср.: *Кокорево*, *Шатеево*, *Овсянниково**) и редки в микропонимах, отражающих особенности речи, где редко употребляется этот вид антропонимов – ср.: *Гусев хутор* – хутор, в котором жили Гусевы. Таким образом, антропонимы, входящие в состав топонимов, сохраняют память о тех, кто осваивал край, рубил лес, пахал и облагораживал землю, а также о первопоселенцах, действительных основателях деревень и сёл, реже – о помещиках, владельцах этих земель.

Однако подавляющее большинство зафиксированных в данном районе топонимов, в том числе и микропонимов, отражает признаки географического объекта, определяемые природными условиями (рельефом, характером почвы, растительности, цветовыми

* Следует, однако, отметить и возможность подобных образований от нехристианских имён и прозвищ, которые в прошлом равно становились производящей основой как для топонимов, так и для фамилий.

признаками и т. п. – С.А. Попов называет такие ойконимы геогенными [Попов, 2002: 168]. Ср.: д. *Подборовье* (интересно, что в топонимическом словаре даётся другое ударение: *Подборóвье* [Воробьёв, 2005: 307]) – деревня расположена недалеко от бора – «под бором»; д. *Загóрье* – построена за горой; д. *Берёзовка*, *Залéсново*, *Высóчка*, *Па́дережка* – во многих говорах, в том числе и в карельском языке, слово *падера* имеет значения «ненастье, буря, вьюга», «сильный ветер», «снегопад» «деревья, поваленные бурей», а также «сырое место», последнее значение представляется наиболее вероятным для объяснения значения ойконима [СРНГ, 25: 128; СРГК, 4: 363]; ручей *Йловец*, *Йлово озеро* – по характеру дна: очень илистое, глубокое; *Глубо́кий о́мут*; *Мёлкая купальня*; *Гладкое болото* – ровное, без кочек, где не растут деревья; ручей *Гремучий* – там очень быстрое течение; *Корчевина* – поле, которое распахали на месте бывшего леса; *Адрáная гора́* – по характеру рельефа: отлогий песчаный спуск, постоянно осыпается в реку: «берег как будто драный»; *Мо́крый лог* – низина, где трава и земля всегда влажные; *Бéлое озеро* (у д. Стру́бно) – там очень чистая, прозрачная вода; болото *Подмо́шенькое* – в северных говорах *подмошник* – «поросшая мхом земля» [СРНГ, 28: 87]; *Бéлый берёзник* – название берёзовой рощи по цвету стволов; *Ело́вая аллея*; речки *Осо́тня* и *Пóросла* – названия также связаны с растительностью; *Кру́глая по́жня* – по форме объекта; ср. названия улиц в с. Алексейково: *Приозёрная* – около озера; *Садóвая* – каждую весну тут зацветают вишнёвые, сливовые и яблоневые сады и т. д.

Наличие двух названий – официального и бытового, употребляющегося в речи, – нередкое явление в сельской местности. Так, деревню *Новосéлец* жители предпочитают называть *Новая деревня*, так как жителям глубинки оно понятнее и ближе; официальное название деревни *Новояблонское* (места славились яблоневыми садами) не закрепилось в речи жителей, среди них бытовало название *Килу́ново* (вероятно, антропонимического происхождения); *Ка́тино болото* – раньше называлось *Ча́йниковское болото* (отфамильное образование), однако в связи с миграцией сельского населения в города в деревне осталась одна жительница – Катя Варфоломеева, её именем и стали называть болото; *Гли́няны ямы* – небольшой лесок, земля там тяжёлая, суглинистая, раньше бытовало название *Кирпичные сара́и*, поскольку у барыни на том месте был небольшой завод, кирпичный промысел, затем название стало неактуальным и было заменено новым; *Ура́льские горы* – раньше,

в XIX в., на этих горах была усадьба *Пáвлово*, но барыня переехала в Алексейково, усадьба разрушилась, и в основу наименования лёг новый признак – рельеф почвы: горы, действительно, высокие по местным меркам, с крутым склоном. Ещё пример: д. *Бор-Пруды* – в деревне в прошлом были пруды, кроме того, она окружена бором. Прежнее название деревни – *Пруды*, настоящее (офиц.) – *Бор-Пруды*, на прежних же картах деревня значится как *Бор* [Воробьёв, 2005: 55]. Данный пример показывает неустойчивость названий, их способность трансформироваться: часть названия – *Пруды* – стала для жителей деревни неактуальной, так как пруды заросли и высохли, а вторая часть – *Бор* – семантически соответствует реальному положению.

Далеко не всегда произношение местными жителями того или иного топонима соответствует официальному ударению: так, ойконим *Зáстижье* местные жители произносят с ударением на втором слоге – *Застіжье* – возможно, под влиянием ложной этимологии: как якобы связанную со словом *застигнуть*. Название д. *Парьево* имеет в речи местных жителей два ударения: старшее поколение произносит *Пáрьево*, младшее – *Парёво*; старожилы говорят *Пáвловский ручей*, в то время как молодые люди в своём произношении ориентируются на нормы современного литературного языка: *Пáвловский ручей*; ср. также приведённый ранее пример: д. *Пóдборовье* при офиц. *Подборóвье*.

Известно, что разговорной речи свойственно стремление к экономии языковых усилий – в полной мере это относится и к функционированию топонимов в речи. Усечение словосочетаний – один из способов образования онимов, функционирующих в речи местных жителей: так, вместо названия д. *Кóжина Горá* бытует название *Кóжиха*, д. *Бор-Пруды* называют просто *Бор*, лес *Попóвая молóжа* – *Попóвка*, *Глáдкое болото* – *Глáдь*.

В местной топонимической системе существует интересное явление: нередко в одном маленьком населённом пункте жители выделяют несколько частей. Так, в с. *Алексейково* есть три части: *Верх* – часть деревни на горе («Я на Верх пошла»), *Низ* – часть под горой, *Хутор* – находится подальше от центра; д. *Спíрово* распадается на две части: одна (где живут коренные жители) носит название *Спирово*, а другая – *Татáрка* (эта часть деревни заселена преимущественно карелами, говорящими на своём языке – «как татары»); жители д. *Жітенка* выделяют *Старую* и *Новую Житенку*: в Старой Житенке живут в основном люди старшего поколения,

а за поворотом дороги начинается Новая Житенка – дома, построенные после Великой Отечественной войны.

Кроме того, свои названия (как правило, семантически прозрачные) имеют внутри села многие мелкие объекты, которые служат для жителей ориентиром в их жизни и хозяйственной деятельности. Например: *Пóжни* (заливные луга) – название, образованное путём онимизации апеллятива *пожни*, это место делилось на три части: *Нижняя пожня*, где река впадает в озеро, *Масла́евская пожня* – у хутора Масла́ево, и *Ба́рская пожня*, принадлежавшая некогда барыне; *Большая вы́города* и *Малая вы́города* – места, где пасут скот; ручей *Тара́н* (из этого ручья качали в деревню воду два агрегата, от названия которых и произошёл оним); *Заво́д* (территория на берегу реки, где работала мельница, т. е. производство, «завод»); *Плотина* (на реке Сорогоже была плотина для сплава леса, её разрушили, но топоним остался в речи местных жителей); *Криво́й мост* (дорога на этот мост поворачивает круто); *Ка́менные Ла́вы* (неглубокую речку Йловицу, вытекающую из Илова озера, переходили по камням); *Ухо́жа* (поле и небольшой лесок вдоль озера для выгона стада; вероятно, семантика микропонима связана со словом *ухаживать*: это ухоженное пастбище, специально предназначенное для выпаса скота).

В с. Алексейкове в 1964 г. были построены «*бара́ки*» – большие шестиквартирные дома. В каждой квартире проживало по две-три семьи. Один из барачков стали называть *Синот* – от нарицательного *синод* (в переводе с греческого «собрание») – «высший коллегиальный орган русской православной церкви до 1917 г.; в настоящее время – совещательный орган при патриархе», а также «собрание духовных и светских лиц для разрешения важнейших дел протестантской церкви» [Булыко, 2004: 531]. Название ироничное: по вечерам, когда все жители выходили посидеть на скамейке, можно было подумать, что собрался сход, на котором решают проблемы села, обсуждают последние новости.

В Синоте жили «коммунары». Про этот барак даже была сложена частушка, отразившая ироническое отношение жителей к Синоту:

Где окошки распашные,
Коммунары там сидят.
Зубы длинные, кривые,
Кобылятину едят.

Кроме того, в местной топонимической системе встречается такое явление, когда под одним общим именем объединяют несколько деревень. Так, д. Демидиха, Ильёшкино, Пенякино, Застыжье – это *Иридчина* (этимология она утрачена; на наш взгляд, не исключено, что это было собирательное прозвище жителей по свойству характера: бранное диалектное *ирид* – «скупой человек» [СРНГ, 12: 209]); д. Парьёво, Бирюльки, Хальково, Острóвка, Андрéйково объединены общим названием *Братаны́*. По этому поводу старожилы вспоминают, что Иридчина и Братаны враждовали между собой, ни одного праздника не обходилось без драк:

Парьёвские Братаны,
Приходите к нам гулять,
У нас ножики наточены,
Кирпичи на фунтов пять.

Жителей Иридчины называли *и́ридскими* [и́рицкими]. В связи с этим стоит отметить формы прилагательных, употребляемых старожилами в разговоре о жителях того или иного поселения: с. Алексейково – [*алексе́яски* ребята], д. Рыжно – [*ры́жански* мужики]; в д. Горóховец был Миша Смирнов, очень медлительный: «Ты как Миша [*горóхаскай*]», – говорят про медлительных людей; в д. Бирюльки была умственно отсталая Шура – возникло прозвище Шура *Бирюлькоска*. Можно заметить, что для относительных прилагательных в мужском роде и во множественном числе характерны стяжённые формы, которые, как отмечают историки языка, получили широкое распространение в говорах, главным образом севернорусских [Черных, 1952: 178]. То же явление наблюдаем и непосредственно в топонимах: *Рыжа́нска гора*, *Прибы́ткоска гора*.

Таким образом, топонимы отражают систему местного говора, его фонетические, морфологические, лексические особенности, нередко сохраняя старые формы и лексемы, утраченные литературным языком. Ср.: *Мельница Сени До́лгово* – от *долгой* [до́лгай] ‘длинный’; лес *Красный бор* – в основе микропонима слово *красный* сохраняет своё древнее значение ‘красивый, хороший, лучший, видный’, т. е. красивый, видный лес. В основе ряда ойконимов лежат диалектные слова, не сохранившиеся в современном языке. Так, неподалёку от Алексейкова есть деревня *Язви́цы*. Можно предположить, что в основе названия диалектное *язви́цы* – так в Лесном районе именуют енотовидных собак (возможно, они водились или их разводили в данной местности).

Однако в народе бытует другое название – *Вишівая Ля́жка*. В центре деревни, под горкой, в низине – сырое место, похожее на болотце, «лужа на логу», эту лужу назвали *ляжка* < *ляга*: название восходит к праславянскому географическому термину **lęga* [Фасмер, 2: 548]. Слово *ляга* сохранилось в северных русских говорах от Архангельска до Тобольска с широким спектром значений – от болота до лужи [СРНГ, 17: 253–254]. В этой луже водилось много насекомых, которые перемещались по поверхности воды и прыгали над водой; по своему строению они напоминали вшей, отсюда название лужи – *Вишівая ляжка*, ставшее впоследствии и названием деревни. Причина того, что местные жители предпочитают это название официальному Язовицы, вероятно, кроется в его эмоциональности, экспрессии (интересно, что молодое поколение не знает этимологии названия и понимает его в прямом смысле слова). Приведём ещё пример с диалектным словом: лес *Попóва Молóжа* – от диал. *моложа* ‘молодая поросль, молодой лес на вырубке, на пожарище’ [Даль, 2: 232], а также «участок строевого хвойного леса. Новг.» [СРНГ, 18: 232] (история названия такова: за безупречную службу барыня наградила попа, подарив ему дом и 2 га пашни; после революции поп уехал в Москву, пашню запустили, а на её месте вырос молодой лес – *моложа*).

Наблюдения над функционированием топонимов в речи дают возможность увидеть восприятие их населением, при этом нередко они получают эмоционально-экспрессивную окраску. Например, д. *Ры́жно*: старые жители села вспоминают, что раньше на вечерках смеялись над рыженскими, так как там было много рыжих мужиков. Микротопоним *Га́шникова Яблоня* имеет такую историю: в барском саду помещицы Ладыгиной росла яблоня, с которой всем можно было рвать яблоки и носить домой. На неё забрался мальчик, зацепился поясом и повис. Так как пояс в народе называли *гашником*, то мальчик получил прозвище *Гашник*; в дальнейшем за яблоней и закрепилось название – *Гашникова яблоня*. Ср. другие достаточно эмоциональные микротопонимы: лес *Медвѣжий уго́л* (очень тёмный, густо заросший кустами и ивняком, находится на болоте, в этом лесу жутко находиться: «Так и кажется, что медведь заревил»); *Таракáшкино озеро* (название дано по величине объекта: «Впору таракану передтить», – объясняют местные жители), *Беспорто́шный перелесок* (этот перелесок разделяет два огромные поля; как говорят

старожилы, «кому надо по нужде – сюда бегут»), *Ба́бья Сра́чка* (рядом находятся две горки, покрытые травой).

Кроме того, иногда топонимы, лишённые экспрессии, в устной речи её приобретают, в связи с чем наблюдается переосмысление «неясных» названий. Так, название *Тиха́ново болото* (за д. Демидихой), по всей видимости, восходит к личному имени *Тиха́н* (очень распространённое в прошлом произношение имени Тихон), однако местные жители считают, что оно связано со словом *тихий*, поскольку болото топкое, в нём очень много «окон», и пройти по нему можно только очень медленно, «тихо».

К сожалению, современная молодёжь в большинстве случаев уже не знает, по какой причине появилось в их селе то или иное название. Так, перед с. Алексейковым находится гора, которую называют *Прибытково* – по названию находившегося здесь хутора. История названия такова: в XIX в. барыня Ладыгина подарила своему лакею Ваське за верную службу 5 га земли и построила ему на этой горе дом. «Лакею сразу прибыль – т. е. прибыло» Данную этимологию знают только старожилы. Однако даже и они не всегда дают объяснения тем или иным названиям, и мы можем лишь предполагать, порой опираясь на данные современных говоров, как и почему возник тот или иной оним. Так, вероятно, названия лесов: *Шило* и *Кублушка* – были когда-то даны по внешнему виду, по форме данных объектов: лес *Шило* – длинный и вытянутый, а лес *Кублушка* – небольшой и круглый, скорее всего, его название восходит к сохранившемуся в псковских и тверских говорах слову *ку́блиться* – «сжиматься, ёжиться, свёртываться в клубок», *ку́бло* – «гнездо. Твер.» [СРНГ, 15: 382]; название леса *Ейнушка*, по всей видимости, тоже связано с диалектным глаголом, употреблявшимся в целом ряде говоров: *ейкать* – «звать, призывать кого-либо», от междометия *ей* – «возглас, которым окликают» [СРНГ, 8: 333].

Однако названия – не всегда только адресные знаки, выделяющие именованные объекты и указывающие их местоположение и признаки, они порой являются и средством выражения определённых идей. Ономатологи не раз отмечали, что имена собственные «существуют только в обществе и только для общества» [Никонов, 1974: 52]. Это в полной мере относится к топонимам, в том числе и микропонимам, отражающим историю национальной культуры и влияние общества на их образование. Так, в непосредственной связи с культурно-историческим развитием

общества находятся эргонимы – наименования деловых объединений людей, «в том числе союза, организации, учреждения, корпорации, предприятия, общества» [Подольская, 1988: 151]. В конце 20-х – 30-е гг. XX в., когда в стране проводилась сплошная коллективизация, Лесной район не остался в стороне: в это время появляются сельхозартель «Смена» Кедровского сельского совета (далее – с/с), «Свободный труд» Никольского с/с, «Новая жизнь» Монаковского с/с, в с. Алексейкове организована коммуна «Красный пахарь», в д. Лемово и Килуново – колхоз «Труд», в д. Струбно – колхоз «Новый строй», в д. Новая Деревня – колхоз «Красный самолёт», в д. Сорогожское и Мотыли – колхоз «Перелом», в с. Лесном – колхоз «Мировой Октябрь».

К онимам советского периода относятся названия колхозов и совхозов, в основе которых лежат имена деятелей КПСС: до 1965 г. в д. Виглино существовал колхоз *им. Жданова*, в д. Парьево – колхоз *им. Сталина*, в с. Алексеевке – колхоз *им. Ильича*. Все эти названия отражают социально-политическую жизнь общества, время коллективизации и строительства социалистического хозяйства, в их основе лежит идея новой жизни, от них «так и веет “историческим оптимизмом”» [Воробьев, 2005: 8]. Подобные названия, созданные искусственно и навязанные селянам, одинаковые на территории всего Советского Союза, меньше всего выражали ментальность русского крестьянина и, естественно, никоим образом не отражали ни народных культурных традиций, ни накопленного жизненного опыта, ни реалий крестьянской жизни – всего того, что свойственно микротопонимам, естественно возникшим в речи сельских жителей. В 1965 г., как говорят очевидцы, все окрестные колхозы объединились в одно хозяйство с центром в с. Алексеевке. В результате люди старались перебраться в центральную усадьбу, происходило исчезновение многих деревень.

В советское и постсоветское время, к великому сожалению, разрушались деревни, были запущены поля и луга, вырубались леса. В результате мы утрачиваем богатейший пласт самобытной ономастической системы, отражающей культурно-историческую и языковую картину мира крестьянина, его морально-этические представления.

Многие названия, входящие в местную топонимическую систему, очень выразительны, ориентированны, историчны. Почти все они возникли в досоветский период, тесно связаны

с конкретной историей или ландшафтом населённого пункта, вариативны, очень разнообразны по способам образования, почти все имеют внутреннюю форму. Именно они сохраняют специфику, своеобразие каждой локальной топонимической системы. Наблюдения показывают, что в каждом населённом пункте имеется своя система микротопонимов, и состав топонимов даже близлежащих сёл почти не имеет общего слоя. При этом в каждом селе имеется не только свой репертуар имён, но и их системная организация, которая проявляется в принципах номинации, в выборе словообразовательных моделей.

Библиографический список

- Булыко А.Н.* Большой словарь иноязычных слов. – М.: Мартин, 2004. – 704 с.
- Воробьёв В.М.* Тверской топонимический словарь. – М.: Рус. путь, 2005. – 472 с.
- Воробьёва И.А.* Некоторые наблюдения над функционированием топонимов в устной речи // Ономастика. – М.: Наука, 1969. – С. 201–207.
- Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: Рус. яз., 1989–1991.
- Климкова Л.А.* Микротопонимия как зона пересечения с антропонимией // Ономастика Поволжья: материалы XI междунар. науч. конф. – Йошкар-Ола: Изд-во Марийск. гос. ун-та, 2008. – С. 106–107.
- Никонов В.А.* Имя и общество. – М.: Наука, 1974. – 278 с.
- Подольская Н.В.* Словарь русской ономастической терминологии. – М.: Наука, 1988. – 192 с.
- Попов С.А.* Отражение русской ментальности в российской топонимии // Ономастика Поволжья: материалы IX междунар. науч. конф. – Волгоград: Перемена, 2002. – С. 168–170.
- СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: в 6 т. – СПб.: СПбУ, 1994–2005.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров. – Вып. 1–/ сост. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов. – М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–.
- Суперанская А.В.* Словарь народных форм русских имен. – М.: Либроком, 2010. – 368 с.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. – М.: Прогресс, 1964–1973.
- Черных П.Я.* Историческая грамматика русского языка. – М.: Учпедгиз, 1952. – 312 с.
- Шагеев Р.Ш.* Коммуникативно-прагматический аспект изучения микротопонимии (на материале Закамья Республики Татарстан) // Ономастика Поволжья: материалы XI междунар. науч. конф. – Йошкар-Ола: Изд-во Марийск. гос. ун-та, 2008. – С. 154 – 161.

Дорофеенко М.Л. (Витебск, Беларусь)

**ВИКОНИМЫ БЕЛАРУСИ, ОТРАЖАЮЩИЕ
КВАЛИТАТИВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ОБЪЕКТА:
НОМИНАТИВНЫЙ И ЛИНГВОГЕОГРАФИЧЕСКИЙ
АСПЕКТЫ**

В статье в номинативном и лингвогеографическом аспектах исследуются виконимы Беларуси, отражающие качественные особенности объекта. Установлены основные лексико-семантические группы анализируемых наименований. В результате количественного анализа в каждой области определены наиболее частотные онимные единицы. Установлены ареалы наибольшей концентрации внутрисельских названий, описывающих качественные характеристики объекта. Выявлены особенности распространения качественных виконимов на исследуемой территории. Определено, что наибольшее распространение данные названия получают на территориях Брестской, Минской и Гродненской областей.

Ключевые слова: *виконим; урбаноним; номинация; принцип номинации; частотность; ареал распространения; лингвогеография.*

Являясь отражением как материального, так и духовного мира человека, виконимы выступают носителями разнообразной информации. В процессе номинации человек берет за основу не только качественные характеристики самого линейного объекта, но и свои впечатления, возникающие при знакомстве с ним.

Внутрисельские названия, отражающие качественные характеристики объекта, соответствуют принципу номинации внутрисельского объекта по его свойствам и качествам наряду с виконимами, описывающими физико-географические особенности местности и параметрические характеристики линейного объекта. В современной белорусской виконимии наименования по свойствам и качествам объекта составляют от 27,3 до 49,5 %. По мнению А.М. Мезенко, в урбанонимии Беларуси периоды относительно активного действия принципа номинации внутригородского линейного объекта по свойствам и качествам чередуются с периодами его угасания [Мезенко, 1991: 127–128]. В разное время процентное содержание названий, образованных в соответствии с ним, разнилось от 3,2 до 11,8 % [Мезенко, 1991: 128].

Цель работы – определить особенности распространения виконимов Беларуси, отражающих качественные характеристики объекта. В процессе исследования применялись дескриптивный,

ареальный, картографический методы, а также элементы статистического анализа.

Среди виконимов, отражающих качественные характеристики объекта, находим наименования, *описывающие качества линейного объекта* (данные названия выполняют дескриптивную, констатирующую функцию): *Светлая ул.* – агрогородок Зароново Витебского района Витебской области, *Снежная ул.* – агрогородок Ольшаны Столинского района Брестской области; и виконимы, *наделяющие объект какими-то потенциальными характеристиками, ассоциирующимися с ним* (в этом случае названия становятся символическими): *Весёлая ул.* – деревня Рыжики Лёзненского района Витебской области, *Живописная ул.* – агрогородок Гричино Дзержинского района Минской области, *Приветливая ул.* – деревня Леоновичи Вилейского района Минской области.

Подобные онимы функционируют как в виконимии, так и в урбанонимии и ойконимии. Анализируя костромские *красивые* топонимы, Е.В. Цветкова предполагает, что они не являются исключительно искусственными: в процессе наименования человек «делится» своими чувствами и переживаниями, показывает свое настроение, «а возможно, и хочет “говорящим” позитивным именем привлечь удачу, счастье, что-то изменить к лучшему» [Цветкова, 2011: 495]. Можно отметить ряд мотивирующих основ, совпадающих в виконимии, урбанонимии и ойконимии. Это определения *красивый, чистый, веселый, добрый, солнечный, светлый* и т. д.

Условно к данной группе можно отнести виконимы, сформированные на базе названия цвета: *Бежевая ул.* – агрогородок Колодищи Минского района Минской области, *Лиловая ул.* – деревня Тарасово Минского района Минской области. Возможно, улицы получали такие наименования на основе ассоциаций. В репертуаре выделяется лишь виконим *Зелёная ул.*, содержащий обобщенное указание на флору региона.

Если виконимы первой подгруппы описывают качественные характеристики внутрисельского линейного объекта, то названия второй подгруппы носят пожелательный и символический характер. В виконимии не зафиксированы наименования, сформированные на базе негативных эмоций. Проанализированные виконимы имеют четкие положительные коннотации. Наличие в названии внутрисельского линейного объекта отвлеченных понятий, обычно выражающих различные позитивные качества и свойства, свидетельствует о его пожелательном характере.

Из трех групп наименований, образованных в соответствии с принципом номинации внутрисельского линейного объекта по его свойствам и качествам, виконимы, отражающие качественную характеристику, наименее частотны.

Территории максимального сгущения названий – Минский район Минской области (201–250 единиц) и Пинский район Брестской области (101–150 единиц).

Ареалы относительно высокого распространения названий встречаются спорадически: Брестский, Кобринский, Барановичский, Столинский районы Брестской области, Логойский, Смолевичский, Слуцкий районы Минской области, Поставский, Глубокский, Витебский районы Витебской области, Могилёвский район Могилёвской области (51–100 единиц).

Согласно исследованию А.М. Мезенко, количество наименований данной группы в белорусской урбанонимии увеличивается под влиянием традиций, сложившихся в системе польских названий внутригородских линейных объектов, и наибольшее количество таких наименований зафиксировано в городах западных регионов Беларуси [Мезенко, 1991: 133]. Результаты картографического исследования подтверждают факт существования похожей тенденции в виконимии нашей страны. Так, процентное содержание качественных виконимов по отношению к остальным типам названий представлено следующим образом: Брестская область – 7,5 %, Минская – 7,1 %, Гродненская – 6,8 %, Гомельская – 2,9 %, Витебская – 5,3 %, Могилёвская – 4,8 %. Применение картографического метода позволило установить процентное преимущество анализируемых единиц на территориях двух западных и одного центрального региона. Наибольшее число характерологических названий зарегистрировано в деревне Коробчицы Гродненского района Гродненской области – Вечерняя ул., Гостинная ул., Дивная ул., Загадочная ул., Красивая ул., Могучая ул., Мягкая ул., Певучая ул., Пейзажная ул., Романтическая ул., Торжественная ул. и т. д. На территории Минщины зафиксированы наибольшие фреквентативные показатели виконима Красивая ул. (20 н. п.). Данные внутрисельские наименования отражают впечатления номинаторов от объекта, соотносятся с ассоциациями, возникающими в процессе эмоционального восприятия.

Во всех областях Беларуси среди наименований данного типа лидирует виконим *Зелёная ул.*, второе место занимает сельский годоним *Солнечная ул.* В пятерку наиболее популярных названий каждой области входит и наименование *Тихая ул.*, функционирующее

в регионах с разной степенью активности: находится на третьем месте в Брестской, Витебской, Гродненской и Могилёвской областях, на четвертом – в Минской, на пятом – в Гомельской. Название *Светлая ул.* входит в состав лидирующей пятерки в пяти регионах и позиционируется на третьем месте в Гомельской области, на четвертом – в Витебской и Гродненской, на пятом – в Брестской и Минской областях. В Брестском и Могилёвском регионах среди частотных названий оказывается оним *Весёлая ул.*, в Витебском и Гомельском – *Тенистая ул.*, в Минском и Могилёвском – *Радужная ул.*, в Гродненском – *Звёздная ул.*

Таким образом, качественные характеристики объекта, эмоциональные ассоциации номинатора – базисные критерии виконимов, формирующих анализируемую группу. В рамках каждой из подгрупп задействовано ограниченное количество мотивационных основ, применяющихся и в урбанонимии. Однако названия, образованные от них, обладают высоким индексом частотности. Результаты картографирования свидетельствуют о процентном преобладании виконимов, отражающих качественные характеристики объекта, на территориях Брестской, Минской и Гродненской областей.

Библиографический список

Мезенко А.М. Урбанонимия Белоруссии. – Минск: Университетское, 1991. – 167 с.

Цветкова Е.В. Костромские «красивые» топонимы // «И нежный вкус родимой речи...»: сб. науч. тр., посвящ. юбилею д-ра филол. наук, проф. Л.А. Климовой / редкол.: Е.Ю. Любова (отв. ред.) [и др.]. – Арзамас : АГПИ, 2011. – С. 494–499.

Жмурко О.И. (Иваново)

ГИДРОНИМЫ НЕСЛАВЯНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ НА КАРТЕ ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье представлен ряд названий водных объектов, распространённых на территории Ивановской области, характерной чертой их, в отличие от топонимов, является неславянское происхождение. Ключевым для анализа гидронимов становится понятие историко-культурной зоны, выдвинутое А.С. Гердом в монографии «Очерки исторической географии».

Ключевые слова: *топонимика Ивановской области; историко-культурная зона; языковой субстрат; финно-угорская народность меря.*

Изучение языка неизбежно связано с историей народа – носителя данного языка. Именно поэтому в нашем случае для объяснения происхождения названий географических объектов важно представить историю заселения территории Ивановской области.

Обращаясь к проблеме изучения топонимики Ивановской области, мы опираемся на одно из центральных исследований по данной теме – коллективную монографию «Очерки исторической географии: Северо-Запад России: Славяне и финны» А.С. Герда и Г.С. Лебедева и др. Ключевым для авторов является понятие историко-культурной зоны: «Историко-культурная зона (далее ИКЗ) – это ареальное единство, которое выделяется по данным археологии, антропологии, этнографии, лингвистики, геологии, географии, а также ряда других дисциплин... ИКЗ складываются постепенно, на определённой территории, в условиях конкретного климата и ландшафта и определяются физико-географическими, климатическими, историческими, хозяйственными, демографическими, языковыми и собственно этнографическими факторами в их взаимосвязи». И далее: «Реконструкция ИКЗ как совокупности историко-культурных типов, в конечном счёте, представляет собой экспликацию эволюции культуры разных ИКЗ. При этом под культурой следует понимать как памятники, предметы и вещи материальной культуры, так и язык, письменность, мифологию, религию, фольклор, музыку» [Герд, Лебедев, 2001: 8]. Поэтому нельзя, говоря о происхождении топонимов, замыкаться в границах только лингвистики. Необходимо учитывать всю совокупность знаний об исследуемой территории. Такой подход позволяет составить более полную картину развития того или иного народа и даёт дополнительные сведения для исследований. Кроме того, при объединении территорий в ИКЗ мы получаем возможность проецировать знания об одном ареале на другие ареалы, входящие в одну ИКЗ.

Говоря о топонимике Ивановского края, нужно обратиться к историческим данным, касающимся Волго-Окской ИКЗ, которая включает и территорию Ивановской области. Рассматривая Ивановскую область как составляющую часть Волго-Окской ИКЗ, мы получаем дополнительные сведения о взаимодействии славянских племен с племенами финно-угорскими. А это в свою очередь подкрепляет теорию о финно-угорском языковом влиянии на русский язык в целом и топонимику края в частности.

Памятники, относящиеся к древнерусской эпохе (IX–XIII вв.), отражают процесс освоения Волго-Окского междуречья славяно-русским населением. Процесс этот представлен как сложное взаимодействие аборигенного мерянского (финно-угорского) и пришлого населения. По археологическим раскопкам известна территория обитания мерян: это бóльшая часть современных Владимирской, Ивановской, Костромской, Ярославской, а также части Московской и Тверской областей. Данные археологии и свидетельства летописей позволяют говорить о том, что языковой субстрат, предшествовавший русскому слою на этой территории, принадлежит в основном финно-угорской народности меря.

В Ивановской области, подобно другим средне- и севернорусским территориям, степень сохранения субстратной топонимии достаточно высока. По всей видимости, именно в названиях многочисленных водных объектов, прежде всего рек и речек, субстратный слой языка сохранился лучше всего. Доказательством большого значения водных путей в жизни древнего населения этого края является то, что поселения часто приобретали свои названия по именам рек, на которых они зарождались.

Самые ранние поселенцы на территории Ивановской земли поволжские финны дали свои названия рекам, озерам, другим водным объектам. Позднее подселяющиеся к ним славяне создавали свои поселения и давали им свои названия, но имя реки, протекающей рядом с населенным пунктом, чаще всего оставалось неизменным. Более того, нередко название реки становилось и названием поселения. Например, посёлок Вондыга Фурмановского района получил своё название от протекающей рядом реки Вондыга. Благодаря подобной системе наименования гидронимы до сих пор сохраняют следы языка и культуры первых поселенцев Ивановского края.

Говоря о мерянском языке, следует дать небольшую историческую справку об этом явлении. Мерянский язык сейчас мёртвый язык, но в период своего существования был распространён на территории Волго-Окской ИКЗ. Основным материалом при его восстановлении являются географические названия – топонимы и гидронимы. Конечно, вся топонимия финно-угорского происхождения на территории бывшей мерянской земли в определённом смысле может быть названа мерянской, потому что так или иначе, но она проходила через этап мерянской адап-

тации. Однако определение «мерянский» всё же следует употреблять достаточно осторожно из-за многослойности топонимических компонентов бывшей мерянской территории. Дело в том, что в некоторых случаях в топонимии параллельно существуют сразу несколько топонимических компонентов с предполагаемой тождественной семантикой. Однако очевидно их фонетическое различие, которое нельзя объяснить таким простым в данном вопросе способом, как славянское влияние. Учёные связывают наличие подобных явлений с тем, что на территории нынешней Ивановской области в разное время существовали разные народы финно-угорского происхождения, отличающиеся друг от друга по языку.

Приступая к изучению топонимики, начинают с выделения основных топонимических компонентов. Чаще всего эти компоненты выступают в виде суффиксов и финалий, но могут представлять и самостоятельные топонимические основы. Большинство распространённых топонимических компонентов на карте области первоначально относится к названиям водных, а именно речных объектов. Это такие финалии (суффиксы и окончания) топонимов, как *-га*, *-ма*, *-ша*, *-на*, *-иха*, *-ль*, *-х*, *-ка*, *-хта*, *-ра*, *-жа*, *-ча*, *-за*, *-ня*, *-кса*, *-ть*. Кроме финалии необходимо обращать внимание на корневую часть гидронимов, но и она часто оказывается неславянского происхождения. Это подтверждает нашу гипотезу о том, что названия рек более древние, чем имена населённых пунктов.

Так, на территории Ивановской области есть реки с названиями *Шухомка*, *Скивеска*, *Пурежка*, *Шилеконка*, *Киленка*, *Нодожка*. Можно смело говорить о том, что корни этих гидронимов неславянские. Но рядом с ними отмечаются гидронимы *Куликовка*, *Жуковка*, *Даниловка*, *Дубенка*, *Зименка*, *Калининка* и др. Действительно, финалия *-ка* присоединяется как к славянским, так и к неславянским корням. Однако названия с компонентом *-ка* чаще являются более поздними образованиями и, как правило, относятся уже к славянскому периоду. Гидронимы *Кинешемка* и *Палешка* имеют неславянский корень, но финальный компонент *-к(а)* скорее всего является русским, присоединённым в более поздний период (об этом говорят и фонетические чередования в корне по славяно-русскому типу).

В топонимике компонент *-ка* рассматривают, с одной стороны, как русскую финалию *-ка*, а с другой стороны, как видоизменённую финно-угорскую часть слова *-га*, но может быть

и третий вариант – контаминация русского *-ка* и измененного финно-угорского *-га*.

Компонент *-га* тоже нередко встречается в гидронимических названиях Ивановской области. Его принято связывать с финно-пермскими соответствиями финно-угорской основы **joke* – ‘река’, хотя пока и не найден однозначный ответ на вопрос, к какому именно языку или к какой ветви финно-пермских языков данные названия следует отнести. В нашем крае известны такие названия рек с финалией *-га*, как *Нодога, Печуга, Кистега, Танога, Вондыга, Ворга, Шуга* и др. Достаточно распространёнными разновидностями гидронимического компонента *-га* являются финалии *-жа* и *-ша*. Указанные компоненты рассматриваются некоторыми учёными, в частности В.Н. Топоровым, О.Н. Трубачёвым, В.В. Седовым, как балтийские. К гидронимам на *-жа* относятся *Унжа, Сунжа*.

Среди названий рек, оканчивающихся на *-ша, -кша*, на территории Ивановской области можно назвать такие, как *Ширмакша, Локша, Куекша, Ворша, Парша*. А.В. Суперанская отмечает, что речные названия, оканчивающиеся на *-ша, -кша*, простираются от Белого озера до Вятки и Москвы. Это один из древнейших ареалов. Он существовал до прихода сюда русских и предшествовавших им финских народов.

Формант *-ма, -ома*, присутствующий в названиях *Шарма, Колдома, Юхма, Пошма, Ухтохма* и др., характерен для гидронимов Севера, средней полосы европейской части России и Сибири. Финалия *-ма* может быть представлена и в виде *-на* (реки *Поймина, Шохна, Сеймна, Семчена*) или *-ба* (реки *Соньба, Санеба*). Топонимический формант *-ма* принято связывать с финно-угорскими языками. В.А. Никонов утверждает, что нельзя игнорировать *-ма*, он указывает на происхождение из неизвестного языка, оставившего особенно много названий в Северном Заволжье. А ранее известный историк языка А.Х. Востоков высказывал суждение, что форманты *-ма (-ва, -ба)* могли обозначать в каких-то языках воду, поток, реку, текущую воду.

Следующий формант, характерный для гидронимов Ивановской области, формант *-хта*. Нужно сказать, что гидронимические названия с финалией *-хта* распространены в основном на бывших мерянских землях: на территории Владимирской, Ивановской, Ярославской областей, а также в восточной части Тверской области. Тот факт, что гидронимы распространены на

землях, ранее принадлежавших мерянам, очень важен, так как может служить ещё одним доказательством в пользу неславянского происхождения гидронимов с компонентом *-хта*. В Ивановском крае это реки *Шомохта, Молохта, Сахта*.

Суффиксальный компонент *-ль* в гидронимах *Хабаль, Возополь, Вазаль, Нерль* А.И. Попов считает сокращённой формой типичного для мордовских форм детерминанта *-лей, -ляй* ‘река, речка, овраг’, обычного речного названия; В.Д. Бондалетов причисляет компонент *-ль* к элементам языка мери.

На территории Ивановского края есть несколько рек с названиями на *-кса*. К ним относятся *Падокса, Юндокса*. По утверждению финского топонимиста П. Арумаа, многочисленные водные названия с *-кса* на территории Центральной и Северной России не имеют славянского происхождения. В топонимике принято относить наименования речных объектов на *-кса* к финно-угорской группе языков, которая дала начало балтийским и поволжским языкам.

Финалия *-ра* входит в состав именований *Сура, Мера*. Подтверждением в пользу неславянского происхождения названных топонимов служат уже имеющиеся сведения. Значение слова *Сура* находим в словаре М. Фасмера, который предполагает, что «Сура – марийское *Sur*, морд. э. *Suro, Sura*, морд. м. *Sura*. Название этой реки, возможно, иноязычного происхождения. Ср. суровый, сырой» [Фасмер, 3: 567]. *Мера* совпадает с названием коренного народа меря, так называемых поволжских финнов.

Компонент *-ба* встречается в названиях *Соньба, Саньба*. Есть в Ивановской области река с названием *Кобра*, но этот гидроним появился, вероятно, в результате мены звуков от *Корба* (семантику слова *корба* С.А. Мызников связывает с финским заимствованием со значением ‘рыба елец’).

Компонент *-иха* в названиях рек *Серзиха, Парньшиха, Шаболыха*, скорее всего, финно-угорского происхождения. Такой вывод можно сделать, основываясь на том, что гидронимические названия, как правило, относятся к языку дославянского населения, а в финно-угорском языке компонент *-иха* обладал значением «место». Напротив, многочисленную группу славянских по происхождению названий составляют топонимы Ивановской области на *-иха*: *Княгиниха, Кнутиха, Матвейиха, Сергеиха, Хохлиха, Жеребчиха* и др. В основном русские названия на *-иха* представляют собой отсубстантивные образования – формы женского рода к наименованиям лиц мужского пола или отапеллятивные прозвища

в старорусской антропонимии. По этому поводу Ю.С. Азарх отмечает, что «образования на *-иха* характерны для народно-разговорного языка» [Азарх, 1984: 16]. Представленные наименования сёл и деревень несомненно русского происхождения, но и в этой группе слов есть такие, происхождение которых неясно и требует дальнейшей проверки.

Более подробно следует сказать о гидрониме *Шаболыха*. Данное название содержит в своем составе компонент *-бол*, который принято относить к мерянскому языку. «Исследователи предлагают финно-угорские этимологии, соединяя его, с одной стороны, с венг. *falú* “деревня”, а с другой – с соответствиями финского слова *puoli* “сторона”. Следует обратить внимание также на мар. ямбал “верх, на” и морд. томбаль “место по ту сторону, другая сторона”» [Герд, Лебедев, 2001: 452].

Разгадка происхождения гидронимов на *-х*, как считают М.В. Горбаневский и В.Ю. Дукельский, ещё впереди. Названия на *-х* топонимисты обычно относят к неславянским. В Ивановской области западнее села Палех и речки Палешки течёт река *Люлех*, к востоку от Палеха протекает река *Лух*, а в неё впадает река *Ландех*. Есть на территории Ивановского края реки с названиями *Сезух*, *Тюлех*, *Таех*. Все указанные гидронимы обладают некоторыми характерными чертами, которые не позволяют однозначно относить их к мерянским. Ряд учёных, например В.А. Никонов, считает, что подобные названия были оставлены народом, жившем на этой земле до мерян.

Финно-угорская языковая общность считается одной из самых древних в Европе. С ней может сравниться только индоевропейская. Наследие финно-угорской общности своими корнями уходит глубоко в эпоху каменного века. Тысячелетиями финны прочно удерживали за собой некогда освоенные территории от Урала до Ботнического залива. О степени этой прочности можно судить по результатам изучения современной гидронимии: в ней явно и недвусмысленно заявляет о себе мощный финский пласт, усвоенный позже славяно-русским населением. Однако влияние финской культуры на культуру славян не было односторонним. Пришлые славяне легко усваивали местные названия рек, элементы духовной и материальной культуры, вместе с тем происходили поглощение и культурная ассимиляция финского населения.

На карте Ивановской области отмечается достаточно много топонимов мерянского (финно-угорского) происхождения. К сожалению,

небольшая по размеру статья ограничивает возможности автора дать более полное описание всех объектов, привести этимологические справки и разные точки зрения ученых.

Библиографический список

Азарх Ю.С. Словообразование и формообразование существительных в истории русского языка. – М.: Наука, 1984. – 247 с.

Очерки исторической географии: Северо-Запад России: Славяне и финны. / под ред. А.С.Герда и Г.С. Лебедева. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2001. – 512 с.

Мызников С.А. Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада: Этимологический и лингвогеографический анализ: дис. ... д-ра филол. наук. – СПб., 2004. – 539 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачёва. – Изд. 2-е, стереотип. – М.: Прогресс, 1986–1987.

Иванова Е.Н. (Вологда)

МИКРОТОПОНИМЫ РЕЖИ КАК ИСТОЧНИК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЙ ИНФОРМАЦИИ О РЕГИОНЕ*

Объектом историко-культурного исследования являются региональные микротопонимы. В статье даётся описание географических названий, являющихся источником сведений об истории заселения региона, о духовной и социально-экономической деятельности жителей.

Ключевые слова: микротопоним; вологодские говоры; языковая картина мира.

В работе предпринята попытка описать микротопонимическую подсистему говора в историко-культурном аспекте. Исследование в данной области предполагает выявление этнокультурного компонента значения имён собственных, описание микротопонимов в тесной связи с фактами истории региона. Материалом для исследования послужили записи микротопонимов Режского сельского поселения, сделанные в ходе диалектологических экспедиций под руководством Л.Ю. Зориной.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного гуманитарного фонда. Проект № 15-04-00205а «Режа и режаки: этнолингвистическое описание севернорусского идиома».

Режское поселение Сямженского района Вологодской области расположено по течению реки Режи, притока реки Ваги. Как отмечает Л.Ю. Зорина, в силу значительной удалённости деревень от административных центров, а также из-за отсутствия до 90-х годов XX века приемлемого транспортного сообщения «сельские жители обитали здесь практически в изоляции от центров культуры и поэтому сохраняли в своей речевой практике традиционные особенности местного говора» [Зорина, 2015: 9]. В 80-е – 90-е годы студентами и преподавателями ВГПИ (ВГПУ) здесь было записано свыше 200 микротопонимов.

Наличие в лексической системе говора большого числа микротопонимов говорит о важности обозначенных географических объектов для сельских жителей. Все микротопонимы Режи можно разделить две группы: названия географических объектов, созданных человеком, и названия объектов естественно-географического характера.

Микротопонимы первой группы представлены названиями пашенных и сенокосных угодий: *Берёзовки, Большой пласт, Долгуша, Доровины, Дуброва, Егоровы пенники, Лисицына пожня, Лодейки, Рябинник, Слуда, Собачёво* и т. д. Также отмечены названия пастбищ: *Зяблуха, Культурное, Низовые, Солодихино, Яшники*; частей населённых пунктов: *У Рассохинской лавы* (место встреч молодёжи у моста в д. Рассохино), *Тараканово* (часть д. Гридино), *Раменье* (часть д. Гридино), *Выползово* (часть д. Гридино); мест, расположенных вблизи населённых пунктов: *Розлука/Розлуки* (место близ д. Монастырская), *Заводы* (место близ д. Монастырская), *Запригорода* (место близ д. Монастырская).

Названия объектов естественно-географического характера представлены наименованиями небольших рек: *Кремлёвка, Комарица, Вытлевка, Ивашкивица, Крутая, Медведка, Пендуска, Рассоховка, Слуда, Берёзовка, Бороуха*; речных извилин: *Захоловины*. Многочисленны названия болот: *Великая чисть, Долгое болото, Илезское болото, Кикиморово болото, Комариное болото, Кошачье болото, Красное болото*. Также зафиксированы названия возвышенностей: *Середняя гора*; лесных массивов: *Худая дуброва, Хорошая дуброва*; участков леса: *Воротки, За Деяновым полем, За лостью*. С точки зрения наличия во внутренней форме историко-культурной информации о регионе более ценными представляются микротопонимы первой группы.

Географические названия Режи являются источником сведений об истории заселения региона. Часть микропонимов возникла на базе диалектизмов финно-угорского происхождения: *Сохра* (поле), *Пендуска* (река), *Пендуски* (покос), *Подзапендусье* (покос). В Словаре вологодских говоров зафиксированы апеллятивы *сохра* [СВГ, 10: 69], *пендус* [СВГ, 7: 23], являющиеся заимствованиями из финно-угорских языков, ср. вепс. *sohring* ‘заболоченное место’ [Теуш, 2001: 140], карел. *rainos* ‘болотистое место между двумя холмами’ [Фасмер, 3: 232].

Большинство изученных микропонимов – славянские образования. Как известно, древнейшие миграции славян на территорию края шли в двух направлениях – с запада (Новгородская республика) и с юга (Ростово-Суздальская земля). Система географических названий Режи испытала влияние со стороны ростово-суздальской топонимии. На территории Режского поселения зафиксированы микропонимы с формантом *-иха*: *Лобаниха* (поле), *Тимониha* (поле), *Богданиха* (поле), *Данилиха* (покос), *Согнутиха* (поле), *Истрониha* (покос), *Шкориха* (поле), *Боталиха* (местность за деревней), *Черногузиха* (местность на берегу реки). Топоформант *-иха* в говоре Режи является продуктивным. Как отмечает Ю.И. Чайкина, «топонимы с суффиксом *-иха* занесены колонизацией из центральных районов Московского государства» [Чайкина, 2004: 20].

По мнению Ю.И. Чайкиной, следы колонизации из Новгородской земли отражает топоформант *-щин(a)* [Чайкина, 2004: 21]. Топонимы с данным суффиксом распространены в западных районах Вологодской области. В исследуемом материале зафиксирован только один микропоним с формантом *-щин(a)*: *Филатовщина* (покос).

Микропонимы Режи отражают социальную историю региона, дают представление о хозяйственной деятельности жителей. На широкое распространение в Режи лесного и дегтярного промыслов указывают географические названия *Дектярня* (поле), *Лёвин бревенник* (покос) – *бревенник* ‘лесозаготовки’ [СГРС, 1: 144].

Однако основным занятием населения было земледелие. В микропонимии Режи частотны названия сенокосных и пашенных угодий, возникшие в результате онимизации терминов подсечно-огневого земледелия. На способ разработки земельного угодья указывают следующие наименования: *Евстропов*

пенник, Егоровы пенники, Ефремовы пенники, Софьины пенники (покосы) – *пенник* ‘поляна, небольшое ровное пространство среди леса на месте вырубки, которое может использоваться под пашню или для сенокосения’ [СВГ, 7: 24]; *Чистенье* (покос) – *чистка* ‘расчищенное от деревьев место в лесу, предназначенное для сенокоса’ [СВГ, 12: 46]; *Палевая/Паль* (покос) – *паль* ‘место среди леса, расчищенное под пашню, подсека’ [СВГ, 7: 4]; *Доровины* (покос) – *доровина* ‘участок земли, расчищенный из-под леса для пашни, покоса, пастбища’ [СГРС, 4: 178]; *Вытлевка/Вытлевки* (покос) – *вытлевка* ‘участок земли, расчищенный корчеванием, сжиганием пней’ [СГРС, 2: 287]; *Непрядь* (покос), ср. *непряды* ‘расчищенное для пашни место среди леса, подсека’ [СВГ, 5: 102]; *Новеди* (поле), ср. *новь* ‘расчищенное для пашни место среди леса, подсека’ [СВГ, 5: 110]; *Новочисть* (покос) – *новочисть* ‘расчищенное для пашни место среди леса, подсека’ [СВГ, 5: 110]; *Опалиха* (поле) – *опалиха* ‘место, на котором выкорчеван и сожжён лес под посевы’ [СВГ, 6: 57]. Многочисленность микротопонимов данной группы свидетельствует о том, что в Реже подсечно-огневое земледелие сохранялось длительный период (вероятно, до начала XX века). Это связано с изолированностью Режи, наличием свободных незаселённых земель.

Лингвистический анализ микротопонимов позволяет установить, какие ещё территории, кроме леса, были значимы для сельских жителей. Среди названий сенокосных участков частотны именованья по гидрографическим объектам: *Ивашковицы*, по р. Ивашковице; *Комарица/Комарицы*, по р. Комарице; *Крутой ручей*, на берегу Крутого ручья; *Студеная Шейга*, по р. Студеной Шейге. Именованья по рекам, озёрам, ручьям отличаются структурным разнообразием. В исследуемом материале зафиксировано большое количество географических названий, возникших в результате трансонимизации: *Слуда*, по р. Слуда; *Медведка/Медведки*, по р. Медведке; *Берёзовка/Берёзовки*, по р. Берёзовке; *Тёплая Шейга*, по р. Тёплой Шейге; онимизации апеллятива: *Верхотина/Верхотины* – *верхотина* ‘верховье реки’ [СВГ, 1: 33], *Речки*, *Озерко*; лексико-грамматической конденсации словосочетаний: *Заручевна*, *Зачерная*.

Среди агронимов преобладают наименования посессивного характера: *Богданиха*, *поле Маровичей*, *Филатовщина*, *Пономарёвская пожня*, *Федюнина поляна*. Отдельные микротопонимы

с точки зрения диалектоносителей являются немотивированными. Как правило, это однословные географические названия, которые имеют в своей структуре специализированные топонимические форманты *-ово/-ево, -ино* (*Колобово, Красавино, Кукуево, Сверчково, Быково*), *-иха* (*Лобаниха, Богданиха, Тимониха*), *-щина* (*Филатовщина*). В некоторых случаях информанты подтверждают связь именования с конкретным лицом: *Фотина полянка* (покос), *Ефремовы пенники* (покос), *Афонина пожня* (покос). Данные наименования по структуре являются словосочетаниями и реализуют значение личной принадлежности.

В состав таких именований могут включаться диалектные географические термины: *Бухарева пожня* – *пожня* ‘покос, луг’ [СВГ, 7: 122]; *Афонина полянка* – *полянка* ‘участок пахотной земли, находящейся в чьем-л. пользовании’ [СВГ, 7: 149]; *Виссарионова полянка* – *полянка* ‘участок пахотной земли, находящейся в чьем-л. пользовании’, ‘участок земли, отведённый кому-л. для сенокоса’ [СВГ, 7: 149]; *Анашкина полоса* – *полоса* ‘земельный надел’ [СВГ, 7: 142]; *Володина ляга* – *ляга* ‘низкое, сырое место; широкая впадина с отлогими краями, обычно заполненная водой’ [СВГ, 4: 61]; *Большой пласт Коровкинцей* – *пласт* ‘участок сенокоса на одного человека’ [СВГ, 7: 63]. Диалектные географические термины, входящие в состав названий земельных угодий, отражают специфические черты именуемых объектов.

В основе посессивных географических названий может лежать личное имя крестьянина, разрабатывавшего или возделывавшего земельный участок: *Пахин, Митина ляжка, Ехремова ляга, Федюнина Комарица, Виссарионова Комарица*; фамилия: *Бухарева пожня, Иванцева пожня, Лисицына пожня*; прозвище: *Чижихинская пожня, Ляжка Кулижонка*. Сельскохозяйственные угодья обычно являлись собственностью семьи, право на обработку земельного участка передавалось из поколения в поколение. Этим объясняется частотность микротопонимов, образованных от групповых прозвищ (именований потомков, восходящих к имёнам, фамилиям или прозвищам их предков): *Медведка воронят, Комарица Головят, Комарица Мишинят, Филят токовица, Тихонят токовица, Елисят полянка, Коровкинцев ляжка, Кулёмыши Коровкинцев, Филинцев ляжка*. Структурный анализ ономастического материала подтверждает вывод Н.В. Комлевой о продуктивности в Реже групповых прозвищ с формантами *-ят, -инц*. [Комлева, 2015: 197].

Некоторые сельскохозяйственные угодья крестьяне не делили на участки, оставляли в общем пользовании. На совместное использование сенокосных угодий указывают микротопонимы *Вовчая/Вончая полянка*, *Обиций пенник*. Таким образом, в микротопонимии отражаются социальные отношения северной деревни.

Исследование микротопонимов позволяет выявить особенности мировосприятия, психологии жителей Режи. Микротопонимия свидетельствует об образности, метафоричности мышления носителей режского говора: *Кошелёво* – покос (по форме похож на кошелёк), *Сахарница* – покос (с хорошей травой), *Черногузиха* – покос, *Вишвки* – покос (плохо растёт трава), *Федюхин хвост* – покос (по форме напоминает хвост), *Согнутиха* – покос.

Особое место в микротопонимической системе региона занимают событийные топонимы-словосочетания: *Трошкина смерть* – покос (*Трофим скосил чужую пожню, хозяин пожни засёк его до смерти прямо на пожне*); *Фаинкино плёсо* (*Там купалась девушка Фаина и чуть не утонула*); *Софьин тон* (*Там утонула девушка Софья*). Топонимические легенды, известные жителям Режи, основаны на связи с людьми, имеющими какое-либо отношение к географическому объекту. Как отмечает Е.В. Цветкова, легенды, объясняющие происхождение топонимов по первым поселенцам, а также людям, с которыми каким-либо образом связаны именуемые объекты, популярны и в Костромской области [Цветкова, 2014: 95].

Анализ микротопонимов Режи ещё раз убеждает в том, что географические имена собственные являются ценным источником сведений об истории заселения региона, о социально-экономической деятельности жителей. Микротопонимы способны эксплицировать информацию о ценностных параметрах локальной языковой картины мира. Таким образом, историко-культурный подход к изучению микротопонимов позволяет выявить новые стороны взаимосвязи языка, истории и культуры.

Библиографический список

Зорина Л.Ю. Описание говора Режского поселения Сямженского района в контексте изучения речевой культуры Вологодского края // Народная речь Вологодского края: между прошлым и будущим: моногр. / науч. ред. Ю.Н. Драчёва, Л.Ю. Зорина, Е.Н. Ильина. – Вологда: ВГУ: Легия, 2015. – С. 9–10.

Комлева Н.В. Отражение мировосприятия жителей Режи в их прозвищах // Севернорусские говоры. Вып. 14: межвуз. сб. / отв. ред. А.С. Герд, Е.В. Пурицкая. – СПб.: Нестор-История, 2015. – С. 186–201.

СВГ – Словарь вологодских говоров: в 12 вып. / под ред. Т.Г. Паникаровской, Л.Ю. Зориной. – Вологда, 1983–2007.

СГРС – Словарь говоров Русского Севера. – Т. 1–4 / под. ред. А.К. Матвеева. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001–2009.

Теуш О.А. Общий фонд географической терминологии в прибалтийско-финских, коми и русском языках // Известия Уральского государственного университета. – 2001. – № 20. – С. 135–141.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. – М.: Рус. яз.: Медиа, 2003.

Цветкова Е.В. Костромские топонимические легенды как источник сведений о топонимии и отражаемых ею реалиях // Язык и культура. – 2014. – № 3 (27). – С. 88–96.

Чайкина Ю.И. Из истории топонимии Вологодского края / Ю.И. Чайкина, Л.Н. Монзикова, Е.Н. Варникова. – Вологда: ВГПУ, 2004. – 112 с.

Картавенко В.С. (Смоленск)

ГОРОДСКИЕ ТОПОНИМЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ НАРОДА

Городские топонимы – это не только обозначения объектов, но прежде всего названия, представляющие исторические сведения, сохраняющие информацию о традициях, культуре народа, его мировоззрении.

Ключевые слова: *топоним; топонимия; русский народ; мировоззрение; русский язык; диалект.*

Топонимические материалы важны и ценны тем, что содержат разнообразные сведения о хозяйственной, социальной, политической, культурной жизни населения, о традициях и обычаях народа в разные исторические эпохи, воспитывают уважение и любовь к родному краю.

Изучение формирования и развития топонимии является далеко не простой задачей, так как топонимия тесно связана с географическими условиями, с историей развития края, с миграциями народов и рядом других важных причин. Данная задача вдвойне усложняется, если регион имел сложную историческую судьбу. Всё это в полной мере относится к Смоленскому краю, который, как сказочная птица Феникс (она изображена и на гербе Смоленска), много раз возрождался из пепла.

Смоленск – один из древнейших русских городов, известный по летописным источникам с 863 года, первое датированное

упоминание о нём в Устюжском (Архангелогородском) летописном своде. По свидетельству летописца, он был тогда «градъ великъ и многъ людьми». Название города объясняют по-разному, известно несколько версий, научных и околонучных, раскрывающих смысл названия. Традиционно название связывают со словом *смола* «липкий, твердеющий на воздухе сок хвойных и некоторых других растений». Смола и процесс смолокурения, которым занимались жители древнего города, послужили основой для наименования. Этимологический словарь русского языка М. Фасмера объясняет название следующим образом: «Согласно Погдину, назван так потому, что там смолили суда» [Фасмер, 3: 690]. В последнее время появилась новая версия, очень интересная и научно обоснованная. Академик О.Н. Трубочёв (следуя точке зрения смоленского историка XIX века С.П. Писарева, позже – топонимиста Б.А. Махотина) связывает название *Смоленск* с этническим названием живших когда на этой территории людей. «Похоже, что русская летописная традиция уже не застала смолян как особое племя; это следует из красноречивого сочетания летописного сообщения о племени кривичей, “город которых – Смоленск” (их же градъ есть Смоленськъ). И хотя высказывалось мнение, что часть кривичей впоследствии была переименована в смольнян по вновь возникшему Смоленскому княжеству, гораздо более вероятно обратное, – что смоляне постепенно растворились и целиком вошли в состав могущественных кривичей» [Трубочёв, 2005: 98].

Название племени *смоляне* академик О.Н. Трубочёв возводит к слову *смолить* в значении «медленно, постепенно жечь» (таким образом, *смоляне* – это люди, «выжигающие лес»), а слово *смола* он объясняет как «выжженное место в лесу». Следовательно, наименование племени *смоляне* ученый связывает не с добыванием смолы (как в предыдущей версии), а с той культурной стадией в истории земледелия, которая получила в науке название *подсечно-огневое земледелие*. «Но в имени смолян выражено не только отношение к лесу. В нём запечатлена, как я все же думаю, также обязательная связь с земледелием, ибо **smolene* – это, иными словами, славяне, отвоевывающие пашню у леса» [Трубочёв, 2005: 105].

Совокупность городских географических названий (топонимов, или урбанонимов) – социально-историческое, общественное, культурное явление, зависящее от тех причин и условий (политических, общественных, исторических, культурных), которые в определённый момент времени выступают в данном обществе как основные.

Самые первые топонимы города отразили в себе географическую специфику именуемой местности: характер рельефа (равнины, возвышенности, болотистые и низменные места), сведения о разнообразных водных объектах, данные о растительном и животном мире, о характере почв и т. д., ср., например: *Соборный Холм, Соборная Гора, улица Красный Ручей, улица Зеленый Ручей, улица Песочная* и др.

Следует заметить, что ни одно из названий не давалось людьми случайно, необдуманно, произвольно. Городские названия несут и сохраняют в себе память о древних занятиях населения, о промыслах, о системе хозяйствования. Когда-то в Смоленске была улица под названием *Резницкая*, жили там преимущественно резчики скота, по этой причине улица и получила своё название. Слобода *Доницина* была населена в древности донскими казаками, ведь город Смоленск был щитом для всего Русского государства, следовательно, вместе с жителями Смоленска службу на западных рубежах несли и выходцы из других краев, в данном случае – с Дона. Довольно многочисленным и сильным являлось поселение донских казаков, которое и было названо соответственно *Донициной*. Позже на месте поселения появились улицы: *Донская, Верхне-Донская, Средне-Донская, Нижне-Донская*.

Сведения о водно-волоковых путях дошли до нас из глубокой древности. В те далекие времена водно-волоковые пути были единственно возможными путями сообщения, поскольку сухопутные дороги были очень неудобными и опасными. Главные водно-волоковые пути проходили по рекам Волге и Днепру и их притокам, и соединяли они Балтийское море с Чёрным морем, Прибалтику со странами Востока и Юга. Чрезвычайно важными составляющими водно-волоковых путей являлись так называемые волоки – участки сухопутных путей между водоёмами (реками, озёрами), по которым перетаскивали суда из одного водоёма в другой.

Важными свидетельствами существования древнего волока на территории нынешнего города Смоленска были и остаются названия улиц *1-й Верхний Волок* и *2-й Верхний Волок*. В древности недалеко от города был крутой подъём от реки Днепра выше на равнину (сейчас место это находится в пределах городской черты) и далее к озеру, к которому тоже был небольшой волок, где лодки необходимо было «волочить» от Днепра, т. е. тащить на себе при помощи только людской силы или иногда с помощью некоторых простых приспособлений для волоченья. Память о древнем участке

волокового пути осталась запечатлённой в названиях современных улиц Смоленска. Прилагательное «*верхний*» свидетельствовало о том, что волок этот находился выше по течению Днепра. Но, таким образом, следует признать и существование и «*нижнего*» волока, который расположен был ниже по течению реки в противоположность «*верхнему*» [Картавенко, 2009: 67–70].

В конце XVIII века солдаты и офицеры Смоленского гарнизона селились в слободах, причём были известны две слободы: одна – *Солдатская*, а другая – *Офицерская*. Располагались эти слободы в разных частях города, были отдалены друг от друга на определённое расстояние. *Солдатская* слобода находилась на месте бывшего Краснинского (ещё раньше Мстиславльского) предместья. «Слобода тянулась от Киевского большака на западе до долины речки Чуриловка. Заканчивалась против Королевского бастиона. Заселяли слободу солдатские семьи, мещане, экономические крестьяне. В начале XX века северная её граница проходила по Большой Энгельгардтовской улице (ныне ул. Дзержинского), южная не доходила до Большой Краснинской улицы (ныне улица Николаева)» [Смоленск, 1994: 232]. *Офицерская* слобода, в которой жили офицеры, находилась в районе бывшей Большой Никольской улицы (нынешней улицы Энгельса).

Ни *Офицерская*, ни *Солдатская* слободы не сохранились до настоящего времени, но оставили о себе память в названиях иных городских объектов. Так, например, название бывшей *Солдатской* слободы сохранилось в названиях улиц *2-я Линия Красноармейской Слободы* и *3-я Линия Красноармейской Слободы* (в советские времена *Солдатская* слобода называлась *Красноармейской* слободой).

Развитие городских наименований города Смоленска происходило в сложных исторических условиях. Названия городских объектов испытывали влияние самых разных факторов, как лингвистических, так и экстралингвистических: политических, общественных, культурных. Городские топонимы различны по времени своего появления: продолжают существовать древние названия, а параллельно с ними живут названия, появившиеся недавно.

Большое влияние на названия оказывают исторические события, городские объекты переименовываются, получают другие названия, иногда иноязычные. Приведём пример. Первые смоленские князья предпочитали селиться на левом берегу Днепра по направлению к западу, поэтому первоначально эту местность называли *Княжеской местностью*. Но в те времена, когда Смоленский

край был в составе Речи Посполитой, а именно в литовскую эпоху в Смоленске (1404–1514 гг.) *Княжескую местность* переименовывают в *Форштадт*. А ещё позже, во времена польского владычества, её называют *Място* (место, город). В словаре М. Фасмера приведено польское *miasto* в значении «город» [Фасмер, 2: 607–608.]. У В.И. Даля слово *место* дано со значением «посад, селенье в виде городка, города» [Даль, 2: 369]. Правда, следует заметить, что во время литовского владычества на Смоленской земле не возникло большого количества названий, скорее, подобные названия были единичными. Так, например, в Смоленске возник и некоторое время был известен *Литовский гостиный двор*.

Еще с конца XII – начала XIII века Смоленск являлся крупнейшим центром русского зодчества. В то время в городе возводились храмы и монастыри, восхищавшие всех дивной красотой.

Названия улиц стали определяться названиями церквей, так как церкви всегда были важными ориентирами в городе, ср.: ул. *Воскресенская* (по церкви *Воскресения Господня*), ул. *Казанская* (церковь *Пресвятой Богородицы Казанской*), ул. *Ильинская* (церковь *пророка Ильи*), улица *Покровская* (церковь *Покрова Пресвятой Богородицы*), ул. *Никольская* (церковь *святителя Николая*), ул. *Георгиевская* (*Егорьевская*) (церковь *святого Георгия Победоносца*) и т. д.

Новый период в процессе наименования (и переименования) улиц начался с 1917 года. Процессу переименования подвергались названия, не соответствовавшие постановлениям правящей партии. Прежде всего это были названия городских объектов, которые отразили связь с событиями, явлениями религиозного характера.

В городской топонимии (урбанонимии) города Смоленска искусственная номинация проявилась в названиях улиц, переулков, проспектов, площадей. Все улицы, связанные с религиозными понятиями, были переименованы. Так, в Смоленске с 1917 по 1991 год были переименованы те улицы, в названиях которых нашла отражение религиозная тематика: *улица Большая Благовещенская* стала *улицей Большой Советской*, ул. *Ильинская* – ул. *Октябрьской революции*, ул. *Нижняя Ильинская* – ул. *Реввоенсовета*, ул. *Никольская* – ул. *Тухачевского*, ул. *Казанская* – ул. *Бакунина* и т. д.

Помимо официальных топонимов существуют топонимы, которые можно назвать полуофициальными. Эти названия нигде не зафиксированы, но их знают все жители города, они часто используются в устной речи: *Киселёвка*, *Кловка*, *Покровка*, *Поповка*, *Рачевка*, *Реадовка*, *Садки*, *Ситники*, *Смядынь* и др.

Одно из самых известных полуофициальных названий – *Покровка*. *Покровская гора* упоминается в письменных памятниках с XV века. На горе был выстроен храм *Покрова Пресвятой Богородицы*, поэтому она и получила название *Покровская гора*. Позже по имени горы одна из прилегающих улиц получила название *Покровской горы* (в советское время была переименована в улицу *Фрунзе*). Затем *Покровкой* стали называть целый район города. В настоящее время название остаётся употребительным в устной речи смолян.

Неофициальными топонимами являются названия улиц, площадей, других городских объектов, это названия, не зафиксированные никакими официальными документами, бытующие в устной речи в определенных социальных группах, чаще – в молодежных, ср: *Дом со львами* – дом № 5 по улице Коммунистической, в котором перед главным входом установлены скульптуры львов; *Тропа Хошимина* (или *Шаолия*) – труднопроходимая тропа, а также улица Войкова, выложенные булыжником; *Физы* – Смоленская государственная академия физической культуры, спорта и туризма; *Яшка* – *Ya-cafe*, или *Я-кафе*, и др.

Имеются общеизвестные неофициальные названия у строений, домов. Так, много лет магазин «Исай» был известен как *Магазин под часами*, жилой дом № 9 по улице Нормандия – Неман благодаря своей протяжённости получил название *Великая Китайская стена*.

Кроме материальной оболочки, каждый топоним (в нашем случае – городской топоним) несёт в себе духовное начало, нравственное, эстетическое содержание. Известно мнение, что по языковой картине мира можно изучать национальную. Но топонимическая картина мира является частью языковой, следовательно, топонимы раскрывают культурологические, духовные, общечеловеческие проблемы.

Библиографический список

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: Рус. яз., 1989–1991.

Картавенко В.С. Топонимия и культура речи // Русская словесность. – 2009. – № 2. – С. 67–70.

Смоленск. Краткая энциклопедия. – Смоленск: Траст-имаком, 1994. – 576 с.

Трубачёв О.Н. В поисках единства: взгляд филолога на проблему истоков Руси. – 3-е изд., доп. – М.: Наука, 2005. – 286 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. – 2-е изд., стер. – М.: Прогресс, 1986–1987.

ОТ ЛИЧНОГО ИМЕНИ К ПРОЗВИЩУ (НЕОФИЦИАЛЬНАЯ АНТРОПОНИМИЯ РЕЖИ)*

В статье анализируются деминутивные формы личных имён жителей Режского сельского поселения Сямженского района Вологодской области, близкие в структурно-семантическом отношении к индивидуальным прозвищам. Различные стратегии прозвищной номинации задают свой ценностный регистр в системе социально значимых параметров идентификации личности.

Ключевые слова: прозвище; личное имя; диалектный социум.

В диалектном языковом пространстве Режского сельского поселения Сямженского района Вологодской области функционируют прозвищные номинации, являющиеся средством идентификации в рамках диалектного сообщества либо отдельной личности – индивидуальные прозвища (*Долбило, Кривоножка, Пулемёт, Кино, Афиша, Стогодовик* и др.); либо группы лиц – членов одной семьи, рода – релятивные прозвища, уличные фамилии (*Евграшонок, Кирилёнок, Борисята, Ванчелята, Горшонок, Волчата* и др.); либо жителей отдельных населённых пунктов – коллективные прозвища (*коробицынцы-брюханы, рассохинцы-зубоскалы, гридинцы-живорезы*) [КСРГ].

Каждая стратегия прозвищной номинации задаёт свой ценностный регистр в системе социально значимых параметров идентификации личности. Через выражение отношения к конкретному человеку прозвища отражают и мировосприятие, присущее данному языковому коллективу в целом. Изучение неофициальной диалектной антропонимии, безусловно, позволяет выявить мировоззренческие составляющие социума, такие, например, как творческое и ироничное восприятие себя самого и окружающих людей.

Индивидуальные прозвища выделяют одного конкретного человека среди односельчан и характеризуют его по каким-либо заметным для всех особенностям внешности или поведения. К этим прозвищам в диалектном языковом континууме оказываются близки деминутивы и гипокористики личного имени, образованные по особым словообразовательным моделям, нетипичным для городской среды.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 15-04-00205а «Режа и режаки: этнолингвистическое описание севернорусского идиома».

Индивидуальные прозвища, образованные от полной формы личного официального имени человека, являются неофициальными антропонимами *внутрилингвистической* мотивации. Ведущим для появления неофициальных антропонимов интралингвистической мотивации является внутрилингвистическое основание, т. е. другие официальные и неофициальные антропонимы. Это всевозможные словообразовательные модификаты, деминутивы и гипокористики личных имен, отличающиеся от официальной формы имени не только в структурном отношении, но и с точки зрения наличия коннотативной окраски и различных социальных характеристик коммуникантов [Лисова, 2014: 227– 228].

В Режском поселении изначально функционировало небольшое количество фамилий и различать людей помогали прозвища. Зафиксированы прозвища, образованные от фамилии самого именуемого: *Кустик* < Кустов, *Черепанко* < Черепанов, *Фатиёнок* < Фатиев, *Фатиха* < Фатиева. Одно прозвище возникло от отчества: *Поляк* < Аполлинарьевич [КСРГ].

Большой интерес представляют деминутивные формы личных имен, отличающиеся от своих литературных общеизвестных аналогов специфическим набором именных формантов (выделены полужирным курсивом): *Ванчело* < Иван. *Грид.*; *Васеня* < Василий. *Грид.*; *Васюха* < Василий. *Грид.*; *Евграха* < Евграф. *Рассох.*; *Купринец* < Куприян. *Рассох.*; *Купря* < Куприян. *Рассох.*; *Лазулька* < Лазарь. *Грид.*; *Надежка* < Надежда. *Грид.*; *Окат* < Акакий. *Рассох.*; *Оляк* < Александр. *Грид.*; *Полонко* < Аполлинарий. *Грид.*; *Раха*, *Рашка* < Рафаил. *Грид.*; *Троха* < Трофим. *Грид.*; *Хамко* < Харлам (Харламий). *Грид.* [КСРГ].

Анализ этого небольшого списка имён позволяет выявить некоторые особенности, обусловленные диалектной адаптацией имён в севернорусских говорах: оканье (*Оляк* < *Александр*); потеря инициального безударного гласного (*Полонко* < *Аполлинарий*); одновременное или последовательное действие в именах нескольких процессов: оканье, дистактная прогрессивная диссимилиация согласных, выравнивание по типу мужских личных имён на *-ей* и осмысление именных формантов *-ей*; *-ий* (*Андрей*, *Василий*) как именных суффиксов, что приводило к возникновению усечённых форм полного имени: *Окат* < *Окатей* < *Акакий*.

Интересна деминутивная форма *Сиверко* < *Северьян* (*Грид.*), соотносимая с апеллятивом *сиверко* (холодный северный ветер), широко распространённым на территории вологодских говоров:

Не скажут северный ветер, а всё больше сиверко. Сямж. Монаст. Сиверко подуУ – скоро погода миняться стат. Не надо бы сиверката: сено ишишо не убрато. В-У. Пайк. Брр, сиверко сегодняя шибко дуёт. К-Г. Чуп. + В-У., Вож., Сок., Тот. [СВГ, 10: 3].

Как известно, в диалектной речи многие именные форманты лишены какой-либо коннотации, по сравнению с их употреблением в словах литературного языка. Отсутствие экспрессивной окраски у деминутивной формы имени в народной речи – явление, глубоко изученное в русской исторической антропонимике. А.Н. Мирославская, анализируя словообразовательную структуру русских календарных имён, говорит об употреблении двух разновидностей суффиксов: словообразующих суффиксов русского языка (т. е. суффиксов, которые в составе апеллятивной лексики образуют новые слова) и суффиксов субъективной оценки, которые, по мнению большинства лингвистов, являются не словообразующими, а формообразующими [Мирославская, 1971: 47].

Словообразующие суффиксы русского языка (типа *-ак, -ук, -юк, -ня, -уха* и под.), присоединяясь к основам календарных имён, позволяли воспринимать их как названия лиц и осмысленно употреблять в качестве имён, причём в данном случае производные формы календарных имён были лишены какой-либо экспрессивной окраски. Ю.С. Азарх, отмечая вторичность ономастического словообразовательного типа по отношению к апеллятивному с омонимичными суффиксами, подчеркивала особый характер ономастических формантов – их стремление к «семантическому нулю»: «...отсутствие у имени собственного лексического и словообразовательного значений способствует свободе сочетаемости ономастической основы, как отапеллятивного, так и неотапеллятивного происхождения со словообразующими формантами, которые в ономастике выступают прежде всего в структурной функции» [Азарх, 1984: 238–239].

Подтверждением того, что производные формы личных имён в говоре лишены какой-либо экспрессивной окраски, является широко представленная в режском говоре возможность образования релятивных антропонимов от деминутивов ближайших родственников: например, *Лазунькишна* (её отец *Лазунька* > Лазарь). Так называли строгого вида старушку, которая не терпела непопугливых [КСРГ].

Релятивное прозвище ещё одной жительницы Режи – *Окатиша* (от имени мужа *Окат* > *Акакий*). Во время бесед собиратель данного материала с *Лазунькишной* она поведала о старухе

Окатихе, которая после смерти мужа лишилась рассудка. Говоря о муже этой старушки, Лазунькишна называла его имя – *Окат* – и долго распространялась об этой семье, вообще о деревенской жизни, в частности о том, что её избу ещё *Окат* крыл. По окончании рассказа одна девушка-студентка, пребывавшая раньше в задумчивости, спросила собеседницу: «А как же всё-таки избу *окатом* кроют?» В ответ последовало недоуменное молчание. Молодежь не знает, что *Окат* – это собственное мужское имя. Но с этим *Окатом* не всё так просто. *Окат* – это индивидуальное прозвище жителя Режи, а не его официальное (по документу) личное имя: «Поп хотел его *Окатом* назвать, да родители отказались, дали другое имя, а всё равно *Окатом* прозывают». *Рассох*. [КСРГ].

Процесс возникновения индивидуального прозвища от формы личного имени начинается с появлением коннотации, когда антропоним не просто идентифицирует именуемого, а выражает какую-либо эмоцию или оценку в его адрес, ср.: *Машарыга* – «Ну! Поселили к Марье! Им Машарыга тожо наговорит!». *Грид*. [КСРГ]. Сниженная стилистическая окраска отличает и прозвище *Салазан* (парень по имени Александр, Саша). *Грид*. [КСРГ].

Таким образом, можно говорить о дифференциации структурных моделей деминутивных форм личных имён в литературном языке и в микросистеме говора. В большинстве случаев деминутивы от полной формы имени в режском говоре лишены коннотативной окраски; в тех случаях, когда контекст позволяет установить наличие экспрессии или оценки, статус такого деминутива изменяется – формируется другой вид неофициального антропонима – индивидуальное прозвище.

Библиографический список

Азарх Ю.С. Данные ономастики как источник исторической диалектологии (на материале русского именного словообразования) // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования: сб. науч. тр. – М.: Наука, 1984. – С. 221–242.

Лисова И.А. К проблеме классификации неофициальных антропонимов // Ономастика Поволжья: материалы XIV Междунар. Конф. (Тверь, 10–12 сент. 2014 г.) / под. ред. И.М. Ганжиной, В.И. Супруна. – Тверь: Изд-во Марины Батасовой: Альфа-Пресс, 2014. – С. 226–230.

Мирославская А.Н. Особенности словообразовательной структуры русских календарных личных имён // Ономастика Поволжья. Вып. 2. – Горький: Горьков. гос. ун-т им Н.И. Лобачевского, 1971. – С. 47–51.

КСРГ – Картотека словаря режского говора. Хранится на кафедре русского языка, журналистики и теории коммуникации Вологодского государственного университета (деревни *Грид*. – Гридино; *Рассох*. – Рассохино).

СВГ – Словарь вологодских говоров: в 12 вып. / под ред. Т.Г. Паникаровской, Л.Ю. Зориной. – Вологда: ВГПУ: Русь, 1983–2007.

Курс К.Ю. (Смоленск)

ИДИОСТИЛЬ ПОЭЗИИ М.В. ИСАКОВСКОГО (УРОВЕНЬ ЛИЧНЫХ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ)

В статье приводится фрагмент исследования идиостиля М.В. Исаковского на материале личных имён собственных. Вначале рассматриваются варианты определения термина «идиостиль» писателя/поэта. Подчёркивается, что главным является языковое мастерство, особенности употребления стилевых элементов. Анализируются формы личных имён (документальное имя, разговорная форма, усечённая форма), их количественный состав и роль в текстах поэта. Для каждой формы приводятся примеры из текстов.

Исследование позволяет сделать вывод о некоторых особенностях идиостиля М.В. Исаковского: создание нового типа героя; биографизм; многократное повторение ключевого онима в одном тексте, использование коннотативных онимов.

Ключевые слова: идиостиль, личное имя, М.В. Исаковский, документальное имя, разговорная форма, народная форма, усечённая форма.

М.В. Исаковский – «первый крупный поэт, выразивший взгляды миллионов крестьян, принявших, пусть с опаской и не сразу, социальные преобразования деревни. Довольно быстро он нашел тот язык, тот стиль, ту поэтику, которые дали ему возможность стать голосом этих миллионов» [Баевский, 2006: 13]. В статье мы представим фрагмент анализа идиостиля поэта на материале личных имён собственных.

Идиостиль определяется как «совокупность основных стилевых элементов, неизменно присутствующих в произведениях данного автора в определённый период его творчества или распространяющихся на всё его творчество в целом» [Ахманова, 1966: 455–456]; «языковое мастерство писателя, его индивидуальная манера письма» [ЛЭС, 1987: 422]; «совокупность речетекстовых характеристик отдельной языковой личности, формирующихся под воздействием всей экстралингвистической основы...» [Котурова,

2003: 95]. По мнению В.В. Виноградова, необходимо исследовать связь между автором и структурой создаваемого им текста как словесно-художественного целого, «стиль писателя создаёт и воспроизводит индивидуально-выразительные качества и соотношения вещей-образов, типические для творческой системы именно этого художника» [Виноградов, 1971: 211].

Одной из черт идиостиля М.В. Исаковского является биографизм, показ психологических особенностей личности советского человека, условий его жизни. Герою дается имя, определяется его место жительства, указывается социальное положение и профессия. Однако в это же время он не является «реальным» человеком. Скорее, это обобщенный образ, в котором происходит слияние «я» с «мы». Это новый человек; человек новой социалистической действительности, идущий по новому пути, движущийся к новым целям, любящий свою Родину.

Этот новый человек представлен целым рядом художественных образов, «от рядового из рядовых – колхозного сторожа и колхозной девчонки – до вождей революции» [Македонов, 1960: 21]. Мир новых людей, идущих по новому пути, передается особой системой имен собственных, с помощью которых создаются незабываемые образы новых людей: советской девушки (*Катюша, Татьяна*), жены солдата (*Прасковья*), крестьянина новой деревни (*Степан Тимофеевич*) и др.

Литературные критики подчеркивают роль имён в воспроизведении образов героев-тружеников. Так, изображая духовное возвышение своего героя, большую судьбу маленького человека, М.В. Исаковский намеренно «избирает для него самое обыкновенное имя, звание, положение, и тогда типическое ярче выступает в будничном, повседневном» [Поликанов, 1989: 94].

Приведём анализ структурной модели *имя* в творчестве М.В. Исаковского (в круглых скобках указаны страницы из [Исаковский, 1981]).

Национально-культурное своеобразие русского имени обусловлено тем, что в процессе долгого употребления оно приобретает различные формы и варианты, которые должны использоваться ситуативно и характеризовать человека в процессе коммуникации, что ярко отражается в художественных текстах. В поэзии М.В. Исаковского употребление разных форм личных имён является одним из средств создания художественного образа.

1. Документальное имя – это имя по паспорту, то есть официальная его форма [Петровский, 1966: 15], например: *Иван, Семен,*

Григорий, Кузьма, Еремей, Никита, Степан, Прасковья, Татьяна, Глеб. Такая форма стилистически нейтральна, может свидетельствовать об официальности и строгости предстоящей коммуникации. Обычно полным именем именуется взрослый человек. В деревенской среде использование полного имени в определенных ситуациях вызывает уважение к человеку.

Самые популярные полные имена у Исаковского – *Иван* (6), *Никита* (11), *Степан* (39). Имя *Иван*, самое популярное в дореволюционной России, также поддерживается в форме отчества *Ивановна* и уменьшительными формами *Ваня, Ванюша*.

И приходят к нему по делу
Все такие ж, как он, голыши,
У *Ивана* же – пять наделов,
А семья-то – четыре души.

Раздумье, 1925 (81)

Наталья не слышит,
Ивановне, видно, не хочется
Идти на свидание в зелёную рожь.

Четыре желания, 1928–1935 (231)

Иван – имя-символ, обозначающий русского человека, простого мужика, самостоятельного человека, хозяина [Отин, 2006: 166–167]. Следует отметить, что популярность имен *Степан* и *Никита* относительна. Первое употребляется только в двух, а второе в одном стихотворении соответственно, поэтому их высокая частотность не свидетельствует о такой широкой известности:

Про что вам сегодня расскажет,
о чём прочитает *Степан*.

Четыре желания, 1928–1935 (234)

У меня, попа *Никиты*,
Нет заботы никакой.

Царь, поп и мельник
(старинная народная сказка), 1935 (220)

2. Народная форма – это та производная форма от документального имени, которая образуется в живой народной речи, в ней же бытует и может приобретать документальный характер [Петровский, 1966: 15]. Народными формами Исаковский не пользуется. Однако есть своеобразный прием поэта-песенника – народной

становиться особая составная форма (уменьшительное имя и документальное) *Коля-Николай*:

Что же, *Коля-Николай*,
Сделал ты с Катюшей?!

Провожанье, 1936 (257)

3. Разговорная форма – производная от того же документального имени и также бытующая в разговорной речи: *Данила, Ерема, Настасья*. Эти формы тоже могут становиться документальными, так как происходит упрощение имени для удобства произношения, быстроты называния [Петровский, 1966: 15].

Определенный биографизм в именах свойственен и М.В. Исаковскому, хотя в большей степени он проявляется в топонимах. Так, в частности, Исаковский обыгрывает свое имя и отчество.

Губы – словно вишенка,
Вся – как цветик аленький.
Говорила: «*Мишенька*»,
Называла: «маленький».

Песенка, 1927 (121)

Как мы уже отметили, для М.В. Исаковского характерно большое количество повторов имени в одном стихотворении, что является особенностью идиостиля поэта. Имя *Настасья* употребляет-ся 16 раз в одноименном стихотворении, *Степан Алексеич* – 5 раз, *Степан Тимофеевич* – 13.

Расскажи ж, *Настасья*, про свою недолю,
Расскажи, *Настасья*, про свою тоску, –
Сколько раз, *Настасья*, ты наелась вволю,
Сколько раз смеялась на своем веку.

Настасья, 1935 (247)

В разговорной речи часто употребляются производные усечённые уменьшительные (гипокористические) формы имён, которые образованы обычно от основы документального имени или других полных форм (народной, разговорной) путём усечения или аффиксации. Использование такой формы даёт возможность воспринимать персонаж не как официальное лицо, а как простого человека из народа. Естественно, имя позволяет передать близость читателя и персонажа.

Основываясь на материалах словарей русских личных имён, в основном Н.А. Петровского (1966), А.Н. Тихонова и др. (1995), А.В. Суперанской (2010), выделим следующие две модели образования усеченных форм имён.

Бессуффиксная усечённая форма, которая носит разговорный характер и не выражает ярких коннотаций. Используется обычно в бытовой коммуникации: *Миша, Катя, Ваня, Настя*.

Дом у *Вани* с железною крышей,
Сапоги у него под лак.
А за что же любить мне *Мишу*,
Если, *Миша* простой батрак?

Раздумье, 1925 (81)

Суффиксальная усечённая форма имени, в которой добавленные суффиксы выражают оценку (уменьшительно-ласкательную, пренебрежительную и др.): *Любушка, Алешка, Ванька, Ванюша, Катюша, Маруся, Мишенька, Настенька, Наташенька, Танюша*.

Понапрасну *Любушке* ребята
Про любовь, про чувства говорят.

Любушка, 1935 (249)

Изменение формы имени может выражать изменение отношения к герою. Так, герой *Ерема* (коннотация имени – неудачник, простофиля, человек, не приспособленный к жизни [Отин, 2006: 153]), встретившийся в Москве с Калининым как делегат, становится на селе уважаемым человеком, которого называют полным именем *Еремей*:

Вечером *Ерему*-делегата
На вокзал увез автомобиль.
<...>
Заскрипели по морозу сани,
Зачастил проселком пешеход.
Это шли и ехали крестьяне
К *Еремею*, как на сельский сход.

Ерема-делегат, 1923 (326)

Несомненно, изучение идиостиля поэта подразумевает глубокое исследование языка его произведений на всех уровнях. Однако некоторые отличительные особенности идиостиля

проявляются на уровне имён собственных, в частности, антропонимов, которые несут на себе основную смысловую нагрузку стихотворения.

Библиографический список

- Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. – М.: Сов. энцикл., 1966. – 608 с.
- Баевский В.С.* Смоленская поэтическая школа в портретах. – Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2006. – 136 с.
- Виноградов В.В.* О теории художественной речи. – М.: Высш. шк., 1971. – 240 с.
- Исаковский М.В.* Собр. соч. В 5 т. Т. 1. – М.: Худож. лит., 1981. – 431 с.
- Которова М.П.* Идиостиль (индивидуальный стиль, идиолект) // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / ред. М.Н. Кожина. – М.: Флинта, 2003. – С. 95–99.
- ЛЭС – Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В.М. Кожевникова, П. А. Николаева. – М.: Сов. энцикл., 1987. – 752 с.
- Македонов А.В.* Очерки советской поэзии. – Смоленск: Смолен. рабочий, 1960. – 243 с.
- Отин Е.С.* Словарь коннотативных собственных имён. – М.: А Темп, 2006. – 440 с.
- Петровский Н.А.* Словарь русских личных имён. – М.: Сов. энцикл., 1966. – 384 с.
- Поликанов А.А.* М. Исаковский. – М.: Просвещение, 1989. – 121 с.
- Суперанская А.В.* Словарь народных форм русских имён. – М.: Либроком, 2010. – 368 с.
- Тихонов А.Н.* Словарь русских личных имён / А.Н. Тихонов, Л.З. Бояринова, А.Г. Рыжкова. – М.: Школа-Пресс, 1995. – 736 с.

Кюршунова И.А., Черняков О.В. (Петрозаводск)

БАЗА ДАННЫХ ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ АНТРОПОНИМИИ КАК ОНОМАСТИЧЕСКИЙ ТЕЗАУРУС*

В статье представлена возможность использования компьютерных технологий как особого способа представления антропонимического материала. Обозначены параметры составления антропонимической базы данных, которые позволяют повысить эффективность ономастических, этнолингвистических и прочих гуманитарных исследований, а также разработать новые методы научного и прикладного исследования материалов по исторической антропонимии.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках проектной части государственного задания в сфере научной деятельности, № 33.1162.2014/К.

Ключевые слова: ономастическая историческая лексикография; антропонимическая карточка; информативная ценность антропонимической базы данных; этнолингвистика; когнитология.

Описание региональных антропонимических систем – одна из актуальных проблем исторической ономастики, поскольку при исследовании местных антропонимиконов складывается представление не только об особенностях именования лиц в определенное историческое время на определенной территории, но и обо всей общерусской системе наречения и её изменении от века к веку в целом.

Как следствие, перед исследователями встаёт проблема привлечения памятников письменности, насыщенных антропонимическим материалом. И далее – необходимость упорядочения собранных материалов, определение паспорта каждой антропонимической единицы и набора паспортных параметров. В результате создаётся ономастикон, объём которого обусловлен различными критериями: количество привлеченных памятников, их жанровые особенности, особенности словника, состав дополнительных параметров (география, время фиксации и под.). Безусловно, он удобен, если ставится цель собрать антропонимические единицы (или все онимы), отмеченные в определённом письменном источнике. Если же источников много и они отличаются жанровым разнообразием, географией и временем фиксации именований лиц, если из архивных хранилищ извлекаются новые документы, то ономастикон увеличивается до невероятных размеров. В результате исследователь сталкивается с проблемами корректного и полного представления фактов, выявления статистических показателей с последующей их интерпретацией, не говоря о возможности публикации необходимого фактологического материала на бумажном носителе. В этом случае такая работа может быть проведена с привлечением компьютерных технологий.

В данной статье представлен опыт работы авторов по использованию новых методов обработки и систематизации антропонимических материалов, который был апробирован при составлении электронной базы данных «Историческая антропонимия Карелии по документам XVI–XVII вв. (по материалам Олонецкого погоста)».

Создание базы данных по исторической антропонимии Карелии XVI–XVII вв. проходило в несколько этапов: 1) определение

наиболее подходящих программных приложений для хранения информации; 2) отбор региональных официально-деловых документов XV–XVII вв.; 3) разработка параметров для антропони-мической базы данных, а именно – антропони-мической карточки, включающей информацию, позволяющую описать систему имено-ваний лиц в статике и динамике; 4) фиксация и обработка антропо-нимического материала в базе данных по выбранным для анализа параметрам. Рассмотрим выделенные этапы.

Для составления базы данных использовалось лицензионное кросс-платформенное приложение FileMakerPro, которое позволяет организовать хранение большого количества информации, помогает удобно упорядочить данные и эффективно управлять ими сорти-ровать, делать подсчеты, выборки с помощью встроенной многоу-ровневой системы поиска и отбора. Возможно привлечение любых других программ, которые позволяют формализовать материал через его представление в таблице, но FileMakerPro удобен в том отношении, что помимо табличного представления материала имеет вариант представления через специально разработанную антропо-нимическую карточку, в которой количество параметров описания (= полей) можно определить в соответствии с исследовательскими задачами. Кроме того, используемое приложение позволяет также экспортировать данные, в частности, в Excel, DBF, HTMLTable, XML или табулированный текст и импортировать их обратно в FileMakerPro. Особенностью приложения является то, что в про-цессе работы с карточками можно «на лету» вводить и переимено-вывать поля, редактировать выпадающие списки, менять их оче-редность и нумерацию. Это чрезвычайно важно для создания баз данных на основе массовых источников XV–XVII вв., поскольку исследователь, начиная работать с поистине необъятным материа-лом, не может представить себе исчерпывающий перечень вариаций и казусов.

База данных составлялась на основе опубликованных и под-готовленных к печати массовых источников официального дело-производства по Карелии XV–XVII вв. (Вслед за С.С. Волковым и С.Н. Смольниковым, делим делопроизводственные документы на источники официально-делового и частно-делового характе-ра [Волков, 1974; Смольников, 2005].) Это документы офици-ально-делового характера, представляющие описания Олонецко-го погоста в составе писцовых книг Обонежской пятины 1563 г. [ПКОП], 1582/1583 гг. [ПКЗО], 1616–1619 гг. [ПКЗП, 1; ПКЗП, 2].

Содержащиеся в них антропонимы в сравнении с подобными материалами из частно-деловых актов легче формализовать. (Вопрос о привлечении антропонимов, зафиксированных в купчих, духовных, поручных и под., остаётся открытым. Для документов подобного рода нужна база данных, разработанная по иным параметрам.)

Из перечисленных документов методом сплошной выборки были извлечены именованья жителей Олонецкого погоста – 6 380 антропонимических единиц (антропонимическая единица – это любая номинация лица, в данном случае это некалендарное личное имя, календарное личное имя, прозвище, патроним, фамильное прозвание, андроним). Каждая единица описана в базе данных через набор параметров специально разработанной антропонимической карточки (см. образец на рис.).

Как видим, на карточке с помощью цветового маркёра выделяются три зоны, включающие различное количество полей разной величины, некоторые поля имеют раскрывающиеся списки.

Историко-географическая зона включает «паспортную» информацию лексикографического характера, которая используется в большинстве словарей по антропонимии и обозначена полями: заголовочное слово, иллюстрация, статус именуемого, география фиксации именованья, источники и хронология. Выделены поля для данных, если антропонимическая единица зафиксирована в составе географического названия (деревня, починок, пустошь и др.).

В лингвокультурологической зоне содержатся поля со сведениями об этимологии имени, мотиве номинации. При этом объём информации об этимологии и мотиве именованья у разных антропонимических единиц не одинаков. Так, при календарных личных именах указывается язык заимствования, значение основы в языке-источнике и прочие данные, которые имеются на сегодняшний день в общепризнанных работах отечественных ономастов (Н.А. Петровского, А.В. Суперанской, В.А. Никонова и др.). Мотив именованья у календарных имён обусловлен церковными традициями и обозначается фразой: «в соответствии с церковными традициями». У некалендарных имён основа может иметь славянские (*Ждан, Первушка, Подосенко*) или неславянские корни (финноугорские – *Лулак, Кюрша*; тюркские – *Казаринко, Ташлычко, Шевелко*). Мотив именованья у таких антропонимов определяется по семантике основы. У прозвищ он изложен более обстоятельно, однако при множественной мотивации возможно сокращённое, схематичное представление.

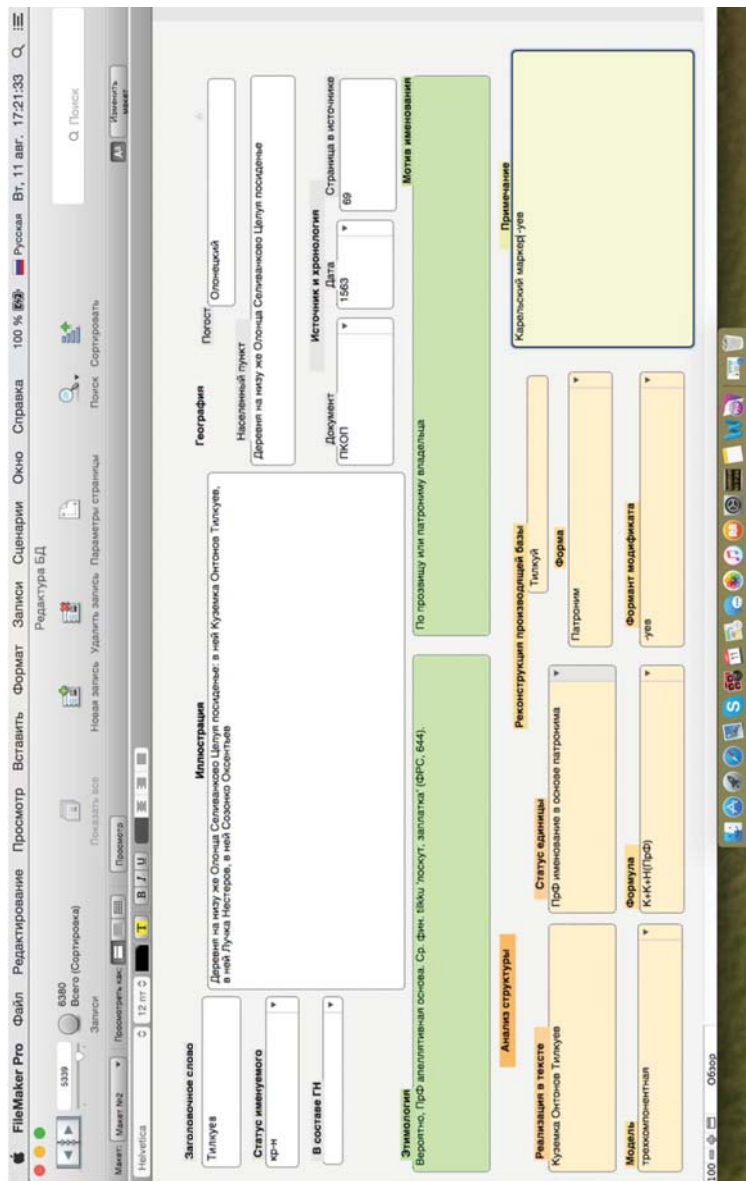

Рис. Антропонимическая карточка

У прочих антропонимических единиц (патронимов, андронимов, а также ойконимов) этимология и мотив именования даются редуцировано: указывается только антропоним, к которому они исторически восходят. Мотив именования определяется через определение родственных отношений: *поп Тимофей Елисейев (сын)* или *вдова Матрунка Гришина (дочь)** – «именование по отцу», *вдова Моланья Короткого жена* «именование по мужу» и под.; у ойконимов – «по имени или патрониму владельца» (*дер. на Туломе ж озере Федково*), «по имени и патрониму владельца» (*дер. Сенки Левонтьева*). Если информация об этимологии и мотиве именования не может быть установлена, даётся комментарий «не ясна» об этимологии и, соответственно, о мотиве именования – «не ясен».

Ономастическая зона связана с предварительной обработкой антропонимического материала. В зоне представлены поля, содержащие следующие сведения: анализ структуры именования в целом и определённой единицы номинации в частности, определены модели и формулы именования лиц, реализованные в текстах документов, рассматривается статус каждой антропонимической единицы, форма, в которой она употреблена, и формант, с помощью которого эта форма образована.

Лингвокультурологическая и ономастическая зоны взаимосвязаны. Если обратиться к поиску именований лиц, структура которых построена по формуле Н + К (некалендарное имя + патроним от календарного имени), расположенных в ономастической зоне, то материалы, представленные в лингвокультурологической зоне, позволят определить, какие мотивы номинации новорождённого были наиболее значимы для исследуемой территории.

Дополнительно выделена зона примечаний, которая может содержать разноплановую информацию, например, о фиксации одного и того же лица в документах разных лет, о распространении именования по территории Руси и на более широком славянском ареале, материалы по истории определённого имени в ономастической, лексикографической литературе и т. д.

Таким образом, разрабатываемая база данных по исторической антропонимии Карелии – это своеобразный ономастикон-тезаурус, рабочая область создания электронного ономастического словаря полного типа.

* Идентификаторы, представленные в скобках, могут отсутствовать.

Материалы, представленные в базе данных, – это фактологическая основа различных научных изысканий по исторической ономастике, русской исторической лексикологии, словообразованию, диалектологии, лингвогеографии, лингвистическому источниковедению, этнолингвистике, межкультурной коммуникации, исторической лексикографии, это отправной пункт создания разного рода словарей и т. д.

На наш взгляд, имеется и практическая область применения разработанной базы данных. Её можно использовать как образец для создания подобных систематизированных структур по другим регионам Карелии и России в целом. К обработке антропонимических материалов, отмеченных в письменных источниках, возможно привлечение студентов и аспирантов, занимающихся проблемами исторической антропонимии, что позволяет не допустить отрыв науки от образования.

Библиографический список

Волков С.С. Лексика русских челобитных XVII века / науч. ред. Н.А. Мещерский. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1974. – 164 с.

ПКОП – Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. / подгот. к печ. А.М. Андрияшев; под ред. М.Н. Покровского. –Л.: Изд-во АН СССР, 1930. – С. 57–75.

ПКЗО – Писцовая книга Заонежской половины Обонежской пятины 1582/83 гг. // История Карелии XVI–XVII вв. в документах = Asiakirjoja Karjalan Historiasta 1500- ja 1600-luvuilta. Ч. 3. / подгот. к печ. и ред. И.А. Черняковой, К. Катаяла. – Петрозаводск; Йоэнсуу, 1993. – С. 35–73.

ПКЗП, 1 – Писцовая книга Заонежских погостов Обонежской пятины П. Воейкова и дьяка И. Льговского 1616–1619 гг.: поместные и митрополичьи земли [Макет] / [ред. И.А. Чернякова; сост.: Е. . Сулова и др.]. – Петрозаводск, 2016. – Л. 3–68.

ПКЗП, 2 – Писцовая книга Заонежских погостов Обонежской пятины П. Воейкова и дьяка И. Льговского 1616–1619 гг.: дворцовые земли [Макет] / [ред. И.А. Чернякова; сост.: Е.Д. Сулова и др.]. – Петрозаводск, 2016. – Л. 1–120.

Смольников С.Н. Функциональные аспекты исторической антропонимии (на материале деловой письменности Русского Севера XVI–XVII веков): дис. ... докт. филол. наук. – СПб., 2005. – 425 с.

Лисова И.А. (Санкт-Петербург)

**БИОНИМНОЕ ПРОСТРАНСТВО ПРОИЗВЕДЕНИЙ
Р.М. АМУСИНОЙ В КОНТЕКСТЕ НОМИНАТИВНЫХ
ТРАДИЦИЙ ВИТЕБЩИНЫ**

В статье проводится анализ доминирующих типов бионимной лексики произведений Р.М. Амусиной, выявляется их взаимосвязь с современными номинативными тенденциями на территории Витебщины, где родилась и воспитывалась писательница.

Ключевые слова: бионим; бионимное пространство; антропоним; зооним; мифоним; теоним; прозвище.

Формирование языковой личности происходит в рамках того лингвокультурного пространства, где социализируется человек. «Любая языковая личность обладает собственным знанием языка и особенностями его использования... в ее структуре присутствует национальная инвариантная часть, определяющая существование общенационального языкового типа и детерминирующая принадлежность индивида к тому или иному лингвокультурному сообществу» [Денисламова, 2013]. Именно поэтому исследование способов номинации в конкретном регионе должно включать в себя анализ взаимосвязей социокультурных реалий и имён, актуализирующихся в речи из уже имеющегося набора либо создающихся заново, окказиональных. Наряду с этим современная оноματοлогия не может обойти вниманием такой фактор, как создавшиеся условия глобализации, влияющие на снижение этнических маркёров в лексическом составе обиходной речи и активности использования наднациональных лексических средств. Причём отличительным признаком состава региональных номинативных систем, помимо окказиональных единиц, становится и степень задействованности тех или иных широко функционирующих онимов. В первую очередь это касается динамично обновляющихся секторов онимных пространств отдельных языковых сообществ, таких как имена, обусловленные разными коммуникативными ситуациями, а также специально не фиксируемые или фиксируемые в редких случаях (неофициальные антропонимы и топонимы, зоонимы и т. п.).

Под термином «бионим» мы вслед за В.И. Супруном понимаем имя собственное живого объекта [Супрун, 2011: 136]. Фронтальные исследования бионимов редки из-за объёмности регионального материала, а также отсутствия единых координационных

векторов, по которым должны изучаться такие типы онимов, как антропонимы, зоонимы и фитонимы, мифонимы и теонимы, в том числе и их разряды. Слабо обозначены также границы бионимного пространства.

Исходя из вышесказанного, наиболее актуальным представляется изучение бионимного пространства, элементы которого задействованы в речи представителей конкретного региона, в связи с бионимами произведений авторов, социализировавшихся в данной среде.

Целью нашей работы является определение особенностей бионимного пространства, задействованного в произведениях Р.М. Амусиной, и выявление их корреляции с типами бионимов, использующимися жителями Белорусского Поозерья в разных коммуникативных ситуациях. Розалия Михайловна Амусина (1918–1972) – советская детская писательница-фантаст, поэтесса, сценарист, родившаяся и проживавшая в раннем возрасте в Витебске. Имя писательницы включено в книгу памяти «Мартиролог евреев Витебска».

Материалом исследования послужили неофициальные антропонимы жителей Витебской области: зафиксированы 326 неповторяющихся модификатов мужских имён и 591 – женских, также было выявлено 219 прозвищных номинаций (антропонимов, не связанных словообразовательными отношениями с официальным именем респондента). Из текстов произведений «Волшебные бутылки», «Круглая корзинка», «Приключения зонтика» Р.М. Амусиной путём сплошной выборки в базу для работы внесено 111 неповторяющихся бионимов. При обработке эмпирического материала использовались дескриптивный, структурно-семантический, сопоставительный методы, а также элементы фреквентативного анализа.

Ядро бионимного пространства текстов Р.М. Амусиной представлено антропонимами (87,4 %), большинство из них – дериваты (подобное соотношение обусловлено тем, что произведения написаны для детей), что дает нам возможность сравнить их состав с неофициальными антропонимами, использующимися в речи витеблян, и сделать вывод об их коммуникативной направленности и сохранении/разрушении способов неофициальной номинации.

Фамилии задействованы в произведениях Р.М. Амусиной меньше, нежели модификаты имён. Автор привлекает реальные фамилии («Почему?» – *отбивался от него ладошками Снегирёв*)

и вымышленные, мотивированные особенностями профессии именуемых (*Это, ребятаки, знаменитый профессор Колбочкин; Ой, кто это? Да это же комик Улыбашкин!*). Зафиксированы также прецедентные имена, вводимые моделью «полное имя + фамилия» (*Аркадий Райкин перескочил во вторую программу и превратился в Олега Попова*).

Двучленная формула номинации «модификат + фамилия» является в текстах способом презентации героя, например: *«И мне кусочек...» – вбежал из прихожей запыхавшийся Севка Сыроежкин*. Стоит отметить, что на избранную презентативную модель именованья может влиять национальная принадлежность писательницы. В ранее исследованных нами произведениях и опубликованных дневниковых записях Д.Г. Симановича данный способ номинации является ведущим (*Валя Тарас, Миша Рывкин, Толя Конопелько*) [Лисова, 2012].

В речи жителей Витебщины эта форма именованья в репрезентативной функции используется редко (около 5 %), как правило люди представляются гипокористической формой (*Саня, Ира*). Фамилии чаще всего модифицируются в коммуникации младшего поколения (*Фурман от Фурманова*). Гипокористики и демиинутивы обычно сопровождаются фамилией в учебном коллективе (*Катя Артановская, Лёша Фролов*). Важно отметить, что именованье по фамилии обладает негативными коннотациями, что подтверждается контекстом использования (*Стрекалов! Тимоха! Мы работаем, а ты лодыря гоняешь?*), в котором отношение автора к персонажу может быть выражено в оппозиции «фамилия/имя» (*Ну, сейчас Покрышкин бедного Игоря под орех разделает!*).

Под воздействием коммуникативного задания текста, с целью передать магию шапки-невидимки и волшебство превращений, о которых идёт речь в повести «Волшебные бутылки», писательница модифицирует и имя персонажа, используя официальную формулу именованья (*Сосредоточьтесь и смотрите внимательно: перед вами Всеволод Сыроежкин, краса и гордость нашего класса*), а затем в речи его друзей использует отфамильное прозвище (*Мы Сыроежку видим, а он сам себя – нет!*). Неофициальное именованье в рамках данной формулы Р.М. Амусиной используется и как способ построения антитезы «большой, крупный – маленький, мелкий» (*Мотя Пенкин заготовил себе фураж! <...> Первый обжора на всю школу*). Для полярной характеристики персонажей автор включает в текст и модель «гипокористика + экстралингвистически

мотивированный антропоним со значением внешней характеристики» (*Да потому лишь, что **Таня Маленькая** (в шестом «А» была ещё и **Таня Большая**) по секрету призналась всему классу, что если стоит пить что-нибудь на свете, то только «Звёздно-земляничный»*); Обе Тани и **Нинка-толстушка** толкуются у зеркала), причём второй компонент имени задействован как для сравнительной характеристики внешних черт персонажа («*Скажи*», – *робко прошептал **Володя-Воробушек** и на всякий случай спрятался за широкую спину Эрика*; примечательно, что имя Эрик не модифицируется во всём тексте так же, как и в речи витеблян), так и для звуковой характеристики героя («*Вот это ушки!*» – *радостно заливался **Воробей***). Единичным становится использование имени-рифмовки (**Тим-невидим** был счастлив), сравним: у жителей Витебщины – 3,19 % (*Юлька-Шпудька*). Прозвища, мотивированные внешним видом коммуникантов, составляют в речи населения Витебской области 23,81 % (*Толстый*).

Среди меньше встречающихся двучленных номинаций «апеллятив с семей “гендер” + квалитатив с финалью -и-а», который указывает известность персонажа, авторитет в созданном художественном социальном пространстве (*Дело и том, что неподалёку жила т ё т я **Паша**, которая была своего рода знаменитостью; Ребята даже советовались с дворником д я д е й **Гришей***), наряду с подобными именованиями зафиксирована и модель «имя + отчество» («*Ты куда это, батюшка?*» – *не выдержала **Пелагея Захаровна***).

Одночленную модель именования в речи автора представляют неофициальные антропонимы. Они используются для номинации действующего лица в юмористических обстоятельствах, для создания комического эффекта («*От меня и так уже пар валит, – пыхтел **Тимка**. – Я не человек. Я облако в штанах!*»). Те же герои, совершающие ответственные и серьёзные дела, старающиеся казаться взрослыми, именуется полной формой или конструкцией «полное имя + фамилия» («*Порядок!*» – ***Тимур**, наконец, справился со своим нелёгким делом*); деловитость персонажа подчеркивается также квазипатронимом, добавленным к сокращенной форме имени («*Мы, – говорит, – принесли с Валеи Яблочкиной новогодний подарок **Тим Тимычу***»). Как показал анализ форм имён жителей Витебской области, отыменные формы с финалями -ыч/-ич встречаются в коммуникации детей и подростков (*Сашич*), даже в отношении девочек (*Леныч*).

Модификации имён героев происходят не только в авторской речи (*Шестилетний Серёжа, Тимкин братишка, вертелся тут же и буквально изводил «комиссию»*). Особенности речевого акта при прямой или косвенной номинации влияют на актуализацию формы имени из её функциональной парадигмы, например, в оппозиции «директив – экзерситив» (*«Вот что, Сергей, – разо-злится, наконец, Тимур. – Давай поговорим как мужчина с женщиной»; «Серёженька!... Серенький!...» – нежно взывал Тимур; А это пирожное оставим Сергуньке! О маленьких надо заботиться!*), причём отношение автора к персонажу может быть передано контрастно: автор именуется героя нейтрально (*Владик Бондарев, председатель Тимкиного отряда!*), а затем нейтральная модель сменяется на пренебрежительную в диалоге (*Ну, и двуличный же тип этот Владька!*). Этот же контраст можем наблюдать и в номинации витеблян: на разнообразии форм имени и их коннотативную окрашенность влияет коммуникативная стратегия говорящих. Проследим эту особенность на примере имени Татьяна. В ситуации, когда респонденту возражают, зафиксированы формы: *Танька* (2 чел.), *Татьяна* (4 чел.), *Таня* (15 чел.); когда командуют: *Татьяна* (6 чел.), *Таня* (17 чел.); когда респонденту дают совет: *Танюша* (1 чел.), *Татьяш* (1 чел.), *Татьяна* (2 чел.), *Тань* (3), *Таня* (15 чел.); когда респонденту что-то обещают: *Татьяна* (1 чел.) *Танюшенька* (1 чел.), *Тань* (2 чел.), *Танюшка* (2 чел.), *Танечка* (3 чел.), *Танюша* (4 чел.), *Таня* (11 чел.); когда респондента куда-то приглашают: *Танюнь* (1 чел.), *Танюш* (1 чел.), *Танюшка* (1 чел.), *Тань* (2 чел.), *Танечка* (2 чел.), *Танюша* (3 чел.), *Татьяна* (3 чел.), *Таня* (12 чел.); когда у респондента что-то просят: *Тань* (1 чел.), *Танька* (1 чел.), *Танюшечка* (1 чел.), *Татьяна* (2 чел.), *Танечка* (2 чел.), *Танюшка* (2 чел.), *Танюша* (5 чел.), *Таня* (10 чел.).

С помощью противопоставления «официальная – неофициальная форма имени» автор подчёркивает возрастную дистанцию коммуникантов и их настрой (*Ну, тётя Катечка... пожалуйста...; А ты откуда знаешь, что я тётя Катя?; «Запомните, друзья, – очень серьёзно сказала Екатерина Михайловна. – С этой вещью не шутят! Всё ясно?»*), способы номинации в рамках вертикального типа отношений (начальник/подчиненный) также отражают настроение и характеристики персонажа (*Видите, Любочка, как безукоризненно работает ограничитель на нашей модели? А вы о чём задумались, Любовь Сергеевна?*). В рабочем коллективе в речи жителей Витебщины начальством используются двучленные

формулы именованя с модифицированными элементами: «вокатив + аллегрформа» (*Диан Сергевна*), «полное имя + аллегрформа» (*Снежанна Иванна, Сергей Палыч*), более тёплые отношения в рамках одной возрастной группы отражены формулой «гипокористика + отчество» (*Таня Францевна, Юля Юрьевна*).

Единично использование вокатива («**Тим**, а **Тим!**» – *восторженно прошептала она*), а также конвергента, который типичен для витебского населения и сейчас («**Это наша Нинель** дурачится!» – *всполошилась Наташа*), автор же придерживается типичной для него модели именованя («**Хватайте скорей!**» – *раздался Нинкин голос*).

Прецедентные зоонимы, в том числе и литературные, составляют 7,2 % всего бионимного материала (пёс *Мухтар*, кот *Василий*, медвежата *Топтыгины*, оленёнок *Бемби*).

К периферии бионимного пространства текстов Р.М. Амусиной относятся мифонимы – 5,4 % (*Ну ладно тогда я буду **Снегурочкой!***), имена былинных и сказочных персонажей (*Это был, по Серёжкиному мнению, богатырь **Илья Муромец**; Ничего, **Иван-царевич** отлично ржёт!*). Один теоним (имя святого) использован в сильной позиции (*Как великомученик **Евстафий** угодил в сундук*), причём в тексте икона действует, как живое существо (*Тем временем святой **Евстафий**, искоса поглядывая на хозяйку, бочком пробирался вдоль стенки*). Фитонимов в исследуемых текстах не обнаружено.

Таким образом, ядро бионимного пространства произведений Р.М. Амусиной представлено неофициальными антропонимами, ведущие модели которых совпадают с современными способами неофициальной номинации на территории Витебщины.

Перспективой данной работы станет исследование других текстов, созданных в XX веке авторами, родившимися на Витебщине в сопоставлении с современной бионимной системой. Обозначенное исследование входит в тему «Номинация живых существ: традиции и тенденции (на материале Белорусского Поозерья)» и поддержано грантом БРФФИ № Г16М-028 от 20 мая 2016 г.

Библиографический список

Денисламова Д.Н. Языковое сознание и языковая личность в сфере деловой коммуникации // Университетские чтения. – URL: <http://qoo.by/m1Q> (дата обращения: 01.03.2016).

Лисова И.А. Неофициальное имя в прозаическом тексте Белорусского Поозерья // Коммуникативные стратегии искусства: сб. материалов Республик. науч.-практ. конф., Брест, 13–14 апр. 2012 г. / редкол.: О.В. Финслер (отв. ред.), О. Н. Иванчина, Л. М. Садко. – Брест: Брест. гос. ун-т им. А.С. Пушкина, 2012. – С. 167–170.

Супрун В.И. Размышления над ономастической терминологией // Извест. Воронеж. пед. ун-та. Сер. Филол. науки. – 2011. – № 8(62). – С. 133–138.

Марудова А.С. (Витебск, Беларусь)

ТРАНСОНИМИЗАЦИЯ КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ ОБРАЗОВАНИЯ КЛИЧЕК ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ БЕЛУРУССКОГО ПООЗЕРЬЯ

Статья посвящена трансоимилизации как одному из способов образования зоонимов Белорусского Поозерья. Автор анализирует клички домашних животных, образованные данным способом.

Ключевые слова: трансоимилизация; зооним; Белорусское Поозерье; антропоним; топоним; хрононим; теоним; астроним; хрематоим.

Трансоимилизация как средство пополнения лексического фонда языка давно находится в центре внимания многих лингвистов, так как является одним из распространённых способов образования новых имён собственных всех разрядов посредством переноса известного имени в иной ономастический класс [Суперанская и др., 1986: 46].

Процесс трансоимилизации происходит непрерывно и не всегда замечается людьми, говорящими на данном языке. При трансоимилизации возможны как естественные переносы имени с одного объекта на другой (река *Москва* – город *Москва*, речка *Ольховка* – деревня *Ольховка*), так и искусственное перенесение имени в иное ономастическое поле (планета *Венера* – корова *Венера*, планета *Марс* – бык *Марс*), в нашем случае – зоонимное.

Такая лёгкость переноса имени с объекта на объект и из одного поля в другое подтверждает тот факт, что при изучении имён любых классов необходимо, прежде всего, обратить внимание на имена смежных ономастических полей и лишь после этого обращаться к именам нарицательным, потому что образование имён собственных от имён нарицательных – это лишь один из путей пополнения ономиического фонда [Суперанская и др., 1986: 46–47].

© Марудова А.С., 2016

Объектом исследования является 671 *зоонимная единица*, функционирующая на территории Белорусского Поозерья. Цель данного исследования – изучение кличек домашних животных Белорусского Поозерья, образованных способом трансонимизации.

Цель данного исследования предопределила использование методики дескриптивного метода, базирующегося на единстве приёмов обобщения, систематизации и интерпретации фактического материала. Элементами метода являются каталогизация и классификация кличек домашних животных на основе структурного анализа и количественных подсчётов.

Анализ материала показал, что многие клички домашних животных Белорусского Поозерья мотивированы *антропонимами* (396 единиц). При этом бо'льшая часть имён имеет реального или виртуального денотата: кот *Гарик* – назвали так, потому что кот смешной и маленький, напоминает известного шоумена, юмориста Гарика Мартиросяна; кошка *Наоми* – чёрная, похожа на певицу афро-ямайского происхождения Наоми Кэмпбелл; собака *Миранда* – красивое и редкое имя, так звали актрису в сериале «Секс в большом городе»; хомяк *Аркадий* – назвали в честь хозяина; и т. д.

В качестве кличек для своих домашних животных жители Белорусского Поозерья выбирают *имена реально существовавших или существующих людей*:

– хозяев (собаки *Макс, Арина, Роман*; попугаи *Эрик, Ромка, Римма, Макс*; кошка *Каролина*; песчанка *Мэриам*; морская свинка *Авелена*; хомяк *Аркадий*);

– известных российских и западных артистов (собаки *Тотто, Потан, Лайма*; попугаи *Бьянка, Стинг, Ираклий*; декоративные кролики *Адель, Лара*);

– исторических деятелей, учёных (собаки *Адольф, Цезарь*; попугаи *Наполеон, Сократ*; коты *Ломоносов, Бенджамин*; быки *Аристарх, Нерон*; лошадь *Наполеон*; морская свинка *Дарвин*);

– российских и западных спортсменов (собака *Тайсон*; попугаи *Рональдо, Кристиан*; декоративная крыса *Бекхэм*);

– известных композиторов (волнистые попугаи *Бетховен, Паганини*; хомяк *Штраус*);

– поэтов и писателей (собака *Лэм*; коты *Есенин, Вольтер*; хомяк *Толстой*);

– моделей (собаки *Наоми, Кардашьян*).

Следует отметить, что зоонимы по своей структуре существенно отличаются от антропонимов. Русская и белорусская номинативная

формула называния человека трёхкомпонентная, т. е. состоит из имени, отчества и фамилии. Клички животных, как правило, однословны (собака *Ирма*, кошка *Изольда*, бык *Елифан* и т. д.).

Но и в структурном отношении зоонимы могут сближаться с антропонимами. Как пишет Г.Ф. Фельде, в индивидуальных хозяйствах Тюлькубасского района Чимкентской области Казахстана свиней и овец «часто называют по имени и отчеству человека, у которого их купили, а чаще – произвольно: *Василий Иванович*, *Сидор Карныч* и т. д.» [Фельде, 1971: 237].

Примеры зоонимов, созданных по структурным моделям личных именовании, приводят и другие авторы: кошка *Евдокия Абрамовна*, кот *Василий Павлович*, кот *Мусик Васильевич* и др. [Поротников, 1972: 233–234].

В нашем исследовании встречаются единичные подобные зоонимные единицы: коты *Котофей Иванович* (кличку хозяева заимствовали из русской народной сказки), *Фёдор Михалыч* (назвали в честь хозяина); морская свинка *Юлий Цезарь* (в честь известного полководца и государственного деятеля); конь *Миша Младший* (в честь хозяина); дегу *Оле Лукойе* (в честь литературного персонажа сказки Х.К. Андерсена); волнистые попугаи *Йоганн Бах* (в честь известного композитора), *Лучано Паваротти* (в честь итальянского оперного певца); йоркширский терьер *Клаудия Шиффер* (в честь немецкой супермодели) и т. д.

Вторую позицию среди трансонимизированных разрядов занимает зоонимы (97 единиц), среди которых доминируют имена героев и персонажей художественных произведений, мультфильмов, фильмов, сериалов, сказок. Например: собака *Тимон* (ассоциация с Тимоном из мультфильма «Тимон и Пумба», так как ленивый и хитрый); кот *Бонифаций* (напоминает Бонифация из мультфильма «Каникулы Бонифация», кот очень добрый и ласковый); декоративная крыса *Лариска* (внешне напоминает Лариску из мультфильма «Крокодил Гена и Чебурашка»); собака *Мухтар* (ассоциация с Мухтаром из фильма «Ко мне, Мухтар!»), пёс очень преданный и ласковый) и др.

На третьей позиции находятся топонимы (86 единиц), активно участвующие в зоонимобразовании. Как отмечает Е.С. Отин, «в ономастике известны случаи наделения живых существ именами географических объектов без соответствующего суффиксального дооформления» [Отин, 1971: 258]. В качестве зоонимов жители Белорусского Поозерья используют названия гор, островов, городов, рек: собаки *Енисей*, *Сана*, *Милан*, *Ява*, *Ялта*, *Крит*; кошки и коты

Витьба, Мобби (Монблан), Дели; быки Амур, Дон, Марсель, Алтай, Чикаго; лошади Крым, Мадрид, Дунай, Орёл; декоративный кролик Флоренция и др.

Клички животных, как и антропонимы, являясь неотъемлемой частью ономастической подсистемы языка, вступают в отношения с другими разрядами имён собственных. Имена, точно повторяющие форму топонима (*Иван Самара*), в антропонимии XVII–XVIII вв. «характеризовали их владельцев относительно той местности, откуда они родом или откуда они пришли на новое поселение» [Отин, 1971: 259]. Современные топонимы такой мотивации не имеют, на что указывает, в частности, широта «зоонимической географии».

По мнению Е.С. Отина, появление зоонимов, структурно тождественных топонимам, может быть объяснено тремя:

1) как «реликтовое отражение когда-то прямых переходов гидронимов в зоонимы (со стёршейся мотивацией, например, «корова с берегов Тисы» и др.);

2) как дальнейшая «иррадиация гидронима в область зоонимии через промежуточное – антропонимическое состояние»;

3) как «асемантические звуковые комплексы, выбор которых для кличек никогда не был обусловлен какой-либо каузальной зависимостью» [Отин, 1971: 259–260].

Связь зоонимов с топонимами является односторонней. Антропонимы же, как известно, часто используются при образовании географических названий разных разрядов.

Четвёртое место при образовании зоонимов принадлежит *хрононимам* (45 единиц). Ср.: собака *Марта* (собаку подарили в марте); коровы *Октябрина, Апрелька, Ноябрьрина* (животные родились в октябре, апреле и ноябре соответственно); кошка *Июлька* (нашли на улице в июле); кошка *Первуня* (в помёте была первой); декоративная крыса *Субботка* (купили в субботу) и др.

На пятом месте находятся *теонимы* (21 единица): лошади *Зевс, Стрибог, Юпитер*; кошка *Афина*; бык *Зевс, Юпитер, Осирис, Гермес*; коровы *Юнона, Андромеда* т. д.

Далее следуют *астронимы* (17 единиц): собака *Марс*; коровы *Венера, Звезда, Луна*; быки *Месяц, Сириус*; кобылы *Комета, Луна*; шиншилла *Андромеда* и т. д.

Единичны случаи использования в роли зоонимов *хремонимов* (9 единиц). При этом их мотивировку иногда трудно точно определить: кот *Магги* (назвали в честь куриного бульона «Магги»); собака *Мерси* (в честь шоколадных конфет «Мерси», просто

понравилось иноязычное слово); корова *Коровка* (кликча связана с известными конфетами «Коровка») и др.

Таким образом, анализ имеющегося в нашем распоряжении материала показал, что одним из основных способов образования кличек домашних животных Белорусского Поозерья является трансонимизация. Наиболее продуктивны в зоонимобразовании такие ономастические разряды, как антропонимы, топонимы и зоонимы.

Далее следуют хрононимы, теонимы, астронимы и хрематоимы, которые количественно отличаются от первых трёх ономастических разрядов, подвергшихся трансонимизации, но их наличие свидетельствует ещё раз о том, что при выборе клички для своего питомца жители Белорусского Поозерья учитывают многие факторы, демонстрируют свой культурный и образовательный потенциал, проявляют изобретательность. Все эти факты позволяют сделать вывод о том, что зоонимикон Белорусского Поозерья разнообразен и требует пристального изучения лингвистов.

Библиографический список

Отин Е.С. Об именах и кличках, тождественных топонимам // *Этнография имён.* – М.: Наука, 1971. – С. 258–260.

Поротников П.Т. Из уральской зоонимии // *Восточнославянская ономастика* / ред. А.В. Суперанская. – М.: Наука, 1972. – С. 201–250.

Суперанская А.В. и др. Теория и методика ономастических исследований / А.В. Суперанская, В.Э. Сталтмане, Н.В. Подольская, А.Х. Султанов. – М.: Наука, 1986. – 256 с.

Фельде Г.Ф. Зоонимы Тюлькубасского района Чимкентской области // *Этнография имён.* – М.: Наука, 1971. – С. 237–239.

Образцова О.А. (Санкт-Петербург)

ЛИЧНЫЕ ИМЕНА КРЕСТЬЯН ПОУНЖЕНСКИХ ДЕРЕВЕНЬ (НА МАТЕРИАЛЕ РУКОПИСНЫХ КНИГ Е.В. ЧЕСТНЯКОВА)

Произведения Е.В. Честнякова, костромского писателя, уроженца Кологривского района, известны как источник изучения особенностей живой разговорной речи жителей поунженских деревень, в том числе в области антропонимии. Опубликованные материалы из рукописных книг писателя позволяют продолжить изучение системы личных имён поунженских крестьян. В них содержатся женские и мужские крестильные имена в различных народно-разговорных формах, полных и производных.

© Образцова О.А., 2016

Среди производных форм, отмеченных в материалах рукописных книг Е.В. Честнякова, преобладают антропонимы с суффиксами *-еньк*, *-ушк/юшк*. Полные и производные формы крестильных имён, относящиеся к одному имени, образуют антропонимическое гнездо. Опубликованные материалы из рукописных книг писателя дают возможность воссоздать состав этих гнёзд в поунженских говорах.

Ключевые слова: антропонимы; крестильные имена; полные и производные народно-разговорные формы имён.

Произведения Е.В. Честнякова, костромского писателя, уроженца Кологривского района, известны как источник изучения особенностей живой разговорной речи жителей поунженских деревень. Достоверность языковых фактов, отражённых писателем, была подтверждена полевыми наблюдениями многих исследователей – Н.С. Ганцовской, Е.Г. Веселовой, Е.В. Ярыгиной, Г.Д. Негановой и др. (см., напр.: [Ганцовская, 2007; Веселова, 2014; Неганова, 2008; Неганова, 2011]), а также автора статьи. Публикация Костромским государственным объединённым художественным музеем материалов из рукописных книг писателя позволяет продолжить исследования поунженских говоров на материале литературного наследия Е.В. Честнякова, в том числе и в области антропонимии.

Опубликованные материалы рукописных книг писателя [Честняков, 2011] изобилуют личными именами собственными. Многие из данного источника не были зафиксированы исследователями ранее, в частности в «Словаре народно-разговорного языка Е.В. Честнякова» [Ганцовская, 2007]. Таковы, например, имена: *Федотья*, *Огафья*, *Трошенька*, *Тимофеюшко* (*Тимофиюшко*), *Платон*, *Пашенька*, *Пантелей*, *Нифонт*, *Митрий*, *Лизавета*, *Лиза*, *Илюшка*, *Захар*, *Демьян*, *Варвара*, *Валенька*, *Ванютко*, *Ванюшко*, *Ваня*, *Васька*, *Власенька*, *Гришенька*, *Груня*, *Грунюшка*, *Грушенька*, *Грушенька*, *Дунюшка*, *Катенька*, *Катка*, *Марфа*, *Марфута*, *Матренька* и др. Это женские и мужские крестильные имена в различных народно-разговорных формах. И здесь редким является употребление канонической формы крестильного имени в соответствии с нормами книжного, церковнославянского языка, используемого в церковном календаре (святцах).

Так, антропонимы *Федотья*, *Огафья*, *Пантелей*, *Митрий*, *Лизавета*, *Захар*, *Демьян* представлены в полных народно-разговорных формах. Это формы, возникшие в результате непосредственного усвоения крестильных имён (иноязычных по происхождению) русской языковой средой. Для них характерны следующие черты: 1) отсутствие инициального безударного гласного

(греч. Ελισάβετ > церковно-канон. Елизавета > народ.-разг. Лизавета): *Ещё не было тогда Лизаветы – гостила у тётки – она вышла за Кузьму*; 2) утрата конечного безударного -ий (греч. Ζαχαρίας > церковно-канон. Захарий > народ.-разг. Захар): *Если идёт потише... постоит поразговаривает: «Здорово, Захар!» А Захар уже дедушко тоже ... имеет внучат...;* 3) употребление антропонима без гласного звука на месте редуцированного ѣ в слабой позиции и использование гласного «о» в соответствии с исходным каноническим церковнославянским «а» (греч. Αγαθός > церковно-канон. Агафия > народ.-разг. Огафья): *Из невест в деревне остались – Матрёна и Огафья*; 4) усечение безударного [и] в корне с последующим устранением несвойственных для русского языка сочетаний согласных (греч. Δημήτριος > церковно-канон. Димитрий > народ.-разг. Митрий): *Стали разговаривать, что просватали тётушку Федотью на Хапово за Митрия, к Ивану Власовичу, ко Власенку?... и что в такой-то день сговоры... Мы поедем на сговоры*; 5) сокращение полной церковнославянской формы имени, возможно, по аналогии с народно-разговорными формами на -ей (греч. Παντελεήμων > церковно-канон. Пантелеймон > народ.-разг. Пантелей): *Пантелей такой смешливый*. Данные особенности полных форм крестильных имён подтверждают и дополняют сведения о поунженской антропонимии, представленные в «Словаре народно-разговорного языка Е.В. Честнякова».

Антропонимы *Трошенька, Тимофеюшко (Тимофиюшко), Пашенька, Лиза, Илюшка,, Валенька, Ванютко, Ванюшко, Ваня, Васька, Власенька, Гришенька, Груня, Грунюшка, Грушенька, Дунюшка, Катенька, Катька, Марфута, Матренька*, являются производными народно-разговорными формами крестильных имён с различными суффиксами, присоединяемыми к полной или сокращённой именной основе. Среди них преобладают антропонимы с суффиксом *-еньк*, образованные от сокращённой основы крестильного имени: Трофим > Троша > Трошенька, Павел > Паша > Пашенька, Валентин(а) > Валя > Валенька, Аграфена/Ографена > Груша > Грушенька, Екатерина > Катя > Катенька, Григорий > Гриша > Гришенька – *Трошенька, жита найди на току. <...> Пашенька мачихи листик возьми. <...> Валенька, ветку берёзы сломил. <...> Грушенька, ты маргаритку сорви. <...> Огрофена толковала В это время с Катенькой. <...> Гришенька, в лес побежишь по грибы*. Подобные формы антропонимов частотны и в словаре народно-разговорного языка Е. В. Честнякова:

Сашенька, м. *Чашечка с кашкой, Сашенька с Машкой* (Считалочка. Об. [Об. – Ефим Честняков. Поэзия / сост., вступ. ст. Р.Е. Обухова. – О. О.] / От Александр, греч. Ἀλέξανδρος /;

Ульяшенька, ж. *Девоньке Ульяшеньке – маленькую балалайку* (Девоньке Оринке. Яр. [Яр. – Е.В. Честняков. Сказки, сценки, стихи, пьесы: [рукопись] / сост. Е.В. Ярыгина. Хранится в Костромском областном доме народного творчества. – О. О.]). См. Ульяна [Ганцовская, 2007: 104–105, 107].

На материале рукописных книг Е.В. Честнякова продуктивными можно назвать производные формы крестильных имён с суффиксом *-ушк/юшк*, присоединяемым как к полной, так и к сокращённой именной основе: Тимофей > Тимофейюшко (Тимофий > Тимофиюшко), Илья > Илюшка, Иван > Ваня > Ванюшко, Аграфена/Ографена > Груня > Грунюшка, Авдотья > Дуня > Дунюшка – *Тимофиюшко бежит за коляской и собака бежит за коляской и хвост завитушкой. <...> Рано утром пробудился Тимофейюшко. <...> Приехали в Денюгино к баушке... И вот уж в избе... И много народу... улыбаются все, и приветливы так... и говорят про деду Лукояна, про Илюшку, про Якова... Солотное... про ров.. <...> Дедушко Самойло... Олексан, Ванюшка... Власушко... поди сюды... <...> И посылают Грунюшку в лес по ягоды... Дают лукошко большое. <...> Дунюшка, ты принеси незабудок растут у ручья...* Формант *-ушк(о)* используется для имён, означающих лиц мужского пола (по II склонению существительных мужского рода), а формант *-ушк(а)* – для женских имён. Это отражает диалектную черту кологривских говоров. Данные форманты в материалах словаря народно-разговорного языка писателя также являются частотными и отмечаются в производных антропонимах, образованных преимущественно от полных именных основ (Кирилл > Кирилушко; Катерина > Катеринушка):

Кирилушко, м. *Кирилушко, батюшко, не тронь его.* (Стафий). См. Кирилл;

Катеринушка, ж. *У соседа дочь преумница И подружка моя – Катеринушка.* (Сватовство. Об.) / От Екатерина, греч. Αικατερίνα / [Ганцовская, 2007: 96–97].

Материалы из рукописных книг Е. В. Честнякова показали, что суффикс *-ушк/юшк* участвует в образовании не только первичных, но вторичных дериватов от сокращённых именных основ, что свидетельствует о большей продуктивности суффикса в антропонимической системе крестьян поунженских деревень Кологривского уезда.

Полные и производные формы крестильных имён, относящиеся к одному имени, образуют антропонимическое гнездо. По данным «Словаря народно-разговорного языка произведений Е.В. Честнякова», для антропонимической системы поунженских деревень характерны гнёзда, включающие от одного до шести компонентов, полных и производных антропонимов. Опубликованные материалы из рукописных книг писателя позволяют дополнить сведения о составе этих гнёзд. Так, например, в словаре можно отметить два компонента антропонимического гнезда мужского крестильного имени Иван: Иван – *Иван, Иванушко*. Материалы из рукописных книг Е.В. Честнякова свидетельствуют о функционировании ещё трёх производных форм антропонима: *Ванютко, Ванюшко, Ваня*. Женское крестильное имя Агриппина в словаре представлено двумя вариантами полной формы имени: Агриппина – *Аграфена, Ографена*. В опубликованных материалах зафиксированы дополнительно три производных формы антропонима: *Груня, Грунюшка, Грушенька*.

Изучение новых материалов литературного наследия Е.В. Честнякова даёт возможность продолжить исследования в области лексического своеобразия диалектов поунженских деревень, в частности их антропонимии, что является важным для решения многих культурно-лингвистических и социологических задач.

Библиографический список

Ганцовская Н.С. Живое поунженское слово. Словарь народно-разговорного языка Е.В. Честнякова. – Кострома: Костромаиздат, 2007. – 225 с.

Веселова Е.Г. Диалектизмы поунженского края (на материале произведений Ефима Васильевича Честнякова // Вторые Громовские чтения. Русские народные говоры: прошлое и настоящее: сб. материалов и исслед. всерос. науч.-практ. конф. Кострома, 17–18 окт. 2014 г. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2015. – С. 110–116.

Неганова Г.Д. Наименования мифологических персонажей в костромских говорах как источник ЛАРНГ (на материале произведений Е. В. Честнякова) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2008. – Спб.: Наука, 2008. – С. 104–111.

Неганова Г.Д. «Своё» и «чужое» в лексике культурного ландшафта Костромского Заволжья как отражение этноязыковых особенностей края (на примере произведений Е. В. Честнякова) // Рябининские чтения-2011: материалы VI конф. по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера. – Петрозаводск: КНЦ РАН, 2011. – С. 499–501.

Честняков Е. В. Русь уходящая в небо...: Материалы из рукописных книг / сост. Т.П. Сухарева. – Кострома: Костромаиздат, 2011. – 168 с.

НАИМЕНОВАНИЯ И СЕМАНТИКА ПЕТРОВА ДНЯ В ГОВОРАХ АРХАНГЕЛЬСКОГО РЕГИОНА*

В статье на материале архангельских говоров комплексно рассматривается один из главных народных праздников – Петров день (праздник в честь Славных и всехвалных первоверховных апостолов Петра и Павла): с точки зрения семантики и структуры анализируются варианты его названия, описываются связанные праздничные события, приводится комплекс этнографических сведений о празднике (приметы, обычаев, обрядов, предписаний), помогающих представить Петров день во всей полноте и определить его место в славянском годовом круге праздников.

Ключевые слова: Петров день; праздники; традиционная народная культура; архангельские говоры; народный календарь.

Праздник в честь Славных и всехвалных первоверховных апостолов Петра и Павла (29 июня / 12 июля) относится к великим и широко известен на архангельской территории, являясь «одной из ключевых дат летнего цикла» [Славянские древности, 4: 24]. Народные названия этого события – *Петро́в день*, *Петро́в денёк*, *Петро́вник*, *Петро́вье*, *Петро́вни*, *Петро́вны*, *Петру́шки*, *Пётр*, *Павел*, *Петры́* и *Павлы*, *Пётр* и *Павел* и т. д. – так или иначе связаны с именами святых, которым посвящено празднование. Однако только два названия содержат в составе имени обоих святых (*Пётр* и *Павел*, *Петры́* и *Павлы*), подавляющее большинство названий образовано от имени святого, идущего первым, – *Пётр*, что, в целом, характерно для большинства наименований праздников в честь «парных» святых. Названия рассматриваемого праздничного события представляют собой атрибутивное сочетание с опорным компонентом *день* или *денёк* (*Петро́в день*, *Петро́вин день*, *Петро́вней день*, *Петро́в денёк*), а также сложное слово, образованное путем компрессии из данного атрибутивного сочетания (*Петро́вник*, *Петро́вье*, *Петро́вень*, *Петро́вни*, *Петро́вны*). Кроме того, названием праздника служит и имя святого: *Пётр*, *Павел* – в том числе с грамматическими и морфемными изменениями и деминутивизацией: *Петру́шки*.

* Исследование выполнено на материале «Архангельского областного словаря», Картотеки «Архангельского областного словаря» и собственных полевых записей автора, сделанных в диалектологических экспедициях 2006–2015 гг. Примеры даны в упрощённой фонетической транскрипции.

© Панина Ж.А., 2016

ПЕТРОВ ДЕНЬ. Ф Петроф день дефки в повяски наряжались, да ф сарафанах шолковых. На Петроф день зремело, а грозы не было, ночью дош был. Петров день золотистой платок был, а двацать восьмого – шолковый с кисточьками, а так фсе фланэльки. В Ивандень не косят, ф Петроф день не гребут, а в Ильий день не мечют. Ф празьник не робят. А Петров день и ф прошлом годе был худой, холодный. А празьники фсе богомольные: Петров день, Богородицын день.

ПЕТРОВИН ДЕНЬ. Петровен день уш проиол.

ПЕТРОВНЕЙ ДЕНЬ. Вы на Петровний день-то были здесь? У Нади гуляли в деревне, ф Петровний день или какой празьник.

ПЕТРОВ ДЕНЕК. Петроф денек, до обеда не ходили на сенокос, а с обеда косили.

ПЕТРОВДЕНЬ (ПЕТРОВДЕНЬ). У нас на деревне два Петровдня, севодня дак ненастоящий, налпный, настоящий – тот петнацатого будет. В-Т. Сгр. Перет Петровденем взяла этот цветок (сорвала) ЛЕШ. Клч. Раньше сено косить начинали с Петровдня. Как Петровдень пройдет – дак на сенокос. Кто на Ивандень пойдет. ШЕНК. ВЛ.

ПЕТРОВНИК. Иванской день проиол, теперь йешио Петровник.

ПЕТРОВЕНЬ. Сядни Петровень, дак называем так, двенацятого июля. Петровень празнуют ф Шуринге. А Подушина, Петровень – тот на Коташке.

ПЕТРОВЬЕ. Ф Петровье, наверно, нарежались. У нас Петровье здесь раньше празновали 12 июля. Ноньче дефки тожэ приходили в Петровье, ф празьник.

ПЕТРОВНИ. Ф Петровни двенацатого июля было бы восемьдесят. Подушина, Боголюпска, Иванов день, Петровни до 12 июня.

ПЕТРОВНЫ. Празьники прановали: Петровны, Иван день. А я не празную – я вина не пью.

ПЕТРОВСКИЕ. На Петроськи ф Судрому ходили.

ПЕТРУШКИ. Ф какой день Петрушки, ф такой и Илюшки.

ПЕТР. На Петра дощ – недурной урожай, два дождя – хороший, а три – богатый. Просите, детки, у бога дождя до Петрова дня, а после Петра я сам упрошу.

ПЕТР ДЕНЬ. Венки надо заготовлять с Ивана дня до Петра дня само лучшэ время.

ПАВЕЛ. Павел день убавил на час.

ПЁТР И ПАВЕЛ. В Гаври́лово ка́ждый го́т де́фки бе́гали на Петра́ и Па́вла. Петра́ и Па́вла не спра́знавали.

ПЁТР-ПАВЕЛ. Пётр-Павел дья́ уба́вил.

ПЕТРЫ́ И ПА́ВЛЫ. Вот у нас двена́дцатого́ был Пётры́ и Па́влы, в Москве́ веть то́жэ служи́ли, это́ религио́зный пра́зник. Пётры́ и Па́улы везде́ и фсю́ду пра́зник. А за́втра уи́ послéдней де́нь Петро́ва-та́ гови́нья, фсе́, ко́нцыло́сь, сла́ва бо́гу, двена́цато уи́ Пётры́ и Па́улы.

Значимость Петро́ва дня была столь высока, что неделя, на которую он приходился, и ночь накануне назывались *Петро́вскими*.

ПЕТРОВСКАЯ НЕДЕЛЯ. На Петро́в де́нь – Петро́фская неде́ля.

ПЕТРОВСКАЯ НОЧЬ. Быва́ет пого́да на Петро́ську но́чь – заду́ет моря́нка. На Петро́ску но́чь да вы́пала пого́душка да со синёва́ моря́юшка. Бе́лы-то́ снешки́ вы́пали, тово́ ф Петро́ську но́ченьку.

Петро́в де́нь на архангельской территории сохранил следы общеславянских представлений о том, что некогда этот день считался началом или расцветом лета (в зависимости от географического положения региона), и большинство типичных действий, правил, примет и предписаний, связанных с *Петро́вым днём*, связано именно с восприятием его в качестве типичного летнего праздника. Каждый сезон года характеризуется определенным уникальным набором типичных занятий, которые находят отражение в приметах и предписаниях рекомендательного или запретительного характера, унаследованных с дохристианских времен. Иначе говоря, «каждый сезон – самостоятельный фрагмент годового круга, со своими особыми мифопоэтическими константами, которые и формируют неповторимый образ этого сезона» [Агапкина, 2002: 23]. Главное летнее занятие, от которого во многом зависело благополучие жизни крестьянина, – это заготовка сена: сенокос и сметывание его в стога. Кроме того, типичными занятиями для лета являлись сбор растительной продукции: как целебных трав, так и банных веников. Неизбежным атрибутом лета на архангельской территории являются кровососущие насекомые, и практически каждый летний праздник знаменовал собой начало или окончание активности определенного вида насекомых.

Как уже было сказано выше, летом было необходимо обязательно заготовить сено, и именно с *Петро́ва дня* на значительной части архангельской территории начинался сенокос:

Стала страда, сено страдают – с самого этого Петрова дня. На Петров день промеж эчек хоть один поставиши – ну копёши эчку – гоорят – бочька мёда. Перву косу начинали с Петрова дня косить. Петров день, благословенный день сено косить. Это раньше-то, ф прежно-то времё, после Петрова дни фсегда нацинали косить.

На Петров день на рассвете отмечается, что солнце играет – переливается разными цветами: *На Петроф день и солнышко играйет.*

С Петрова дня должна была установиться по-настоящему летняя погода, называемая петровскими жарами (жарами): *Петров день доложён погоду дать. Это были иванофские дожди на Иван день, потом петрофские жары на Петров день. Петрофские жары, а потом передождит иещё. Утешыли бабу петрофские жары – старый хлеб пойели.*

Хорошая погода на Петров день считалась нормой, с чем связан глагол *роспетровить*: *Вот роспетровило, говорили, сравнивали с Петровым днём. Роспетровило – дак это хорошая погода.*

Сильная жара, однако, всегда была чревата засухой, поэтому обильный дождь на Петров день воспринимался как благо: *В Петров день доиц – значит, урожай недурной, два дождя – хороший, три – богатой.*

Однако дождь в этот день мог предвещать дальнейшие чрезмерные осадки: *Ф Петров день был доиц, будет погода передажжывать.*

Петров день считался оптимальным временем для сбора растительной продукции – целебных трав и банных веников:

*Ф Петроф день ходят по травы, супроти Петрова дня ходили. Вот сицяс само хорошо носить веники-то, с Ивана дни до Петрова дни да; а так-то их можно до фторого августа, это раньше стары-те люди говорили; а со фторого тожэ ужэ нельзя. После Петрова дня заготовляем веники. Раньше – так *серянные, *липка не *сошла на них. А после Петрова дни – те не липки.*

Несмотря на то, что Петров день воспринимался как один из ярких представителей летних праздников, наряду с Троицей, Ивановым днем и Прокóпьевым днем, именно с этого дня отмечались первые осенние изменения в природе.

На Петров день отмечали первое существенное сокращение светового дня – на час: *Пётр ы Павел чяс убавил. Павел день убавил на час.* Появлялись первые грибы – продукт, характерный для осени: *С Петровадни йедеш к сёну – дак там грибоф и наломаиш.*

Трава перестает расти и начинает отцветать, становясь пригодной для скашивания и длительного хранения: *Сенокос начинают после Петров день, ужэ оцветайет трава. До Петрова дни сено худо сохнет, а с Петрова дни нать косить, гресьти.*

Апостол Петр на архангельской территории выступает в роли покровителя рыбаков, что соотносится с общеславянскими представлениями об этом святом [Славянские древности, 4: 23] и в настоящее время выражается в приуроченности «нового» праздника – Дня рыбака – к 12 июля: *Пётр – рыболоф. Севодни день рыбака – ф Шуйге празник, Петра и Павла.*

Неизвестно, считались ли апостолы Пётр и Павел на архангельской территории покровителями домашнего скота, однако на *Петров день* было принято отводить коров к часовне (вероятно, для кропления святой водой): *На Егорьевы дни коней водили, а вот о Петроф дни короф к часовне водили.*

В Петров день гадали на будущий урожай льна, подкидывая яйца над посеянным льном. Чем выше удавалось подбросить яйцо, тем лучше вырастет лен: *Льняно семя сеяли, в Петров день нат полоской, где посеяно, бросали яйца, где кто выше бросит, у того лён лучше.*

Из молока, накопленного за время предшествующего празднику поста, в этот день готовили творог (*сыр*): *На Петров день сыр делали – да устарела, облинилась. Сыр на Петров день делают. Дорого йеичко о Христова дни, а дешеф сыр о Петрова дни.*

С *Петрова дня* появляются *петровские оводы* (насекомые – еще одна черта, характерная для летнего времени): *В лес пойдёте – это у нас петрофский овод. Ф Петров день вылетают – кусаюца хорошо. Были крупны петрофски оводы. После Петрова дня слепцы идут, тот жэ овод, только он ищезает, маленький делаэца. Оводы конешно дело, время петрофских оводоф.*

По народным представлениям, после *Петрова дня* становится меньше комаров. Их можно убивать, не боясь, что их количество будет увеличиваться: *С Петрова дня комары-то убывали. Комары-то убьёш после Петрова дня – и их убыдет, а йесли до Петрова дня убьёш, то прибудет комароф-то.*

Множество примет и присказок связывают *Петров день*, являющийся типичным летним праздником, с другим великим праздником – *Ильным днем* (20 июля / 2 августа), считавшимся на архангельской территории началом осени. Так, например, если на *Петров день* рожь заколосилась (или появились ягоды), то

к *Ильину́ дню* можно будет печь хлеб из муки нового урожая: *Йёсли* на *Петро́в де́нь* ягода, на Ильин день хлеб. На Иван день колосок, а на *Петро́в де́нь* колобок.

Изменение длительности светового дня зачастую оценивалось при сопоставлении *Петрова дня* и *Ильина дня*: *Пётр и Па́вел ча́с убáвил, а Илья́-проро́к два́ уволо́к*.

Кроме того, особым образом отмечался тот факт, что Петров день всегда приходится на тот же день недели, что и Ильин день, Воздвиже́нь (14/27 сентября) и Дмитриев день (26 октября / 8 ноября): *Како́й де́нь Петро́в де́нь, ф́ тако́й Ильи́н де́нь, и Зви́жэнье, и Ми́трев де́нь*.

Библиографический список

Агапкина Т.А. Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. – М.: Индрик, 2002. – 816 с.

Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. – М.: Международные отношения, 1995–2012.

Ханмагомедов Х. Л. (Махачкала)

Гебекова А. Н. (Грозный)

ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕНИЯ ТОПОНИМИИ ИНГУШЕТИИ И ЕЁ РУССКОГО ГОРИЗОНТА КАК ОБЛАСТИ ГЕОНОМАСТИКИ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА

В статье рассмотрены вопросы изучения топонимии Ингушетии и её русского горизонта.

Ключевые слова: *Ингушетия; Северо-Восточный Кавказ; топонимический ландшафт; русские топонимы; проблема изучения.*

Ингушетия – регион Российской Федерации, расположенный на западе Терско-Сунженского региона Северо-Восточного Кавказа. Она на западе соприкасается с Северной Осетией Аланией, на востоке с Чечнёй. Если мы имеем по двум этим регионам исследования топонимического ландшафта, то по отношению к ней, в лучшем случае, можем сказать, что эта проблема требует исследования. Об этом отмечает также Б.И. Арсамаков [Арсамаков, 2001: 24].

Сделаны первые шаги в изучении топонимии Ингушетии К.З. Чокаевым [Чокаев, 1980: 155–158] и Р.К. Чокаевым [Чокаев,

© Ханмагомедов Х. Л., Гебекова А. Н., 2016

1980: 158–160]. Они посвящены монгольской и тюркской топонимии. Изучением последней занимался и Б.И. Арсамаков, который посвятил свое исследование ойконимии Горной Ингушетии ингушского и тюркского пластов [Арсамаков, 2001]. Русский топонимикон станиц Нестеровская и Троицкая, сёл Алхасты и Галашки рассматривается А. Сулеймановым в работе «Топонимия Чечни» как части Чеченской республики. Это не просчёт А. Сулейманова и связано с тем, что к моменту издания названных работ не была утверждена и демаркирована граница между Чеченской республикой и Ингушетией [Этническая картина, 2007: 61; Устаев, 2011: 6], но он сделал большую работу в целях сохранения топонимов этих населенных пунктов для будущих поколений.

Н.Я. Яковлев отмечает, что ингушами в России почему-то называли всех кавказцев, которые «вербовали стражников русские помещики» [Яковлев, 1925: 3]. Касаясь имён у ингушей, Н.Я. Яковлев пишет, что у Галмета был сын по имени Эндирей (Андрей) [Яковлев, 1925: 41]. Это подталкивает нас к выводу, что еще в глубокой древности ингуши заимствовали у русских имена. Он же, касаясь изучения культуры чеченцев и ингушей, пишет: «Ингуши в русских документах (XVIII в. – “унгушцы”), происходят от названия селения Онгуши (Oanqust), которое находилось при выходе из ингушских сел. Оно было большим аулом, и жители плоскости, первыми выступившие за торговые отношения, название этого села перенесли на весь находившийся в экономической связи с селением нагорный народ. Затем русские переняли это название от жителей плоскости (кабардинцев, ногайцев [в источнике – нагайцев. – Х.Х., А.Г.]). Сами ингуши называют себя “галгай” (ghalghaj), но первоначально это название лишь небольшой группы родственных родов, которые происходили, по преданию от трех братьев: Eagi, Hamxi и Tergim».

Г.К. Мартиросиан [Мартиросиан, 1933: 42] начинает излагать историю сношения России с Ингушетией, что эти сношения возникли в весьма отдаленную эпоху, а точнее: 1) Древняя Русь вела торговлю с Хазарским царством (V–IX вв.), граница которого простиралась до Кавказских гор; 2) по арабскому историку Ибн-Фадлану, в столице Хазарского царства можно было бы встретить немало русских купцов (не они ли оставили след в топонимии, требуется вести научные изыскания); 3) в 965 году войска Святослава, пройдя через Кубань, – «и ясы победы и косоги привоиди Киеву; 4) в 1022 году князь Тмутараканский и Мстислав совершили поход против косогов и победили последних; 5) сын Владимира

Мономаха Ярополк, посланный в 1116 году отцом на «Половецкую землю», привел «ясы и жену полони себе ясьню».

По мнению М.С.-Г. Албогачиевой, В.А. Тишкова и Л.Г. Соловьёвой, в раннем Средневековье ингуши стали вступать в различного рода контакты с представителями Российской империи, Ингушетия вошла в состав России [Албогачиева, 2013: 5]. Такое Ш.Б. Ахмадов объясняет следующими причинами: 1) народы, находившиеся в вассально-даннической зависимости от Кабарды, Дагестана и Грузии, стремились освободиться от этой зависимости с помощью России; 2) вступившие под покровительство России хотели освободиться от угрозы порабощения их со стороны Турции, Ирана и Крымского ханства; 3) с её помощью стремились улучшить свое экономическое положение через разрешения беспрепятственно расселяться на равнинных землях, получение земельных наделов и сенокосных угодий, приобретение льготных прав на свободную торговлю в русских городах, крепостях и станицах [Ахмадов, 2002: 484–485].

Большое влияние на возникновение русских топонимов Ингушетии оказал колонизационный процесс. Г.К. Мартиросиан, цитируя И.Л. Ялизина, пишет: «Под колонизацией нужно понимать процесс заселения и использования производительных сил недонаселённых и экономически недоразвитых [мы бы называли это экономически находящихся на стадии развития. – Х.Х., А.Г.] территорий значительными массами людей, эмигрирующих из более густо населённых областей» [Мартиросиан, 1928: 23]. А.В. Авксентьев и В.А. Авксентьев пишут: «В XVI–XVII столетиях ингуши начали переселяться с гор на равнину. Но активно этот процесс шел в первой трети XIX столетия. В 1910 году ингушей приняли в российское подданство, русские власти поощряли переселение ингушей на равнину» [Авксентьев, 1983: 83]. Кстати, согласно Г.К. Мартиросиану, на месте аула Магомет-Хите в 1847 году возникла станица Вознесенская, аула Ахки-Юрт в 1859 году – станица Сунженская, в 1861 году на месте аула Ах-Борзе – станица Нестеровская, аула Ангуш в 1859 году – станица Тарская, в 1850 году на месте аула Алхасте – станица Фельдмаршальская [Мартиросиан, 1928: 76].

Определенное влияние на возникновение русских топонимов Ингушетии оказало христианство. Н.Г. Гриценко пишет: «Достоверно, что ещё в VIII веке н. э. в Чечено-Ингушетию проникает христианство не только с Закавказья, но и Юго-Восточной Европы, со стороны Тмутараканской Руси, т. е. почти за 200 лет до

официального принятия христианства на Руси [Гриценко, 1965: 7]. Цитируя Д.Д. Мальсагова, Н.Г. Гриценко подчёркивает наличие в ингушской христианской религиозной терминологии русских слов, заставляет полагать, что христианское влияние шло в горы Центрального Кавказа не только с юга, но и с севера от восточных славян. По мнению М.С.-Г. Албогачиевой, вторая половина XVIII века была отмечена активным вмешательством России в Ингушетию в эти процессы. Екатерина Великая предложила ингушам и осетинам принять крещение и переселяться к возводимой русской армией Моздокской линии [Албогачиева, 2013: 313]. Подарки деньгами и пособие хлебом, выдававшиеся новообращенным, привлекали семьи бедного и низкого сословий, побуждаемых к тому «корыстью». Некоторые из них, дабы пользоваться означенными пособиями, простёрли святотатство до того, что крестились по несколько раз. Вновь обращённым давались ткань на рубаху, а также крест, образок и новое христианское имя [Албогачиева, 2013: 314]. Христианство так и не закрепилось в ингушской среде, но свидетельства его бытования находят и ныне [Албогачиева, 2013: 314].

По мнению А. Сулейманова, станица Троицкая основана в 1845 году на месте бывшего Волынского укрепления, которое также возникло на месте бывшего орстхойского аула Обарг-Юрт – название Троицкая связано с названием церкви, воздвигнутой в честь Святой Троицы. Каждый год казаки-крестьяне со всех станиц с семьями приезжали сюда на христианский праздник Святой Троицы [Сулейманов, 2006: 546].

Данный вопрос требует дальнейшей разработки. Не изученными также остаются в ингушском топонимическом ландшафте, и в русском, частности: 1) влияние физико-географических условий и этноязыкового состава населения на топонимию; 2) влияние этнонимов Ингушетии на возникновение топонимов; 3) репрессия ингушского народа в годы Великой Отечественной войны и ее влияние на топонимию региона; 4) словообразование топонимов; 5) передача ингушских топонимов на русском языке на картах, в научной, учебной и художественной литературе, для чего необходимо подготовить специальную инструкцию по русской передаче топонимов местных географических терминов и других слов, формирующих топонимию Ингушетии; насколько нам известно, до сих пор специальной работы применительно к региону нет; 6) изучение годонимов городских и сельских поселений; такой опыт на Восточном Кавказе есть [Ханмагомедов, 2012; 2015]. Она посвящена годонимам городов

Махачкала и Дербент Республики Дагестан; 7) изучение мемориальных и символических топонимов; 8) сбор на основе документальных материалов (указов, постановлений, решений федерального и местных уровней и др.) в Российской Федерации и изучение топонимов, перешедших из активного фонда в пассивный.

Все эти проблемы можно реализовать, если мы начнём целенаправленно вести научные исследования по топонимическому ландшафту. Для этого есть достаточные научные силы в Ингушетии, Чечне, Дагестане и других регионах Северного Кавказа и России.

Данную работу мы считаем областью геономастики, её разрешение возможно только в тесном сотрудничестве географов, историков, лингвистов.

Библиографический список

Авксентьев А.В. Этнические проблемы современности и культура межнационального общения: учеб. пособие / А.В. Авксентьев, В.А. Авксентьев. – Ставрополь: Ставропольск. гос. пед. ин-т, 1983. – 222 с.

Албогачиева М.С.-Г. Введение // Ингуши / отв. ред.: М.С.-Г. Албогачиева, А.М. Мартазанов, Л.Т. Соловьева. – М.: Наука, 2013. – С. 5–10.

Албогачиева М.С.-Г. Христианство // Ингуши / отв. ред. М.С.-Г. Албогачиева, А.М. Мартазанов, Л.Т. Соловьева. – М.: Наука, 2013. – С. 311–317.

Арсамаков Б.И. Аз и Мы. – Назрань: Полиграфкомбинат, 2001. – 187 с.

Ахмадов Ш.Б. Чечня и Ингушетия в XVIII – начале XIX века: очерки социально-экономического развития и общественно-политического устройства Чечено-Ингушетии в XVIII – начале XIX века. – Элиста: Джандар, 2002. – 528 с.

Гриценко Н.Г. Из истории экономических связей и дружбы чечено-ингушского народа с русским народом. – Грозный: Чеч.-Инг. изд-во, 1965. – 66 с.

Мартirosian Г.К. Нагорная Ингушетия: социально-экономический очерк. – Владикавказ: Изд. НИИ краеведения, 1928. – 151 с.

Мартirosian Г.К. История Ингушетии: материалы. – Орджоникидзе: Сердало, 1933 – 319 с.

Мартirosian Г.К. История Ингушетии: дополнения / сост. М.С.-Г. Албогачиева. – СПб.: Айю, 1999. – С. 57–122.

Сулейманов А. Топонимия Чечни. – Грозный: Кн. изд-во, 2008. – 712 с.

Устаев А.Л. География Чеченской республики: учеб. пособие для 8–9 кл. – Нальчик: Тетраграф, 2011 – 176 с.

Ханмагомедов Х.Л. История возникновения полисонимов, наименований и переименований улиц Махачкалы (Республика Дагестан) / Х.Л. Ханмагомедов, А.А. Гебекова, У.К. Абакарова // Русское слово: прошлое, настоящее, будущее: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. 17–18 мая 2012 г. – Арзамас: Арзамас. гос. пед. ин-т, 2012. – С. 392–399.

Ханмагомедов Х.Л. Древняя и современная топонимия Республики Дагестан и историко-лингво-географическая топонимическая проблема /

Х.Л. Ханмагомедов, А.А. Гебекова // Материалы науч.-практ. конф. «Актуальные проблемы кавказоведения в XXI веке», посвящ. 165-летию Ч.Э. Ахриева. – Назран: Пилигрим, 2015. – С. 183–186.

Чокаев К.З. Монгольская топонимия Чечено-Ингушетии // Ономастика Кавказа: межвузовский сборник статей. – Орджоникидзе: Сев.-Осет. гос. ун-т им. К.Л. Хетагурова, 1980. – С. 155–158.

Чокаев Р.К. Из тюркской топонимии Чечено-Ингушетии // Ономастика Кавказа: межвуз. сб. ст. – Орджоникидзе: Сев.-Осет. гос. ун-т им. К.Л. Хетагурова, 1980. – С. 158–160.

Этническая картина Северного Кавказа: учеб. пособие / авт.-сост. Г.В. Захаров. – Кисловодск; Буденновск. Сев.-Кав. изд-во МИЛ, 2007 – 399 с.

Яковлев Н.Я. Ингуши: популярный очерк. – М.; Л.: Госиздат, 1925. – 135 с.

Цветкова Е.В. (Кострома)

ТОПОНИМИКОН СБОРНИКА ЧАСТУШЕК «ПЕРЕПЛЕТЕНИЕ» А. В. ГРОМОВА

Статья посвящена характеристике топонимии, содержащейся в частушках сборника «Переплетение» А.В. Громова. Топонимикон частушек, записанных им в Макарьевском и Мантуровском районах Костромской области, состоит из топонимов разных видов, представляющих как ближнее, так и дальнее пространство. В основном это собственно топонимы: ойконимы (чаще) и гидронимы – наиболее устойчивые географические наименования, часть которых известна за пределами макарьевской и мантуровской топонимических систем. Микротопонимия, содержащая сведения о лексике говоров, в целом типична для костромской топонимии; в частушках она тесно связана с апеллятивной лексикой, являющейся основной в представлении их пространственной параметризации. Роль топонимов в частушках не ограничивается выполнением их основной, локальной, функции.

Ключевые слова: мантуровские и макарьевские частушки; топонимия; микротопонимия, топонимы Костромской области, костромские говоры, топонимы в частушках.

«Народ наш в части языкового творчества очень талантливый народ, но мы плохо с этим считаемся. Мы не умеем отобрать то, что у него талантливо. Вспомните, как прекрасно делает он частушки» – эти слова М. Горького взяты в качестве эпиграфа к сборнику частушек Мантуровского и Макарьевского районов Костромской области «Переплетение», составителем которого является А.В. Громов [Громов, 2008: 3]. Содержание сборника показывает, насколько внимателен, чуток был А.В. Громов к народному слову,

как умел ценить народное творчество. «Переплетение» – это действительно переплетение многого, что смог создать в частушке, настоящей энциклопедии народной жизни, талантливый народ.

Частушки, вошедшие в данный сборник, являются источником самых разных сведений. Особое место среди них, без сомнения, занимают те, что «рисуют» окружающее людей пространство. Тот мир, в котором человек трудится, решает бытовые и другие проблемы, любит, радуется, страдает и т. д. Это леса, поля, горки, реки, озёра, колодцы, дороги и т. д., которые со многим в жизни людей связаны, со многим ассоциируются: *Край наш славится лесами, Тихими опушками, А ещё деревня наша Славится частушками* (13) (здесь и далее в скобках даются страницы сборника «Переплетение», на которых находятся приводимые в данной статье частушки); *Я пою, а ты, подружка, Эту песенку отпой. Из-за лесу лучше милый Или деревенский, свой?* (40); *Ходила по лесу, по вересу, А верес – не трава, Любила дролю две неделюшки, сказали года два* (18); *Вересовые кусточки, Я не знаю, как вас звать. Помогите, вересовые, От дрочечки отстать* (18); *Вы прощайте, косоньки, Колхозные полосоньки, Мне по вам не хаживать Не косить, не важивать* (21); *Все попадали во полюшке Мои суслончики. Посылала – не доходят милому поклончики* (82); *Через речку быструю Я мосточек выстрою. Ходи, милый, ходи мой, ходи летом и зимой* (87); *Побежишь, милой, топиться, Ты зайди ко мне проститься, Я до речки провожу, глубже место укажу* (670); *Зараста, дорожка, лесом, По которой я ходил. Унеси матаню, леший, Ту, которую любил* (45); *Милая, заветная – По ноге заметная. На жнитве, на полосе, Ленга алая в косе* (49); *Не ходи ты, милка, полем, По широким полосам, Всё равно тебя узнаю По кудрявым волосам* (51); *Задушевная товарка, Как тебе не стыдно? Все идут тропинкой торной, А тебя не видно* (85); *По деревне идитё, Играитё и поитё, Моё сердце беспокоитё И спать не даитё* (30); *Заиграл полубаянчик – Думала милёночек, Долго слушала стояла у зелёных ёлочек* (43); *Я к матанечке похаживал Лужком да бережком. Стали люди поговаривать: Матанечка с брюшком* (59); *Я спасибо говорю Под белую берёзою. Лёша, весело играешь, Называю «розою»* (36); *Выйду на гору крутую. Стану с лесом говорить: «Скажите, ёлочки зелёные, Которую любить?» Я уеду, не приеду, Тёмный лес останется. Дорогая милочка Товарищу достанется* (48). Пространственная параметризация в частушках представлена и апеллятивной (в основном), и проприальной (топонимией) лексикой.

В частушках звучат топонимы, являющиеся наименованиями наиболее значимых для людей, чем-либо выделяющихся географических объектов. Большую часть топонимикона сборника частушек составляют ойконимы – наиболее устойчивые по сравнению с другими собственными географическими названиями топонимы. В основном это наименования так называемого своего и ближнего пространства: *Макарово, Макарово, Макарово-село, По тебе, Моё Макарово, Гулять невесело* (14); *Макарово – деревня, Милая деревнюшка, Где я буду – не забуду Деревеньку, девушка* (14); *Самогоночка – не водочка, И пиво – не вино. Здесь барышни – не барышни, Пойдём в Головино* (46); *Мне не дорог Старый Город, По дороге в Гребенец. Мне не дорог старый дроля, Был бы Ваня Варенец* (13); *У матани у моей Валенки подшитые. Во Ильинское ходили Девки шадровитые* (47), а также несколько отдалённого (и уже не являющегося таким «своим», «родным»): *Мантурово на горе Надоло очень мне, Пожила бы я, девчонка, На родимой стороне* (15); *Проводите, девушки, До станции, до Неюшки, До куста ракитова Мальчика забритого* (73); *Проводите, девушки, До станции, до Неюшки. До берёзки зеленой, Потом воротитесь домой* (73); *Ягодиночка на Мёже, И душа моя тамой, Напишу письмо залётке: «Увези меня домой»* (102).

На ойконимы указывают и образованные на их основе определения и соответствующие названия их жителей: *Нынче Унжа пересохла, Рыба встала на дыбы. А макаровские дядечки Как старые грибы* (13); *У макаровских ребят На троих одни штаны: Колька носит, Ванька просит, Санька в очередь стоит* (13); *Мы, ребята-макарята, Пьяницы урезные, У нас ножики стальные, Кулаки железные* (14); *Мы давай с тобой попляшем, ты межак, и я межак. У меня штаны худые, У тебя худой пиджак* (37); *Красногорские частушки, Балалаечник – игрок. Не сходить ли по падог, Не набить ли ему бок?* (39); *Вологжанки – девки манки, А корёжские – мешки. Вологжаночку полюбишь, Береги свои башки* (45); *Подугорские ребята Не поют, а квакают, Целоваться не умеют, Только обмусакают* (61); *Полюбил свою матаню, Славницу и чубницу, Славницу и чубницу, Егорьевскую дрюнницу* (53); *Задушевная товарка, Солнышко на ниточке, Полюбила межака В синеньком пониточке* (97); *Во Самыловском колхозе Подходяще все живут: Бабы косят, бабы носят, мужики учёт ведут* (82).

Чаще встречается название дорогой для А.В. Громова деревни Макарово, его родины. Упоминается в частушке и название колхоза,

к которому относилась эта деревня: «*Красное Макарово*», *В осерёдке белое. Ребятишек маленьких С лешего наделано* (13). Данный топоним является центральным, ядерным, вокруг него (ближе и дальше), находятся все остальные составляющие топонимикон частушек топонимы. Содержание частушек позволяет говорить об определённом, географическом их сочетании и сопоставлении: *мы давай с тобой попляшем, ты межжак, и я межжак; вологжанки – девки манки, а корёжские – мешки; Подугорские ребята не поют, а квакают; Макарово – деревня, милая деревнюшка; здесь барышни – не барышни, пойдём в Головино; Ягодиночка на Мёже, И душа моя тамой; У Макаровских робят на троих одни штаны; во Ильинское ходили девки шадровитые.*

Гидронимия, как самая устойчивая группа топонимов, представлена наименованиями наиболее крупных водных объектов: *Хорошо на Унже жить: Ходят парходики, Не заметно, как проходят Молодые годики* (13); *Нынче Унжа пересохла, Рыба встала на дыбы. А макаровские дядечки Как старые грибы* (13); *Пароход идёт по Волге, Натяните паруса. Милка в беленьких бареточках Стоит у колеса* (45).

Микротопонимы содержат, например, следующие частушки: *В том краю большая драка, Я на драку побегу, Если голову отрубят, Я баранью привяжу* (64); *У окошечка сидела, Бело кружево плела, В ту стороночку смотрела, Гимнастёрочку ждала* (78); *У меня залёток два: В том конце и в этом. Одного зовут Фома, Другого Филаретом* (87). Наименования *тот край, тот конец, этот конец, та стороночка*, став обозначением единичных объектов в пределах небольшого пространства (одного населённого пункта), выходят за рамки системы апеллативных имён и начинают выполнять роль имён проприальных, оставаясь при этом более близкими апеллативам. Данные микротопонимы, являющиеся названиями частей поселений, частотны в топонимической системе Костромской области. Ср.: *В Том конце давно уж не бывала. А они в Этот конец не бывали* (Судислав., д. Калинки); *В Тот край оне ушли–* (Кадыиск., д. Екатеринкино); *В Той стороне Горочка-то* (Красносел., с. Подольское).

Значительная часть названий объектов, являющихся часто, как показывают наши наблюдения за живой народной речью, микротопонимами, которые создают облик определённого конкретного пространства (одного населённого пункта или его части, нескольких поселений), в частушках представляет собой апеллативную

лексику. Это связано с некоторой обобщённостью, типичностью описываемых в них событий. В рамках частушек как произведений народного творчества, в отличие от свободной, не имеющей таких границ живой народной речи, они не раскрываются в полной мере. Однако многие географические термины, без сомнения, могут восприниматься и названиями конкретных, единичных для той же деревни Макарово, мест, то есть микропонимами, например: *В нашем поле на угоре Потерял мужик дугу. У ворот стоит телега И лягает вереву* (57); *Из колодчика водой Напойте не единова, Чтобы я не тосковала, Не жалела милова* (17); *Из колодца вода льётся, Вода грязноватая. Мил напьётся, А я виноватая* (19); *Чу, гармошка заиграла Где-то, по-за горой, Я, молодая девушка, Обрадовалась ей* (40); *Я хотел, было, жениться, А теперь не женюсь. Девки в озере купались – Посмотрел, теперь боюсь* (62); *Гуси серые летели, У колодца сели пить. У меня ума хватило Занятого полюбить* (103); *Мы с милёнком расставались У реки, под мостиком. Он пошёл, а я сказала: «Обезьяна с хвостиком»* (89); *Я косила у пруда, Не даёт косить вода. Платочком маленьким махала: «Поди миленький сюда»; Я косила у пруда, Не даёт косить вода. Кто милёночка полюбит, Дело будет до суда* (105); *Я берёзовую цуоцку По гороцке кацу. Не скажу, с каким мальцонкой По-знакомицца хоцу* (108); *На горе стоят сосёнки, С поля веет свежестью. А у милого глазёнки Голубые, с нежностью* (88); *На высокой на гориночке Овса пожала бы. Гармониста-ухажёрника Поважала бы* (33); *На высокой на горе Соловейко свищует. Гаря совесть потерял, Секлетия ищет* (14); *Через речку, через мост я кричала перевоз. Меня душенька-Ванюшенька, Молоденький, хорошенький, Кудрявенький. Курносенький, В костюмчике, при часах. На ручках перенёс* (88) и др. Ср. (по материалам картотеки Костромского топонимического словаря): место около реки Унжи *Угор – Пойдём на Угор* (Макар., д. Мартыново); возвышенность *Угор – На территории деревни он. Завтра собраться всем на Угоре с коровами* (Октябр., д. Забегаево); возвышенность *Горка – В магазин на Горке продукты завезли* (Кадыйск., п. Текун); возвышенность *Высокая гора – Высокое место так и назвали. Это и не гора совсем, а просто высокое место было, но все звали Высокая гора* (Красносел., с. Здемирово); колодец *Колодец – Находится в середине деревни, ныне закрыт. Она только за Колодцем сено перешевелила* (Костром., д. Медениково); родник *Колодчик – На Колодчик нас возили* (Кадыйск., п. Кадый); водоём *Озеро – Карьеры тут были,*

потом озеро образовалось. Так его Озеро и зовём (Нерехт., д. Лаврово); *возвышенность Гора* в с. Подольском – *Так в Гору-то и иди дальше* (Красносел., с. Подольское).

Так называемое дальнее пространство в частушках представлено наименованиями, которые связаны с какими-либо значимыми объектами, предметами, запоминающимися ситуациями: *Вологодская тюрьма, Чем она украшена? Ёлками, берёзками, Ребятками-подростками* (14); *Река Кама течёт прямо, На ней тоненький ледок. Я с девчонкой целовался – Губки сладки, как медок* (45); *Вот она и заиграла Хромочка из Кирова. А я, девушка, запела Песенки про милого* (29). В чужой стороне – *На чужой-то на сторонке Солнышко не греет, Кроме мамоньки, тебя Никто не пожалеет* (71) – и люди иные: *Вологжанки – девки манки, А корёжские – мешки. Вологжаночку полюбишь, Береги свои башки* (45).

По своей характеристике топонимия сборника «Переплетение» во многом близка топонимии, имеющейся в частушках, записанных в других районах Костромской области (см., например, [Частушки ... , 2004]).

Топонимы в частушках, удивительно самобытных и неповторимых народных сочинениях, не только выполняют свою основную функцию – локальную, но и в определённой степени используются для характеристики их героев и происходящих с ними событий, для характеристики называемых объектов, состояния и настроения сочинителей, создания особой частушечной атмосферы и т. д. (см. об этом также, например, [Цветкова, 2012]). Представляющие живую народную речь, они, как и другая вошедшая в частушки лексика, являются хранителями ценных сведений о языке, культуре создавшего их народа. А благодаря таким исследователям народной речи, как А.В. Громов, создаётся настоящий «золотой том народной мудрости» [Громов, 2008: 3].

Библиографический список

Громов А.В. Переплетение. Сборник частушек Мантуровского и Макарьевого районов Костромской области. – Мантурово: [б. и.], 2008. – 138 с.

Цветкова Е.В. Топонимы в устном народном творчестве (на материале частушек костромского края) // Русское слово: прошлое, настоящее, будущее: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием 17–18 мая 2012 г. / отв. ред. С.Н. Пяткин; АГПИ им. А.П. Гайдара. – Арзамас: АГПИ, 2012. – С. 405–410.

Частушки Вохомского края / сост. Л.Н. Попов, под ред. Н.С. Ганцовской и Г.И. Машировой. – Кострома: Линия График Кострома, 2004. – 268 с.

*МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ
КРАЕВЕДОВ И О КРАЕВЕДАХ.
НАРОДНЫЕ РАССКАЗЫ,
ЭКСПЕДИЦИОННЫЕ ДНЕВНИКИ*

ЗНАЧЕНИЕ ТЕКСТОВЫХ ОБРАЗЦОВ ДИАЛЕКТНОЙ РЕЧИ ВО ВСЕСТОРОННЕМ ИЗУЧЕНИИ ДИАЛЕКТА

В данной статье рассмотрены вопросы изучения диалектов русского языка. Показано недостаточное внимание со стороны общества к изучению и сохранению диалектов. Статья подчеркивает актуальность изучения русских диалектов, находящихся в процессе быстрого вымирания.

Доказывается роль текстов, составленных на диалекте, для его всестороннего изучения: чем объемнее текст, тем полнее и глубже можно выявить грамматические, лексические, стилистические и фонетические особенности диалекта. Сделана редкая попытка написать художественные тексты на азлецком диалекте Вологодской области, которые могут представлять интерес не только для специалистов в области диалектологии, но и для тех, кого заинтересует один из диалектов нашего региона, существовавший в первой половине прошлого века и к настоящему времени исчезнувший.

Ключевые слова: *диалект; состояние диалектов; сохранение диалектов; языковое наследие; текст на диалекте; носители диалекта; всестороннее изучение диалекта.*

Культурное наследие народа составляют материальные и духовные достижения различной давности, переходящие к новым поколениям в новые эпохи. К ним, бесспорно, относится язык и его различные разновидности. В нашей стране практически во всех сферах жизни культивируется только литературный русский язык. Хотя в Российской Федерации диалекты по закону тоже являются культурной ценностью, жизнь показывает, что носители диалекта часто становятся объектами насмешек, а поэтому стараются избегать говорить на диалекте. Проектов, направленных на воспитание уважительного отношения к диалектам и на их сохранение, практически нет. Статус диалектной лексики в российских городах и деревнях довольно низкий, поэтому диалекты русского языка быстро исчезают, оставляя за собой лишь незначительные элементы, не позволяющие судить о говоре как диалекте. Такая участь постигла и наш родной диалект, диалект жителей бывшего Азлецкого сельсовета Харовского района Вологодской области. Такое положение может ставить под угрозу сохранение данного языкового наследия как культурной ценности и наносит ущерб сохранению самобытности русского народа.

В отдельных статьях мы пытались описать некоторые характерные черты нашего диалекта, однако же диалект, для получения
© Богобоязов С.Н., 2016

о нём полного представления, следует описывать всесторонне, как и любой язык. Собственно говоря, это и есть язык со своими фонетическими, лексическими, грамматическими и стилистическими особенностями, передающими специфику бытовой жизни, культуры и мышления носителей диалекта. Естественно, все эти особенности можно было бы почувствовать в живом общении с носителем диалекта. Но поскольку таковых уже практически не существует, то их в какой-то мере заменят тексты, воспроизводящие естественную речь жителей того времени.

Кроме того, хотелось бы обратить внимание и на другую сторону этого вопроса. На диалектах некоторых языков, например, немецкого, издаётся художественная литература, проводятся фольклорные мероприятия, создаются радиопередачи. Что касается диалектов русского языка, то в художественных текстах встречаются лишь отдельные их элементы для придания тексту определённого художественного стиля. Наш диалект, к примеру, очень хорошо чувствуется в произведениях В.И. Белова, который происхождением из нашей местности. Многие его художественные произведения богаты диалектной лексикой, имеют характерное для диалекта построение предложений, речь героев очень близка к диалекту. Однако самостоятельных произведений на диалектах русского языка, где бы учитывались абсолютно все языковые особенности диалекта, по-видимому, не существует, по крайней мере, нам их встречать не приходилось.

Поэтому мы и рискнули составить на диалекте несколько рассказов и стихотворений. Насколько велика их художественная ценность – судить читателю, но они позволят ему почувствовать, как звучала речь на диалекте. Тексты составлены на основе речи реальных людей и языком, естественным для жителей наших деревень 50–70-х годов прошлого века. Считаем эти тексты вдвойне ценными, поскольку ни этого диалекта, ни людей, говорящих на нём, уже давно не существует. Надеемся, что они будут полезны для лиц, изучающих диалекты или для тех, кому интересно, как говорили наши предки около сотни и более лет тому назад, так как язык этих деревень без радио, телевидения и иного влияния извне оставался десятки лет практически неизменным. Ниже мы представляем некоторые наши тексты.

Примечания к текстам: При передаче звучания слов мы старались использовать фонетический способ их написания. Употребляется буква *ў* для передачи губно-губного звука [w]. Ударные гласные в сомнительных случаях выделены жирным шрифтом.

Бухтины Самодурова

В дереўне-то ранше эка мода была – на беседы ходить. Соберу́ччэ у ково-небудь в избе да и сидят там. Хто што делаёт. Бабы дак хто предёт, хто кружова́ плетёт, а хто дак и так сидит. Бываёт, писни запоют. А хто дак чэ занятноё роскажот.

У нас экой Самодуроў ў дереўне бываў. Тот всё любий на беседы-те ходить. А придёт – дак слова простово не скажот. Всё какиё-небудь пригоножки да росказни, што и вирить нельзя. Всё, бывало, росказываў, как к ему самолёт в дереўню прилетаў да на крышу сядиўсэ.

Вот кошу, грит, в загороде, а самолёт-от и литит. Вот уж надо мной как раз. Глежу, лётшык окошко открываёт у самолёта, голоў высунуў да и кричит: «Эй, грит, на Москву-то тут дак котора дорога? А то тут всё над лесом литили, окружыло, и дорогу потеряли».

«Дак на Москву-то, поди-ко, я и не знаю, говорю, у нас кому ў Москву надо, дак сперва в Хароўськую едут, а оттуды уж на поезду и дале, хто куды жалаёт. А на Хароўську-ту дак вон дорога. Вы давайте лититё-ко ў Хароўськую-ту, да там и спроситё. Там-то народ горочкёй, потоўковее нас, можот, чё и подскажут. Да больнё-то не торопитесь, садитесь наземь-ту, вон бабе своёй скажу, дак самовар поставит да чаю попьём. Сахару-то нету, дак кош с веленичэй».

Лётшык рукой махнуў: «Ладно, сечас».

Дереўню облитеў да и сеў ко мне на крышу, штобы потом слетать было лоўчее. Я лисничю приволок, оне слизли, в избу пошли. А с собой-то и сахару, и каўбасы, и всяково угошшения принесли. Я обрадеў, из синика поўлитру принёс. Выпили, штей свежих похлебали. Поговорили, што да где. Говорят, литят из Архандельскя, торопиччэ бы надо, да вот с дорогой не попаило.

После другой стопки и розговор сминиўсэ. Почели спрашивать, где ишшо вина можно купить, да ў которой дереўне деўки башше. А после третьёй и гармонью запросили. Я уж говорю: «Робята, гледитё, отемниетё, дак и соўсем дороги не натти». Ладно, засобирались. Сходили ў нужник на дорогу. Старшой меншово отправиў мотор заводить, а сам сеў со мной на посошок.

А младшой-от, чюём, в самолёте петаеччэ, мотор заводит, а тоўку-то, видно, ишшо нету, да и голова-та не больнё трезва. Горючэё всё выжог, а мотор не завёў.

Старшой-от лётшык из мати в мать: чё делать-то топерече?

Я гу: «Робята, у вас самолёт-от на чём роботат, на бегзине ли карасине?» Старшой грит: «Да один лешой, с умом дак на чём хош улитим».

Я достаў трёхлитрову бутылъ карасину, куплен быў гля ланпы да фенаря, отдаў им. Оне говорят, мало, далёко не улиتيش. Сидят росстроеныё.

Я гу: «Ну чё, робята, деньги-те есь?» – «Есь».

«Давайтё десятку, а то дак и две». Дали три, токо выручи.

Взяў деньги да бутылъ из-под карасину и пошоў к божатке: та ўсю жысь самогонку гонила. Говорю: «Налей-ко, божатка, почише да покрипче». Та, как увидела бутылъ, дак и давай меня ругать из сотон в сотоны: «Пьенича, остатню копейку ў семье пропиваёш, да с экой-то острашынной бутылъёй пришоў, грезной да и карасином пахнёт. Пить-то из экой гáведно».

Я гу: «Отстань, божатка, ругаччё-то, не мне вино-то, да и деньги сразу оддам».

Вынуў десятку, полбжыў на камот: «Ну, чево?»

Божатка на деньги згленула, рукой махнула: «Да лешой с тобой, пей хош в три горла. Ладно, помани упряжку, сечяс принесу».

Сосмешали мы карасин с самогонкой, вылили ў бак, тырк – завелось с первоо разу.

Лётшыки говорят: «Ну, Самодуроў, молодець. В Москве скажом, што эко горюччё придумаў – премию дадут». Улили.

Я премию мисечя два ждаў, не дождаўсё. Поди, забыли, не сказали. Да ладно и сделали. Сразу бы на коўхоз план спустили: пришлось бы картошку на самогон изводить. А без картошки погинём, соўсем в дерёуне ись нёчево будёт.

Баўшка ў няньках

Ой, вóсподи, опеть отча да матки нету дома, всех сотон на меня оставили. Чёлой день шшáливают, никакovo тоўку с им не дать.

– Ты куды в окошко-то пéлиссё, оразись-ко с экой высотишшы, дак убьессё до смерти. Токо за вам, сотонам, и гледи да нáстори, чё бы не наварзáli.

– Отстань от диўчёнки, сотонёнок, чево её задóриш, лико опеть росквилиў. Нет бы дома посидить да с робёнком поводииччё, дак ведь лешой носит челои день по дереўне. Лидькя бы поводилась, да ишшо худа пéстунья, за самой глаз да глаз надо.

– А ты-то там какво лешова по полицям лытаёш, уди из кути. Недаўно или, опеть надо. Садитесь за стоў, сечас шти из печи достану. Руки мойтё! Воды-то налейтё в рукомойник, чево простым-то брекоцитё. Грезь-ту с рук лутше смывайтё, а то рукатерник-от упичкели, што как из греди складен. Чево коўшом-то ў котле сқыркаетё? Воды нету? Дак ведь линь сотонам наносить-то, ждетё, пока отець да матка не велят. Линишша перекатныё, линь-та перёже вас родилась.

– Чево там под кроватьёй-то поўзаш, чево ишшош? Садись за стоў, гля тебя другой выти не будёт.

– Ты-то чево как пень у стола выўстаў? Лошки нету? Вон маўкая лошечья есь, дак бери. Да вон и большая у тебя под носом, зинчите открой. Да сядь за стоў-от, чево иси как нёкрут? Сидитё умски за столом, хлебайтё да мене байтё.

– Не тоўкай деўку-ту, она ўсе шти пролила. Ишшо потоўкайсё, дак лошкой пачёсну, да из-за стола вон, дак и наисись! Лико, лешой с тобой, ишшо и на ответ даёт. Уж большой, а ума нету. Вырос, а ума не вынес. Не слушаёт не отчя не матки. Да и оне вас худо стрóжат. Вичю на вас надо хорошую. Мой татъкё ишшо говариваў: «Вичья не покалечит, а ума дас». Я всё держала вичю-ту за кожукóм, дак опеть куды-то девалась. Поди, из вас которой её выкинуў.

– Чево не иси-то? Неискусно? Вот тюму дам, дак будёт искусно. Где, к лешому, на ўсех уладить, ведь не варить каждому на осóбинку.

– Поили, дак выводитё, чево ишшо ждетё? На уличю подетё, дак одиньтёсь потодильнее, не ходитё как пасачи.

– Чево там деретёсь-то? Ну-ко, росстаньтёсь, а то рёмнём отхлешшу ўсех по очерёдке. Нет от вас, сотон, спокою не денно не ношно. Отстань махаччё-то, чуть мне глаза не выткнуў! Лико окáзьё какоё, не дна бы тебе не покрышки! Неси вас лешой на уличю, сотон окаянных, прости меня, восподи, черичья небесна!

Слава тебе, восподи, ушли. Со стола уберу да стаўчи вымою, да кош упряжку какую в спокойе посижу.

Дóма в дереўне

Вот опеть я приёхаў ў дереўню домой.

Петь годоў уж прожыў ў городу.

Вёдро сёдне на уличе – часик какой

Погулеть по дереўне поду.

Сончѣ сѣдне палит, и жариишиа неўладѣ,
А водичя в рике – вараток.
Робетишок купаюччѣ не надо и звать:
Чельым сѣткам бунтят омуток.
Вон Марюта идѣт с водоносом с рики:
Волокѣт челы вѣдра воды.
Паўло косит у бань, а евонной парнѣк
Изорваў, кайчѣт, новы штаны.
Эк, и поўзат везде, вот легушу зымаў,
И изладиўсѣ с ёй поиграть.
А Марюта орѣт: «Чѣ ты петаши еѣ?
Опусти, да не смий боле брать!»
Паўло это учуў, парнека поругаў
И ў застиньѣ пошоў покурить.
А парнишко ў грезе железягу нашоў,
И давай ёй о косу лашишить!
Вон Текуса с Паранѣй счипились в лугу:
Видно худо роздѣлен покос.
Эк, деруччѣ, ак стрась! Взели по батозу –
У Параньки ў крове, кайчѣт, нос.
Дале Ваня с Аўгусой своѣй мечѣт стог,
Да не стало им сена хватать.
Ванькя снизу орѣт: «Што ты, лешой с тобой?
Чѣ, забыла, как стоги метать?»
А Аўгуса не чюѣт, оглохла даўно,
Ак топере ругай – не ругай.
«Ванькя, сена-то нет, ну-ко стог утодиль,
Да и снизу ево подчепай». Ванькя ў нос матюкну ўсѣ, за грабли взеўсѣ,
Почяў сено остатнѣ чепать.
А Аўгуса вверху балахон послала,
И покашто легла подремать...
Да, кажинной уж год, как подходит пора,
Иззаранья уж серчѣ болит:
Побывать надо сейгод в родной волосте,
На дереўню свою погледить.

РОДНОЕ СЛОВО В ПАМЯТИ НАРОДА

В воспоминаниях Л. Болотовой о единых, как ей кажется, говорах её родных мест Поветлужья, теперь Шарьинского района Костромской области, Краснобаковского и Варнавинского Нижегородской области, содержится немало диалектных слов и выражений. Дается образец диалектного текста и краткий словарь диалектных слов этих мест.

Ключевые слова: деревенская речь; пасхальное яичко; Андрониха Одоевского сельсовета Шарьинского района; Красные Баки; Варнавино.

Время уже не идёт и бежит, а стремительно летит. И вот уже я, как и Вы, живу более десяти лет в двадцать первом веке.

Давно хотелось мне высказаться по поводу нашего русского, родного, деревенского и диалектного языка. Да, деревенскую речь, диалектные слова и выражения помнят сейчас не все мои сверстники и даже люди гораздо старше меня. Это, думаю, связано с тем, где раньше жил человек – в деревне или лесном рабочем посёлке, проживали ли в их семьях бабушки и дедушки, прямые носители этого языка.

В среде филологов существует мнение, что речь, в том числе и диалектную, способны в дальнейшем воспроизвести в следующих объемах люди 20–25 лет – на 25 %; 25–50 лет – на 40 %; 50–70 лет – на 75 % и более. Где-то подспудно в моём сознании шла работа над тем, как и каким образом мне сохранить всё то, что я вспомнила. Вспоминая то или иное слово, я как бы вкладывала его в уста моей бабушки, и тогда становилось всё на свои места. На протяжении двух лет и днём, и по ночам я записывала свои слова. Продолжаю это делать и сейчас.

Все это способствовало написанию мною рассказов «Родное слово», «История одного письма», «Пасхальное яичко», «Разговор с родными. Семейная хроника в письмах», повести «Сенокос как часть жизни» и составлению «Деревенского словаря», который включил в себя более 4500 ячеек-строк, а в них – порядка 6 тысяч слов и выражений, а может, и больше – я их специально не подсчитывала.

Я хотела бы рассказать о том, как составлялся мой «Деревенский словарь», о цели своего лингвистического и этнографического исследования.

«Деревенский словарь» – это сборник слов и фразеологических оборотов, которые употреблялись в разговорной речи моими

бабушками Коробкиной Анной Яковлевной и Березиной Агафьей Андреевной; моими родителями Лидией Максимовной и Павлом Фёдоровичем Березиными; мною и моими родственниками; жителями деревень Бархатиха, Бажино, посёлка Бродовое и их округи; рабочих посёлков Варнавино и Красные Баки, где довелось жить моей семье.

Разговорная речь моей мамы, хоть она и работала учительницей, была богата диалектными словами и местными оборотами речи. А может быть, именно потому, что мама была учительницей, она и знала очень много таких слов и выражений и умела их правильно и к месту применить? Скорее всего, так и было. Мама родилась в деревне Андрониха (Дерябино) Одоевского сельсовета Ивановского района Костромской губернии. Ныне это Шарьинский район, который находится на востоке Костромской области. Прожив 85 лет (1921–2006), она была, несомненно, носителем того языка, на котором разговаривали её родители – Коробкины Максим Михайлович (1880 г.р.) и Анна Яковлевна (1891 г.р.), её родные, жители Шарьинского, Ветлужского и Варнавинского районов, где она жила, училась и работала. До 1974 года я росла рядом с бабушкой Агафьей Андреевной (мать отца 1900 г.р.), уроженкой деревни Бажино Варнавинского района. Поэтому, пока бабушка и мама были живы, в нашей семье сохранялась, постоянно применялась или, как говорят, «была на слуху» разговорная речь того времени, что не позволило и мне забыть эти слова и обороты речи. Более того, став взрослой, я приоткрыла дверцу в ушедшее время – вспомнила и решила записать на бумагу то, что впитала от моих предков и окружения.

Жители Варнавинского, Ветлужского, Шарьинского, Красно-Баковского районов всегда, благодаря своему местоположению, были в тесном общении, что также сказалось и на языке, распространённом на этой территории. Сейчас эти районы входят в Поветлужье, объединила их река Ветлуга. В 1922 году Варнавинский и Ветлужский уезды были причислены к Нижегородской губернии. В 1929 году в составе Нижегородской губернии образуется Шарьинский округ, в который вошёл Ветлужский уезд, часть Красно-Баковского уезда, ранее входившего в Варнавинский уезд, и другие уезды. В 1935 году в составе Горьковской области был образован Шарьинский район. В 1944 году с образованием Костромской области Шарьинский район вошел в её состав. Шарьинский район на юге граничит с Ветлужским районом, а тот

в свою очередь – с Варнавинским. Там, в деревне Андрониха, родина моей мамы Березиной Лидии Максимовны. Думаю, что всем ясно, что у этих районов много общего и в образе жизни, и в языке.

Включённые в «Деревенский словарь» слова и обороты речи являются как литературными, так и относящимися к разговорной речи, а также диалектными. Но все они упоминались и использовались в местности, где проживала наша семья. На протяжении двух лет и днём, и по ночам я записывала свои слова. Продолжаю это делать и сейчас. Эту информацию я собирала прежде всего для себя, своих детей и внуков, но с удовольствием поделюсь ею и с моими земляками.

Большинство из моих рассказов были напечатаны в 2014–2016 годах в Варнавинской районной газете «Новый путь» и Краснобаковской районной газете «Вперёд».

В канун православного праздника Пасхи, используя лингвистический материал, я постаралась сложить из высказываний многих людей-респондентов небольшой рассказ-экскурс об этом празднике.

Пасхальные хлопоты

Па'ска была праздник большой, Христо'в де'нь – когда его празднуют? Он всяко, Христо'в де'нь бывает. С Покрова' начинали на беседки ходить – и до Пасхи. Как начинается Вели'кое Гови'нье – всё, не пускали. Уже грех. Гови'нье – пост-от семь недель. Первую неделю строго соблюдали, третью неделю, страшну'ю неде'лю. А кто так и весь пост, все семь недель говел.

Не моло'сняются – не молоко, не мясо не едят. И даже рыбу нельзя, бывает. Первый день не моло'сняются и последний – самые главные эти дни. Говеют, едят только постное. Раньше больше народу-то по'снилося. Кто богачи-то и робятам даже не давали молока-то, всё копили да делали ка'дошное молоко'. А старые уж все семь недель говели, уж не моло'снились – ничего, ничего. Больного человека Бог простит – пусть моло'снится. Так говорили вот.

В гови'нье-то свадьбы не делали, только в мясое'ды.

В вербное воскресенье ходили за вербой, её освящали. Если загорит, пожар, то надо бара'шек вербы в огонь кинуть, и он прекратится. Теперь веточка будет стоять до самой другой Па'ски.

Яичко освещают, кладут за икону, там оно хранится целый год: от Па'ски до Па'ски.

Бывает страшна'я неде'ля (страстная неделя) – последняя неделя. Она самая строгая. На Страшной-то неделе вечером в среду четверга кладут соль-от на тя'бло. Каждый год. Ну, например, тамо вот в баночке положат – вдруг потребуется куда-то, там скотине или чего. И каждый год вот туда и клали. Это называлась страхова'я соль. Всю Страшну'ю неделю только молилися, молилися все дни. У них уж в избе был порядок. Они до поры' наведут, занавески повесят, изба вымыта, всё готово.

Со среды на четверг на страстной неделе ходили за мужжевёлом, за ве'ресом. Придешь к можжевельнику, наломаешь этих веточек, принесёшь домой и окуриваешь дом перед Па'ской. Чтобы вся нечисть уходила.

На Великодённый Четверг, кто зна'л – ночью ходили, колдовали.

А примыва'лись перед Пасхой – надо чтобы до четверга. А в пятницу уже нельзя пол мыть – плащеницу-то выносят. У которых время есть, так они уже к Вербному воскресенью наряжали дом-от. У их всё было чисто.

Перед Пасхой избу мыли, голик оставался от веника берёзового, им и мыли. В дресве или кирпиче натирали, а потом мочалками из мочала промывали всё. Всё время перед Па'ской белили печку-то.

Па'ска и есть Па'ска: па'ску пекли, в церкву носили, святили. У кого нет коровы, так тем на Пасху молока носили. Это уж обязательно: разносишь – у кого нет молока, нет коровы. Чтобы у всех было молоко. Или если у меня есть яйца, куры несутся, я должна в три дома да унести яичек. Чтоб они тоже сварили, чтобы у них были яички.

Паску стряпали, ей разговлялися: кра'сное яичко разрежут и па'ски отрежут. Паска – это телепенёк такой кругленький делают, тут крестик на ём, как Иисус Христос, шариков накачают, наладут – чтобы красиво всё было.

В Па'ску це'ркву со свичками обходят. И с этим обто'почком обходят свой дом, благословляют его.

Варили обязательно в Па'ску кра'сные яички с пером луковым. Если пера лукового нет – по деря'гу ходили, и они жёлтые от деря'ги были. Деря'га – тянется. Листов у ней нет. Она всё стелется, стелется. Такие от её как иголки, они не колючие, мягкие (растение дерябка, плаун).

Праздновали пры'тко Паску: занимались ведь и сельским хозяйством, было чего собирать (на стол) из еды. В говинье-то не ели, а вот к Пасхе-то пры'тко припасалися. Ка'днее молоко' всё

делали. Это молоко с творогом. Сварят творог и варенцом залиют, сыворотка остаётся – сливают в кастрюлю. Потом пехнут в печь, оно утопится, такое красное делается. Пока говинье было, его сливали в ка'дцы и хранили в погребе <...>.

Яйца кра'сные варили обязательно и катали на Паску. В лужке так катали – табу'н народу ведь! Мяч большой сделают из коровьей шерсти и ката'ют по деревне. По два яйца распа'рят – парами этак сделают и катают. Яички все кладут в подол – и вытаскивают по очереди. Первая – Галина, допустим, вторая – Танюха, третья – Таисья. И катаешь. Как своя очередь – катишь по желобку, и если ко'кнется там по-какому – то всё, вы'катала яичко. Кто-нибудь вы'катает много – счастливой: ой, сколь навыка'тывал! Катают: яичко задела – значит, вы'катала. Кто вы'катил – себе забирает. А не вы'катил, так проката'л.

Ещё в Па'ску катались на качелях, там уж тепло бывает. Качели заве'шивали – даже на дереве, на сучке-то заве'шивали или специальные такие турники ставили. Еще вот на ма'тицу привязывались и эти верёвочки на качель – какому-то деду заказывали, который вот эту верёвочку плёл. Качели заве'сят и качались на качели. Столь насыдет на качелью-то, и сзади на козлах, например, встают ребята-то и так раскачают, что перелететь можешь. И большие качались: надо ведь подурЕть – дурость-то у всех ведь.

23.04.2016

Деревенский словарь

А

Аверья'нка, аверьяновка; аверьяновый корень. Валерьяна растение; валерьянка, валериановые капли; валериановый корень.

А'вкать, ивкать. Рывкать, реветь в голос.

Аво'сь; авось пронесет. Вдруг; как-нибудь обойдётся.

Ад, ады'; ады ненасытные. Бранное слово; поругивали домашнюю скотину, которая не спешила возвращаться с пастбища.

А'дрест. Адрес.

Аж; аж устал. Даже; даже устал.

Айда'. Пошли.

Акура'т, в акурат, в окурат. Как раз, в самый раз.

Али'; али придут. Или, неужели; неужели придут.

Алка'ть. Пить.

Ало'й, столе'тник. Растение алоэ.

А'лшной. Алчный, жадный.

Аля'киши, олякиши. Плохая, неудавшаяся, неподнявшаяся выпечка; недопеченый полусырой хлеб.

Аля'повато; аляпистый; больно аля'пистый – бросает-ся в глаза. Грубо, безвкусно; безвкусный, грубый; очень яркий, вызывающий.

А'мать. Есть, кушать (о детях).

Ами'нь; заами'нивать окна и двери. Истинно, истинно так; предполагает либо молитву, либо конец дела; крестили окна и двери с молитвой и словами «аминь», тем самым защищали жилище от нечистой силы.

Амуни'ция, амуница; ссымай амуницу-то. Одежда; снимай одежду-то.

Амба'р, житница. Амбар; помещение для хранения зерна, муки и другого добра хозяев.

А'ндел, андело'к. Ангел, ангелок.

Анчи'христ. Антихрист.

Арти'ль. Артель.

Арха'ровец. Хулиган; отчаянный человек.

Афана'с. Игра в прятки; игра, когда водящий ловит игроков с завязанными глазами.

Б

Бабане'жить; спит еще – бабанежится. Нежить, баловать; долго и сладко спит, нежится.

Бабёшка. Баба, бабёнка.

Бобо'нчик. Круглая семенная коробка у растений (у кубышки жёлтой, картошки и пр.).

Багри'ть. Ловить, вытаскивать багром из воды бревна, рыбу.

Багу'н. Багульник болотный.

Бадья'. Большое деревянное ведро, которое подвешивали к журавлю либо вороту колодца и доставали им воду. Понизу и верху бадью скрепляли для прочности железными обручами.

Ба'женцы, бажинцы, бажуки', бажень'та, бажа'та. Жители деревни Бажино.

Ба'ить, ба'ять. Говорить.

Бака'лдина. Яма с водой и грязью на дороге либо в поле.

Бакла'жка. Фляжка.

Бако'вя'на, бако'вена. Жители Красных Баков.

Баку'ра; кошачья бакура. Чашка, миска, посуда; кошачья посуда.

Балабо'лки. Сороки; цветы калужницы, купальницы.

Балабо'н, балаболка, балала'ешник. Пустомеля, болтун.

Бала'кать. Разговаривать.

Баламу'т; баламутить народ. Подстрекатель, бузотёр; вносить беспокойство, разлад, накалять обстановку.

Бала'ндаться. Плескаться в воде; купаться на мели у берега; долго мыть посуду, споласкивать ее в нескольких водах.

Балбе'с. Бестолковый, непослушный.

Баля'сы; баля'сы точить. Болтовня; попусту болтать, разговаривать о пустяках.

Ба'нюшка. Банька.

Бараба'нка, пастушня. Небольшая доска, которую подвешивали на веревочку и перекидывали через шею на грудь, а затем по ней отстукивали ритм деревянными палочками, выгоняя коров на пастбище и не давая им разбрестись по сторонам. Пастушня была просто необходима, когда коровы паслись в лесу. Коровы очень хорошо реагировали на пастушню в лесу и далеко не разбрелись от пастуха, шли следом за ним либо шли впереди него к дому, направляемые барабанными звуками.

Бара'н да яра – хорошая пара. Приговорка, применяется к неразлучным и дружным парам, людям.

Ба'реньки, барьки, ба'ри; бареньки бле'ют, блеяют, бекают. Овечки; овечки кричат.

Барма', барми'ть. Бормотун, бузотер; бессвязно разговаривать, говорить как пьяный человек.

Баржа'; как баржа плывёт; корова как баржа идёт. Полный человек; полная женщина идёт неторопясь; корова с раздувшимся животом идёт с гулянки.

Ба'роня; живет одна, как бароня. Барыня; о жизни в достатке; об одинокой женщине, которая ни в чем не нуждается, живет спокойной жизнью.

Ба'ский, баской; баско. Красивый, яркий, хороший; нарядно, красиво.

Бати'ст. Тонкая полупрозрачная ткань, использовали для шитья детских рубашечек, платочков.

Бато'г, падог; падажи'на, бачи'на. Толстая длинная палка; длинная палка в руках, на которую опирались при ходьбе.

Ба'тька, батько, батюшко; тятя, тятенька. Отец.

Ба'ушка; баушка зубы вы'пердела. Бабушка; так говорят шутя о беззубых маленьких детях.

Бахва'л, бахвалиться; хватит бахвалиться, пей. Хвастун, хвастаться, хвалиться; пренебрегать угощением, капризничать.

Ба'хнуться, бабахнуться. Упасть, удариться.

Баш на баш; дашь на дашь. Обмен, мена.

Башка', бестолко'вка, ку'мпол. Голова.

Баю'н, баюнья; баять. Говорун, говорунья; словоохотливый человек, краснобай; говорить, сказывать.

Беди'ть, набедить, бедовый. Дурить, шkodить, приносить неприятности; озорной, боевой.

Бедоку'рить, набедокурить; беди'ть, набедить. Озоровать, проказничать; натворить бед, напроказничать.

Бежать сломя' голову. Бежать быстро, без оглядки; удирать.

Бежит как нахл'етаный, как ошпа'ренный. Бежит быстро, бежит не оглядываясь.

Без просы'пу. Не просыпаясь.

Без спро'су. Не получив разрешения.

Безживо'тный; обезживотиться. Слабый на живот, надсаженный; надорвать живот.

Безо вре'мечка, безо времени. Без времени; рано начали, не вовремя, не в срок.

Безо вся'кого я'кова идти. Хоть бы что; идти без приглашения.

Безобра'зить. Безобразничать.

Безо'всего. Без всего.

Бе'лая линия; разошлась белая линия. Срединная линия живота. По белой линии часто бывают грыжи у детей от плача (в форме горошины в области диафрагмы), и у женщин от натуги при родах расходятся мышцы.

Бели'ло; беленый суп есть; забели суп-то забелой. Сметана, молоко; есть суп с добавлением сметаны, молока; добавить в суп сметаны.

Бели'ть бельё; сини'ть бельё; крахмалить бельё. Отбеливать бельё (кипятить, выстирать на наст); подсинивать бельё синькой; полоскать в воде с разведенным крахмалом (для жесткости).

Белобо'кие ягоды. Недозрелые ягоды, поспевшие с одной стороны.

Белобры'сый. Со светлыми волосами.

Белоголо'вая. Бутылка водки со светлой металлизированной пробкой с язычком.

Бе'лое вино, зелёное вино. Водка.

Белые му'хи полетели. Пошел снег.

Бе'льма. Зенки, глаза.

Бельма за'лил, шары налил. Напился хмельного.

Беля'нка, белянки. Белая волнушка, сыроежки белого цвета.

Берда'нка, бердан; бить из берданки. Ружьё; стрелять из ружья.

Берега' отье'ло. Лед оторвало от берегов.

Берегчи'. Беречь.

Береди'ть, биридить; не береди душу. Тревожить, напоминать; не тревожь душу.

Бере'мя. Охапка, ноша.

Бе'режь; поберегать, носить платье с бережью. Осторожность; носить платье осторожно, беречь его.

Бережѐ'ный; бережѐного Бог бережѐт. Тот, кто сам бережѐтся; будешь беречься – и Бог будет беречь.

Берѐ'зина. Большая берѐза.

Берѐ'сто, берестечко. Кора берѐзы.

Бесе'да, бесе'тки, бисетки. Беседки, посиделки, где девушки пряли, плясали, пели, куда приходили парни.

Бесе'дник, беседница, биси'дница. Гость, гостя, посетитель.

Беско'рмица. Голод, недостаток кормов для домашнего скота.

Беспу'тник, беспутый, беспутый. Бестолковый.

Бессту'жкой, бессты'дник; харя бесстужая. Бессовестный; бессовестный человек.

Бесща'сный. Несчастливый.

Бира'ть, бирали. Брать, собирать, собирали.

Берегчи'сь. Беречься.

Бире'т, биретка. Берет, головной убор.

Бирю'льки; играть в бирюльки; некогда мне с тобой в бирюльки играть. Безделушки, побрякушки; заниматься пустяками, ерундой; нет времени у меня на безделье.

Бито'н. Бидон.

Блага'я мысль. Хорошая мысль.

Благая расцветка. Вызывающе яркая расцветка.

Бла'го; благо, был рядом. Хорошо; хорошо, что был рядом.

Благове'рный. Вторая половина – муж, жена.

Бла'говест. Удары колокола, созывающие на молитву в храм. Отличие от «звона»: благовестят в один колокол, а звонят – во многие.

Благода'ть всего. Всего много, всё есть.

Благослови'ть, благословить; благословили одежку. Дать, подать, отдать; дали одежду.

Благослови'ть, благословить, благословясь. Дать детям родительское благословение, согласие, напутствие на семейную жизнь, перекрестив иконой; перекреститься либо перекрестить кого-либо, произнося слова молитвы, напутствия и пожелания на дальнюю дорогу, на дела.

Блажь; блажи'ть, благо'й, блажно'й; благой ребенок. Баловство, шалость; дурь; дурить, дурной, сумасбродный; дурной ребенок.

Блазни'тся, приблазнилось. Видится, кажется, привиделось, показалось.

Блѣ'сточки, блѣ'здочки. Блестинки; то, что блестит, с блеском.

Блею'т, бя'кают, заблеют, забякают; забякают колокольцы'. Овцы кричат; колокольцы забрякают, зазвенят.

Близи'р, для близиру; с близиру видать. Видимость, для вида, создать обман; видно с близкого расстояния.

Блю'ндиться. Бродить.

Блуди'ть, наблудить. Безобразничать, сделать что-то без разрешения, не спросясь.

Блуди'ться. Забредать неизвестно куда, терять дорогу.

Блу'дник. Распутник, бабник.

Блу'дня. Кто берёт чужое украдкой.

Блюсти'; блюсти себя. Соблюдать порядки; беречь себя и своё достоинство.

Бля'мба; тю'тя; бля'мбу поставить; тю'тю словил. Удар кулаком, оплеуха; синяк поставить; оплеуху получил.

Бля'шка. Пряжка.

Бобы'шка, бобо'нчик. Круглая семенная коробочка у чеснока, лука на верхушках перьев.

Бог на'помочь! Пожелание: Бог в помощь!

Бог прибра'л. Умер человек, ушёл на тот свет.

Бога'сво, богасво, бога'чество. Богатство.

Богомо'лье; богомольный праздник. Сельский православный праздник – в каждой деревне праздновали своего святого (Успенъев день, Спасов день и т. д.).

Божи'ться. Клясться; уверять, произнося «ей бог!»

Божни'ца, тя'бло; Божий угол. Полка с иконами в переднем углу избы;

угол в жилой избе под иконами.

Бо'йня; ишь вы мне, где бойню устроили. Драка, потасовка, побоище; вот я вам, нашли где драку устроить.

Бо'йкой. Бойкий, шустрый, нестеснительный.

Бокови'на, бокову'шка; бокову'шки. Жилая боковая пристройка к избе; занавески на две стороны на оконных и дверных проёмах; накидка с боков кровати.

Я

Я'беда, ябедник; шептун; я'беда-каря'беда. Доносчик, клеузник; дразнилка.

Яга'-баба'. Страшилище, страхолюдина.

Я'годы как дробь. Твёрдые неспелые ягоды.

Я'грю. Я говорю.

Я'блошник. Картофельная запеканка, залитая сверху взболтанным яйцом с молоком. Готовится до коричневой корочки на сковородке в русской печке. Едят горячую, запивая холодным молоком. Картошку в деревнях еще называли «земляным яблоком».

Яги'льник, я'гельник. Заросли ягеля.

Я'годницы. Собираательницы ягод.

Я'готки. Ягодки.

Ядрё'ный; ядрёный дух. Крепкий, свежий; крепкий запах.

Я'зва. Язвительный, желчный человек.

Я'звина. Нора, яма.

Я'звик, язвец; язвика охотники достают из нор. Барсук – живущий в норе; барсука охотники добывают из нор.

Я'звиково сало. Топленый внутренний жир барсука (лечебный, хорошо заживляет раны).

Язы'к, би'ло. Железный пест внутри колокола, привешенный для звона.

Язык как помело', язык длинный. Трепач, пустомеля, болтун.

Язык сломаешь. Трудно выговариваемое слово.

Языка'стый. Болтливый.

Язы'ня; покажи, где языня? «Язык; покажи, где язык?» – так разговаривают с маленькими детьми.

Яи'шница, яишенка. Яичница.

Я'кать; якалка. Хвастаться; хвалящий себя.

Я'ко. Как.

Яко'й. Какой.

Якша'ться; съякша'лись. Знаться, водиться; сошлись, подружиться, полюбились. «Якши» (татарский) – хорошо, ладно.

Я'лая; ялая корова. Яловая; не давшее приплода животное; яловая корова.

Ялови'чина. Коровина, говядина.

Яр; скатиться под яр. Крутой обрыв; скатиться с обрыва.

Яри'ло. Солнце.

Яри'на, ярово'е. Посевы зерновых культур, дающие урожай в этот же год.

Яри'т. Печёт, солнце сильно греет.

Яри'ться; ярый. Злиться, сердиться; злой.

Я'рка, ярочка, ярушка. Молодая неагнившаяся овца.

Я'рманка, ярмонка. Ярмарка.

Ярмо'. Деревянный хомут на рабочий скот (волов и пр.).

Ярё'мная впадина. Надгрудная ямка ниже кадыка. При наклоне головы, подбородок упирается в ярёмную ямку.

Я'рый; я'рый воск. Чистый, светлый; чистый прозрачный воск. Такой воск идет на изготовление церковных свечей.

Я'ство. Еда, угощение.

Ярь, я'рица. Яровой хлеб.

Я'чя; глазок; ячя невода. Отверстие в рыболовных снастях; отверстие в неводе.

Я'чная; ячная каша. Ячневая, ячменная; ячневая каша.

Я'чное пиво. Ячменное пиво.

Я'шник, яшничек. Ячменный, ячменный хлеб.

Я'щурка. Ящерка.

Бурыкин А.А. (Санкт-Петербург)

КОСТРОМА – ВЕСЁЛАЯ СТОРОНА

(к истории пословицы)

Рассматривается история употребления русской пословицы «Кострома – веселая сторона», которая встречается в собрании русских пословиц и поговорок В. И. Даля и используется в русской художественной литературе XIX–XX веков.

Ключевые слова: русские пословицы; Кострома.

© Бурыкин А.А., 2016

Пословицы и поговорки – особые единицы языка и особый жанр фольклора. Не случайно эти формы речи так трудно разграничиваемы в теории и в какой-то мере в практике описания. В последние десятилетия вопрос о разграничении фразеологических единиц и пословиц, как можно видеть, в принципе утрачивает ту актуальность и остроту, которая была характерна для него в эпоху становления фразеологии как лингвистической дисциплины, и причина этого одна – пословицы и поговорки перестают быть достоянием не устной народной речи (много ли пословиц в наши дни записывают фольклористы, ведущие полевою работу? сколько новых образцов в таких материалах?), они становятся такими же элементами книжной, письменной речи, как устойчивые цитаты или крылатые слова. По сути дела мы можем приступить к созданию новой формы фразеологического словаря – можем начинать составлять словарь пословиц и поговорок, вошедших в современный русский литературный язык.

Среди репертуара русских пословиц и поговорок имеется довольно большая группа, которую И.К. Линдемман называл «поговорочные прозвища», Д.К. Зеленин называл «народные присловья» и «анекдоты», и которая содержит краткие определения жителей отдельных местностей или населенных пунктов (село, город) по какому-либо признаку [Зеленин, 1994]. Позже эта форма речи определена как «прозвища и клички отдельных групп населения, составляющих географическое или этнографическое целое (так называемые “дразнилки”» [Сабурова, 1978: 76]; см. также [Решетов, 2004]. Этот материал изредка привлекает внимание исследователей и ныне [Карташева, 1985; Дранникова, 1999, 2000, 2004, 2005; Низовцева, 2013 и др.].

Предметом нашего внимания в данной работе является пословичное выражение *Кострома – веселая сторона* и его трансформации, принадлежащие фольклору Поволжья или художественной литературе, в которой представлены и живут собственной жизнью соответствующие образцы речи.

Интересующая нас пословица в собрании В.И. Даля имеет следующий вид: *Кострома блудливая (веселая) сторона* [Даль, 1862: 353; Даль, 1879: 419]. Возможно, ее публикация и осталась бы фактом записи одного из многих тысяч пословичных выражений, если бы нам не удалось обнаружить ее использование и ее отдельные варианты в художественной литературе XIX–XX веков.

Первое употребление данной пословицы датируется временем, более ранним, чем первое издание сборника «Пословицы русского народа» В.И. Даля, ср.: «С этою целью он набил себе трубку, закурил ее и начал ходить мерными шагами по комнате. “Черт возьми! обстоятельства-то мои тово... порасстроились! меньшешко костромское – что в нем? этот город **Кострома** – **только веселая сторона**, а путного в нем мало!”» (Салтыков-Щедрин М.Е. Жених. Картина провинциальных нравов, 1857).

Еще более раннее свидетельство бытования интересующей нас пословицы о Костроме – к сожалению, только как намек, предполагающий общую известность пословицы – встречается нам в письме П.А. Вяземского А.С. Пушкину: «Остафьево. 18-го сентября 1828. Молодой Пашков уверял меня, что он тому несколько недель видел у тебя на столе запечатанное письмо на мое имя. Да решишь же прислать его. Ты, неблагодарный, не отвечаешь мне на мои письма, а я по всем великороссийским губерниям сводничаю для тебя и горячу воображение и благородные места молодых дворянок. **Вот тебе послание от одной костромитянки, а ты знаешь пословицу про Кострому. Только здесь грешно похабничать: эта Готовцева точно милая девица телом и душою**» (П.А. Вяземский – А.С. Пушкину. 18 и 25 сентября 1828 г. Остафьево). Таким образом, мы можем полагать, что пословица с рифмами Кострома – сторона была известна не только среди народа, но и в кругах литераторов почти за 40 лет до появления ее в «Пословицах русского народа» В.И. Даля.

Эта же пословица в разных вариантах встречается и у других авторов, либо занимавшихся специально краеведением и этнографией Поволжья, либо каким-то иным образом связанных с Поволжьем. П.И. Мельников-Печерский писал об одной из новых сект: «*Лжесаваоф водворился в деревне Старой, неподалеку от Костромы. Сюда сходились к нему для отправления своих обрядов “люди божьи”.* Дом, в котором он жил, назван был *домом божшим. Город Кострома, неподалеку от которой поселился “верховный гость”, получил от его последователей название Горнего Иерусалима, а также город **Кострома верховная сторона***». (Мельников-Печерский П.И. Тайные секты, 1868).

Любопытный пассаж мы встречаем в книге С.В. Максимова «Лесная глушь»: «*Россия это такая, стало быть, земля, что ни один супостат не одолеет. Начать съ Москвы-золотых маковок, где калачи, да сайки такие пекут, что ни в одном заморском*

царстве не сделают. Вот за ней тут и пойдут разные города наши: Ярославль городок Москвы уголок [Даль, 1862: 351; здесь и далее ссылки наши. – А.Б.] – **твоя родина, рядышкомъ и моя Кострома, веселая сторона**. Тутъ Вятка, всему богатству матка [Даль, 1862: 357], здесь народ Черемиса живет, что чисто и погано пожират; а тамъ и пошла писать Сибирь большая, где бабы бьютъ соболей коромыслами [Даль, 1862: 344], а золота да серебра на стах возах во сто лет не перетаскаешь. Хохляндия бы теперь, по нашему Малороссия, где хохлы живут, – страна хлебосольная и галушек разных много, вареники с творогом подадут, водкой, по-ихному горилкой, хоть облейся, только не дразни его хохлом, – смирной народ, а казаком назвал, так все двери настезь, наливком таких поднесет, что и сладка бы она, а с места навряд ли встанешь, если не постарается добрый человек помочь. Тут у них и Киев, старьй город, и Крымъ, благодатная сторонюшка; заходи въ любой садъ, ешь, что хочешь и сколько душенька твоя примет, только не бери с собой, на это и сторож тебя у ворот осматривает. Здесь-то вот и засели эти мазурики, супостаты-то наши, да еще на Капкас пробрались. Тутъ словно воры давно засел народ буйный, несклонный; грабит по ночам, да стреляет и всякую супротивность делает. Дальше Польша идет, Латыши народ, Чухна сердитая, что один сделает, то и другой повторит. Вот этот-то народ и подошёл к самому Питеру и продает здесь рыбу, молоко, да масло свое. Тутъ опять пошла чухна вплоть до Соловков, где Архангельск город – всему морю ворот. Не бываль, признаться, въ нем, а Вологда славный город, церквей много и строением каменным берет. Дальше опять идут либо твоя, либо моя родина. Да ты, земляк, какого уезда? – Даниловскаго, честный кавалер! – Ну, так, братъ, съ романовцом барана въ зыбке закачал, толокном Волгу прудил... [Даль, 1862: 351]» (Максимов С.В. Лесная глушь, 1871). Этот текст создан позже выхода в свет первого издания «Пословиц русского народа» В.И. Даля, и как кажется, собрание пословиц было использовано С.В. Максимовым.

Вариант пословицы о Костроме мы находим и у А.И. Левитова: «Занявшись исключительно общением со мною, он осушил несколько стаканов с самою деликатною смесью и, в пику Вере, принялся сочинять мне великолепную эпопею о том, как у них поживают в родной Костроме, причем сия губерния, про которую во всех географиях согласно написано не более того, **что Кострома** –

похабная сторона, была описана такими блестящими красками, от которых бы нисколько не побледнели красоты Италии» (Левитов А.И. Сочинения, 1876).

П.И. Мельников-Печерский, одно из сочинений которого мы уже цитировали, в романе «На горах» приводит объемный фрагмент путевой бурлацкой песни, в которой пословичные характеристики местностей составляют основу текста. Есть тут и еще один вариант пословицы о Костроме:

*Ах, ну! Ох ты мне! Волгу-матушку.
Мы поплавали по матушке и вдоль и поперек,
Истоптали мы, ребята, ее круты бережки.
Ах, ну! Ох ты мне! Ее круты бережки.
Исходили мы на ляжке все ее желты пески,
Коли плыли мы, ребятаушки, от Рыбной к Костроме,
Ах, ну! Ох ты мне! Как от Рыбной к Костроме.
А вот город Кострома – гүльливая сторона.
А пониже ее Плёс, чтоб шайтан его пронес.
Ах, ну! Ох ты мне! Чтоб шайтан его пронес.
За ним Кинешма да Решма – тамой девушки не честны,
А вот город Юрьевец – что ни парень, то подлец.
Ах, ну! Ох ты мне! Что ни парень, то подлец.
В Городце-то на дворе по три девки на дворе,
А вот город Балахна – стоят полы распахня [Даль, 1862: 353].
Ах, ну! Ох ты мне! Стоят полы распахня.
А вот село Козино – много девок свезено,
Еще Сормово село – соромники наголо.
Ах, ну! Ох ты мне! Соромники наголо.
А вот Нижний городок – ходи гуляй в погребок,
Вот Куманино село, в три дуги меня свело,
Ах, ну! Ох ты мне! В три дуги меня свело!
А вот Кстово-то Христово, развеселое село,
Хоша чарочка маленька, да винцо хорошо [Даль, 1862: 353],
Ах, ну! Ох ты мне! Да винцо хорошо.
Вот село Великий Враг – в каждом доме там кабак,
А за ним село Безводно – живут девушки зазорно,
Ах, ну! Ох ты мне! Живут девушки зазорно.
Рядом тут село Работки – покупай, хозяин, водки,
Вот Слопинец да Тагинец – всем мошенникам кормилец,
Ах, ну! Ох ты мне! Всем мошенникам кормилец.*

«Путевая бурлацкая песня. В ней больше, чем тремстам местностей от Рыбинска до Бирючьей Косы (ниже Астрахани на взморье), даются более или менее верные приметы» (Мельников-Печерский П.И. На горах, 1, 1879).

В тексте этой песни, помимо пословицы о Костроме, еще как минимум два фрагмента имеют прямые соответствия в собрании пословиц В.И. Даля. Не вполне ясно, насколько оригинальна эта песня – была ли она записана П.И. Мельниковым-Печерским или представляет собой подражание песне бурлаков, но аналогичные песни, выстроенные из афористических образцов, имели довольно широкое распространение [Карташева, 1989]; имеется опыт реконструкции аналогичной бурлацкой песни по нескольким вариантам [Карташева, 1989: 72; Родин, 1928: 9–19; Родин, 1975: 205–217, 234]. Как можно судить, текст песни, приводимый П.И. Мельниковым-Печерским, принципиально отличается от материалов Ф.Н. Родина тем, что в нём названия городов и сёл на Волге перечисляются сверху вниз по течению, в то время как в записях Ф.Н. Родина – снизу, от Астрахани, вверх по течению Волги (см. также [Инжеватова, 2000]).

Своеобразное обобщение вариантов пословицы о Костроме приводится В.В. Розановым: *«Костромичи народ тихий и мокрый от постоянных дождей. Есть поговорка, сложенная ими о себе: Кострома – такая-то сторона. Вместо “такая-то” вставлено другое слово, не очень печатное»* (Розанов В.В. Кострома и костромичи // Собрание сочинений. Т. 19. 1909).

Однако возможно, что источником этого именованья Костромы у В.В. Розанова явились его контакты с П.А. Флоренским и труды самого П.А. Флоренского, у которого мы читаем: *«...две губернии до сих пор сохранили имена этих божеств любви и веселия – Ярославская и Костромская; про последнюю даже сложена поговорка – «Кострома – веселая (блудливая) сторона»; там же были найдены фаллические изображения»* (Флоренский П. Православие // Работы 1903–1909 гг.). Здесь слова в тексте известной пословицы переставлены местами по сравнению с вариантом, приведенным в собрании В.И. Даля. Наконец, еще одно употребление этой же пословицы, причем с особым осмыслением ее реальных и потенциальных вариантов, мы находим в письме П. Флоренского В.В. Розанову: *«О Костромском музее Вы пишете очень хорошо. Нужно нам, в самом деле, ознаменовать свою принадлежность к родине предков, тем более, что эта родина из фаллических – фаллическая (“Кострома” – название фаллического божества), из блудливых –*

блудливая (“Кострома – блудливая сторона”), из церковных церковная и из монархических монархическая. Все вместе показывает, что она – с корнями в землю и с ветвями в небо, т. е. живая. Любящий Вас // Флоренский. 1910. X. 29» (Розанов В.В. Переписка с П.А. Флоренским // Литературные изгнанники, кн. 2). Чуть раньше, в коллективном труде по истории религии, выпускавшемся при участии П. Флоренского, в связи со славянской языческой религией цитируется поговорка **«Кострома – веселая (блудливая) сторона»** [История религии, 1909: 166], текст которой воспроизводится в «авторском» варианте П. Флоренского.

Как можно судить, поговорка о Костроме постепенно забывается, и этому не могут препятствовать и ее самые конформные варианты. Одна из последних фиксаций ее – в материале о Городе Плесе в виде цитаты из песни, приведенной в романе П.И. Мельникова-Печерского «На горах» [Дьяков, 1988: 38]. Грустно, но такова судьба образцов народной словесности, остающихся только в произведениях классиков художественного слова.

Библиографический список

- Даль В.И.* Пословицы русского народа. – М., 1862.
- Даль В.И.* Пословицы русского народа. – Т. 1. – СПб.; М., 1879.
- Дранникова Н.В.* Присловья-прозвища в севернорусском фольклоре // Русская народная культура и ее этнические истоки: Пошехонские чтения 99. – М.: Сов. писатель, 1999. – С. 59–69.
- Дранникова Н.В.* Прозвищный фольклор: состав и проблематика изучения // Народная культура Русского Севера. Вып. 2: материалы республиканской школы-семинара, Архангельск, 9–10 ноября 1998 г. / отв. ред. Н.В. Дранникова. – Архангельск, 2000. – С. 58–73.
- Дранникова Н.В.* Локально-групповые прозвища в традиционной культуре Русского Севера: функциональность, жанровая система, этнопоэтика. – Архангельск, 2004 – 432 с.
- Дранникова Н.В.* Локально-групповые прозвища в традиционной культуре Русского Севера: функциональность, жанровая система, этнопоэтика: автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Архангельск, 2005.
- Дьяков А.* Долги плеса Чевылецкие / А. Дьяков, В. Халтурин // Вокруг света. – 1988. – № 3. – С. 37–39.
- Зеленин Д.К.* Великорусские народные присловья как материал для этнографии // Избранные труды: Статьи по духовной культуре 1901–1913 гг. – М.: Индрик, 1994. – С. 38–58.
- Зеленин Д.К.* Народные присловья и анекдоты о русских жителях Вятской губернии (Этнографический и историко-литературный очерк) // Избранные труды: Статьи по духовной культуре 1901–1913 гг. – М.: Индрик, 1994. – С. 59–104.

Инжеватова Н.А. Художественное пространство в русском словесном творчестве: На материале Самарской Луки: автореф. ... дис. канд. филол. наук. – Самара, 2000.

История религии. – М., 1909.

Карташева И.Ю. Прозвища как явление русского устного народного творчества. – М., 1985.

Карташева И.Ю. Прозвища как явление русского устного народного творчества: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Челябинск, 1985.

Карташева И.Ю. Уральские песни о прозвищах и их связь с общерусской фольклорной традицией // Фольклор Урала. – Свердловск: [Урал. гос. ун-т], 1989. – [Вып. 10]: Современный русский фольклор промышленного района. – С. 66–77.

Низовцева С.Г. Локально-групповые прозвища жителей Коми края (на материалах 1930-х гг., из фольклорного собрания национального музея Республики Коми) / С.Г. Низовцева, Ю.А. Крашенинникова // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2013. – Вып. 2–1. – С. 113–119.

Решетов А.М. Дмитрий Константинович Зеленин: классик русской этнографии // Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века. – М.: Наука, 2004. – С. 137–183.

Родин Ф.Н. Опыт восстановления бурлацкой песни по нескольким вариантам // Труды Нижне-Волжского науч. о-ва краеведения. – Саратов, 1928. – Вып. 35. – Ч. 5. – С. 9–19.

Родин Ф.Н. Бурлачество в России. Историко-социологический очерк. – М.: Мысль, 1975.

Сабурова Л.М. Дмитрий Константинович Зеленин (к 100-летию со дня рождения) / Л.М. Сабурова, К.В. Чистов // Советская этнография. – 1978. – № 6. – С. 71–85.

Ганцовская Н.С., Веселова Е.Г. (Кострома)

Е. В. ЧЕСТНЯКОВ КАК ЛИНГВИСТ: РОЛЬ ДИАЛЕКТОВ В СУДЬБАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

В данной статье Е. В. Честняков представлен как лингвист, выступающий за демократизацию русского литературного языка за счёт более интенсивного внедрения диалектных ресурсов. На примере архивных документов и полевых записей рассматриваются его соображения относительно использования средств фонетики, грамматики и лексики севернорусских говоров в целях прогрессивного развития русского языка и более успешного использования его выразительно-изобразительных качеств.

Ключевые слова: *Е. В. Честняков; язык народный; Верхнее Поунжье; Шаблово; разговорность; Чивилюшко.*

© Ганцовская Н.С., Веселова Е.Г., 2016

Ефим Васильевич Честняков как писатель, мыслитель и гражданин выступал за демократизацию русского литературного языка, в котором, по его мнению, слишком мало представлено подлинно русское народно-разговорное начало и слишком велико засилье официальных и иностранных элементов. Эта позиция «шабловского затворника» более точно стала известна только после его смерти, когда были расшифрованы его записи, но косвенно она была понятна из его устно-речевого поведения и активного употребления диалектизмов в своих сочинениях, большинство которых отличается яркой и многожанровой фольклорной окраской и разговорным характером языка.

И во многом, продолжая далевскую традицию в отношении использования диалектного, т. е. чисто русского речевого материала, он был прав, и прежде всего это касается словарного богатства языка. Пожалуй, можно считать, что он был радикальнее Даля и считал диалекты не просто «родными детьми» русского (литературного) языка, но самой его сутью. Действительно, особенность происхождения русского литературного языка связана с церковнославянской кирилло-мефодиевской традицией, влияние русской народной речи, диалектов как живой разговорной струи было вторичным, исторически оно то нарастало, то ослаблялось, и с конца XVIII века (Г.Р. Державин, А.О. Аблесимов) и особенно времён А.С. Пушкина во многом было связано с деятельностью русских писателей-классиков, любивших родной язык и умело использовавших его народные источники. Однако до сих пор русский литературный язык принадлежит к числу экстравертных языков, подпитываемых за счёт иноязычных ресурсов, в отличие, например, от других литературных славянских языков, построенных на народно-разговорной основе (сербский, болгарский, белорусский, украинский и др.).

Произведения Е.В. Честнякова (1874–1961) образно можно назвать малахитовой шкатулкой кологривского края. В этом смысле их можно сопоставить с творениями Н.С. Лескова, П.П. Бажова, и в определённой степени Шолом-Алейхема, И. Бабеля, М. Зощенко и других приверженцев сказового стиля письма. Е.В. Честняков чаще всего писал языком крестьян Верхнего Поунжья, который впитал с молоком матери и который без труда и без особых стилистических ухищрений мог воспроизвести в произведениях разных жанров (например, в пьесе «Свадьба (Сватовство)» даже ремарки написаны на диалекте [Ганцовская 2007: 199–216]).

Сам он был из крестьянской семьи, всю жизнь, за небольшими исключениями, прожил в своей родной деревне Шаблово Илешевской волости Кологривского уезда Костромской губернии и там же умер. Однако будучи учителем, он несколько лет провёл в интеллигентной среде уездных городов и больших сёл Костромской губернии, учился живописи в академических учреждениях Казани и Санкт-Петербурга, занимался в тенишевской мастерской, был знаком с И.Е. Репиным и вёл с ним переписку (см. об этом в [Кузьмин, 1981; Ямщиков, 1985; Игнатъев, 1988; Ганцовская, 2007, 2016; Сухарева, 2011]). Одним словом, он знал язык «образованных», т.е. книжно-литературный, и прекрасно им владел в тех ситуациях, когда это считал необходимым. Правда, в деревне он чаще всего говорил так, как его односельчане, но это было его маской, способом слиться по языку и образу жизни с теми людьми, среди которых он прожил всю жизнь, которых прекрасно знал, безмерно уважал и желал им добра.

Вспоминает Наталья Васильевна Кудряцева, 1926 г. р., бывшая жительница д. Хапово (запись Е.В. Ярыгиной 2000 г.) о том, кем он себя чувствовал и как просил себя именовать: «Я не профессор, шчо Ефим Восильевиць, я Фимко – деревеньцеский парень» [Ганцовская, 2007: 123]. А от Зои Ивановны Осиповой, учителя, краеведа, известного кологривского общественного деятеля, в том же году в г. Кологриве Н.С. Ганцовская записала следующее: «Честняков говорил по-разному <...> Я ему говорю: *Здравствуйте, Ефим Васильевич*. А он: *Почему ты говоришь «-те»? Я здесь один*. З.И. по его просьбе здоровается так: *Здравствуй, Ефимка*. Е.В.: *А я ведь не Марфутка. Надо говорить Ефимко... Парасковья, не Прасковья. Не Саша, а Сано, Санюшко...*» [Ганцовская, 2007: 136]. Правда, она не раз подчёркивала, что обычно Ефим Васильевич с ней и её мужем говорил не на диалекте. Кроме его произведений, народная манера речи Е.В. Честнякова, органически пронизанная местной лексикой, устойчивыми оборотами, с её севернорусской морфологией и паратактическим синтаксисом, образностью и даже символичностью многократно воспроизводится в воспоминаниях его земляков. Рядом с подлинно крестьянской речью его собеседников она не кажется чужеродным явлением, прекрасно встраиваясь в последнюю, но всё же, как кажется, являясь сказовой манерой речи писателя, но отнюдь не орнаментальной, искусственной прозой.

Приведём один из многих подобных примеров. Рассказывает Мария Васильевна Хватова, 1927 г. р., жительница и уроженка д. Хапово (запись И.Ю. Воробьёвой и Е.В. Ярыгиной в Кологриве 1999 г.).

«Приежжав-от. В этом доме у своих, у Афки-то быв: бабушка Афкина-то была у евонной матери сестра. И вот он всё ездив, на колясоцьке-то. Приедет (колясоцька на двух колёсиках у ево была), игрушок всяких наставит... Раньшо робятишок-то было много. Набежим к ему тут дак <...> Домик выставит. А в домик в этот Афкинова-то брата посадит – он быв ешию небольшой: “Садись, садись туды, Чивилюшко, садись – окошечко было выпилено – выглядывай в это окошечко, Чивилюшко!” Звали ево Василей, а уж он всё Чивилюшом величав: Чивилюшко да Чивилюшко. Да и прозвали и до сих пор зовут Чивилюшом. Васька Цивиль, все и зовут.

Гармошка была, маленькая гармошка была. Возьмёт гармошку эту, да и играет:

*Вот вам, деушки, наука –
Не любите некрутов,
Некрутам война и мука,
Оне вам не женихи.*

А вокурат предчувствовал войну-ту, с Германией-то.

Потом нев:

*В Варзинге дымки-дымки,
А в Крутеньком-то домики.*

В Варзенге была пекарня, а Крутенькое это было тамот ешчо в лесу посёлок...» [Ганцовская, 2007: 124].

Как сейчас уже хорошо известно, Е.В. Честняков оставил после себя немалое литературное наследство, разножанровое и объёмное по количеству созданных произведений (к сожалению, оно так и осталось в черновиках), в котором он проявил себя как знаток родного кологривского говора и местных обрядов, обычаев, фольклора. В многочисленных сказках, стихах, поэмах, пьесах, эссе и рассказах проявились не только любовь и знание народного слова, но и стремление показать его богатство, красоту, выразительные и изобразительные возможности.

Е.В. Честнякову удалось напечатать при жизни только три сказочки, в 1914 году, в петербургский период жизни. Подтверждением отношения писателя к этому факту является Черновик письма о редактировании, помещённый в книге «Русь, уходящая в небо...»

к некоему М.Г. (написанном примерно в 1913–1914 годах), в котором писатель объясняет причины нежелания печатать свои произведения. Рассуждения писателя хорошо аргументированы, иногда он апеллирует к Я.К. Гроту, главному авторитету академических изданий, и совершенно осознанно обсуждает редакторскую правку языка и стиля своего произведения: «...я долго не желал печатать, но так как пить-есть нужно, то я и отдал для напечатания... А [почему] не хотел хотя бы потому, что переиначивают мои выражения... Нет у нас ни одного издания, которое бы печаталось чисто русским языком..» [Сухарева, 2011: 15].

Далее Е.В. Честняков детально анализирует те слова и выражения с позиций их отношения к «чисто русскому языку», которые исправляют в издательстве, и выражает свое негативное отношение к этому вмешательству. Подчеркивая особенности фонетического, грамматического, лексического строя народной речи, которую он считает истинно русской и правильной, писатель говорит о нежелании издательства печатать его сказку так, как написал её автор. *«Вместо слова яблок.. печатают яблоко... вместо парнеко'в, как у меня написано, напечатали – паренков..., вместо дедушко – дедушка»* [Сухарева, 2011: 15] и т.д. Он критикует незнание родного языка издателями: *«язык вырабатывается великим творчеством народа, и если книжники относятся к нему небрежно, это признак, что они не отличают пшеницы от плевелов. Они тормозят совершенствование языка... родной язык, очевидно, наши ученые комитеты хуже знают: так оно и есть, потому что комитеты эти, исследующие язык и издающие правила, сидят как бы между двумя стульями, но не на стуле, а именно: между своей страной и чужой.. но вполне русской страны не знают...»* [Сухарева, 2011: 15]. (Здесь и далее в цитировании высказываний Е.В. Честнякова соблюдаются его правила орфографии и пунктуации, в частности, две точки в конце фразы вместо одной или трёх.)

В этом письме Е.В. Честняков выступает не только как знаток народной речи, но и как лингвист, чутко наблюдающий за развитием русского языка. Так, он убежденно заверяет адресата письма, что слово яблоко *«это отсталое выражение, и оно в деревнях давным-давно не произносится, да и в городах не всеми, и скоро везде будут произносить не – яблоко, а – яблок»*. *«Произношение парне'к, как в моей рукописи, также менее отсталое [а у них даже не паренюки], чем паренек или паренок, еще хуже. В слове буква е выпадает для удобства произношения, и не*

повторяется однообразно два е... Они же, очевидно думают, что от слова парень уменьшительное должно быть паренок со звуком «е» после «р» (но тогда все-таки следовало бы с мягким знаком). Это неправильный взгляд на живой язык, он вечно развивается, освобождаящий себя от неуклюжей громоздкости, стремится к музыкальности, легкости, красоте, удобству произношения... <...> У меня написано «дупластая» (осина), а напечатали дуплистая... Вместо а поставили и.. – У меня написано: «ставь тут хоть колоколо', – увезла бы не хуже пары»; а напечатали: «ставь нам тут колокола».. Как будто смущало то, что не колокол было написано, а – «колоколо'», как у нас произносится... А произносится так по понятной причине: букву л... затруднительно произносить без гласной после нея... и это же характерно для дедушковой речи... (Видимо, потому так полагает Е.В., что в говоре звук <л> на конце слова произносится как <у> неслоговое, близкое к <w>. – Н.Г.). И я желал так. Дедушко говорил, чтобы одно колоколо' было поставлено в ондрец: здесь цельность в картине – прямое впечатление для слушателя, ясное, не требующее разъяснений... И именно такая фраза говорится слушателю, а никак не другая, хотя бы и похожая.. При слове же колокола – картина меняется: напр<имер>, большие колокола – как ставить в ондрец? – Маленькие, может, не такие тяжелые, да и вывалятся: ондрец не телега, стенки у него не из досок... А слово колоколо' – вполне выражает, что дедушко высказывает... Ему и в голову не пришло сказать колокола, а как бы само собой сказалось: «ставь хоть колоколо'»... Тяже'ло, в ондреце помещается как раз, и для всех видно... Всего и не выскажешь о всевозможных мотивах в художестве всякого рода... У меня написана фраза: «разбрыкают де всё раньше времени, соберется народ». Они поставили запятую после слов: «разбрыкают де всё», и потом фраза: «раньше времени соберется народ»... И так, получается не тот смысл, который у меня был написан в словах дедушка. Дедушко в это время думал больше о яблоке: сказал, «разбрыкают-де все раньше времени»... Он скромнее и проще в своих словах и характере... а у них склонилось к некоторой театральности... Как будто он больше думал, чтобы собрался народ. Это тоже очень важно и печально, что запятая не на месте. Читатель, который [не столь] немного грамотен и не разбирается в знаках препинания, не придает, пожалуй, значения этой запятой... и поймет

эту фразу именно так, как сказал дедушко, то есть запятую поставит после слов «разбрыкают де все раньше времени», а читатель, разбирающийся в знаках препинания, увидит запятую после слов «разбрыкают де все»... а дальше прочитает за одну фразу: «раньше времени соберется народ» и, таким образом, не так, как я писал дедушковы слова... У меня написано: «вся деревня сбежалась глядеть» (или даже я желал бы написать «гледить», как у нас произносят: звук «ять» во многих словах по законам языка переходит в «и»... не только у русских, а и вообще... Это можете наблюдать в живой [действительно] речи, которая творит и строит, и совершенствует человеческую речь, приближается к прекрасному языку будущего). А напечатали так: «вся деревня сбежалась, глядит». После «сбежалась» поставили запятую, а в глаголе изменили форму... У меня [было] написано: «вся деревня наелись, похваливают», а напечатано: «вся деревня наелась, похваливает (Е.В. не признаёт согласование по форме, а не по значению между сказуемым и подлежащим, характерное для современного литературного русского языка в отличие от древнерусского и говоров. – Н.Г.). Я написал: «соседям всем завсегда давали, особенно, кто захворает»... Фраза эта такая, как говорят у нас. А [они] напечатали так: «особенно кто захварывал»... У нас не говорят слова «захварывал», и я так не выражаюсь и нигде не слышал... И так печатают в разных надеждах: дедушка – дедушки... дедушке... дедушкой... И не могу я слышать без скорби... а выдают за мои слова... и неприятно мне слушать... Я здесь не упоминаю тех многих нежелательных форм, которые получились от согласования [с неправильными] со словами «яблоко» и «дедушка». Я совсем не желаю, чтобы люди их так произносили... и сам никогда не произносил... и, кроме того, через это изменяются формы других слов... <это> мешает размеру, ритму моей сказки... Ведь я же не зря ее писал... Первоначально она была написана скоро, зараз... но потом... множество раз прочитывалась (как и другая... не одна написана)... так что чуть не заучилась на память... и склад ее выработывался... Худо ли хорошо, но она так получилась, как я написал её в редакцию... а я обдумывал и прислушивался к воображаемым звукам, к картинам и публике... Я совсем не желаю, чтобы публика думала, что упомянутые слова и фразы так [я] высказываю, как напечатано... Редакция ведь не поставила примечания о том,

как у меня написано... И таким образом, и меня присоединяют к «комитетам», тормозящим развитие родного языка.

В другой сказке «Сергеюшко» тоже настаивают печатать неправильно... а именно «Сергеюшко».. Не так как произносит народ и я сам... Если они по святцам хотят, то ведь и там «Сергий», а не «Сергей»... – Но почему же они [согласны] слово Иванушко тоже говорят, как и у нас.. а то [ведь] и тут им по Гроту может показаться, что нужно писать Иоанушко. Слово «бабушка» я желал произносить и печатать «баўшка»... от частого произношения, для краткости и музыкальности речи так у нас произносится. Звук б выпадает и даже у сокращается. Но у нас до сих пор нет кратких значков над гласными, кроме й» [Сухарева, 2011: 16]. См. также более детально наш анализ замечаний Е.В. Честнякова по поводу печатного издания в 1914 году его сказок в петербургских издательствах «Солнышко» и «Медвежонок» в [Ганцовская, 2016].

В отделе «Документы» Костромского музея-заповедника под номером КП-8034 имеется стихотворение, которое полностью не публиковалось ни в одном из изданий произведений Честнякова. Оно ярко иллюстрирует отношение Честнякова к народной речи и роли диалектизмов в русском языке. Приведём некоторые выдержки из него и кратко прокомментируем (правда, не все слова в нём удалось разобрать из-за плохой сохранности текста).

Здесь Е.В. Честняков уверяет, что *«творит живой язык селянин, простой мужик»*, что от этого зависят эстетические и выразительные качества языка *«музыкальность, краткость слов, ясность частного, основ...»* и что *«выраженья в языке, как камня в ручейке...»* остаются невредимы веками. Интересны его рассуждения как диалектолога о букве «ять», которую, по его мнению, надо сохранить в алфавите, поскольку звук, который она обозначает (*«только звук тут мягкий и напечатать не могли... Нет той буквы на земле»*), отличается от звука *e* и должен обозначить то же, что *«мягкие ю и е»* в отличие от *«твёрдых у и э»*. Видимо, здесь он имеет в виду дифтонгическое произношение в говоре «ятя» или как закрытый звук <e>, ранее обозначаемого буквой «ять» в алфавите, или же как звук <i> между мягкими согласными в словах *исть* и *здись*. Так же как М.В. Ломоносов в «Российской грамматике» (ять звучит тонко, *e* – дебело), он слышит в говоре различие звуков, обозначаемых буквами «ять» и «есть».

Тут меня без буквы ять
Как вы можете понять?
Ясно видит кто не слеп –
Нам не ять приносит хлеб...
Есть примерно слово есть...
Хоть оставил хоть бы здесь <неразб>
Тут меня без буквы ять
Как вы можете понять?
Ясно видит кто не слеп –
Нам не ять приносит хлеб..
Жив без яти всякий спец
Землепашец, плотник, швец,
Мастер сох, колес и шин,
Электричеств и машин
И с рожденья род людской
Не брал яти никакой..
С ятью бедным больше бед
<неразб>
Знал лишь(?) белый(?) обед
И насих затей
Шкодим лишь детей(?)
Не про все слова уж речь
Хоть бы два-три уберечь
Неужели слова два
Не запомнит голова?
Я не всё на хлеб гляжу
И ещё пример скажу
И на сто... (?) что есть
Стол почувств... да ест
Ять тут важная вежа:
Сразу ясен смысл стиха..
Эка... Все равно
Веть на хлеб уже давно:
Яти этой все значки
Променяли едоки...
Хлеба нет, а яти есть
И на яти стали есть...
Лучше было с буквой ять:
Заучил и мог гулять...
А с простецкой этой е

*Канителься в чернове...
Так серо без буквы ять
Благородства не понять
Нет ведь буквы ни одной
Столь премудрой и родной..
Редьку.....хрен
.....лень
Я учиться не хочу
А жениться хлопочу
Буква ять всему виной...
Не дает нам спать с женой.
А без яти все блага
Можно сцапать за рога...*

Ему досадно, что «город мнет язык народный / Колоритный и свободный» и в городе все слои населения кошунственно относятся к родному языку, забывают о его многообразии, богатстве и красоте:

*А рабочий пролетар
На Руси не очень стар
И во многом без хлопот
Лишь копируют господ
И рабочие куют
Кульť фабричному станку
А родному языку
Прав гражданства не дают*

Ему неприятно и кажется манерным аканье, свойственное только городу и малой части русского населения, шаблонность и жеманность речи горожан, которые «тело хоят / Опороченной души / И высмеивать изволят / Разговор простой глуши / И жеманною натурой / Загнели язык родной». Однако он уверен, что правда на его стороне и что горожане «Как немножко поумнеют / И подумают ловчей / Лишь тогда уразумеют / Правоту моих речей». И тогда родному языку дадут права гражданства:

*...Акцент на а
Как дамы, папы, Масква
Однотонное кривлянье
И шаблонное валянье
Однозвучный разговор*

*И докучный тошнотвор
Горожане тело холят
Опороченной души
И высмеивать изволят
Разговор простой глуши
И жеманною натурой
Загнели язык родной
Как немножко поумнеют
И подумают ловчей
Лишь тогда уразумеют
Правоту моих речей*

«Разговор простой души» многомиллионного русского окажущего крестьянства, составлявшего в прошлом веке вплоть до 60-х годов подавляющее большинство русского населения, и, безусловно, превалирующего над городским с его «шаблонным валяньем», «однозвучным разговором» «докучным тошнотвором», по мнению Е.В. Честнякова – это «язык родной». И действительно, это древнее наше наследие, язык, на который ориентировался А.С. Пушкин и русские писатели-классики. Мы полагаем, что он составляет ядро и того, что теперь называют «разговорной речью» – «стратификационной разновидностью русского языка», и того, что именуют «разговорным стилем языка литературного» (см., например, характеристику этих понятий у: [Химик, 2016]).

По нашему мнению, крестьянская народно-разговорная речь – это одновременно и собственно разговорная, устная речь (публичная и обиходная) и разговорный стиль. Ведь известно, что диалекты интегрируют в себе в свёрнутом состоянии зачатки всех функциональных стилей литературного языка, о чём говорила Л.И. Баранникова ещё в середине 70-х годов XX века. И тот стиль народно-разговорной, диалектной речи, который воспроизводит в своих творениях Е.В. Честняков, вовсе не носит «сниженный характер». Тут нужно согласиться с В.В. Химиком в том, что «разговорность не ограничивается и тем более не исчерпывается литературной нормой» [Химик, 2016: 274], но он имеет в виду только стандартный, литературный язык, в котором «разговорность конкретизируется такими категориальными, имманентными свойствами, как сниженность, экспрессивность, преобладающая энтропия» [Химик, 2016: 274]. Разговорность «диалектного языка» (термин Р.И. Аванесова), того русского языка, который

воспроизводит Е.В. Честняков в своих произведениях, конечно, характеризуется и экспрессивностью, и, возможно, энтропией, особенно если речь идёт об устойчивых оборотах, но отнюдь не общей «сниженностью» (тут вопрос, по отношению, к чему?). Напротив, из-за частой фольклорной окраски большинства произведений Е.В. Честнякова и даже обиходной народной речи, она является образцом высокого стиля «диалектного языка» (Р.И. Аванесов считал фольклорные элементы крестьянской речи её высоким стилем).

Однако если разговорная речь реализуется прежде всего в устной форме, а в кодифицированной книжной речи преобладает письменная [Химик, 2016: 272], то народно-разговорная русская речь, «диалектный язык», не имеет, к сожалению, узаконенной письменной формы, как, например, в немецком, итальянском языках. Но как бы в нарушении этого запрета есть русскоязычные писатели, такие как Н.С. Лесков, П.П. Бажов, Е.В. Честняков, который пишет в сказовой манере, широко используя знакомые им диалекты.

Таким образом, Е.В. Честняков, которого узнал весь мир как выдающегося художника благодаря открытиям советских реставраторов и искусствоведов во второй половине XX века в XXI веке в результате реставрации его книжно-письменных произведений и полевым записям воспоминаний о нём земляков предстаёт перед нами как замечательный писатель и фольклорист, знаток кологривских говоров и лингвист-теоретик, заботящийся о судьбах родного языка.

Библиографический список

Ганцовская Н.С. Живое поунженское слово. Словарь народно-разговорного языка Е.В. Честнякова. – Кострома: Костромаиздат, 2007. – 227 с.

Ганцовская Н.С. Особенности языка прижизненных изданий произведений Е.В. Честнякова в Санкт-Петербурге / Н.С. Ганцовская, Е.Г. Веселова // Печать и слово Санкт-Петербурга (петербургские чтения – 2015): в 2 ч. Ч. 2: Литературоведение. Лингвистика: сб. науч. тр. – СПб.: СПбГУПТД, 2016. – С. 317–322.

Ефим Честняков. Новые открытия советских реставраторов / [сост. С.В. Ямщиков]. – М.: Советский художник, 1985. – 140 с.

Игнатъев В. Мир Ефима Честнякова / В. Игнатъев, Е. Трофимов. – М.: Молодая гвардия, 1988. – 221 с.

Игнатъев В.Я. Ефим Васильевич Честняков. – М.: Тега, 1995.

Кузьмин Л. Чудесное яблоко. Рассказ о художнике Честнякове. – М.: Детская литература, 1981. – 97 с.

Русь, уходящая в небо...: материалы из рукописных книг / сост. Т.П. Сухарева. – Кострома: Костромаиздат, 2011. – 168 с.

Химик В.В. Русская разговорная речь: актуальные вопросы // Печать и слово Санкт-Петербурга (петербургские чтения – 2015): в 2 ч. Ч. 2: Литературоведение. Лингвистика: сб. науч. тр. – СПб.: СПбГУПТД, 2016. – С. 272–277.

Громова Л.А. (Москва)

ПО СЛЕДАМ... (Слово дочери)

Любовь Александровна Громова, дочь Александра Вячеславовича Громова, рассказывает о работе с рукописным наследством отца и создании сборника «Следы», включающего Словарь языка семьи Захаровых, списки словосочетаний, фраз и предложений с пояснениями, часто афористического характера, подслушанные у членов семьи: сравнения, поговорки, отрицания, «складухи».

Ключевые слова: Александр Вячеславович Громов; Следы; язык семьи Захаровых; баушка Варвара; муж Сано; складухи; Мантурово.

Прошло 5 лет со дня кончины Громова Александра Вячеславовича. Костромской университет в 2016 году в третий раз проводит чтения его имени. Сам Александр Вячеславович и предположить не мог, что его скромные заслуги будут оценены по достоинству и помогут сотням изыскателей-диалектологов осознать необходимость их нелёгкого труда в деле сохранения языкового наследия нашего народа. Статьи в сборниках Громовских чтений представляют исследователей языка и народных говоров из всех уголков России, беспокойных, увлеченных, молодых и пожилых, идущих за словом по необходимости профессии и зову души, по крохам собирающим то, что еще можно сохранить.

Низкий поклон человеку с блокнотом (а сегодня и с микрофоном)!

Отдельное спасибо инициатору проведения чтений и бессменному куратору мероприятий и редактору всех громовских сборников Нине Семеновне Ганцовой.

Нами, родственниками Александра Вячеславовича, на сегодня сделано всё возможное для сохранения его наследия: подготовлены для переиздания его словари в Институте лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург), по любезному согласию заведующего Словарным отделом, доктора филологических наук С.А. Мызникова; переданы в Мантуровский краеведческий музей

© Громова Л.А., 2016

материалы по микропонимии и жгонскому языку; разобраны и переведены в электронный вид все архивы, дневники. Ожидает перевода в цифровую форму переписка с Натальей Александровной Вишневской, дочерью известного актера МХАТа Александра Леонидовича Вишневского, приятеля и одноклассника Антона Чехова и актрисы немого кино Любови Косминской. Информация о ней в открытом доступе минимальна. После долгих поисков мне удалось узнать, что она училась в студии Станиславского, была знакома с Рихтером, ее портрет написан А.И. Трояновской и находится сегодня в Музее личных коллекций как портрет Таты Вишневской, она приятельствовала с Виталием Вульфом. В книге Лидии Чуковской ее имя упоминается рядом с Ф. Раневской у постели больной А. Ахматовой. Вся обширная переписка отца с Н.А. Вишневской находится в мантуровском архиве.

Накануне Третьих Громовских чтений готовится увидеть свет сборник «Следы», созданный при моём непосредственном участии и на основе архивов отца, который помогли мне отредактировать Г.И. Маширова и Н.С. Ганцовская. Из разрозненных, в основном черновых, записей сложилась своеобразная по структуре книжка, ярко демонстрирующая особенности народно-разговорной лексики и фразеологии семьи Захаровых в г. Макарьево, в которой когда-то как квартирант, а затем член семьи 20 лет проживал А.В. Громов. За эти годы им был собран обширный репертуар повседневных разговоров простых деревенских людей этой семьи, неграмотных, но талантливых и «речистых» от рождения. Естественно, что массив лексики и фразеологии, записанной отцом, мог изначально принадлежать не только членам этой семьи, но цепкая память хозяев брала на вооружение все привнесённое извне, далее оно использовалось и перерабатывалось на свой лад, приобретая оригинальность и поэтичность звучания.

Структура сборника несложная. Словарь занимает его большую часть. Фразы, демонстрирующие употребление тех или иных слов, записаны от трёх поколений членов семьи, поэтому их построение различно, различны и особенности их фонетики. После словаря представлены списки словосочетаний, фраз и предложений с пояснениями, часто афористического характера, подслушанных у членов семьи. При их группировке я пользовалась таким тематическим принципом: сравнения, повторы, отрицания, «складухи» и т. д. Хочу заметить, что при редакторском прочтении книги

были исключены из неё общераспространённые словосочетания и фразы, в том числе и поговорки.

В свое время о говоре этой семьи отцом была опубликована статья в Энциклопедии российских деревень, составителем и редактором которой была Зоя Васильевна Рубцова. Привожу цитату из письма отца З.В. Рубцовой, написанного перед публикацией статьи «Язык семьи Захаровых»: «Надо написать о наблюдении за речью троих информаторов, кроме племянницы. Моя мужская-женская половина безграмотны. Тут надо бы указать причины разницы в языке женщин и Александра Михайловича. Они, женщины, всю жизнь на одном месте жили. Он, Александр Михайлович – бывалый человек: и на фронте, и на жгонке побывал. В этой моей статье я на первый план выношу содержательную сторону языка, мораль, жизненные идеалы говорящих; это отражается в их словарном составе, в освоении ими новых слов, что в конечном счете показывает их общую культуру и их культуру речи.

По-человечески мне были интересны пословичные, образные, часто рифмованные выражения моих информантов, в которых выражалось отношение к жизни, к людям, и у каждого моего собеседника было нечто свое, что до сих пор помнится.

Образность диалектной речи подтверждается и сравнительными оборотами. В речи хозяина дома таких образных выражений не наблюдается. Но об его речи хочется сказать особенно. Этот человек бывал в разных краях, общался со многими людьми. Некоторые его слова показывают широкое отношение к жизни, политике, международным новостям.

Словарный состав Захаровых пополнился большим количеством слов в течение их жизни, особенно в городской период. Непросто было освоить эти незнакомые слова, но наблюдается стремление осмыслить незнакомое слово, чаще иностранное по происхождению, сопоставить его со знакомым, понять его внутреннюю форму, но попадания в это понимание не получалось, о чем говорит их произношение. Привожу примеры этих слов с ошибками. Такое произношение характерно для всех троих.

Образность, вещественность, эмоциональная окрашенность диалектного слова подтверждаю примерами речи всех Захаровых.

А ведь слово-то оно, словно яблочко,

С одного краю красное, а с другого – зелёное.

Ты учись его, девица, повёртывать.

Это фрагмент причитания.

Такие неизвестные клады может открывать индивидуальная речь».

О группе слов, помещенных в разделе «Искажения», я хочу сказать особо, потому что сразу возникает вопрос, откуда неграмотные люди могли «нахвататься» городских таких слов, а потом их употреблять в бытовой речи.

Основной причиной этого является постоянное проживание в доме чужих людей – квартирантов. Причина этому была одна: хозяин дома «ходил на жгонку – валял валенки в разных краях, вне дома», а хозяйка оставалась одна, с чужими людьми «было поохотнее». Позже из детского дома была взята дочь брата Николая и из деревни привезена мать Варвара, но «на квартиру девок» продолжали брать.

Для удобства проживания посторонних сразу после войны была выделена довольно большая комната – столовая. Но во время войны квартировавшая профессор Лена Николаевна из Ленинграда жила на кухне вместе с хозяйкой, чтобы меньше тратить дров. Она обучила Марию Прокопьевну грамоте, из ее лексики вошли в оборот слова и некоторые медицинские термины. А жили ещё товароведы, финансисты, семья военного, учителя, в том числе и учитель Громов Александр Вячеславович, мой отец. Цепкий ум и отличная память нестарой женщины фиксировали услышанные слова и далее передавали, но уже в искаженном виде, домочадцам – «баушке» Варваре, мужу Сано, племянницам Але, Люсе, Нине, Жене.

Немалую роль в пополнении словарного запаса семьи сыграло и радио, включающееся в определенное время для прослушивания новостей и погоды, а также передач радиотеатра, постановки которого в вещании растягивались на недели.

Надеюсь, что материалы, собранные отцом, заинтересуют исследователей, что найдутся люди, которые на основе переданных мною материалов по жгонскому языку создадут новый словарь жгонского языка, что микропонимия мест от Мантурова до Макарьева будет представлена в достойном виде, что переписка с Вишневской будет опубликована.

Спасибо руководству Костромского университета за всяческую поддержку доброго начинания, имя которому Громовские чтения.

В виде приложения к статье представим выборочно один из фрагментов сборника под заглавием Сравнения, где содержится бытовая и профессиональная лексика, обозначающая реалии края.

Как ле'мех в груди (сердце ходит от возмущения).

Как луто'шки ноги.
Как око'рчево спина (о горбатом, как коряга, человеке).
Как песто'м пробита глотка (о крикуне с «широкой» глоткой).
Как печёнка спина (о человеке с избитой спиной).
Как пове'смо рука (о человеке с обездвиженной рукой).
Как сала'зки глазки.
Как скляночки зубы.
Как тю'льки ноги (о человеке с тонкими ногами).

Как а'быс (ненормальный) *бежит.*
Как банька пыхнет (быстро что-то случится).
Как барка плывёт (о полном человеке).
Как благая орёт (о не в меру крикливом человеке).
Как блёт близна' идёт (о прорехах, близне, при ткани).
Как борону в мешок совать (пытаться убедить).
Как вал валяется (о ленте).
Как в гостях гостил (о лёгкой службе, например, в Германии).
Как в мялке побывал (о сильной усталости).
Как в окошко глядит (о человеке с плохим аппетитом).
Как вошь на гребешке вертится (о суетливом человеке).
Как в море всё мутится (о головокружении и тошноте).
Как вор на ярмонке крутится (о беспокойном поведении человека).
Как воробни'цами (планки в воробах) *руками машет* (о человеке, быстро машущем руками).
Как в печь бросил (о человеке, разорвавшем отношения).
Как головешка обгорела (о загорелом человеке).
Как голь да переты'ка бездомный живёшь (о нищем человеке).
Как город взять (что-то сделать трудоёмкое).
Как деревцо' (колодка) *вспухли руки.*
Как дюк молчит.
Как жо'втыш (желток) *пожелтела* (о заболевшем желтухой).
Как за себя кладёт (о том, кто быстро ест).
Как истаял умер тятя.
Как копна сидит.
Как лёд рубят, ткут.
Как листья стелет, говорит.
Как лягуху раздавят.
Как лялево ткот.
Как малину сено намечут.

Как метель помелась (побежала, пометелила).
Как моет коса косит.
Как мотовило мотается (о пьяном).
Как на воро'бах глаза вертятся.
Как на каменку бздаёт (пьёт вино).
Как на камешке живёт (одинок).
Как на свирле дует (на дудке играет).
Как на точиле на пряхе сидит.
Как одинова хлестнёно ткёт.
Как охоботье (чучело) волосы распустила.
Как ошемётки (кусочек грязи) бегают на улице (о неопрятном ребёнке).
Как пенёк стоит (мешает).
Как песты' дети росли.
Как пирога из печки ждём автобус.
Как по лестнице идёт (отвечает по порядку).
Как поляши (тетерева) сидят на меже мужики.
Как прясло упало (о смерти сына).
Как распечатаю, жизнь расскажу.
Как рогожу свяжет (плохо соткёт).
Как рябок бегают.
Как с куста взял, орден получил.
Как сговорёнка оповязалась (низко).
Как спишет, соткёт (хорошо).
Как стелет, говорит (гладко).
Как строка кусается.
Как уду порвал, умер.

Из неизданных материалов, собранных А.В. Громовым

ТОПОНИМЫ (черновые записи)

Город Мантурово – 1

ЗА РЕКОЙ:

«За речкой МЕРемшей до лешева тут МУндоровых». Б.А. Комаров.
МУндоровский бор.

Речка МУндоровка, МУндоровская, теперь ее называют
МАНтуровка.

Унжа; муром. унчио – смирная, тихая река.

МУндоровский бор за рекой МЕРемшей под д. Самылово.

Речка МАНтуровка под Мантуровом.

МУндоровская фабрика на месте лесобазы для изготовления шпал, она же МудЫшкина. Шихалёв А.А.

Решёта.

ВОлинец – речка вытекает из ВОлинского болота.

КлючевОе болото за пос. БЫковка.

Болть – речка.

ДОлгое, круглое озеро.

Хутор РудаКова.

МалИнинские гари.

Пьяная дорога к пьяным баракам.

Иллики.

Прость.

БЕлый бор, он же Мантуровский.

МАНтуровка – речка.

ПопОва кулига.

ЗаводскОй посёлок.

ФаИнины бараки.

Речки МЕРемша, ВЕСТомша, ДолМАтиха, КотЕльница.

ЧАйная дорога, от фанерного комбината.

Город Мантурово – 2

МакАнинские гари.

МУндоровские боры – там росла в изобилии белая волнушка.

МАНтуровка – речка, впадает в Меремшу, вытекает из Болти.

МУндоровская фабрика была там, где теперь лесобаза.

КрУглое озеро, за Решётами.

ИстОк – в Болть.

Пьяная дорога к разъезду «Унжа».

Река ВОлинец – впадает в Болть, вытекает из ДОлгого озера.

ХАндюг – речка.

Мундоровский бор недалеко от хутора БараБОхина, по нему идет ПопОвская дорога.

Мантуровка – ручей, 6–7 км, впадает в Болть (?)

МУндоровское болото.

БЫковское болото.

22 января 1994 г.

Мантуровка – речка 15–16 км, бегали за Мантуровку по бруснику, там её было, что плат красный. Эту речку лесники зовут Мундоровской, а мы Мантуровкой. Скорописова Ал. Ив. 1909 г.р.

Речка Мундорка=у моста у Мундорки соберёмся. По ягоды ходили за Мундорку.

Гусева Е.Р. (Петрозаводск)

АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ
ЛИТЕРАТУРНО-ДИАЛЕКТНОЙ ДИГЛОССИИ
(рассказы Г.В. Масловой
в учебно-методическом пособии
«Деревенская наука»*)

Выражаем благодарность профессору кафедры русского языка филологического факультета ПетрГУ Л.П. Михайловой за помощь, оказанную в ходе подготовки учебно-методического пособия к печати.

В статье даются рекомендации по работе с авторскими текстами, написанными на говоре села Суйсарь Прионежского района Карелии. Предлагается методика анализа лексики в лингвогеографическом и историко-этимологическом аспектах.

Ключевые слова: севернорусские говоры; Карелия; диалектная лексика; диглоссия; лингвогеографический анализ; историко-этимологический анализ.

Лаборатория лингвистического краеведения и языковой экологии ПетрГУ с 2013 года активно сотрудничает с Народным коллективом хором русской песни «Питарицы» БУ «Центр национальных культур и народного творчества Республики Карелия» г. Петрозаводска (руководитель – Заслуженный работник культуры Республики Карелия – Э.Г. Ёлына). Одной из форм концертной деятельности хора является постановка спектаклей, которые разыгрываются как «деревенская беседа». В спектаклях представлены народные танцы, звучат песни, которые раньше пели деревенские жители Карелии. В структуру спектаклей вводятся элементы разговорного жанра: музыкальные номера чередуются с небольшими сценками – веселыми, юмористическими историями из жизни деревенских женщин, рассказанными на местном говоре; диалогами, «подслушанными у колодца», стихотворениями, написанными на диалекте. Автор многих рассказов – участница хора Галина Васильевна Маслова, многие истории звучат со сцены в ее исполнении.

* Исследование выполняется при финансовой поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.
© Гусева Е.Р., 2016

Рассказы Галины Васильевны вошли в подготовленное к изданию в ПетрГУ учебно-методическое пособие «Деревенская наука»; автор-составитель Е.Р. Гусева, подготовка текстов к публикации осуществлена сотрудниками лаборатории ПетрГУ Е.Р. Гусевой и Т.А. Романьковой, участницей хора «Питарницы». К изданию прилагается CD-диск с аудиозаписями текстов и фотографиями из семейного архива Г.В. Масловой.

Цикл рассказов – это миниатюры о деревенской жизни, «жизни на природе, в естестве», как пишет Галина Васильевна; рассказы, отражающие народное восприятие жизни: «Баран Арчи», «Воспоминания», «Встреча в лесу», «Гостинцы на праздник», «Гришкина женитьба», «Две судьбы», «Деревенский лекарь», «Ето само, как ёго», «Жених из сна», «Жизнь протянется – всего достанется» и др.

Рассказы, представляющие собой образцы письменной диалектной речи, написаны на говоре села Суйсарь Прионежского района Карелии. В Суйсари жила мама Галины Васильевны – Елена Васильевна Захарова. Галина Васильевна родилась в расположенной недалеко от Суйсари деревне Кълмуksа, в которой вышла замуж ее мама. С детских лет Галина Васильевна слышала живое деревенское слово. Теперь она городской житель, живет в Петрозаводске. Но до сих пор она помнит, как говорили «суйсара», как говорила мама. Такие носители диалекта, как Галина Васильевна, относятся к диглоссам: они владеют литературным языком, его региональным вариантом, и свободно «переключаются» на диалект в определенных речевых ситуациях [Букринская, 2011].

В текстах рассказов, вошедших в учебно-методическое пособие, передаются некоторые фонетические черты диалектной речи: мягкое цоканье, оканье и др. В орфографическую запись введены элементы транскрипции, отражающие особенности произношения. Ударная гласная в словах обозначена жирным шрифтом. К изданию прилагается CD-диск с аудиозаписями текстов, в которых передаются фонетические диалектные особенности, интонация, свойственная говору. Приведем в качестве примера отрывок из рассказа «Воспоминания».

Я от сейцяс, как подумую, робят своих мы с отцём не жале-
ли. Ёны* ить с малых лет вси при делах были, при роботы. Рабо-
та – посильна, непосильна! – про то и не думали. Дед нахваливал
да подздаривал*, ёны* и рады старатце. У кажного коса своя
справлена*, гребёлки*. Так уж заведено было: кто поменьши –
в огороде, на прополке роботае. Девки – в избы. Цистота, порядок*

в дому – *йихнее* дело. Зато *выросли* вси *роботящицимы*, да на вси *руки мастера*. *Всёму* обуцены! *Девки* и *шить*, и *вязать*, да и *стряпать малтали**. А *парни* умели *сызмальства** и *косить траву*, и *рыбу имать**, *сети* да *корзинья плести*. А *хоть* и *строить* и *цёго друго дилать*. *Всё* у *йих* *полуцялосе хорошо*. В *диревне жить* – *нать** много *уметь дилать*. Так *от** в *строгости* да *при роботы* и *росли* наши *детушки*. А *родня-то* у нас *больша*. *Летом* *любили* к нам *наведывацце*. *От**, *родня-то* *бестолкова!* *Приедя** как с *городу*, *всёгда* *каки-ни** *убытки* *приходилосе иметь*. А *всё от йих* *неумения*. *Одних самоваров* *сколь испорчено има** было! *Не сцесть!* *Воды* *нальют* *мало* – *от** и *всё* – *конець самовару!* *Свояценница* *совсим* *накомедила**: *две кружки* *воды* *плянула* в *самовар*.

Звездочкой (*) отмечены диалектные слова и формы слов, характерные для говора с. Суйсарь. Значения слов, которые поясняет Галина Васильевна, и формы литературного языка приводятся после каждого рассказа: * *от* – вот; *ить* – вот; *подзадаривать* – подхваливать; *малталь* – уметь, понимать; *сызмальства* – с ранних лет; *нать* – надо; *имать* – ловить; *има* – ими; *накомедить* – забавно сделать, насмешить; и т. д.

Данная территория входит в одну из микрозон Онежской историко-культурной зоны – Западно-Онежскую. Говор с. Суйсарь Прионежского района Карелии относится к олонецким говорам севернорусского наречия. Основные черты говора с. Суйсарь описаны Л.П. Михайловой [Михайлова, 1997].

В учебно-методическом пособии «Деревенская наука» даны рекомендации по работе с диалектным текстом, разработанные Е.Р. Гусевой. Предлагается методика анализа лексики говора с. Суйсарь в лингвогеографическом и историко-этимологическом аспектах. Методическая часть издания включает темы: «Регионалистика. История заселения края», «Лингвистическая география. Изучение диалектной лексики в лингвогеографическом аспекте», «Историческая диалектология. Историческая лексикология. Изучение диалектной лексики в историко-этимологическом аспекте».

В разделе пособия «Регионалистика. История заселения края» дается план лекции, включающий вопросы: 1. Онежская историко-культурная зона, основные этапы эволюции. 2. Ареалы Обонежья по данным гуманитарных наук, лингвистические источники изучения истории заселения края (топонимия; апеллятивная лексика, представленная в лексических атласах и региональных

словарях). 3. Западно-Онежская микрizona: границы и характеристика. 4. История села Суйсарь.

Далее предлагаются задания для теоретического семинара:

1. Дать определение терминам: регионалистика, этнолингвистика, этнос (признаки этноса), историческая география, этногенез и др.
2. Составить конспект глав из книги «Основания регионалистики» [Герд, 1999] и ответить на контрольные вопросы.
3. Прочитать разделы из главы книги об истории села Суйсарь [Чернякова, 1997] и ответить на вопросы.

В конце раздела приводится список литературы по теме – работы А.С. Герда, И.И. Муллонен и др.

Во втором разделе «Лингвистическая география. Изучение диалектной лексики в лингвогеографическом аспекте» в лекции рассматриваются вопросы: 1. Лингвистическая география (лингвогеография, геоллингвистика), предмет изучения, междисциплинарные связи, методы лингвогеографии. 2. Диалектное членение русского языка. Классификация говоров 1915 г., 1964 г., принципы классификации. 3. Лексические атласы: «Диалектологический атлас русского языка» (ДАРЯ), «Лексический атлас русских народных говоров» (ЛАРНГ), «Атлас субстратной и заимствованной лексики русских говоров Северо-Запада» С.А. Мызникова.

На теоретическом семинаре обсуждаются особенности олонецкой группы севернорусских говоров, определяются термины: изоглосса (изофона, изолекса, изоморфа, изосинтагма), языковой ландшафт, легенда карты и т. п.

На практическом занятии проводится синхронное изучение говора: необходимо выполнить описание говора (анализ 3–5 миниатюр) по плану, предложенному в учебно-методическом пособии Л.П. Михайловой [Комплексный анализ, 2010]. Затем изучаются ареальные связи лексики в результате сопоставления лексикографических данных, в связи с этим необходимо повторить тему «Диалектные словари»: типы словарей (полный / дифференциальный и др.), структура словарной статьи и т. д. Далее следует определить ареальную дистрибуцию лексем на территории Северо-Запада и Севера России: сопоставить выявленные в текстах диалектные лексемы с данными современных областных словарей («Словарь русских говоров Карелии», «Словарь русских народных говоров», «Архангельский областной словарь» и др.). Для выявления лексем, появившихся в говоре в результате ростово-суздальского влияния, сопоставить лексемы

со сведениями «Ярославского областного словаря». Результаты внести в таблицу.

Возможно выполнение следующего задания – разработать систему условных обозначений и нанести знаки на карту-бланковку ЛАРНГ (3–5 лексем). В конце раздела представлена библиография по теме – исследования и учебная литература таких авторов, как С.А. Мызников, Н.Н. Пшеничнова, С.К. Пожарицкая, Л.П. Михайлова и др.; а также электронные ресурсы, например ссылки на лекции И.И. Исаева, О.В. Васильевой.

В третьем разделе «Историческая диалектология. Историческая лексикология. Изучение диалектной лексики в историко-этимологическом аспекте» представлены планы лекций по данным темам.

План лекции «Историческая диалектология» включает вопросы: 1. Предмет изучения исторической диалектологии (аспекты изучения: структурный и ареальный (территориальный)). Становление исторической диалектологии как научной дисциплины. 2. Источники исторической диалектологии (письменные памятники; данные современных говоров; сведения лингвистической географии; данные ономастики). Методы исторической диалектологии (сравнительно-исторический, метод внутренней реконструкции, сопоставительно-типологический, метод синхронного среза). Понятие соответственного явления, образующее диалектное различие. 3. Диалекты древнерусского языка. Диалект – структурно-территориальная, историко-лингвистическая, социально-лингвистическая единица. Образование группы периферийных говоров северновеликорусского наречия.

Вопросы лекции «Историческая лексикология» следующие: 1. Основные проблемы и методы исследования исторической диалектологии. Источники историко-лексикологических исследований. 2. Периодизация русского языка. 3. Лексика древнерусского языка с точки зрения происхождения.

На практических занятиях устанавливается происхождение лексем: следует сопоставить данные из диалектных текстов, приведенных в пособии, со сведениями «Этимологического словаря славянских языков», «Этимологического словаря русского языка» М. Фасмера и др. В связи с тем что на говор с. Суйсарь оказали влияние прибалтийско-финские языки, необходимо провести сопоставление диалектной лексики с материалами иноязычных словарей.

Затем следует выявить исторические пласты в составе изучаемой лексики, определить время появления лексемы – указать памятник письменности, время фиксации, территориальную принадлежность лексемы в определенный исторический период. Данные исторических словарей («Словарь русского языка XI–XVII вв.» и др.) внести в таблицу.

Последнее задание – дать описание 3–5 лексем (примеры см. в: [Филин, 1984]). В конце раздела представлен список литературы, включающий работы В.В. Виноградова, Г.А. Богатовой, К.В. Горшковой и др., электронные ресурсы.

В итоге делается вывод о формировании лексического состава говора с. Суйсарь Прионежского района Карелии на основе ареального и историко-этимологического анализа.

Материалы учебно-методического пособия могут использоваться в курсе русской диалектологии, лингвистического краеведения, а также в работе спецсеминара «Региональная лингвистика». Издание адресовано широкому кругу читателей, интересующихся особенностями севернорусской народной речи.

Библиографический список

Букринская И.А. Речевой портрет жителя / И.А. Букринская, О.Е. Кармакова // Русская устная речь: материалы международной научной конференции «Баранниковские чтения. Устная речь: русская диалектная и разговорно-просторечная культура общения» и межвузовского совещания «Проблемы создания и использования диалектологических корпусов», Саратов, СГУ, 15–17 ноября 2010 г. – Саратов: Наука, 2011. – С. 84–93.

Герд А.С. О понятии «историко-культурная зона» // Основания регионалистики: Формирование и эволюция историко-культурных зон Европейской России. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. – С. 8–10.

Герд А.С. Регионалистика в кругу смежных дисциплин // Основания регионалистики: Формирование и эволюция историко-культурных зон Европейской России. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. – С. 19–24.

Комплексный анализ диалектного текста: учеб.-метод. пос. / сост. Л.П. Михайлова. – Петрозаводск: Изд-во КГПА, 2010. – С. 6–17.

Михайлова Л.П. Говор села Суйсарь Прионежского района Карелии (1980–1990 гг.) // Село Суйсарь: история, быт, культура. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1997. – С. 264–271.

Филин Ф.П. Историческая лексикология русского языка. Проспект. – М.: Наука, 1984.

Чернякова И.А. Древняя история села Суйсарь // Село Суйсарь: история, быт, культура. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1997. – С. 25–60.

ДЕРЕВЕНСКАЯ НАУКА

Цикл рассказов Г. В. Масловой – это миниатюры о деревенской жизни села Суйсарь Прионежского района Карелии, отражающие народное восприятие жизни и написанные на диалекте: «Баран Арчи», «Воспоминания», «Гришкина женитьба».

Ключевые слова: Баран Арчи; диверь; своячениця; Гришкина женитьба; фершалица; обеи здоровкаюцце.

Рассказы Галины Васильевны Масловой, как пишет об этом в своей статье «Аспекты изучения литературно-диалектной диглоссии (рассказы Г.В. Масловой в учебно-методическом пособии “Деревенская наука”» Е.Ф. Гусева, вошли в подготовленное к изданию в Петрозаводском государственном университете учебно-методическое пособие «Деревенская наука». Г.В. Маслова – участница хора «Питарицы», свободно владеющая и литературным языком, и родным диалектом села Суйсарь Прионежского района Карелии.

Н.С. Танцовская

Баран Арчи

Цьто скотину всяку дёржали, так без ёй как жить! Оно-то и мясо, и молоко, да и шерсть с пухом. И кожу, малтали*, как сдирать. Диверь* мой скорняжно дило хорошо знал. Для того и в Питер ежживал*. Толковой был. Ёго шкуры мякки выделаны были. Да и шил справно*. Шубейки, душегрейки, онуци*, рукавици... Цьто ни взять, всё ладно да крепко пошито. На обзарение* всим. Как поеде на ярманку, телега ли сани всёгда с верхом нагружены. Ну и жили – не тужили, но вси в работе. Овец у их боле всих на диверни держалосе.

Куды ни поеде, обязательно ягнёнка привезе, нетто* – пароцьку. Тут как-то поехал к другу армейскому. Далё-ё-ко. Куды-то на Кавказ, в горы, сказывал. Ой, не поверите, и оттуль* привёз барашка да яроцьку, Арчи и Гульшу. Друг подарил.

– Ёны*, – говорит, – породы хорошей, у нас таких нету.

И правда. Как подросли, шерстливы стали. Шёрстка мякка, куцерява, рытна*. Самы цёрны. Баран Арчи смяшной. Робятишки с йим всё игралисе. Верхом сядут, в руки длинну палку. На конец палки приладят кусок хлеба на нитки. Самы на ем. Арчи бежит

за хлебом. Оне направо палку повернут, потом налево, прямо. Таким макарот рулят. Баран думает, сейчас хлеба откушат. А не тут-то было! Катающие на нем по очереди цельными днями. Бедной баран стал бодаще. Племяш мой занозливой такой! Пустельга* и вольница*! От* ить* издевака да и токо! Нацне* дразнить, язык выказывать, головой трясти: «Бя-ша, Бя-ша, Арцик!» – и хлебом мане*. Тот на его злице. Рожки выставе, бошку* наклоне, как бы готовище боднуть обищника*. Долго приноровляище. Юрка у стены дома прыгае, дурака валяе, дразнище, шалыгой* маше. Арци приме-е-рище, разбежище и со всего маху лобом в стену лызнище*. Юрка проворной! Подпрыгне ловко эдак*, от* баран заместо того, цытоб в ёго, так в стену дома стукнище. Один раз так в липину* шмякнулсе*, ажно* с ног свалилсе. Очудилсе* на земли. Лежит. Не шольхенеце. Робяты струхнули*. Сполохнул*ых Арця-то не на шутку. Думали, цыто умер.

Не-а, оклемалсе*. Здынулсе* сам. Диверь узнал, так за уши Юрку натаскал. А йим – хоть кол на головы цеши, – всё едино! Доверчивой баран да и токо. Много над йим шутковали. Ён*, видать, робятишок любил. А шерсть у их, и верно, лутьша наших была: мякци да нежнее. Потом-то расплодились. Ой, да у всех от Арцика во хлевах приплоды были. У суседа и до сей поры овецки похожи во дворе гуляют. Глядеть, так в аккурат Арци да Гульша.

**малтать – уметь, понимать; диверь – деверь; ежживать – ездить; справно – хорошо; онучи – сапожки из меха и кожи; обзарение – зависть; нетто – не то, или; оттуль – оттуда; ёны – они; рытная – пушистая; пустельга, вольница – пустой, своевольный человек; от – вот; ить – ведь; нацне – начнёт; мане – манит; бошку – башку, голову; обищник – обидчик; шалыга – плеть (палка, на конце которой узкий ремень); маше – машет; лызнуться – стукнуться; эдак – так; от – вот; липина – дверной косяк; шмякнуться – удариться; ажно – даже; очудиться – оказаться; струхнуть – испугаться; сполохнуть – напугать, переполошить; оклематься – прийти в себя; здынуться – подняться; ён – он.*

Воспоминания

Я от* сейчас, как подумаю, робят своих мы с отцём не жалели. Ёны* ить* с малых лет вси при делах были, при работы. Робота – посильна, непосильна! – про то и не думали. Дед нахваливал да подзадаривал*, ёны* и рады старатце. У каждого коса своя справлена*, грабёлки*. Так уж заведено было: кто поменьши – в огороде, на прополке работае. Девки – в избы.

Чистота, порядок в дому – йихнее дело. Зато выросли вси роботяшщимы, да на вси руки мастера. Всёму обучены! Девки и шить, и вязать, да и стряпать малтали*. А парни умели сызмальства* и косить траву, и рыбу имать*, сети да корзиныя плести. А хоть и строить и цёго друго дилать. Всё у йих полуцялосе хорошо. В диревне жить – нать* много уметь дилать. Так от* в строгости да при роботы и росли наши детушки. А родня-то у нас больша. Летом любили к нам навевывацце. От*, родня-то бестолкова! Приедя как с городу, всёгды каки-ни* убытки приходилосе иметь. А всё от йих неумения. Одных самоваров сколь испорчено има* было! Не сцесть! Воды нальют мало – от* и всё – конец самовару! Свояценница совсим накомедила*: две кружки воды пляснула в самовар.

Нам, grit*, много не нать*. По одной цящецки цяю откушам* – да и буде*. Нешто* послы этакого грева*, самовар куды годной? От* дедко ёй энтот* самовар и всуцил, на память. Ой, а пошла сена подсобить нам накосить, косу одну в землю втурнула*. Другу дали, так и тая* туды-ка же пошла. Сладиласе грабить сено, грабли враз* без суцьков оказалисе. Ишще удивляёцце. Не дотумкая,* как нать*. Я уж ёй и так, и эдак* показала. Не-а, не смалтат* никак. Токо я зазря время тратила, уця ю* косить.

– Глядеть на вас, так просто всё. А, от, – говорю, – спробовала, тепериця*, бушь* знать, цьто в любом дели нужна сноровка да смекалка. Науциссе, коли захоцишь. Тепериця-то* гляжу, робят так к труду не приуцяют. Да и такой надобности нету боле. Вси в город подалисе. А там фатеры* с удобствами. Цёго дилать? От* и сидят робяты у телевизоров али* без дел бегают. Правда, в школах, сказывають, много всёго учить задають. Но да ладно. Мож, здоровее будут. Йето-то* самое главное...

**от – вот; ить – ведь; подзадаривать – подхваливать; ёны – они; справить – сделать; грабёлки – грабли; малталь – уметь, понимать; сызмальства – с ранних лет; имать – ловить; нать – надо; от – вот; каки-ни – какие-нибудь; има – ими; накомедить – забавно сделать, насмешить; grit – говорит; нать – надо; откушать – выпить; буде – хватит; нешто – неужели; грев – подогрев; от – вот; энтот – этот; втурнуть – воткнуть; тая – та же; враз – сразу; дотумкать – понять; нать – надо; эдак – по-другому; смалталь – понимать; ю – её; тепериця – теперь; бушь – будешь; фатера – квартира; от – вот; али – или; йетто – это.*

Гришкина женитьба

У моёй суседки Матрёны поселилисе фершалица с новой учителькой. Хороши девки, как глядеть. Да и учёны. Цериз како-то время стал к йим похаживать Гришуха, Ириньин сын. А ишче цериз занедолго*, ко мни зацястила бабка Феня. Я-то ни к чему, цьо ёна* садище к окну, да туды-ка всё поглядывае. И ране никогда подолгу не сиживала. А тут, токо я приду, дык след* уж и ёна* привалит*. И так боле недели шастат. Ну цяю нагрём, сидим фурандам*. Лясим*. Да за цяем и призналасе, цьо выполняют Ириньин наказ: **нать*** **вызнать**, к кому стал Гришка хаживать да хороша ли девка. Обеспокоиласе мать. Сынок, по всиму видать, всурьёз к девки. А ёна* **приежжа***. Как бы впросак не попал. У миня спрашиват. А **я** цё? Я ницёго не знамши. Так вижу, цьо обходительны, обеи здоровкаюцце. **Ладный***. **Собой видны***. Да и Матрёне по хозяйству подсобляют. Дык **ить*** Феня всё прознала про девок! **Выведала** у Матрёны, **малтают*** ли цё по хозяйству. И доложила Иринье: «Девка **фартова***, **роботяшща**. **Нать*** **брать**». Так от Григорий и посваталсе к Мане. Мать супротив слова не сказала. Дык заране всё про будущу сноху прознала и козней не строила. А бабка своенравна, с карактером! Будя* девка не по ндраву ёй, так и свадьбы той ни **быть** бы. Ну, а так всё сладилосе. Да и пара хоро-о-ша **вышла**. **От*** так!

**занедолго* – через короткое время; *ёна* – она; *след* – вслед; *привалить* – прийти; *фурандать* – пить (чай); *лясить* – разговаривать; *нать* – надо; *приежжа* – приезжая; *ладный* – сложен хорошо, фигура хорошая; *собой видный* – собой хороший, красивый; *ить* – ведь; *малтать* – понимать; *фартова девка* – симпатичная; *нать* – надо; *будя* – если; *от* – вот.

Дворецкая Е.И. (Вохма)

СЕМАНТИКА И АРЕАЛЫ: ВОХОМСКИЕ ГОВОРЫ

В данных материалах представлены результаты ответов на вопросы раздела 8 Программы Лексического атласа русских народных говоров по говорам Вохомского района (Лапшинский сельсовет) Костромской области, где даётся семантика слов и приводятся контексты живой речи диалектоносителей, выполненные в 2002 году студенткой Костромского госуниверситета им. Н. А. Некрасова Екатериной Дворецкой.

Ключевые слова: Лексический атлас русских народных говоров; Вохомский район; живое костромское слово; Лапшинский сельсовет.

В разделе 8 Программы Лексического атласа русских народных говоров [Программа ЛАФНГ, 1994: 317–325] для уточнения значений слов и их географических характеристик по разным регионам европейской части России предлагается список слов. В 2002 году студентка Костромского госуниверситета им. Н.А. Некрасова Екатерина Дворецкая собрала материалы своих родных вохомских говоров (Лапшинский сельсовет) по этому списку. Здесь представляем часть её записей на литеры Б–К. Ср. её данные и материалы по Вохомскому и др. районам Костромской области в словаре «Живое костромское слово. Краткий костромской областной словарь» [Живое костромское слово], основная часть которого построена как ответы на вопросы 8 раздела Программы ЛАФНГ по говорам на территории всех 24 районов Костромской области.

Н.С. Танцовская

Ба'бка. 1. Женщина преклонных лет: *Придёшь на почту, а там одни бабки старые сидят.* 2. Мать отца или матери, кровная родственница. *Только одна бабка осталась – мать отцова.* 3. Копна снопов, уложенных определённым способом. *Четыре снопа с одной стороны, к ним – четыре с другой. А с боков привалить ещё по одному – тоды бапка и будет.*

Багу'н. Большое деревянное ведро, в которое наливали пиво, а потом приносили к праздничному столу.

Бала'кать и баля'кать. Долго разговаривать с кем-то, перебирая всё нужное и ненужное. *Да хоть побалакай со мной, ужю давно не виделись. Я хоть всё у тебя выспрошу.*

Баско'й. Вкусный; красивый, хороший, приятный (о человеке, о животном, о вещи). *Ой, какой платок-от баской! Аж завидно: весь в цветах и вышивке. Баская у тебя девчушка-то! Гласки чёрные, волосы густые – загляденье! Баская была корова: и доила хорошо, да и на мордаху всем нравилась.*

Ба'чить. Говорить. *Чево бачишь-то? Не слышать нискоко.*

Бели'ть. 1. Красить белой краской, известью и проч. 2. Добавлять в суп жидкой сметаны.

Благо'й. Негативно. Дурной, сумасшедший. *Орёт, как благой, рта не закроет.*

Божни'ца. Домашний иконостас. *Яичко-то на божницу положь, тут у иконки и будет весь гот.*

Бор. Сосновый лес.

Брила'. Негативно. Большая губа. *Заканючил, распустил брилы, наступишь – рот-от закрой.*

Брюши'на. Живот, внутренняя полость.

Бузи'ть. Хулиганить, вести себя вызывающе, активно действуя: толкаться, пинаться, ломать что-либо, стучать по чему-либо, бросать предметы и проч.

Бу'льба. Чаще **бу'льбочка**. Шарик с семенами картофеля или другого растения.

Бура'к. Берестяной сосуд.

Бу'чить. Парить бельё с золой в кадке водой, нагретой при помощи раскалённых камней.

Бу'чкать и набу'чкать. Стирать или полоскать тяжёлое бельё, тискать. *Ты пошто бучкаешь одна половики-то. Они такие тяжёленные, и вода вся на тебя же летит.* Перен. Положить что-то сверх меры. *Куда ты эстоль набучкала – не донесёшь.*

Ва'рево. Негативно. Название неудачно сваренного жидкого блюда. *Што за варево у тебя: не поймёшь, то ли суп, то ли каша.*

Вахла'к, вахлы'к, вахла'шка. Опухоль, нарост на теле, выпирающая кость.

Ве'кша. Неодобрительное название назойливого человека, который надоел разговорами, ребёнка, который постоянно лезет на руки, на колени. *Ты пошто векша такая! Все руки мне отсидела, хоть бы ногами попошла!*

Верши'нник. 1. Ствол растущего дерева от середины до вершины. 2. Деревянные чурки, напиленные из вершин деревьев.

Вечеря'ть. Ужинать. *Садись с нами вечерять. Сытой спать лягош.*

Весе'лье. 1. Радость. 2. Праздник по какому-либо поводу.

Вну'ка. Внучка.

Водяни'к. Бак для холодной воды в доме или в бане.

Ве'рша. Специальная сеть для весеннего лова рыбы.

Вя'кать. Что невпопад говорить (о человеке), тонко и редко лаять (о собаке).

Гад. 1. Змея, ящерица. *Каких только гадов нонче и нет: таких-то ящериц и не бывало раньчо* (д. Погорелка). 2. Мерзкий человек. *Гад-от какой! Всё варенье-то на брашку извёл* (д. Маручата).

Гай. Чаще **хай**. Негативно. Скандал, ругань. *А вчерась матка такой хай подняла, коды я пьяной пришёл – куды бёжась не знаў* (д. Макарята).

Гала'нка. Турнепс. *Бапка вам галанки напарила.*

Гва'здать, изгва'здать, загва'здать. Пачкать, испачкать, запачкать. *Опеть всю куртку загваздал! Где и грези берёшь!*

Гла'дыш. Камешек, гладкий со всех сторон.

Глону'ть. Глотнуть, сделать глоток. *Да-ко глону'ть квасу – в горле пересохло* (д. Большой Двор).

Гора'зд. Наречие. *Горазд на выпивку.*

Горба'ч. Окунь. *Горбачи клюют – только успевай червяка меняй* (д. Макарята).

Горлопа'н. Развязный, крикливый человек. *Твоё горлопана на лобой выпивке первово слыхать* (д. Погорелка).

Гру'дки. Творог. *Надо грудок отварить. Шыпко баско в печи. Да и простокиши навалом* (д. Макарята).

Гру'зный. Толстый, плотный, не очень быстрый человек. *Грузной батько-то у нёво быў. Выдёт, набычицца, шея красная, плечи широкие. Идёт в развалку, с одышкой, пузо через ремень висит* (д. Большой Двор).

Гу'кать. Подавать голос. *Только гукни мне! Ещё ремня схватишь.*

Гу'нька, гу'ня. Старая грубая юбка.

Гу'ни. Подштанники. *Мама гуни мне шила – на, Ваня, носи.*

Долдо'н. Глупый человек. *В ково ты долдон такой! Ничего не понимаешь.*

Досе'ль. По сей час. *И досель ошио бываёт – крадут. Во все времена дураков да уродов много.*

Досю'ль. Досюда. *Досюль сделаёшь, а потом отдохни.*

Дро'ги. Телега.

Дро'лечка, дро'ля. Ухажёр, возлюбленный или возлюбленная.

*Ой, ты дролечка моя,
Сорока белобокая,
Раньше я к тебе ходил,
Теперь сама притопала.*

*Дро'ля, дро'ля, ты отколя,
Дроля из Онкудова.
Дроля – Коля, дроля – Лёля,
Не твоя покудова.*

Душмя'ный. Душистый. *Душмяный запах мяты береговой.*

Дыма'рь. Сухой гриб-дождевик чёрного или белого цвета.

Забо'рка. Деревянная перегородка в доме, отделяющая одну комнату от другой. *У нас тут раньше заборка была, а теперь и кухня, и комната вместе* (д. Томилово).

Загнёта, загнётка. Углубление в печи, сбоку от заслонки, куда обычно сгребается жар из печи.

Заро'д. Стог.

За'сна. Половинчатая пшеничная крупа.

Зе'ять. Сверкать. *Гля-ко, как зееет! Одна молния за другой.*

Зо'бать. Есть. *Сахар зобает, как так и надо. Только потом сходит. Запёт водой.*

Зы'бка. Люлька, качалка для маленького ребёнка.

Зы'кать, зы'ркать, зы'ркнуть. Смотреть зло, исподлобья. *Как зыркнет глазами – жутко становится.*

Зы'рить. Смотреть. *Ну чё зыришь? Не видал, как рыбу удят.*

И'глица. Вязальная игла. *Где-то иглицу потеряла. Было пять, а теперь не хватает. Как носок-от вязать?*

И'кры. Лодыжки.

Истоми'ть, утоми'ть, томи'ть. Что-либо испечь в русской «тихой» печи, не жаркой. *Рыбу утомила в печи – ни одной косточки не слышно.*

Капо'т. Широкое платье.

Ка'рзиться. Чудиться. – *Покарзилось мне. – А ты перекрестись!*

Ка'танки. Валенки.

Квашня'. 1. Ведро, деревянная кадушка для закваски хлеба. 2. Перен. Толстая, неповоротливая женщина. *Олька-то квашня-квашней – ни онно платте не лезёт. Ноги распухли – смотреть страшно.*

Квёлый. 1. Невесёлый, грустный, вялый (о человеке, животном). 2. Перен. Несвежий, вялый (о растении). *Огурцы все квёлые, день не поливали: уши повесили // Испортившийся. Огурцы квёлые: рассол помутнел, да и на вкус слышно.*

Килу'н. Человек или животное с грыжей, килой.

Клеть. Загородка в скотном дворе для какого-нибудь мелкого животного.

Клокта'ть и клохтать. 1. О курице. Издавать звуки, оповещая о том, что скоро появится яйцо. 2. Перен. Икать. *Чего клохчешь – замёрз али?*

Клюка'. 1. Железный крюк для разгребания углей в печи, ко- черга. 2. Деревянная палка с закруглением (ручка для кисти), по- могающая при ходьбе.

Корча'га. Большая ёмкость с закруглённым дном (железная или деревянная) для жидкости (воды или пива).

Косьёвище. Деревянная палка, на которую насаживают косу.

Коты'. Женские сапоги из шкур животных, мехом кверху.

Коша'ра. Негативное название кошки, др. животного, челове- ка, делающего что-либо запретное втихомолку.

Кошу'ля. Шуба.

Кры'льца. 1. Верхняя часть спины, включая лопатки. 2. Перен. Верхняя часть рубашки.

Кулёма. Неуклюжий, накутанный ребёнок, человек. *Ой, кулё- ма, опять из санок вывалился.*

Куть. Небольшое пространство у печи, отделённое занавеской. Иногда оно заменяет прихожую, иногда походит на узкий коридор вокруг печи, ведущий от дверей к кухне не через жилые комна- ты. *Поштё в куте-то сидишь, иди на свет. В куте-то куры зимой жили. Поди в куте покури, не дыши тута.*

Библиографический список

Живое костромское слово. Краткий костромской областной словарь / сост. Н.С. Ганцовская, Г.И. Маширова; отв. ред. Н.С. Ганцовская. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2006. – 347 с.

Программа для собирания сведений для Лексического атласа русских на- родных говоров. – СПб.: ИЛИ РАН СПб., 1994.

Завьялова Н.Н. (Кологрив)

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Представлены два эссе, насыщенные диалектной лексикой и мест- ными собственными названиями, где описывается с этнолингвистиче- ских позиций прошлое и настоящее двух известных деревень кологрив- ского края, акающей – Коптёва и окающей – Денюгина, прилагается и образец записи говора информанта из Копьёва.

Ключевые слова: Унжа; Понга; Копьёво; Денюгино; Ефим; Е. В. Чест- няков; денюгинский ров.

Представляем два эссе Натальи Завьяловой, посвящённые деревням Кологривского района Костромской области, наполненные этнографическими приметами края, топонимами, мифологической и местной лексикой. В одном описана её родная деревня Копьёво, расположенная на реке Совее при её впадении в Унжу. Там акют: это часть Костромского акяющего острова. В другом – деревня Денюгино, родина матери Ефима Честнякова, в которой он часто бывал в детстве. По сути дела это воспоминания о Честнякове, ценный вклад в копилку сведений о великом гражданине кологривской земли, художнике, мыслителе, писателе, знатоке народной речи, друге детей и утешителе своих земляков.

Наталья Николаевна Завьялова заведует сейчас Музеем Е.В. Честнякова в Шаблове, на его родине, а прежде работала словесником в Красноборской средней школе рядом с селом Илешевом, где похоронен художник. Она и сейчас много занимается с детьми и проводит ежегодно с ними в Дни памяти Ефима Честнякова (27 июня) в его музее великолепные постановки в честь знаменитого земляка. Сценарии она пишет сама. Это плодовитый и талантливый автор, который всем присутствующим на праздниках даёт возможность насладиться и народным словом, и словом самого Ефима Васильевича, умело поданным детьми по задумке Натальи Завьяловой. Н.Н. Завьялова окончила филологический факультет Костромского университета им. Н.А. Некрасова. Пишет она в сказовой манере, записывает также дословно и местные разговоры. Насладимся и мы образчиками народной речи, поданными в её произведениях. Первоначально статья «Моя деревня – Копьёво: страницы истории» Н.Н. Завьяловой была напечатана в местной газете «Кологривский край» 28 июля 2016 года, № 85, а статья «Здравствуй, Денюгино» – в этой же газете 20 марта 2012 года, № 31.

Прилагаем ещё текст акяющего копьёвского говора, записанный Н.В. Завьяловой в 2015 году.

Н.С. Ганцовская

Моя деревня – Копьёво: страницы истории

«Лелю, лелю, лелю, лень в поле бегают олень, золотые рога, по-золочена дуга. Побегай-ка на луга», – плывёт, плывёт над лугами, лесами, полями и рекой моего детства голос бабушки Натальи. И из глубокой дали доносится до меня, оставляя теплоту и отраду для моего сердца.

«Лелю, лелю, лелю, лень...» – а голос все тише, все печальнее, словно уплывает в далекие дали, зовя меня за собой.

И я иду на зов, не желая подчиняться закону всепоглощающего времени. Да, оно в силах поглотить всё, но не память о самом дорогом мне месте на земле – моей деревне.

Моя деревня, я – твоя частица, которую невозможно отринуть от тебя, ибо не будет мне жизни, если ты забудешь меня и перестанешь звать...

Всю свою жизнь, с самого своего раннего детства я приезжала к тебе либо на моторной лодке по красавице Унже, в которую совсем недалеко от деревни впадает Понга, либо на грузовой машине, пролезала она сквозь размытые осенними или весенними дождями дороги, или на самолете, по-местному, на кукурузнике – это была самая быстрая дорога к тебе.

Самолет слегка потряхивает при посадке на деревенском аэродроме, а там еще два километра – и Копьёво, моя деревня.

Эти два километра – сказочная дорога: почти километр волока (сумрачный лес стоит по обеим сторонам неширокой дороги), он подступает так близко, что невольно приходят виденья из русских сказок: лешие, ведьмы, русалки, деревянницы, на время превратившиеся в придорожные берёзы, за которыми прячутся сумрачные ели.

Но там, вдали, уже виден простор широких полей, засеянных рожью или ячменем. А за полями – деревня Копьёво, расположилась в излучине реки Понги на крутом её берегу. Сама деревня упоминается в переписи 1616 года, тогда она была в составе Шишикилевской волости, входившей в обширное Галичское княжество, которое затем стало частью Московского государства.

Несколько столетий живут рядом (около 2 км) две деревни – Копьёво и Церковное: ремесленники из Копьёва и землепашцы из Церковного. Они давно породнились, и только акающий московский говор всегда отличает жителей деревни Копьёво от окающих жителей деревни Церковное. Из поколения в поколение передавалась дразнилка копьёвских ребятишек: *«Цорковане-борковане городили огород. Торокан перескочил, огород переломил»*, нарочито окали, поддевая церковновский говорок. А те в сердцах замечали, что вы, мол, и вместо *корова карав*а говорите.

И всё же копьёвские девчата предпочитали выходить замуж за панкратовских ребят, которые считались ближе по своему происхождению (в Панкратове живут акающие чухломичи. – Н.Г.).

Здесь испокон веку занимались землепашеством, охотой, рыбной ловлей и выделкой железа путем перерабатывания болотной железной руды.

В деревне Копьёво жили потомственные кузнецы, которые славились своим ремеслом далеко в округе. Сама деревня обязана своим названием таким вот умельцам.

Интересно то, что в деревне не было фамилии Кузнецовы. Были Русовы, Горбачевы, Талановы, Любимцевы, Куликовы, Немцевы, Ершовы, Беляевы, Травины, Сизовы, Михайловы, Кудрявцевы, Рыжовы, Зверевы, Скороспеловы, Соколовы, но Кузнецовых не было. Зато были крепкие прозвища за некоторыми семьями – Кузнецы. Последнего дядю Сашу Кузнеца я хорошо помню. Среднего роста, коренастый с чёрными с проседью волосами, немного смуглый, очень немногословный, рассудительный, во всем чувствовалась степенность. Он и вправду был кузнецом. Его кузница стояла на луговине недалеко от самой деревни (метрах в 300), рядом с дорогой, которая вела в Панкратово.

Еще в деревне жила семья Ершовых, старую хозяйку которой звали Анна, но вся деревня её и её детей называла Кузнеченковы. Так и говорили: «К Анюте Кузнеченковой носили». Знать, были в их роду кузнецы, потому и закрепилось плотно это прозвище за их родом.

В Копьёве жили великолепные столяры и плотники, по зимам, когда заканчивались сельскохозяйственные работы, уезжали они на отстой в Санкт-Петербург, где занимались своим ремеслом.

С тех далеких времен в Копьёве осталось место, где когда-то стояла Питеркина избушка. Но почему она так звалась, никто не знает. Говорят, что привез один молодой плотник жену себе из Питера, да и оставил жить в Копьёве, в маленькой избушке, а сам уехал обратно в Питер, да так и не вернулся. Может, правда, а может, выдумка, но избушка-то была. Как и сама деревня, которая насчитывала в 1907 году 32 избы и 188 жителей обоего полу, а в 1997 году в ней было всего 132 человека.

Копьёвские дома были добротными, рубленными из хорошего леса.

Под одной крышей всё: и жильё, и хлев, и сеновал, и мастерская.

По лицу дома чаще всего 4 окна, это пятистенок. Три окна – это изба, а четвертое – горница. В Копьёве же её так и называли – пятистенок, а на сеновале были горенки, где летом завешивали полога и спали.

Зимой муж и жена спали на деревянной кровати в кути, что сразу от входной двери, тут же ставили и маленькую печку. Бабка и малые ребята располагались на печке, ребята постарше на полатах. Большие дети спали на лавках, к широкой лавке

приставляли еще одну, стлали подстилу (подстилка, сделанная из мелких связанных между собой пучков ржи), затем все остальное, что нужно для отдыха. Этот процесс в Копьёве назывался пристилаться. «Пристилались на лавках» – звучит в устах Соколовой Нины Николаевны, жительницы Копьёва 1936 г.р. Дед же спал на голбчике, в переборке (кухне) на западе в подвал. На повети (чердаке) висели банные веники, стоял ткацкий стан и другие вещи.

Но были избы гораздо просторнее и богаче. Зажиточные крестьяне выстраивали хорошие двухэтажные дома, даже с цветными стеклами на веранде. Один такой дом до сих пор стоит в д. Копьёво. Очень хорошо помню последнюю его хозяйку бабушку Матрону Немцеву.

Гораздо позже, когда дом опустел и начал потихоньку разрушаться, я внимательно осмотрела его. Второй этаж – это типичная русская изба с пятистенком (горницей), правда, горница довольно большая, с большим, совсем не деревенским окном, украшенным резными наличниками. А внутри горницы я обнаружила великолепный старинный диван, который затем перевезли в музей. Нетипичным можно назвать еще один старый дом в деревне. Он был выстроен «на особинку». Отличался особой красотой резных наличников. Весь дом при всем своем наборе типичных крестьянских построек: горенок, светёлок – все-таки был необычным. Такой тип домов в нашем районе мне больше не встречался нигде, как и узор наличников. По всей вероятности, мастер приходил из других мест и выполнял особый заказ хозяйина, и снаружи и изнутри дом околочен вагонкой, выструганной вручную.

Большим порядком домов, а к 20-м годам XX века было их уже больше пятидесяти, раскинулось Копьёво по берегу реки Понги, лесной, таёжной реки с прозрачными родниковыми водами. И оттого и вода в реке холоднее, чем на Унже. По-марийски, Понга обозначает «гриб». Может быть, потому, что росло их в прибрежных глухих лесах видимо-невидимо.

Но сама река завораживает: то она быстрая и шумливая на перекатах, то спокойно позволяет смотреть в себя плакучим ивам и островерхим елям.

На ее крутом берегу частым рядом расположились баньки, все топятя по-чёрному. В субботу хозяйки большую часть времени проводили там, железными щипцами вытаскивали из

печи каленые камни и опускали их в кадки с водой, нагревая ее. Хоть рядом и был колодец с родниковой водой, но копьёвские красавицы предпочитали голову мыть водой с реки Понги, особенно мягкими и рассыпчатыми становились тогда волосы.

Деревня Копьёво и её обитатели

К Максиму в карты играть хадили. Ворам он был. Дома в калидоре висит платок, дак уташшыт. В другой диревне прадас. В нашей-то диревне его не били, он нас пускал играть всё. Вот парни у ево хорошие были:

У Максима-та в даму сонце закатаецца,
Всё Максимоф-та Василий сватацца збираецца.

К Нюрке сватацца сбирался, у ево ешше парень был Ванька Рыжай, да Наська Максимова.

Тутака у школы кузнецов дом был, Шурка Мака патом жил. Я как-та к ему пашла и думаю, как ево звать-та, и вздумала как-та. Ну, па-праськи назвала. А дом кузнеца старый был. Это Юлькинова дедушки. Оне с зятем в банке денек украли. Зять Тарас, с Панкратова был, с им ездили в Питер, с этим оне и обакрали. Вот имали его, он землянки по лесу делал. Всё прятался, а баушка-та Кузнечиха ругает ево: «Зачем взял! Ты это сделал?» А у Анюты-та мужик кузнец был, а она-та от Антропавны. А звали Кузнеченкова уш по мужу.

За рекой у нас Языково было, 4 километра от Копьёва, адин али два дома стаяли. Эта с Турдиева кагда идёшь, мы там патом пшеницу сеяли с тятей. А меня адну направили жать. Я пожалала-пжалала и вдруг слышу: Шурина, а патом ешше.

Гадать – гадали. Ставят в круг, ачертят, гаварят: взлай, взлай, сабачка. Это девки полют (ачерчивают круг) и гаварят: взлай, взлай, сабачка. Как оне пашли кругом, вдрук сабака залаяла. Аткуда? Там дамоф-та нет, на Круглицу туды. Не будет этава. Гаварю, пабежим в Капьево. У меня женихи-та были: Васька Немцав, Натолька да Аркашка Рыжовы.

Про прозвища. Не знаю, штё ево звали Лёшшыком, он Турдиевской был. А тут до ево Ефимавна жила. Нюшка-та у ево капьёвская, а он-та турдиевской.

Про цыган. Как цыганы-та идут, а я в даму адна. Как заперлась галиком, в лисинку ваткнула галик-та, гляжу, двери-та отваряютца, цыганка идёт, я в рёв: не плачь, я не пайду больше никуда.

*Горбачева (Таланова) Александра Дмитриевна, 1925 г.р.,
д. Копьёво. 2015 г.*

Здравствуй, Денюгино!

Здравствуй, Денюгино!

Речка и ров!

Все закоулки

Улиц, дворов!

Всякий раз, когда я поднимаюсь в Денюгино, мысленно произношу это незамысловатое четверостишие, которое когда-то сочинил Ефим Васильевич Честняков. Вроде как и незамысловатое, на первый взгляд, а сколько чувства вложено в каждую строфу, да что там, в каждое слово! Это словно бы признание в любви деревне, дорогой с детства.

Денюгино – родина его матери Вассы Родионовны Кевинной (в девичестве), туда часто ездил маленький Ефимка с матерью и отцом на престольный праздник, Николу зимнего, еще на сговоры сестёр Вассы Родионовны. «Шур...шур...шур... брякает большой шоргун – бубен на лошади. Сани скрипят... я сижу в окорчеве весь закутанный. Мне тепло.... Хорошо. Тятка в тулупе, волчий воротник – и в биленькой барашковой шапке рядом с мамкой сидит, вся закутана платком. Раннее утро. Еще не рассвело. И звёзды на небе мерцают едва. Едем речкой Савлевкой. Подымаемся, лесом дорога идет. Рассветает. Ёлки – березы, покрытые снегом. – Тять, погляди, как ёлки-ти бежат. Приехали в Денюгино к баушке... И вот уже в избе. И много народу. Улыбаются все и приветливы так... и говорят про деда Лукьяна, про Илюшку... про Якова. Жил в Денюгине некоторое время (от сговора, кажется, до Федотьиной свадьбы). Ловил клестов во рву...хорошо» – это одно из воспоминаний Ефима Васильевича от поездки в Денюгино.

Все чувства уложились в этом емком слове – хорошо. Именно эти хорошие воспоминания детства вели его в эту деревню снова и снова. Снова и снова шёл он туда, куда вела его память сердца, давнишнее детское – **хорошо!**

«**Здравствуй, Денюгино!**» – словно к человеку обращается Ефим. И это так, это правильно. Деревня, как единый живой организм, жила в веках, стоило только нарушить одно звено, рухнуло всё.

«Здравствуй, Денюгино!

Речка и ров!»

Прежде чем попадешь в Денюгино, нужно пройти через огромный ров, внизу которого течет речка. Ров этот очень глубок, края его отвесны. Только древние ели карабкаются по его склону, да еще

люди проторили тропу по крутым берегам оврага: веками ходили они по этой тропинке из деревни в деревню. И ров был не помеха! Ефим особенно любил это место: во рву мечтал он построить избушку и жить здесь, а ведь и построили бы денюгинские мужики, если бы не война...

Тихими зимними ночами приходил он к оврагу и слушал звонкий говор Денюгинской речки, пил ключевую воду, умывался и другим советовал, не раз говоря о ее целебной силе. И века пили денюгинские эту ключевую воду, может, от того и крепкими были. Работали славно и жили справно.

Ох, и тяжело было подниматься по отвесной стороне оврага с полными вёдрами воды, но куда денешься. В деревне было всего два колодца, и те не всегда с водой, да и любили крестьяне именно эту водичку.

Да, Денюгинский ров удивительное, даже какое-то загадочное место. Сейчас, проходя по его склонам, остается восхищение от его дикой красоты, и еще удивление, что здесь когда-то не смолкали людские голоса.

И голос Ефима здесь тоже слышался. «Проходите, проходите, это я, Ефим», – говорил он молодому парню, лихо скатывающемуся с горы прямо к ручью, чтобы затем так же ловко вбежать на гору и в Денюгино к своей любимой. Ох, и испугался же тогда Василий Морозов (так звали парня), когда он с задорной частушкой с картинкой летел с крутой горы и неожиданно увидел человеческую фигуру во всём белом. Ночь тогда была морозная, звезды на небе и серпик месяца, словно на нитке привязан к небосклону, того гляди и оборвётся и упадёт прямо здесь, на дно оврага, а тут ещё такое.

Да, сильно напугал белый плащ Ефима (он всегда его носил летом и зимой надевал поверх полушубка) и не только одного Василия. Раз тётка Августа по воду пошла, тоже сильно испугалась, когда человека увидела, дар речи потеряла: ноги, говорит, отнялись. Ни ступить, ни молвить не могу. – И чего испугалась? Я это, Ефим. – Так что это ты по ночам-то шастаешь? – отошла от первоначального испуга тётка Августа. «Да, а ты что же в такую пору по воду идёшь, или дня тебе не хватило?» – отвечал Ефим Васильевич. У тётки Августы ноги от страха отнялись, так и вёл Ефим ее в гору.

Влекло его туда, в этот ров. Его красота дикая с мерцанием звёзд на черном небе и тонким журчанием струй никогда не замерзающих по зимам ключей Денюгинской речки. Что-то волшебное, неземное виделось ему здесь, словно из сказки, окружающей его повсюду,

а здесь особенно, доносились отовсюду чарующие звуки ночной тишины. И, поднявшись в деревню, произнесет снова и снова:

«Здравствуй, Денюгино!

Речка и ров!

Все закоулочки

Улиц, дворов!»

Все закоулочки улиц, дворов Денюгина были дороги и близки Ефиму. И в зрелом возрасте не раз и не два хаживал он по деревне, любовался избами, сделанными по всем правилам строительного искусства.

Но и в тяжелые военные годы не отступался Ефим, ходил со своим ондрецом из деревни в деревню. Денюгино, конечно, не забывал. «Придёт в Николу, нарядит наряжонками, маски наденет, а мы друг на дружек смотрим, со смеху помираем», – вспоминает Екатерина Степановна Невзорова, 1923 г.р. (в замужестве Крутикова).

А он приговаривает: «Не пачкайте, у меня всё чистое».

«А мы вслед за ним песни поем, руками машем, весело всем. Коляда, коляда, не пьет ни пива, ни вина, только просит коляда по яичку со двора». Да, заставлял Ефим улыбаться, кого-то и громко рассмеяться, и уходили куда-то невзгоды и горести, и хотелось жить и любить, и далеко-далеко уходило ледяное дыхание войны.

Как-то уже после войны и Катерине пришлось побывать у Ефима в гостях в Шаблове. Посватался к ней парень из Церковного, работала тогда она в тех местах, но какое-то сомнение в душе жило. А кто лучше Ефима посоветует! Испекла мама каравай (хоть и сами бедно жили, отец погиб на войне), и пошла Катерина в Шаблово. Ефим встретил ее хорошо, по-доброму. Была она у него в избе-овине, открыл он дверь, повёл наверх. Гостинец взял, сказав при этом: «Давай покушаем, устала небось, голодная. Это теперь ведь мой пирог». Он улыбнулся и отломил ей полпирога. А насчет замужества заметил: «Терпи год, терпи два и три, дак ничего». Вот и ждала Катерина, послушалась Ефимова совета, а на третьем году посватался к ней Василий Крутиков, денюгинский парень, с ним и шла по жизни, детей-внуков вместе вырастили. Жили-поживали они в Денюгине вплоть до 1979 года, а в 1981 году деревни не стало.

Здравствуй, Денюгино!

Речка и ров!

Все закоулочки

Улиц, дворов!

Горько, что нет больше Денюгина, нет закоулочков улиц, дворов. Но речка журчит и поёт на самом дне Денюгинского рва.

**ВПЕЧАТЛЕНИЯ, НАБЛЮДЕНИЯ
(ДНЕВНИК ОДНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ)***

В статье после небольшой преамбулы приводятся материалы экспедиционного диалектологического дневника 1994 года. Наблюдения доцента, аспирантов и студента отражают особенности быта и работы диалектологической экспедиции в Режском сельсовете Сямженского района Вологодской области.

Ключевые слова: диалектологическая экспедиция; впечатления; путевые заметки.

Традиция фиксировать путевые заметки сложилась у вологодских диалектологов естественно, сама собой. Исследовательский интерес участников экспедиции пробудил у них стремление записать, зафиксировать увиденное, осмыслить услышанное. Наблюдательность, остроумие, ироничность участников экспедиции – это те качества, которые сослужили им неоценимую службу. Теперь, будучи уже предметом анализа, экспедиционные дневники не могут не радовать читателя. Покажем это на материале записей в дневнике «Сямжа-94», отражающем особенности экспедиции в Режский сельсовет Сямженского района Вологодской области. С сожалением только приходится учесть, что в рамках этого издания нет возможности воспроизвести многочисленные иллюстрации, имеющиеся в дневнике.

*Едем, едем, едем к ним,
Едем к бабушкам своим!*

Август-1994. *В Режу, на Режу, за Режу...* Давно проверенный маршрут экспедиций Вологодского пединститута. Человек 40 студентов во главе с доцентом Л.Ю. Зориной уже побывали в этих местах. Кто-то уезжал со слезами, кто-то находил здесь своё счастье, кто-то – материал для научных статей... И теперь наш отряд стремится сюда, как в землю обетованную.

В составе отряда – руководитель Л.Ю. Зорина, аспирантка А.А. Баландина, аспирантка Е.Н. Шаброва, студент А.Ю. Зорин. Маловато? Но зато какие силы! Л.Ю. Зорина с сыном в этих местах «пасутся» с 1983 года, Е.Н. Шаброву уже давно заслуженно

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного гуманитарного фонда. Проект № 15-04-00205а «Режа и режаки: этнолингвистическое описание севернорусского идиома».

считают здесь *золотой*. А.А. Баландина наверняка тоже полюбит Режу – местность по берегам реки Режи – и её обитателей.

Цель экспедиции – опробовать программу ЛАРНГ «Одежда, обувь, украшения». Попутно фиксируем всё, что представляет интерес для Словаря вологодских говоров и для будущей монографии Е.Н. Шабровой о его величестве Глаголе.

Есть ещё честные люди!

В репертуаре Л.Ю. Зориной множество историй о том, что бывало в экспедициях. Историй о том, как диалектологи не понимали информанта, как он не понимал их, как студенты теряли билеты, как прятались от грозы, как теряли, а затем находили магнитофон... Но чтобы случилось вот такое...

На автостанции «Сямжа» у нас вынужденная пересадка. Чтобы скоротать время и налегке пойти в районный центр (там нас уже ждали знакомые информанты), мы решили сдать багаж на автостанции на хранение. 1000 рублей за место. Подходящая цена?! По ценам 1994 года – вполне подходящая, но всё же значительная. Экономя хоздоговорные деньги, на хранение сдали только 5 мест. А было их на 2 больше. Арифметика простая: пакет А.А. Баландиной взяли с собой.

Возвращаемся. Л.Ю. Зорина видит свою сумку с сувенирами для информантов на лавке в зале, а не в камере хранения. Но тут же смекает, что вещи еще не получали, и успокаивается. Следовательно, думает она, её сумка не её сумка. Мало ли подобных сумок на свете! Получаем багаж, пересчитываем места... И тут-то обнаруживаем, что сумка с сувенирами, которую по очереди несли мать и сын Зорины, действительно «в открытом доступе» в зале. Но удивительно вовсе не это. И даже не то, что сумка нашлась. Удивительно, поразительно, восхитительно, что все сувениры (а были там павловский платок, декоративный фартук и др.) на месте. Есть же ещё на свете честные люди! Это сямженские жители!

День второй

Второй день в экспедиции – день особый.

Начиная с третьего дня человек обычно забывает, как он жил до сих пор, как дошёл он до жизни такой, и начинает воспринимать окружившую его реальность как единственно пригодную для существования. Когда-то, «в той жизни», был водопровод,

газовая плита, телефон, телевизор, мороженое в яркой обертке, туфли-«лодочки» на немислимом (со здешней нашей точки зрения) каблуке. А спрашивается – зачем? Воду можно принести из речки, дрова – из *полинки*, т.е. из поленницы, молоко – от Черепановых, хлеб – из деревни Лукинской, а муку, сметану и яйца вообще принести нельзя: не такие это продукты, чтобы их можно было запросто купить в магазине.

С третьего дня уже начинает казаться, что «великого и могучего» литературного языка никогда не было и можно вполне обойтись просторечием, которое по мере пребывания среди носителей говора становится очень похожим на местное наречие. А дню к пятому писать по-русски тоже начинает казаться утомительным. Куда проще перейти на упрощённую транскрипцию: всё равно ведь в каждом написанном слове начинаешь ставить знаки ударения, долготы и мягкости. Короче говоря, день третий – это день полной или почти полной акклиматизации.

А вот день второй – это день всевозможных неожиданностей, сродни тем, что подстерегают итальянцев в России, панду – в Московском зоопарке, а Кука... (впрочем, с Куком повременим).

Просыпаясь на второй день, плохо представляешь, где именно ты это делаешь. Перебираешь в памяти все места, где ты уже это делывал, и в недоумении чувствуешь: не то! Не диван, не кровать, не горемычная раскладушка, не русская печь, не полати, не вторая полка в поезде, не лапник под туристской палаткой: жестко, но не просто, банально жестко, как, к примеру, на стуле или на парте в 95-й студенческой аудитории, а жёстко «волнами»; участки совершенно деревянного перемежаются с чем-то мягким, но коротким. Вспоминаешь: это мягкое, но короткое – подушки, положенные для мягкости на широкую скамью, но за ночь расплзшиеся на ней каждая в одной ей известном направлении (на следующую ночь придерживать ногой крайнюю подушку стало движением привычным, почти незамечаемым).

Затем – завтрак, друзья туриста макароны. Оказывается, бабушка Настя, как на грех, никогда не едала этого «спагетти» и с недоумением смотрела, как мы навёртываем на вилки это неизвестно что и как это неизвестно что по дороге от тарелки до рта не шлёпается на стол или куда пониже (на следующий день спагетти перекроили, русифицировали, переломав макароны на вермишель).

В девять часов – «посмотреть кой-какого товару»: за хлебом в Лукинскую. Обычай начинать работу в 7 часов утра кажется невероятным «стаханством», дорога из Монастырской к магазину (самое большое – всего километр) – дорогой, что само по себе звучит гордо. Хлеба, как и надо было ожидать, в магазине нет. Нет и муки, и яиц, нет и широко рекламируемых кетчупов, риса и пюре «Uncle Ben's», акций АО МММ, сигарет «Настоящая Америка», нет и «Истинной Свежести», и окорочков, что, помахивая неизвестно чем (язык не поворачивается сказать «крыльями»), летят в «Союзконтракт». Куда денешься? Нет! Но кое-что всё-таки есть. Набрав четыре сумки кое-чего, возвращаемся обратно, услывшись с говорливой Серафимой Гавриловной Чижовой зайти «поговорить как-нибудь». Это «как-нибудь» часа через четыре и произошло, причём искать, где живет Серафима Гавриловна, не составило особого труда: совершенно наобум ткнулись в первый приглянувшийся дом – и «тык» себя оправдал.

Поговорив с бабушкой Настей, Клавдией Яковлевной и Серафимой Гавриловной, мы пришли в недоумение: наверное, так лучше определить ощущение человека, который говорит, сам не понимая, о чём, а к тому же получает ответы на вопросы про это неизвестно что. «Грибки́», «плáнчики», «морхóточки», «кúстики», «лопотíночка», «остебенье», «пáрочка» – всё это звучит красиво, но означает непонятно что (примерно по тому же принципу дед Щукарь ласково называл свою старуху «астролябией» и «апробацией»).

P.S. А *гриб*, т. е. оборка на платье, оказывается, бывает ещё и *кошёный*, на нашу бедную головушку!

Когда разобрались с «грибáми», решили всё это записать. «Это» не записывалось. Во-первых, после «грибóв» появилось неизвестно что означающее «остебенье», многолика «сермяга», в которой работали, женились, к которой пришивали потайные карманы, чтоб хранить заветный пряник, ходили поповские прислужники, неизвестный нам Павлин Никитич и многие неизвестные, к тому же и безымянные для диалектологической науки, не дожившие до нашего приезда небогатые местные мужики. Когда ко всему прочему стало ясно, что *тулуп*, *кошуля* и *шубняк* – тоже не синонимы, захотелось выть на телеграфный столб и придумать метод интенсификации труда: доят же коров аппаратами, а не руками, а вместо вил на тяжёлых работах прижился трактор. Видимо, трактором и доильным аппаратом диалектологической науки должны стать иллюстрации к вопросам.

К вечеру захотелось молочка. И первосортного изюма. «И пошли они...» – не до городу Парижу, а к Черепановым, и пошли по дороге, как нормальные герои, которые именно так всегда и передвигаются. А вот обратно *по-нормальногеройски* не шло: двинули через *лаву* – небольшой мостик над речкой *курамвбрдперебрёдайской* глубины.

Разжились изюмчиком и решили сварить компот. И сварили. Хорошо, что не попробовали до утра. Утром присмотрелись: изюм, надо понимать, как шекснинские куры, до магазина своим ходом шёл, собирая по дороге пыль, камни, палочки и ещё много чего.

День третий, или Мечтать не вредно

На третий день деревня стала роднее, мягче, душевнее. Выйдя из дому в мечтательно-прекраснодушном настроении, мы начали думать о том, что привезём в Вологду в качестве сувениров. Елена Николаевна Шаброва, любящая соединять приятное с полезным, размечталась о перьях – не жар-птицы, не павлина, а курицы – для, извините, подмазки сковородки.

Не прошла она и двух шагов, как первое куриное перо бросилось ей в глаза. Потом второе, третье, десятое – каждое воспринималось с должным восторгом, пока мы не набрали целую кучу перьев. Мечтать, оказывается не вредно.

P.S. Часа через полтора Елене Николаевне захотелось зелёного луку. И он тоже появился. Так что, братцы, мораль: мечтайте – не вредно!

Что такое *«пáрочка»*, мы, наконец, уяснили. Более того, бабушка Настя даже надела по очереди две своих *«пáрочки»*, в которых выходила замуж! Удивительно: почти 65 лет назад она впервые надела эти наряды, но до сих пор обе парочки ей почти впору. Только за 65 лет ношения и лежания жёлтая парочка стала белой...

Кроме того, узнали, что такое *«швёйка»*. У бабушки было и *светильно*, но городские девки увезли его в город лет десять назад. Бабушка Настя предлагала и плашку лучины – мы отказались. Надо понимать, лучину щиплют самостоятельно.

Намеченный заранее поход в центр сельсовета, деревню Копылово, состоялся. Правда, вместо поездки на автобусе (они злодейски подводят в самый нужный момент!) пришлось предпринять марш-бросок под тёплым мелким дождичком.

Отметка в сельсовете, пятикратное (!) посещение конторы совхоза, обход магазинов, 2 покупки (плащ для Аллы Александровны, куртка для Алексея Зорина, продукты), работа в школьном музее с коллекцией старинной местной одежды, тёплый хлеб на свежем воздухе, раздумья о типах встретившихся жилых домов и символике их украшений – это ли не содержательный день диалектолога?!

Продолжаем работу по сбору лексики одежды. Выжимаем из информантов (кстати, студент задумался над разницей значений слов *информант* и *осведомитель*) материал по крупицам. Вот так, например:

– *Пример! Ну, пожалуйста, предложение!*

– *Хм! Больно оценки ставишь малы!*

Но тем не менее узнаём всё досконально о платьях с *поддувало́м*, о *косоплётках*, заменяющих ленты, о *гребёло́чках* и *пугли́цах*...

По вечерам демонстрируется очередной сериал «Дикая Роза». Прежде нас (вернее, наших информантов) отвлекали «Рабыня Изяура», «Богатые тоже плачут». А теперь вот – «Дикая Роза». А сам цветок и прекрасное имя *Роза* чужды скудной деревенской действительности. Слышим поэтому замечательный диалог:

– *«Рожу»-то смотрю.*

– *Не смотрю я никакиё «Рожы».*

*Этимологическая справка: *Рожжа* – «отвратительная голова».

В доме *тёты* Насти Алла и Елена накрыли стол для ужина. Стол получился праздничным. Настоящее *застолёчье!* «*Ленка выдумчива*», – оценила работу Клавдия Яковлевна Игнашева и стала мечтать, каким будет стол в день рождения её внучки Светланки. «*Пуускай люди скажут: Вот Яковлевна сделала какой день рождения ребёнку! Я всегда делаю. Два года назад два застолёчья делала*».

Размечтавшись, К.Я. Игнашева забыла, куда сама убрала *ўтрешние* пироги и «*девок не угостила*». Не угостила, хотя считает молодых учительниц самыми дорогими гостями на дне рождения: «*Вот, Светка, в Москве расскажешь!*»

Диалектологами давно уже подмечено, что в Реже живы традиции вежливого, уважительного отношения к собеседнику. Так называемый речевой этикет представлен многочисленными формулами, неизвестными литературному языку: *Пух под ножницы!* – пожелание тому, кто стрижет овцу; *Путём-дорогой!* – пожелание отправляющемуся в путь и др.

Наши трудовые достижения 4-го дня были вознаграждены новым для нас выражением. Покупки, сделанные Аллой и Алексеем, были по достоинству оценены, и в двух (в двух!) домах прозвучало по поводу удачной покупки одобрительное выражение: *Счастливо носить да и за этой лучше нажить!*

Скупая мужская слеза

А хлопцы здесь славные... Находясь в этой экзотической среде, я невольно начинаю понимать, что «малиновая речь» принимает несколько другие оттенки, окрашиваясь порой во все цвета радуги. Ну где, как не здесь, можно услышать подобные монологи: *Пошли мы как-то на сенокос: мама, ..., сестра, ..., и я!* А если в великий костёр русской души добавить граммов 150–200, то в тёмно-багровых тонах так и засверкают искорки родного мата, оставляя приличными только предлоги и некоторые междометия. Но, как говорится, из песни слова не выкинешь. Вот, например, реплика:

– *Слухай! Я, ..., на ..., ..., ...ячил под горушку, ..., на всех парях. Глядь – ...дюлина такая. Я ...як, – и ...нулся. П...дец, ... знает, что за по...нь.*

Что бы это значило? Это один парень-мотоциклист рассказывает другу про то, как он упал с мотоцикла из-за того, что въехал в какую-то яму (или канаву, или на камень наехал).

А вообще-то мотоцикл здесь – залог успеха у девушек.

Кое-что о кошках

«*Кошки! Очарование мое!*» – помнится, пела старушка из известного мультфильма, глядя на своих гладких, ухоженных, благополучных с виду любимцев.

Глядя на то, что, подняв хвост, гордой поступью переходит дорогу посередине деревни, деловито чешет по огороду по направлению к соседнему курятнику, по-мышьи, украдкой норовит скользнуть между ног в комнату, прижав уши, сигает с печки почти на обеденный стол, вряд ли захочешь поддержать котолубивую старушку, ибо назвать *очарованием* здешних кошек – это сделать комплимент, по несообразности близкий к издевательствам.

Помнится, в одном из журналов для любознательных публиковалась любопытная фотография – фоторобот, примерный портрет доисторической реликтовой кошки. Со страниц на любознательного на свою беду читателя смотрело нечто лишённое шерсти, с треугольной мордой, без усов и с глазами навывкате (на скольких лапах передвигалось это существо, фотография умалчивала; если на двух, то это нечто напоминало больше не кошку, а Полиграфа Полиграфовича, правда, без балалайки, лаковых ботинок и играло на голове). Судя по всему, ближайшие родственники этой доисторической кошки и по сей день разгуливают по Сямженскому району.

У бабушки Насти пригнздилась соседская кошка, справедливо названная за размеры Малюткой. Если верить рекламе «Вискаса», желудок у этой Малютки должен быть куда как меньше небезызвестного напёрстка! Вот уж фигурки! Какой напёрсток! *С пестёрь* у неё желудок, уверяю вас, *с пестёрь*, с самую что ни на есть пребольшую *пестерину*! Перед завтраком кошка уже трётся возле миски, выпрашивая подачку, после завтрака она трётся там же, между завтраком и обедом, вылизав из миски всё, что там оказалось, шатаясь от количества съеденного, не в силах носить на четырёх маломощных лапах свой туго набитый *меньшенапёрстковый* желудок, она тупо смотрит в угол, туда, где несколько минут назад была еда.

Иногда, когда пища в плошке бывает слишком горячей, изощрённый кошачий ум придумывает способ охладить еду: обжигая мордочку, усы и передние лапы, кошка выцарапывает вожаделенный продукт на пол и начинает «играть им в футбол»: перекидывает лапой кусок мяса до тех пор, пока тот не охладится до нужной температуры. Интересно, а древние люди, сняв мясо с костра, так же играли в «холодильник» или нет?

Пригнестись у бабушки Насти не прочь и ещё одна соседская кошка, «пригнестись» в полном смысле этого слова, ибо дня через четыре ей пора увеличить поголовье деревенских кошек штук на 5–6. Впрочем, быть хозяйкой не одной проглотистой Малютки, а штук восьми (не менее энергичных в плане перекусить) бабушке Насте никак не улыбалось. Поэтому соседскую кошку нужно было ещё изловить.

Вооружившись клюкой, бабушка с удивительным для своего возраста энтузиазмом полезла за печку извлекать приبلудную кошку. Кошка не извлекалась. *«Плюньте, девки!»* – уныло сказала бабушка, искоса поглядывая на дверь в комнату, где спряталась диверсантка. И не зря поглядывала, ибо минуты через три кошка, решив, что опасность миновала, показалась в дверном проёме. Вот тут и началась охота (сродни, надо понимать, той, что устраивали наши предки, приглядев в зарослях аппетитного мамонта).

У всех трёх дверей дежурили по человеку: бабушка Настя с клюкой, Алла Александровна с блокнотом и ручкой и Елена Николаевна с выпученными от неожиданности глазами. Бабушка орудовала клюкой, а остальные были в роли загонщиков. Вот тут и начались скачки с препятствиями: кошка сигала по печи взад и вперед, прыгала по комнатам, скакала по лавкам, пряталась под кроватью, опрокидывала тапки, мухобойки и диалектологические карточки. Но куда ей против такой надежной обороны?! Так что набивает свой «напёрсток» продуктами только одна законно проживающая Малютка (пожалуй, кличку скоро придётся менять).

Как Алла Александровна в церковь сходить собиралась

Задолго до того, как покачивающийся на поворотах местный автобус въехал через мост на середину деревни Монастырской, на горизонте показалась церковь. Построенная на холме незадолго до революции, она первой встречает гостей, среди которых и оказалась Алла Александровна, любитель старины, аспирантский научный труд которой был как нельзя прямее связан с церковной утварью.

Сердце Аллы Александровны ёкнуло, взгляд сосредоточился на самом главном куполе. *«Дайте только доехать!»* – оживленно смекала Алла. Вечером того же дня она дала себе торжественное обещание – побывать!

Вечером следующего дня, неся с реки воду, она подумала, глядя на четырехглавую крышу в закатных лучах солнца: *«Вот ведь незадача! Ладно, завтра, даст Бог, понаведаюсь».*

Вечером следующего дня, наевшись в порядочном количестве анальгина, аспирина, пенталгина, молока с вареньем, закутавшись во всё, что привезла с собой в экспедицию, идя с полотенцем на голове из бани и пытаясь определить без термометра, какая у неё температура, Алла Александровна уже не строила планы на посещение церкви на горе.

«Отпосещалась», – с тоской в глазах подумала она...

На следующий день Алле Александровне стало хорошо, по крайней мере, дойти своими ногами до обетованного строения она смогла. Но недолго, ибо к полудню желудок её был укомплектован до отказа и нельзя было с уверенностью сказать, что в дыру под парадным крыльцом она бы благополучно пролезла. *«Ладно, – благодушно подумала она, – ужё, погода, завтра»*.

Сходит ли Алла Александровна туда завтра – история умалчивает: это завтра пока ещё не наступило.

P.S: А в церковь она всё-таки сходила, *сподобилась!*

Байкал, Тарзан и Жучка, или Прекрасна собака, сидящая в будке

Победное шествие Елены Николаевны по деревне Монастырской иногда омрачали некоторые события, о которых мы не можем не упомянуть. Бывают такие минуты в жизни... Со стороны это выглядит примерно так. Елена Николаевна, идя по Монастырской и весело щебеча, неожиданно замолкает на полуслове, делается задумчивой и почему-то произносит: *«Опять мы ничего не взяли»*. Это значит, что впереди он, неустрашимый Байкал, воинственный Тарзан или истеричная Жучка. Елена Николаевна набирает воздуха в лёгкие и как можно быстрее пробегает мимо пса, при этом деля вид, что она его в упор не видит. Правда, имея дело с некоторыми четвероногими друзьями, в Монастырской нужно принимать и некоторые меры предосторожности. Так, при встрече с любой собакой лучше на всякий случай крикнуть: *«Байкал!»* Если это действительно Байкал, он вас не тронет, если нет – собака поймёт, что вы не местный и отнесётся к вам с пониманием и сожалением.

Несколько мгновений из жизни Алексея Зорина

Мгновение первое, судьбоносное

Когда благополучному городскому человеку, пять минут как студенту инфака ВГПИ Алексею Зорину улыбнулось невиданное счастье съездить в диалектологическую экспедицию, он

этого невиданного счастья не оценил: *«Ни к чему мне эта лишняя радость!»* Но, как джентльмен, сказал матери: *«Еду»*.

Мгновение второе, дорожное

Накануне Алексей привычным образом вернулся домой ближе к полуночи, а вот привычным образом отоспаться не получилось: в семь часов утра он был разбужен, умыт и накормлен, а в начале восьмого нетвёрдой походкой передвигался по направлению к вокзалу.

По дороге до Сямжи он играл в Сеятеля, разбрасывающего облигации, раскатив по салону, разумеется, нечаянно, сумку с подарками. Выпивающие на полу посередине салона пассажиры вспоминали, уж не первое ли нынче января, и недоумевали, почему на Дарителе нет привычного для Деда Мороза красного кафтана (кой-какая бородёнка имелась, и глаза были добрые-добрые – с этим было всё в порядке).

Мгновение третье, ностальгическое

Лет так восемь назад Алексей эти места обетованные посещал, он накрепко запомнил, что люди здесь хорошие, дома – большие, потолки – высокие, молоко – вкусное. Приехав в Монастырскую, он понял, что те блаженные времена прошли. Люди добрыми и молоко вкусным остались, а что касается домов и потолков – с этим вышла досаднейшая неувязка. Трудно пересчитать, сколько раз выросший за восемь лет отсутствия как минимум вдвое Алексей тяпался о разного рода потолки, косяки, притолоки, печки, с тоской душевной вспоминая, как легко он передвигался по своей городской квартире.

Мгновение четвертое, прагматическое

В прошлый свой приезд отличавшийся с детства практической жилкой Алексей уже начал задумываться, с кого бы он начал лепить жизнь свою профессиональную. *«С гуртоправа, – смекнул догадливый мальчик. – Ему и деньги платят, и работает целый день на свежем воздухе»*. Видно, не суждено было сбыться мечте ребёнка: пошёл, горемычный, на инфак ВГПИ. И ещё об одной нереализованной мечте рассказал бедняга: *«Всю жизнь мечтал быть женщиной-металлистом»*. Так что прав был поэт, написавший: *«Я б в рабочие пошел. Пусть меня научат»*. Неистребима в русском человеке тяга к рабочей профессии!

Мгновение пятое, развлекательное

Что греха таить, любил Алексей Зорин вечером с друзьями отдохнуть: сыграть на чём, ногами кренделя какие повыписывать, музыку хорошую послушать. Ныла его душа всё сильнее и сильнее,

по мере того, как он приближался к Реже: *«Вот ведь, просидишь филином в избе целую неделю, ни тебе музыки, ни тебе приятного общества».*

Отнюдь! На второй день Людмила Юрьевна уже вглядывалась в чернеющую даль, и кулаки её непроизвольно сжимались по мере нарастания темноты, а Алексей, как рыба в воде, развлекался в компании местных рокеров под звуки переделанного в магнитофон школьного киноаппарата.

Мгновение шестое, диалектологическое

По написанному выше может сложиться впечатление, будто диалектологическая наука была вовсе чужда нашему герою. Это досадное заблуждение, ибо в свободное от сна и отдыха время он с невиданным энтузиазмом делал аудиозаписи, фотографировал, надписывал карточки, нумеровал тетради и был действующим лицом многих выражений с диалектными словами.

Мгновение седьмое, лингвистическое

Алексей любил русскую речь во всех её проявлениях. Именно он стал автором небезызвестного труда «Скупая мужская слеза» в нашем дневнике, рассказав, как часто «малиновая русская речь» окрашивается в весьма причудливые тона. Кроме этого, он заметил, что молодёжный сленг для жителей деревни – вещь ходовая и привычная. *«Крутые парнеки круто издили на вечерины, а девки, накладывая на себя скруту, вкруте собирались на них прясть».* А во второй день пребывания в Реже Алексей услышал слово, которое вообще успокоило его изголодавшуюся по сленгу душу – *«остебенье».*

Мгновение восьмое, мануфактурное

Любил Алексей мануфактурку. Не джинсы вологодского пошива, не галстуки в оранжевую крапинку, а что-нибудь этакое... И как только вдали показался магазин, Алексей смекнул, что мануфактуркой обзавестись ему бы не мешало. И обзавелся. Так что увидите в Вологде Алексея Зорина в зелёных брюках и нежно-зеленоватой куртке «Alberto» – не теряйте времени, припугните чем поострее и отнимайте: кроме Режи, нигде такого не найдёте, а вещи стоящие!

Мгновение девятое, музыкальное

Поживи Алексей в этих местах подольше, местные *славницы* начали бы вышивать ему кисеты, а *славники* – подстергать за углом с поленом, ибо, кроме него, никто в Монастырской не умеет играть на гитаре. И вообще *«пáрень он матёрый, в сáмой порé».*

Мгновение десятое, гастрономическое

А ещё Алексей Зорин был сам не свой до фаршированных яиц. Увидит – слюнки аж текут. И никак не мог понять, как от такого яйца откусывать можно, ладно бы страусово было яйцо или динозавра, а то куриное: и жевать-то неудобно, легче так проглотить. А ещё хорошо бы агрегат придумать типа эскалатора: зацепил скрепкой за нижнюю губу, и едет себе яйцо от тарелки до рта, а то пока несёшь через весь стол – и не донести можно.

Мгновение одиннадцатое, спортивное

Спорт в деревне – вещь особая, тут просто так руками не машут, силы экономят. А спорт есть: на брюшной пресс нагрузка – дрова колоть, на икроножные мышцы – от собак убежать, на плечевой пояс – с коромыслом по воду ходить, а на кистевые мышцы – лебеду в огороде *чистить*.

Вот и Алексей приобщился, всё больше по плечевой части. Хотел было раз брюшной пресс потренировать, так сосед *Колька* смотрел-смотрел на эту его тренировку и топор отнял, сам стал тренироваться: ему привычнее.

Мгновение двенадцатое, анималистическое

Раньше Алексей думал, что судьба Карла Брюллова, Ивана Крамского, Михаила Врубеля и Павла Филонова, горемычная стезя русского художника, благополучно его обошла. Похоже, преждевременно он на этот счет успокоился, ибо в Монастырской особым блеском засиял его талант художника-анималиста: коровы, курицы, кошки всех сортов и размеров выходили из-под его бойкого пера, как живые. Единственное, перед чем его талант художника спасовал, это перед божьей коровкой и ёжиком. Так тут кто хочешь смутится: уж очень трудные это в изображении звери.

Мгновение тринадцатое, чернокошечно-приметное

Алексей знал твёрдо, что, когда дорогу перебегают чёрная кошка, дело швах, тут уж не до форсу: или крестись, или с левой ноги переступай, или дождись, пока кто другой перпендикулярно коварному кошкиному следу прошествует, а то жди беды, множества разных несчастий.

В Монастырской примета не срабатывала по причине банальной: чёрные кошки здесь отродясь не водились, а единственный на всю деревню мелкокалиберный чёрный кот, завидя людей, сам тормозил, видимо, в кустах, выполняя те самые заветные действия, чтобы избежать беды.

Мгновение четырнадцатое, гулливерское

Восемь лет назад Алексей был ростом чуточку пониже, сантиметров так на сорок – пятьдесят, а за время, что не был он в Реже, маленько подрос, так что местные бабушки и спросить робели, кто *экой большинской* из Вологды приехал.

Впрочем, не перевелись ещё и в Реже богатыри. Свидетельство тому – овчинный тулуп, в котором *матерущий* Алексей Зорин для науки перед фотоаппаратом позировал. Впору был тулупчик!

Мгновение пятнадцатое, праздничное

Не думал, не гадал, а попал Алексей Зорин на 14-летие Светланы Игнашевой, обаятельной белокурой москвички, гостившей у бабушки в деревне. Вот тут ему и поднесли... Что поделаешь, отказываться было неудобно, вот и пришлось Алексею за здоровье именинницы *клякнуть*, да и не раз.

P.S: Но *наклякаться* не пришлось: компания была приличная!

Мгновение шестнадцатое, лейтмотивное

Пока Алексей жил в Реже, одна мечта неотступно появлялась в его голове: *«Хочу домой, к папе!»* Когда Алексей не играл на гитаре, не фотографировал, не слушал в наушниках музыку, не рисовал коров и кур, когда выпадала праздная минута, к горлу подкатывал комок, сердце билось чаще, душа сжималась, и вновь появлялось: *«Хочу домой, к па-пе-е-е!»*

Мгновение семнадцатое, или Мечтать не вредно

С грустью расставшись с мыслью сделаться когда-нибудь гуртоправом или женщиной-металлистом, с горя Алексей поступил на инфак. *«Что поделаешь!»* – рассудил он. – *«Не сбылась мечта детства – пойду в учителя»*, – думал он с грустью.

Впрочем, энергия, не реализовавшаяся в труде работника кнута и мата или труженика горячего цеха, в нём не иссякла. Так что Алексей пообещал, что с его приходом инфак треснет, и уже мечтает, какие порядки он заведёт на своей территории.

Перлы по-монастырски

В оболóцке я. Наложíла кофту, ну да ницебó. Жар костей не ломит.

Поподбóльници носили. Девке нельзя было прийти, чтобы виски какие-нибудь. Ишибó парни говорили: «Покажи тело до колена!» Десять раз скажут, не отступятся от девки, если у неё худое бельё.

Старший в армии, а этот уж пóздышек.

С детьми-то осталась одна – попробуй прокорми такую араши́ху!

Сэдня у меня в печё топилось – дак я быка́-годовика́ ужарю!

По «Геркулэзу» да по порошку поймёшь, что хуже жить стали. С здакими «аМаМаМами»-то ничего не сделаешь!

Стриги не коротко! Я ведь на тот свет собираюсь, дак надо, чтоб узнали!

– Галинкя! Пойдём ко мне, у меня яблоки есь!

– Где, баушка, яблоки?

– Вон там у печу́рки в кузовёнке. Бери яблоки, лупи́ их, лупи́!

PS: яблоки – клубни картофеля.

Добрые люди

В Режском сельсовете функционирует небольшое количество фамилий (*Игнашевы, Востряковы, Ратушины, Вахрушевы*). Различать людей помогают прозвища:

Пелагея Дунашиха – по прозвищу отца *Дунаёнок*;

Галина Платошина – по имени бабушки *Платониды*;

Горшиха – прозвище по прозванию отца *Горшок*;

Есинец – прозвище по имени отца *Евстигней*;

Ратёха – Апполинария из деревни *Ратино*;

Оля Хавуя – вот здесь мы не разобрались почему;

Сорочата – семейное прозвище Вахрушевых;

Чехишина – семейное прозвище Чехиных.

Кажется, не зовут по прозвищам лишь Нину Антоновну Вахрушеву (фельдшер, авторитет завоевала, потому что стала *колоть* людей), Валерия Ивановича Фатиева (уважаемый в деревне человек, народный умелец, к нему надо время от времени *конацце*) и Клавдию Яковлевну Игнашеву (учительница, у неё учились и деды, и отцы, и сыновья).

Такие вот люди добрые проживают в Режском сельсовете...

Библиографический список

Воспоминания об экспедициях // Севернорусские говоры: межвузовский сборник / отв. ред. А.С. Герд. Вып. 9. – СПб.: СПбГУ, 2008. – С. 263–334.

Зорина Л.Ю. Дневники студенческих диалектологических экспедиций в Сямженский район Вологодской области // Народная речь Вологодского края: между прошлым и будущим / науч. ред. Ю.Н. Драчёва, Л.Ю. Зорина, Е.Н. Ильина. – Вологда: Легия, 2015. – С. 93–110.

Зорина Л.Ю. Дневники студенческих диалектологических экспедиций: особенности жанра и типология текстов // Севернорусские говоры – 14: межвуз. сб. / гл. ред. А.С. Герд. – СПб.: СПбГУ, 2015. – С. 268–291.

Колесникова А.П. Диалектологический дневник (о совместной диалектологической экспедиции в с. Краснолипы Репьёвского района Вологодской области в июне 2012 г.) // Диалектологический альманах: сборник материалов и исследований. Вып. 1 / науч. ред. А.Д. Черенкова. – Воронеж: ВГПУ, 2013. – С. 93–102.

Экспедиционные заметки: воспоминания, впечатления, интересные события, дневники // Диалектологический альманах: сборник материалов и исследований. Вып. 1 / науч. ред. А.Д. Черенкова. – Воронеж: ВГПУ, 2013. – С. 90–108.

Иванова Л.А. (Кострома)

НАРОДНЫЕ ПЕСНИ – НАША ЛЮБОВЬ И НАША ПРОФЕССИЯ: «ВОХОМСКИЕ УЗОРЫ»

В статье описывается фольклорная экспедиция в 2003 году студентов и преподавателей Костромского училища культуры (теперь колледжа культуры) в отдалённые от Костромы деревни и сёла Вохомского района, представлены образцы диалектной лексики и фразеологии в музыкальных народных произведениях разных жанров.

Ключевые слова: фольклорная экспедиция; вохмичи; хороводы; круги; Вохомские узоры; причет невесты; страдания и частушки.

В 2003 году вышел сборник народных песен «Вохомские узоры», подготовленный экспедицией учащихся Костромского колледжа культуры под руководством заслуженного деятеля культуры Лидии Анатольевны Ивановой. Это не первое и не последнее создание выдающегося костромского музыковеда, регулярно обследующего просторы костромской земли и дающего вместе с тем нам образцы говоров разных регионов костромской земли. В предыдущем сборнике, посвящённом Вторым Тромовским чтениям, есть статья Л.А. Ивановой, где описывается песенное творчество Мантуровского района Костромской области. Книга «Вохомские узоры» представляет собой сборник материалов, где богато представлены разные жанры песенного творчества жителей Вохомского района, нотированные студентами. В текстах песен сохранены архаические особенности крестьянской речи северо-восточного региона Костромской области. В данной статье Лидия Анатольевна делится воспоминаниями о поездке.

Н.С. Танцовская

Фольклорная экспедиция преподавателей и студентов Костромского училища культуры в составе Л.А. Ивановой (руководитель), Н.В. Солнцевой (хореографа), М. Ивановой, О. Ивановой, О. Чистовой, М. Софроновой, О. Пироговой (студенты 2 курса) была в Вохомском районе ровно 20 лет назад. И оглядываясь назад, понимаешь, как нам несказанно повезло, что удалось встретиться с такими замечательными людьми, жизнь которых неразрывно связана с песней и народными танцами.

Каких только песен не напели нам! Большое место в праздничной культуре вохмичей занимают хороводы, которые водились в весенне-летнее время на игрищах. В хороводах, «кругах», участвовали помимо неженатой молодёжи и молодые женщины. Мария Фёдоровна Попова, 1908 г. р. из д. Марково Заветлужского сельсовета Вохомского района, в тот период её было уже 88 лет, познакомила нас со строго закреплённым порядком ведения хороводов. Первые движения были неторопливы, сопровождались плавным движением по кругу. Девушки держали друг друга за руки или через платок.

Мария Фёдоровна, встретив нас, умылась, повязала беленький ситцевый платочек, достала из шкафа новые резиновые сапоги, надела их и только после этого стала рассказывать, петь и показывать, как раньше водили хороводы. Я сначала не поняла, зачем дома надевать резиновые сапоги, а потом стало ясно, что так она принарядилась: сапоги-то новые и блестящие. Мария Фёдоровна напела нам песни по порядку. Начинали гулянье всегда с песни «Выходили красные девушки», затем шли «Распахнутой лужок», «Шёл я, доброй молодец», «Горити лесику», «Как с-по морю», «У ворот было, воротечек», «Ой, улочка мала», «Стой, частой мелкой березник», «Ходил, гулял казаценька». Поразил говор, жизнерадостность певуний из Вохмы Валентины Васильевны Шадринной, 1927 г.р., Валентины Васильевны Козловой, 1918 г.р., и Галины Акимовны Холмовой, 1930 г.р., вот их репертуар: «Уж мы седем с Дунёй рядом», «За штё Сашу люди любят».

Коронным номером Г.А. Холмовой была пляска «Чижик», которую она переняла у своей матери Анны Петровны, 1987 г.р., из села Покров Вохомского района. Пляска исполнялась иногда внутри хоровода на Масленицу, на Пасху, иногда и вне хоровода, перед гостями или родственниками. Поражала манера исполнения, стать плясуньи, плавность движений и в то же время

озорство, искромётность в некоторых местах. Пляска сопровождалась пением. Вот текст «Чижика», записанный от Хохловой Г.А., 1930 г.р. из д. Стучата.

*Цижик, Цижик, цижичёк,
Маленькой воробышок.
Где ты, где ты цижик быв?
Во конторе водку пив.*

*Выпив рюмку, выпив две,
За шумело в голове.
За шумело, загремело,
Запотрескивало.*

*Стали цижика ловить,
Стали в клетку садить.
Цижик в клетку ни хотев,
Извернулся, улетев.*

*Извернулся, улетев,
Розвесёлую запев.
Был у душецьки,
У Катюшецьки.*

*Катю дома не застав,
На крылецьке постояв.*

*На крылецьке постояв,
За колецько подержав.
Цьто за то кольцё литоё,
За серебряноё.*

Также сохранились в Вохомском районе и песни свадебного обряда. Весь ритуал свадьбы делится на две части. Первая и наиболее развитая часть свадьбы, до венца, наиболее драматична и является *оплакиванием* невестой и её подругами девичества, родного дома, семьи и близких. Поэтому невеста начиная с *присватания* и до момента отъезда к венцу должна была *причитывать*. В экспедиции мы записали пять вариантов свадебных плачей. В сборник «Вохомские узоры» вошёл *причет* невесты «Да благослови-ко, Боже, Господи» в исполнении Поповой М.Ф., 1908 г.р., записанный в деревне Марково Заветлужского сельсовета. После венца звучат уже только песни в основном величальные – жениху и невесте, чину (*тысяцкому, большому свату*) или родственнику (отцу, матери, свекру, свекрови и т. д.). Например:

«Вдоль по бережку *гоголюшко* плывёт», «*Конюшко* да *сивогривой*», «*Межу* горницею, *межу* половицею».

Тема выбора пары встречалась и в других жанрах: в игровом хороводе «Розочка алая», где парень выбирал себе родню и невесту. И на свадьбе, и на молодежных посиделках могла звучать песня «Кого станем женить». Припев в этой песни представляет шуточный набор слов, под который можно плясать. Записали её в деревне Черепаново от А.Н. Огарковой, 1923 г.р., К.С. Скрыбиной, 1925 г.р.

*Ково станем женить,
Ково замуж отдавать?*
Припев:
*Тулин-булин, цевотулин,
Тонтыль-вонтыль, виль-виль-вонтыль,
Виль-вильвушки с похмелюшки,
Спавин-навин-наферлин,
Ферлин-наливенку-ферна,
К земле яблонь прилѣгла.
Станем Коленьку жонить,
Таню замуж отдавать.*

В песнях каждого из разделов сборника «Вохомские узоры» содержатся приметы народного вохомского говора в области фонетики и грамматики, россыпи диалектных слов. Приведём небольшие извлечения из текстов песен с обозначением курсивом диалектных вохомских примет.

КАЛЕНДАРНЫЕ ПЕСНИ. 1. Илею, Илею. Подблюдная. Рефрен 1. *Илею, Илею.* / Нынче у нас *страшны'е* вечера. / *Страшны'е* вечера, крешшенские. / *Илею, Илею,* / Поют песни *первоначальные*.

СВАДЕБНЫЕ ПЕСНИ И ПРИЧИТАНИЯ. 2. Да благослови-ко, Боже, Господи. Да мой *родимой* тятенька, / *Дак* отдаёшь ты меня, тятенька, / Да силою, да *неволёю*, / Ты не большою охотою. / Ты на ково да *обнадиявся*, / У *тя* не три сына *женатыё*, / Не три снохи *приведёныё*... **7. Конюшко да сивогривой.** Величальная молодым.

*Конюшко да сивогривой,
Сивогривой, сивогривой, сивогривой, да.*

*У Иванушка да дочь гуллива.
Дочь гуллива, да.*

*Всю ноцеюшку да прогуляла.
Прогуляла, прогуляла, прогуляла, да <...>*

Шёл *Иванушко* да вдоль базару.
Да вдоль базару, да вдоль базару, да.

Алы *лентоцьки* да *закупаёт*.
Закупаёт, покупаёт, покупаёт, да.

Коя лентоцька да всех аляя.
Да всех аляя, всех аляя.

Всех аляя, всех аляя, всех аляя.
Коя девица да всех бассяя,
Всех бассяя, всех бассяя.

У нас Тонюшка да всех миляя,
Всех миляя, всех миляя, всех миляя.

Николаёвна да покрасивяй.
Покрасивяй, покрасивяй, покрасивяй, да.

ХОРОВОДНЫЕ ПЕСНИ. 10. Выходили красные девушки.
Весенний хоровод. Выходили *крас/ы/ныё* девушки / Из ворот гу-
лять на *улицю*. / Выносили *крас/ы/ныё* девушки / *соловюшка* на
белых на руках...

**ТРАДИЦИОННАЯ ЛИРИКА. 32. Уж мы сядем с Дуней ря-
дом.** Уж мы *седём с Дунёй* рядом, / Э, ой, да заведём, / Заведём мы
с *Дунёй реци*.

**ГОРОДСКИЕ БАЛЛАДЫ, РОМАНСЫ. ИСТОРИЧЕСКИЕ
ПЕСНИ. 44. Кругом, кругом осиротела.** Романс. Кругом, кругом
осиротела / Тебя, мой *милой*, *здесь* нет. / Кругом всё *сиястье* улете-
ло / И не *воротицца* назад....

**ПЛЯСОВЫЕ И ШУТОЧНЫЕ ПЕСНИ. 49. Ах, вы голуби, го-
луби мои.** Ах вы, голуби, голуби мои, / *Подосиновы* прикащички.
/ *Подосиновы* прикащички, / Опускали ручки в ящички. <...> / У
меня мати не родненькая, / На *посылочку* замаяла меня. / Ещё в
клеть-то за *ситом-решетом*, / Ещё в погреб за пивом-за вином. /
В погребе млада *замешкалася*, / *Зелена вина натрескалася*...

СТРАДАНИЯ И ЧАСТУШКИ. 57. Мене милай изменил. Ча-
стушки. *Мене милой* изменил, / *Гуляю изменённая*. / А от измены не
завяну, / Не трава *вскошёная*.

Библиографический список

Вохомские узоры. Народные песни Вохомского района / сост. Л.А. Ивано-
ва. – Кострома: Областной дом народного творчества, 2003. – 99 с.

КРУЖОК «ОБРАЗНОЕ НАРОДНОЕ СЛОВО» В ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЕ

Статья посвящена вопросам организации и проведения факультатива «Образное народное слово» в коррекционных классах общеобразовательной школы, проблемам восприятия и анализа диалектной лексики детьми с задержкой психического развития.

Ключевые слова: *общеобразовательная школа; коррекционный класс; факультатив; народное слово; метафора; восприятие диалектной лексики.*

Целью освоения дисциплины «Образное народное слово» в общеобразовательной школе являются систематизация и расширение знаний о лексике русского языка, повышение речевой культуры, развитие интереса учащихся к истории и языку родного края. Занятия проводятся в рамках внеурочной деятельности, в 5–6 классах. Общая трудоемкость дисциплины составляет 35 часов.

В задачи кружка «Образное народное слово» входит знакомство школьников с вопросами изучения языковой картины мира, диалектного слова, с проблемами лингвистического краеведения; расширение знаний о метафоре (литературной и диалектной); совершенствование способностей школьников анализировать образную лексику в разных аспектах, работать с лексикографическими источниками; формирование у школьников языковой, коммуникативной и общекультурной компетенции; подготовка ребят к участию в различных конкурсах (например, в Республиканском конкурсе «Край родной – родное слово», который раз в три года организует лаборатория лингвистического краеведения и языковой экологии Петрозаводского государственного университета).

Организация кружка в коррекционном классе требует особого подхода к обучению детей. Неравномерно нарушенный темп развития ребят с задержкой психического развития (ЗПР, 7-й вид) является главной особенностью их познавательной деятельности и нередко всей личности [Блинова, 2004; Рубинштейн, 1958]. Трудности в обучении таких детей связаны с тем, что многие из них в 5–6 классах по слогам читают текст, полностью не осмысливая его. Нарушение логического мышления вызывает проблемы в понимании значения конкретного слова. Школьники анализируют текст только с помощью учителя.

Одна из главных задач учителя, работающего в коррекционных классах, – развитие у детей наглядно-образного мышления, связанного с представлением образов, ситуаций и изменений в них. Реализация этой задачи возможна не только на основных уроках, но и на факультативах. Кружок «Образное народное слово» сконцентрирован на метафоре, позволяющей ребятам увидеть, почувствовать смысловые связи предметов, лексем [Гак, 1988: 11–26]. Знакомство с диалектной метафорой расширяет знания детей о богатстве русского языка, картине мира севернорусского жителя.

Обучающиеся 5–6 классов особенно заинтересованы вопросами изучения окружающего мира (животного и растительного), выявления отношения людей к нему, поэтому многие темы кружка «Образное народное слово» объединены общей проблемой взаимодействия человека и природы. Тематическое планирование факультатива представлено в нижеследующей таблице.

Тематическое планирование

№ п/п	Раздел дисциплины	Часы	Виды учебной работы
1	Богатство и разнообразие лексики русского языка. Человек и окружающий мир в народном слове	1	Лекция
2	Характеристика внутренних качеств и поведения человека в народном слове	1	Практическое занятие
3	Звукоподражательные слова, характеризующие болтливую и ворчливую человека (по материалам медвежьегорских и кондопожских говоров)	1	Практическое занятие
4	Ленивый / трудолюбивый человек в русских говорах Карелии	1	Практическое занятие
5	Доброжелательный / злой, необщительный человек в русских говорах Карелии	1	Практическое занятие
6	Анализ значений слов, характеризующих нравственно-этические качества человека	2	Лабораторная работа
7	Народные слова, отражающие характеристику внешнего облика, физических качеств человека	1	Практическое занятие
8	Здоровый / больной человек в русских говорах Карелии	1	Практическое занятие

Продолжение табл.

№ п/п	Раздел дисциплины	Часы	Виды учебной работы
9	Опрятный / неряшливый человек в русских говорах Карелии	1	Практическое занятие
10	Характеристика толстого / худого человека в народном слове	1	Практическое занятие
11	Описание человека высокого / невысокого роста в русских говорах Карелии	1	Практическое занятие
12	Характеристика человека по отношению к еде	1	Практическое занятие
13	Характеристика человека по различным физическим качествам (голова, лицо, глаза, нос, губы, рот, шея; наличие бороды, усов; волосы; речь, голос) в народном слове	1	Практическое занятие
14	Концепт «ум» в русском сознании	1	Лекция, практическое занятие
15	Умный / глупый человек в русских говорах Карелии	1	Практическое занятие
16	Анализ значений слов, отражающих характеристику внешнего облика и физических качеств человека	2	Лабораторная работа
17	Знакомство с региональными словарями. Работа со «Словарем русских говоров Карелии и сопредельных областей»	2	Лабораторная работа
18	Знакомство с историческими и этимологическими словарями русского языка. История развития значений слов <i>деревня</i> и <i>двор</i>	2	Практическое занятие
19	Человек и окружающий мир в метафоре. Виды метафор (антропоморфная, зооморфная, фитоморфная, предметная, географическая)	1	Лекция
20	Наименования человека в переносном значении (по материалам русских говоров Карелии)	1	Практическое занятие
21	Окружающий мир в понимании русского народа	1	Практическое занятие

Окончание табл.

№ п/п	Раздел дисциплины	Часы	Виды учебной работы
22	Образные названия животных, птиц, насекомых	1	Практическое занятие
23	Образные названия растений и грибов	1	Практическое занятие
24	Явления природы в народной метафоре	1	Практическое занятие
25	Мифологические персонажи в народном слове	1	Практическое занятие
26	Отвлеченные понятия в сознании и языке севернорусского крестьянина (жизнь, судьба, тоска)	1	Практическое занятие
27	Имена собственные в составе лексики и фразеологии, характеризующие человека, животных, предметы и явления окружающей среды	1	Практическое занятие
28	Методика сбора диалектного материала в полевых условиях	1	Лекция, лабораторная работа
29	Об участии в Республиканском конкурсе «Край родной – родное слово». Методические рекомендации	2	Лекция
30	Обобщение по курсу «Образное народное слово»	1	Практическое занятие

Закрепить на кружке в сознании ребёнка с ЗПР смысл слова, взаимосвязь предметов окружающей действительности помогают интегрированные занятия: словесно-логические действия, зарисовка образов, творческие работы (поделки детей).

На одном из открытых занятий по кружку на тему «Человек и окружающий мир сквозь призму севернорусской метафорической лексики» ребята 5-го коррекционного класса познакомились с понятиями языковой картины мира [Демидова, 2007], диалектного слова, метафоры; поработали с региональными словарями. Приведем некоторые фрагменты урока.

Детям была предложена для анализа лексико-семантическая группа слов 'болтливый человек' (по материалам Карелии и территории сопредельных областей):

прион.*: *ля'узный, плячку'нья;*

кондоп.: *речетёса, чíлайдун;*

медв.: *балабóлочка, барабóша, бредня'к, вертополóхий, лáйбак, лёпсик, ля'псик, лепётник, лепету́ха, лябзун, лябзю'нья, лявзунь, лявзунья, ляпсу́нья, ляпсю'нья, пу́стошка, чевердунья;*

пуд.: *зубáтый, лабайдун, лопоту́шка, плетёнка, рёмзало;*

подп.: *балабóлица, балабóша, болту́щий, ерунда́, мелень, мя'тиха, таракта́, трепáк;*

выт.: *вертоголо́вый, жа́ба, колоко́лина, тыранда́, хлы'за.*

Обучающимся нужно было ответить на вопросы:

Какие ассоциации вызывают у вас данные слова?

Какие из этих слов напоминают вам о предметах, явлениях природы, животных, птицах?

Ребята обратили внимание на лексемы *чевердунья, чíлайдун, зубáтый, лабайдун, плетёнка, вертоголо́вый, жа́ба, колоко́лина.*

Лексема *чевердунья* сразу же вызвала у детей ассоциацию с птицей, точнее, с чириканьем птицы. Вместе с учителем ребята установили смысловую связь образов и слов: *чíвердать* 'издавать писк, пищать, чирикать' медв., карг. → *чíвардать* 'говорить, болтать' медв. → *чевердунья* 'болтливая женщина' медв. [Дубровина, 1979].

На тему «Люди и птицы» обучающихся заинтересовала лексема *кóптала* 'человек с веснушками' тер., 'прозвище растрёпанной длинноволосой женщины' кем., арх. Исходное значение слова *кóптала* 'самка глухаря' белом., карг., медв. Ср. карел. *koppala* 'глухарь', фин. *koppalo* 'то же' или саам. кильд. *kippel* 'то же' [Фасмер, 2: 317]. Какова связь образа растрёпанной длинноволосой женщины и самки глухаря? Одна ученица, вспоминая рассказы об охоте своего дедушки, сообщила классу, что в «свадебный» период у самки глухаря, действительно, взъерошены перья, поэтому женщина с растрёпанными волосами напоминает птицу. Детям было предложено зарисовать эти два образа, сравнить их и удостовериться в их внешней связи.

На других занятиях обучающиеся не только рисовали животных и птиц, но и пытались их изготовить из лоскутков ткани. Это помогало увидеть тонкую связь внешних признаков человека и представителей окружающего мира.

* Сокращения соответствуют данным Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей.

Постепенное проникновение детей с ЗПР в загадки народной лексики позволяет им не только получать от учителя новую информацию о богатстве русского языка, но и в дальнейшем самим участвовать в поиске диалектных слов. Трудоёмкая работа над народной речью может привести ребят на республиканский конкурс «Край родной – родное слово».

Кружок «Образное народное слово» позволяет обучающимся общеобразовательных и коррекционных классов развивать интерес к русскому языку, к истории жизни предков, их традициям.

Библиографический список

Блинова Л.Н. Диагностика и коррекция в образовании детей с задержкой психического развития. – М., 2004.

Гак В.Г. Метафора: универсальное и специфическое // Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988. – С. 11–26.

Демидова К.И. Диалектная языковая картина мира и аспекты её изучения. – Ч. 1. – Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т, 2007. – 110 с.

Дубровина З.М. Изобразительные и звукоподражательные глаголы прибалтийско-финского происхождения в русских говорах Карелии / З.М. Дубровина, А.С. Герд // Советское финно-угроведение. – XV. – 1979. – 4. – Таллин, 1979. – С. 245–247.

Рубинштейн С.Л. О мышлении и путях его исследования. – М., 1958.

Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / гл. ред. А.С. Герд. – Вып. 1–6. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1994–2005.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. – Т. 1–4. – М.: Прогресс, 1964–1973.

Костючук Л.Я. (Псков)

ФИКСАЦИЯ УНИКАЛЬНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ПСКОВСКОГО НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА А.И. БЕЛИНСКИМ

(к 40-летию ухода из жизни учёного-краеведа)

Как и замечательный костромской учёный-краевед А.В. Громов, уроженец Псковской земли А.И. Белинский (1886–1977 гг.) любил Опочецкий край, людей от мала до велика, живущих на этой земле, свою работу учителя-воспитателя, народный язык, поэтому оставленные им художественные и научные труды, записи опочецких говоров бесценны и по умению сохранить свидетельства живой речи крестьян первой трети XX века, по таланту общения с носителями этой речи, которые доверили

ему редкие рассказы о заговорах и тексты самих заговоров. В статье представим этот трудно добываемый обычно материал, который важен для научных изысканий и для лексикографической работы прежде всего над «Псковским областным словарём с историческими данными».

Ключевые слова: *псковские говоры; синхрония и диахрония; заговоры; языческие и христианские традиции.*

Александр Иванович Белинский, проживший долгую славную, но трудную жизнь, был настоящим русским интеллигентом: интересовался многим, получил замечательное семинарское и университетское образование (закончил историко-филологический факультет Петербургского университета, учился у профессора С.Ф. Платонова, который очень ценил своего студента), с любовью и увлечением преподавал историю, русский язык и литературу, до конца своей жизни был предан родному Псковскому краю, прежде всего Опочецкому уезду (району), хотя обстоятельствами жизни в начале 30-х годов XX века был лишён возможности и права жить в Опочке, но выбрал тогда северно-западный регион – Старорусский район Новгородской области, где и похоронен.

Учитель нёс филологические, исторические знания, культуру не только своим ученикам, которые всю жизнь оставались верны памяти своего любимого, строгого, но незабываемого наставника (даже в свою бесценную юность ученики пытались заступиться за честь, достоинство и жизнь Учителя).

Мне буквально посчастливилось исследовать многочисленные рукописи А.И. Белинского, хранящиеся в архиве Опочецкого музея, готовить их для предполагавшегося издания и, конечно, отбирать уникальный и бесценный материал живой псковской речи для диалектной Картотеки «Псковского областного словаря с историческими данными» [ПОС]. Ведь знаток опочецкой народной речи, будучи и филологом, А.И. Белинский все десятилетия сознательной жизни в Опочке вёл наблюдения над языком местных жителей, записывал слова, фразы, исследуя, объясняя специфические черты, значения, обнаруженные в народных словах. Кроме того, А.И. Белинский как историк и филолог проводил исследования разных сфер жизни Опочецкого края (истории, культурного состояния, образования, фольклора, экономики и, конечно, языка, речи местного населения).

Важно, что в своих замечательных художественных произведениях-воспоминаниях о своей жизни и о тех, кто окружал его, А.И. Белинский талантливо использовал псковские (опочецкие)

слова, фразеологизмы с разнообразием значений, оттенков значений, с фонетическими и морфологическими чертами. Так как составители «Псковского областного словаря» даже только по одной тетради (с диалектными записями), когда-то кем-то подаренной петербургским словарникам из Межкафедрального словарного кабинета имени Б.А. Ларина, уже знали, что автору записей говоривших Опочки можно верить как образованному филологу, то тем более ставшие теперь известным нам указанные рукописи позволят пополнить Картотеку «Псковского областного словаря».

На сей раз в данной статье обратимся к рукописному достаточно большому научному труду А.И. Белинского «*Религиозное состояние Опочецкого района*» [Белинский], в котором всесторонне проанализировано религиозное состояние крестьян Опочецкого района первой трети XX века. Освещаются исторические предпосылки христианизации, остатки языческих верований, традиций у крестьян даже в XX веке.

Богатый собранный и осмысленный материал, который получен был А.И. Белинским в результате собственных наблюдений и исследования и в результате бесед с жителями региона, не потерял своей значимости и сейчас, в начале XXI века, когда учёных продолжают интересовать подобные вопросы.

Покажем из названной работы А.И. Белинского как образец научного стиля учёного самое начало сочинения. Это своеобразное введение к многоаспектным линиям рассмотрения проблемы:

«В религиозном отношении население Опочецкого района в огромном большинстве принадлежит к православной церкви (*тихоновцы*). *Обновленцев* очень мало. Значительную группу составляют староверы, или старообрядцы (*беспоповцы*). Живут они компактной массой в деревнях Красногородской, Матюшкинской, Велейской и частично Петровской волостей. В дер.[евнях] Марфино и Соснивицы есть два молитвенных дома («*моленные*»), обслуживаемые местными грамотеями («*начетчиками*»).

Около 500 немцев, латышей, эстонцев имеют в Опочке лютеранскую кирху. Около 150 католиков совершают моление в костёле (Опочка). Служение в костёле и кирхе совершается 2–3 раза в год приезжающими из Пскова пастором и ксендзом.

Около 10 % населения гор. Опочки – евреи. Молитвенные собрания евреев совершаются по субботам в местной синагоге раввином» [Белинский].

Используем с благодарностью такую возможность опубликовать диалектные материалы, какую даёт замечательный сборник по итогам Громовских чтений, редактируемый Н.С. Ганцовской, энтузиастом и хранителем памяти о людях науки, преданных русскому Слову. И предложим тексты опочецких народных заговоров в записи А.И. Белинского.

В 2017 году исполняется 40 лет, как в 1977 году ушёл из жизни А.И. Белинский, оставив в наследие заинтересованным потомкам свои научные и художественные труды, не публиковавшиеся при его жизни.

Диалектологи знают, как трудно добывается в полевых условиях экспедиций материал, связанный с заговорами: тексты заговоров могут открыться владеющими ими только тому собирателю, которого знатоки этого народного врачевания знают и которому доверяют. А Учителя своих детей, Александра Ивановича Белинского, крестьяне любили и верили ему как порядочному и достойному человеку.

В заговорах встречаются местные народные слова и фразы – в этом их значимость как источника и для «Псковского областного словаря» [ПОС], и для синхронно-диахронных исследований.

Из работы *«Религиозное состояние Опочецкого района»* выбираем фрагменты, касающиеся только заговоров.

«Нечистая сила в заговорах совсем отсутствует, зато христианская лексика в каждом есть» [Белинский].

«По всему району знают святых Козьму и Дамиана. В трех приходах в честь их справляются праздничные [службы] (1. XI. ст. ст.). Эти святые пользуются известностью как мученики за веру и покровители больных людей. Между прочим, Кузьму и Дамиана упоминают в заговоре *“от веснухи”*: “На горе Ентани стоит дерево Мокрида. Под тем деревом Мокрида стоят трое мощей – Пимана, Кимана и Кузьмы-Демьяна. [Здесь два святых объединены в одном имени. – А.Б.] Бегут 12 девиц: *белые, простоволосые, беспоясные, бескрестные, простогрудинные*. Тогда спросили Пиман, Киман и Кузьма-Демьян: “Откуда вы, девицы?” – “От царя Ирода”. – “Куда идете?” – “В свет”. Кости ломит, тело сушит, *душу к смерти приводит*. Пиман, Киман, Кузьма-Демьян взяли по железному пруту, стали девиц наказывать. Девицы стали просить: “Пиман, Киман и Кузьма-Демьян, бросьте нас, не бейте нас. Кто эту *молитву проговорит* в день три раза [вариант: Кто нас *вспомнит* три раза в день. – А.Б.]»

то мы тридцать верст *кругу обойдем*, а туда не зайдем”. *Аминь веснухе*» [Белинский].

Поясним известное псковским говорам слово *весну́ха*: в значении 3 оно означает ‘болезненное состояние, сопровождающееся высокой температурой и ознобом, лихорадка’. Примеры: «Тяпёрь такой бале́зньи нет, а ра́ньшэ, как челаве́ку занемо́жьца, к вёчеру трясти́ начинает, – *вяснухай* зьбалёл» (Пустошкинский район); «*Вясну́ха* в дьвяна́ццати вида́х быва́я: *вясну́ха*-листапа́тка, *вясну́ха*-трясу́ха, *вясну́ха*-сляпу́ха» (Дновский район) [ПОС: 3; 116].

Раздел «*Вера в силу слова*» работы А.И. Белинского частично сравнивает слово в молитвах священника, помогающего верующим, например, в разрушении слова недоброго заговора. Об этом свидетельствует следующее наблюдение-вывод автора:

«В тяжелые моменты жизни верующие часто прибегают к молитве, а в исключительных случаях зовут даже священника, чтобы он прочел молитвы на тот или другой случай. Например, обнаружил крестьянин “*залом*” – сейчас едет или идет к священнику. По верованиям крестьян, “*залом*” (связывают колосья узлом) делают с целью, наколдовывают, чтобы у того, кто сожнет “*залом*”, болели руки или [чтобы] вообще чем-нибудь он заболел. И вот идут и просят священника, чтобы он *снял* “*залом*” и таким образом разрушил бы заговор. “Подними, батюшка, толстую книгу, *выбери залом*”. Таким образом, молитва в его глазах получает характер контрзаговора.

Выше мы уже говорили, что во всех заговорах употребляются имена Богоматери, Христа или святых.

В заговоре *от крови* колдун говорит:

“Благослови, Господи, *красную руду* заговорити и раба божия Ивана. Святой Яков, хватай копьё, затыкай, замыкай раны, не пухло бы, не болело бы, не щемило бы, не шла бы *руда* и *сукровица*. *Аминь*. Украти, Господи, *кровь* твою, жилы твои, *ключи* твои. *Аминь*. Святой дух, помоги. *Аминь*”» [Белинский].

Особое место занимает история следующего заговора, который тоже приводит А.И. Белинский: «В заговоре *против неприятельского войска* говорится [вариант: Против неприятельского войска. – А.Б.]: “Господи! Оружие на дьявола – крест твой дал еси нам; трепещет бо и трясется *не могий* взирати на силу его. Яко *мертвые восставляешь*, а [вариант: и. – А. Б.] смерть упраздни, *сего ради кланяемся кресту* твоему. *Аминь*”».

Дело в том, что совершенно неожиданно случайная моя «встреча» с этим заговором во время работы над текстами А.И. Белинского помогла мне и моему соавтору по расшифровке плохо сохранившихся надписей на псковских нательных металлических крестах XIV–XVIII веков понять религиозный текст, определить, в каком направлении надо искать аналогию к краткой надписи на древнем кресте. В восьмом глазе воскресной службы в «Октоихе» была обнаружена соответствующая стихира, которая, естественно, в восприятии заговаривающего была частично переиначена из-за непонятности некоторых церковнославянских выражений и слов в том виде, каком записал от опочан А.И. Белинский.

Об этой почти увлекательной детективной истории опубликована наша статья, поэтому сейчас воздержимся от разъяснения безусловной значимости материалов А.И. Белинского, оказывается, и для неожиданных по тематике исследований [Костючук, Колпакова, 2015: 135–143].

Далее в работе А.И. Белинского следует целая серия заговоров, которые сообщали ему его земляки. Приводим довольно большой фрагмент труда автора:

«Заговор *от пули свинцовых, медных и каменных*: “В высоком терему, в понизовском, за рекою Волгою, стоит *красна-девица*, стоит *покрашается, добрым людям похваляется, ратным делом красуется*. В правой руке держит пули свинцовые, в левой – медные, а в ногах – каменные.

Ты, *красная девица*, отбери оружие турецкое, татарское, немецкое, греческое, мордовское, всяких *языков-супостатов*. Заколоти ты свою невидимую силою *ружья вражие*. Будут ли стрелять из ружья иль из пушек, были бы пуля не в пушках, пошли бы эти пули *во сыру землю, во чисто поле*. А был бы я на войне цел и невредим, а была бы моя одежда крепче панциря. *Замыкаю свои приговорные слова* замком, а ключ кидаю *в окян-море, под горюч камень алатырь*. И как морю не высыхать, камня на видать, ключей не доставать, так меня пулями не убивать, до моего живота им *по конец века* не доставать”.

От запоя: “Во имя отца, и сына, и святого духа. *Аминь*. Хмель и вино, отступись от раба божия (имя) в темные леса, где люди не ходят и кони не бродят, и птица не летает. Во имя отца, и сына, и святого духа (дважды). Хмель и вино, выходи на быстрюю воду, на которой воде люди не ездят. От раба божия (имя), хмель и вино, поиди на буйный ветер, который ветер по дальности ходит. Во имя

отца, и сына, и святого духа. Привяжись к лихому человеку, который (на такого-то) лихо думает, к тому привяжись, который добра не сделает. От меня вовеки отвяжись. Во имя отца, и сына, и святого духа. *Аминь*".

От капустного килья: "Есть в бабе (у бабы) черный петух, стальной нос, железные когти; когтями *кильё борет*, носом червей клюёт. *Аминь килы*".

От грыжи: "Грыжа, грыжа, не грызи жилки, не грызи тело, а грызи в лесу коренья, а в полях *белое каменьё*. Ты, грыжа, а я волк и тебя съем. *Аминь*". (В этот момент зубами надо ухватить за большое место.)

Еще *от грыжи*: "*Грызь-грызеница*, я твоя сестрица. Ходила по мхам, по болотам, волка съела, медведя съела, а тебя, *грызь*, недолго съест. *Аминь*". (Ворожея при этом кусает три раза то место, где болит.)

Против боли в руке и ноге: "Господи, благослови! Кости не ломило бы, в суставе не *знудило* бы. *Резвившаяся* рука, *свейся* по сей день, *по* сей час, *по* мой заговор. *Аминь*".

От худого глаза: "*Враки, отколь* вы пришли, туда вы подите, под гнилые колоды; там собаки не лают, *петуны* не поют, люди не говорят. Там вам *гулянье*, там вам *танцование*. Не я *пособляю*, не я *помогаю*, а сам Христос и пресвятая Богородица. Она и *пособит*, она и *поможет от дурного глаза, от красного глаза, от сивого глаза*, и она поможет с моего *приговора* и моего часа".

От "ночницы" (бессонницы): "*Ночницы ночные, денницы денные, полуночницы полуночные, полуденники полуденные!* Своему *дитю питье и яденье* давайте, а моему *дитю спать давайте*".

Против укуса змеи: "*Гад, гадик*, змеиная твоя *жалища!* Не *попустит* тебя Бог ни по воде, ни по полю, ни по лугам и ни по зеленому *дубраву*. *Аминь*". (Читают заговор, когда летом первый раз идут в лес.)

От укуса змеи: "*Уж-ужица, змей-змеица, сливня-сливница, гад сипучий, гад ползучий, водяной, сухопутный, болотный, коллодный!* Соберитесь в кучу, свернитесь *в кучу*. Возьмите свой яд, снесите в ад. *Аминь опухоли* сей. Пресвятая Богородица, помоги своим духом, развей *немочь* пухом. *Аминь, аминь, аминь*". (То место, которое укусила змея, трут камешком.)

Еще *от крови*: "На *море-окияне*, на Беломоре два камня. Там сидят две девицы, с ними мать пресвятая Богородица. Сидят, шьют

и вышивают, разным(и) шелкам(и) зашивают. Шелку не стало — кровь перестала. *Аминь*”.

“*На сухотку*” (привораживание милого): “Встану я, *младенька, раненько*. Умоюсь я рососою серебряной, утрешь пеленую престольною и выйду я за *ворота тесовые* в широкое поле, где солнце красное греет и мхи, и озера, реки, ручьи сохнут от красного солнышка. Так пусть по мне (имя) *сохнет* раб божий (имя), как *сохнет* от красного солнца природа. Призываю тебя, мое солнышко красное, помоги мне, *суши, засуши* моего друга любимого; пусть он ни спал бы, ни ел бы, ни пил бы и только обо мне сучал бы”. (Произнести три раза на восходе солнца.)

Еще *против кровотечения*: “*На море, на буяне* сидит не камне *дедище*. *Бьет-выбивает* белую бумагу, *ярую кровь застила*. *Аминь*. *Пресвятая Богородица помогает*. *Аминь, аминь, аминь*”» [Белинский].

Завершает А.И. Белинский представление заговоров следующими словами:

«Тексты заговоров показывают, что большинство из них христианского происхождения. Некоторые говорят об исключительном внимании к силам природы. (“*На сухотку*”, “*От крови*”). Наконец, есть такие, где крепко сплелись элементы языческого и христианского мировоззрений, так что трудно даже сказать, кому больше верит наш современник: солнцу красному, месяцу с золотыми рожками, ветрам и водам или Христу, Богородице и святым. (Вспоминается “Слово о полку Игореве”). Во всяком случае, чувствуется большая вера в силу слова, подкрепляемого разными магическими действиями (притирание, кусание, плевки и т. п.).

Художественными достоинствами заговоры не блещут» [Белинский].

С последней же заключительной фразой о заговорах не очень хочется согласиться. Специально попутно при передаче цитат из работы знающего филолога мы выделили отдельные слова и устойчивые сочетания слов, поскольку они показывают, что творцы заговоров умело использовали и народные лексические единицы, и из фольклора, и из древнерусского, и из церковнославянского языков. Использовался интертекстовое привлечение материала для создания благозвучия, подчас узнавания приёмов литературного и фольклорного творчества, чтобы увлечённый адресат в своеобразном процессе коммуникации сторон успокаивался, следил и за плавным течением произносимого текста заговора, верил в «силу

слова» и в благополучный исход своеобразного лечения и разрешения своих проблем.

В рассматриваемом сочинении интересны и наблюдения А.И. Белинского над непосредственным отношением крестьян в повседневном быту к священнослужителям и колдунам:

«Невольно возникает вопрос, кто ценнее для крестьянина – поп или колдун? С кем выгоднее знаться – с богом или с чертом? Священник действует именем Божиим, колдун также шепчет молитвы, но у него есть что-то и от сатаны: корешки, черные книги; странные слова, позы. Крестьянин и от священника требует, чтобы он, хоть немножко, походил не колдуна: “Подними толстую или станковую книгу”, шепчи, дуй и плюй; только при таких условиях признаётся ценность молитвы.

В некоторых случаях колдуну отдается безусловное предпочтение перед священником. Например, *“направить двор”*, по мнению крестьянина, поп не может. В его распоряжении мало средств для сего великого дела. Зато он является спецом по части *выбирания “заломов”, отчитывания “перезинов”*.

Таким образом, можно установить, пожалуй, разделение труда: один (священник) больше может помогать людям в урожаях – тут ему и книги в руки; другой (колдун) получает привилегию по скотьему делу. Хотя, конечно, такого столбового разграничения не все придерживаются, тем более что знаменитые колдуны не всегда под рукой. Какой-нибудь дядя Родька или дед Сергей славятся на большие десятки километров. Когда до него доберешься? На первую схватку и поп годится. Поэтому священник часто залезает в сферу преимущественных прав колдуна: изгоняет злого домового, молится над скотом, молитвами врачует людей и прочее.

За все эти услуги (потому что за них платить надо) верующий платит неприязнью и попу, и колдуну. Встреча с тем и другим считается худой приметой. Лучше домой вернись или, в крайнем случае, поплыви в ту сторону, где увидел попа, колдуна, знахарку, а то худо будет» [Белинский].

Тексты самих заговоров показали своеобразное принятие людьми и религиозных, и языческих традиций в XX веке (наверно, даже в XXI можно столкнуться с подобным, особенно с вступлением населения нашей страны в новые условия жизни).

То, что исследователь наблюдал в 20-е годы XX века, он хорошо знал: его отец был священником. «Каждый шаг жизни человека

обставляется соответствующими религиозными церемониями, связан со всевозможными приметами, определяющими удачный или неудачный исход дела, которое регулируется вмешательством божества. Религия может содействовать благополучному исходу предприятия. Своевременное вмешательство служителей культа может парализовать худые приметы, предзнаменования, может направить человека на счастливый путь» [Белинский].

Привлечь к изучению в соответствующих аспектах такой вид народного творчества, как заговоры, в частности псковские, ещё предстоит.

Библиографический список

Белинский А.И. Религиозное состояние Опочецкого района [в 20–30-е гг. XX в.] // Архив Опочецкого музея (Рукопись). Фонд А.И. Белинского.

Костючук Л.Я., Колпакова Ю.В. К поиску аналогий надписей на псковских нательных крестах XIV–XVIII веков / Л.Я. Костючук, Ю.В. Колпакова // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. – 2015. – № 3. – С. 135–143.

Псковский областной словарь с историческими данными. – Л. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. универ., 1967–2014. – Вып. 1–25.

Маврина Ж.Р. (Хайфа, Израиль)

В ШУНГУ ЗА ГОВОРАМИ

В статье освещается экспедиционная поездка студентов филологического факультета Костромского государственного педагогического университета в Шунгенский сельский совет Костромской области (1998 год) с целью описания говоров этой уникальной территории. Сравниваются результаты изучения говоров данной территории с наблюдениями в начале века над ними Н.Н. Виноградова.

Ключевые слова: зарецкие крестьяне; шунгенские говоры; Н. Н. Виноградов; лингвокраеведческая деятельность.

Молодой костромской краевед Николай Николаевич Виноградов, пользуясь академической анкетой, описал речь своих земляков, «зарецких» (за рекой Костромой) крестьян Шунгенской волости Костромского уезда [Виноградов, 1904]. Затем через тринадцать лет в этнодиалектном очерке о народной свадьбе в Костромском уезде он вновь возвратился к живописному изображению говора

«села Шунги и шести соседних сёл-приходов вместе с 42 деревнями» [Виноградов, 1917]. Населяющий эти места, по словам Н.Н. Виноградова, «рослый, здоровый, франтоватый и смышлённый народ, бывшие государственные крестьяне, “монастыршина” (кроме крестьян Петриловского прихода – “баршины”)), не знал крепостного права, традиционно занимался сельским хозяйством, преимущественно огородничеством, и регулярно по базарным дням бывал в «городе».

По следам этнодиалектных штудий Н.Н. Виноградова в 1997–1998 годах группа студентов Костромского педагогического университета им. Н.А. Некрасова выезжала изучать диалекты жителей шунгенского полуостровка между реками Волгой и Костромой. В речи шунгенцев до сих пор проявляются все главные признаки севернорусского наречия и те уникальные черты, которые отличают именно шунгенский говор – отсутствие оглушения звонких согласных на конце слова (как это он изобразил в своей ранней небольшой статье о «послеконечном *ы*» после звонких согласных на конце слова, которое заметил в речи своих учеников церковно-приходской школы в Шунге), раскатистое произношение звука *р*, деаффрикация звука *ч* и его твёрдое произношение как «*тиш*»: *тишасто*, *тиорт* и др. Однако многое, замеченное в речи шунгенцев Н.Н. Виноградовым, уже не сохранилось.

С предметом «диалектология» я, студентка Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова, познакомилась в 1998 году на третьем курсе. В течение года мы изучали теорию, а летом выехали на практику довольно большим сообществом в близлежащие «зарецкие» деревни изучать уникальный шунгенский говор. Зарецкие – потому что расположены за рекой Костромой (костромичи называют её просто Костромкой) не так далеко от Ипатьевского монастыря в месте слияния Костромы и Волги. Любопытно, что в городе Костроме река Кострома в городских топонимах фигурирует как просто река: Речная улица, Речные проезды. В то же время Волга в костромских урбанонимах сохраняет своё название: Волжская набережная, Заволжье (а не Заречье).

Нас было пять человек, поехавших к «зарецким»: Валя Волкова, Людмила Гаврилова, Маша Бредихина и Светлана Жукова и я. В наше распоряжение мы получили кассетный магнитофон и адреса информантов. На стареньком автобусе от станции в Торговых рядах отправились в путь, но недалёкий, не более 7–10 км. Наш Икарус трясся на ухабах, а мы, подпрыгивая, возбуждённо

обсуждали предстоящие беседы с совершенно неизвестными нам «носителями говоров».

Нам сразу повезло, поскольку бабушка, к которой мы попали в первую очередь, оказалась старейшей жительницей села – 98-летняя Валентина Сенцова. Её знали все жители, поэтому её дом найти не составило труда.

Робея, мы вошли в сени старой деревянной избы, сохранявшей на протяжении многих десятилетий своё убранство. Потратив определённое время на объяснение полуглухой старушке цели нашего визита, мы нажали на кнопку «кассетника» и приступили к делу.

И потекла речь... О себе, о детстве, о колхозах, об огороде, о муже, детях и внуках, о нынешних нравах. С замиранием сердца мы улавливали знакомые ещё по трудам Н.Н. Виноградова черты говора.

Этот богатый лингвистический материал впоследствии лёг в основу нескольких моих работ – выступлений на студенческих конференциях и Всероссийской молодёжной конференции «Шаг в будущее», статей, курсовой и дипломной работы. Кроме того, помогли и труды Нины Семёновны Ганцовой о Н.Н. Виноградове и шунгенцах [Ганцовская, 1994, 1999].

Так, незаметно для себя, мы перенеслись на несколько десятилетий назад, и «информант» наша разговорилась, разулыбалась, загорелись глаза...

Через несколько часов, довольные приятным общением и богатым собранным материалом, мы вышли во двор, получив напоследок пакет с пирогами.

Назад долго ждали автобуса. Начался дождь. Спрятавшись на сельской остановке, мы долго обсуждали прошедший день.

Впоследствии в Шунгу мне приходилось наведываться часто: тема моей дипломной работы «Шунгенские говоры во времена Н.Н. Виноградова и в конце XX века». Многие на протяжении XX века было утрачено, но многие уникальные черты на тот период ещё сохранялись в речи жителей сёл Шунги, Самети и окрестных деревень. Некоторые из наших записей были опубликованы в журнале «Губернский дом» [Ганцовская, 1999]. Вот мой текст тех времён, представляющий запись говора большого села Саметь рядом с Шунгой, а далее записи моей подруги Светланы Жуковой того же 1998 года говора старейшей жительницы села Шунги.

Это што годов прошло-то

Вот мне восемьсят-то сем годов – я всё удивляюсь: Хосподи! Да што я прожыла – как вчера всё это было. Подумать токо.

Гадались на Рожэсво ли, под Новый год. Гадались всяко. Через колодец кидали сапог, через этот вот, обруч. Как вот перекинёшь сапог – дак замуж выдёи в этот год. Потом свечку ставили в блюдо такоё, в воду. И кругом свечки писали этих, женихов. Крутицца, крутицца – и к свечке подойдёт это имя. У ково сбывалось, у ково нет. Потом на картах все гадались.

А вот этот дом у меня был первово мужа. А за второво вот я выходила, у ево на этом месте был худой-худой. Ево роспилили на дрова, а мой привезли. И баню свою привезла оттудова. С детям штоб он стал делать? Ведь мал-мала все были. Самой маленькой было дви нидили – токо родилас. А потом – два годика, три годика – все такие были. Самой большой было четырнадцать годов – вот попробуй воспитать. Ужас. Жыла как – не знаю. Все говорили: ну уж, Матвейч, тебе попалас такая жэнчина, штоб ты не пропал. Детей оставила мать пятерых – мал-мала меньче. И никакой нам тогда не было помоишы, как мы не росли.

Ходил у меня муж нонче по грибы. На весь год грибов-то наносит. В выходной внук вот из городу ходит. Внука мне бог дал хорошово, вот што: и не пьёт, и не курит. Роботаёт без конца, роботаёт – ой!

Прямо шишассё хоть мне в этом, хоть в этом-то радуюса.

А.М. Кузнецова, 1911 г. р., с. Саметь.

Записала Ж. Маврина. 1998 г.

Топерь время-то другоё

На лошадях фсё ездили, а топерича, мила, и венчаюцца мала, ранче-то фсё венчались. Топерь время-то другоё. Здись у меня была выдана сестра старше меня. Я была здись ф Петроф день, гулять ходила: своз был: вот и познакомились с им. Он ко мне ходиў туды до Селишизэва, на родину, де я жыла. Я не думала, што за ево попаду. У меня другой жоних был, тожо ходиў. Я любила тово. С тем мне не пришлось...

Как сваталис? Лады были. Сначала-то договаривацца ходили, а потом лады были. Потом зговорки были, потом сватьба. Девишник быў: девчонки приходили, чай пили. Раньче вино-то не пили. Да и на похоронах: у меня мамаша копялям-то подносила на мосту.

Петроў день у нас быў и Покроў день. Раньче-то знали то, што празьник, знали, што пос, постилися. Топереча ничево ничево не знают. В церкоў хожу, большэ нукуды не хожу. Я собралас соводни, скодила. Думала: соводни празник. Соводни сёношина будет в пять часоў, потом обидня зафтра будёт. Я нукуды не хожу. Я одна такая старая-то осталас. Фсё молодёж. Старых-то нет никово.

Иконы усе уташшыли

Иконы усе уташшыли. Вот так была вот тут в огороде. Усе иконы забрали, унесли. Хосподи Иусе, в сумки поклали. Потом пришли то же самоэ. Стукаюцца, а я не знала, што это они, зачем? Думала, сосетка. Она мне девяносто рублей должна уж. Думаю, пошто, мол? Я ей говорю: «Чаво, те ешишо не платили». А он в притвор-от ногу и сунул, не дал запереть-ту, и вошоў, и у меня фсё обрал! И ф шыфанере и муки, и масло потсолнешиноэ, и масло гарноэ. До капли усё забраў. Фсё посовал и унёс. Вот топерече и боюса и запираюса.

Ешишо как-то пришоў. Сунуў ногу-то, а я закричала: Влера, Валера! А то опять бы до капли обрала. Пережываю незнамо как. Фсю жысь!

Н.Г. Сидорова, 1907 г.р., с. Шунга.
Записала С. Жукова. 1998 г.

Библиографический список

Виноградов Н.Н. О народном говоре Шунгенской волости Костромского уезда. Часть 1. Фонетика. – СПб.: Тип. Имп. АН, 1904. — [4], II, 100 с. – (Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук; т. 77, № 8).

Виноградов Н.Н. Народная свадьба в Костромском уезде. – Кострома, 1917. – 68 с. – (Отд. Оттиск).

Ганцовская Н.С. Лингвокраеведческая деятельность членов Костромского научного общества по изучению местного края. Н. Н. Виноградов [Текст] / Н. С. Ганцовская // Российская провинция и её роль в истории государства, общества и развития культуры народа : сб. – Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 1994. – Ч. 3. – С. 125–129.

Ганцовская Н.С. Шунгенские говоры // Губернский дом. – Кострома, 1999. – № 2.

**Монахова А.С. (Москва),
Михайлова Л.П. (Петрозаводск)**

ДИАЛЕКТНЫЕ ТЕКСТЫ КАК ОСНОВА КОМПЛЕКСНОГО ОБСЛЕДОВАНИЯ НАСЕЛЁННЫХ ПУНКТОВ

Материал исследования – записи диалектной речи, сделанные А.С. Монаховой в экспедициях в деревне Водле Пудожского района Карелии с 1962 по 2012 г. Приводятся фрагменты бесед с местными жителями на разные темы. В рассказах отражаются особенности материальной и духовной культуры Пудожского края. Диалектный текст представляется как источник изучения не только особенностей местной речи, но и всего комплекса явлений, связанных с этнокультурной жизнью и историей сельского населения юго-восточной Карелии.

Ключевые слова: диалектная речь; этнография; фольклор; комплексные экспедиции; краеведение.

Тексты, записанные диалектологами, – огромное богатство нашей культуры. А так как обычно фиксируют речь в деревнях и посёлках, где основным средством общения, несмотря на влияние литературного языка, является местный говор, то там сохранились и другие остатки нашей традиционной культуры. Эти тексты открывают подлинную, не из меняющихся учебников, историю и этнографию, фольклор (хотя бы в виде поговорок, влетённых в речь, и частушек), и, наконец, часто они имеют высокое литературное достоинство: роскошный живой язык и незнакомые нам, горожанам, жизненные истории.

У нас встречаются ещё талантливые пожилые люди, которых в Японии назвали бы «национальным достоянием», в Европе записали бы от них всё, что можно, – обряды, песни, рассказы. Например, такая бабушка Клавдия Михайловна Устинова живёт в посёлке Красноборском Пудожского района Карелии. Музыковеды-фольклористы Петрозаводской консерватории записали ее песни. Но подчеркнем, что даже фольклористы делятся на филологов и музыковедов и действуют отдельно.

К сожалению, у нас только говорится о комплексных экспедициях. А ведь у той же бабушки, которую записывают диалектологи, на чердаке могут быть иконы и прялки, на кровати кружевной подзор, в сундуке традиционный наряд и полотенца. Можно хотя бы сфотографировать всё это, и тетрадки с песнями и старинными словами. И пусть эти материалы хранятся в архивах разных

© Монахова А.С., Михайлова Л.П., 2016

институтов, пока не придут умные люди и не создадут общий фонд нашей культуры. А пока даже для богатейшего музея «Духовная культура народов Карелии», созданного энтузиастом В.П. Ершовым, до недавнего времени работавшим в (ныне бывшей) Карельской государственной педагогической академии, не нашлось места из-за слияния двух петрозаводских вузов.

Примером комплексного обследования быта, истории, культуры и языка одного населенного пункта Карелии является книга, посвященная селу Суйсарь Прионежского района Карелии, которая написана коллективом ученых Карелии под руководством академика архитектуры В.П. Орфинского, среди которых этнограф К.К. Логинов, музыковед Т.В. Краснопольская, топонимисты И.И. Муллонен и Н.Н. Мамонтова, архитекторы В.П. Орфинский и И.Е. Гришина, историк И.А. Чернякова, диалектолог Л.П. Михайлова [Село Суйсарь, 1997]. Исключительно интересна книга «Русская деревня в рассказах её жителей», подготовленная Институтом русского языка под руководством диалектолога Л.Л. Касаткина [Русская деревня, 2009]. В нее вошли пронзительные повествования, бесконечно важные для историков и этнографов. Представим и двухтомник А.С. Монаховой «Дивная Водла-земля», созданный в соавторстве с этнографом К.К. Логиновым, диалектологами Е.Р. Гусевой и Л.П. Михайловой, музыковедом Т.В. Карнышевой, учителем Водлинкой школы Т.И. Грибковой и её учениками [Монахова, 2012].

В данной статье используем некоторые фрагменты записей, осуществленных нами в период с 1962 по 2012 г. в ежегодных экспедициях в деревню Водлу и опубликованных в книге. У фольклористов и этнографов есть две схемы опроса информантов. Первая – по календарным праздникам от Рождества и дальше. Надо их предварительно записать для себя по порядку и напоминать информантам про каждый. Вторая схема – по циклам человеческой жизни: обряды при рождении, свадьбе, похоронах. Диалектологам тоже можно бы эти схемы применять. Люди с удовольствием рассказывают о своей жизни.

Приведем в пример беседу К.К. Логинова с жительницами деревни Водлы Пудожского района Карелии. Беседа о праздниках начинается со Святков, и сразу всплывает несколько старинных названий ряженных, чаще употребляемых в форме множественного числа: *снарядиши, хухляки, самоходки, снаряжённые*.

А они одевалици кто как уж умели. У нас был народ такой весёлой! Постарше, ребятишки если, там кто может, и собираются. «Пойдѣте сегодня по деревне!» Снарядишома.

В данном тексте слово *снарядиша* представлено в форме творительного падежа множественного числа, в окончании *-ама* отражается бывшая форма двойственного числа. Данный факт свидетельствует о сохранении древних грамматических элементов в диалектной системе. Отметим также, что слово *снарядиша* не отмечено такими словарями, как СРГК, СРНГ. Современным пудожским и соседним каргопольским говорам известно слово *снаряди́ха* ‘ряженный’ [СРГК, 6: 184]. *Снаряди́ха* ‘ряженный; ряженная’ отмечено с середины XIX века в некоторых архангельских говорах: *Мы снарядих не пускаем в дом.* Шенк. Арх. 1846. *Снарядихами наображаются во Святки и ходят по избам, пляшут, поют.* Арх. Беломор. [СРНГ, 39: 86]. Подчеркнем, что в указанном значении слово с суффиксом *-иш(а)* бытует именно в говоре деревни Водлы, имеет точечный ареал. Этот факт указывает на своеобразии словообразовательной системы описываемого говора.

Записи бесед свидетельствуют о наличии в говоре деревни Водлы и других слов для обозначения ряженных:

Тогда называли самоходками. Не хухляками, а самоходками.

А это старухи на печке: «Хухляки пришли опять!» А ходили уже – «снаряжѣныма» ещё называют.

Приведем описание хухляков в конце XIX века: «Хухляки – это мѣстное олонецкое название святочных ряженных, происходящее, по всей вѣроятности, от слова ху́хля, или хохля, употребляемого и въ смыслѣ брани, и въ смыслѣ простой шутки, еще и по нынѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не только окраинной, но и срединной Россіи» [Олонецкий, 1896: 3]. Современным медвежьегорским говорам известны варианты *хухляк* и *хухлик* в значении ‘ряженный’ [СРГК, 6: 739].

Вернемся к беседе.

Вот и идѣм. Кто оденет шубу, кверху шерстью вывернет. Тогда шубы шли с овчин. У кого дублѣная така этого, а у другого простая така шуба. Ну кто чего, кто что там. Сарафан у бабки какой сохранился этот старинный. Раньше дѣржали эти старушки. Редницы да балахоны.

Редницы и балахоны надевали сверху тулупа, когда шли в лес или работали на земле. В другой беседе эти же жители говорят:

– Балахон – до колена, широкий, подталенный, льняной с от-репами. Редница – широкая, из более редкой ткани.

Слова *редница* бытует в плесецких говорах Архангельской области в трех значениях: ‘пряжа, идущая на изготовление грубой ткани, реднины’, ‘платье свободного покроя’, ‘мужская длинная рубашка’ [СРГК, 5: 507]. В водлинском говоре, надо полагать, слово *редница* употребляется во втором значении. Отметим как весьма существенный факт более широкой географии данного слова в сравнении с ранее отмеченным ареалом. В СРНГ данного слова нет. Слово *балахон* также известно некоторым русским говорам – ‘род верхней крестьянской мужской одежды’ Ворон., Новг., ‘холщовый зипун, надеваемый поверх тулупа’ Волог. [СРНГ, 2: 75]. Наши сведения расширяют географию данной лексемы в значении ‘вид крестьянской одежды’.

Остановимся на названиях других реалий старого крестьянского быта, отмеченных в беседе К.К. Логинова с жителями деревни Водлы.

Кто чего, наряжались. Раньше валенки катали домашние. Дак возьмут кошель на плечи, кошель да этот каток возьмут и шерсть-то эту бьют. И лук возьмут и идут как это валенки катать.

В говорах Южного Урала и Сибири отмечено слово *каток* ‘рубчатая деревянная палка, с помощью которой формуют голенища валенок’ Галкин, Кјрган., Старцева [с примеч «слово употребительно только в пимокатном производстве»], 1950–1951, Новосиб. [СРНГ, 13: 130].

С середины XIX века в разных русских говорах отмечается *лук* ‘приспособление для битья шерсти’ Южн.-Сиб., 1847, Иркут., Курск., Ворон., Волог., Печор. *Шерсть били, сами лук сделам деревянный, боек деревянный с крючкой, бьем в струну.* Арх., ‘двухметровый смычок с натянутой тетивой для трепания шерсти (у бродячих шерстобитов)’ Пек., 1902–1904. Пек., Смол, *лук шерстобойный.* Печор., Травин. [СРНГ, 17: 186]. География данного слова расширяется за счет сведений по русским говорам Карелии и сопредельных областей, ср.: *лук* ‘дугообразная или прямоугольная часть приспособления для взбивания шерсти’ Карг. Арх., Кирил. Волог., Медв., Пуд. Карел. [СРГК, 3: 156].

Добавим ещё отрывок из беседы К.К. Логинова, в котором описывается интересный обряд представления петухом в период Святков. Вероятно, этот обряд представлен выражением *петухом справляться* ‘изображать петуха’.

– Петухом ещё справлялись. Вот раз выдумали. У нас две деревни было – Верхняя деревня и Нижна деревня, Падуны. Справили од-

ного... товарища. Надо вишь кафтан. Ноги запихают в этот кафтан, в рукава. Тогда редницы дёржали и кафтаны, ой, то есть балахоны. Балахон, значит, ноги надо запихать туда и руки туда в рукава. И туда это всё кверху подымут полы, здесь завяжут, и хвост так у него выходит. И как две ноги только. А тут как у него гребень, там хвост, как петух. А пойти-то он не может, это зимой-то.

– Носком носят.

– Не, его на санки кладут в деревне. До квартиры-то привезут на санках. Вот лестницу поднимаются, его тащат. Низом. Рукава, назад воротник. Получится, я и говорю, что руки, ноги, шиворот и на двух ногах.

– Там воротник, там хвост. А тут это завязано голова. Не видно. Вот он и кукарекат. Прокукарекат.

– А в избу-то его откроют возьмут. Да его туды сунут, и он падё, и ноги кверху. И «кукареку!» закричит. Вот как! И по квартирам ходят, петуха это. Но не всегда, изредка там.

«Петухом» является человек, который одет таким образом, что его руки и ноги находятся в рукавах, изображая две ноги петуха. Внесенный в избу «петух» падает и кукарекает. Заметим также, что данный фрагмент беседы ярко демонстрирует особенности синтаксической и морфологической структуры диалектной речи.

В завершение еще раз подчеркнем необходимость использования записей местного говора для всестороннего, комплексного изучения материальной и духовной культуры народа в ее региональном варианте.

Библиографический список

Монахова А.С. Дивная Водла-земля: в 2 т. – М.: Вариант, 2012.

Олонецкий А. Хухляки (Этнографический этюд) // Олонецкие губернские ведомости. – 1896. – № 2. – С. 3.

Русская деревня в рассказах её жителей / ред. Л.Л. Касаткин. – М.: АСТ-Пресс, 2009. – 512 с.

Село Суйсарь: история, быт, культура. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1997. – 296 с.

Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / гл. ред. А.С. Герд. – Вып. 1–6. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1994–2005.

Словарь русских народных говоров. – Вып. 1–48. – М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2015.

КУДА ПРИВЕДЁТ АСТРАКОН?

(По материалам авторской картотеки иппонимов)

В статье рассматривается история и этимология слова «астракон» со значением ‘лошадь’, впервые упомянутое в трудах протоиерея М. Я. Диева и относящееся к нерехтским говорам. Для семантизации этого слова используются многочисленные исторические источники, словари, энциклопедии, картотеки и др.

Ключевые слова: астракон; астраханский; тархан; Диев; Лермонтов; Шан-Гирей; Хастатов.

Известный археолог и историк, нерехтский протоирей Михаил Яковлевич Диев в своей работе «Старинные волости и станы в Костромской стороне» указывает, что в нерехтских говорах использовалось слово «астракон» со значением ‘лошадь’ [Диев, 1909]. Это же слово с тем же значением указано в Словаре русских народных говоров и ссылкой на Диева. В других словарях это слово не обнаружено.

Почему «астракон»? Неужели это составное слово: «астра» от греческого *αστερ* – звезда + «кон» – конь(?). Звёздный конь? Но Диев так называет простую лошадь, ничего «звёздного» в ней не отмечая.

А что если когда-то привезли жеребцов *астраханской породы*, от них пошла линия, получившая местное название «астраконы». Тогда, возможно, первоначальное название было «астрахань».

Стоит отметить, что в СРНГ нет слова «астрахан». Есть только «астраханка» и «астраханский» со значениями, указывающими лишь на южные овощи и речные суда. Естественно, в других словарях слово «астраханский» имеет множество других значений как прилагательное к топониму «Астрахань»: Астраханское ханство, Астраханский кремль, астраханские казаки, астраханские степи и т.п.

Однако ещё в 1967 году автором в Камышинском районе Волгоградской области на территории Котовского сельсовета было зафиксировано слово «астрахан» со значением ‘жеребец астраханской породы’ или ‘норовистый жеребец этой же породы’. Например: «Этот конь астраханский. Смотри, астраханто ведёт себя, как хан какой-то! Ничё! Буде мерином, норов-то

и пропадёт». В разговорной речи в данном регионе в основном это слово употреблялось в значениях 'название, астраханской породы лошадей' и 'кличка лошади данной породы', что зафиксировано в Картотеке автора.

Известно, что лошади астраханской (ногайской) породы особенно активно использовались в ямском (почтовом) назначении ещё со времен Золотой Орды в XIII веке. С учреждением в Московском государстве в 1516 году Ямского приказа необходимость в большом количестве лошадей год от года росла. В XVI веке в Москву пригоняли огромные табуны лошадей, например, в 1555 году ногайские купцы пригнали сразу 40 000 лошадей южных пород, в том числе и астраханских.

Астраханская порода лошадей относится к восточным степным породам. Лошади этой породы отличаются грубым телосложением, сырой конституцией. Они низкорослы, коротконоги, тело широкое и растянутое, шея толстая и короткая. Кожа степных лошадей толстая, шерсть густая, грива и хвост – длинные. Темперамент флегматичный. Интересно, что данное описание лошадей очень похоже на изображения сельских пахотных, рабочих лошадей Верхнего Поволжья, например, на знаменитой картине Г.А. Ладыженского «Пахарь».

Летом эти лошади хорошо переносят жару и нехватку воды, зимой – сильные ураганные ветры, добывают корм, раскапывая копытами снег. В общем, лошадь, хотя и южная, но, видимо, со временем приспособилась к климату Московии.

На первый взгляд кажется, что слово «*астрахан*» состоит из слов «астра» + «хан». Звёздный хан? Не вяжется как-то. В Котовском районе под этим словом имелась в виду обычная рабочая, выносливая, спокойная сельскохозяйственная лошадь. Значит, скорее всего происхождение слова «астракон» надо связать с топонимом «Астрахань», этимология которого как раз и совпадает со значением 'звёздный': Звездное ханство. И получило оно это название, когда город Астрахань стал центром Золотой Орды.

Правда, до этого город назывался Хаджи-тархан и Хаз-гарахан [Лурье, 1986]. Потом был переименован в *Ас-тархан*, что включает в себе название народа *ас* (*асы*, в русских летописях – *ясы*) + *тар-хан* – титул; очевидно *Ас-тар-хань* означало ставку асовского (яссовского) военачальника [Миллер, 1927; Абаев, 1, 1958]. В московских деловых бумагах с XVI века название го-

рода стало писаться слитно – Асторохань, затем Астрахань. Так и осталось в названии этого города древнее звучание «тархан», «тарахан», «торохань». Сходное звучание слышится и в названии древнего южнорусского государства Тьмутаракань, известного с 988 г. [Лаврентьевская летопись, 1962].

Тархан (*тарахан, таркан, тркан, трхан*) – это, с одной стороны, ‘титул, высокое звание’, а с другой, ‘привилегированное лицо, сословие’ или ‘человек, свободный от податей и повинностей; любимый, баловень; любимец хана, награждённый или прощённый им’. Также это ещё и ‘лицо, имеющее особое положение в обществе; благополучие, благоденствие; возможность очень много позволить себе’. Такое положение предоставлялось за особые заслуги, невзирая на принадлежность хотя бы к низшему сословию и не обусловленное принадлежностью к высшему, или наиболее близким родственникам, например, жене хана [Севортян, 1, 1974].

Сравним сармат-аланские **tarkan*, **tarxan* – ‘воевода’; крымско-татарское *tarkkana* – ‘чин, титул’; осетинское *tærxon* – то же [Абаев, 1, 1958; Шапошников, 2007]. По свидетельству мусульманского автора начала XVIII века Сейида Мухаммеда-Ризы, таким лицам предоставлялись исключительные привилегии; например, в Крымском ханстве *тархан* не привлекался к ответственности за 9 совершённых им крупных преступлений; сам он и его потомки до 9-го поколения освобождались от налогов; *тархан* пользовался правом свободного входа в царский дворец, имел право взять в жены любую женщину (кроме дочери хана) без разрешения отца, мог дойти до 9-и небес почёта и славы с пожалованием конями, коврами и другого рода девятью предметами каждого по 9 раз; число 9 у тюркских народов имело значение множества, обилия [Татаринцев, 1992]. Также монгольские *дарханы* из любого сословия за особые заслуги приобретали не только положение свободных, но и освобождение от повинностей и податей, наказания за проступки, плюс, получив этот титул, входили в круг феодалов [Владимирцов, 1934].

Обращает на себя внимание особое дарение конями, что говорит и об особом отношении к коням как к наибольшей драгоценности того времени, т. е. наиболее ценных, важных коней берегли, не использовали в повседневности и хозяйстве, к таким относились, например, вестовые кони, боевые кони, породистые

производители. Конечно, такое могли позволить себе наиболее зажиточные хозяйства.

Слово «тархан» вошло и в русский язык. В Древней Руси под словом «*тархан*» понималось ‘право не быть судимыми в общих судах, кроме уголовных’ [Объяснение, 1865]. В Московской Руси таким лицам даже выдавалась «*тарханная грамота*» – государев документ, дававший право не быть судимым никем, кроме государя, и свободу от повинностей [Энциклопедический словарь, 1907]. Например, «Тарханная грамота 2 августа 1533 года Великого князя Василия III Иоанновича» была выдана Михаилу Ильину Гиневлю на поместье в Троицкой трети Костромского уезда [Костромская старина, 3, 1894].

Слово же Тьмутаракань происходит от сложения двух титулов *таман* и *таркан*, где *таркан* по правилам древнерусского полногласия развилось в *-торокан(ь)* [Нерознак, 1975]. Тюркское *таман* встречается в орхонских надписях в качестве первой части сложений с *таркан* [Радлов, 1963]. Однако, возможно, *таман* «даже не тюркского и не алтайского происхождения; так же как и многие другие тюркские титулы оказываются либо иранскими, либо китайскими, либо вообще, неизвестного источника» [Менгес, 1979]. Само сочетание *таман* + *таркан* образовано, как калька; например, по типу христианского имени Параскева-пятница = ‘пятница + пятница’; в таких образованиях часто каждая составляющая одного и того же значения принадлежит разным языкам.

Как тут не вспомнить знаменитые Тарханы – усадьбу в Пензенской губернии бабушки поэта Михаила Юрьевича Лермонтова Елизаветы Алексеевны Арсеньевой, происходившей из знаменитого рода Столыпиных. Арсеньева, как и многие другие помещики, говоря сегодняшним сленгом, была лошадицей. Она содержала большой двор, две конюшни, каретник, сарай для фуража, много выездных, рабочих лошадей, а со временем и верховых лошадей. В 1812 году пожертвовала 990 лошадей со снаряжением для армии. Подбирать лошадей ей помогал П.П. Шан-Гирей, женатый на её племяннице Марии Акимовне (в девичестве Хастатовой) и живший недалеко от Тархан. Шан-Гирей содержал конный завод.

Бабушка трижды отвозила маленького Мишу Лермонтова на Северный Кавказ к родственникам в сопровождении конного конвоя в имение А.А. Хастатова, которое находилось

рядом с Пятигорском, где у него также был конный завод [Быков, 2008]. Сестра Хастатова была замужем за генерал-майором атаманом Астраханского казачьего войска Павлом Ивановичем Петровым (1790–1871), а их дочь Вера Павловна – замужем за вице-адмиралом, солигаличским помещиком Павлом Яковлевичем Шкотом (1816–1880), сыном капитан-лейтенанта, кинешемского городничего Якова Андреевича Шкота (1768 – после 1805) и братом двух солигаличских помещиков капитана I ранга Николая (1828–1870) и мичмана Константина (1830 –?). Именами флотоводцев Шкотовых названы ряд географических объектов [Григоров, 2002], остров и полуостров Шкота, река Шкотовка, водопад Шкота, село Шкотово, ныне посёлок Шкотово и т. д.

Время, проведённое Михаилом Лермонтовым в Тарханах и на Северном Кавказе, привило ему любовь к лошадям. В его творчестве только слова «конь» и «лошадь» упоминаются 365 раз [Лермонтовская энциклопедия, 1981]. У бывшего дворового человека помещика А.А. Хастатова Евграфа Чалова Лермонтов со спутником в день роковой дуэли нанял верховых лошадей и отправился в свой последний путь. Как известно, род Лермонтовых, т. е. Лермонты, пошёл из-под Судая Чухломского уезда Костромской губернии. А близким другом Михаила Юрьевича был Леонид Николаевич Хомутов, сын крупного нерехтского помещика Н.А. Хомутова [Быков, 2008].

Так нерехтский Астракон привёл нас в Тьмутаракань, Золотую Орду, Астрахань, Крым, Московию, Тарханы и, завершив этимологический круг, снова вернул на благословенную нерехтскую землю.

Библиографический список

Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. – Т. I–IV. – Л., М., 1958–1989.

Быков М.Ю. Лошадь в жизни поэта / М.Ю. Быков, Е. Н. Фадичева // Московский лермонтовский сборник. «Лермонтовское общ-во». – М., 2008.

Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. – Л., 1934.

Григоров А.А. Без Костромы наш флот неполон... Морские офицеры-костромичи XVII – нач. XX вв. Справочник. – Кострома, 2002.

Костромская старина / Изд-е Костр. уч. арх. комиссии. Вып. 3. – Кострома, 1894.

Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. – Т. I. – М., 1962.

Лермонтовская энциклопедия. – М., 1981.

Лурье Я.С. Комментарии к тексту «Хождение за три моря» Афанасия Никитина / Я.С. Лурье, Л.С. Семенов // Хождение за три моря Афанасия Никитина. – Л.: Наука, 1986.

Менгес К.Г. Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». – Л., 1979.

Миллер Вс.Ф. Осетинско-русско-немецкий словарь / под ред. А.А. Фрейман. – Л., 1927.

Нерознак В.П. Критическая статья на книгу по этимологии албанского языка Э. Чалбея // ЭЕ. 1973. Сборник статей. – М.: Наука, 1975.

Объяснение 25 000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, со значением их корней / составил по словарям: Гейзе, Бешереля, Брокгауза, Александра, Рейфа и других Михельсон. – М.: Издание книгопродавца А.И. Манухина, 1865. – 716 с.

Отец Михаил Диев. Старинные волости и станы в Костромской стороне // Материалы для Историко-географ. словаря Костр. Губернии / с предисловием Ан. Титова. – М., 1909.

Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. I–IV. СПб., 1893–1911. – Репринт. изд-е. – М., 1963.

Романец П.В. Картотека иппонимов с наблюдениями и записями. 1964–1978, 1988–2015. Рукопись. Хранится у автора.

Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Т. I–VII. – М., 1974–2004.

Словарь русских народных говоров. – Вып. 1–48. – Л.; СПб.: Наука, 1965–2015.

Татаринцев Б.И. О происхождении тюркского *tarqan ~ tarخان*. // Этимология. 1988–1990. – М., 1992.

Шапошников А.К. Сарматские и туранские языковые реликты Северного Причерноморья // Этимология. 2003–2005. – М.: Наука, 2007.

Энциклопедический словарь. Иллюстрированная энциклопедия реальных знаний. Бесплатное приложение к журналу «Вокруг света» за 1907 год / сост. А.Е. Яновский. – М.: Типография Товарищества И.Д. Сытина, 1907.

Сакара В.В. (Кологрив)

ПРО СТАРУЮ ЖИЗНЬ НА УНЖЕ-РЕКЕ

Представлены записи диалектной речи жительниц 1924, 1926 и 1929 гг. р. поунженских деревень Глебова, Хапова, Бурдова, Спирина, воспоминания об их занятиях в поле, досуговом времяпрепровождении, работе на ткацком стане времён их молодости.

Ключевые слова: беседки; пряжа; Бурдово; гармошка; балалайка; ткацкий стан; кашуля.

© Сакара В.В., 2016

Вера Васильевна Сақара, урождённая Бурдовская, знаток поэзии Е.В. Честнякова и талантливая исполнительница его произведений и народных скетчей, записанных ею у односельчан, живёт в п. Варзенга на Унже, недалеко от д. Шаблово, родины её знаменитого земляка. Посёлок лесорубов Варзенга, названный так в честь речки Варзенги, выстроен в 1937–1938 годах руками ссыльных поволжских немцев. Как говорил Е.В. Честняков, он построен на «чёртовой тропе»: находится на болоте. Сюда и сейчас заглядывают волки и медведи. Вера Васильевна библиотекарь и в прошлом музейный работник, знаток истории края. Она говорит, что её девичья фамилия Бурдовская происходит от названия большой деревни на Унже – Бурдово, которая славилась наличием глины красного, «бурдового», цвета. Приводим образцы её записей народной речи недавнего времени.

Н.С. Танцовская

Про беседки

– Как на бисетки ход-и-и-или?

Дома нарядисся, пряху возьмёшь, да и пойдёшь. Пряли. А как робята-то придут, дак пряху-то отложышь да плесать. Да из чужой диревни придут робята-то! Ой, матушка, к нам из людних (многолюдных деревень. – Н.Г.) ходили. Из Зеленина, из Углов, из Бурдова. Да с гармонью придут робята-то, шчо писни-ти!

Видь и жэнщины-то все придут на бисетки-ти, гледеть. Скажут: девки, бросьте пряхи-ти, робята пришли. Играют, пляшут, писни поют, да всё с приговорками со всякими. Вон Федька Кемляк из Углов:

Выходите, курносые,

Безносые носа.

Выходите, курносые,

На наши голоса.

Нина Константиновна Веселова, 1926 г.р.,
д. Спирино. 2010 г.

По очереди на беседки ходили. Сегодня у меня, завтра у Маньки Зориной, у Лидки Ивановой, так, по порядку. Была бы пряха, пряли. Свету не было. При огне, при лампе. Мамка скажет: чтобы вам, девки, севодня по *клобышке* напрядь!

Да и заиграют в гармонию, да поднимется *плесня*. Мы пряхи-то, все наши *копыла* сунем в загородку, да плесать. Да и возьмут

пряху-то робята, да на копылах-то и вырезают фамилию, а либо чево. Такие робята-то были раньше, Вилковы вон.

Да, четыре биседки собирали в деревне-то, все в разных беседках. Робята придут из другой деревни, да и не знают, куда итти. С Глебова Шурик Груздев хромку приносил, и с Шаблова Ванька да Колька Смирновы гармошку, и я на балалайке. Как гармошки нету, так и: «Наташ, принеси балалайку!». Шурка Силякова говорит: «Наташ, как хорошо ты играешь, всё бы плесала». Поплесали девки-ти по моей игре.

И вдоль дйревни пойдём из конца в конец. От Лидки Ивановой до Маньки Стопцовой. Идём, они песни поют:

*Поиграй-ка, Вася, Роза,
Поиграй-ка, Розочка.
Завлекательные глазки,
Да и поговорочка.*

*А батько мой,
Брательничок!
Послезавтра день –
Понедельничок.*

Наталья Ефимовна Успенская, 1926 г.р.,
д. Хапово. 2011 г.

Про круги

На круги-то? На круга-то ходи-и-им! А так, как опсохнет, дак и ходили гулять. Около чесовенки всё плесали. Васька Афонькин с гармошкой. Всё тутa и кружили, всё тутa и плесали. Чесовенка-то посередине стояла, коло Васьки Сиротина (Афонькина). Тутa и наша-то кока Дунька.

Хоть со жнивы идёшь, и тутa, коло чесовенки, Васька Афонькин и вылезает с гармошкой: «*Тирлинь, тирлинь, тирлинь, тирлинь, тирлинь, тирлинь, та-та-та*». Хорошо, ой, до чево хорошо играл, поплесали мы. А ежели *наш* праздник, дак тутa, на кругах-то, и места нету. И тутa танцуют, и тутa пляшут, и вдоль деревни пошли с гармошкой:

*Балалайка, балалайка,
Балалайка лакова.
До чево любовь доводит:
Принародно плакала.*

Нина Константиновна Веселова, 1926 г.р.,
д. Спирино. 2014 г.

Про одежду

А мы-то росли, дак *портянину-то* красили порошком. Плохо красил порошок-от, насили покрасишь. У меня *кашуля* была, дак одна сторона синее, а другая светлее. Так и ходила, а уже в девках ведь была.

А раньше-то сарафаны, прежде-то были, с нашивками, с красными. Сарафаны-то были не за всё – говорили: «Вот купила *набивное*, недолго поносится». А в будень-то такие были? По-простецки. И в полоску, и в клеточку (серую). А *повойники* шили кто из чево. Всё баушка Комушкина в повойнике, на кудели, а платок сверху, на повойник. Повойник одивали, стряпали, дак береглися, штобы волосы не лизли.

Кафтаны тоже были, их из овечьей шерсти ткали. Основа-то была портяной, а уток – шерсть. Их не красили, они буроватые такие. Овцы-то чёрные. Кроили и шили сами: рубаху эту изорвёшь, и по ней кроили. Мы с Лидкой Куранихой придём ко мне на ондрец и ушиваем прорехи.

Галина Петровна Травинова, 1929 г.р.,
д. Бурдово. 2012 г.

Про работу

А раньше мужики-то не больно работали на угороде, это всё жэншчины. Пахали на лошади да сияли мушшыны-то. Жэншчина коло печки стряпает, мушшына лапотки плетёт. За грибами, за ягодами и мушшыны ходили. Скажет: «Давай, матка, по бруснику либо по грибы пойдём, пока момент».

На сенокос все ходили, все вместе. У нас была корова, была лошадь, овечки. И косили все: надо накосить – стольтё скотины! У тятки-то покойново с мамкой.

Новину чистили все: и старой, и малой. Каждую мы шшэпочку, корень, которой сумеешь... В кучу сложат и сожгут. Где попадут, а где и так. И сиют рош! Да, о-о, какая рош-от высокая выросла!

Нина Константиновна Веселова, 1926 г.р.,
д. Спирино. 2014 г.

Про ткацкий стан

Мы лён рученьками рвали, в снопики вязали, сваживали на овины, сушили, молотилами молотили колокольчики для семян. Сушили на овинах, мяли, в соломенниках трепали, чесали. Как Масленица пройдёт, начинают кросна ткать.

Я сама ткала, ты шчо, андел мой! Мыли пряжу, розвешивали на морос, она вымерзнет. А краску брали всякую. И корой красили. И в луковой шелухе красили *портянину*-то. Наволочки тоже были портяные, крашоные. Окутывались подостилой из пряжи и тряпок – как половики. Да спали, даже ватагой-то такой, на полу, на рогоже из прямой соломы, в три пряди волокном.

А то мамка красной краской выкрасит нитки, и ткали *пестряки*. И матрасы были *полотённые*, и *кошули*, и наволочки. Бабка Прасковья, Прасковья Филипповна, всем кроила.

Сизова Валентина Павловна, 1924 г.р.,
д. Глебово. 2011 г.

Вот даже в диревне и то не кажная умела эти *кросна* *заправлять*. И до чего они *закомуристые*, эти кросна, о-ё-ёй! Сбруи-то, о-ё-ёй шчо в этих кроснах. Вить в 4 подножки ткали брань-то и онучи.

Галина Павловна Травинова, 1929 г.р.,
д. Бурдово. 2011 г.

Смёрдов А.В. (Вохма)

СУТЫРИНКИ

В статье даётся характеристика ареала вохомских диалектов, части говоров Русского Севера, которые являются предметом изображения в рассказах и словарях А.В. Смёрдова, агронома, писателя, журналиста. Приводятся материалы словарей и наиболее выразительные и богатые диалектной лексикой образцы его сочинений.

Ключевые слова: Вохомский край; Хорошевская волость; Хорошая; Заветлужье; старые говоры; деревенскость; народный язык.

Анатолий Васильевич Смёрдов, по образованию агроном, родился в д. Ванеево Хорошевского сельсовета Вохомского района. Постоянный сотрудник многих костромских печатных изданий, автор рассказов, повестей, в том числе историко-краеведческих книг «Вохмяки», «Лисичкин гостинец», «Звенел колокольчик», «Ветлугаи», большой знаток народной вохомской речи и автор Словаря «Старый говор Вохомского края» (Шарья, 2016). В предисловии к Словарю он описывает те места, говор которых представлен в нём: «Из северо-восточных земель Костромской губернии, на самом её краю, были

исконными сёла: Хорошая, Заветлужье и Кажирова (западная часть нынешнего Вохомского района), входившие в состав Ветлужского уезда. Вознесенская и Лапшинская волости (основная часть нынешнего Вохомского района) были Никольского уезда Вологодской губернии. Из этих двух волостей, Павинской и Леденгской (ныне Павинский район), Покровской и Соловецкой (ныне Октябрьский район) был образован в 1924 г. Вознесенско-Вохомский уезд. Хорошевская волость, побывав несколько лет в составе Нижегородской губернии, в том же году была к ним присоединена. Так образовался Вохомский район, входивший тогда в Северо-Двинскую губернию (центр – город Великий Устюг), потом в Северо-Двинский округ Северного края (центр – город Архангельск), позднее опять в Вологодскую область. Двадцать лет не было на картах страны Костромской области, воссоздали её в тяжёлом 1944 году, с другим статусом и очертаниями... Мы стали костромичами. <...> Язык наших родителей, дедов и прадедов был многогранен. Каждое понятие имело много синонимов, применяемых к месту, времени и обстоятельствам и событию. Мы, получившие образование, но выросшие в деревне, хоть и не говорим им, но поневоле «впитали с молоком матери». В разговорном варианте старые слова неизбежно проскакивают, да точнее и эмоциональнее и не выразить. В молодости мы старались изжить в себе этот диалект, стеснясь местечковости и деревенскости. Теперь, осознав, что теряем, стараемся собрать уже по крупицам, иначе всё с нами и уйдёт безвозвратно. И как верно мнение нашего соотечественника, основоположника научной педагогики К.Д. Ушинского: «Когда исчезнет народный язык, народа больше нет» [Смёрдов, 2016: 4–5].

Н.С. Танцовская

Словарь А.В. Смёрдова на литеру «Е (есть)»

Еберза'. Торопливый, неугомонный.

Ево'нный. Его.

Еённый. Её.

Егоза'. Вертлявый.

Еги'боба. Баба-яга.

Ездово'й. Ямщик на свадьбе.

Езуи'т. Двуличный, хитрый, коварный.

Ела'нь. Большая лесная поляна.

Елда'. Затейник, зачинщик.

Елды'кать. Говорить бессвязно.

Елши'на. Ольха.
Ендова'. Медный сосуд с рожком для пива и кваса.
Ерда'нь. Прорубь.
Ерепе'ниться. Вспылить, гневаться.
Ермолить. Драть, чесать, мять.
Еры'знуть. Огреть, ударить.
Еры'кать. Картавить.
Есвя'ный. Всеядный.
Ества'. Еда, кушанье.
Ети'стый. Маркий, цветной [Смёрдов, 2016: 18].

Ещё ранее, в качестве прототипа будущего словаря А.В. Смёрдов в книге «Звенел колокольчик» под названием Г л а с старинный с кратким толкованием приводит список слов (без ударений), в недавнем прошлом характерный для живой речи его края.

Н.С. Ганцовская

Глас старинный

Авошный. Жадный, алчный.
Барма. Бормотун.
Баской. Хороший, красивый.
Баять. Говорить.
Беремя. Охалка, ноша.
Бздануть. Сильно ударить.
Брандовать. Не уважать.
Братан. Двоюродный брат.
Брундучок. Приступка у крыльца.
Бызовать. Блудить.
Буди. Приставка перед глаголом к вероятности действия (буди поехали).
Варнак. Каторжник, разбойник.
Витиг. Лошадиный кнут с короткой витой плетью и длинной деревянной ручкой.
Воглый. Влажный.
Воде. Тут, здесь.
Вонде. Там.
Волока. Конная волокуша для брёвен.
Волок. Лесная дорога.
Воркунцы. Бубенцы.

Вылюдь. Общество.
Выть. Время еды.
Гариль. Выжженное под пашню место в лесу.
Галанка. Брюква.
Гваздать. Грязнить, мять.
Глыза. Крупный комок.
Голяшки. Икры.
Голбец. Приделок у большой печи.
Глянуться. Нравиться.
Гребовать. Брезговать.
Грузли. Грузди.
Губы. Грибы.
Девятирик. Шершень.
Дерба. Таёжный лес.
Дербень. Большой лес.
Дербалызнуть. Мощно ударить.
Долонь. Ровная площадка.
Домовина. Гроб.
До тюки. До основания.
Дроля. Ухажёр.
Дуботол. Высокий мужчина.
Егибоба. Баба Яга.
Ендова. Медный сосуд с рожком для кваса.
Елшина. Ольха.
Жаравить. Поднимать, важить.
Жило. Старинное селение.
Житница. Отдельная постройка для хранения зерна, муки.
Жито. Рожь.
Журавец. Сооружение для подъёма воды из колодца.
Заваруха. Каша для скота из разных отходов.
Заворы. Проём в изгороди, закрываемый жердями.
Загригтелось. Захотелось.
Закантас. Усложнение, выверт.
Залавок. Напольный низкий шкаф на кухне.
Занадрина. Шероховатость.
Зарод. Скирда.
Западня. Напольная дверь в подполье.
Заряпа. Грязнуля.
Заскрёбыш. Последний ребёнок в семье.
Зга. Кольцо на дуге.

Зыбка. Колыбель.
Илеи. Песни предсказания при гаданиях в Святки.
Калган. Большая голова.
Карзится. Кажется.
Каряма. Некрасивая лицом.
Карбас. Большая лодка.
Кастить. Ругать.
Катаньки. Валенки.
Клеть. Хозяйственное строение без окон, примыкающее к избе.
Кожух. Кирпичная кладка под печным полом.
Копаруля. Мотыга.
Корчага. Глиняная ведёрная крынка.
Корас. Куча.
Кошовка. Праздничные конные сани-возок.
Кошуля. Поддетая материей овчинная шуба.
Князёк. Вершина кровли.
Крыльца. Лопатки.
Куколь. Головки льна.
Куржевина. Иней.
Курбан. Небольшой омуток.
Куртина. Возвышение, вал.
Куть. Прихожая.
Кутуз. Добро, увязанное в подручную материю.
Лагун. Специальная кадка для домашнего пива.
Ледина. Кулига, луг между полей.
Ледюжка. Бедро туши.
Лешок. Лоскут.
Лоб. Фронтон.
Лог. Низина с крутыми берегами.
Лони. В прошлом году.
Лопоть. Всякая одежда.
Лыва. Низкое, заболоченное место.
Ляд. Нечистый [Смёрдов, 2009: 8–12].

Здесь мы приводим небольшие отрывки из произведений А.В. Смёрдова, написанных в сказовой манере, которые могут дать хорошее представление о богатстве и разнообразии говоров этого далёкого северного края.

Н.С. Ганцовская

Дурное болото

В позатом веке было, до Советской власти. Старики баяли, будто демон какой, али дьявол по нашим местам бродил, поди што они ему шибко приглянулись. Топеря такую беду смерчем зовут, а тогда всё нечистой силой. Нафулиганил-то! Дерёва с корнем выковырнул, озимя все изгваздал. А потом какой-то идол чёрный на болоте объявился, стоит и глядит... И каменья в него кидали, и из ружья стреляли, а он глядит. Вода на том болоте, как сажа стала, вся живность оттоль убежала, а на реке об ту пору почали кикиморы да водяные кудесить. Что делать? Стали жгать огнём идола – а ему нипочём, заговоры читать – а он стоит, набутысился. А по ночам на болотине стала какая-то миндра хрюкать да ржать.

Ну, мерекуют вохмяки: дело худо, как бы насовсем с панталыку не сбиться. Начали горькую дербалызгать. А где горькая, там и гармошка. Оно там себе хрюкает, а оне знай пляшут! Токо топоток стоит! Видит нечисть – не взять ему нашего брата-вохмяка! Крякнул с горя дьявол, али там как его зовут – и сызнава смерчем прилетел. Опять всё испазгал, но идола своего уволок.

Навострились бабёнки опять на то болото по ягоды ходить. Много ягод-то, да крупные! Одно плохо: сходит какая-нито баская молодлица на болото, а опосля с ей штой-то не то деется. Бает глуposti всякие несклёписто, а то дома запрётся и манилкой сидит. Так и попустились на то болото ходить. И то сказать, разе других болот больше нет? Да необоримая сила!

А смерчей таких боле не было, нет [Смёрдов, 2009: 20–22].

Сутыринки

Есть у нас деревенька, Сутырино прозывается, поди что из-за мужиков тутошних. Настырные оне, и за словом в карман не лезут, и подтронить большие охотники... А самый неуёмный у них Санолис. Кажного объегорит, да зубы скалит, перечертыживает, за что и прозвище. С этим и свои старались не связываться... Офицером с войны вернулся, Олексаном Михайловичем стали величать. Потом всё в начальниках... Таким и под старость остался, всем подьбердыкивает [Смёрдов, 2009: 22–23].

В баню

Идёт раз Михалыч по деревне, навстречу довольный, с виником и лопотью под мышкой Вася Сафронёнок. Вот, говорит, братуха в баню позвал. Ну, дак хоть покури. Покурили, поговорили, а оку-

рок Михалыч ему в сухой виник и сунул. Разошлись. Зашаял виник берёзовый, заподымливал, от лопотины смородом потянуло. Сафранёнок башкой вертит, уразуметь ничего не может. Допендрил, когда виник огнём занялся. Бросил всё в снег, да давай затаптывать, кляня соседа: расстудыт-твою-лисовина-мать. Не до бани, домой возвратился [Смёрдов, 2009: 26–27].

Куроцьки

Сидят бабы под сумерки на скамейке, лясы точат... Гурт телят, вишь, хорошевыцы днём по-за деревне в заготпункт гнали. Издаля, устала животина. Михалыч нароты проверял на речке, мимо шёл и в разговор бабий в момент встрял: Эт-та што... Третьего дня видел, как с птичника кур самоходом туда гнали. Бабы в изумление: да как это, разе возможно? – А куды денесси? Через ручьи-то всё лётом. Но и передых им погонатые-то дают, чтоб в пыли дорожной попорхались. Петухов-то всех наперёд загоняют, голоса сердешные до изнеможенья, нали хрипнут. Так строем и вели.

Ой, бенные, бенные куроцьки, пригорюнились женщины [Смёрдов, 2009: 27–28].

Шутка

Местность наша, как поле зяблевое – торчмя. Оно и понятно. Увалы Северные здесь уже начинаются и водораздел. В версте-двух друг от дружки по угорам деревеньки с полями скалистыми. Меж согр ключевинники, ручьи да речки сплошь с сокерами у берегов. Сенокосы все по лединам да логам. Ну и леса, конечно – раменная, боры, да дербы чащобные. По рекам нашим и нам прозвание – вохмяки, ветлугаи. Ветлуга-то в Волгу-матушку впадает, а та в Каспий-море. А вот рядом Юг-река, она на север течёт, в Двину, а та к Беломорью. Да так это, к слову.

Вот опять про Михалыча спомянем. В августе дело было, жито уже жали. Темнять стало, пангар по низинам заволочился. Михалыч лисапед настрополил, пестерь за крыльца да поехал сетки в Лёкомской старице пошерудить. Под угор-от ходко летел. Об эту пору из поскотины Афоня навстречу. По губы ходил, полнёхоньку двухведёрную наберуху еле пёр. У нас грибов-то завсегда завались. Обабками серыми гребуют, не берут, токмо белые, да буди красные, а в еланиях рыжики промышляют.

Присел Афоня на корточки перед сутыринским угором – дух перевести. Стукоток лисапедный по колдобинам слышен. Привстал.

Вона, Лис кудый-то наладился. Ну-тко, теперя я над им посмеюся, не всё ему. Вонде и рытвина подходявая вдоль дороги. Бегом к уго-ру, лёг в колею, притаился, за туманом-то и навовсе не видать.

Только лисапедист с ним поравнялся, Афоня как из канавы привскочит, да дико гавкать. На испуг брал! Да не на того, видать, напал. Михалыч походя и неглядючи дурной собаке кирзачём по пасти от души и хлобыснул. Сам дале порулил. А Афоня до дому скулил с подвывом, плюясь с сукровицей [Смёрдов, 2009: 28–29].

Библиографический список

Смёрдов А.В. Дурное болото. Сутыринки. В баню. Куроцьки. Шутка // Звенел колокольчик. Проза и публицистика. – Шарья, 2009. – 320 с.

Смёрдов А.В. Словарь. Старый говор Вохомского края. – Шарья, 2016. – 64 с.

Сотников Н.В. (Галич)

О ГОВОРЕ РЫБАКОВ РЫБНОЙ СЛОБОДЫ В ГАЛИЧЕ МЕРЬСКОМ

В статье Н. В. Сотников делится воспоминаниями о том, как в детстве он постигал азы рыболовецкой терминологии жителей Рыбной слободы г. Галича, расположенной на берегу Галичского озера. К статье приложены фрагменты его словаря профессиональной и бытовой лексики рыбаков Рыбной слободы.

Ключевые слова: Галич; Галичское озеро; Галичское морце; Рыбная слобода; сеть; невод.

Николай Васильевич Сотников, 1940 г. р., родился в семье потомственных рыбаков Рыбной Слободы г. Галича Костромской области, расположенной на берегу Галичского озера. Окончил школу в г. Галиче, где его учителем и классным руководителем был известный краевед Василий Васильевич Касторский. Кандидат технических наук, старший научный сотрудник, подполковник внутренней службы, он работал во Всесоюзном научно-исследовательском технологическом институте Минмаша в Москве, имеет более 20 авторских свидетельств на изобретения и ряд научных работ, награждён знаком «Изобретатель СССР» и медалями «За безупречную службу» II и III степени. С середины 90-х годов, вернувшись на родину в Галич, посвятил свою жизнь изучению исторического прошлого родного города, продолжая работу своего учителя В.В. Касторского.

Н.В. Сотников 15 лет был сотрудником местного историко-краеведческого музея. Награждён медалью «За заслуги перед г. Галичем».

Свои краеведческие изыскания регулярно печатал в газете «Галичские известия», впоследствии опубликовал их в виде электронных и печатных изданий. В книге «Галич и Рыбная слобода» (Кострома, 2015) помещён и словарь профессиональной и бытовой речи рыбаков Рыбной слободы. В данной статье Николай Васильевич делится с читателями воспоминаниями о том, как в детстве он постигал азы местной рыболовецкой терминологии. О говоре рыбаков Рыбной слободы в Галиче см. также в: [Виноградов, 1914; Танцовская, 2015].

Н.С. Танцовская

Работая над словарём Рыбной слободы, я пытался дойти до сути каждого слова, узнать, как оно появилось в говоре рыбаков, откуда пришло.

Как-то давно, я ещё учился в школе, поехали мы с отцом ловить рыбу *мерёжкой*. В Рыбной это называлось ловить *концом*.

– Пап, а вот сосед Василий Николаевич с Петром Ивановичем ловят *сетями*, а для меня они такие же, как и мерёжка.

– Э-э-э, совсем нет. Сеть, она длиннее вдвое мерёжки и выше, поскольку сетями ловят на глубине. Мерёжкой же ловят на мелководье. Сети просто скидывают из лодки, которая, как правило, делает большой круг, а рыбу в сети загоняют ритмичными ударами колотушки по борту лодки или *ботом*. Это шест с деревянным, а позднее металлическим раструбом на конце. Мерёжку же закидывают с помощью *шеста*, который по длине равен не менее длины мерёжки. На верхней верёвке мерёжки с обоих концов есть петли, за них то и цепляли шест при установке мерёжки. Чаще всего мерёжку закидывают *на два конца*, то есть в виде угла, вершина которого находится у лодки. А потом *са'шат* шестом вдоль концов мерёжки сначала снаружи, а потом внутри угла, загоняя рыбу в сеть.

– А почему поплавки на сетях и мерёжках *дудками* называются?

– Да, как же ещё.

– Ну, поплавок, трубка.

– Да, у нас каждая трубка дудка. Дудка она и есть дудка.

– А *каты'и*? Это же грузило, чтобы сеть стояла вертикально.

– Ну, да. Мы же их сами делали. Брала глину и раскатывали её в виде шара, отсюда и катыш, потом в нём отверстие под верёвку палочкой делали и обжигали в русской печи.

– А вот поплавки для чащёвого невода *кеба'сами* называются, это откуда?

– Да, это от Яицких казаков, мне ещё дед рассказывал. Вот и мы их потомки. А так это люди то наши были, из наших мест, рыбу на Волге ловили, потом на реку Урал ушли. Раньше то она Яйк называлась. Там и осели. Потом Екатерина их обратно в Галич вернула. Вот они нам невод то и привезли и сети научили вязать. А главный поплавок, который в *кутце* привязывался, назывался *атаманом*. А вот *воротни'ца* – дак это уже галичские рыбаки придумали. *Чащёвым*-то неводом рыбу можно было ловить с Мокрого Спаса, с 14 августа, сразу после сенокоса. А до сенокоса, после нереста рыбы-то, ловили воротницей. Она, как невод, но в два раза короче и с крупной ячейей. Мальки-то в эту сеть не попадали, а только крупная рыба. И ловили только с одной лодки. Сначала *прито'н* в воду бросали. Ну, это такой мешок, куда рыба собиралась. Притон обозначался поплавком, который назывался *напла'в*. Потом с лодки невод скидывают, делают круг и подплывают к притону, расправляют его и начинают тянуть невод, загоняя рыбу в притон. Чтобы нижняя кромка притона не поднималась в процессе вытягивания невода, её притапливают специальной деревянной *ви'лкой*.

Так, собственно, каждый мальчишка в Рыбной слободе получал знания о профессии своих отцов, коренных рыбаков.

Невод и *воротницу* всегда *шили*. Собиралась вся бригада, и это был праздник. А вот *сети* и *мерёжки* *наса'живали*.

Для этого, как правило, на дворе (в Рыбной слободе именно так всегда говорили: не во дворе, а на дворе) растягивали две верёвки. Их называли *моча'лом*, потому что плелись из липового лыка. Такие верёвки хорошо стоят в воде и быстро сохнут.

К верхней и нижней верёвке пришивают *полоте'нце*. Это вязаная сеть с небольшой ячейей из тонких х/б ниток. Полотенце привязывалось к верхней и нижней верёвкам, с установкой на верхней верёвке в определённом порядке дудок, а на нижней – катышей. С обеих сторон полотенца к верёвкам пришивался *реж* – это вязаная сеть из толстых ниток с большой ячейей. Такие сети и мерёжки назывались *трёхстенными*.

Рассказ Н.В. Сотникова дополним сведениями из «Словаря слов и выражений, употреблявшихся в Рыбной слободе и редко применяемых в настоящее время», помещёнными в его книге «Галич и Рыбная слобода» [Сотников, 2015]. Выборочно представляем термины рыболовства Словаря, упомянутые в статье, с объяснениями самого автора. Также поместим (выборочно) сведения из того раздела его Словаря, который он назвал «Слова и выражения, употребляемые в быту жителями Рыбной слободы» (с.156–163). Также заметим, что некоторые слова даны в акцентирующей огласовке: Николай Васильевич говорит, что жители Рыбной слободы акали.

Н.С. Танцовская

I

Сеть. Рыболовная снасть длиной 14–15 м с различной ячейкой.

Мерёжка. Что и сеть, но короче в два раза.

Бот, бо'то, бота'ло. Шест с деревянным раструбом на конце (с 60-х годов XX века стали изготавливать раструб из алюминиевого литья).

Шест. Длинная палка с утолщением на конце, загнутым как ложка, и с выемкой на верёвку. Использовался при ловле мерёжкой или сетью на два конца.

Са'шить. Ловить рыбу мерёжкой.

Невод чащёвый. Невод с мелкой ячейкой 5–7 мм, длиной более 100 м. Ловить рыбу этим неводом начинали всегда 14 августа и ловили до замерзания озера.

Ду'дка. Поплавков из скатанной в рулон бересты. Применялась при изготовлении сетей и мерёжек.

Каты'ш. Груз для сетей и мерёжек в виде шаров из обожжённой глины с отверстием под верёвку.

Кеба'с. Деревянный поплавок у невода.

Куте'ц (или **матня'**). Мешок для рыбы у невода.

Атама'н. Деревянный Т-образный поплавок у кутца.

Воротни'ца. Рыболовный невод с ячейкой 30 мм.

Прито'н или **ку'тчик.** Мешок для рыбы, привешиваемый к воротнице.

Напла'в. Деревянный поплавок у притона.

Ви'лка. Шест с рагулиной на конце примерно под углом 90 градусов к шесту. Изготавливалась всегда из одного дерева, для чего его срубали вместе с подходящими по углу корнями. Использовался при ловле чащёвым неводом для угрузки верёвки.

Насаживать сети и мерёжку. Изготавливать новые рыболовные сети и мерёжку.

Моча'ло. Верёвка, сделанная из липового лыка.

Полоте'нце. Пятки, из которых изготавливали среднюю стенку сетей или мерёжек.

Реж. Сетка с ячейкой примерно 100 мм из суровых ниток. Применялся при изготовлении сетей и мерёжек.

II

Ано'мнясь. Изменённое намедни.

Ба'бка. Свая, опора для плота.

Бу'ня, бу'ни. Старая одежда (телогрейка, пальто, брюки, кофты и т.п.).

Ва'ндыш. Сушёная в пещне рыба (галичский ёрш) по специальной технологии.

В за'дниках. Т.е. за домом, в огороде.

Ва'ря. Общая рыба, которую рыбаки продавали, как правило, за водку.

Воры'згаёт. Плещется рыба при нересте.

Ве'гошь. Прошлогодняя осока в траве.

Га'тить. Приводить в порядок огуречник после весеннего ледохода.

Гле'чий. Человек, подбирающий рыбу, выпавшую из крыльев невода при ловле рыбы зимой. Глетчий подбирал рыбу, накалывая её на вилку, привязанную к палке.

Га'личское мо'рце. Галичское озеро на жаргоне рыбаков.

Дуда'. Остатки от тростника, стрелолиста, городка после ледохода на озере.

Ело'ха. Ольха.

Е'сный. Богатый.

Жарато'к. Левый передний угол в пещне, куда сгребали горячие угли при подготовке пода пещни к садке рыбы.

Каба'н. Глыба льда примерно в 1 куб. метр для ледника, хранилища рыбы.

Косты'ль. Водное растение. Стрелолист.

Лепа'к. Небольшой лещ.

Лы'ва. Земля для выращивания огурцов, добываемая со дна озера.

Лу'нка. Круглое сооружение из навоза для выращивания огурцов.

Ми'щий, ми'щая. Нищий (нищя), т.е. человек, собирающий милостыню.

Моли'ть калачи'. Обряд перед началом чащёвой.

Не ка'нут. Не текут, например, сапоги, галоши.

Но'ша. Тонкая верёвка с петлёй на конце. Применялась для переноски сена, свежескошенной травы.

На вону'. На озере, на открытом море.

Наслу'да. Выжатая льдом вода из озера и вновь замёрзшая на его поверхности.

Но'рост. Нерест рыбы.

Нена'ший, ле'ший. Самые ругательные слова у рыбаков до середины XX века.

Причерёженные лодки. Лодки, привязанные у плота.

Пло'т. Место, где происходила первичная обработка рыбы в чащёвую.

Примыва'ться. Делать уборку в доме, мыть полы.

Подыма'ло, подыма'лка. Металлическая лопатка, которой переворачивали вандыш в пешне.

Помело'. Метла для подметания пода пешни при изготовлении вандыша.

Рого'зка. Часть изгороди из тростника.

Рыбёнка. Так в Рыбной слободе называли рыбу.

Руни'тся. С наступлением холодов рыба собирается (рунится) в стаи и уходит на глубину.

Си'тник. Корешки озёрной травы (городка), используемые весной в пищу.

Селёдок. Щурёнок, маленькая щука.

Са'дка рыбы. Загрузка сырой рыбы в пешню.

Сукряная рыба. Рыба с икрой.

Треста'. Озёрный тростник.

Тросте'ник. 3–4 ёлки или можжевельника, связанные между собой вершинами. Применялся при ловле саком.

Уго'да. Участок водяной акватории с куском берега, где устанавливались крылёны, тростеники или сети.

Хило'к. Холодный резкий ветер (зимой с морозом).

Фарао'н. Общее прозвище жителей Рыбной слободы.

Чело' или рото'к. Отверстие в русской печи или пешне.

Шешу'к. Небольшой окунь.

Шесто'к. Площадка перед челом у пешни или русской печи.

Библиографический список

Виноградов М. Галичское озеро и Галичский рыболовный промысел // Труды Костромского научного общества по изучению местного края. Вып. 1. – Кострома, 1914. – С. 5–59.

Ганцовская Н.С. Словарь говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова; М.: Книжный клуб Книговек, 2015. – XXXI. – 512 с.

Сотников Н.В. Словарь слов и выражений, употреблявшихся в Рыбной слободе и редко применяемых в настоящее время // Галич и Рыбная слобода. Конец XVIII – середина XX вв.». Историко-краеведческое издание. – Кострома: Линия График Кострома, 2015. – С. 148–164.

Тепловодская А.А. (Красное-на-Волге)

У КАЖДОЙ ПРОФЕССИИ ЕСТЬ СВОИ КАКИЕ-ТО ТАМ СЛЭНГИ...

В материалах приводятся записи А.А. Егоровой (Тепловодской) в виде отдельных текстов речи ювелиров молодого поколения села Красного-на-Волге Костромской области. Обилие в них профессиональных терминов и специфических оборотов позволяет считать их образцами ювелирного слэнга нового поколения специалистов своего дела.

Ключевые слова: Красное-на-Волге; красносельские ювелиры; гравернуть; зернь; монтировщики.

Один из авторов нашего сборника Александра Тепловодская (в девичестве Егорова) проживает в костромском селе Красное-на-Волге, которое считают «ювелирной столицей России». Будучи студенткой филологического факультета КГУ им. Н.А. Некрасова, она изучила термины ювелирного дела в речи молодого поколения ювелиров, которую они считают своим профессиональным «слэнгом». Термины слэнга ювелиров явились практической основой её дипломной работы, легли в основу создаваемого ею словаря. Ниже приводятся записи А. Тепловодской рассказов красносельских ювелиров о секретах своего уникального ремесла, подобного которому нет ни в России, ни за её пределами.

Н.С. Ганцовская

Гравера', монтиро'вщики, полиро'вщики, лите'йщики, загото'вщики...

Гравера', мантиро'фщики, палиро'фщики, литейщики, загото'фщики... У каждой профессии есть свои какие-то там слэнги. Я на гравера учился в КУХОме (Костромском училище художественной обработки металлов), работаю уже много лет. Мы ведь гаварим и слоф этих даже уже не замечаем. Вот я граверо'ф-та своих и падраспросил там. Например, *нареза́ть зеркала* – эта чиста па гравернаму делу, кагда *штихелем* делаеш срес, и он должен быть *зеркальным*. Харашо атточены́й штихель, харашо *запалированный носик* у штихеля при срезе даёть зёркала пряма, *зеркальный срес*. *Штихель* – эта инструмент, састающий из ресца и ручки, каторым вырезают арнамент. Кагда срываеца штихель из-за ево затупления или плахой заточки (тут многа причин может быть) и делает бо́разду на изделии, называеца *запустить «зайца»*. *Зде́лать фа́ску* – эта практически то же самое, што нарезать зеркала. Кагда угал острый срезаш, но не обязательно закругляеш, паявляеца *фа́ска* или *фа́сачка*. Накрутить барашки (завитки) в гравернам деле эта *пласкасная гравиро'фка*, не абъёмная, не па штампу, а па *цветнику*, то есть па цветному металлу: золату, серебру, меди. Берёца какой-нибудь *чеканьчик (чекан)* – такое приспособление, при помащи каторава делаеца выемка в метале, кагда ударяеш па нему малатком. Этак *чеканьчик* – железный шток, каторый имеет различную канфигурацию на канце: полукруглый, квадратный, звёздачкай... Очень многа разнавиднастей чекано'ф существует. Вот, значит, пасрещвам чекана наносица *фактура* на нужные места на изделии, эта называеца *заканфарить фон*. *Дражыро'фка, задражырава́ть* – тожэ граверная техника такая, кагда плоским штихелем наносица апределённый арнамент. Такими движениями шагающими. Очень часта в ювелирке требуюца *пласканцы* – тоже инструмент, эта пласкагупцы, только меньшева размера. *Утканосы* – те же самые пласканцы, только носик у них ещё загнут.

Есть такой инструмент, каторый афициальная называеца *«приспособление для растяжки калец»*. Он имеет форму штока такова с ручкай. Кагда делаеш движения паступательные, весь этак шток расшыряеца, и кальцо растягиваеца. Эта у нас называеца *растяну́ть на бурати́на*. Ещё гаварят: *«Иди-ка дифани-ка»*. *Дифану́ть* эта то же, што *атбить на анке*. *Анка с пудзилами* – эта такой абычна куп, и в нем различнава диаметра выемки, полусферы разнава размера на всех шэсьти гранях: ат большой да маленькой. Пудзила па размеру

саатвецтвуют полусферам на этой анке. Кагда туда лóжыца метал, берёца саатвецтвующий пудзил и ударяеца па металлу, ис пластины палучаеца полусфера. Эта и есьть дифануть. *Накрутить на ригель (атбить на ригеле)*. *Ригель* – эта металлический шток, каг бы прут с ручкай, канусавиднай формы, на каторам атстукиваюца кольца для придания ровнай формы. Ну абычна чё накручивают туда... Можна првалку фсякую накручивать. Праработать на *кастаправе*. Не ат слова косьць, а ат слова *каст*. Бывают различные *касты* ка фсяким изделиям. *Праработать на кастаправе* значит выравнять *каст*. *Накатать зёрни*. Абычна так гаварят в *скáни*. *Зерьнь* – эта мелкие шарики разнава диаметра, декаративные элементы. Их напáивают патом на скань.

Гравирнуть можна и па шта́мпу. *Штампóфка* – эта атбивание узора на металлическай загатофке, кагда вырезаеца какой-та арнамент рельефный. С помащью преса праисходит нанесение этава арнамента на пластину металла, цветника. Кагда нада *гравирнуть* кальцо, я беру *шарногель* – эта металлический шар, а на нём тиски. Этат шар находица в гнезде, выемке ис сукна или пласмасы. Устанавливаю ево на паддон, беру саатвецтвующий диаметру кальца палец. *Палец* – эта насатка, на каторую надеваеца кальцо так, штобы ано захадила на серётку этава пальца. Палец закрепляеш в тисочках на шарногеле, падносиш пад микраскоп и начинаеш нужным штихелем арудавать. Гравировать можна фсё, што угодна: серьги, падвески, кольца, кресты... Разница только в тисках. Бывают серьги *калачи*. Вот па ним уш гравирофка-та идёт пласкасная! Рисунак чаще придумываю сам. Например, на кресте. Чего там, нескалька колышкаф и завиткоф.

*Алешонков Сергей Николаевич, 40 лет,
гравер ювелирного завода «Аквамарин». 2011 г.*

Мы иногда разговариваем такими словами, которые понимаем только мы

Я работаю *учёччиком закрёпки* в часнай ювелирной мастерской. И мы инагда разгавариваем такими словами, которые понимаем только мы. Например, *расьтяшка* у нас абазначает переход ат адново цвета г другому в камне. Мы берём кальцо, каторое фсё усыпоно камнями, и нам сказано: «Зьделайте расьтяшку», и мы, например, тянем ат чёрнава г беламу цвет через гулубой, черес синий. Например, сначала идёт чёрный, патом тёмна-синий, патом более светлый, патом нежна-гулубой, фсё нежней, нежней, и он

выходит г белому. Этант перехот ат тёмнава цвета к светламу в лю-
бых камнях называеца расытяшка. Очень расытяшку любят именна
в *драгах* как рас. *Драги* – эта драгоценные камни. *Финики* – эта
фианиты, *брюлики* – бриллианты, есьть ещё *полудраги*. *Цветник*.
Цветник – это кагда нам приходят в работе изделия, и нада зьде-
лать эти изделия разноцветными. То есьть бывает, кагда закащик
просит, штобы фсе камни были белые, а бывает просят, штобы фсе
изделия были разноцветные. Мне приносят и говорят: «Зьделай
цвитничёк», и я смотрю, как они просят, и делаю. А веть *цветник* –
эта ещё и сам метал. *Праздэфка* – эта такая серёжечка, каторая
втыкаеца в дырку уха, а с той стороны выходит в виде цепочки и
висит. Это в асновном, наверна, децкие серёжечки или падрастко-
вые. Мы их завём праздэфки. Они бывают с камнями, бывают бес
камней. Но чаще-то с камнями, почему и знаем их. Нам бес камней
ничё не приходит, потому што мы в *закрепке* работаем. *Печатка* –
это большое мушское кальцо, большой мушкой перстень, иногда
их завут *болты* даже, *гайки*, если уш софсем на сваём: «Опять пол-
кило гаек принесли!». Я выдаю мальчикам в течение работы *наря́т* –
эта значит, я заношу ф кампьютэр апределённое количество
изделий апределённава веса и закрепляю ево за апределённым
закре́тцикам. Например, Кузьнецоф взял у меня трицать семь изъ-
делий восемисят грамм весам. Эта выдаёца ему в виде документа,
я ж ему не семечки аддаю, а золата. Фсё фиксируца ф кампьютэре
и называеца *наря́т*. У меня наряды в аснавном равные для фсех
мальчикаф. Ф канцэ месяца у нас *зачи́стка* бывает, эта кагда при-
водит стол закрепщик ф парядак, *заметáеца*, эта значит падметаёт
весь *апи́лак*, каторый он за месяц насверлил. *Апи́лак* – эта струшка
залатая. Надо было камушек паставить, но ему была мала места, и
он высверлил месытечка. Эта золото у него капилась цэлый месяц,
струшка залатая. Паэтану я прихажу и гаварю: «Заметáемся, щас
будет зачи́стка». И они фсё это дело плавят, в адну *бу́льку* сплав-
ляют. *Бу́лька* – эта слитак металла залатова, каг бы манетка, но не
ровная. Фсё, што замели, они несут ф *пая́лку*, то есьть туда, где па-
яют, и струшка переплавляеца в бульку. Я эту бульку взвешиваю и
сма́трую, как они *закры́лись*. Они мне ф принципе, што высверлили,
должны и здать па граммам. Там даёца працент патери, и они далж-
ны убираца в этант працент. Насы́тя, у меня напарница, работает на
брилиантах, и ана, значит, гаварит: «Мне фсе *брюлики жолтые*
пришли!» Эта значит, пришли бриллианты плахова качества. Они
более непрозрачнава цвета, бриллианты нискай характерисытики,

жолтые, и эта не фсе закашки терпят. Но некоторые просят специальна дешовые бриллианты. Што па форме камня, то крук, авал, треугольник, квадрат – эта фсё панятно. Вот есть ещё *груша*. На сам-та деле эта *капля*. Мне приходит документ, на нём написана: «Капля пять на три, лаванда». Лаванда – цвет. И я закрепщикам гаварю: «Мне пришли груши, щас выдам, каму не хватала». Или гаварю: «*Зелени* у меня щас нет, нада фсю покупать». Значит, нет зелёных камней. Вот так мы и работаем.

*Сыромятникова Полина Анатольевна, 32 года,
учётчица ювелирной мастерской «Бижеръ». 2011 г.*

Теперь моя профессия эмальёр

Я работаю на Краснасельском ювелирном заводе. Раньше должнасьть мая называлась *чистильщик металла, атливок и изделий металлическими щётками*. Но штобы быть в этой должнасьти, мне нужна обязательно каждый день работать за станком и *карцевать* посуду и изделия. Но сечас *цветника* нет, завод полностью перешол на серебро и на золото. *Цветник* – это цветной метал, меть. Поэтому теперь мая прафессия, так как я уже не за станком и не карцюю, *эмальёр*. Мы пракладываем *эмаль* на серебряную лошку. *Эмаль трактарную*, из обычных банак, которая сушица ф печках при температуре сто семдесят градусаф, но эта температура пастаянно павышаеца, паменьше сначала, патом большэ, большэ. Три полки ф печке, и сушица там лошка, после чево лошка *галтуеца на галтофке в барабанах*. Участак, на которам я сижу, называеца *участак намаски*. Принесли мне работу, я разбираю, значит, лошку, каторую нада галтавать перед эмалью и каторую не нада галтавать, можна сразу жэ рисавать. Галтавать нада в аснавном большие паверхностьи, штобы не всплывала *зелёнка*. *Галтавать* – эта абрабатывать в барабанах металлическими шариками. А *зелёнка* – эта паста *гойя*. Ис таво цэха приходит *лошка шлифованная, шлифовщици*, если её плохо прамоют, то *зелёнка* фсплывает у меня в эмали. Аддала туда, мне её принесли з галтофки, и начинаю рисавать. Шприцы абычные, набираю краску, краска у нас смешиваеца с лакам *эмцэ*. *Эмцэ* сохнет ф печке, а *эмэл* – на ветру. *Эмцэ* смешиваеца с трактарной эмалью, дабавляеца туда растворитель, набираеца в шприцы стеклянные. Если у меня семь цветоф, нада семь шприцоф, семь рас лошку взять туда-сюда. Патом эту лошку ф печку, и фсё. Кагда лошку вытащу, я её *зачищаю*: на палец наматаваю

тряпку, макаю её в растворитель и чищу, штобы лишняя эмаль съ неё убралась. А кольца сразу на *гатовую*, кольца не сушиш нигде, сразу *глазурью*, эта эмаль такая, *глазуревая эмаль* называеца. Сохнет ана на воздухе, пряма ф помещении. Ты красишь, сутки сохнет ана. В глазури есьть такой спосап – *расьтяшка*. Эта один цвет переходит в другой. Например, жолтый в зелёный. Зубачисткай наметаеш её. Кагда покрывеш иконки празрачной бесцветнай глазурью, делаеш эффект *лнзы*. Эмаль кладёш не заподлицо, а выпуклостью такой, и лик у иконки увеличиваеца. Если лик залатица, то мы покрываем фсё, кроме нево, синим лакам, ево виднее. А патом смываем. Ещё прокладываем мы *аконную эмаль*. Берёца изделие, где нет дна, только контур. Да-пустим, у цветка только контур лепесткоф. И мы этой эмалью, глазурью, затягиваем, и на просвет смотриш, как *витраш*. Её па-правильному называют *витражная*, а мы завём *аконная*. Бывае *работа на акту*, мне гаварят: «Кать, зьделаи это па акту». Эта значит, вернули ис таво цеха мне работу, но *касяк* не мой. И я далжна фсё смыть, занава нарисавать. То есьть мне аплатица эта апять, фтарой рас. Есьть такое слова у нас – *калхйда*, то есьть сталовая лошка. Её и в барабан нада по две штуки класьть, а не по пятнацать, как маленькую. У неё площадь бальшая и чаще видны фсякие *царапки*, *непрапалирофки*. Ещё инагда при-ходят *кривые мальчики и девачки*. Щас такую лошку праизвели, у неё идёт *череночек*, а сам *латок*, ис каторава кушают, у неё на-бак. Эта штобы кармить детей удобна. И у неё на кончике черенка мальчик-морячок или девачка. Паэтому мальчики и девачки кривые. Так-та мая асавная работа – эмали, но мы в цехе далжны быть взаимозаменяемы, паэтому инагда *сажусь на аксит*, то есьть покрываю лошку ещё и аксидам чёрным. Раньшэ ещё на *васкофке* работала. Там тожэ фсё па-своему. *Резинки* храняца ф халадильнике. *Резинка* – эта форма, куда заливаеца воск из *ынжэктара*. На тёплых резинках нельзя работать. После таво, как зьделаеш *васкофки*, атливаеш *столбики* – эта такая палачка *васкавая*, на каторую пожжэ выжыгателем приклеиваеш *васкофки*, и палучаеца *ёлка*. *Ёлка* – эта как рас *васкавой столбик*, и на нём *васкофки*. Эту *ёлку литейщики фарбуют*, фставляют в специальную резинку. В асобам аппарате воск расплавица, и места этой ёлки такая жэ, но залатая. Патом с *залатой ёлки* изделия и *литники* апстригаюца. Щас ещё специфика новая пашла, што в *васкофки* сразу жэ крепят камни и ужэ атливают с камнями

изделия. То есть *закрепцики* как таковые предприятию не нужны, *васкафицы* сами крепят камни.

*Егорова Екатерина Анатольевна, 29 лет,
эмальер ОАО «Красносельский ювелирпром», 2011 г.*

Тугарина Н.С. (Щельково)

ПЕТРЕЦОВСКИЕ РАССКАЗЫ

В рассказах-воспоминаниях Н. С. Тугариной о работе в поле, бытовом общении старых и малых жителей деревни Петрецово Вохомского района Костромской области, её земляков, содержатся точные сведения об этнодиалектных особенностях края.

Ключевые слова: *деревня Петрецово; река Вохма; сенокос; стожар; наберуха; бурнучок.*

Нина Семёновна Тугарина окончила филологический факультет Костромского госуниверситета им. Н.А. Некрасова и много лет работает заместителем директора по научной части музея-заповедника «Щельково». Родом она из д. Петрецово, некогда центра сельского совета Вохомского района (теперь это Никольская сельская администрация), прекрасно знает говор родной деревни и никогда не прерывает связи с земляками. Её диалектные записи, рассказы-воспоминания о разных сторонах жизни своих деревенских соотечественников всегда документально точны и насыщены фактами местной речи.

Н.С. Танцовская

Рассказ Анны Петихи о сенокосе

Деревня Петрецово находится на правом берегу реки Вохмы, в 10 километрах от районного центра. Сельскохозяйственная деятельность была традиционной – выращивали зерновые, лен, картофель, занимались животноводством. Особым временем был сенокос.

О-ой, в сенокос-от не посидишь эдак-то, как мы-то тут сидим, некогда, роботать наде. Мужыки-ти косить часа в четыре уходили, роса, да и не жарко. Косить-то хоть и нехитро, а уменье нужно'.

Иной всю жысь коси'т, а всё токо траву рвёт. Устанёт пушшэ, а толку мало. Пятку-то эдак к земле надо прижимать, а носок-от чтобы повыше брать. На поясе-то налопатошник с бруском, точили ко'су-то.

А бабы-ти устряпающа, дак тожо к реке идут часоф-то в шэсь. За рекой луга-ти. А робятишки-ти уш потом, как ворочать поспи'ёт. Поворочают, потсо'хнёт, да потом и в валки, а уж потом и копнить. Сток-от сметать немало роботы-то. Мужыки-ти место делают, да не в калужи'не какой, повыше выбирают, да штобы и сена-то было, таскать-то бы не больно далёко.

Остожье делают: стожар ставят, колья кругом, да перевяжут крепче, да веток вокруг кладут побольше. Копны-ти на носилках носят да на волокушах таскают. Носилки-ти? Да две жэрди – вот и носилки. Подоткнут копну-ту да и несут к стогу. А кто помоложе из робятёшок-то, те подкопenniки загрёбают, носилки-ти не смогают еще носить. Да чажоло, как нечажоло, да ко'пны-ти большие как накладывают, да комары-ти, али пауты облипят руки-ти, а не брошишь копну-ту, так и несёшь, бывало.

На сенокос-от платья-ти али юпку с кофтой белые накидают, ну али цветами. Уж коли на сенокос какая баба белого платья не на'шивала, про ту чего и говорить. Да вот не фсё ровно! Жарчее в черном-то, да пауты облипят, куды побежышь? Платок опять же чистенькой штобы. День поносишь и стирать, потеешь дак. Да босиком-то нельзя, обуток нужо'н. Прошлась бы по скоскам-то, почему, так узнала бы, разе можно.

Волокуши-то? Да парнишки, невелики которые, лошадь запрягут, да деревца молоденькие им срубят да к оглоблям-то привяжут, дальние копны-ти и таскают к стогу. А мужыки стог мечут, на место-то так и кладут пласты-ти, вокруг стожара-то. А как повыше будет, на стог-то ставят кого, бабу али парнечка побольше. Пласты-ти берут на вилы на деревянные, да и мечут, эдак пластик за пластиком, а кто стоит на стогу-то, придёржит, уравнивает да прихлопывает, да говорит иной раз куды подать-то, чтобы ямины-то где не было, не просело бы.

Слезать-то как? Да, как свершат, дак слезать наде. Вилы подают, присядут в серединку-ту, да так и спускают потихоньку по стогу-то. А коли высок стог-от, дак верёвку кидают, с другой-то стороны и спускается на верёвке. Стогов-то намечут, любо поглядеть. Уладят, ухлопают да очёшут, стог-от как яичко, снизу-то пуще очёшут да подоткнут. Очёсывать-то зачем? Или баско неочесанный-то? Да и дождем не так мочит.

Лето-то всякое бывает. Иной год уж ленивой сена не запа-сёт, а иной год не знаёшь, как и управиться. Только высушишь, не успеешь сгрести, а тут дош. Большой-то дош и в копнах про-мочит, потом рострахивать. А смечут не больно сухо, дак жердь еще втыкают в стог-от, не гриётся ли сено-то. Выташшат потом, да пошшупают, как тёплая жерть-та, дак отволгло сено-то. Чего де-лать, чего делать, разбирать стог-от наде, да перемётывать. А то труха да пыль белая будёт, как скотину-то кормить, нельзя, захво-рять можот скотина-та.

Вот в эдакое лето без дела не сидишь, а толку мало, и сено худое. Иной раз отобьётся совсем, ну не высушить никак, дак на островье мечут. Как, да вот как. Место-то сделают, да колья-ти суч-коватые берут, так и мечут, сено-то и не слёживается, продуваётся.

А так, ой, стогов-то наставят, да потом еще огородят. Зачем-за-чем, а чтобы коровы не ели. Гоняют их потом в луга-ти за реку. Да не утонут, небось, сплывут, как глубоко. Стога-ти оне любят ковы-рять, не столь съедят, сколь растаскают. А так ведь отава хорошая вырастаёт, наёдаются.

А так бывало хорошо, обед сварят часоф эдак в 9, да и паужну, ну, это уж часа в два повариха вари'т, да ей еще парнечка поварён-ка дадут, помогать – котлы установить, да воды принести, да дров, мало ли дела-то. И лошадь он запрягаёт. Место у ключика где вы-бирают, али у реки. Брали и из реки, воды эстоль, дак куды еще по воду-то? Не, не хворал никто, и пили прямо из реки-то. Только в посудину-то супротив течения нельзя черпать. Ну, на дне быва-ло песку отстаивалось немного. Чего варили? Суп и мясо давали в колхозе, кашу ещё али гороховицу. Чай кипятили в котле, травы бросали, зверобою, вот и заварка, баско заварится. Да с собой хле-ба брали, да молока кто или яиц, в тенёчке где оставят, дак ниче-го, не портилося. Ну, огурцов ли, помидор ли, луку, чего выросло. В паужну-то и здремнуть иной раз успевали. Только голову-то по-ложышь бывало, тут жо ровно сон какой взвидишь, притягваёт земля-та.

Как на берегу-то сенокосили, дак робятёшки маленькие при-бежат к маткам да к батькам, а за реку-то бродом. Да ничего, за-ходили с запеска, да наискось в прогалинку меж ивняка-то. А чуть не туда ступи, дак в закось того гляди попадёшь, с головой скроет.

Домой-то уж часов в сем провадятся, потихоньку идут все с гра'блями да с коса'ми к перевозу. Робятёшки-ти устанут шибко, а дойдут до реки-то, искупаются, дак ровно и ничего, в клуб на

Сенькино еще соберутся на ночь-то глядя, а утром-то опеть ставай, да к перевозу.

Петиха-то пошто? Да по мужыку зовут, али по родне. Вон рядом-то Санька Изосиха живет, а там вон насупротив-то – Валя Витиха, а в том-то дому опять Нина Украинка, мужик-от иё с Украины привёз, в армии был дак. Оттоля от угора-то по леву руку свернуть, так Анна Аркашиха да Вера Бригадириха, мужик-от у иё бригадиром был. А в низ-от туды повернуть – дак Санька Олина, да Надя Олёшкина. Так и живём.

Словарь к тексту

Налопа'точник – плетёный из бересты футляр для бруска (лопатки).

Калужи'на – низина, где во время дождя собирается вода.

Осто'жье – место для стога.

Стожа'р – длинная, укрепленная в земле жердь, вокруг которой сметывается стог.

Волоку'ша – особая упряжь лошади для подвоза копен к стогу, когда к оглоблям крепят срубленные молодые деревца и связывают между собой.

Подкопе'нник – сено, оставшееся после унесенной на носилках копны.

Паут – слепень.

Накида'ть – надевать.

Обу'ток – обувь.

Ско'ски – стебли травы после покоса.

Парнечо'к – мальчик, чаще подросткового возраста.

Ба'ско – хорошо, красиво.

Отво'лгло – стало влажным, отсырело.

Островьё (острови) – особым образом сделанное остожье, с сучковатыми колыями.

Ота'ва – выросшая после покоса трава.

Обед – перерыв на еду, около 9 часов утра.

Па'ужна – перерыв на еду, около 14, 14.30 часов дня.

Э'столь – столько.

Горо'ховица – разваренный горох, часто с добавлением растительного масла.

Взви'деть – увидеть быстро, мельком, неотчетливо.

За'песок – песчаная отмель в русле реки.

За'кось – углубление в песчаном дне.

Старый да малый

Беседа маленькой девочки лет 5–6 и соседки бабушки, которой за 70. Деревня Петрецово Вохомского района Костромской области, начало 1960-х годов. Разговор начинается девочка, подражает взрослым.

– Несколь ты себя не жалеешь, бабушка Васелиса. Картошку-то розъехали, дак эдакий-то огородчик за уповод прошла, все глызы обухом разбила.

– Испристала, оттоля от дороги-то красица гольная, жошко, как не разбивать-то.

– Да много ли тебе одной-то надо?

– Дакеть помирать собирайся, а полосу сей.

– Уж ты, бабушка Васелиса, живи да живи, а то куриц-то из ячмени кто гонять будет? Одна-та я с имя не совладаю. Тепло на воле-то, сиди в ограде у себя на бурнучке да грейся. Вон, Наталью Дорофиевну пуше тебя согнуло, да летами еще по губы ходит, рыжиков однех по наберухе носит.

Словарь

Неско'ль – нисколько.

У'повод – время между обедом и павжной и ужной, половина рабочего дня.

Глы'за – ком земли.

Исприста'ла – сильно устала.

Отто'ля – оттуда.

Краси'ца – красная глина.

Жо'шко – жёстко.

Да'кеть – так ведь.

С имя' – с ними.

Совлада'ть – справиться.

На воле – на улице.

Бурнучок – выступающая часть крытого крыльца.

Губы – грибы.

Набе'руха – корзина.

НАРОДНОЕ МАНТУРОВСКОЕ СЛОВО

Материалы А. А. Хлябинова содержат сведения о топонимах, названиях рек, озёр, сенокосов, грибных и ягодных мест и т.д., диалектной и арготической лексике и фразеологии в речи жителей Мантуровского района Костромской области, главным образом жителей деревни Усолье на левом берегу Унжи.

Ключевые слова: усольские жители; мантуровские края; левый берег Унжи; жгонить; язык пимокатов.

Александр Хлябинов – заметная фигура в культурной жизни Мантуровского района, учитель, поэт и краевед. Будучи студентом филологического факультета Костромского пединститута им. Н.А. Некрасова, он написал курсовую работу по особенностям жгонского языка (тайного языка пимокатов) на своей родине, познакомился с А.В. Тромовым и в дальнейшем не прекращал это своё занятие. А. Хлябинов много печатается в районной газете «Авангард», и большая часть его публикаций посвящена народному слову. Как он сам говорит, основная цель его газетных заметок такого рода – «приобщить молодёжь к русскому слову, напомнить землякам-мантуровцам, что сначала было слово, а не магазин». И далее он сообщает: «После каждой публикации телефон долго не умолкает. Это радует. Люди подсказывают темы, называют слова, которые я, бывает, слышу в первый раз».

Мы выборочно печатаем материал его заметок, так как это важно для понимания особенностей мантуровских говоров и в определённой степени дополняет труды А.В. Тромова. Вообще надо сказать тёплое слово и о редакции газеты «Авангард», где, по словам его редактора, «великий и могучий» поселился на страницах газеты и где читатели с нетерпением спрашивают: «А в эту субботу будут новые словечки в газете?». Редакция говорит: «Спасибо Александру Янтольевичу Хлябинову. Его интересные заметки-рассказы полюбились читателям, да и, правду сказать, мы их тоже в редакции ждём с нетерпением». Действительно, в каждой его статье содержится ценный материал по диалектологии, социальной и территориальной, этнолингвистике, топонимии.

Н.С. Ганцовская

Неказисто дерево, да вкусен плод

Живут рядом с нами люди, которые знают наш мантуровский край, как свои пять пальцев. Е.А. Соколов с Лесобазы... в курсе не только названий, но и «норова» некоторых рек и речушек, которые нашли прописку в Мантуровском районе. Таких как *Чернавка, Ханюг, Малая и Большая Прянга, Хмелёвка, Болть, Меремша, Вестомша, Пушкина, Кондоба*.

Он также расскажет, где находятся ягодники, грибные места с названиями *Благуши, Прямая верста, Избушка Тапзана, Земляной мост* и даже... *место, «где Миша слепой ботинки съжёт»*.

Е.А. Соколов знает в «лицо» и наши озёра: *Кругленькое, Ока-тиху, Матрёнкино, Реконское, Милютинское, Ересьяньское*. Не забыл он и названия сенокосов: *Панин бор, Ефремова ямка, Горохово поле, Шаниха, Лебяжжье, Подвесной мост, Хутор Красный*.

Приятно побродить с *пестером* (плетёным из бересты кузовком) по лесу на левом берегу *Унжи* в нескольких километрах от *Усоляя*. <...>

Кое-где ещё густо не заросли *чапыжником* (кустарником) *кулиги* (сенокосные поляны). Некоторые луговины уже *замшиарели* (покрылись мхом). Одна из тропинок ведёт к *Солянке*, целебному источнику с солёной водой.

В лесу – покой и умиротворение, *бассеть*, как говорят усольские старожилы. Замечу, что народное словотворчество учит видеть в обычном – необычное, в быте – поэзию. Лес и всё, что с ним связано, тут не исключение. *Неказисто дерево, да вкусен плод. Остёр топор, да и сук зубаст. В лес дров не возят, в колодец воду не льют*.

В наших краях не счесть любителей грибной охоты <...> Белые грибы, бывало, пойдут – хоть косой коси. Особенно много их на *выгарях*, или, по-другому, *горельниках* – местах. Где больше сорока лет назад бушевали пожары.

Волнушки, лисички, попутницы обычно растут *мостами* (семьями). Грибы попрятались – не стоит *благовать*... *Напростец*... из леса не уйдёшь. Не жалей ног – и *нашибёшься* (нападёшь) на ягодную поляну, которую пока что не *ошестеперил* какой-нибудь *гомоза* (шустряк). <...>

На природе волчий аппетит, *едун напал*... В один присест *опрядёшь* взятый с собой *тормозок* (котомка со съестным)... Небо вот-вот *разъяхнётся* (разверзнется, раскроется), начинает накрапывать дождик. Пора *совитониваться* (*собираться*) *домой*.

Бывало (до мобильной связи), *отемняешь* – встретят тебя домашние словами: *«Где блондишься, уж мы все жданки съели»*.

«Ты, Матаня, пой, не пой»

Время от времени мои пути пересекались с Александром Гавриловичем Дроздовым. Дядя Сано – так уважительно звали его усольские жители.

Александр Гаврилович – труженик, коих поискать, всю жизнь отдал колхозной работе, фронтовик. В молодости он «жгонил», знал много слов из языка пимокатов. Александр Гаврилович был знаком с А.В. Громовым, который собрал уникальный словарь жгонской лексики. Жгоны разговаривали на своём языке в присутствии чужих людей, которых нежелательно было посвящать в секреты ремесла. *«Седмают массы белеховые, слухмают, ни бельмеса ни чинжают и токмо михорками помихоривают»* (Сидят мужики деревенские, ничего не понимают, и только глазами хлопают). Речь здесь идёт о той местности, где жгонили мантуровцы, разговаривая на условном языке.

«Сенокосничать-то не начал, Натолить? – бывало поинтересуется Александр Гаврилович. – Я помаленьку тяпаю». Сенокосная пора в Усолье начиналась обычно после Петрова дня (12 июля). *Неудобья, гуменники* в свободное от работы время сельчане *обкашивали* косами. Коса должна быть *водкой* (от слова *водить*), т. е. такой, чтобы хорошо срезала траву. Для этого косу необходимо *поклепать* – вытянуть режущую часть. Во время работы инструмент точили специальным *брусом*, который хранился в футляре – *налопатошнике*. *Покой дорогой* на душе сельчанина, если погода *обведрит*, без дождей. Худо, когда *заоблачает*. Тут уж работай, *взвастривай*, не жалея сил. Надо быть искусным *метальщиком* (тот, кто подаёт пласты сена на стог). Бывает, *кожилятся* мужик (трудится через силу), а в результате получается не стог, а *стожок – одёнок*. Не каждый может быть и *стояльщиком* (тот, кто на стогу принимает сено). *Нашошишь*, жгонское – плохо утрамбуешь *овершые* – дождями прольёт стог до основания.

С сенокосом в наших краях связано немало разного рода историй. Как-то муж с женой уже *вершились* (заканчивали метать стог), как супруга что-то брякнула не по делу, досадила второй половине. Тот *с несмога сердца* (обидевшись) воткнул в землю вилы *трёхрожки* и... ушёл, оставив благоверную на стогу. Пришлось страдальце некоторое время *куковать* там, держась за вершину *сто-*

жара (шест в середине стога), чтобы не полететь *наутык башкой*. Самостоятельно же спуститься с *верхотуры* – дело рисковое. *Смикитила*, что в дальнейшем с языком надо быть поаккуратнее.

Заканчивается сенокос в Усолье *стожарницей* (небольшим за-
стольем). Под гармонь пели *приговорку* – другую.

*Приезжали меня сватать
Конопатый и рябой.
Я рябому отказала,
Конопатый будет мой.
Кто-то из мужчин ввернёт:
Ты, матаня, пой – не пой,
Я тепере стал не твой.
Галифе мои суконные
Понравились другой.*

Слово толковое стоит целкового

Разные люди живут рядом с нами. Есть, к сожалению, *аушные* – жадные, алчные. Встречаются *кулёмы* – небрежно одевающиеся женщины. Попадаются и *нетунахи*, люди, у которых в любом деле всё шиворот-навыворот. Мало приятного иметь дело с *бороной*, любителем *принять за воротник* и позадираться. Не хочется общаться с *полубельым*, с *пустобяжкой*, с *рахаем*, с *нюней*, с женщиной *хабалкой*.

К счастью, живут возле нас и другие люди. Большинству мантуровцев *неколи блондиться*. Нет у них времени и на то, чтобы рассказывать – вести пустые разговоры. Не умеют они выполнять работу *кумельчой* – кое-как, наскоро. Работать так работать, чтобы *упахаться* – устать. Но и усталость не помеха любителям даров природы. *Прямушкой* (тропинкой) идут они в суболоть по ягоды. Бывает так, что приходится ходить по *оборышам*, т. е. там, где кто-то уже опередил сборщиков даров природы.

Разварзавишись с делами, деревенский труженик хорошенько *шкварит* печь в бане, *бздаёт* на каменку. В бане от любой хвори *отудобеешь* (выздоровеешь). Но делу время, потехе час. Нет-нет, да и услышишь в деревне частушку:

*Про меня наговорили,
Про меня набаяли.
А я выйду, запою,
Чтоб ещё добавили.*

Кто такая тетюха и забаяна?

В наших мантуровских краях слишком *кубатуристых* дам издавна с подковыркой называли *тетюхами*, *беберями* и *трубицами*. С другой стороны, женщины, у кого *живот к спине прирос*, тело – *кожа да кости*, многим сельчанам тоже были *не по мысли*.

В разговоре со своей *товаркой* когда-то одна *беседница* так отозвалась о *сговорёнке* (сосватанной женщине): *шкилетина. Не шибко баска. Руки, как плети, ноги, будто мутовки. Жалоба глядеть. Ещё в деревне Фатьяново говорили: сватья на свадьбу спешила, сарафан на мутовке сушила.*

О мужчине говорили так. Важно, чтобы муж был не *гнетень* (с тяжёлым характером), не *закутаско* какой-нибудь (гуляка), не *валёк* (ленивый), с кем семья будет перебиваться *с колоты на молоты*.

Кто из женщин не мечтает о супруге, который *на обухе рожь обмолотит, зерна не уронит*. Кому не хочется, чтобы дети росли не *отесками, зырзеями*. Разумеется, и сама женщина должна быть, как *вьюшка*. Мужчинам хочется, чтобы с утречка стояла еда *котюрем*, они могут и губы надуть, услышав такие вот частушки:

*У мово-то у милёнка,
У мово милёночка
Уши хлопают по шее,
Как у поросёночка.*

Печь поёт

С детства греют душу сельчанина слова, имеющие отношение к русской печке: *горнушка, загнётка, шесток, печурка, боров* (часть дымохода).

Если ноги к концу зимнего дня *остамели* (затекли) или кто-то *обезручел* – забирайся на печку. Она любую хворь из человека вытянет. Он вновь будет двигаться *прытко*, как *савраска*.

Кушанья из русской печи – это мечта любого *нажористого* (любителя вкусно поесть) человека.

Помню, мы, ребята, в морозный день *заметались* (забирались) на печку, сколько поместится, и *дурили* (шумели) там до тех пор, пока не *оголосится* бабушка: «Долго вы ещё там будете гнуться, кобыляки непослухмянные!» <...>

А сколько частушек сложено нашим народом, в которых есть слово *печка*.

*У залётки, у бахвала
В воскресенье печь упала.
У него, у хвастуна,
Завтра вырастет стена.*

А вот ещё.

*Во сегодняшней ночи
Заблудился на печи.
Светит солнце на восток,
Насилу вылез на шесток.*

Ах, печка, печка, барыня-печка! Мне кажется, мало ты ещё вос-
пета за свой добрый нрав в стихах и прозе. Впрочем, вохомский
поэт Л.Н. Попов отозвался о тебе так:

*...Печь поёт...
Добром да ладом.
Дарит дом, а в холода
Что ещё от жизни надо
Нам в нестарые года?!*

Библиографический список

- Хлябинов А.А.* Кто такая тетюха и забаёна // Авангард (Мантурово). – 2016. – 16 января. – С. 3.
- Хлябинов А.А.* Неказисто дерево, да вкусен плод // Авангард (Мантурово). – 2016. – 6 февраля. – С. 3.
- Хлябинов А.А.* Печь поёт // Авангард (Мантурово). – 2015. – 17 декабря. – С. 3.
- Хлябинов А.А.* Слово толковое дороже целкового // Авангард (Мантурово). – 2016. – 4 ноября. – С. 3.
- Хлябинов А.А.* Ты, матаня, пой не пой // Авангард (Мантурово). – 2016. – 2 января. – С. 2.

SUMMARY

BASIC ISSUES OF DIALECTOLOGY

Andreeva E.P.

Vologda State University

ep-andreeva@bk.ru

IMAGERY BASE OF COMPOUND NOMINATIONS IN REZHA DIALECT

The article deals with compound nominations in the dialect of the rural settlement of the Vologda region. The author discusses the linguistic status of compound nominations, describes the features of functioning of compound nominations in folk speech and shows the importance of their study in culturological aspect. The analysis of inner form of these language units allows to show peculiarities of world perception of the dialect society.

Keywords: dialect vocabulary; compound nominations; motivation; inner form of the language unit.

Bazhenova T.E.

Samara State University of Social Sciences and Education

tatyabazhenova@yandex.ru

TO THE QUESTION OF REGIONAL SPECIFICITY OF THE SAMARA DIALECTS' VOCABULARY

The article aims to considering the semantic paradigms of specific dialect words denoting natural objects of Samara region as a part of the territory along the river Volga. The special attention is paid on dialect names of the natural objects. The research reveals the high semantic capacity and well developed variability of dialect words. Lexemes marked on linguistic maps obtain more specific information on the typology of Samara dialects. Lexical units alongside with facts of other language levels can be used for diagnostics of typological features of various folk dialects. That fact provides to the researcher the possibility of complex characteristics of late-formed dialects. The observation of maps reflecting particular features of typologically set off dialects is made.

Keywords: the Russian language; dialect; Dialectology; the linguistic landscape; system relations; dialect dictionary; nature; Volga region.

Baklanova I.I.

*Perm State Humanitarian Pedagogical University
ii-baklanova@mail.ru*

**NEGATIVE SENTENCES WITH *NO*,
THERE WAS NO COMPONENTS
IN THE RUSSIAN SPEECH OF PERM KRAI
KOMI-PERMYAK OKRUG CITIZENS**

Dialect negative sentences with *no*, *there was no* components, recorded in contemporary Russian speech of Perm krai Komi-Permyak Okrug citizens, are analyzed in the article. Their structural diversity is revealed: from mononuclear impersonal *Brother is not present, there was no soap*, typical for the Russian language on the whole, to two-member dialect sentences: *there is nobody, there was no paint*. It is shown that regardless of a form, the meaning of these sentences is typical for mononuclear impersonal, structural feature of which are negative components, such as *no*, *there was no*. Semantic structure of the analyzed sentences is the lack of an object, person, or condition. It is surmised that sentences like *there was no paint* is a result of direct translation of similar Komi-Permyak sentences: *Челядьыс эз вёлö* (literal translation 'Children were not').

Keywords: dialect syntax; two-member sentence; impersonal sentence; negative construction.

Batyreva L.P.

*Shuya Branch of Federal State Budget
Educational Establishment of Higher Vocational Education
"Ivanovo State University"
sgpu@sspu.ru*

**DIALECT VOCABULARY IN THE HISTORICAL
AND BIOGRAPHICAL SKETCH
"THE STORY OF A RUSSIAN SOLDIER"
BY A.N. SIDOROV: LEXICAL-SEMANTIC
GROUP "HOUSE"**

In this paper examines the territorial "connection" of dialect lexical-semantic group "House" as it is used by A.N. Sidorov in his autobiographical sketch "The Story of a Russian soldier".

Keywords: dialectology; lexicology; lexical-semantic group; written sources; inartificial written language; people's memoirs.

Bakhvalova T.V.

*Orel State University named after I.S. Turgenev
btv-orel@yandex.ru*

**THE VOCABULARY OF WEAVING IN THE OREL
DIALECTS: THE NAMES OF THE ARTIFACTS WITH
NUMERIC BASE MORPHEME**

The article is devoted to the analysis of vocabulary Oryol dialects. The fragment of the terminological system "weaving" is considered. Names of byordo – a component of a hand loom – and names homespun cloth are analyzed.

Keywords: the Orel dialects; the vocabulary of weaving; semantics; derivation.

Bekasova E.N.

*Orenburg state pedagogical university
bekasova@mail.ru*

**ABOUT FEATURES OF CHANGE OF LEXICON IN THE
ORENBURG RUSSIAN DIALECTS**

In this article are considered the main directions of reorganization of a lexical system the Orenburg Russian dialects which belong to those types of secondary resettlement dialects which underwent considerable changes of the systems. However in them quite often remain "how many" former lexical wealth which within eight years of stay in Orenburg oblast was fixed by V.I. Dal'. The main directions of change of lexicon in the Orenburg Russian dialects allow to track comparison of data of the dictionary of V.I. Dal' to dialect records of the XIX–XXI centuries and N.M. Malechi and B.A. Moiseyev's dictionaries.

Keywords: Orenburg Russian dialects; in dynes of lexical structure; V.I. Dal'; N.M. Malechi; B.A. Moiseyev's dictionary.

Bondaletov V.D.

*Penza State University
vasdanbon@mail.ru*

**ARGOT – A UNIQUE SOURCE
OF A NATIONAL LANGUAGE**

Every national language has three forms of existence: a) a literary language, territorial dialects, social dialects. The paper deals with diglossia: a) the cant (ofensky dialect, argot) of peddlers and b) the territorial dialect (national language) of seasonal workers of the 18th – 20th cc. Thousands of

words invented by peddlers and seasonal workers are neologisms (apart from concealed, “hidden” words). Their scientific analysis shows regularities which are of great value in the assessment of particular argot expressions and of general mechanisms in the life and functioning of the basic component of this diglossia – the national language.

Keywords: language forms of existence; literary language; territorial dialects; social dialect (argot, jargon, slang); diglossia (cant + national language).

Bondarenko E.D.

*Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin
elena.kazakova@gmail.ru*

ON THE ISSUE OF THE STRATEGY OF DEFINING IN AMATEUR VOCABULARIES OF PATOIS-SPEAKERS

The article is devoted to features of naive interpreting of words in amateur dialect dictionaries. The author analyses the strategy of a naive defining, correlates the choice of this or that strategy (identifying, classifying, characterising) to intensions and tasks of dictionaries' authors. The choice of this or that aspect of a word meaning is significant for naive lexicographers as well, in the author's opinion: a word as designation of a subject of reality; a word in the language system; a word in communication act. What is the material for the article, are 13 author's dictionaries of patois-speakers fixing words of the Arkhangelsk, Kostroma, Chelyabinsk, Sverdlovsk patois, as well as Russian patois of Khanty-Mansi Autonomous District and Lithuania.

Keywords: dialectology, lexicography, naive linguistics, amateur dictionary, naive definition.

Bunchuk T.N.

*Syktuykar State University
tbunchuk@mail.ru*

VERB MEANING ' EATING ' **IN THE NORTHERN RUSSIAN DIALECTS**

The paper deals with the lexical-semantic development of eating in the northern Russian dialects. Identifies patterns of word formation of words, the conceptual idea underlying the idea of making food.

Keywords: dialect; Northern Russia says lexicon; motivational model.

Burykin A.A.

*Institute of Linguistic researches of the Russian Academy
of Sciences, St.-Petersburg
albury@rambler.ru*

**KOSTROMA: AXIOLOGICAL CONTRASTS
IN TOPICS OF A COUNTRY TOWN
(IMAGES OF A TOWN OF KOSTROMA
AND ITS INHABITANTS OF KOSTROMA
REGION IN RUSSIAN LITERATURE OF XIX –
BEGINNING OF THE XXTH CENTURIES)**

Article represents experience of sample and the analysis of the citations connected with characteristics of a city of Kostroma and inhabitants of Kostroma province on materials of the Russian literature of second half XVIII – has begun the XXth centuries. Orientation to completeness of examples of a mention of Kostroma shows new characteristics of a city and edge in the literature and can form a basis for further регионоведческих researches.

Keywords: topic of Kostroma; axiology; antinomy; context.

Vasiljeva O.V.

*Saint Petersburg State University
o.vasilieva@spbu.ru*

**THE SIGN OF USE IN PSKOV OBLAST
DICTIONARY WITH HISTORICAL DATA**

Dictionary full type pays attention to the smallest semantic and grammatical nuances that are given after the sign of use. The article deals with all cases of use prescribed in the second edition of the use of signs, as well as all cases of use of the mark in the 25th part of the Dictionary.

Keywords: dialect lexicography; Pskov; dictionary.

Vinogradova P.P.

*Kostroma State University
vpp.home@gmail.com*

**LEXIS WITH THE ROOT ПЕК-/ПЕЧ- IN KOSTROMA
PATOIS: NAMES OF BAKERY MADE OF FLOUR**

Verbs of specific action печь and пряжить, which nominate ways of thermal treatment of dough, are in dialect tongue in some cases word-production base of names of bakery from flour (bread, pies, buns and rolls etc). Derivates with the

root *пек-/печ-* hold a dominant position in the considered group of lexicon. The active use of the verb *печь* in the Russian language has predetermined fixing of lexemes *печенье* and *печиво* as the general names of bakery from flour in the literary language and in patois, including Kostroma ones. The verb *печь* is motivating at the nominating both bakery and roasted buns and rolls: *опекиши, пекушки, опекушки* and so on. Distinction of functional characteristics «baked/roasted» occurs at the semantic level in this case.

Keywords: word-formation, science of lexis, Kostroma patois, bakery from flour, Lidiya Kititsyna.

Galushko E.F.

*Ulyanovsk State Pedagogical University named after I.N. Ulyanov
ms.galushko@bk.ru*

NAMES OF PASTRY IN RUSSIAN DIALECTS OF THE ULYANOVSK REGION

The names of pastry are selected from dictionaries and results of modern observations in Russian dialects of the Ulyanovsk region during field trips. The analysis of those data has enabled to identify the types of areals of those lexical units in the Russian language, mark regional words, stucturalize them according to the topics and single out arisen semantic changes in them.

Keywords: areals; dialect words; lexis; semantics; dictionaries; thematic groups; Uyanovsk dialects.

Ganicheva S.A.

*Vologda State University
sganicheva@mail.ru*

ABOUT A PROBLEM OF TRANSFORMATION OF THE DIALECT LANGUAGE PERSONALITY

The article is devoted to the language personality of person speaking a dialect but moved from the countryside to the city and got a professional education. The author defines what components of dialect language personality changed and what components remained. The three level of the language person (according Y.N. Karaulov) – verbal and semantic, cognitive and pragmatic – sequentially analyzed.

Keywords: dialectology; Vologda dialects; speech portrait; language personality.

Gorlova T.V.

*Kostroma State University
tat4060@yandex.ru*

**SLAVIC URBAN TOPONYMS AS A REFLECTION
OF HISTORY OF SETTLING SOUTHWEST
OF KOSTROMA REGION (ON THE EXAMPLE
OF HYDRONYM THE SOLONITSA)**

The issue of possible ways of colonisation of native Finno-Ugric lands from the territory of the ancient Slavia is considered in the article on the example of the Solonitsa hydronym. Slavic names of Nerekhta lands organically adjoin to substrate Finno-Ugric toponyms, especially hydronyms. The Solonitsa river, which has a significant role in geographical attribution of the region, carries urban-forming value in the toponymic system of the town of Nerekhta.

Keywords: toponymy; hydronymy; Slavic hydronym; the Solonitsa (“salt river”), salt; glottogenesis; ethnogenesis; Nerekhta lands; Kostroma Region.

Gryaznova V.M.

*North-Caucasian Federal University
violetta-sgy@mail.ru*

**ABSTRACT NOUNS IN THE DIALECT OF THE COSSACKS-
NEKRASOVTSEV OF THE STAVROPOL TERRITORY**

The article discusses the abstract vocabulary of the dialect of the Cossacks-nekrasovtsev. The author identifies and describes such lexical-thematic groups: names predmetnyh action, games, results of actions, occupations; names of properties and qualities; the names of the States of the person, nature, society, the names of abstract concepts. The article describes the methods of derivation and word-formation models, which are existing in the dialect of the Cossacks-motivated nekrasovtsev abstract nouns.

Keywords: kazac-nekrasovets; abstract nouns; lexical-thematic groups; wordformation.

Dmitruk L.A.

*Kostroma State University
lyudmila-dmitruk@mail.ru*

**NAMES OF PERSONS IN THEIR RELATION TO THE
SPINNING IN KOSTROMA DIALECTS (BASED ON THE
DICTIONARY OF A. V. GROMOV "LEXIS OF FLAX
CULTIVATION, SPINNING AND WEAVING
IN KOSTROMA DIALECTS ON UNZHA RIVER")**

The article based on the materials of the regional branch of the dictionary of A. V. Gromov "Lexis of flax cultivation, spinning and weaving in Kostroma dialects on Unzha River" consider the words of lexical-semantic group "Names of persons in their relation to the spinning" in terms of their structure, semantics and functioning in the eastern Kostroma dialects of peripheral type. The lexis of this group is characterized by significant structural-stylistic variability based on the data from other dialectal dictionaries, but remains stable in terms of its space-time coordinates and ethno cultural ties.

Keywords: Dictionary of A.V. Gromov; spinning; dialect lexis; Kostroma dialects.

Ershova N.I.

*Mordovia State University after named N.P. Ogarev
tascha80@mail.ru*

DIALECT VERBS OF MOTION IN THE RUSSIAN DIALECTS OF MORDOVIA

The article is devoted to the semantic analysis of verbs of motion, functioning in the Russian dialects of Mordovia. Dialect verbs undergo classification based on the following criteria: 1) the character of motion, 2) the environment of movement, 3) the intensity of motion, 4) the general orientation of motion.

Keywords: dialects; verb; motion; moving; subject.

Zhdanova E.A.

*Kalashnikov Izhevsk State Technical University
zhdanovaea@gmail.com*

THE STUDY OF RUSSIAN DIALECTS OF UDMURTIA: HISTORY, CURRENT STATUS AND PROSPECTS

The article describes the creation and history of the study of Russian dialects of Udmurtia. The territory of modern Udmurtia was completely settled by Russians and took shape as an independent administrative unit only in the beginning of XX century. The Russian dialects between the rivers Kama and Vyatka attracted the attention of researchers rather late and has not yet become the subject of a complete systematic description. However, the collected material and modern information technologies make possible to create the dialect atlas, electronic dictionary and linguistic corpus. Now this work is carried out in Udmurt Republic with the help of languageographical information system "Dialect".

Keywords: Russian dialects of Udmurtia; history of the formation; dialect atlas; languageographical information system "Dialect".

Ilyna E.N.

*Vologda State University
filfak@list.ru*

VOCABULARY OF TRADITIONAL MEDICINE IN THE DIALECT OF REZHA

The article is devoted to ethnolinguistic features of the traditional medicine lexicon recorded in a dialect of the Rezhsky settlement of Syamzhensky district of the Vologda region. Names of diseases, the characteristic of their symptomatology, means and ways of treatment are analyzed.

Keywords: Ethnolinguistics; North Russian dialects; lexicon of traditional medicine.

Klimkova L.A.

*Lobachevsky University of Nizhni Novgorod, Arzamas Branch
dialekt_arz@mail.ru*

DIALECT TEXTS AS THE DOCUMENT OF THE EPOCH

Memoir texts as a means of explication of the concept *memory* with a particular chronotope, resurrecting the life of the Nizhny Novgorod Oka-Volga-Sura interfluvial population mainly in the 30–50^s of XX century are considered in the article. The author focuses the attention on the texts with real content. Authenticity and faithful representation is emphasized. Accordingly, the texts are regarded as the document of the epoch.

Keywords: discourse; memoir texts; memory; the Oka-Volga-Sura interfluvial; labour: the epoch; authenticity; document.

Kondratenko M.M.

*K. D. Ushinsky State Pedagogical University, Yaroslavl
mmkondratenko@gmail.com*

DIALECT AND ETHNIC IDENTITY

The article is devoted to representation of ethnic identity in Russian and German dialects. The attention is focused on semantic models of naming key concepts in traditional culture (intellectual characteristics of man, attitude to labour, etc.) as well as on using lexemes with symbolic meaning. The author studies the principles of nomination and the ways of transferring names in dialectal lexis. Based on the analysis of lexical and phraseological material from peripheral Russian (as well as some other Slavic) and Upper German dialects, the conclusion is made about considerable similarity in perceiving the world by speakers of these dialects which is reflected in language units, and, consequently, about common features in mental processes and ethnic identity.

Keywords: Slavic-German semantic parallels; Slavic and German dialectology; language and thought.

Krasovskaya N.A.

*State pedagogical university of Tula named after Leo Tolstoj
nelli.krasovskaya@yandex.ru*

DIALECT VOCABULARY IN THE WORKS OF THE WRITER OF TULA A. KOSTUHIN

The article examines dialectal vocabulary in the works of modern Tula writer A.E. Kostuchin. The work of this author has not been studied. In the framework of this article first attempt scientific treatment to the analysis of linguistic units, selected from the works of A.E. Kostuchin. The conclusion about the prevalence of dialectal vocabulary which is used to accurate description of the life of the Russian peasantry of the mid-twentieth century. It is noted the large number of colloquial and dialectal expressions.

Keywords: dialecticism; A.E. Kostuhin; artwork; idiomatic expression; vocabulary.

Kurbangaleeva G.M.

*Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmullah
dialina2002@mail.ru*

IN SEARCH OF THE WORD

The article is dedicated to the memory of the outstanding Russian dialectologist Yulia Petrovna Chumakova – philologist in the true sense of the word, a specialist in Slavic lexicology, history of the Russian language, the author of numerous scientific papers, including two monographs. For her as a scientist the word was not only a tool and object of study: she virtuously could remove the hidden in its inexhaustible depths centuries-old knowledge and teach this exciting affair to her disciples. The article also consecrates not so widely known translation activity and poetic creativity of Chumakova as the author and compiler of several poetic collections.

Keywords: dialectologist; slavistic; etymologist; Russian studies of Bashkortostan; Russian dialectal vocabulary; onomastics; comparative-historical lexicology; poetical translations.

Levantsevich L.V.

*Educational institution «Brest State University of A.S. Pushkin»
lewalena@mail.ru*

DIALECTS OF BERYOZA REGION AND GENERAL LINGVOGEOGRAPHY

Dialects of Brest-Polesie (Belarus) region are characterized by archaic language and a considerable variety of linguistic phenomena. Beryoza region dialects are included into these dialects and sub-dialects. The article characterizes the main phonetic and morphological features of these dialects;

It shows the territorial distribution (Belarus, Poland, Russia, The Ukraine) of individual linguistic phenomena.

Keywords: Western Polesie dialects and sayings; Beryoza region; vocalism (vowelism); consonantism; morphological features; territorial distribution.

Litvinnikova O.I.

*Kamianets-Podoilsky National Ivan Ohienko University
litvoli@mail.ru*

THE COMPARISONS-ASSIMILATIONS IN RUSSIAN FOLK SPEECH

The attempt of description of the multidimensional synchronous tautological comparisons-assimilations, which are structurally organized as 'a noun in the nominative case + the same noun in the instrumental case' and quite actively functionate in Russian folk speech, but have almost not represented in the lexicographical projects (including - the latest time) and have not received full consideration in the linguistic researches is done in the article.

Keywords: comparisons-assimilations; tautologies; expressive words; nouns of "common gender"; a derivative; a motivator; a secondary nomination; steady verbal complexes.

Lyubimova N.V.

*Moscow State Linguistic University
natalju@yandex.ru*

MEDIAL DIGLOSSIA AS A SOCIOCULTURAL PHENOMENON (ANALYSIS OF SITUATION IN GERMAN-SPEAKING SWITZERLAND)

The article looks into the problem of interaction of standard German and Swiss German dialect(s), both regarded as language varieties that are equally important for institutional and everyday discourse. The main focus of research is different aspects of communication in German-speaking Switzerland that – due to coexistence of both varieties – takes place in the context of medial diglossia. The sociocultural significance of this phenomenon is evident as code-switching is never unmotivated or unconscious. Furthermore, medial diglossia regulates both written and oral communication, in which the processes of literarization of dialect and the formation of informal writing can be observed.

Keywords: national language; literary language; dialect; medial diglossia; the code of communication; code switching.

Malysheva I.Y.

*Institute of the Development of Education St. Petersburg
IrinaOlga3@yandex.ru*

**THE INTERACTION OF THE WORDS
OF THE MICROFIELDS OF THE LEXICAL-SEMANTIC
FIELD OF “NATURE” WITH THE WORDS OF THE FIELDS
“TIME”, “SPACE” (BASED ON THE WORKS
BY NIKOLAY NEKRASOV)**

The article on the works by Nikolay Nekrasov examines the interaction of dialect words of the microfields of the lexical-semantic field of “nature” with the units of related fields “time”, “space”. Semantic fields are not distinguished by strict boundaries, interact with each other, show areas of attraction and repulsion.

Keywords: lexical-semantic field; microfield; dialect vocabulary; LSG (microfields) units’ interaction; LSG periphery.

Mikhailova L.P.

*Petrozavodsk State University
posnm87@bk.ru*

**HISTORICALLY DUE TO PHONETIC JUXTAPOSITION
(ON THE EXAMPLE OF DIALECTICAL-PROFESSIONAL
VOCABULARY)**

Material research for the article chosen dialect vocabulary of traditional weaving. The words are presented, in which the beginning of the root morphemes contrasted back and whistling consonant [к] and [ц]. This phenomenon is associated with the second palatal, that came true is not on the entire territory of Russian dialects. Describe the Habitat of the words *кевца – цевка, кен – уен*. The reasons for the differences are explained by the Finnish substratum.

Keywords: dialect vocabulary; ethnic contacts; phonetic processes; linguistic geography.

Mukhina E.A.

*Petrozavodsk State University
kareliaptz@mail.ru*

**THE SEMANTIC PECULIARITY OF THE DIALECT
WORDS IN LAMENTATIONS I. A. FEDOSOVA**

The paper presents the analysis of some dialect verbs that appear in funeral laments and recruiting I. A. Fedosova. There are several groups of verbal formations: 1) the verbs that have this literary language , 2) verbs which do not have the seven. The words of both groups is recorded in the «Dictionary of

Russian dialects of Karelia and adjacent regions». Discusses some verbs, that are used in the lamentations, but not reflected in the dialectal dictionary.

Keywords: dialect; lamentations; the semantics of the verb.

Myznikov S.A.

*Institute of Linguistic researches of the Russian Academy of Sciences, St.-Petersburg
myznikovs@rambler.ru*

ON THE ORIGIN OF SOME OF THE TERMS OF FISHING

The paper attempts to analyze the etymological lexicon fishing. Previously, some of the materials were treated as Finno-Ugric. Particular emphasis in the work has been done on a wide coverage of the material.

Keywords: etymology; fishing lexicon; northern Russian dialects.

Myznikova Y.V.

*Saint-Petersburg State University
janinam@mail.ru*

THE SYNTACTIC FEATURES OF THE RUSSIAN DIALECTS OF ULYANOVSKIY REGION

This article provides an overview of the syntactic features of the Russian dialects of Ulyanovskiy region. The features of this group of dialects are formed under certain ethno-cultural and geographical conditions. The traces of inter-ethnic interaction can be found in the dialects of the Middle Volga language contact region. This interaction could serve as a stimulus for the development of some typological similarities in the syntactic system of Russian dialects of the Ulyanovsk region and contacting Turkic and Finno-Ugric languages. Such features include temporal and local expressions without prepositions, invariant forms of numerals combined with the nouns. Among the other syntactic characteristics we can specify the definite particles joined with the nouns.

Keywords: North Russian dialects; syntactic features; language contact; particles; temporal and local expressions; numerals.

Neganova G.D.

*Kostroma State University
cultland@yandex.ru*

DICTIONARY «LANDSCAPE LEXIS IN PATOIS OF KOSTROMA REGION»

The author presents his thematic dictionary of the patois of the Kostroma region. The article reports on the main sources of the dictionary, its structure, principles of building. Describes the structure of dictionary articles. Attention is drawn to the informative semantic, visual and geographical components. Commented the dictionary entry “Ugor”.

Keywords: patois of the Kostroma region; landscape lexis; thematic vocabulary; dictionary entry; ugor; enantiosemy.

Nedelcho E.V.

Kostroma State University

elenanedelcho@mail.ru

LANGUAGE FEATURES OF LYRICAL NOVELS OF V. BOCHARNIKOV

The article presents the analysis of peculiarities of functioning of linguistic means of expressiveness in the lyrical novels of the Kostroma writer V. Bocharnikov. It explored such lexical and syntactic figurative-expressive means of language like metaphor, personification, positional lexical and anaphoric repetitions, antithesis, parceling, tsvetopis set their role in the creation of a certain emotional plan and mode of work and the formation of identity of the artistic style of the Kostroma writer.

Keywords: the means of language expressiveness; a stylistic device; parceling; svetopis; semantics; antithesis; metaphor; personification; position- and lexical anaphoric repetition; expressive function.

Nefedova E.A.

Lomonosov Moscow State University (MSU)

eanefedova@gmail.com

DEFINITION OF DIALECT VOCABULARY IN ASPECT OF REFLECTION OF PEOPLE'S KNOWLEDGE ABOUT THE WORLD

The article covers the semantic description of lexis of nature in dialect dictionary. The article concentrates on the possibility of formation a dictionary definition on the basis of the material of dialect language: a set of motivational features, embodied in the synonymous names of natural objects, as well as lexical and semantic compatibility of nominative units.

Keywords: dialect lexicography; the dictionary definition; the subject vocabulary.

Novikova L.N.

Tver State University

novikova_54.autreply@mail.ru

WORD-BUILDING CATEGORIES OF ADJECTIVES IN THE TVER DIALECT

In the report the methods of the formation of word-building categories in the dialects are examined, their specific character is revealed, the housing of the word-building categories of the names of adjectives is determined.

Keywords: dialect word formation; word-building categories; the types of word-building values.

Novoselova V.A.

Petrozavodsk State University

novosita@mail.ru

THE NONCE WORDS IN THE REGIONAL PRESS: THE SEMANTICS AND DERIVATIONAL STRUCTURE

The article deals with author-specific neologisms functioning in the newspaper publications regional press. Material for the study included analytical articles by famous Karelian journalist Alexander Fuchs, placed in the book "Riding past on the bus" [Fuchs, 2006]. The collection includes 185 commentaries and evaluation of texts published in the newspaper "Province" from 2000 to 2004 under the heading "Mood of the week".

The analysis of the occasional derivatives, is projected on the idiostyle A. Fuchs, which uses a widely spoken language, which helps him to communicate with readers, to establish personal relationships with them.

The note defines contextual values due to occasional words, given their word-building structure, there are stylistic functions. Individually-author's linguistic units created by a journalist, not only participate in creating the assessment perspective, but also are used as a means of organizing language games.

Keywords: occasionalism; individual author's neologism; expressivity; semantics; word-formation structure; the derivative; derivator; commentary-evaluation of the genre; stylistic function.

Pavlova A.E.

Kostroma State University

alla0826@yandex.ru

THE APPLYING SCOPES OF LINGUACULTURAL ANALYSIS OF THE WORD AND TEXT AT THE RUSSIAN LANGUAGE LESSON IN THE FIELD OF REGIONAL COMPONENT OF TEACHING

The article is devoted to consideration of the word and text features in the field of the linguacultural analysis, which is necessary for the formation of pupils cultural competence at lessons of Russian at the regional material. Linguistic and methodological foundations of linguistic-cultural study of words and texts in a diachronic aspect are presented. Educational materials for the implementation of the linguacultural analysis of the word "holy fool" are collected in this article.

Keywords: philological education; regional component of teaching Russian language; cultural competence; linguocultural analysis.

Pantsyreva D.V.
Vologda State University
morkovka182@gmail.com

ONOMATOPOEIC POTENTIAL OF DIALECTAL VERBS WITH THE ROOT -ЖЁГ- \ -ЖГ-.

The article describes onomatopoeic potential of dialectal verbs with the meaning 'to strike / to have struck' by the example of one of the sound complexes. Description of onomatopoeic words illustrates the relations between the sound form of words and their lexical meaning. The study of acoustic and articulation characteristics of lexemes was conducted with regard to their dictionary definitions and contexts.

Keywords: Northern Russian dialects; phonosemantics; onomatopoeia.

Pozharickaja S.K.
Lomonosov Moscow State University
sofkonst@yandex.ru

REDUPLICATION AND RELATED PHENOMENA IN RUSSIAN DIALECTS AS COMPARED TO THE STANDARD RUSSIAN

In this paper, I consider (mostly dialectal) phenomena that may be interpreted as word or morpheme reduplication. These include, first, double marking of the imperfective (говорить – говаривать); second, the verbal stem copy in an adhoc noun in the instrumental (блестом блестит); third, double marking of the past by means of the existential verb 'be' – был (-а, -о, -и), будет, есть; fourth, stem extension and double marking in pronouns (ихний, нутый, тоттам); fifth, repetition of particles and conjunctions -от (-та,-то, -те), дак, да, и and others.

Keywords: word or morpheme reduplication; emphasis; modality; variability.

Popova A.R.
Orel State University named after I.S. Turgenev
studioAA2001@yandex.ru

THE DIALECT LEXICAL ITEMS IN THE LANDSCAPE DESCRIPTIONS OF MODERN OREL WRITER T.I. GRIBANOVA

The article is written on the material of prose of the modern Orel writer T.I. Gribanova dedicated to the life and residents of the Orel village. The article is devoted to the semantics of dialectal lexical items, their function in the creation of landscape sketches in the prose work. The composition of the dialect and

used the T. I. Gribanova in the landscape fragments is diverse: lexems represent the realities of the flora, the landscape of the region, meteorological phenomena, the colors and sounds of nature, etc.

Keywords: Tatiana Gribanova, Orel writers; Orel dialects; phraseologisms; dialectal lexemes; landscape.

Priobrazhenskiy A.V.

Petrozavodsk state University

primlp47@list.ru

THE USE OF NAMES OF BIRDS IN THE RUSSIAN DIALECTS OF KARELIA

In article are given results of the etymological analysis of names of birds in the Russian dialects of Karelia. The majority of names are have primordial Russian etymology and the otomatopoetic nature. The names of birds with appearance, color of plumage, a shape of a tail, mode of life and behavior of a bird, feature of food are used less often.

Keywords: Russian dialects of Karelia; names of birds; etymology; motives of the nomination.

Rak Maciej

Jagiellonian University, Krakow, Poland

maciej.rak@uj.edu.pl

THE GORAL'S AUTOSTEREOTYPE BASED LINGUISTIC EXPERIMENT

The article is focused on identification of 'Góral' (the Highlander) autostereotype. It is based on a linguistic experiment which was conducted with 96 students of the Podhalańska Państwowa Wyższa Szkoła Zawodowa in Nowy Targ. They live in Podhale and they are carriers of the region's culture. The results show that they identify themselves as the Highlanders and this identification is the main component of the 'Góral' autostereotype. The author's research fulfill an scientific perspective which was represented by Jerzy Bartmiński and his thesis 'Język – wartości – polityka'.

Keywords: the Podhale dialect; ethnolinguistics; linguistic world view.

Romanenko V.A.

Pridnestrovian State University named after the great poet Taras Shevchenko

vita28-28@mail.ru

FUNCTIONAL RELATIONSHIPS OF SOCIAL AND EMOTIONAL CONCEPTS IN IDIOLECT OF V.R. TSOI

The article reveals the peculiarities of content and stylistic poetic songwriting VR Tsoi – a bright representative of Russian rock culture in the

late 1980^s. In our view, idiolect VR Choi expressed in the individual copyright principles of selection of words and indexical – metonymic sense of variation , forming nothing like the others, its own special , poetic world . The idiolect V.R. Tsoi is subject to the principles of the functioning of concepts metonymy clutches, which we consider in this article.

Keywords: concept; image; symbol; metonymy.

Smetanina Z.V.

*Vyatka State University
zoyasmetanina@gmail.com*

ABOUT «MATERIALS FOR THE REGIONAL DICTIONARY OF THE VYATKA PATOIS» BY VASILIIY PLENKOV

The article describes a handwritten dialectal dictionary compiled by amateur local historian V.G. Plenkov in the 40-ies of the XX century. It is marked by a fairly high level of preparation of entries. The advantage of the materials of the author is also the inclusion of rare dialect words, not covered by other dictionaries.

Keywords: dialect lexicography; lexicon system relations; phonetic dialecticism; semantization methods; ethnographic and folklore details

Starodubtseva N.A., Datskaya M.V.

*Volgograd State University
natst1981@list.ru*

MEANS OF EXPRESSION INTENSITY IN THE WAR'S MEMORIES OF RESIDENTS OF VOLGOGRAD REGION

Research is devoted to a problem of verbalization of category of intensity in the speech of inhabitants of the Volgograd region. During the analysis of material revealed and analyzed the multi-level means of intensity, determined ways of an intensification, relevant for dialect speakers. The conclusion about a role of means of intensification in folk speech is drawn.

Keywords: Don's river dialects; category of intensity; oral speech; dialect speaker; semantics.

Teplovodskaya A.A.

*Jeweler company «SOKOLOV»
egorova-alex@mail.ru*

THE NOMINATIONS OF OBJECTS OF JEWELRY TRADE IN NATIONAL INFORMAL CONVERSATION OF KRASNOSYOL: LEXICOGRAPHIC ASPECT

This article is dedicated to professional folk conversational vocabulary connected with the jewelry industry that is a traditional craft in Krasnoselsky

district of Kostroma region. It mainly developed in the XVII–XIXth centuries and became a trademark of Krasnoye-na-Volge. Lexemes and set expressions existing in everyday life of young and mature jewelers have become a ground for the dictionary of professional folk conversational vocabulary of the jewelry industry. Actuality of this research is proved by the fact that at the present time folk conversational term system hasn't been analyzed yet, and it hasn't been lexicographically reflected in any type of existing dictionaries of the Russian language.

Keywords: jewelry industry; Krasnoye-na-Volge; industrial thematic dictionary; conversational vocabulary.

Fadeeva G.M.

*Moscow State Linguistic University
galina_fadeeva@rambler.ru*

AN ECOLINGUISTIC PERSPECTIVE ON GERMAN LITERARY LANGUAGE AND DIALECTS

The article views the language situation in modern Germany and the role of dialects among the variety of forms of national German from the standpoint of ecolinguistics with a special focus on issues of linguistic diversity of language regarded as akin to biological diversity. It is stressed that dialects tend to acquire features of regional everyday language or approach Standard. Examples reveal that despite the diminishing role of dialects in everyday communication they are still in common usage in certain spheres.

Keywords: ecological paradigm in linguistics; linguistic diversity of language; Standard German; national literary language; death of dialects; 'renaissance of dialects'.

Fokina M.A.

*Kostroma State University
jan22284@kmtn.ru*

LANGUAGE MEANS OF CREATING LITERARY PORTRAIT OF OSTROVSKY A.N. IN MEMOIRS OF MAKSIMOV S.V.

The article dwells on the system of imagery in a portrait of a renowned playwright Aleksander Ostrovsky as presented in a work of memoirs by a famous ethnographer Sergei Maksimov. The author extensively employs periphrases and phraseological units, and creates expressive gradation, antitheses and semantic-syntactic repetitions with the help of which an outward image of the Russian writer as well as his traits of character, thoughts and feelings is described.

Keywords: memoirs; literary portrait; imagery; language means of expressiveness.

Khovrina T.K.

*K. D. Ushinsky State Pedagogical University, Yaroslavl
tatyana.hovrina@mail.ru*

DERIVATIONAL VARIATION IN THE LEXIS OF YAROSLAVL REGION DIALECTS

The article is devoted to lexical derivational variation in the dialects of the Yaroslavl region. The author considers the series of derivational synonyms consisting of structurally different formations with the same root which are semantic doublets. Special attention is paid to morphological variants – pair generic formations of nouns identical in semantics. The author compares the materials of Yaroslavl Regional Dictionary with the data from historical dictionaries of the Russian language which helps to define what vocabulary comes from the previous periods in the development of the Russian language.

Keywords: dialect lexis; synonymy; derivational variation; Yaroslavl Regional Dictionary; historical lexicography.

Shapoval V.V.

*Moscow City Teacher Training University
liloro1@yandex.ru*

EDITING OF WORDS' DEFINITIONS IN CHEREPOVETS MATERIALS BY M.K. GERASIMOV

Lexical materials for M.K. Gerasimov's Cherepovets dialectal dictionary were gathered for 23 years and include more than 3,000 entries. Some parts of the collection were published by the author three times. This creates a unique situation in dialectal lexicography. Several words have two different definitions in dictionaries of 1893/1898 and 1910. Analysis of their distinctions could sometimes be very useful for verification of these definitions.

Keywords: textual criticism; definition of a dialectal word; illustrative context; verification of a dialectal word description.

Shcherbakova M.E.

*Tver State University
marina_sch76@mail.ru*

SEMANTIC VARIANTS OF THE NOUN ДУБРАВА/ ДУБРОВА IN THE RUSSIAN LOCAL LANGUAGE VARIANTS (AREAL ASPECT)

The article is devoted to semantic distinction examination of дубрава / дуброва designations in the Russian local language variants. In the article, semantic units on the Russian language territory are described as well as the body of the folk definitions of дубрава lexeme and its cognate words that are defined

in the Linguistic Atlas of the Russian Local Language Variants, the areals of the marked meaning lexeme use are mentioned.

Keywords: Russian Dialectology; Linguogeography; semantic distinctions; semantic variants; areal aspect; areal analysis; dispersed areal; micro-areal.

ONOMASTICS

Bobrova M.V.

*Perm State Humanitarian-Pedagogical University
bomaripgu@yandex.ru*

ORNITHOLOGICAL VOCABULARY IN THE PROPER NAMES OF THE PERM KRAI

The work is devoted to the Russian vocabulary of one thematic group – “Birds”, presented in the proper names of the Perm Krai of the XVI–XXI centuries (in non-calendar names, historical and modern nicknames, surnames, oiconyms, microtoponyms). Ornithonyms, which are the most popular in the local proper names, and the principles of their occurrence in the proper names, peculiarities of functioning in onomastic space of the region, are identified. Historical and contemporary data are presented in comparison. The conclusions about the specificity of the modern proper names are that they demonstrate the narrowing of the ornithological lexicon which is relevant to the traditional language picture of the world: there are practically no regional (dialectal) names in the modern anthroponyms; species diversity of birds is reflected poorly. At the same time they are motivating by the names of birds which are not typical for the local fauna, onomatopoeia, occasionalisms, missing in the historical onomasticon, are in modern anthroponymy. The proper names which had arisen and are functioning in speech of rural residents are more traditional.

Keywords: anthroponymy; toponymy; microtoponymy; thematic group “Birds”; Perm Krai.

Bubnova N.V.

*Army Air Defense Military Academy of the Russian Federation
named after Marshall of the Soviet Union A.M. Vasilevsky
85ninochka67@mail.ru*

REPRESENTATION OF CULTURAL SPACE IN REGIONAL ASSOCIATIVE DICTIONARY OF PROPER NOUNS

This work offers an approach to creation of the associative dictionary of proper nouns based on the regional material revealed as a result of the large-scale associative experiment ended with determination of specific associative-cultural background of the toponym *Smolensk Region* and universally valid Smolensk proper nouns. The dictionary is designed for a wide audience

interested in history and culture of Smolensk Region, its niche and role in the Russian history. This lexicographic product may be especially popular amid schoolchildren, students, those who study in Smolensk institutions as it contains onomastic description of the cultural space in its regional aspect.

Keywords: proper noun; regional cultural space; associative-cultural background; associative experiment; background knowledge; linguistic identity.

Varnikova E.N.

Vologda State University

varnikova@yandex.ru

RIVER REZHA: VERSIONS OF AN ORIGIN OF A GIDRONIM

The article presents the versions of the origin of the name of the river Rezha (Режа) occurring in the North-East of Syamzhenskiy district, Vologda region. It defines the relationship of the hydronym of the local geographical term «реж(а), режма», discusses its semantics and origin.

Keywords: North-Russian hydronyms; local geographic term; Vologda; Rezha.

Ganzhina I.M.

Tver State University

emmaus1962@yandex.ru

LOCAL TOPONYMY AS REFLECTION OF HISTORY OF LANGUAGE AND ITS CARRIERS (ON MATERIAL OF OYKONYMS AND MICROTOPYMS OF LESNOY DISTRICT OF TVER REGION)

Oykonyms and microtoponyms, both official and informal, recorded during the dialectological expedition in Lesnoy District of Tver Region are described in the article, and it is shown how history of language and its carriers is reflected in this sort of onyms.

Keywords: toponym; oykonym; microtoponym; etymology; appellative; onimisation.

Darafeyenka M.L.

Vitebsk State University named after P.M. Masherov

mari008@mail.ru

VICONYMS OF BELARUS REFLECTING QUALITATIVE CHARACTERISTICS OF OBJECT: THE NOMINATIVE ASPECT AND THE ASPECT OF LINGUISTIC GEOGRAPHY

In this article viconyms of Belarus reflecting qualitative features of object are researched in the nominative aspect and in the aspect of linguistic geography.

The main lexico-semantic groups of the analyzed names are established. As a result of the quantitative analysis in each area the most frequent onym units are defined. The areas of the greatest concentration of the intrarural names describing qualitative characteristics of object are established. The features of distribution of the qualitative viconyms in the studied territory are revealed. It is defined that these names gain the greatest distribution in the territories of Brest, Minsk and Grodno regions.

Keywords: viconym; urbanonym; nomination; principle of the nomination; frequency; area of distribution; linguistic geography.

Zhmurko O.I.

*Ivanovo State University
oizhmurko@mail.ru*

HYDRONYMS OF A NON-SLAVIC ORIGIN ON THE MAP OF IVANOVO REGION

A number of names of water objects extended to territories of Ivanovo Region, the characteristic feature of which, unlike toponyms, is the non-Slavic origin, is presented in the article, is. What is key for the analysis of hydronyms, is a concept of a historical and cultural zone which was put forward by Aleksandr Gerd in the monograph Sketches of historical geography.

Keywords: toponymics of the Ivanovo region; historical and cultural zone; language substratum; Finno-Ugric nationality мeрyя.

Ivanova E.N.

*Vologda State University
el-ivan@mail.ru*

REJA'S MICROTOPYMS AS A SOURCE OF HISTORICAL AND CULTURAL INFORMATION ABOUT THE REGION

Regional microtoponyms are the object of historical and cultural studies. The article gives a description of geographical names, which gives information about the history of the inhabiting the region, about spiritual and social economic activities of its residents.

Keywords: microtoponyms; Vologda dialects; language picture of the world.

Kartavenko V.S.

*Smolensk State University
vera-kartavenko@yandex.ru*

URBAN PLACE NAMES AS A REFLECTION OF PEOPLE'S WORDVIEW

Urban place names – is not onlu refer to objects, but above all the names of historical information, preserving information about the traditions and culture of the people, their worldview.

Keywords: toponym; toponymy; the Russian people; worldview; the Russian language; a dialect.

Komleva N.V.

Vologda State University

k.nati@mail.ru

FROM PERSONAL NAME TO NICKNAME (UNOFFICIAL ANTHROPNOMY OF REZHA)

The article analyzes diminutive forms of personal names, belonging to inhabitants of the Rezhsky rural settlement of the Vologda region's Syamzhensky District, which are similar in their structure and semantics to individual nicknames. Different strategies of nickname nomination set their value register in the system of socially significant parameters of identity establishment.

Keywords: nickname; name; dialect society.

Kurs K.Yu.

Military Academy Army Air Defense Armed Forces of the Russian

Federation of Marshal of the Soviet Union A. M. Vasilevsky

kskurs@yandex.ru

IDIOSTYLE OF POETRY BY M. V. ISAKOVSKY (THE LEVEL OF PERSONAL PROPER NAMES)

The summary: In article the fragment of research idiostyle by M.V.Isakovsky on a material of personal proper names is resulted. In the beginning versions of definition of the term «idiostyle» the writer / the poet are considered. It is emphasized, that the main thing is language skill, features of the use of style elements. Forms of personal names (a documentary name, the colloquial form, the truncated form), their quantitative structure and a role in texts of the poet are analyzed. For each form examples from texts are resulted.

The study allows to come to the conclusion about some features of idiostyle by M.V.Isakovsky: creation of new type of the hero; biographism; repeated recurrence key onims in one text, use of connotative onims.

Keywords: the idiostyle; a personal name; M.V. Isakovsky; a documentary name; the colloquial form; the traditional form; the truncated form.

Kyurshunova I.A.¹, Chernyakov O.V.²

Petrozavodsk state University

¹kiam@onego.ru; ²olegh_v@onego.ru

DATABASE ON HISTORICAL ANTHROPNOMY AS ONOMASTIC THESAURUS

The article describes the use of computer technology as a special way of presenting anthroponymic material. Marked options anthroponymic compiling the database, which will improve the effectiveness of onomastic,

ethnolinguistics and other human studies, as well as to develop new methods of scientific and applied research on the historical materials anthroponymy.

Keywords: onomastic historical lexicography; Personal Names Card; informative value anthroponymic database; ethnolinguistics; cognitive science.

Lisova I.A.

*School № 374 of the Moscow District of St. Petersburg
Reallisowa@mail.ru*

BIONYM SPACE IN WORKS R. M. AMUSINA IN THE CONTEXT OF THE NOMINATIVE TRADITIONS OF VITEBSK

The article analyzes the dominant types bionym vocabulary works R. M. Amusina, revealed their relationship to modern nominative trends in the Vitebsk region, where the writer was born and raised.

Keywords: bioname; bionym space; anthroponym; zoonym; mifonym; godname; nickname.

Marudova A.S.

*Vitebsk State University named after P.M. Masherov
marudova.anna@mail.ru*

TRANSONYMIZATION AS ONE OF THE WAYS FOR NICKNAMES' FORMATION OF BELARUSIAN POOZERYE

The article is dedicated to transonymization as one of the ways for zoonyms' formation of Belarusian Poozerye. In this article we analyze the nicknames, which were formed by this way.

Keyword: transonymization; zoonym; Belarusian Poozerye; anthroponym; toponym; chrononym; teonym; astronym; chrematonym.

Obraztsova O.A.

*S.M. Kirov Military Medical Academy
obraztsova.olga@mail.ru*

PERSONAL NAMES OF POUNZHENSKY VILLAGES' PEASANTS (BASED ON THE MATERIALS FROM E.V. CHESTNYAKOV MANUSCRIPTS)

The works of the writer E.V. Chestnyakov, a native of Kologrivsky district in Kostroma region, are known as the source of language material to study specifics of real spoken language of pounzhensky villages' peasants including the anthroponymy area. Published materials from the manuscripts of the writer allow to continue the study of the pounzhensky personal names system. There are female and male baptismal forenames in full and derived folk colloquial forms. Derived forms with suffixes –en'k, –ushk/jushk prevail

in the manuscripts of E.V. Chestnyakov. Considered anthroponymic forms date back to one female baptismal name and form an anthroponymic slot. Published materials from the manuscripts of the writer allow to reconstruct the composition of these slots of pounzhensky dialects.

Keywords: anthroponyms; baptismal forenames; full and derived folk colloquial forms.

Panina Zh.A.

*Lomonosov Moscow State University
zhanna.panina@gmail.com*

FOLK NAMES AND SEMANTICS OF SAINT PETER'S DAY IN THE ARKHANGELSK DIALECTS

The paper by the material of the Arkhangelsk dialects comprehensively examines one of the main folk holidays - Saint Peter's Day (Feast of Saints Peter and Paul): from the viewpoint of semantics and structure the author analyzes the versions of its name, describes the related festal events, provides the ethnographic information on the holiday (signs, customs, rituals, prescriptions) which allows presenting Saint Peter's Day in full detail and identifying its place in the Slavic annual cycle of holidays.

Keywords: Saint Peter's day; holidays; traditional folk culture; arkhangelsk dialects; folk calendar.

Hanmagomedov H.L., Gebekova A.N.

*Dagestan state pedagogical university
tberikev@mail.ru*

PROBLEM OF STUDYING OF TOPONYMY OF INGUSHETIA AND ITS RUSSIAN HORIZON AS AREAS OF GEOONOMASTICS OF THE NORTHEAST CAUCASUS

Questions of studying of toponymy of Ingushetia and its Russian horizon are considered.

Keywords: Ingushetia; Northeast Caucasus; toponymic landscape; Russian toponyms; studying problem.

Tsvetkova Ye.V.

*Kostroma State University
elv15@list.ru*

TOPONYMICON OF RUSSIAN DITTY COMPILATION «TANGLE» BY ALEKSANDR GROMOV

The article is devoted to the characterisation of toponymy, which is contained in Russian ditty compilation «Tangle» by Aleksandr Gromov. Toponymicon

of Russian ditties, which he recorded in Makaryev and Manturovo districts of Kostroma Region, consists of different types of toponyms, which are of both near and far space. Basically, these are toponyms proper: eonyms (more often) and hydronyms – the most stable geographic names, some of which are known beyond the borders of Makaryev and Manturovo toponymic systems. Microtoponymy, which contains information about patois lexis, is generally typical of Kostroma toponymy; in typical Russian two-or-four-line humorous ditties, it is closely connected with the appellative lexicon, which is the main one in the representation of spatial parameterisation. Toponyms' role in ditties is not limited to performance of its core, function, the local one.

Keywords: Russian ditty compilation «Tangle» by Aleksandr Gromov, ditties of Manturovo and Makaryev districts of Kostroma Region; toponymy; microtoponymy; toponyms of Kostroma Region; Kostroma patois; toponyms in Russian folk ditties.

MATERIALS AND INVESTIGATIONS OF LOCAL HISTORIANS AND ABOUT THEM. FOLKISH SHORT STORIES, EXPEDITION DIARIES

Bogoboyazov S.N.

*Vologda Primary School Teacher Training College
s.bogobojasov@mail.ru*

THE IMPORTANCE OF TEXT SAMPLES OF DIALECTAL SPEECH IN THE COMPREHENSIVE STUDY OF A DIALECT

This article considers the study of dialects of the Russian language. It shows the lack of interest of the society in the study and preservation of dialects. The article emphasizes the topicality of the study of Russian dialects, which are in the process of rapid extinction.

The importance of texts written in a dialect is proved for its comprehensive study. The larger is a text, the fuller and deeper is it possible to identify grammatical, lexical, stylistic and phonetic features of the dialect. A rare attempt to write literary texts in the Azla dialect existing in the Vologda region is made here, which may be of interest not only for specialists in the field of dialectology, but also for those who are interested in one of the dialects of our region having existed in the first half of the last century.

Keywords: dialect; the state of dialects; preservation of dialects; linguistic heritage; the text in the dialect; dialect speakers; a comprehensive study of a dialect.

Bolotova L.V.

Sharya, Kostroma region

NATIVE WORD IN PEOPLE'S MEMORY

In L. Bolotova's memoirs about single dialects, as it seems to her, of her native places of the Vetluga territory, now of Sharya district of Kostroma region, Krasnye Baki and Varnavino of Nizhny Novgorod region there are a lot of dialect words and expressions. A specimen of the dialect text and a brief vocabulary of the dialect words of these places are given.

Keywords: village speech; Easter small egg; Andronikha of Odoevskoye soviet of the settlement of Sharya district; Krasnye Baki; Varnavino.

Burykin A.A.

*Institute of Linguistic researches of the Russian
Academy of Sciences, St.-Petersburg
albury@rambler.ru*

KOSTROMA – THE CHEERFUL LAND. TO THE HISTORY OF PROVERB

The author observes the history of the use of Russian proverb Kostroma – the cheerful land – which meets in the collection of Russian proverbs by V.I.Dal and is used in Russian fiction of the XIX– XX century.

Keywords: Russian proverbs; Kostroma.

Gantsovskaya N.S.¹, Veselova E.G.²

Kostroma State University

¹*gantsovsky_n@mail.ru,*

²*veselovaelena@mail.ru*

Y.V. CHESTNYAKOV AS A LINGUIST: THE ROLE OF DIALECTS IN THE FATES OF RUSSIAN LANGUAGE

In this article Y.V. Chestnyakov is presented as a linguist supporting democratization of Russian literary language due to more intensive introduction of dialect resources. On the example of archive documents and field records the article deals with his considerations on using phonetic means, grammar and lexis of North Russian dialects with the purpose of progressive development of Russian language and more successive using its expressive and figurative qualities.

Keywords: Y.V. Chestnyakov; folk language; the Verkhnya Unzha region; Shablovo; razgovornost; Chivilushko.

Gromova L.A.

*Publishing House "First of September" (Moscow)
lubovgromova@yandex.ru*

**ON THE TRACES...
(DAUGHTER'S WORD)**

Lubov Alexandrovna Gromova, Alexander Vyacheslavovich Gromov's daughter, tells about the work with her father's handwritten heritage and creating the collection "Traces" ("Sledy") including Vocabulary of the Zakharovs' language, lists of word combinations, phrases and sentences with explanations, often of aphoristic type, having been overheard at family members: similes, repetitions, negations, "skladukhi".

Keywords: Alexander Vyacheslavovich Gromov; Traces (Sledy); the Zakharovs' language; baushka Varvara; husband Sano; skladukhi.

Guseva E.R.

*Petrozavodsk State University
rajhatovna@mail.ru*

**ASPECTS OF THE STUDY OF LITERARY
AND DIALECTAL DIGLOSSIA
(G.V. MASLOVA'S STORIES IN THE TEXTBOOK
"SCIENCE OF VILLAGE")**

This article provides recommendations for dealing with the author's texts, written in the dialect of the village Suysar of Prionezhsky region in Karelia. The technique of lexical analysis is offered in languageographical and historical-etymological aspects.

Keywords: North Russian dialects; Karelia; dialect vocabulary; diglossia; languageographical analysis; historical and etymological analysis.

Maslova G.V.

*Centre for national cultures and folklore
of the Republic of Karelia (Petrozavodsk)
romankova_tatiana@mail.ru*

VILLAGE SCIENCE

A series of G.V. Maslova's stories is miniatures about the village life of Suysar settlement of Prionezhsky region of Karelia. They reflect the folk perception of life and are written in the dialect: "Baran Archi", "Memoirs", "Grishka's marriage".

Keywords: Baran Archi; diver; svoiyatsenitsa; Grishka's marriage; fershalitsa; obei zdorovkayutse.

Dvoretzkaya E.I.
Kostroma State University

SEMANTICS AND AREAS: VOKHMA DIALECTS

In these materials the results of the answers to the questions of section 8 of the Programme of Lexical atlas of Russian folk dialects on the dialects of Vokhma district (Lapshino soviet of the settlement) of Kostroma region are presented. Semantics of the words and contexts of lively speech of the dialect bearers are given there. The work was done by a student of N.A. Nekrasov Kostroma state university Ekaterina Dvoretzkaya in 2002.

Keywords: Lexical atlas of Russian folk dialects; Vokhma district; Kostroma lively word; Lapshino soviet of the settlement.

Zavialova N.N.
*Museum E.V. Chestnyakova in Shablov
(Kologrivsky district of the Kostroma region)
zavialowa.darja@yandex.ru*

PAGES OF HISTORY

In her materials on Kologriv dialects N.N. Zavialova presents two essays rich in dialect lexis and local proper names, where the past and the present of two well-known villages of Kologriv land are described from ethnolinguistic positions. One of the villages, Kopiovo, is “akayushchaya” (pronouncing unstressed Russian “o” as “a”), the other, Denyugino, is “okayushchaya” (retaining unstressed Russian “o”). A specimen of the record of Kopiovo informant’s dialect speech is attached as well.

Keywords: Unzha; Ponga; Kopiovo; Denyugino; Efim; E.V. Chestnyakov; Denyugino ditch.

Zorina L.Y.
*Vologda State University
lyudmila.zorina@gmail.com*

IMPRESSIONS END OBSERVATIONS (DIALECTOLOGICAL EXPEDITION DIARY)

After a brief preamble the article lists the materials of dialectological expedition diary. The impressions and observation of the assistant professor (leader of the group), post-graduates and university student depicts the peculiarities of everyday routine and activity of research dialectological expedition in 1994 to Rezha rural settlement, Syamzha district, Vologda region.

Keywords: dialectological expedition; impressions; travel sketches.

Ivanova L.A.

*Kostroma Regional College of Culture
yuriy-ivanov-1940@mail.ru*

FOLK SONGS ARE OUR LOVE AND OUR PROFESSION: “VOKHMA TRACERIES”

The article covers the folkloric expedition of students and teachers of Kostroma culture school (now culture college) to villages and settlements situated far from Kostroma in Vokhma district in 2003. The specimens of dialect lexis and phraseology in musical folk works of different genres are presented.

Keywords: folkloric expedition; 3 inhabitants of Vokhma; khorovody; krugi; Vokhma trceries; prichet of the bride; folk love songs (stradania) and chastushki.

Igunova E.A.

*Secondary comprehensive school № 20, Petrozavodsk
elarvi@mail.ru*

THE CIRCLE “FIGURATIVE NATIONAL WORD” AT COMPREHENSIVE SCHOOL

The article is devoted to questions of the organization and carrying out an open classroom “The figurative national word” in correctional classes of comprehensive school, to problems of perception and the analysis of dialect lexicon by children with a delay of mental development.

Keywords: Comprehensive school; remedial class; open classroom; national word; metaphor; perception of dialect lexicon.

Kostiuchuk L.Ya.

*Pskov State University
anh57@yandex.ru*

FIXING OF UNIQUE WORKS OF PSKOV FOLKLORE BY ALEKSANDR BELINSKIY (TO THE 40 ANNIVERSARY OF DEATH OF THE SCIENTIST-LOCAL HISTORIAN)

As well as the remarkable Kostroma scientist-local historian Aleksandr Gromov, the native of Pskov land Aleksandr Belinskiy (1886–1977) loved OPOCHKA land, the people from children to adults living on this earth, the work of the teacher-tutor, national language; therefore the art and scientific works left to them, records of OPOCHKA patois are invaluable both on ability to keep certificates of the live speech of peasants of the first third of the 20th century, on talent of communication with carriers of this speech which have entrusted him rare stories about spells and texts of the very spells. In the article We will

present this material which is usually difficult to extract, which is important for scientific researches and for lexicographic work first of all on “Pskov regional dictionary with historical data”.

Keywords: Pskov patois; synchronism and diachrony; spells; pagan and Christian traditions.

Mavrin Zh.R.

Haifa Muzeums of Art (Israel)

TO SHUNGA FOR DIALECTS

The article covers the expedition trip of students of philology department of Kostroma state teachers' training university to Shunga soviet of the settlement of Kostroma region (1987) to describe the dialects of this unique territory. The results of the study of the dialects of this territory are compared with the observations of them made by N.N. Vinogradov at the beginning of the century.

Keywords: peasants from the other side of the river; Shunga dialects; N.N. Vinogradov; linguistic local history activity.

Monakhova A.S.¹, Mikhailova L.P.²

¹OOO “EFdesign” (Moscow); ²Petrozavodsk State University
posnm87@bk.ru

DIALECTAL TEXTS AS THE BASIS OF A COMPREHENSIVE SURVEY OF MUNICIPALITIES

Recordings of dialect speech, made by A.S. Monakhova in expeditions in the Vodla River, Pudozh district of Karelia from 1962 till 2012 biennium are the material of the research. There are fragments of conversations with locals on different topics. The peculiarities of the material and spiritual culture, Pudozh edge, reflect in the stories. Dialectal text appears as a source of study not only features of local speech, but the whole complex of phenomena, related to ethno-cultural life and history of the rural population of South-Eastern Karelia.

Keywords: dialect speech; ethnography; folklore; comprehensive expedition; study of local lore.

Romanets P.V.

*Kostroma
romance@list.ru.*

WHERE WILL ASTRAKON LEAD? (ON MATERIALS OF AUTHOR'S CARD FILE OF HIPONYMS)

The article deals with the history and etymology of the word *astrakon* with the meaning ‘horse’, which was first mentioned in archpriest M.Ya. Diev's

works, referring to Nerekhta dialects. To semantize this word numerous historical sources dictionaries, encyclopedias, card files et al. are used.

Keywords: astrakon; astrakhan; tarkhan; Diev; Lermontov; Shan-Girey; Khastatov.

Sakara V.V.

Kologriv, Kostroma region

ABOUT THE OLD LIFE AT THE UNZHA-RIVER

V.V. Sakara's materials contain records of dialect speech of inhabitants born in 1924, 1926 and 1929 of the Unzha region villages of Glebovo, Khapovo, Burdovo, Spirino, their memoirs about their occupations in the field, leisure pastime, work on the loom in their youth time.

Keywords: besedki; spinner; Burdovo; accordion; balalaika; loom; kashulya.

Smyordov A.V.

Political newspaper «Vokhomsкая Pravda»

SUTYRINKI

The article gives a description of the area of Vokhma dialects, the part of Russian North dialects, which are the subject of representation in stories and dictionaries by A.V. Smyordov, an agronomist, a writer, a journalist. The materials of the dictionaries and the most expressive and rich in dialect lexis specimens of his works are given.

Keywords: Vokhma land; Khoroshaya volost; Khoroshaya; the left bank of the Vetluga; old dialects; derevenskost; folk language.

Sotnikov N.V.

Union of local historians of Russia

ABOUT THE DIALECT OF FISHERMEN OF THE FISH SETTLEMENT IN GALICH MERSKY

In the article N.V. Sotnikov recollects how in his childhood he comprehended the elements of fishing terminology of inhabitants of Rybnaya settlement of the town of Galich, situated on the bank of Lake Galichskoye. Fragments of his dictionary of professional and everyday lexis of the fishers of Rybnaya settlement are attached to the article.

Keywords: Galich; Lake Galichskoye; Galichskoye mortse; Rybnaya settlement; fishing net; seine.

Teplovodskaya A.A.

*Jeweler company «SOKOLOV»
egorova-alex@mail.ru*

EVERY PROFESSION HAS SOME SLANGS OF ITS OWN...

Records in the form of some texts of the speech of young generation of jewelers from Krasnoye-on-the-Volga settlement of Kostroma region are given here. Their abundance in professional terms and special expressions makes it possible to consider them as the slang models of the young generation of specialists in this craft.

Keywords: Krasnoye-on-the Volga; jewellers from Krasnoye settlement; buratino; gravernut; zern; montirovshchiki.

Tugarina N.S.

*State Memorial and Natural Museum Reserve A.N. Ostrovsky «Shchelykovo»
n.tugarina@mail.ru*

PETRETSOVO STORIES

N.S. Tugarina's stories-memoirs about the work in the field, everyday communication of old and young inhabitants of the village of Petretsovo of Vokhma district of Kostroma region, her fellow-villagers, contain exact information about the ethnodialect peculiarities of the land.

Keywords: the village of Petretsovo; the Vokhma river; hayfield; stozhar; naberukha; burnuchok.

Khlyabinov A.A.

*Usolsky comprehensive school of the Manturovo region
of the Kostroma region
mou_usol_sch@mail.ru*

FOLK MANTUROVO WORD

A.A. Khlyabinov's materials contain the information about toponyms, names of small rivers, lakes, hayfields, mushroom and berry places etc., dialect and argotic lexis and phraseology in the speech of inhabitants of Manturovo district of Kostroma region, mostly the inhabitants of Usolie village situated on the left bank of the Unzha.

Keywords: inhabitants of Usolie; Manturovo lands; the left bank of the Unzha; zhgonit; the language of pimokats.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Андреева Елена Павловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, журналистики и истории коммуникации Вологодского государственного университета, er-andreeva@bk.ru.

Баженова Татьяна Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания Самарского государственного социально-педагогического университета, tatiabachenova@yandex.ru.

Бакланова Ирина Ивановна – кандидат филологических наук, доцент Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета, ii-baklanova@mail.ru.

Батырева Лариса Петровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики обучения Шуйского филиала Ивановского государственного университета, batlarisa@mail.ru.

Бахвалова Татьяна Васильевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева, btv-orel@yandex.ru.

Бекасова Елена Николаевна – доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания и методики преподавания русского языка Оренбургского государственного педагогического университета, bekasova@mail.ru.

Боброва Мария Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета, bomatirpgu@yandex.ru.

Богобоязов Сергей Николаевич – преподаватель высшей категории БПОУ ВО «Вологодский педагогический колледж», s.bogobojasov@mail.ru.

Болотова Людмила Владимировна – краевед, Шарьинский район Костромской области.

Бондалетов Василий Данилович – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Педагогического института имени В.Г. Белинского Пензенского государственного университета, vasdanbon@mail.ru.

Бондаренко Елена Дмитриевна – кандидат филологических наук, Уральский федеральный университет, elena.kazakova@gmail.ru.

Бубнова Нина Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Военной академии войсковой противовоздушной обороны Вооружённых сил России имени маршала Советского Союза А.М. Василевского, 85ninocka67@mail.ru.

Бунчук Татьяна Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и общей филологии института гуманитарных наук Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорочкина, tnbunchuk@mail.ru.

Бурыкин Алексей Алексеевич – доктор филологических наук и доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН, albury@rambler.ru.

Варникова Евгения Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, журналистики и истории коммуникации Вологодского государственного университета, varnikova@yandex.ru.

Васильева Ольга Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Санкт-Петербургского государственного университета, bagcarola@list.ru.

Веселова Елена Геннадьевна – аспирант Костромского государственного университета, veselovae@mail.ru.

Виноградова Полина Павловна – кандидат филологических наук, редактор издательско-полиграфического отдела Костромского государственного университета, vpp.home@gmail.com.

Галушко Елена Фёдоровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Ульяновского государственного педагогического университета имени И.Н. Ульянова, ms.galushko@rambler.ru.

Ганичева Светлана Алексеевна – научный сотрудник Вологодского педагогического университета, sganicheva@mail.ru.

Ганжина Ирина Михайловна – кандидат филологических наук, доцент Тверского государственного университета, emmaus96@yandex.ru.

Ганцовская Нина Семёновна – доктор филологических наук, профессор Костромского государственного университета, gantsovsky_n@mail.ru.

Гебекова Аджибекке Набиевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры дошкольного и начального образования Дагестанского государственного педагогического университета, tberikey@mail.ru.

Горлова Татьяна Владимировна – начальник отдела сопровождения публикационной деятельности Костромского государственного университета, tat4060@yandex.ru.

Громова Любовь Александровна – краевед, сотрудник редакции ИД «Первое сентября» (Москва), lubovgromova@yandex.ru.

Грязнова Виолетта Михайловна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета, violetta-sgu@mail.ru.

Гусева Елена Рафхатовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Петрозаводского государственного университета, rafhatovna@mail.ru.

Датская Майя Викторовна – студентка Волгоградского государственного университета, mai4onok_datskaya@mail.ru.

Дворецкая Екатерина Ивановна – краевед, сотрудник Костромского государственного университета.

Дмитрук Людмила Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры педагогики и акмеологии личности Костромского государственного университета, lyudmila-dmitruk@mail.ru.

Дорофеенко Марина Леонидовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, mari008@mail.ru.

Ершова Наталия Игоревна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Мордовского государственного университета, tascha80@mail.ru.

Жданова Екатерина Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Ижевского государственного технического университета имени М.Т. Калашникова, zhdanovaea@gmail.com.

Жмурко Ольга Ивановна – кандидат филологических наук, доцент Ивановского государственного университета, oizhmurko@mail.ru.

Завьялова Наталия Николаевна – заведующая Мемориальным отделом имени Е.В. Честнякова в деревне Шаблово Костромского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника, краевед, zawi-alowa.darja@yandex.ru.

Зорина Людмила Юрьевна – кандидат филологических наук, профессор кафедры русского языка, журналистики и истории коммуникации Вологодского государственного университета, lyudmila.zorina@gmail.com.

Иванова Елена Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, журналистики и истории коммуникации Вологодского государственного университета, el-ivan@mail.ru.

Иванова Лидия Анатольевна – заслуженный работник культуры РФ, преподаватель ОГБПОУ «Костромской областной колледж культуры», yuriiy-ivanov-1940@mail.ru.

Илгунова Елена Арвидовна – кандидат филологических наук, учитель русского языка и литературы МОУ «Средняя общеобразовательная школа № 20 г. Петрозаводска», elarvi@mail.ru.

Ильина Елена Николаевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, журналистики и истории коммуникации Вологодского государственного университета, filfak@list.ru.

Картавенко Вера Сергеевна – доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания Смоленского государственного университета, vera.kartavenko@yandex.ru.

Климкова Людмила Алексеевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Арзамасского филиала Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского, dialect_arz@mail.ru.

Комлева Наталия Валентиновна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, журналистики и истории коммуникации Вологодского государственного университета, k.nati@mail.ru.

Кондратенко Михаил Михайлович – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка Ярославского государственного университета имени К.Д. Ушинского, mmkondratenko@gmail.ru.

Костючук Лариса Яковлевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Псковского государственного университета, anh57@yandex.ru.

Красовская Нелли Петровна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы Тульского государственного педагогического университета имени Л.Н. Толстого, nelli.krasovskaya@yandex.ru.

Курбангалеева Гузель Мансуровна – кандидат филологических наук, доцент Башкирского государственного педагогического университета имени М. Акмуллы, dialina2002@mail.ru.

Курс Ксения Юрьевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка Военной академии войсковой противовоздушной обороны Вооружённых сил России имени маршала Советского Союза А.М. Василевского, kskurs@yandex.ru.

Кюршунова Ирина Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Петрозаводского государственного университета, kiam@onego.ru.

Леванцевич Лена Васильевна – кандидат филологических наук, доцент Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина, levalena@mail.ru.

Лисова Инна Александровна – аспирант кафедры общего и русского языкознания Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, reallisova@mail.ru.

Литвинникова Ольга Ивановна – доктор филологических наук, профессор Каменец-Подольского национального университета имени Ивана Огиенко, litvoli@mail.ru.

Любимова Наталия Викторовна – кандидат педагогических наук, профессор кафедры лексикологии и стилистики Московского государственного лингвистического университета, natalju@yandex.ru.

Маврина Жанна Рафаиловна – Haifa-Muzeum, Израиль.

Мальшева Ирина Юрьевна – кандидат филологических наук, декан факультета образовательных технологий Института развития образования Санкт-Петербурга, IrinaOlga3@yandex.ru.

Марудова Анна Сергеевна – аспирант Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, marudova.anna@mail.ru.

Маслова Галина Васильевна – участница народного коллектива самодельного художественного творчества хора русской песни «Питарицы» БУ «Центр национальных культур и народного творчества Республики Карелия», краевед, gomankova_tatiana@mail.ru.

Михайлова Любовь Петровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Петрозаводского государственного университета, posnm87@bk.ru.

Монахова Анна Семёновна – архитектор, ООО «Эфдизайн» (Москва), posnm87@bk.ru.

Мухина Елена Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Петрозаводского государственного университета, kareliaptz@mail.ru.

Мызников Сергей Алексеевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий Словарным отделом Института лингвистических исследований РАН, myznikovs@rambler.ru.

Мызникова Янина Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Санкт-Петербургского государственного университета, janinam@mail.ru.

Неганова Галина Дмитриевна – кандидат культурологии, Костромской государственной университет, cultland@yandex.ru.

Недельчо Елена Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры отечественной филологии и журналистики Костромского государственного университета, elenanelcho@mail.ru.

Нефёдова Елена Алексеевна – доктор филологических наук, доцент Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, eanefedova@gmail.com.

Новикова Людмила Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Тверского государственного университета, novikova_54.autoreply@mail.ru.

Новосёлова Виктория Андреевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Петрозаводского государственного университета, novosita@mail.ru.

Образцова Ольга Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Военно-медицинской академии имени С.М. Кирова, odrazcova.olga@mail.ru.

Павлова Алла Эдуардовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры отечественной филологии и журналистики Костромского государственного университета, alla0826@yandex.ru.

Панина Жанна Александровна – кандидат филологических наук, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, zhanna.panina@gmail.com.

Панцырева Дарья Владимировна – студент-бакалавр Вологодского государственного университета, morkovka182@gmail.com.

Пожарицкая Софья Константиновна – доктор филологических наук, профессор Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, sofkonst@yandex.ru.

Попова Анна Ростиславовна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Орловского государственного университета, studioAA2001@yandex.ru.

Приображенский Андрей Владимирович – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Петрозаводского государственного университета, primlp47@list.ru.

Рак Мачей – преподаватель Ягеллонского университета, г. Краков, maciej.rak@uj.edu.pl.

Романенко Виктория Андреевна – кандидат филологических наук, доцент, Приднестровский государственный университет имени Т.Г. Шевченко, vita28-28@mail.ru.

Романец Павел Викторович – краевед, член союза российских писателей, romance@list.ru.

Сакара Вера Васильевна – краевед, п. Варзенга Кологривского района Костромской области.

Смёрдов Анатолий Васильевич – сотрудник газеты «Вохомская правда», писатель, краевед, п. Вохома Костромской области.

Сметанина Зоя Викторовна – кандидат филологических наук, доцент Вятского государственного университета, zoasmetanina@gmail.ru.

Сотников Николай Васильевич – кандидат технических наук, член Союза краеведов России, г. Галич Костромской области.

Стародубцева Наталья Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Волгоградского государственного университета, natst1981@list.ru.

Тепловодская Александра Анатольевна – сотрудник ювелирной компании «SOKOLOV», egorova-alex@mail.ru.

Тугарина Нина Семёновна – заместитель директора по научной части Костромского государственного музея-заповедника «Щельково», краевед, n.tugarina@mail.ru.

Фадеева Галина Михайловна – кандидат филологических наук, профессор кафедры лексикологии и стилистики Московского государственного лингвистического университета, galina_fadeeva@rambler.ru.

Фокина Мадина Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры отечественной филологии и журналистики Костромского государственного университета, jan22284@kmtn.ru

Ханмагомедов Ханмагомед Лязимович – доктор географических наук, профессор кафедры физической географии и геоэкологии Дагестанского государственного педагогического университета, tberikay@mail.ru.

Хлябинов Александр Анатольевич – учитель Усольской средней общеобразовательной школы Мантуровского района Костромской области, краевед, mou_usol_sch@mail.ru.

Ховрина Татьяна Константиновна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Ярославского государственного педагогического университета имени К.Д. Ушинского, tatyana.hovrina@mail.ru.

Цветкова Елена Вячеславовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры отечественной филологии и журналистики Костромского государственного университета, elv15@list.ru.

Черняков Олег Владимирович – главный специалист управления информационно-издательской деятельности Петрозаводского государственного университета, oleg_h_vc@onego.ru.

Шаповал Виктор Васильевич – кандидат филологических наук, доцент Московского городского педагогического университета, liloro1@yandex.ru.

Щербакова Марина Евгеньевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель Тверского государственного университета, marina_sch76@mail.ru.

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора 5

Общие вопросы диалектологии

<i>Андреева Е.П.</i> Образная основа составных наименований в режском говоре	11
<i>Баженова Т.Е.</i> К вопросу о региональной специфике лексики самарских говоров.....	26
<i>Бакланова И.И.</i> Отрицательные предложения с компонентами <i>нет</i> , не было в русской речи жителей Коми-Пермяцкого округа Пермского края	31
<i>Батырева Л.П.</i> Диалектная лексика в историко-биографическом очерке А.Н. Сидорова «Повесть о русском солдате»: лексико-семантическая группа «Дом»	37
<i>Бахвалова Т.В.</i> Лексика ткачества орловских говоров: названия артефактов с нумеральной корневой морфемой.....	43
<i>Бекасова Е.Н.</i> Об особенностях изменения лексики в оренбургских русских говорах.....	50
<i>Бондалетов В.Д.</i> Арго – уникальный источник изучения народного языка.....	56
<i>Бондаренко Е.Д.</i> К вопросу о стратегиях дефинирования в любительских словарях диалектоносителей.....	63
<i>Бунчук Т.Н.</i> Глаголы со значением ‘принятие пищи’ в севернорусских говорах	73
<i>Бурькин А.А.</i> Кострома: аксиологические контрасты в топики провинциального города (образы города Костромы и жителей костромского края в литературе XIX – начала XX века).....	77
<i>Васильева О.В.</i> О знаке употребления в Псковском областном словаре с историческими данными.....	91
<i>Виноградова П.П.</i> Лексика с корнем <i>пек-/печ-</i> в костромских говорах: наименования печёных изделий из муки.....	101
<i>Галушко Е.Ф.</i> Наименования изделий из теста в русских говорах Ульяновской области.....	106
<i>Ганичева С.А.</i> К проблеме трансформации диалектной языковой личности.....	112
<i>Горлова Т.В.</i> Славянские городские топонимы как отражение истории заселения юго-запада Костромской области (на примере гидронима Солоница).....	117
<i>Грязнова В.М.</i> Абстрактные существительные в говоре казаков-некрасовцев Ставропольского края.....	122

<i>Дмитрук Л.А.</i> Наименование лиц по их отношению к прядению в костромских говорах (на материале словаря А.В. Громова «Лексика льноводства, прядения и ткачества в костромских говорах по реке Унже»)	127
<i>Ершова Н.И.</i> Диалектные глаголы движения в русских говорах Мордовии	132
<i>Жданова Е.А.</i> Изучение русских говоров Удмуртии: история, современное состояние, перспективы.....	138
<i>Ильина Е.Н.</i> Лексика народной медицины в режском говоре.....	143
<i>Климкова Л.А.</i> Диалектные тексты как документ эпохи	147
<i>Кондратенко М.М.</i> Диалект и этническая идентичность	156
<i>Красовская Н.А.</i> Диалектная лексика в произведениях тульского писателя А. Костюхина.....	164
<i>Курбангалеева Г.М.</i> В поисках Слова.....	169
<i>Леванцевич Л.В.</i> Говоры Березовщины и общая лингвогеография.....	174
<i>Литвинникова О.И.</i> Сравнения-уподобления в русской народной речи..	180
<i>Любимова Н.В.</i> Медиальная диглоссия как социокультурный феномен (на примере немецкоязычной Швейцарии).....	189
<i>Мальшева И.Ю.</i> Взаимодействие единиц микрополей лексико-семантического поля «природа» с единицами смежных полей «время», «пространство» (на материале произведений Н.А. Некрасова).....	196
<i>Михайлова Л.П.</i> Исторически обусловленные фонетические противопоставления (на примере диалектно-профессиональной лексики).....	202
<i>Мухина Е.А.</i> Семантическое своеобразие диалектного слова в причитаниях И.А. Федосовой	209
<i>Мызников С.А.</i> О происхождении некоторых рыболовецких терминов	213
<i>Мызникова Я.В.</i> Синтаксические особенности русских говоров Ульяновской области.....	220
<i>Неганова Г.Д.</i> Словарь «Ландшафтная лексика в современных говорах Костромской области»	225
<i>Недельчо Е.В.</i> Языковые особенности лирических новелл В. Бочарникова	231
<i>Нефёдова Е.А.</i> Дефиниция диалектного словаря в аспекте отражения народных знаний о мире	235
<i>Новикова Л.Н.</i> Словообразовательные категории качественных прилагательных в тверских говорах.....	240
<i>Новосёлова В.А.</i> Окказионализмы в региональной прессе: семантика и словообразовательная структура.....	248

<i>Павлова А.Э.</i> Возможности применения лингвокультурного анализа слова и текста на уроках русского языка в рамках регионального компонента преподавания	253
<i>Панцырева Д.В.</i> Звукоизобразительный потенциал диалектных глаголов с корнем <i>-жѣг-/-жг-</i>	258
<i>Пожарицкая С.К.</i> Редупликация и смежные явления в русской литературной и диалектной речи.....	264
<i>Попова А.Р.</i> Диалектные лексические единицы в пейзажных описаниях современной орловской писательницы Т.И. Грибановой.....	272
<i>Приображенский А.В.</i> Наименования птиц в русских говорах Карелии	279
<i>Рак Мачей.</i> Автостереотип гураля по результатам лингвистического эксперимента	283
<i>Романенко В.А.</i> Функциональные связи социальных и эмоциональных концептов в идиолекте В.Р. Цоя.....	288
<i>Сметанина З.В.</i> О «Материалах для областного словаря вятского говора» В.Г. Пленкова	296
<i>Стародубцева Н.А., Датская М.В.</i> Средства выражения интенсивности в воспоминаниях жителей Волгоградской области о войне	302
<i>Тепловодская А.А.</i> Номинации объектов ювелирного промысла в народно-разговорной речи красносѣлов: лексикографический аспект	308
<i>Фадеева Г.М.</i> Литературный язык и диалекты с позиций эколингвистики (на материале современного немецкого языка).....	312
<i>Фокина М.А.</i> Языковые средства создания литературного портрета А.Н. Островского в мемуарной прозе С.В. Максимова.....	318
<i>Ховрина Т.К.</i> Словообразовательное варьирование в лексике ярославских говоров	324
<i>Шаповал В.В.</i> Редактирование толкований в череповецких материалах М.К. Герасимова	329
<i>Щербакова М.Е.</i> Семантические варианты существительного <i>дубрава/дуброва</i> в русских народных говорах (ареальный аспект)	334

Ономастика

<i>Боброва М.В.</i> Орнитологическая лексика в ономастике Пермского края.....	341
<i>Бубнова Н.В.</i> Отражение культурного пространства в региональном ассоциативном словаре имён собственных	348
<i>Варникова Е.Н.</i> Река Режа: версии происхождения гидронима.....	354

<i>Ганжина И.М.</i> Местная топонимия как отражение истории языка и его носителей (на материале ойконимов и микропонимов Лесного района Тверской области)	359
<i>Дорофеенко М.Л.</i> Виконимы Беларуси, отражающие квалитативные характеристики объекта: номинативный и лингвогеографический аспекты	370
<i>Жмурко О.И.</i> Гидронимы неславянского происхождения на карте Ивановской области	373
<i>Иванова Е.Н.</i> Микропонимы Режи как источник историко-культурной информации о регионе.....	380
<i>Картавенко В.С.</i> Городские топонимы как отражение мировоззрения народа	386
<i>Комлева Н.В.</i> От личного имени к прозвищу (неофициальная антропонимия Режи).....	392
<i>Курс К.Ю.</i> Идиостиль поэзии М.В. Исаковского (уровень личных имён собственных).....	396
<i>Кюришунова И.А., Черняков О.В.</i> База данных по исторической антропонимии как ономастический тезаурус.....	401
<i>Лисова И.А.</i> Бионимное пространство произведений Р.М. Амусиной в контексте номинативных традиций Витебщины	408
<i>Марудова А.С.</i> Трансонимизация как один из способов образования кличек домашних животных Белорусского Поозерья	414
<i>Образцова О.А.</i> Личные имена крестьян поунженских деревень (на материале рукописных книг Е.В. Честнякова).....	418
<i>Панина Ж.А.</i> Наименования и семантика Петрова дня в говорах Архангельского региона	423
<i>Ханмагомедов Х.Л., Гебекова А.Н.</i> Проблема изучения топонимии Ингушетии и её русского горизонта как области геономастики Северо-Восточного Кавказа	428
<i>Цветкова Е.В.</i> Топонимикон сборника частушек «Переплетение» А. В. Громова	433

**Материалы и исследования краеведов и о краеведах.
Народные рассказы, экспедиционные дневники**

<i>Богобоязов С.Н.</i> Значение текстовых образцов диалектной речи во всестороннем изучении диалекта	441
<i>Болотова Л.В.</i> Родное слово в памяти народа	447
<i>Бурыкин А.А.</i> Кострома – весёлая сторона (к истории пословицы)	458
<i>Ганцовская Н.С., Веселова Е.Г.</i> Е. В. Честняков как лингвист: роль диалектов в судьбах русского языка	465
<i>Громова Л.А.</i> По следам... (Слово дочери)	477

<i>Гусева Е.Р.</i> Аспекты изучения литературно-диалектной диглоссии (рассказы Г.В. Масловой в учебно-методическом пособии «Деревенская наука»)	484
<i>Маслова Г.В.</i> Деревенская наука	490
<i>Дворецкая Е.И.</i> Семантика и ареалы: вохомские говоры	493
<i>Завьялова Н.Н.</i> Страницы истории	498
<i>Зорина Л.Ю.</i> Впечатления, наблюдения (Дневник одной экспедиции)	507
<i>Иванова Л.А.</i> Народные песни – наша любовь и наша профессия: «Вохомские узоры»	522
<i>Илгунова Е.А.</i> Кружок «Образное народное слово» в общеобразовательной школе	527
<i>Костючук Л.Я.</i> Фиксация уникальных произведений псковского народного творчества А.И. Белинским (к 40-летию ухода из жизни учёного-краеведа)	532
<i>Маврина Ж.Р.</i> В Шунгу за говорами	541
<i>Монахова А.С., Михайлова Л.П.</i> Диалектные тексты как основа комплексного обследования населённых пунктов	546
<i>Романец П.В.</i> Куда приведёт астракон? (По материалам авторской картотеки иппонимов)	551
<i>Сакура В.В.</i> Про старую жизнь на Унже-реке	556
<i>Смёрдов А.В.</i> Сутыринки	560
<i>Сотников Н.В.</i> О говоре рыбаков Рыбной слободы в Галиче Мерьском	567
<i>Тепловодская А.А.</i> У каждой профессии есть свои какие-то там слэнги...	573
<i>Тугарина Н.С.</i> Петрецовские рассказы	579
<i>Хлябинов А.А.</i> Народное мантуровское слово	584
Summary	590
Сведения об авторах	624

УДК 81'37
ББК 81.001.2я434
Г 874

Редакционная коллегия:

Н.С. Ганцовская (отв. ред. и сост.), С.А. Мызников (науч. ред.),
Н.М. Рассадин (отв. ред.), Г.Д. Неганова (ред.), Т.В. Горлова (ред.),
П.П. Виноградова, И.П. Верба (ред.), Е.В. Цветкова

Рецензенты:

Е.Л. Березович, доктор филологических наук, профессор РАН,
профессор Уральского федерального университета;
О.Е. Кармакова, кандидат филологических наук,
заведующая отделом диалектологии и лингвистической географии
Института русского языка имени В.В. Виноградова РАН;
Т.А. Мирошникова, заслуженный учитель РФ

Громовские чтения. Вып. 3. Живое народное слово и костромской
Г 874 край : сб. материалов и исслед. междунар. науч. конф. Кострома,
7–9 нояб. 2016 г. – Кострома : КГУ, 2016. – 636 с.

ISBN 978-5-8285-0806-8

В материалах сборника рассматриваются проблемы диалектной фонетики, грамматики, лексикографии и лексикологии, диалектной ономастики, анализируются тексты русской словесности в свете проблем лингвокраеведения.

Для специалистов в области славянской филологии, истории, географии, краеведения.

УДК 81'37
ББК 81.001.2я434

Научное издание

ГРОМОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Выпуск 3

Живое народное слово и костромской край

Сборник материалов и исследований
международной научной конференции
Кострома, 7–9 ноября 2016 года

Вёрстка И.М. Ивановой
Дизайн Н.М. Каравановой

Подписано в печать 17.11.2016 г. Формат 60х90/16. Уч.-изд. л. 35,7. Усл. печ. л. 39,5. Тираж 250 экз. Изд. № 135.
ФГБОУВО «Костромской государственный университет». 156005, Кострома, ул. Держинского, 17

ISBN 978-5-8285-0806-8

© Н.С. Ганцовская, составление, 2016
© КГУ, 2016